

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ II.

ГОДЪ XXXVII — ТОМЪ CCXIV. — 1/13 МАРТА 1873.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

Fortieth volume of the whole series

СОРОКОВОЙ ТОМЪ

Eigth year

ВОСЬМОЙ ГОДЪ

book 3

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 ЛИН. 7.

(10)

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛОСА

Посв. С. А. Юрьеву.

Клонится къ западу солнце прекрасное,
Прячетъ лучи за свинцовою тучею—
Словно грозу обѣщаетъ гремучую,
Или на утро погоду ненастную.
—Солнце румяное, солнышко лживое!
Дай старику сжать послѣднюю пóлосу!—
Грудью склонившись надъ тощею жнивою,
Съ пѣсней идетъ онъ отъ колоса къ колосу:
Жнивка, жнивка,
Отдай мою силку!...

* * *

Вспомнилъ онъ время, вдругъ, старое, грозное:
Малымъ парнишкою, съ дѣдомъ и съ мамою,
Съ пѣснею дѣтскою, съ пѣсенкой слёзною,
Жалъ онъ полóсыньку эту же самую.
Хлопая громко ременной нагайкою,
Пó полю несся бурмистеръ безжалостный;
Грозно прикрикнулъ онъ дѣдушкѣ съ мамкою,
Мимо промчавшись,—довольный и радостный!..
Жнивка-травка,
Отдай дѣда съ мамкой!..

Съ любой женой, молодою, болѣзною,
Дружно жалъ пóлосу онъ золотистую;
Падала рожь подъ серпами желѣзными,
Быстро снопы выростали волнистые.
Трудно имъ было сжать эту полóсыньку!—
Солнце палило лучомъ сожигающимъ...
Выбилась женина русая кóсынька,
Градомъ катился съ нихъ потъ изнуряющій...
Жнивка, жнивка,
Отдай мою жинку!..

* * *

Всѣхъ-то онъ, всѣхъ схоронилъ безо-времени,
Вырылъ своими руками могилушки!..
Сталъ бобылемъ онъ безъ роду, безъ племени,—
Нѣтъ ему радостей, прежней нѣтъ силушки.
—Солнце прекрасное, солнышко лживое,
Дай старику сжать послѣднюю пóлосу!—
Горькую пѣснь допѣвая надъ жнивою,
Тихо идетъ онъ отъ колоса къ колосу:
Жнивка, жнивка,
Отдай нашу силку!..

Ив. Якунинъ.

ПРЕДАНІЯ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ

РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ

XIII *).

Преданіе о Владимірѣ до крещенія.

Въ извѣстіяхъ, касающихся этого времени, надобно отличать преданія народныя отъ книжныхъ, естественно образовавшихся вслѣдствіе принятія христіанской вѣры и вмѣстѣ съ нею появленія житій и легендъ, по образцу византійскихъ. Всѣ извѣстія, относящіяся не только къ событію принятія христіанства, но и къ чертамъ жизни Владиміра, очевидно, состоявшимъ въ тѣсной связи съ этимъ принятіемъ, мы считаемъ вполнѣ основательнымъ причислить къ книжнымъ преданіямъ какъ по ихъ тону и составу, такъ и потому, что самъ лѣтописецъ проговаривается о скудости, невѣрности и разнорѣчіи преданій народныхъ. Такимъ образомъ, изложивъ всю исторію крещенія, книжникъ замѣчаетъ: «Другіе, не вѣдая правды, говорятъ, будто онъ крестился въ Кіевѣ, другіе въ Василевѣ, а иные говорятъ еще иначе». Представляя событіе въ томъ видѣ, въ какомъ считаютъ его на самомъ дѣлѣ происходившимъ, намъ прямо даютъ знать, что въ народѣ ходили совсѣмъ иныя преданія, которыя къ сожалѣнію не излагаютъ въ подробности.

---

*) См. выше: янв. 5; февр. 570 стр.

Къ народнымъ преданіямъ этого времени принадлежатъ короткія воспоминанія о походахъ Владимира. Такимъ образомъ сообщаютъ, что (по лѣтописной хронологіи въ 980-мъ г.) Владиміръ завоевалъ у ляховъ города: Перемышль, Червенъ и другіе— то-есть страну извѣстную впослѣдствіи подъ именемъ Червоной Руси. Въ тотъ же годъ Владимиръ побѣждаетъ вятичей, налагаетъ на нихъ дань, а въ слѣдующемъ году, такъ какъ они отпали и не хотѣли повиноваться, то принудилъ ихъ къ покорности оружіемъ, въ другой разъ. Въ 983-мъ г. онъ ходилъ на ятвяговъ и побѣдилъ ихъ, но вслѣдъ затѣмъ у лѣтописца помѣщенъ разсказъ о мученикахъ-варягахъ, отцѣ и сынѣ, пострадавшихъ вслѣдствіе того, что на сына палъ жребій принести его въ жертву богамъ—уже чисто христіанская, книжная легенда. Подъ 984-мъ и 985-мъ годами помѣщаются преданія о походѣ на радимичей и о походѣ на болгаръ волжскихъ: оба замѣчательны тѣмъ, что носятъ на себѣ черты народной поэзіи. Относительно разсказа объ усмиреніи радимичей мы имѣемъ странное совпаденіе. Въ лѣтописномъ повѣствованіи говорится, что Владимировъ воевода Волчій-Хвостъ побѣдилъ радимичей на рѣкѣ Пищанѣ и оттого произошла пословица: «пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ». Мы слышали одну малорусскую весеннюю пѣсню такого рода:

Пищано, Пищанино,
По березі ходило;...
Ишовъ вовкъ мила дівокъ,
Усімъ дівкамъ шапку знявъ,
А парубкамъ хвістъ піднявъ.

Что такое «Пищано, Пищанино» — непонятно, да поющіе эту пѣсню могли только сказать, что такъ поется и болѣе ничего. Между тѣмъ до крайности поразительно совпаденіе неизвѣстныхъ словъ «Пищано, Пищанино», съ рѣкою Пищаною въ лѣтописи, и волка поднимающаго хвостъ, въ той же пѣсни съ Волчьимъ-Хвостомъ, побѣждающимъ пищанцевъ и оставляющимъ по себѣ поговорку: «пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ». Предполагать, что въ народной пѣсни осталось воспоминаніе о томъ событіи, какое разсказываетъ лѣтопись, было бы совершенно неумѣстно, потому что остаться такому черезъ-чуръ отдаленному и притомъ черезъчуръ мѣстному событію въ памяти народа, притомъ въ краяхъ, удаленныхъ отъ сцены самаго событія — рѣшительная невозможность. Но намъ кажется, что связь между приведенною нами пѣснею и лѣтописнымъ сказаніемъ дѣйствительно существуетъ, только никакъ не путемъ какого-нибудь воспоминанія о событіи. Должно быть въ древнихъ миѳологическихъ преданіяхъ и сказаніяхъ болѣе

или менѣе общихъ, болѣе или менѣе въ свое время повсемѣстныхъ, было что-то такое, выражавшееся именемъ похожимъ на слова: Пищано, Пищанино, Пищана, Пищанцы, и состояло въ какой-то связи съ представленіемъ о волкѣ и волчьемъ хвостѣ, а народное преданіе въ оное время примѣнило его къ событію о радимичахъ, какъ вообще часто бываетъ, что какой-нибудь общій миѳъ, видоизмѣняясь, примѣняется къ опредѣленному событію и данной мѣстности, но это не мѣшаетъ ему распространяться и развиваться и наконецъ разлагаться независимо отъ такой локализаціи. Только такимъ путемъ объяснимо странное совпаденіе малорусской обрядной пѣсни (записанной въ Старобѣльскомъ уѣздѣ) и разсказа стараго кіевскаго лѣтописца о событіяхъ, случившихся въ X-мъ вѣкѣ въ странѣ близко береговъ Сожи.

Въ извѣстіи о походѣ на болгаровъ также ощутителенъ элементъ народной поэзіи. Способъ выраженія присяги, влагаемой болгарамъ: «толи не будеть межю нами мира, оли камень почнетъ плавати а хмель тонути», есть не что иное, какъ эпическое пѣсенное выраженіе идеи невозможности, повторяемое и теперь въ малорусскихъ пѣсняхъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Казакъ, прощаясь съ семьею, говоритъ сестрѣ (въ иномъ варіантѣ, матери), что когда мельничный камень будетъ плавать, а перо (въ однихъ варіантахъ «павяньє», то-есть павлиное, въ другихъ «легкое», въ третьихъ «хмельевое») или хмѣль («тонка хмелина») будетъ тонуть, тогда онъ пріѣдетъ въ гости къ своимъ роднымъ. Народный тонъ слышенъ также и въ томъ, что послѣ побѣды надъ болгарами Добрыня, осмотрѣвъ плѣнныхъ, говоритъ Владиміру: «съглядахъ колодникъ, а суть вси въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». Здѣсь слышна иронія надъ князьями и дружиною, которые не въ силахъ обложить данью народовъ зажиточныхъ и болѣе образованныхъ, а единственно способны обирать бѣдняковъ, что̀ и на самомъ дѣлѣ было. Очень знаменательно здѣсь выраженіе о дани: народное міросозерцаніе представляетъ себѣ взиманіе дани главнымъ и единственнымъ побужденіемъ походовъ своихъ князей и дружинъ. Собственно по отношенію къ исторической достовѣрности, это извѣстіе, подобно почти всѣмъ, сколько-нибудь съ подробностями описаннымъ (если ихъ источникомъ было народное преданіе), имѣетъ мало значенія, когда здѣсь Владиміръ идетъ на болгаръ съ своимъ дядею Добрынею на ладьяхъ, а берегомъ слѣдуютъ на тѣхъ же болгаръ конные торки; между тѣмъ, изъ этого же лѣтописца мы узнаемъ, что торки появляются только въ половинѣ XI-го вѣка.

XIV.

Принятіе христіанства Владиміромъ и крещеніе Руси.

Мы считаемъ большимъ недостаткомъ нашей исторіи, что такое важнѣйшее событіе какъ водвореніе христіанства при Владимірѣ, намъ извѣстно только по источникамъ мутнымъ и заключающимъ въ себѣ рядъ несообразностей, по источникамъ, составленнымъ книжными людьми. Конечно, въ общихъ чертахъ и въ нихъ есть справедливость, но мы все-таки были бы гораздо богаче, если бы вмѣсто того, что въ нихъ есть вымышленнаго книжниками, до насъ дошли тѣ народныя преданія объ этой эпохѣ, о которыхъ въ лѣтописи есть слабые намеки; все-таки они сообщили бы намъ, какимъ образомъ отпечатлѣлась эта великая эпоха въ народныхъ воспоминаніяхъ. Теперь, лишенные этого, мы остаемся постоянно въ возможности впадать въ капитальныя ошибки, признавая дѣйствительно совершившимся то, въ чемъ при строгомъ критическомъ взглядѣ мы никакъ не можемъ быть увѣренными.

Не только самая исторія принятія христіанства, но и описанія языческаго нрава Владиміра до крещенія есть очевидно книжное измышленіе. Повѣствователь съ цѣлію возвысить сильнѣе дѣйствіе измѣняющей человѣка благодати крещенія, умышленно наложилъ на этого князя черныхъ красокъ. Мы не можемъ сказать, въ такихъ ли мрачныхъ чертахъ происходило, напримѣръ, на самомъ дѣлѣ избіеніе полоцкихъ князей и убійство Ярополка, но не имѣемъ никакихъ доводовъ и отрицать справедливость этихъ преданій; что же касается до грекини, жены Ярополка, то считаемъ повѣствованіе о ней баснею, сочиненною впослѣдствіи, чтобъ очернить Святополка и наложить печать отверженія на его рожденіе. Владиміръ представляется чрезвычайнымъ женолюбцемъ, и быть можетъ мы бы не имѣли права не вѣрить этому, если бы его женолюбіе не изображалось красками черезъ-чуръ уже библейскими и чуждыми тогдашней русской жизни. У него кромѣ женъ «водимыхъ» (настоящихъ супругъ) было триста наложницъ въ Вышгородѣ, триста въ Бѣлгородѣ, и двѣсти въ Берестовѣ. Сразу видно, что это подражаніе извѣстіямъ книги царствъ о Соломонѣ, и самъ книжникъ проговаривается, проводя параллель между Владиміромъ и Соломономъ: у Владиміра двумя стами женъ было однако менѣе, чѣмъ у Соломона, по сказанію книжника. Но что, быть можетъ удобно было для Соломона, то совсѣмъ неудобно

было для Владимира, и что было въ нравахъ востока, то едва-ли было въ нравахъ и обычаяхъ славянскаго сѣвера. Для того, чтобъ содержать такіе гаремы, необходимы были крѣпкія, обширныя, приспособленныя къ этому зданія, которыхъ постройка совсѣмъ не была въ обычаѣ у нашего народа, стоявшаго слишкомъ близко къ природѣ, нужны были евнухи. Не варяги же стерегли этихъ женъ. Мы ни тѣни подобнаго не видимъ у насъ прежде, да и склонности къ этому не было вообще у европейскихъ племенъ; одинъ Владиміръ вдругъ составляетъ исключеніе и среди бродячаго, въ высшей степени подвижного общества, довольствовавшагося самою простою и незатѣйливою обстановкою, является какимъ-то вавилонскимъ или персидскимъ царемъ. Но вѣдь такія условія быта возникаютъ не вдругъ, а выработываются разомъ со многими другими явленіями, принадлежащими къ цѣлой сложной области той культуры, которая господствовала на востокѣ. Чтобъ у князя кіевскаго могли быть такіе гаремы, нужно было, чтобы цѣлый строй общественной жизни подвластной ему страны соотвѣтствовалъ этому. Только воображенію монаха, забывшаго жизнь и углубившагося въ палею и житія, могло казаться возможнымъ, чтобъ Владиміръ былъ нѣсколько искаженнымъ портретомъ Соломона. А что книжникъ рисовалъ его по Соломону, это чувствуется и изъ того что онъ далъ Владиміру женъ разныхъ націй: гречиню, чехиню, болгарыню, подобно тому какъ о Соломонѣ онъ читалъ, что у него были и дщерь Фараоня и моавитяныни, аммонитяныни, сиріяныни, идумеяныни, хеттеяныни, аморреяныни.

Въ лѣтописи разсказывается, что Владиміръ, внѣ своего теремнаго двора, на холмѣ поставилъ кумиры Перуна, Хърса, Дажьбога, Стрибога, Сима, Регла и Мокоши. Изъ нѣсколькихъ мѣстъ нашей лѣтописи мы вправѣ заключить, что на этомъ холмѣ стоялъ только одинъ кумиръ—Перуна, и Владиміръ первый придалъ ему въ товарищи шестерыхъ подобныхъ ему болвановъ. Названія божествъ, изображаемыхъ этими болванами, не выдуманы, такъ какъ мы встрѣчаемъ эти названія и въ другихъ памятникахъ (въ Ипатск. сп. кіевск. лѣт., въ Словѣ о П. Иг., въ Словѣ христолюбца и друг. поучит. словахъ), поэтому не могло бы, казалось, возникать сомнѣнія въ справедливости извѣстія о поставленіи Владиміромъ этихъ шестерыхъ кумировъ на перуновомъ холмѣ; однако, всматриваясь поглубже въ этотъ вопросъ, мы увидимъ нѣкоторыя несообразности, ведущія если не къ отрицанію факта, то къ сомнѣнію въ его историчности, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ намъ условіяхъ. Отчего никто изъ прежнихъ князей не думалъ ставить этихъ кумировъ на холмѣ, который — какъ слѣдуетъ заключить

на основаніи этой же лѣтописи — обходился около цѣлаго столѣтія съ однимъ Перуномъ? Отчего не сдѣлалъ этого никакой другой князь, жившій и умершій въ нѣдрѣ язычества, а сдѣлалъ это именно такой князь, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того изрубилъ, сжегъ и потопилъ поставленныхъ имъ же болвановъ? Не дѣйствовало ли, при составленіи этого извѣстія, тоже побужденіе представить сколько возможно болѣе противоположности между Владиміромъ язычникомъ и Владиміромъ христіаниномъ, съ цѣлью выставить блистательное торжество благодати? Если Владиміръ былъ прежде ревностнымъ язычникомъ, а потомъ скоро сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ, то, не прибѣгая къ объясненіямъ дѣйствія наитія свыше, можно объяснить такое явленіе тѣмъ, что это была одна изъ тѣхъ легкихъ, впечатлительныхъ, увлекающихся, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мелкихъ натуръ, которыя быстро перебѣгаютъ отъ одного къ другому, не имѣютъ никакого твердаго убѣжденія въ жизни и не могутъ имѣть его. Но Владиміръ, послѣ крещенія, представляется намъ (разумѣется, насколько позволяетъ намъ наблюдать эту личность окружающій ее туманъ) не только ревностнымъ, но и постояннымъ въ теченіе довольно долгаго періода времени христіаниномъ, распространителемъ христіанства и вообще человѣкомъ мудрымъ, какимъ и считали его современники и близкіе потомки его современниковъ. Можно вообще признать за истину, что чѣмъ тверже, постояннѣе и долговременнѣе люди слѣдуютъ избранному направленію, тѣмъ болѣе прежде было у нихъ условій и задатковъ къ воспринятію этого направленія и тѣмъ менѣе было такихъ условій и задатковъ, которые бы ихъ располагали къ сохраненію противнаго направленія. Несравненно правдоподобнѣе допустить, что обращенію Владиміра къ христіанству помогло именно то, что онъ не былъ ревностнымъ язычникомъ, къ чему должны были подготовить его и дѣтскія воспоминанія, и вліяніе христіанъ, умножавшихся въ Кіевѣ, и болѣе всего природный умъ его, вѣроятно, дававшій ему превосходство предъ другими бывшими до него князьями.

Но вопросъ о поставленіи болвановъ можетъ приводить только къ сомнѣніямъ; отрицать вполнѣ и рѣшительно этого извѣстія, не зная обстоятельствъ того времени, мы не считаемъ себя вправѣ, но не такъ можно отнестись къ слѣдующему затѣмъ извѣстію о человѣческихъ жертвахъ: «жряху имъ нарицающе я боги, привожаху сыны своя, и дщери и жряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земли русска и холмъ-отъ». Здѣсь повѣствователь просто перефразировалъ въ 105 псалмѣ слова: «И проліяша кровь неповинную, кровь сыновъ своихъ и

дщерей, яже пожреша истуканнымъ ханаанскимъ и убіена бысть земля ихъ кровьми и осквернися въ дѣлѣхъ ихъ....» Что нашъ книжникъ несомнѣнно разумѣлъ человѣческія жертвы также точно, какъ и псалмопѣвецъ, послужившій образцомъ для его краснорѣчія, это поясняется разсказомъ объ убійствѣ крещенаго варяга и сына его. Старцы и бояре, по возвращеніи Владимира изъ похода на ятвяговъ, сказали: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на него же падетъ жребій того зарѣжемъ богамъ!» Человѣческія жертвы (въ собственномъ смыслѣ этого слова) появлялись тамъ, гдѣ жертвоприношеніе имѣло смыслъ лишенія себя чего-нибудь цѣннаго и дорогого для умилостивленія божества и очищенія своего отъ поступковъ, которые могли разгнѣвать божество. У русскихъ славянъ, да и вообще у большей части славянъ, жертвы имѣли значеніе угощенія, какъ это ясно выражается въ извѣстномъ старо-чешскомъ произведеніи «Забой, Славой и Людекъ», въ которомъ изображается борьба язычества съ христіанствомъ въ Чехіи. «Не смѣютъ уже бить челомъ передъ богами и въ сумерки давать имъ ѣсть; куда батюшка ходилъ давать богамъ кормъ, куда ходилъ глашать съ нимъ, тамъ порубили всѣ деревья и ниспровергли всѣхъ боговъ». Но, въ сущности, такъ какъ боги ѣсть не могли, то ѣли за нихъ люди, воображая, что и боги ѣдятъ съ ними, такъ какъ и теперь малоруссы, отправляя поминки по умершимъ, ѣдятъ и пьютъ въ память ихъ, воображая, что и они участвуютъ въ пиршествѣ, и это выражается словами: «нехай се буде передъ его душею!» Ѣсть и пить въ честь предковъ или, выражаясь стариннымъ способомъ, ѣсть и пить предкамъ и при этомъ воображать, что предки невидимо наслаждаются отъ той же трапезы—обычай глубоко-языческій: на него указываютъ извѣстія о поклоненіи роду и рожаницамъ *). Тотъ же смыслъ имѣетъ и тризна, только уже болѣе или менѣе съ общественнымъ, а не съ однимъ семейнымъ значеніемъ. Слѣды всего этого живо остаются въ нашихъ поминкахъ, особенно въ тѣхъ, которыя отправляются въ извѣстные дни года на могилахъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохраняется еще обычай отливать вино на могилу; смыслъ здѣсь тотъ, что усопшій дѣлается участникомъ торжества. То же въ сущности было и по отношенію къ воображаемымъ божествамъ. Въ древнемъ поучительномъ словѣ укоряютъ придерживающихся язычества въ томъ, что они «кумир-

---

*) Изъ всѣхъ толкователей этихъ миѳологическихъ наименованій справедливѣе всѣхъ Соловьевъ, считающій ихъ предками. Мы думаемъ, что подъ „Родомъ" разумѣлась совокупность предковъ—мужескаго пола, а подъ „Рожаницами"—женскаго.

скую жертву ѣдять»: это-то ядение жертвы и составляетъ суть жертвоприношенія. Точно то же и о питьѣ: «вѣруютъ въ Стрибога, Дажъ-бога и Переплута, иже вертячися ему піютъ въ розѣхъ». Что жертвоприношеніе отправлялось божествамъ — это именно тѣмъ выражалось, что ѣли и пили имъ (то-есть въ честь ихъ, по нашему способу выражаться). Оттого-то и всѣ извѣстія, какія только сохранились о жертвоприношеніяхъ, начиная отъ Прокопія до тѣхъ поучительныхъ словъ, которыя раздавались у насъ противъ медленно исчезавшаго язычества, состоятъ въ томъ, что приносились въ жертву быки, овцы, разная птица, особенно куры, медъ, сыръ, хлѣбы, короваи, вино, то-есть все, что было съѣдомымъ для людей и составляло матеріалъ для ихъ пира. У прибалтійскихъ славянъ религія была гораздо развитѣе, чѣмъ у другихъ; тамъ, по извѣстію Гельмольда, приносили въ жертву богамъ нѣмецкихъ плѣнниковъ; но, во-первыхъ, прибалтійскіе славяне, у которыхъ были жрецы и священные храмы, не могутъ служить образцомъ для насъ; во-вторыхъ, закланіе плѣнниковъ предъ истуканами боговъ скорѣе можно понимать, какъ мщеніе надъ врагами, приходившими истреблять ихъ боговъ и порабощать ихъ страну. За то обычное жертвоприношеніе по окончаніи жатвы, описанное у Саксона Грамматика и происходившее въ Арконѣ, имѣетъ значеніе пира. У русскихъ, у которыхъ жрецовъ не было, естественно жертвоприношеніе всегда имѣло смыслъ пира: приносившій жертву богамъ не отдавалъ ее какимъ-либо облеченнымъ особымъ достоинствомъ или святостію особамъ, а употреблялъ ее прямо на пиръ съ своими близкими, сохраняя представленіе, что это дѣлается богамъ. Наши братчины и складчины есть непосредственное продолженіе языческихъ жертвоприношеній, очень легко и при христіанствѣ сохранившихъ свой способъ отправленія: и теперь еще въ деревняхъ въ извѣстные дни собираются крестьяне міромъ, рѣжутъ быка, барановъ, варятъ браги и призываютъ священника благословить трапезу, а иногда носятъ и въ церковь часть съѣдомаго для освященія.

Относительно поклоненія водѣ можно, дѣйствительно, встрѣтить черты, способныя навести на мысль о чемъ-то похожемъ на человѣческія жертвы. Левъ Діаконъ, повѣствуя о войнѣ со Святославомъ, разсказываетъ, что «послѣ битвы, когда наступила ночь и взошла на небѣ полная луна, русскіе вышли въ поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они погрузили въ струи Истра младенцевъ и пѣтуховъ и такимъ образомъ задушили». Допустимъ,

что все это сущая правда какъ фактъ. Но правда ли то, что все это была жертва, какъ увѣряетъ византійскій историкъ? Это окажется изъ оцѣнки того основанія, по которому онъ признаетъ такія убійства жертвою. «Уважая эллинскія таинства, которымъ они научились или отъ философовъ своихъ, Анахарсиса и Замолксиса, или отъ товарищей Ахилла, они всегда совершали надъ умершими жертвы и возліянія (русск. перев. 93). Если нельзя намъ было принять такого объясненія, то нельзя не сомнѣваться, чтобы описываемыя убійства плѣнныхъ были дѣйствительно жертвоприношеніями. Русскіе отличались варварствомъ и плѣнниковъ убивали часто; даже во времена христіанскія мы встрѣчаемъ такіе случаи. Въ 1153 году, князь кіевскій Изяславъ Мстиславичъ, «видя множество многое колодниковъ галичанъ вязячи и тако повелѣ сѣчи». Если, чуть не черезъ двѣсти лѣтъ послѣ Святослава, поступилъ такъ кіевскій князь,—и притомъ изъ самыхъ любимыхъ народомъ,—съ плѣнниками русскаго происхожденія, единовѣрцами, то естественно было жестоко поступать свирѣпому предку его притомъ съ греками, которые пришли его выгонять изъ страны, которая ему такъ нравилась, и болгарами, которые на него подвели грековъ. Нѣтъ ничего естественнѣе, если тотъ же Святославъ, который по извѣстію самого же византійскаго историка такъ свирѣпствовалъ надъ болгарами за то, что они не хотѣли ему покоряться, умерщвлялъ ихъ теперь съ женами и младенцами, подозрѣвая, а можетъ быть и уличая въ содѣйствіи его врагамъ, и притомъ въ такое время, когда онъ былъ въ крайне стѣсненномъ положеніи, способномъ внушить жестокость отчаянія и личности болѣе образованной и болѣе человѣколюбивой. Очень могло быть, что византійскій историкъ смѣшалъ воедино и далъ одинъ смыслъ двумъ различнымъ фактамъ—топленію младенцевъ, которое было выраженіемъ мщенія врагамъ не только надъ ними самими, но и надъ ихъ потомствомъ, и бросанію въ Дунай пѣтуховъ—дѣйствительно жертвою водѣ. По извѣстію Козьмы Пражскаго, чехи весною приносили въ жертву черныхъ куръ и пѣтуховъ при водѣ, однако о младенцахъ при этомъ нѣтъ помина. Но если, наконецъ, допустить, что это утопленіе младенцевъ и было сдѣлано вслѣдствіе какого-нибудь суевѣрія, то и это еще не даетъ права непремѣнно признавать, что суевѣріе это имѣло прямой смыслъ обычной человѣческой жертвы. Въ крайнемъ, опасномъ положеніи человѣкъ рѣшается на то, что вовсе не составляетъ признака его обычной жизни, и тогда онъ создаетъ себѣ исключительныя суевѣрія. Приведемъ въ примѣръ слѣдующій фактъ: существовало суевѣріе (восточнаго происхожденія), что въ нѣкоторыхъ

рѣдкихъ и неподдающихся человѣческой мудрости болѣзняхъ можеть пособить кровь зарѣзаннаго младенца; бывали и случаи злодѣяній вслѣдствіе такого суевѣрія; но все-таки это было только суевѣріе, а не жертвоприношенія. Въ нашихъ пѣсняхъ есть коекакія черты, изъ которыхъ можно заключить, что въ случаѣ крайней общей опасности на водѣ, ради спасенія всѣхъ, бросали въ волны одного съ цѣлью утишить волненіе. Черты эти распространены въ преданіяхъ чуть ли не всего міра и хорошо усвоены во всѣхъ христіанскихъ странахъ библейскою исторіею Іоны и приключеніемъ апостола Петра на морскомъ пути въ Италію. Кромѣ былины о Садкѣ, богатомъ гостѣ, брошенномъ по жребію разыгравшемуся морскому царю, мы укажемъ на малорусскую думу объ Алексѣѣ Поповичѣ, который самъ себя обрекалъ на вверженіе въ бурное море за свои грѣхи, и (по одному только варіанту, но старому) когда отъ его раскаянія море стало утихать, отдалъ свой палецъ на отрубленіе, съ цѣлью выпустить изъ него крови въ море. Дума объ Олексіѣ чрезвычайно важна, потому что при совершенно христіанской идеѣ въ ней ясно видны и слѣды стараго языческаго міросозерцанія, именно въ томъ, что море представляется мыслящимъ и справедливымъ существомъ: не только Богу, кошовому и всему войску, но и морю слѣдуетъ исповѣдываться; оно взволновалось не потому, что бы требовало жертвы; оно утихаетъ, когда преступникъ приноситъ покаяніе; а отрубленный палецъ и спущеніе крови въ море знаменуетъ все-таки скорѣе не жертву, а малое наказаніе, вмѣсто большого, которое ожидало бы его, если бы онъ не раскаялся и не далъ обѣщанія вести себя иначе. Былина о Садкѣ, какъ и многія великорусскія былины, черезъ-чуръ захватила въ себя сказочнаго элемента, и потому ею можно пользоваться съ осторожностью тамъ, гдѣ идетъ дѣло о подтвержденіи такого или другого явленія древняго быта и вѣрованій. Но о томъ же Садкѣ сохранилась другая черта, которую уже смѣло мы имѣемъ право считать источникомъ въ этомъ отношеніи. Тотъ же Садко послѣ счастливаго плаванія по Волгѣ въ благодарность кидаетъ въ ея волны большой укрой хлѣба, посыпаннаго солью. До поздняго времени оставался у русскихъ дѣйствительно обычай бросать что-нибудь въ воду въ благодарность за благополучное плаваніе, а въ Сибири существуетъ обычай кидать въ воду именно кусокъ хлѣба съ солью во время освобожденія водъ отъ ледяной коры. Это даетъ вѣроятіе, что и въ древности въ качествѣ жертвы бросали въ воду что-нибудь подобное. До насъ дошло нѣсколько отрывочныхъ извѣстій о поклоненіи водѣ; изъ нихъ мы узнаемъ, что озерамъ, рѣ-

камъ, колодцамъ приносились жертвы; есть выраженія «въ воду мечють», но нигдѣ въ древнихъ свидѣтельствахъ не говорится, чтобъ метали въ воду людей. Напротивъ, въ старинномъ поучительномъ словѣ противъ язычества приводится черта, свидѣтельствующая о томъ, что жертвоприношенія водѣ по своей сущности были пиры, отправляемые при водѣ. «Надъ источники свѣщи вжигающе и кумирьскую жертву ядять». Если при этомъ происходило и метаніе части пиршества въ воду, то также точно, какъ чешскіе язычники ходили въ лѣсъ кормить своихъ боговъ, а нынѣшніе русскіе, совершая поминки на кладбищѣ, отливають часть напитка на могильную землю.

Въ одной изъ позднихъ передѣлокъ нашей первоначальной лѣтописи, изданной подъ именемъ Густынской, мы находимъ прямое указаніе на человѣческія жертвы именно, какъ должно думать, водяному божеству. «Отъ сихъ единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же до нынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творять во день Воскресенія Христова собравшеся юніи и играюще вметають человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ си есть бѣсовъ, яко пометаемыи въ воду или о древо, или о камень въ водѣ разбивается и умирають или утопають, во иныхъ же странахъ не скидають въ воду, но токмо водою обливають, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяють». Это мѣсто для насъ имѣетъ большую важность, но никакъ не потому, чтобы мы могли искуситься къ признанію человѣческихъ жертвъ, а потому что лѣтописецъ привелъ ту причину, которая побудила его сообщить извѣстіе о человѣческой жертвѣ, какъ что-то несомнѣнное. Его соблазнилъ извѣстный малорусскій обычай «волочиньня», еще и до сихъ поръ, какъ увѣряють, кое-гдѣ не пропавшій въ западной Малороссіи. Молодежь, играя, обливаетъ другъ друга водою, а иногда и пихаетъ въ воду, разумѣется мелкую; конечно, при этомъ могутъ происходить и непріятные случаи, но нечаянно.

Книжникъ XVII-го вѣка, зная объ этомъ обычаѣ, тотчасъ вывелъ заключеніе, что онъ есть остатокъ древняго языческаго приношенія людей въ жертву. Само собою разумѣется, къ этому заключенію не было надлежащаго основанія. Если этотъ обычай дѣйствительно былъ языческаго происхожденія, то никакъ не слѣдовало, чтобы въ язычествѣ онъ былъ топленіемъ людей въ угоду нѣкоему богу; онъ и въ тѣ времена могъ быть только игрою молодежи въ угоду этому нѣкоему богу, и могъ встарину отправляться точно также какъ и въ болѣе позднія времена, только съ большею свѣжестью языческихъ воззрѣній. Въ заключеніе, мы

скажемъ, что убѣжденіе наше въ ложности извѣстія о человѣческихъ жертвахъ, совершавшихся будто бы на перуновомъ холмѣ, подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что въ описаніи языческихъ нравовъ русско-славянскихъ племенъ (находящемся при нашей лѣтописи какъ-бы предисловіемъ вмѣстѣ съ космографіею) при всѣхъ черныхъ краскахъ, наложенныхъ авторомъ на нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, нѣтъ намека на человѣческія жертвы, а это бы непремѣнно было, еслибы въ самомъ дѣлѣ такія жертвы совершались. Во-вторыхъ, тотъ же образъ языческаго поклоненія богамъ, приведенный выше изъ мѣста нашей лѣтописи, непосредственно слѣдующаго за извѣстіемъ о поставленіи кумировъ, повторяется ниже, но уже не отъ лѣтописца, а въ рѣчи философа, будто бы произнесенной Владиміру: «по семъ же дьяволъ въ большее прельщеніе вверже человѣки и начаша кумиры ставити ови древяны, ови мѣдяны, а другіе мраморяны, а иные златы и сребрены, кланяхуся имъ и привожаху сыны своя и дщери и закалаху предъ ними и бѣ вся земля осквернена» (Лаврент. 89). На это сходство двухъ мѣстъ указалъ г. Соловьевъ (Ист. Рос. I, прим. 115), но тѣмъ не менѣе онъ признаетъ человѣческія жертвы. Намъ непонятно, какъ этотъ достопочтенный ученый, при неоспоримой своей проницательности, не видѣлъ крайней несостоятельности свидѣтельствъ въ пользу этого признанія. Онъ полагаетъ, что обычай приносить человѣческія жертвы повсемѣстенъ, и доказательства существованія его у славянъ видитъ въ извѣстіяхъ о закланіи плѣнниковъ предъ истуканами прибалтійскихъ славянъ.

Нельзя, повторяемъ мы, признавать такіе случаи непремѣнно жертвами: это была месть, кара: плѣнники эти, христіане, приходили въ славянскій край затѣмъ, чтобъ ниспровергнуть боговъ, и передъ истуканами этихъ самыхъ боговъ ихъ, какъ враговъ и оскорбителей, казнили. Вотъ, какъ у семитическихъ народовъ родители приносили сами своего младенца и клали на раскаленныя руки металлическаго истукана, или отецъ заносилъ ножъ надъ своимъ отрокомъ вмѣсто барана, воображая что такъ повелѣло ему божество, либо умерщвлялъ дочь свою въ благодарность за одержанную побѣду: вотъ настоящія жертвы! Если же признавать жертвою закланіе предъ кумиромъ нѣмца-христіанина, хотѣвшаго ниспровергнуть этотъ кумиръ, то придется признать жертвами и сожженія еретиковъ, покушавшихся ниспровергнуть догматы и уставы церкви, а идя далѣе, можно жертвами считать и наши ссылки въ Сибирь за богохульство; наконецъ, можно дойти до того, что всякое уголовное наказаніе за преступленіе, противное

ученію евангелія, будетъ жертвою и станетъ въ одной категоріи съ жертвоприношеніями дѣтей Молоху.

Признавая недостовѣрнымъ сказаніе о человѣческихъ жертвахъ, совершавшихся на перуновомъ холмѣ, мы естественно должны признать вымысломъ книжника и легенду о жребіи, павшемъ на молодого варяга.

Изобразивъ Владимира женолюбцемъ по образу Соломона и кровавымъ жертвоприносителемъ по подобію разныхъ нечестивыхъ израильскихъ царей, книжникъ описываетъ намъ длинную исторію обращенія. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что съ точки зрѣнія книжника мы имѣемъ дѣло съ ярымъ язычникомъ.

Въ 986-мъ году пришли къ Владимиру представители разныхъ вѣръ, одни за другими, предложить принять ихъ вѣру. Что это такое? Какъ могъ сложиться такой фактъ, чтобы вдругъ разомъ изъ отдаленныхъ странъ приходили къ кіевскому князю съ одинакимъ предложеніемъ и притомъ непремѣнно въ послѣдовательномъ порядкѣ, не сталкиваясь другъ съ другомъ? Положимъ, миссіонеры всѣхъ показанныхъ въ лѣтописи вѣръ могли въ тотъ вѣкъ дѣлать попытки къ обращенію русскихъ, но почему же именно вмѣстѣ въ одинъ годъ; и притомъ у лѣтописца они являются здѣсь какъ-бы первый разъ, потому что Владимиръ кажется въ нѣкоторыхъ пунктахъ незнакомымъ съ ними въ такой степени, въ какой могъ быть только въ первый разъ ихъ встрѣтившій. Уже эти черты обличаютъ сочиненность и искусственность.

Прежде всѣхъ явились къ нему болгары (волжскіе) мухамеданской вѣры, и говорятъ ему: «ты князь хорошій, только идоламъ кланяешься, прими нашу вѣру». Казалось бы, Владимиръ, какъ ярый язычникъ, прежде всего долженъ былъ заступиться бы за своихъ идоловъ. Нѣтъ; онъ любопытствуетъ узнать, чтó это у нихъ за вѣра, о которой повидимому не слыхивалъ, хотя, конечно, могъ бы и прежде что-нибудь услышать (даже отъ тѣхъ «колодниковъ», которыхъ велъ Добрыня). Извѣстно, что мухамедане въ своемъ проповѣданіи вѣры на первый планъ ставили единобожіе со всѣмъ его величіемъ; здѣсь не то: проповѣдники, хотя и замѣтили вскользь, что вѣруютъ Богу, но главными признаками своего закона поставили: не ѣсть свинины, обрѣзаться, не пить вина, за то, творить блудъ сколько угодно и надѣяться, что по смерти Мухамедъ дастъ каждому по семидесяти женъ, то-есть все то, что бросалось въ глаза иновѣрцу при поверхностномъ соприкосновеніи съ мусульманствомъ. Женолюбивый Владимиръ очень прельщается позволеніемъ творить блудъ, но не нравится ему все прочее, особенно запрещеніе вина. «Руси веселіе пити, не можетъ безъ того быти»,

влагаетъ книжникъ Владимиру отвѣтъ, вѣроятно заимствовавъ эти слова изъ пословицы. Съ этими словами Владимиръ прогналъ мусульманскихъ проповѣдниковъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что если онъ не склонился къ мухамеданамъ, то главнымъ образомъ потому, что принявши мухамеданство, нельзя уже было пить вино. Но вѣдь къ блуду онъ былъ болѣе склоненъ, чѣмъ къ вину, и однако это не воспрепятствовало ему принять христіанство, которое воспрещало блудъ.

За мухамеданами приходятъ нѣмцы, т.-е. западные христіане. Они представляются посланными отъ папы. Сказавши общее мѣсто о единомъ Богѣ Творцѣ, но столько же, сколько могли сказать и мухамедане, и евреи, на вопросъ въ чемъ ихъ вѣра, нѣмцы сказали такъ: «пощенье по силѣ, а кто что ѣстъ или пьетъ, тотъ все творитъ во славу Божію, такъ говоритъ намъ нашъ учитель Павелъ?» И только всего! Возможно ли, чтобы въ самомъ дѣлѣ папскіе миссіонеры изложили такимъ образомъ ученіе церкви? Ясное дѣло, что это сочинялъ монахъ, у котораго не хватало ни познаній, ни ума, чтобы представить что-нибудь похожее на правду. Что отвѣчаетъ Владимиръ? «Идите отъ насъ, отцы наши не приняли этого!» — Да вѣдь отцы не принимали ничего и другого. Такой отвѣтъ могъ дать Владимиръ всѣмъ и со всѣми покончить дѣло. Но какъ такой отвѣтъ обращенъ только къ западнымъ католикамъ, то тутъ ясно обличаетъ себя и свое время книжникъ келейный, слагатель всей это небывалой исторіи. Такъ отвѣчать могъ бы князь XII-го вѣка на попытки западной церкви склонить Русь къ папѣ и отклонить отъ Востока. Такія слова возможны были послѣ окончательнаго раздѣленія церквей, когда уже на западныхъ католиковъ стали рѣшительно смотрѣть, какъ на иновѣрцевъ. Владимиръ и послѣ, получивъ крещеніе съ Востока, не имѣлъ такого взгляда на западное христіанство, что доказывается пріемомъ, какой онъ оказалъ западному миссіонеру Бруно.

За нимъ пришли къ Владимиру «жидове хазарскіе».—Мы слышали — говорятъ они — что къ тебѣ приходили христіане, но знаешь ли, что предки наши распяли ихъ Бога. Разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ нѣмцахъ, которые передъ тѣмъ только приходили къ Владимиру. Но почему приходъ нѣмцевъ могъ оставить такое вліяніе, что извѣстіе о немъ довольно скоро передано было въ Козарію и тамъ придали этому событію такую важность, что тотчасъ же послали миссіонеровъ, какъ будто перебивать у нѣмцевъ Русь для себя? Если туда дошло извѣстіе о приходѣ нѣмцевъ, то должно было дойти извѣстіе и о томъ, что Владимиръ прогналъ этихъ нѣмцевъ, слѣдовательно опасаться и торопиться

было незачѣмъ. «Гдѣ ваша земля?» спрашиваетъ Владимиръ.—Въ Іерусалимѣ, — отвѣчаютъ ему.—«Вы тамъ живете?»—Нѣтъ; Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и разсѣялъ насъ за наши грѣхи по всѣмъ странамъ, а земля наша предана христіанамъ.—«Чтожъ вы другихъ учите, когда сами отвержены отъ Бога? Еслибъ Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, то вы бы не были разсѣяны по чужимъ землямъ! Развѣ и намъ того же хотите?» — Слишкомъ много нужно легковѣрія, чтобы здѣсь искать хотя тѣни объективной правды. Книжникъ измыслилъ эту бесѣду для того, чтобы имѣть возможность поставить противныхъ ему іудеевъ въ самое глупое положеніе и излить надъ ними или свою собственную, или имъ перенятую у современниковъ остроту, вложивъ ее въ уста Владимира. Зачѣмъ Владимиру съ языческимъ невѣдѣніемъ спрашивать у нихъ гдѣ ихъ земля, когда для него достаточно было, когда онъ зналъ, что они пришли изъ Козаріи. Чтобъ задать такой вопросъ, нужно было, чтобъ онъ зналъ напередъ, чтó іудеи должны будутъ ему отвѣтить, а онъ бы имѣлъ поводъ поострить надъ ними. Надобно было, чтобъ Владимиръ зналъ прежде исторію и судьбы іудейскаго народа настолько, насколько знали грамотѣи уже послѣ распространенія христіанства, онъ же въ другихъ пунктахъ въ этомъ же сказаніи представляется круглымъ невѣждою. Книжникъ заставилъ жидовъ козарскихъ сказать, что земля ихъ, то-есть Палестина, предана христіанамъ. Но въ X-мъ вѣкѣ, когда происходить слѣдовало этому событію, Палестина не была въ рукахъ христіанъ, а досталась имъ только въ концѣ XI-го. Ясно, что сказатель писалъ эти строки послѣ того, какъ крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ и слыхалъ объ этомъ отъ поклонниковъ, ходившихъ изъ Руси на поклоненіе св. мѣстамъ.

Напослѣдокъ является представитель грековъ философъ; его должно было приложить въ концѣ, такъ какъ онъ одинъ имѣлъ успѣхъ въ томъ, чего домогались другіе безуспѣшно. Оказывается, что греки, подобно хазарамъ, знали, что къ Владимиру приходили проповѣдники иныхъ странъ, точно какъ будто въ то время, какъ онъ по-добру по-здорову спрашивалъ этихъ проповѣдниковъ, какіе-то курьеры бѣгали въ разныя страны съ извѣстіями. Впрочемъ, греческому философу вѣдомо было только о мухамеданахъ и о западныхъ христіанахъ, о «козарахъ» же онъ не зналъ; но оказывается, что такъ нужно было для эффекта, чтобъ была возможность отъ лица Владимира сообщить объ этомъ философу и вызвать его на приличную по такому поводу рѣчь. Философъ о мухамеданахъ наговорилъ Владимиру такихъ непристойностей, что тотъ даже плюнулъ; о западныхъ же христіанахъ ска-

залъ единственно то, что они ѣдятъ опрѣсноки. Вопросъ объ опрѣснокахъ развился уже въ XI-мъ вѣкѣ, когда онъ игралъ важную роль въ окончательномъ раздѣленіи церквей, послѣ чего и у насъ появились сочиненія объ опрѣснокахъ съ цѣлію вооружить русскихъ противъ Запада. Это поставленіе опрѣсноковъ главнымъ и единственнымъ признакомъ «развращенія» западной церкви показываетъ только, что слагатель скропалъ свое сказаніе тогда уже, когда толки и сочиненія объ опрѣснокахъ пошли въ ходъ. Съ какой стати философу было говорить объ опрѣснокахъ и только объ нихъ? Если для того, чтобъ отклонить Владимира отъ Запада, то для Владимира въ этомъ отношеніи были совершенно безразличны какъ опрѣсноки, такъ и хлѣбъ; если же онъ хотѣлъ указать на отличія церквей, то указалъ бы еще на что-нибудь, тѣмъ болѣе когда преданія и воспоминанія о первомъ спорѣ по поводу различія церквей привели бы этому философу на память иные вопросы.

Когда Владимиръ сообщилъ философу, что къ нему приходили іудеи и говорили, что нѣмцы и греки вѣруютъ въ того Бога, котораго они распяли, философъ какъ-бы ухватился за идею распятія и началъ свое поученіе, состоящее въ изложеніи, не только по Библіи, но и со включеніемъ бредней изъ палеи и отреченныхъ книгъ, исторіи Ветхаго, а потомъ Новаго Завѣта и закончилъ тѣмъ, что показалъ Владимиру картину (запону) страшнаго суда, которая вызвала у русскаго князя восклицаніе, что хорошо тѣмъ, которые нарисованы на правой сторонѣ (идущіе въ рай), и горе тѣмъ, которые на лѣвой сторонѣ. «Крестись, сказалъ грекъ, и будешь съ праведниками!»—Подожду немного, отвѣчалъ Владимиръ.—Это показаніе изображенія страшнаго суда перенесено на Владимира цѣликомъ съ исторіи обращенія болгарскаго царя Бориса, котораго воображеніе также тронулъ Меѳодій картиною страшнаго суда.

Владимиръ созываетъ боляръ и городскихъ старцевъ и объявляетъ, что приходили такіе-то и такіе, напирая на то, что греки говорятъ очень хитро, обѣщаютъ безсмертіе для тѣхъ, кто вступитъ въ ихъ вѣру, и горѣніе въ огнѣ вступившимъ въ другой законъ. — Ему дается отъ лица боляръ и старцовъ такой отвѣтъ: «всякъ свое хвалитъ, а не хулитъ; испытай, пошли мужей узнать, какъ они Богу служатъ». Отвѣтъ мудрый, но боляре и старцы не могли такъ сказать въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились. Надобно напередъ предположить, что они пошатнулись въ своей языческой вѣрѣ, иначе бы прямо заявили, что ихъ вѣра лучше всѣхъ и никакой другой имъ ненадобно; но если они уже по-

шатнулись въ своей прежней вѣрѣ, то это могло случиться только подъ вліяніемъ греческаго христіанства, давно уже бросившаго свои корни на русской землѣ; и тогда бы они сразу дали предпочтеніе греческой вѣрѣ и заговорили бы такъ, какъ впослѣдствіи и заставилъ ихъ говорить книжникъ. Какъ бы то ни было, только Владиміръ послѣ этого отправляетъ своихъ мужей для узнанія вѣръ въ Грецію, къ нѣмцамъ, болгарамъ, но не къ козарамъ, съ которыми онъ, какъ видно, покончилъ сношенія, рѣшившись не принимать іудейской вѣры. Но зачѣмъ, когда такъ, онъ посылаетъ къ мухамеданамъ, когда по отвѣту, какой онъ далъ имъ, можно думать, что и ихъ вѣру принимать онъ уже призналъ неумѣстнымъ. Самая посылка для узнанія вѣръ есть уже несообразность: предполагается, что люди вдругъ стали недовольны вѣрою, полученною отъ отцевъ и дѣдовъ, видятъ нужду принять какую-нибудь иную вѣру, и сами не знаютъ какую имъ принимать. Есть большое вѣроятіе, что разсказъ о посылкѣ для узнанія вѣръ есть видоизмѣненіе существовавшаго уже прежде въ Византіи разсказа о крещеніи русскаго князя, послѣдовавшемъ послѣ извѣстнаго чуда Влахернской ризы Богоматери и разсѣяніи русскаго флота подъ Константинополемъ. Разсказъ этотъ изложенъ въ такъ-называемомъ анонимѣ Бандури, рукописи греческой, хранящейся въ парижской библіотекѣ. Сцена происходитъ при Василіѣ Македонянинѣ, къ царствованію котораго нѣкоторые византійскіе историки относятъ самое крещеніе, случившееся спустя нѣсколько времени послѣ пораженія ихъ флота. Русскій князь отправилъ четырехъ мужей для узнанія богослуженія въ Римъ и Константинополь. Пребываніе въ Константинополѣ пословъ этого князя описано сходно съ пребываніемъ тамъ же мужей Владиміра. И для тѣхъ и другихъ устроивается великолѣпное праздничное богослуженіе въ Софійскомъ храмѣ. И тѣ и другіе приходятъ въ неожиданный восторгъ, съ тою только разницею, что послы князя при Василіѣ Македонянинѣ увидали ангеловъ, а послы Владиміра ангеловъ не видѣли, а узрѣли только такую красоту, что сами не знали: на землѣ ли они или на небѣ. Мы не думаемъ, чтобы нашему составителю сказанія извѣстенъ былъ греческій разсказъ въ той редакціи, въ какой онъ былъ изложенъ въ анонимѣ Бандури, иначе бы онъ не упустилъ сказать о явленіи ангеловъ. Но самая эта легенда дошла до него или въ иной редакціи, или даже въ изустномъ пересказѣ преданія; это тѣмъ вѣроятнѣе, что у насъ въ воспоминаніи смѣшивались обстоятельства двухъ принятій крещенія, и въ самой исто-

ріи крещенія Владиміра являлся дѣйствующимъ лицомъ патріархъ Фотій (Соф. Лѣт. П. С. Л. V. 121).

По возвращеніи пословъ, Владиміръ опять совѣщался съ боярами и старцами, которые на этотъ разъ ему сказали: «еслибъ дуренъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая всѣхъ человѣковъ». Изъ всего до сихъ поръ сообщеннаго сказаніемъ только въ этомъ отвѣтѣ можно признавать несомнѣнную истину, именно — въ такомъ смыслѣ должны были отвѣчать Владиміру кіевляне. По естественному обычному ходу человѣческихъ дѣлъ, обращеніе Владиміра къ христіанству, а затѣмъ и крещеніе Руси, совершилось подъ вліяніемъ христіанскаго элемента, пришедшаго изъ Греціи еще въ половинѣ IX-го вѣка, постепенно возраставшаго и усиленнаго крещеніемъ Ольги; вмѣстѣ съ нимъ Русь сближалась съ Греціею. Это сближеніе было причиною, что какъ скоро у язычника рождалось недовольство своими богами, то такое ощущеніе происходило вслѣдствіе знакомства съ христіанскимъ и греческимъ міромъ, и слѣдовательно перемѣна вѣры могла выразиться только принятіемъ христіанской вѣры изъ Греціи. Поэтому, Владиміру, желавшему оставить язычество, не было нужды да и нравственно невозможно было отправлять пословъ въ разныя страны, чтобъ узнать: какая вѣра лучше, чтобъ изъ нихъ принять одну; желаніе оставить язычество только и могло въ немъ возбудиться желаніемъ принять греческую вѣру, которую приняла его бабка мудрѣйшая.

Самое событіе крещенія русскаго князя изображается съ явными несообразностями. Рѣшившись принять отъ грековъ крещеніе, Владиміръ начинаетъ тѣмъ, что идетъ войною на грековъ. Какъ! идетъ драться съ тѣми, отъ которыхъ хочетъ принять вѣру! Неужели это съ чѣмъ-нибудь сообразно? Старались у насъ объяснить это желаніемъ придать бóльшую торжественность крещенію, но для торжественности совсѣмъ не нужно было заводить драку. Говорили, что Владиміръ хотѣлъ завоевать вѣру и проч. Но это въ сущности не болѣе какъ фразы. Было бы на что-нибудь похоже, еслибы Владиміръ сватался на той самой царевнѣ, которую потомъ получилъ женою, и раздраженный отказомъ, пошелъ принудить оружіемъ уважать себя и заставить волею-неволею вступить съ собою въ родственный союзъ. Но сказаніе намъ говоритъ, что предложеніе о сватовствѣ послѣдовало уже послѣ взятія греческаго города Корсуня, а желаніе креститься отъ грековъ выразилось ранѣе. Рѣшившись на совѣщаніи съ боярами и старцами принять греческую вѣру, онъ спрашиваетъ ихъ: «гдѣ крещеніе пріимемъ?» — Они отвѣчаютъ — гдѣ ти любо? — Послѣ этого

тотчасъ въ лѣтописи говорится: «И минувшу лѣту (спустя годъ) иде Володимеръ съ вои на Корсунь градъ греческій.» Въ византійскихъ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на войну Владимира съ греками и на взятіе Корсуня, но есть извѣстіе вскользь о томъ, что Владимиръ былъ женатъ на сестрѣ императоровъ Василія и Константина и посылалъ своимъ шурьямъ помощь противъ мятежниковъ Фоки и Калокира. Въ византійскихъ источникахъ не найдено также современныхъ извѣстій о крещеніи Владимира, но если только мы отложимъ въ сторону разсказъ нашей лѣтописи, то такое молчаніе дѣлается объяснимымъ. Дѣло крещенія Владимира само по себѣ было событіемъ исторіи русской, а не византійской. О крещеніи русскихъ въ половинѣ IX-го вѣка упоминалось, потому что оно связано было съ теченіемъ дѣлъ въ самой имперіи и притомъ тогда въ глазахъ грековъ было положено начало русской церкви, зависимой отъ патріарха. Впослѣдствіи, языческіе князья и ихъ хищническія дружины задерживали успѣхъ благовѣствованія и расширенія этой церкви, но самая церковь не переставала существовать и принятіе однимъ изъ князей вѣры христіанской былъ фактъ дѣйствительно очень важный, но важный для мѣстной русской церкви, а не для византійской имперіи, тѣмъ болѣе, что тогда еще не видѣли всѣхъ громадныхъ послѣдствій этого факта. Если у византійскихъ историковъ есть упоминовеніе о крещеніи Ольги, то единственно по поводу пріѣзда ея въ Константинополь и милостыни, поданной тамошнимъ церквамъ; безъ этого фактъ этотъ остался бы незамѣченнымъ. Византійскіе историки очень скупы относительно событій въ другихъ странахъ и даютъ имъ цѣну только по ближайшему ихъ отношенію къ имперіи. Крещеніе Владимира, какъ фактъ, относящійся къ Руси, и притомъ не представлявшій еще всего того, что онъ повлекъ за собою и для Византіи и для цѣлаго міра, легко былъ пропущенъ, коль-скоро онъ совершился спокойно; но едвали бы онъ остался незамѣченнымъ, если бы сопровождался войною и покореніемъ Корсуня. Для объясненія того, что говорится объ этой войнѣ въ нашей лѣтописи, для которой до сихъ поръ постоянно народныя преданія были главнымъ источникомъ, всего умѣстнѣе обратиться къ духу нашей народной поэзіи. Что Владимиръ былъ одною изъ самыхъ любимѣйшихъ личностей нашей народной поэзіи — въ этомъ, кажется, и спора быть не можетъ: это доказывается поэтическими сказаніями о его княженіи уже послѣ крещенія, помѣщенными въ нашей первоначальной лѣтописи; на это указываетъ его имя, постоянно сопровождающее до сихъ поръ великорусскія былины даже и такого содержанія, ко-

торое ничего общаго не представляетъ съ дѣйствительною эпохою Владимира. Вглядываясь въ складъ и духъ сказанія о походѣ Владимира подъ Корсунь, о взятіи этого города, о сватовствѣ Владимира вслѣдъ затѣмъ, мы увидимъ, что оно составлено подъ вліяніемъ того же присущаго народной поэзіи образа молодца, добывающаго городъ, наводящаго страхъ на враговъ и заставляющаго давать себѣ дары, изъ которыхъ одни вслѣдъ за другими отвергая, онъ выбираетъ самое дорогое, обыкновенно красавицу. Вліяніе этого глубоко народнаго пѣсеннаго образа, отражаясь на вымыслахъ о подвигахъ Олега и Святослава разными своими признаками, отразилось и на Владимирѣ и притомъ самымъ общелюбимымъ народною поэзіею признакомъ. Побѣдитель Владимиръ требуетъ себѣ именно того, чѣмъ удовлетворяется обыкновенно герой нашихъ колядокъ—дѣвицы: «се градъ ваю славный взяхъ, слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему якоже и сему створихъ». Объявленіе, сдѣланное Владимиромъ корсунцамъ: «если не сдадитесь, буду стоять три года» (аще ся не вдасте имамъ стояти и за три лѣта), сразу отзывается народною поэзіею уже и потому, что здѣсь число три выступаетъ на первый планъ. Пущеніе стрѣлы съ надписью о перерывѣ воды есть такой, можно сказать, избитый образъ, который легко найти и прежде и послѣ Владимира: въ Солуни, напримѣръ, совершенно то же разсказывается о монахѣ, который турецкому султану пустилъ изъ города стрѣлу съ надписью о перерывѣ воды. Мы объясняемъ себѣ дѣло такимъ образомъ. Изъ самой лѣтописи положительно видно, что о крещеніи Владимира ходили различныя сказанія въ народѣ, видно, что въ концѣ XI-го и началѣ XII-го вѣка Владиміръ былъ уже эпическимъ лицомъ народной поэзіи. Книжники познакомили насъ кое-съ-чѣмъ изъ того, что́ ходило въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ о его временахъ, но о крещеніи подставили намъ свои измышленія, однако, прилѣпили къ нимъ и народное преданіе: это преданіе, обличающее себя сразу произведеніемъ живой, народной, а не келейной фантазіи, и есть походъ на Корсунь, завоеваніе народа и женитьба. Владиміръ, любимый народною поэзіею, естественно представился тѣмъ молодцомъ, котораго идеальный образъ давно уже созданъ былъ въ воображеніи народа и примѣнялся легко то къ тому, то другому герою старины.

Принимая все это во вниманіе, мы считаемъ весь разсказъ о взятіи Корсуня чисто пѣсеннымъ вымысломъ. Можетъ быть вопросъ только о мѣстѣ крещенія Владимира, но никакъ не о войнѣ его за крещеніе. Слова лѣтописныя «несвѣдуще право глаголють яко

крестилъ ся есть въ Киевѣ, иніи же рѣша Василеве, друзии же инако скажють», ясно даютъ знать, что черезъ столѣтіе послѣ крещенія на Руси уже не сохранялось единообразной памяти о мѣстѣ крещенія Владиміра, хотя и существовало нѣсколько различныхъ объ этомъ сказаній. Не зная этихъ всѣхъ сказаній, не зная, на чемъ опирались представленія о его крещеніи въ Кіевѣ или въ Василевѣ, невозможно произнести такого рѣшенія, которое по совѣсти можно было бы считать непогрѣшимымъ. Но мы видимъ, однако, черты, побуждающія насъ придать болѣе всего вѣроятности тому, что онъ крестился въ Корсуни. На это указываетъ извѣстіе о вещественныхъ памятникахъ, свидѣтельствовавшихъ о славномъ событіи. Въ лѣтописи говорится, что Владиміръ поставилъ въ Корсуни церковь, которая стоитъ «и до сего дне». Слѣдовательно, въ Корсуни была церковь, которой построеніе приписывалось Владиміру. Въ Кіевѣ за святою Богородицею стояли двѣ какихъ-то статуи и четыре мѣдныхъ коня, которые считались привезенными изъ Корсуня. Наконецъ, особы Анастаса Корсунянина и поповъ корсунскихъ, о которыхъ говорится въ лѣтописи,—не вымышленныя, и такъ какъ Херсонесъ былъ самымъ близкимъ къ Кіеву греческимъ городомъ, то и естественно, что оттуда взятъ былъ необходимый на первый разъ запасъ духовенства. То обстоятельство, что о крещеніи Владиміра образовались у народа различныя преданія, вполнѣ согласуется съ фактомъ дѣйствительнаго его крещенія въ Корсунѣ. Изъ всей нашей лѣтописи можно замѣтить, что заимствованныя ею наиболѣе типичныя и подробныя преданія относятся къ тѣмъ событіямъ, которыя совершались на глазахъ у кіевлянъ или имѣли къ нимъ непосредственно близкое отношеніе, когда свидѣтелями ихъ все-таки были въ значительной степени обитатели кіевской Руси. О прочихъ же, далекихъ, обыкновенно лѣтописецъ ограничивается упоминовеніями. Свидѣтелями крещенія собственно Владиміра въ Корсуни могли быть немногіе; для большинства оставалось только то представленіе, что князь выѣзжалъ въ Корсунь и оттуда воротился крещенымъ; но какъ яснаго образа о фактѣ крещенія не было въ воображеніи, поэтому представленіе о Корсуни въ послѣдующихъ поколѣніяхъ стало стираться; воображеніе созидало другія мѣстности, прилагая ихъ къ созидаемымъ различнымъ образамъ одного и того же факта. Противъ всего нами приводимаго могутъ сдѣлать одно вѣское возраженіе, что Владиміръ можетъ быть и ѣздилъ въ Корсунь, но уже крещенымъ, ѣздилъ встрѣчать свою невѣсту и тамъ сочетался съ нею. Противъ такого возраженія свидѣтельство вещественныхъ памятниковъ, напоминающихъ сношеніе Владиміра

съ Корсунью, почти не можетъ служить доказательствомъ его крещенія въ этомъ мѣстѣ, и это событіе останется не болѣе какъ вѣроятнымъ; несомнѣнно же только то, что Владимиръ дѣйствительно принялъ крещеніе и женился на греческой царевнѣ.

Изъ письменныхъ извѣстій, касающихся крещенія Владимира, насъ поражаетъ своею историчностію свидѣтельство одного араба, приводимое д'Оссономъ (Les peuples de Caucase): «Два сына Романа, Василій и Константинъ, императоры константинопольскіе, просили у русскаго государя помощи противъ непріятелей, и отдавали ему свою сестру въ супружество, но она не хотѣла выходить замужъ за государя чужой религіи; онъ сталъ христіаниномъ и такимъ образомъ христіанская вѣра распространилась между русскими. Когда онъ принялъ христіанство, она вышла за него, а было это въ 375 году геджры (985 — 986)».

Мы не касаемся легенды о томъ, что Владимиръ предъ крещеніемъ заболѣлъ глазною болѣзнію до того, что ничего не видѣлъ, но по настоянію своей невѣсты крестился и тотчасъ сталъ видѣть хорошо. Она принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ внутренняго благочестія, которыя, взяты будучи отдѣльно, не подлежатъ исторической критикѣ, тѣмъ болѣе, что наши духовные ученые давали ей духовное значеніе. Все прочее въ исторіи крещенія Владимира, дѣтей его и народа большею частію представляетъ амплификацію того, чего содержаніе (хотя подробности и были измѣняемы и вымышляемы) было историческою правдою; представляя въ себѣ черты общія и неизбѣжныя въ явленіяхъ такого рода, мы не затруднимся признать вполнѣ естественнымъ и достовѣрнымъ то извѣстіе, что кіевляне покорно и безропотно пошли креститься по приказанію князя, говоря: «если бы это не было хорошо, князь и боляре не приняли бы этого». При тогдашнемъ способѣ міровоззрѣнія народа, незнавшаго ни храмовъ, ни жрецовъ, ни строгой религіозно-общественной системы догматовъ и обрядовъ, не руководимаго къ противодѣйствію особымъ классомъ, привыкшимъ внушать уваженіе къ своему голосу, приказаніе Владимира не было собственно тѣмъ, чѣмъ оно кажется намъ. Для толпы оно было только приказаніемъ исполнить обрядъ, который сочтенъ хорошимъ; народъ не видѣлъ въ этомъ обрядѣ ничего ужаснаго: онъ шелъ просто купаться въ Днѣпрѣ, только съ соблюденіемъ по оженныхъ и ему неизвѣстныхъ правилъ. Такъ, безъ сомнѣнія, долго было вездѣ на Руси. Противодѣйствіе со стороны древняго языческаго быта происходило не за введеніе новаго, а за насильственное истребленіе стараго; разсматривая этотъ вопросъ съ такой точки, мы вполнѣ поймемъ, почему русскіе вездѣ крестились

легко, но оставляли свои языческія вѣрованія и привычки очень туго. Поэтому, если можетъ возникать вопросъ, требующій разсмотрѣнія, то именно вопросъ о томъ, ка́къ могло совершиться въ Кіевѣ безъ всякаго противодѣйствія истребленіе идоловъ? Это можетъ объясниться только тѣмъ, что или въ Кіевѣ христіанская партія такъ была значительна, что могла поставить противовѣсъ языческой, или же что сами язычники смотрѣли на болвановъ, поставленныхъ княземъ и вообще поставленныхъ въ значеніи общественныхъ истукановъ, совсѣмъ не такъ, какъ мы о нихъ думаемъ, и истребленіе ихъ фигуръ не заключало въ себѣ въ такой степени оскорбленія святыни для каждаго въ отдѣльности, какъ можно полагать: незнаніе обстоятельствъ оставляетъ для насъ этотъ вопросъ темнымъ. Несомнѣнно только, что исторія низверженія Перуна и прочихъ идоловъ (вообще сомнительныхъ) въ томъ видѣ, въ какомъ она разсказывается въ лѣтописи, есть чистый вымыселъ. Владиміръ приказалъ однихъ идоловъ изрубить, другихъ сжечь, а Перуна привязать лошади къ хвосту и двѣнадцати человѣкамъ бить палками, таща съ горы, потомъ бросить въ Днѣпръ. Приказали-было людямъ съ берега отпихать его пока пройдетъ пороги, а тогда оставить его. Перунъ прошелъ чрезъ пороги, и вѣтеръ выбросилъ его на рѣнь (мель), которая съ того времени прозвалась Перуно́ва рѣнь. Если у истукана была серебряная голова, то какъ онъ могъ плыть? Если же съ него голова была снята, то что за безуміе было бросать его въ воду и разставлять людей на берегу и слѣдить за чурбаномъ нѣсколько сотъ верстъ? Само собою разумѣется, что удобнѣе было его сжечь. И что это за различіе, что однихъ болвановъ жгли, другихъ рубили, третьяго по водѣ пустили! Все это несообразности, показывающія, что всѣ эти разсказы не болѣе какъ фантазіи, родившіяся въ воспоминаніяхъ объ эпохѣ Владиміра.

Извѣстія о построеніи церквей, о разосланіи священниковъ, объ основаніи школъ, о взятіи дѣтей у родителей для обученія и о плачѣ матерей, у которыхъ для этой цѣли брали дѣтей—слѣдуетъ признать за несомнѣнныя достовѣрныя событія, прямыя и законныя послѣдствія принятія христіанства. Заботы о книжномъ обученіи показываютъ свѣтлый умъ Владиміра.

XV.

Преданія о княженіи Владиміра послѣ крещенія его.

Къ этому періоду въ нашей лѣтописи отнесенъ разсказъ о единоборствѣ молодца съ печенѣжскимъ богатыремъ; безъ сомнѣнія, основаніемъ его было народное сказаніе, а можетъ быть и пѣсня. Разсказъ этотъ намъ чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи, что служитъ образчикомъ того способа, какимъ древніе общечеловѣческіе миѳы, видоизмѣняясь, прилегаютъ къ мѣстностямъ, историческимъ условіямъ и данному времени. Разсказъ этотъ, въ своей сущности, подставленный лѣтописцемъ подъ 992-й годъ и связанный съ основаніемъ Переяславля, есть не что иное какъ видоизмѣненный локализованный глубоко-древній миѳъ о борьбѣ съ чудовищемъ и объ освобожденіи отъ него угнетенныхъ существъ, миѳъ, воплощавшійся у древнихъ грековъ въ исторіи Тезея, Персея, Беллерофона, и у насъ преимущественно связавшійся съ легендой о Егоріи Храбромъ. Въ запискахъ о Южной Руси Кулиша онъ является въ сказкѣ о Кириллѣ Кожемякѣ, пріуроченной къ Кіеву (т. II. 27). Богатырь-силачъ, разрывающій въ досадѣ разомъ двѣнадцать воловьихъ шкуръ, по княжескому приглашенію, обматываетъ себя насмоленною коноплёю и въ виду всего Кіева вступаетъ въ битву съ змѣемъ, съ цѣлію освободить княжескую дочь отъ плѣна и страну свою отъ постыдной дани. Змѣй, разбѣсившись, вырываетъ нѣсколько разъ кусками насмоленную коноплю, но все-таки не можетъ одолѣть своего противника и погибаетъ, а изъ его трупа нарождаются мошки и комары. Въ разсказѣ, внесенномъ въ лѣтопись, вмѣсто змѣя, фантастическаго образа враждебной силы, является дѣйствительно существовавшая для Руси враждебная сила — печенѣги, предлагающіе устроить единоборство между двумя богатырями, выбранными съ той и съ другой стороны по одному. Условія побѣды вполнѣ пѣсенныя съ завѣтнымъ числомъ трехъ лѣтъ: побѣдить печенѣгъ — его соотечественникамъ воевать три года, а побѣдить русскій — печенѣгамъ не воевать три года. По княжескому призыву, отецъ выставляетъ меньшого изъ сыновей своихъ, силача, который, подобно Кириллѣ Кожемякѣ, въ припадкѣ досады разрываетъ воловьи кожи. Русскій силачъ вступаетъ въ бой съ печенѣжскимъ. Въ сказкѣ о Кожемякѣ змѣй вырываетъ насмоленную коноплю, которою обмотанъ былъ Кирилла Кожемяка; въ лѣтописномъ разсказѣ сохранился тотъ же образъ вырыванія, но совсѣмъ

иначе; русскій силачъ, чтобъ показать передъ своимъ княземъ свою силу, вырываетъ кусокъ кожи съ мясомъ у быка, нарочно разъяреннаго прикосновеніемъ раскаленнаго желѣза. Битва съ печенѣжскимъ богатыремъ происходитъ при глазахъ обоихъ враждующихъ полчищъ, такъ какъ битва Кирилла съ змѣемъ въ виду кіевлянъ. Русскій силачъ одолѣваетъ и убиваетъ печенѣжина, какъ Кирилло змѣя, и въ лѣтописномъ разсказѣ враги разбѣгаются врознь подобно тому, какъ мошки и комары разлетаются изъ трупа убитаго чудовища. На мѣстѣ, гдѣ произошла побѣда, Владиміръ закладываетъ городъ Переяславль, потому что молодецъ тамъ «переялъ славу»: уже забылось, что Переяславль помянутъ въ числѣ городовъ русскихъ еще при Олегѣ.

Другой, несомнѣнно народный, разсказъ о киселѣ и медѣ въ Бѣлгородѣ принадлежитъ къ типическимъ способамъ изображенія глупости народа, которую считаетъ его прирожденнымъ свойствомъ другой народъ. Въ разсказѣ, приведенномъ выше, въ которомъ дѣйствуетъ воевода Прѣтичъ, видно уже, что русскіе печенѣговъ считали крайними глупцами. Въ этомъ разсказѣ мысль эта проявляется еще рѣзче. Осажденные бѣлгородцы, по совѣту мудраго старца, копаютъ двѣ ямы и одну изъ нихъ наливаютъ растворомъ киселя, другую медовою сытой, и увѣряютъ приглашенныхъ печенѣговъ въ числѣ цѣлаго десятка, что земля здѣсь такова, что сама родитъ кисель и медъ, а потому невозможно ихъ взять осадою. Печенѣги, по своей глупости, повѣрили, никакъ не въ состояніи будучи отгадать, что русскіе нарочно выкопали ямы и налили туда меда и киселя; печенѣги удалились прочь. Разсказъ этотъ принадлежитъ къ ряду безчисленныхъ въ подобномъ родѣ, существующихъ въ настоящее время и особенно любимыхъ малоруссами, у которыхъ комизмъ смѣшного анекдота чаще всего вертится на готовности простака повѣрить, въ силу подготовленнаго искусно подобія, такому явленію, которое, по здравому уму, невозможно, напр.: является живая рыба, и простака увѣряютъ, что ее поймали въ травѣ; плуты продаютъ мужику лошадь, а когда хозяинъ, купивъ ее, повелъ домой, не оглядываясь, одинъ изъ плутовъ вынулъ голову лошади изъ оброти, и вложилъ свою и потомъ увѣрилъ мужика, что онъ былъ заклятъ въ лошадь за грѣхи; мужикъ повѣрилъ, отпустилъ его; впослѣдствіи же, увидѣвъ купленную имъ лошадь опять на рынкѣ, нагнулся къ ней на ухо и сказалъ: вѣрно опять согрѣшилъ, нимало не подозрѣвая, что его дурачатъ. Къ этому же разряду относится анекдотъ о томъ, какъ москали (солдаты) надуваютъ малорусскихъ поселянъ, въ родѣ, напримѣръ, того, какъ москаль отвлекаетъ

чумаковъ отъ ихъ возовъ, увѣряя ихъ, что онъ ловитъ долотомъ рыбу, и въ то время когда простодушные чумаки отправились смотрѣть на это диво, другіе москали выбрали у нихъ съ воза рыбу.

Извѣстія о пирахъ Владимира, о его милосердіи, щедрости, заботахъ объ устроеніи земли и защитѣ ея отъ внѣшнихъ враговъ совсѣмъ отличны отъ тѣхъ банальныхъ похвалъ, которыя расточаютъ лѣтописи разнымъ князьямъ за такія же качества, въ общихъ риторическихъ выраженіяхъ. Извѣстія, касающіяся Владимира живы, образны и конечно перешли въ первоначальную лѣтопись изъ преданій и воспоминаній, переходившихъ отъ современниковъ Владимира къ ихъ потомкамъ. На нихъ-то сложился тотъ типическій образъ этого князя, который, воспринимая въ себя черты послѣдующихъ временъ, дошелъ, наконецъ, до великорусскихъ былинъ. Согласно съ тѣмъ закономъ, по которому вообще скопляются около любимыхъ лицъ разныя прежде бывшія въ воображеніи народа представленія, мы не думаемъ, чтобы эти преданія были прямымъ исключительнымъ воспоминаніемъ историческаго былого. Это не просто только память о Владимирѣ дѣйствительномъ, историческомъ, это народный идеалъ князя, и если онъ соединился съ именемъ Владимира, то потому, что во Владимирѣ были черты, удовлетворявшія этому идеалу, хотя быть можетъ черты эти вовсе были не главными въ историческомъ лицѣ, и самимъ пребываніемъ его имени въ памяти послѣдующихъ вѣковъ онъ одолженъ не этимъ чертамъ, которыя въ народной фантазіи выдвинулись на первый планъ. Если Владимиръ ярче всѣхъ князей остался въ поэтической памяти народа, то, конечно, оттого, что онъ былъ великій преобразователь земли и народа, просвѣтитель свѣтомъ христіанства; но уважая въ немъ эти высокія заслуги, народъ, относясь къ нему съ любовью, болѣе всего плѣнялся въ немъ такими качествами, которыя, по понятію народа составляли и носили образъ добраго, любимаго князя: образъ князя гостепріимнаго, радушнаго, милостиваго, и главное устраивающаго пиры и кормящаго всѣхъ, и знатныхъ и незнатныхъ, и за этимъ образомъ потускнѣли уже самыя тѣ черты, которыя составили историческую славу Владимира. Народу отрадно было, что такой князь, который совершилъ такія великія перемѣны въ его судьбѣ, былъ князь добрый, милостивый и любилъ творить пиры и праздники, и всякаго кормить и поить. Всякую недѣлю—гласитъ преданіе, передаваемое лѣтописцемъ—у Владимира былъ пиръ въ гридницѣ: къ нему приходили, по его распоряженію, бояры, гриди, сотскіе, десятскіе нарочитые мужи, былъ ли самъ князь лично на пиру или не было, всего

было изобильно, мяса, звѣрины, скота, бѣдные смѣло приходили на княжескій дворъ, брали все что имъ нужно было: и яденье, и питье, и деньгами имъ давали; мало этого, князь заботился о тѣхъ, которые были немощны и не въ силахъ были придти на княжій дворъ; для тѣхъ приказалъ онъ возить по городу хлѣбъ, рыбу, мясо, овощь, медъ и квасъ. Какъ не видѣть въ этихъ чертахъ простодушнаго идеала князя въ воображеніи народа. Владиміръ не ограничивался обычными каждонедѣльными пирами: въ большіе праздники, особенно въ случаѣ освященія церквей, Владиміръ устроивалъ пиры на самую широкую ногу. Такой пиръ остался въ народной памяти, занесенный въ лѣтописи подъ 996 годомъ, по поводу освященія церкви Преображенія въ Василевѣ, построенной по обѣту въ память избавленія отъ печенѣговъ. Пиръ продолжался восемь дней, а возвратившись въ Кіевъ къ успенію Богородицы, князь устроилъ тамъ другой праздничный пиръ. На такія особыя торжественныя празднества созывались гости изъ другихъ городовъ. При этомъ всегда раздавалась щедрою рукою милостыня убогимъ. Такимъ образомъ, по народному представленію, князь Владиміръ не только не похожъ былъ на отцовъ и дѣдовъ, но составлялъ имъ противоположность. Прежніе князья только и знали, что брали съ людей, да накладывали дани; Владиміръ, напротивъ, представляется болѣе дающимъ народу, чѣмъ берущимъ отъ него. Это уже князь не дружинный, а земскій. Вмѣсто того, чтобъ примучивать подданныхъ да вымучивать изъ нихъ послѣднее, Владиміръ до того добродушенъ, что боится даже казнить разбойниковъ, которые, по замѣчанію лѣтописца, очень умножились въ тѣ времена. Мы думаемъ однако, что эти жалобы на умноженіе разбойниковъ были скорѣе сознаніемъ, возникшимъ при вѣяніи новой христіанской жизни, необходимости безопасности и мѣръ къ недопущенію своевольства, къ положенію предѣла дикимъ страстямъ. Разбой, по смыслу, какой давался этому слову, не значилъ исключительно того, что мы, въ строгомъ значеніи его, понимаемъ теперь; но обнималъ собою и всякое своевольство, не щадившее правъ личности и собственности, свойственное дикому языческому обществу, но возбуждавшее негодованіе христіанъ. Епископы требовали казнить разбойниковъ, но скоро туземныя понятія взяли верхъ; вмѣстѣ съ епископами и старцами рѣшено было наказывать ихъ вирою, которую употреблять на средства къ защитѣ страны. Съ принятіемъ Христовой вѣры измѣнялось значеніе князя и вмѣстѣ съ тѣмъ его дружины. Если князь по прежнему бралъ дань, то уже на него также ложились и обязанности; онъ дѣлался

охранителемъ страны, блюстителемъ правды внутри и безопасности извнѣ, онъ долженъ былъ строить церкви, заботиться о распространеніи вѣры, о благосостояніи края, о просвѣщеніи жителей, кормить голодныхъ, призрѣвать убогихъ и сирыхъ; уже то, что онъ получалъ со страны не дѣлалось его исключительною собственностью, но значительная часть взятаго должна была возвращаться въ нѣдра страны для общей пользы. Его дружина переставала быть отрѣзанною отъ земства шайкою, служащею только князю и собственнымъ выгодамъ, но вмѣстѣ съ своимъ княземъ она должна была служить землѣ. Еще и прежде Владимира дружина не могла удержать значенія корпораціи, противоположной и враждебной земству, какою она вѣроятно была при своемъ зародышѣ, такъ какъ изъ земскихъ людей поступали въ дружинники, оставаясь мимо своей воли въ связи съ землею. Походы князей на иноплеменниковъ и возможность наживы на счетъ сосѣднихъ, отвлекали дружину отъ грабежей въ русскихъ земляхъ, и тѣмъ привлекали къ ней болѣе людей изъ этихъ земель. Съ принятіемъ христіанства интересы дружины болѣе или менѣе стали совпадать съ интересами земства, и дружина дѣлалась собственно только выборомъ изъ того же земства, окружавшимъ князя и вмѣстѣ съ нимъ долженствовавшимъ охранять землю и работать для ея пользы. Такія условія выработывались разумѣется не вдругъ, но преданіе уже на времена Владимира относитъ ихъ, какъ видно изъ сказанія, что дружина Владимира, подпивши, стала жаловаться, что ей даютъ ѣсть деревянными, а не серебряными ложками, и Владимиръ, исполняя такую прихоть своей дружины, сказалъ: «сребромъ и златомъ я не куплю дружины, а дружиною достану сребро и золото». На этомъ пирѣ, на которомъ по преданію дружина обмѣнялась съ княземъ такими замѣчаніями, по извѣстію лѣтописца, была не одна дружина, въ тѣсномъ смыслѣ, но всякіе люди нарочитые, да и слова Владимира, что онъ не можетъ купить сребромъ и золотомъ дружины, показываютъ, что князь представленъ здѣсь понимающимъ дружину въ смыслѣ широкомъ, въ значеніи людей близкихъ къ себѣ, совѣтниковъ. Въ Софійскомъ спискѣ эта дружина называется просто «люди».—Въ этихъ преданіяхъ видно уже начало иного строя, который неизбѣжно возникалъ подъ вліяніемъ великаго преобразованія Владимирова времени.

Преданіе о населеніи городовъ по Деснѣ, Острѣ, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, куда набраны были поселенцы изъ (новгородскихъ) славянъ, вятичей, кривичей и чуди, носитъ на себѣ несомнѣнную печать достовѣрности. Понятно, что черезъ восемьдесятъ

и даже черезъ сто лѣтъ, живы были воспоминанія такого рода, и потомки поселенцевъ помнили свое происхожденіе. Также вполнѣ исторично, кажется намъ, извѣстіе о заведеніи училищъ, разомъ съ построеніемъ церквей и назначеніе при нихъ духовенства (и нача ставити по градомъ церкви, и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ. Посла нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье книжное, матере же чадъ своихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но аки по мертвеце плакахуся). Такое извѣстіе не могло возникнуть путемъ составленія поэтическихъ преданій, когда готовые въ воображеніи народа представленія примыкаютъ къ данному лицу, событію и мѣсту, на основаніи какихъ-нибудь сходныхъ признаковъ дѣйствительности съ идеальнымъ образомъ. У народа не могло быть прежде такого представленія о князѣ обучающемъ народъ грамотѣ, какъ о князѣ задающемъ веселые пиры, раздающемъ щедро дары или охраняющемъ край отъ враговъ. Извѣстіе это могло быть только прямымъ воспоминаніемъ объ историческомъ фактѣ, поддерживаемымъ продолженіемъ его въ послѣдующее время. У насъ въ наукѣ возникалъ вопросъ о томъ, какъ понимать это обученіе: какъ необходимую подготовку духовныхъ, которые становились нужными при распространеніи вѣры, или же какъ намѣреніе вообще распространить въ народѣ книжное просвѣщеніе. Судя, съ одной стороны, по смыслу, въ какомъ передается это извѣстіе въ лѣтописи, а съ другой, по замѣчательно быстрому, хотя и короткому процвѣтанію умственной дѣятельности въ кіевскій періодъ, надобно полагать, что предпріятіе Владимира имѣло и ту и другую цѣль. Восторженный тонъ, съ какимъ говоритъ лѣтописецъ объ этомъ (симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ сьбыстася пророчество на русстѣй земли глаголющее: во оны дни услышатъ глусіи словеса книжная и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Си бо не бѣша преди слышали словесе книжнаго, но по божію строю и по милости своей, помилова Богъ) показываетъ, что по воззрѣнію писавшаго извѣстіе объ обученіи народа, это обученіе было въ широкомъ размѣрѣ, что̀ вполнѣ возможно, такъ какъ и въ Византіи, откуда онъ принялъ крещеніе, грамотность была значительно распространена въ народѣ. Владимиръ понялъ, что для утвержденія новой вѣры, а съ ней вмѣстѣ и христіанскихъ порядковъ, первое и важнѣйшее средство было обученіе народа. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній, которыя способствовали бы намъ получить отвѣтъ на нѣкоторые вопросы первой важности, которые возникаютъ для насъ по этому поводу. Заведеніе училищъ требовало учителей,

которыми вѣроятно были болгары, знавшіе славянскій языкъ. Какъ бы то ни было, какъ ни скудны данныя, которыя бы могли дать намъ болѣе ясный образъ Владимира и его эпохи, самыхъ тусклыхъ представленій достаточно, чтобы признать, что эпоха его была эпохою великаго внутренняго преобразованія, и личность Владимира, хотя видимая нами сквозь призму народныхъ преданій, все-таки настолько кажется высокою, громадною, что въ нашей исторіи, одна только личность можетъ стать съ нимъ въ уровень — личность Петра Великаго. Послѣдствія говорятъ за него. Онъ былъ также истиннымъ творцемъ гражданственности и политическаго бытія Руси, какъ и ея просвѣтителемъ въ религіозномъ отношеніи.

XVI.

Полоцкія преданія о Рогнѣдѣ.

Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1128 годомъ занесены преданія, относящіяся ко времени Владимира, изъ которыхъ одно съ измѣненіями вошло въ первоначальную лѣтопись, а другое не только не вошло въ нее, но противно ей по главнымъ чертамъ содержанія. Это преданіе о Роговолодѣ и Рогнѣдѣ. Сватовство Владимира на Рогнѣдѣ и его трагическая развязка приписываются здѣсь не прямо Владимиру, какъ въ первоначальной лѣтописи, а Добрынѣ, самъ же Владимиръ былъ еще очень юнъ. Добрыня называется не дядею Владимира, какъ въ первоначальной лѣтописи, а только его воеводою (Володимиру сущю Новѣгородѣ дѣтьску сущю еще и погану, и бѣ у него Добрына воевода и храборъ и наряденъ мужъ и сь посла къ Роговолоду и проси у него дщере за Владимира). Отвѣтъ Рогнѣды тотъ же, что и въ первоначальной лѣтописи, но въ описаніи убійства Роговолода есть отличія и несходства. Въ первоначальной лѣтописи говорится, что когда хотѣли Рогнѣду отдавать замужъ (вести) за Ярополка, пришелъ Владимиръ съ войскомъ, состоящимъ изъ варягъ, словѣнъ, чуди и кривичей, убилъ Роговолода и двоихъ сыновей его, а дочь взялъ себѣ женою. Въ Лаврентьевской—Добрыня съ Владимиромъ набираетъ войско, но не говорится изъ кого оно состоитъ. Роговолодъ вступаетъ въ битву и побѣжденный убѣгаетъ въ городъ. Добрыня съ Владимиромъ приступаютъ къ городу; городъ взятъ, Роговолодъ съ женою и дочерью попадаютъ въ плѣнъ. Тогда Добрыня поругался надъ отцомъ и дочерью. О двоихъ сыновьяхъ, о ко-

торыхъ сообщаетъ первоначальная лѣтопись, здѣсь нѣтъ и помина (Добрыня поноси ему и дщери его, нарекъ ей робичица, и повелѣ Владимиру быти съ нею предъ отцемъ ея и матерью). Потомъ отца убили, а дочь Владимиръ взялъ себѣ въ жену и нарекли ей имя Горислава. Она родила Изяслава. Этотъ разсказъ приводитъ лѣтописецъ вообще по поводу полоцкихъ князей и ихъ родовыхъ отношеній и ссылается, что такъ говорили вѣдущіе (о сихъ же Всеславичахъ сице есть, яко сказаша вѣдущіи преже). Преданіе, очевидно, въ сущности одно и то же, что и въ первоначальной лѣтописи, однако въ Лаврентьевской оно взято изъ иного варіанта. Но при крупныхъ отличіяхъ и несходствахъ этихъ варіантовъ, какъ въ первоначальной лѣтописи, такъ и въ Лаврентьевской, мы встрѣчаемъ буквально однѣ и тѣ же выраженія, а именно: «Онъ же (Роговолодъ) рече дчери своей: хощеши ли за Володимира. Она же рече: не хочу разути робичича, но Ярополка хочю. Бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья имѣяше волость свою Полтескъ (въ первоначальной лѣтописи: имѣяше власть свою въ Полтскѣ). Такая одинаковость нѣсколькихъ выраженій, при различіи разсказа, могла произойти оттого, что оба лѣтописца заимствовали изъ разныхъ варіантовъ одного и того же сказанія, существовавшаго, вѣроятно, въ формѣ думы или пѣсеннаго повѣствованія, причемъ всегда бываетъ, что въ различныхъ варіантахъ сохраняются постоянно одинакія типическія выраженія. Мы не можемъ допустить, чтобы занесшій это сказаніе въ Лаврентьевскую лѣтопись умышленно старался согласовать его съ повѣствованіемъ первоначальной лѣтописи. Если во фразѣ о Всеславичахъ (о сихъ Всеславичахъ сице есть яко сказаша вѣдущи преже) слово «преже» понимать какъ намекъ на записанное въ первоначальной лѣтописи (что, однако, можетъ имѣть совсѣмъ иной смыслъ, что прежде сказывали знающіе люди), то и тогда слѣдуетъ принять во вниманіе, что этого слова въ нѣкоторыхъ спискахъ (Радзивилловскомъ и Троицкомъ) Лаврентьевской лѣтописи совсѣмъ нѣтъ, а это скорѣе можетъ повести къ догадкѣ, что слово «преже» не составляетъ существенной части рѣчи.

Второе преданіе, какъ видно, неизвѣстно было первоначальному лѣтописцу. Оно очевидно исключительно полоцкое. У Рогнѣды—иначе Гориславы—отъ Владимира былъ сынъ Изяславъ. Владимиръ взялъ себѣ иныхъ многихъ женъ и не взлюбилъ Рогнѣду. Однажды онъ пришелъ къ ней и уснулъ. Рогнѣда хотѣла зарѣзать его соннаго, но онъ въ это время проснулся и схватилъ ее за руку. «Горько мнѣ стало—сказала она—ты убилъ моего отца и полонилъ его землю, все за меня, а теперь не лю-

бишь меня съ этимъ ребенкомъ». Владимиръ приказалъ ей одѣться, какъ въ день свадьбы, понаряднѣе, и сѣсть на постелѣ въ украшенномъ покоѣ: туда придетъ онъ и тамъ убьетъ ее. Но Горислава научила своего сына Изяслава взявъ мечъ, выступить на встрѣчу отцу и сказать: «ты думаешь, что ты здѣсь одинъ». Когда сдѣлалось такъ, Владимиръ бросилъ свой мечъ, которымъ хотѣлъ умертвить Рогнѣду, созвалъ бояръ и передалъ имъ на обсужденіе свое семейное дѣло. Бояры сказали: «не убивай ее, ради этого ребенка, но возстанови ея отчину и отдай ей вмѣстѣ съ сыномъ». Владимиръ построилъ Рогнѣдѣ и ея сыну городъ и назвалъ его Изяславль. Лѣтописецъ оканчиваетъ свой разсказъ замѣчаніемъ, которое поясняетъ и смыслъ разсказа и его происхожденіе. «И оттолѣ—говоритъ онъ—мечь взимаютъ внуки Роговоложи противу Ярославовымъ внукомъ». Такимъ образомъ, это преданіе ставится въ тѣсную связь съ тою враждою, какую дѣйствительно мы видимъ въ продолженіи многихъ поколѣній между родомъ Изяслава, княжившимъ въ Полоцкѣ и развѣтвившимся по всей Кривской и Дреговицкой землѣ, и родомъ Ярослава, развѣтвившимся по остальной Руси. Должно быть, въ этой враждѣ принимали участіе не однѣ родовыя причины, но и земскія; во всякомъ случаѣ такое преданіе, какъ смерть Роговолода, трагическая судьба Гориславы—праматери полоцкаго княжескаго рода, должно было нравственно поддерживать и освящать враждебныя побужденія общимъ родовымъ воспоминаніемъ. Весь родъ полоцкихъ князей помнилъ свое происхожденіе по женской линіи, болѣе чѣмъ по мужеской. Ихъ лѣтописецъ называетъ общимъ именемъ внуковъ Роговолода и, дѣйствительно, имя Роговолода не умирало въ потомкахъ его дочери; многіе изъ послѣднихъ полоцкихъ князей носили это имя.

Второе преданіе о Рогнѣдѣ, записанное въ Лаврентьевской лѣтописи, діаметрально противоположно первоначальной лѣтописи, главнымъ образомъ потому, что по Лаврентьевской выходитъ, что у Рогнѣды отъ Владимира былъ одинъ только сынъ Изяславъ. Съ нимъ съ однимъ онъ удалилъ ее отъ себя и, слѣдовательно, онъ не могъ уже имѣть отъ нея другихъ дѣтей. Но въ первоначальной лѣтописи сыновьями Рогнѣды называются, кромѣ старшаго Изяслава, въ такомъ порядкѣ еще три князя: Мстиславъ, Ярославъ и Всеволодъ, и такъ какъ самъ Ярославъ, родоначальникъ тѣхъ всѣхъ русскихъ князей, съ которыми въ родовой враждѣ находились потомки Рогнѣды, былъ самъ сыномъ Рогнѣды, то здѣсь уже нѣтъ мѣста связи между этой враждой и исторіею Рогнѣды, да и самое преданіе, записанное въ Лаврентьевской

лѣтописи, дѣлается невозможнымъ въ соглашеніи съ первоначальною лѣтописью. Но въ первоначальной лѣтописи по этому поводу возникаетъ противорѣчіе и нелѣпость. Ярославъ, какъ сказано подъ 1054 годомъ, скончался 76-ти лѣтъ отъ роду (жилъ же всѣхъ лѣтъ 70 и 6). Но если такъ, то значитъ онъ долженъ былъ родиться въ 978 году, и это выходитъ за два года до брака его отца съ его матерью! Все это наглядно показываетъ, что въ лѣтописные своды входили разнородныя и противорѣчивыя извѣстія, и сводчики мало обращали вниманія на то, чтобъ соглашать ихъ, а часто помѣщали какъ попало то, что слышали. Разность представленій о Рогнѣдѣ и ея потомствѣ служитъ для насъ образчикомъ и разительнымъ доказательствомъ того, что преданія, занесенныя въ лѣтописи, ходили (какъ и слѣдовало ожидать сообразно общему свойству преданій) въ разныхъ варіантахъ, а намъ большая часть ихъ досталась только въ одномъ, и потому основываться на нихъ и считать за ними фактическую правду въ томъ видѣ, въ какомъ они занесены въ лѣтописи, будетъ до крайности опрометчиво. Изъ двухъ извѣстій о Рогнѣдѣ и ея потомствѣ можно скорѣе считать ближе къ фактической правдѣ преданіе полоцкое, по крайней мѣрѣ потому, что съ нимъ соединяли понятіе о причинѣ вражды полоцкихъ князей къ князьямъ Ярославова дома, факта несомнѣннаго. У полоцкихъ князей, такимъ образомъ, было убѣжденіе, что они по происхожденію отличны отъ Ярославичей; они одни считали себя внуками Роговолода; у нихъ однихъ было въ употребленіи предковское имя. Что касается до самой личности Роговолода, то надобно думать, что пѣсенная фантазія сдѣлала его пришельцемъ изъ-за моря, по общему свойству преданій выводить героевъ и предковъ издалека. Имя Роговолода чисто славянское. Вѣроятнѣе всего, онъ былъ природный мѣстный князь Полоцкій, и оттого-то имя его такъ прильнуло къ роду князей мѣстныхъ, происходившихъ отъ него только по женской линіи. Народъ видѣлъ въ своихъ князьяхъ близкій себѣ мѣстный, а не прихожій, не завоевательный элементъ.

XVII.

Преданія о Владимірѣ и его эпохѣ въ Никоновскомъ сводѣ лѣтописныхъ сказаній.

Въ строю нашихъ историческихъ источниковъ вообще, а въ особенности по отношенію къ эпохѣ Владиміра, есть вопросъ, еще не установившійся и нерѣшенный безповоротно,—это вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать тѣ сказанія о разсматриваемой нами эпохѣ, которыя, не находясь въ спискахъ болѣе древнихъ нашей первоначальной лѣтописи, встрѣчаются въ такъ-называемой Никоновской лѣтописи, сводѣ списковъ, составленномъ въ XVI-мъ вѣкѣ и напечатанномъ по разнымъ спискамъ этого свода подъ именемъ патріаршей или Никоновой лѣтописи въ 9-мъ томѣ полнаго собранія лѣтописей, изданныхъ археографическою коммиссіею. Карамзинъ положительно отвергалъ фактическую достовѣрность этихъ сказаній, но позднѣйшіе историки и изслѣдователи, вполнѣ почтенные и авторитетные, смотрѣли на нихъ иначе, руководствуясь вообще довольно легкимъ критическимъ правиломъ допускать за вѣрное то, что кажется правдоподобнымъ.

Для насъ вопросъ о фактической достовѣрности хотя самъ по себѣ очень важенъ, не составляетъ, однако, главнаго достоинства сказанія. Изъ того, что вошло въ первоначальную лѣтопись, мы только за немногимъ и то больше въ общихъ чертахъ, признаёмъ фактическую достовѣрность, однако тѣмъ не менѣе считаемъ большою историческою драгоцѣнностію все содержаніе этой лѣтописи. Что нужды, что походъ Святослава на грековъ происходилъ совсѣмъ не такъ, какъ описанъ въ лѣтописи, очевидно, на основаніи народнаго сказанія, или народной думы? Все равно, остается тотъ фактъ, что именно такъ сложилось о немъ представленіе у народа, а такого рода факты мы считаемъ столько же важными, какъ и то, какимъ образомъ происходило на самомъ дѣлѣ сообщаемое событіе; иногда же фактическая достовѣрность, по незначительности самаго факта, бываетъ въ особенности важною только потому, что служитъ мѣриломъ важности сообщаемыхъ въ данномъ источникѣ вымысловъ, въ смыслѣ признанія такихъ вымысловъ народнымъ произведеніемъ цѣлыхъ массъ и поколѣній, а не личности какого-нибудь писателя. Нельзя признавать вообще недостовѣрными и неважными извѣстія, встрѣчаемыя въ позднѣйшихъ спискахъ единственно на

томъ основаніи, что ихъ нѣтъ въ болѣе старыхъ спискахъ, такъ какъ у насъ нѣтъ такихъ списковъ первоначальной лѣтописи, которые бы мы могли хотя приблизительно назвать современными ея составленію. Самый сравнительно-древній списокъ, Лаврентьевскій, двумястами семидесятью годами моложе извѣстной намъ ранней редакціи первональной лѣтописи, указываемой подъ 1110-мъ годомъ. Если мы видимъ въ болѣе позднихъ спискахъ то, чего не находимъ въ извѣстныхъ намъ болѣе старыхъ, то въ послѣднихъ могло быть упущено то, что находилось въ тѣхъ болѣе древнихъ, которые не дошли до насъ, и въ позднѣйшіе списки могли заноситься извѣстія изъ этихъ неизвѣстныхъ для насъ древнѣйшихъ списковъ. Вѣроятность этого подтверждается нѣкоторыми примѣрами, показывающими, что въ позднѣйшихъ спискахъ встрѣчаются и опущенія того, что находится въ болѣе старыхъ. Напр., въ Софійскомъ спискѣ первоначальной лѣтописи, который позднѣе Лаврентьевскаго, при исчисленіи событій временъ Владиміра, опущены кое-какія извѣстія, находящіяся въ Лаврентьевскомъ, какъ-то: подъ 6506—6519-мъ годами мы не видимъ преставленія Мальфрѣди, Рогнѣды, Всеслава, перенесенія святыхъ въ церковь Богородицы, также подъ 6524-мъ о сгорѣніи церквей въ Кіевѣ, подъ 6537-мъ годомъ о мирѣ, подъ 6545 о построеніи церкви Ирины, о любви Ярослава къ книгамъ; подъ 6559-мъ нѣтъ пространнаго сказанія объ основаніи Печерскаго монастыря. Въ патріаршей или Никоновой лѣтописи многіе разсказы, подробно изложенные въ старыхъ спискахъ, сокращены, напр.: о мести Ольги надъ древлянами; а о распоряженіяхъ Ольги въ Древлянской землѣ вовсе нѣтъ ничего; въ повѣствованіи о Владимирѣ нѣтъ ничего о низверженіи Перуна въ Днѣпръ, о пирѣ, устроенномъ въ Василевѣ, о возобновленіи виры и проч.; такимъ же образомъ, по аналогіи, можно допускать, что и въ Лаврентьевскомъ упущено что-нибудь такое, что находилось въ болѣе древнихъ спискахъ; наоборотъ, могли быть и несомнѣнно были такія извѣстія, которыя не входили въ первую редакцію первоначальной лѣтописи, и включены въ нее послѣ, и которыя однако имѣютъ одинакое значеніе съ вписанными первымъ составителемъ лѣтописнаго свода. Таковы извѣстія, касающіяся Новгорода, очевидно вписанныя новгородцами, знавшими свои мѣстныя событія и преданія лучше другихъ. Въ числѣ ихъ бросается намъ въ глаза преданіе о низверженіи Перуна въ Волховъ. Когда этого идола бросили въ Волховъ, то вошелъ въ него бѣсъ; и сталъ идолъ кричать, и бросилъ на мостъ палицу свою и сказалъ: поминайте меня новгородскіе дѣти! оттого новгородцы такъ и дерутся между собою. Преданіе это выдумано въ

Новгородѣ въ качествѣ остроты надъ новгородскими драками, часто происходившими на волховскомъ мосту. Другой анекдотъ о Пидьблянинѣ, который, ѣдучи въ городъ съ горшками, увидѣлъ Перуна приплывшаго къ берегу и оттолкнулъ его, сказавши: «довольно ты, Перунище, ѣлъ и пилъ, теперь плыви прочь!» также носитъ насмѣшливый колоритъ. Можно принять за вѣрное, что оба преданія первоначально сочинены были книжными людьми, потому что въ нихъ видѣнъ взглядъ автора, какъ-бы стоящаго внѣ массы и наблюдающаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и насмѣхающагося надъ свойствами этой массы. Но преданія эти таковы, что, бывъ сочинены отдѣльными лицами, могли легко разойтись въ народѣ; до какой степени они въ свое время онародились, мы не знаемъ, но если только съ ними это случилось, то конечно въ тѣ времена, когда уже христіанство восторжествовало, и воспоминанія о язычествѣ, теряя его признаки, возбуждавшіе прежде живую злобу, облекались насмѣшкою. Новгородскіе книжники занесли это преданіе въ первоначальную лѣтопись. Подобнымъ путемъ входило въ лѣтопись и многое другое по мѣрѣ того, какъ лѣтопись распространялась по русскимъ землямъ. Какъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ вполнѣ законно появлялись такія вставки, показываетъ мѣсто подъ 6527-мъ годомъ, гдѣ описывается, какъ Ярославъ бился съ Святополкомъ окаяннымъ. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ разсказывается, какъ кіевляне издѣвались надъ новгородцами, называли ихъ плотниками и грозили приставить ихъ строить себѣ хоромы. Новгородцы раздражились, кричали, что терпѣть болѣе не станутъ и непремѣнно перевезутся утромъ черезъ Днѣпръ. Святополкъ стоялъ между озерами и всю ночь пилъ съ своею дружиною. Утромъ Ярославъ съ новгородцами переправился и началась сѣча. Но новгородецъ, списывавшій это извѣстіе, прибавилъ такія черты, которыя были извѣстны ему изъ мѣстныхъ новгородскихъ преданій и были неизвѣстны кіевскому описателю тѣхъ же событій. У Святополка былъ мужъ, расположенный къ Ярославу; къ нему послалъ Ярославъ отрока своего сказать ему: «Оньси! что ты тому велишь творити? Меду мало, а дружины много». На это мужъ, находившійся въ противномъ станѣ, отвѣчалъ: «Рчи Ярославу: да че меду мало, а дружины много, а къ вечеру вдати!» Ярославъ изъ этихъ неясныхъ словъ уразумѣлъ, что надобно сдѣлать нападеніе въ ночь и тотчасъ, вечеромъ—а не утромъ, какъ поставилъ кіевлянинъ, описывавшій это событіе — переправился черезъ Днѣпръ и приказалъ своей дружинѣ въ знакъ отличія отъ враговъ обвивать головы платками, а послѣ одержанной побѣды раздавалъ своимъ воинамъ деньги. Эти извѣстія вставлены, но, какъ мѣстныя

преданія, они не портятъ, а поправляютъ первоначальную редакцію и дополняютъ ее. Понятно, что подобныя мѣстныя преданія, вписанныя въ тѣ списки, которые попали въ тѣ земли, откуда эти преданія могли быть заносимы, или которые составлялись въ этихъ земляхъ съ прежнихъ списковъ, не попадали въ другіе списки, миновавшіе эти земли. Бывало, какъ видно, и наоборотъ. Переписчикъ, по своему вкусу и понятіямъ, находилъ неважнымъ сказаніе и сокращалъ его, другое находилъ непонятнымъ и выпускалъ, либо измѣнялъ. Этимъ можно объяснить сокращенныя извѣстія о мести Ольги въ патріаршей лѣтописи, а равно и то, какимъ образомъ цѣрь измѣнялась въ сѣру, капища въ болваны, ладья (оноя страны въ разсказѣ о нападеніи печенѣговъ на Кіевъ при Святославѣ) въ людей, усніе въ кожу сыромятную, провары въ берковски и проч. и проч. Иныя извѣстія показывались переписчикамъ требующими тутъ же поясненій. Напр., извѣстіе первоначальной лѣтописи о томъ, что Владиміръ, строя города въ русской землѣ, населялъ ихъ словѣнами и кривичами, у послѣдующаго переписчика потребовали пояснительныхъ словъ, и въ Никоновой лѣтописи мы встрѣчамъ фразу: «словѣни сирѣчь новгородци, кривичи сирѣчь смольняни». Были и такія измѣненія, относительно которыхъ теперь намъ уже трудно рѣшить: какая редакція древнѣе и правильнѣе, напр., въ извѣстіи о томъ, что Владиміръ совѣтовался съ близкими себѣ людьми о строеніи земли; въ Лаврентьевскомъ спискѣ эти близкіе названы дружиною, а въ Софійскомъ они названы просто люди, и послѣднее быть можетъ точнѣе, такъ какъ и по Лаврентьевскому списку смыслъ предшествовавшихъ словъ не даетъ намъ права заключать, чтобы здѣсь рѣчь шла о дружинѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого названія. Подобныхъ примѣровъ можно представить довольно, но подробный анализъ лѣтописныхъ текстовъ не составляетъ цѣли настоящаго сочиненія, котораго кругъ указывается его названіемъ. Мы хотимъ только указать, что ненахожденіе извѣстія въ спискахъ, которые въ нашихъ глазахъ имѣютъ сравнительно авторитетъ древности, а равно и измѣненія въ изложеніи и выраженіи этихъ извѣстій не могутъ такое извѣстіе или измѣненіе лишать права на историческое значеніе. Подновленный языкъ, хотя вообще служитъ качествомъ ослабляющимъ достовѣрность, самъ по себѣ не можетъ уничтожать этого права, если при этомъ не измѣняетъ смыслъ рѣчи. За то не слѣдуетъ, опираясь на это, быть легковѣрнымъ и успокоиваться на правдоподобіи, какъ у насъ именно бывало. Правдоподобіе хотя всегда будетъ важнѣйшимъ признакомъ, ведущимъ къ признанію историческаго значенія за даннымъ

извѣстіемъ, не можетъ однако и не должно быть исключительною и единственною нашею опорою въ этомъ отношеніи. Если очень часто выдумки обличаютъ себя неправдоподобіемъ и неловкостію сочиненія, то можетъ быть и ложь правдоподобная. Съ другой стороны, наше незнакомство съ разными подробностями прошедшаго стариннаго быта можетъ привести насъ въ искушенію признать неправдоподобнымъ, по нашимъ соображеніямъ, то, что въ свое время по прежнимъ условіямъ было вполнѣ естественно. Вообще въ такихъ случаяхъ, кромѣ того чутья, которое составляетъ душу исторической критики и которымъ въ замѣчательной степени обладалъ Карамзинъ, мы должны смотрѣть на характеръ источника, и если онъ окажется безспорно мутнымъ, исполненнымъ очевидной лжи, то самое правдоподобное извѣстіе, имъ передаваемое, нельзя принимать за достовѣрное, если это извѣстіе не подтверждается другимъ источникомъ, заслуживающимъ болѣе вѣры. Такое извѣстіе ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть исторической важности, кромѣ только для характеристики самаго источника. Приложеніе этихъ правилъ къ нашимъ лѣтописнымъ спискамъ представляетъ большое затрудненіе именно потому, что всякій изъ этихъ списковъ не есть произведеніе одной личности или одной эпохи, и потому явныя черты, дающія тексту въ одномъ мѣстѣ характеръ недостовѣрности и незначительности по отношенію къ исторической важности, въ другомъ не могутъ всегда служить опорою, такъ какъ переписчикъ, списывая чужое, могъ списать и правду и ложь, сочиненную прежними книжниками, или же могъ въ одномъ мѣстѣ по своему вкусу исказить текстъ переписываемаго, а въ другомъ оставить его неискаженнымъ. Отъ этого при самыхъ счастливыхъ для насъ сочетаніяхъ признаковъ, дающихъ право на соображенія, необходимо должны будутъ оставаться такія извѣстія, о которыхъ придется ограничиться однимъ сомнѣніемъ.

Предъ нами патріаршая или Никонова лѣтопись съ ея воспроизведеніемъ первоначальной Сильвестровой лѣтописи и съ ея прибавками. Такъ какъ разсмотрѣніе ея въ цѣлости не составляетъ въ настоящее время нашей цѣли, то мы ограничимся тѣмъ періодомъ, который насъ занимаетъ въ данную минуту, періодомъ княженія Владиміра отъ его крещенія до смерти.

Кромѣ такихъ извѣстій, которыхъ и самаго предмета вовсе нѣтъ въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ, мы встрѣчаемъ здѣсь такія описанія, которыя явно взяты изъ того же текста, какой находится въ означенныхъ нами двухъ раннихъ спискахъ, но съ такою амплификаціею, которая показываетъ, что книжникъ,

передавшій эти описанія своду патріаршей лѣтописи, не слишкомъ застѣнчиво обращался съ тѣмъ, что переписывалъ, а находя кое-что по своему вкусу недостаточнымъ, дополнялъ собственными измышленіями.

Вотъ битва силача съ печенѣжаниномъ. Разсказъ въ сокращенномъ видѣ противъ извѣстнаго намъ болѣе древняго текста; онъ лишенъ здѣсь прелести народнаго сказанія, за то есть свои прибавки и измѣненія, но такого свойства, что никакъ нельзя растолковать ихъ тѣмъ, что книжникъ внесъ ихъ потому что узналъ какія-нибудь подробности, которыхъ не зналъ записавшій сказаніе прежде. Ничего подобнаго не выказывается. Вмѣсто современнаго, естественнаго по своему строю, извѣстія о томъ, что послѣ вызова со стороны печенѣговъ Владимиръ послалъ биричей (или вирича, по Ипатскому) «по товаромъ», то-есть по войсковому обозу, въ Никоновскомъ сводѣ «по всей русской землѣ пославъ взыскати такова человѣка»: замѣненіе русскою землею «товаровъ», конечно, позднѣйшее и не могло основываться на какой-нибудь поправкѣ другою древнею редакціею, потому что посольство «по товарамъ» вяжется со всѣмъ тономъ сказанія, а посольство по всей русской землѣ никакъ съ нимъ не вяжется. Далѣе, въ старинныхъ спискахъ отецъ говоритъ Владимиру, что сынъ его мялъ кожу, а въ патріаршей лѣтописи что онъ кроилъ кожу, да еще прибавлено «сыромятную» великаго вола «аргичнаго» (обозваго); очевидно, книжникъ по собственному соображенію добавилъ то, чего не было въ текстѣ и уже измѣнилъ нѣсколько смыслъ разсказа. Далѣе въ текстѣ старинныхъ списковъ сказано только, что печенѣжанинъ, увидя русскаго силача, посмѣялся, но книжнику, котораго передѣлка вошла въ Никоновскій сводъ, этого показалось недостаточно; онъ вообразилъ себѣ, какъ печенѣжанинъ посмѣялся, что́ именно печенѣжанинъ тогда сказалъ въ насмѣшку и привелъ слова, которыя вложилъ ему въ уста: «како сей худый грядетъ противъ мене братися?» Мы увѣрены, что если бы въ первоначальной редакціи вмѣсто словъ «посмѣявся» было выражено какими словами посмѣялся печанѣжанинъ надъ русскимъ, то вышло бы что-нибудь позамысловатѣе; напротивъ, неприведеніе точныхъ словъ насмѣшки печенѣга вполнѣ естественно: печенѣгъ этотъ не зналъ по-русски и русскіе могли только замѣтить, что онъ смѣялся или издѣвался надъ русскимъ силачомъ, но не понимали словъ его; предшествовавшіе переговоры могли происходить черезъ тѣхъ немногихъ, которые умѣли по-русски, а вся рать не знала чужого языка. Такъ всегда бываетъ, и если самая битва есть локализованный сказочный вымыселъ, то нельзя не признать естественности и стройности за его изло-

женіемъ въ старинныхъ спискахъ. Въ этихъ спискахъ битва изображается просто, но образно и естественно: «и размѣривши меже объими полками, пустиша я къ собѣ, и ястася, почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣжанинъ въ руку до смерти и удари имъ о землю»;—въ Никоновской лѣтописи, вмѣсто этого, напыщенная книжная риторика съ религіознымъ колоритомъ, показывающая, что духовное книжное лицо нашло простое описаніе слишкомъ недостойнымъ своего пера и замѣнило его своимъ: «И поиде ко отроку яростно дыша яко левъ и гордостію вздымаяся яко демонъ, и крича и вьпія на отрока; отрокъ же, надежу имѣя на Бога и на пречистую Богородицу, не боязся, противу его идяше и одолѣвъ уби богатыря печенѣжьскаго».

Посмотримъ на другое сказаніе. Въ старинныхъ спискахъ подъ 6504, а въ Никоновой подъ 6506 г., разсказывается о свершеніи церкви Десятинной (замѣтимъ, что въ первыхъ спискахъ это происходитъ до приключенія въ Василевѣ, а въ Никоновской послѣ). Въ старинныхъ спискахъ послѣ молитвы Владимира говорится отъ его имени просто: «даю церкви сей святѣй Богородици отъ имѣнія моего и отъ градъ моихъ десятую часть». Въ Никоновскомъ эти слова уже и сами по себѣ измѣнены, да еще прибавленъ «отецъ митрополитъ» (объ этомъ предметѣ скажемъ ниже). Владимиръ произноситъ эти слова «восплакавъ и прослезився»—опять прибавка очевидно риторичная. Далѣе, въ старинныхъ спискахъ сообщается только, что Владимиръ далъ десятину Настасу Корсунянину, а въ Никоновскомъ, собственно безъ всякаго существенно новаго извѣстія (кромѣ присутствія митрополита), это выражается уже рѣчью Владимира и самая должность Анастаса для поясненія расширяется. «И рече ко Анастасу Корсунянину: да будетъ въ покореніи и послушаніи всяцемъ о Господи отцемъ нашимъ митрополитомъ, и вдаде десятиномъ и инымъ вещемъ хранителя Анастаса Корсунянина». Извѣстіе о томъ, что Владимиръ боялся казнить разбойниковъ, выражено въ старинныхъ спискахъ просто: «и умножишася разбоеве и рѣша епископи Володимеру: се умножишася разбойници, почто не казниши ихъ? онъ же рече имъ: боюся грѣха. Они же рѣша ему: ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье, достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ виры нача казнити разбойниковъ». Все это въ Никоновской лѣтописи выражено съ амплификаціей, измѣняющей значительно смыслъ; вмѣсто «умножишася разбоеве» говорится «ненавидяй же добра діаволъ сотвори въ людехъ лукавство и братъ брата и другъ другъ лихоимствоваша и еще умножишася разбои въ землѣ русстѣй». Епископы не прямо

обращаются къ Владиміру, а къ митрополиту съ жалобой на великую кротость и тихость Владиміра; митрополитъ посылаетъ ихъ же ко князю съ нравоученіемъ: «идите и рцыте ему, да воспрещаетъ злымъ и да казнитъ разбойники по божественному закону, со испытаніемъ и разсмотрѣніемъ, писано бо есть: овѣхъ милуйте разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, тако бо есть воля Божія, рече апостолъ: благотворящимъ обуздовати безумныхъ человѣкъ неразуміе и яко власти не суть боязнь благымъ дѣломъ но злымъ, аще ли кто хощетъ власти небоятися, благое да творитъ, и имать похвалу отъ нея». Епископы идутъ къ Владиміру и начинаютъ вести рѣчь не отъ себя, а отъ лица митрополита: «отецъ твой Леонтъ, митрополитъ всея Руси, посла насъ къ тебѣ сице глаголя»; однако затѣмъ передается не то, что прежде влагалось въ уста митрополиту, а слѣдующее: «яко умножишася разбойници въ земли нашей и почто не воспрещаеши и не казниши ихъ?» Зачѣмъ явился здѣсь митрополитъ? Очевидно, это придумано было тогда, когда возникла мысль о безусловномъ іерархическомъ подчиненіи духовенства митрополиту, на что, какъ извѣстно, упирали особенно митрополиты въ XIV и XV вѣкахъ по отношенію къ Новгороду. Епископы сами не смѣютъ идти ко князю Владиміру мимо своей верховной церковной власти, что въ сущности нелѣпо, потому что вопросъ былъ не прямо церковный. Если митрополитъ былъ ближе ко князю, то почему же митрополитъ самъ не сказалъ ему того, что передаетъ епископамъ? Далѣе: вмѣсто простого отвѣта Владимірова «боюся грѣха», въ Никоновской лѣтописи Владиміръ упражняется въ риторикѣ: «боюся Господа Бога; кто бо есмь азъ, яко много согрѣшихъ и беззаконновахъ паче всѣхъ человѣкъ подъ солнцемъ»; и епископы, вмѣсто простого, но благоразумнаго совѣта Владиміру казнить преступниковъ съ разсмотрѣніемъ—читаютъ ему проповѣдь объ обязанностяхъ князя въ самыхъ избитыхъ выраженіяхъ (поставленъ еси отъ Христа Бога на воспрещеніе и на обузданіе и на казнь злодѣйствующимъ, а добрымъ на милованіе и подобаетъ ти со испытаніемъ и разсмотрѣніемъ злыхъ казнити, по закону божественному, а добрыхъ миловати, понеже власть въ обоихъ сихъ послушныхъ окормляетъ еже есть страхомъ и милостію, безъ нихъ бо власть никакоже пребываетъ). Владиміра, послѣ того, заставляютъ произнести такое рѣшеніе: «да творю тако, якоже учитъ отецъ нашъ и ваша святость наказуетъ». Все это выдумано, очевидно, для того, чтобъ изобразить похвальное смиреніе Владиміра и покорность духовной власти въ примѣръ другимъ свѣтскимъ властямъ; митрополитъ, какъ средоточіе духовной

власти, стоитъ на первомъ планѣ. Въ старинныхъ спискахъ Владимиръ измѣняетъ систему правосудія по совѣту епископовъ и старцевъ и возобновляетъ виры, прежде отмѣненныя; сами епископы увидали, что смертная казнь не въ духѣ народа и сообразили, что виры могутъ быть допущены, тѣмъ болѣе, что составляютъ доходъ, обращаемый на защиту страны. Въ Никоновскомъ сводѣ совсѣмъ нѣтъ ничего о возобновленіи виръ, и понятно почему: не слѣдовало представлять духовную власть такою измѣнчивою, да и съ достоинствомъ святого мужа въ особѣ Владимира сообразнѣе будетъ удержать тотъ способъ правосудія, какой принятъ въ благочестивой Византіи, чѣмъ допустить его предпочесть тотъ способъ, который соблюдался въ язычествѣ.

Въ старинныхъ спискахъ подъ 6508 годомъ сказано: «преставися Малъфрѣдь», очевидно лицо женскаго пола. Но позднѣйшій книжникъ, не понимая этого, и относя событіе къ 6510 г., вообразилъ, что идетъ рѣчь о мужчинѣ, передѣлалъ «Малъфрѣдь» въ «Малъврѣдъ» и прибавилъ эпитетъ «сильный», вѣроятно, соображая, что если смерть этого Малъврѣда заслужила упоминанія, то стало быть онъ отличался чѣмъ-то необыкновеннымъ, и потому позволительно прибавить къ нему «сильный». Подъ 6509 годомъ въ старинныхъ спискахъ говорится: «преставися Изяславъ, отецъ Брячиславовъ, сынъ Володимирь». И только. Но въ Никоновскомъ сводѣ подъ 6511 годомъ этотъ преставившійся князь является съ такими добродѣтелями, какими вообще привыкли украшать память князей, то-есть къ нему приложены избитыя фразы, подходящія къ кому угодно: «бысть же сей князь тихъ и кротокъ и смиренъ и милостивъ, и любя зѣло и почитая священническый чинъ, и иноческый, и прилежаше прочитанію божественныхъ писаній и отвращаяся отъ суетныхъ глумленій, и слезенъ и умиленъ и долготерпѣливъ». Такимъ образомъ, здѣсь риторическая амплификація смѣло создаетъ историческое лицо такимъ, какимъ, быть можетъ, оно вовсе не было.

Замѣчательно, однако, что подобныя прикрасы и прибавки, показывающія недобросовѣстное обращеніе съ источниками, не систематически и не повсемѣстно вошли въ Никоновскій сводъ. Подъ 6523 годомъ, уже одновременно съ годомъ, указываемымъ въ старинныхъ спискахъ, разсказывается смерть Владимира, сходно съ описаніемъ въ Лаврентьевскомъ и въ Ипатскомъ спискахъ, и если бы гдѣ, то здѣсь кстати привести было митрополита, но его здѣсь именно нѣтъ. Такимъ образомъ, оказывается, что тогда какъ нѣкоторыя мѣста подвергнуты измѣненіямъ, прибавкамъ, выпускамъ и вставкамъ, другія остались въ томъ видѣ, въ какомъ

мы застаемъ ихъ въ спискахъ XIV-го и XV-го вѣка, съ небольшими перемѣнами въ языкѣ. Само собою разумѣется, что такимъ образомъ въ Никоновской сводъ могло войти нетронутое позднѣйшими переписчиками и такое мѣсто изъ стариннаго списка, которое намъ является въ первый разъ въ позднемъ спискѣ, но которое все-таки принадлежитъ старинѣ. Но это предположеніе не должно насъ слишкомъ увлекать къ довѣрчивости, какъ только мы критически разсмотримъ правдивость и древность нѣкоторыхъ извѣстій, ненаходящихся въ старинныхъ спискахъ и сохранившихся въ Никоновскомъ сводѣ. Въ настоящемъ изслѣдованіи мы имѣемъ дѣло только съ народными преданіями, а потому будемъ касаться всего того, что, принадлежа къ своеобразнымъ извѣстіямъ Никоновскаго свода, не входитъ непосредственно въ кругъ народныхъ преданій, настолько, насколько обзоръ такихъ извѣстій нуженъ намъ для опредѣленія цѣнности того, что мы вправѣ были бы отнести къ области разсматриваемаго нами предмета.

Въ прибавкахъ Никоновскаго свода, относящихся къ періоду Владимира послѣ крещенія, первое мѣсто по значенію занимаетъ исторія митрополитовъ, съ явнымъ желаніемъ указать на ихъ силу и вліяніе. Подъ годомъ крещенія говорится, что Владиміръ посылалъ въ Грецію къ преосвященному патріарху Фотію и взялъ отъ него перваго русскаго митрополита Михаила. Очевидно, невѣжда, выдумавшій это, слыхалъ о крещеніи русскихъ при Фотіѣ въ половинѣ IX-го вѣка и перенесъ это событіе на времена Владимира, а переписчики свода не задавали себѣ вопроса о томъ, какъ это Фотій, о которомъ они сами списывали извѣстіе по случаю похода Оскольда и Дира, могъ дѣйствовать въ концѣ X-го вѣка, или же воображали себѣ другого Фотія цареградскимъ патріархомъ во времена Владимира. Самый митрополитъ, присланный Фотіемъ, былъ родомъ сирянинъ; его очертили, какъ слѣдуетъ, качествами, подходящими къ званію: «учителенъ зѣло и премудръ премного, и житіемъ великъ и крѣпокъ зѣло, родомъ Сиринъ, тихъ убо бѣ, и кротокъ и смиренъ, и милостивъ премного, иногда же страшенъ и свирѣпъ, егда время требоваше».

Уже самое назначеніе въ русскіе митрополиты сирянина вещь странная: почему не прислали славянина, которому легче было привыкнуть обращаться съ своею паствою?

Но вотъ, послѣ этого извѣстія, которое могло быть взято изъ источника совершенно независимаго отъ первоначальной лѣтописи, этого митрополита, такъ сказать, суютъ повсюду въ текстъ лѣто-

писи, гдѣ только пригодно. Въ старинныхъ спискахъ отъѣздъ Владимира изъ Корсуня описывается такъ: «Володимеръ же поемъ царицю и Настаса и попы корсунскіе съ мощми святого Климента и Фифа ученика его, поима съсуды церковныя иконы на благословеніе себѣ». Въ Никоновскомъ сводѣ это самое мѣсто преобразилось уже въ такой видъ: «Поиде Володимеръ съ отцемъ своимъ митрополитомъ къ Кіеву и взятъ съ собою мощи святаго Климента и Фива ученика его и святыя кресты и святыя иконы и священныя сосуды церковныя и отъ пресвитеровъ корсунскихъ многихъ избравъ взятъ и Онастаса» и пр.

Митрополитъ креститъ дѣтей Владимира, присутствуетъ при крещеніи народа, тогда какъ въ старинныхъ спискахъ при этомъ событіи упоминаются только «попы царицыны и попы корсунскіе»; съ митрополитомъ совѣтуется Владиміръ о заведеніи училищъ. Подъ 990 годомъ Михаилъ съ шестью епископами идетъ въ Новгородъ, сокрушаетъ идоловъ, строитъ церкви, поставляетъ пресвитеровъ по городамъ и селамъ; на слѣдующій затѣмъ годъ онъ идетъ до Ростова съ четырьмя епископами, о которыхъ какъ и о шести сопровождавшихъ митрополита въ Новгородъ, сдѣлано замѣчаніе, что ихъ далъ ему патріархъ, Фотій; и въ Ростовѣ митрополитъ креститъ людей, строитъ церкви. На слѣдующій годъ— Владимиръ идетъ въ Суздальскую землю, уже безъ митрополита, съ двумя епископами патріарха Фотія, креститъ людей и строитъ городъ Владиміръ на Клязьмѣ. Между тѣмъ митрополитъ Михаилъ умираетъ. «Владимиръ о немъ поскорбѣ и прослезися», и едва утѣшили его отъ такой потери епископы Фотія. Немедленно тотъ же Фотій присылаетъ другого митрополита Леонта, который ставитъ въ Новгородъ епископа Іоакима Корсунянина, который разорилъ достальныя требища, сокрушилъ идоловъ, разсѣкъ Перуна и бросилъ въ Волховъ. Самъ Леонтъ ставитъ епископовъ въ Черниговъ, Ростовъ, Владиміръ, Бѣлградъ. Но въ 1008 году вмѣсто ихъ другой уже митрополитъ, Іоаннъ, строитъ каменную церковь Петра и Павла въ Кіевѣ.

Все это очень правдоподобно и въ сущности согласуется съ короткимъ извѣстіемъ старинныхъ списковъ: «и нача (Владимиръ) ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ», но тѣмъ не менѣе эти правдоподобныя извѣстія не что иное, какъ правдоподобныя выдумки. Въ старинныхъ спискахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на существованіе митрополитовъ въ Руси до самаго Ярослава, а между тѣмъ встрѣчаются мѣста, гдѣ бы неизбѣжно было упомянуто о митрополитѣ, еслибъ онъ былъ въ Руси на самомъ дѣлѣ.

Изъ этихъ списковъ видно, что Владиміръ, отъѣзжая изъ Корсуня, взялъ съ собою поповъ, которыхъ было два рода: попы царицыны, то-есть прибывшіе изъ Константинополя вмѣстѣ съ царевною Анною, которая, какъ видно, по выходѣ замужъ за русскаго князя носила титулъ царицы, и попы корсунскіе, то-есть взятые изъ Корсуня отъ тамошняго архіерея. При описаніи крещенія народа въ Кіевѣ являются тѣ же самые попы царицыны и корсунскіе, которыхъ привезъ съ собою Владиміръ изъ Херсонеса. Еслибы при такомъ великомъ, торжественномъ и вѣчнопамятномъ событіи были епископы и тѣмъ болѣе митрополитъ, то возможно ли, чтобъ лѣтописецъ не упомянулъ о нихъ, упомянувши о попахъ? Да и переписчики именно въ этомъ мѣстѣ едвали бы сдѣлали такое опущеніе, возможное при описаніи другихъ событій, менѣе бросающихся въ глаза своею крупностію! Но епископское достоинство не замедлило явиться въ Руси, какъ только стали умножаться церкви и начала распространяться вѣра. Въ 996-мъ году, слѣдовательно, черезъ восемь лѣтъ послѣ крещенія, мы встрѣчаемъ указаніе уже не на епископа, но на епископовъ: о нихъ упоминается по поводу разсказа объ умноженіи разбоевъ и о нежеланіи Владиміра, изъ боязни грѣха, казнить разбойниковъ. По поводу построенія Десятинной церкви (которой окончаніе отнесено также къ 996 году) въ Лаврентьевскомъ спискѣ говорится (подъ годомъ 996): «И наченшу же здати и яко скончa зижа украси ю иконами и поручи Настасу Корсунянину и попы корсуньскыя пристави служити въ ней вдавъ ту еже бѣ взялъ въ Корсуни иконы и съсуды и кресты». Но въ Новгородскомъ спискѣ (Новикова Продолж. Вивліоф. II. 319) это мѣсто выражено такъ: «и наченшу ему ставити, яко скончa церковь и украси ю святыми и честными иконами и поручивъ ю Ерею Анастасу Корсунянину, епископы Корсунскія пристави служити в ней, и вда ту все еже бѣ въ Корсунѣ взялъ, иконы, съсуды и кресты». Намъ кажется, что здѣсь епископы—не плодъ празднаго измышленія позднѣйшихъ книжниковъ. Мы дозволяемъ себѣ догадываться, что въ древней редакціи были епископы и попы корсунскіе, и переписчики впослѣдствіи въ этомъ мѣстѣ случайно опускали то епископовъ, то поповъ, и большинство списковъ намъ досталось съ одними попами безъ епископовъ. Мы опираемся не на правдоподобіи, а на неизбѣжности такого извѣстія. Такъ какъ въ старинныхъ спискахъ нашей первоначальной лѣтописи именно подъ тѣмъ же годомъ (996) являются епископы по поводу вопроса о казни разбойниковъ, то само собою разумѣется, что эти епископы должны были отправлять богослуженіе

въ главной церкви, которою была Десятинная; слѣдовательно, какъ скоро въ Кіевѣ около Владимира допускаются епископы, то уже извѣстіе объ отправленіи богослуженія въ Десятинной церкви посредствомъ однихъ только корсунскихъ поповъ представляется недостаточнымъ. А что эти епископы были корсунскіе, то это вполнѣ естественно, и показываетъ, что юная русская церковь находилась подъ непосредственною зависимостію отъ архіепископа или митрополита корсунскаго. Въ старыхъ спискахъ, которые имѣлъ подъ рукою Длугошъ, также, вѣроятно, были указанія, давшія польскому историку право положительно сообщить, что корсунскій владыка ставилъ въ Руси духовныхъ [1]) и слѣдовательно тѣмъ самымъ Русь принадлежала къ его діэцезіи. Что духовные въ Кіевѣ, помѣщенные при новопостроенныхъ храмахъ, были корсунскіе, слѣдовательно ставленики тамошняго владыки, это говорится ясно во всѣхъ спискахъ нашей лѣтописи; и пока не было на Руси архіерея, то естественно отъ корсунскаго владыки они зависѣли; но очень вѣроятно, какъ указываетъ новгородскій лѣтописецъ, что и епископы, водворившіеся на Руси уже въ 996 году, были корсунскіе, то-есть зависимые отъ тамошняго архіепископа. Вполнѣ естественно было на первыхъ порахъ именно корсунскому владыкѣ завѣдывать юною и немногочисленною русскою церковью, во-первыхъ, потому, что его мѣстопребываніе было относительно самое близкое къ Кіеву, и во-вторыхъ — что всего важнѣе, — у него въ епархіи крестился русскій князь, отъ него получилъ первыхъ духовныхъ для распространенія вѣры въ своей странѣ. Десятинная церковь, главная въ Кіевѣ, нигдѣ не называется митрополіею, какъ это названіе дается послѣ св. Софіи. Въ 1037-мъ году мы встрѣчаемъ извѣстіе: «заложи же (Ярославъ) и церковь святыя Софья митрополью»; здѣсь въ первый разъ является намъ названіе «митрополья». Намъ кажется яснымъ, что лѣтописецъ, сообщая извѣстіе о заложеніи св. Софіи, имѣлъ мысль указать, что Ярославъ закладывалъ и строилъ эту церковь какъ митрополію — то-есть, какъ храмъ и сѣдалище митрополита, первопрестольника русской церкви. Въ Софійскомъ Временникѣ къ этому извѣстію (церковь св. Софіи представляется уже не заложенною, но оконченною), присоединяется слѣдующее: «Того же лѣта великій князь Ярославъ митрополію устави». Еслибъ эта фраза была и позднѣй-

---

[1]) Aedificat alteram (послѣ церкви св. Василія) ecclesiam b. Mariae Virgini in Kyjow et ornat eam vasis aureis et preciosa suppelectili, et tam in ea quam in aliis ecclesiis Russiae aedificatis corsunensis episcopus ministros et sacerdotes instituit.

шею прибавкою, то она не измѣняетъ сущности дѣла, потому что извѣстіе старинныхъ списковъ о заложеніи Софіи, какъ митрополіи, въ то время, какъ никакая другая церковь до того не называлась митрополіею, уже само собою указываетъ, что, по взгляду лѣтописца, митрополія установлена была во время Ярослава. Все это совпадаетъ съ извѣстіемъ о томъ, что въ это время христіанская вѣра начала особенно распространяться въ Руси (присемъ нача вѣра христіанская плодитися и расширяти). Съ этихъ-то поръ мы начинаемъ встрѣчаться съ митрополитами въ старинныхъ спискахъ лѣтописи: подъ 1039-мъ годомъ читаемъ объ освященіи Десятинной церкви, совершенномъ митрополитомъ Θеопемптомъ. (Въ лѣто 6547-го священа бысть церква Святыя Богородицы юже созда Влодимерь отецъ Ярославль митрополитомъ Θеопемптомъ). Это первое упоминовеніе о митрополитѣ; затѣмъ уже подъ 1051-мъ годомъ говорится о поставленіи митрополита Иларіона (постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ рускимъ въ святѣй Софьи, собравъ епископы). Мы не знаемъ навѣрно, чтó такое былъ митрополитъ Θеопемптъ: слѣдуетъ ли его считать предшественникомъ Иларіона, или же быть можетъ (какъ мы готовы предпочтительнѣе признать) это былъ пріѣзжій изъ Греціи или изъ Корсуня митрополитъ; но объ Иларіонѣ мы имѣемъ уже ясное и положительное извѣстіе, что онъ былъ поставленъ у св. Софіи, созданной нарочно для того, чтобы быть митрополіею, и не могъ быть никакимъ другимъ митрополитомъ, какъ только русскимъ: онъ несомнѣнно открылъ собою рядъ кіевскихъ іерарховъ съ титуломъ митрополита. На основаніи этихъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ старѣйшихъ по времени списковъ первоначальной лѣтописи, открывается намъ естественный ходъ исторіи церковнаго строя. Сначала, когда шло дѣло о первомъ крещеніи погруженной въ язычество массы, Владимиръ привезъ съ собой только священниковъ отъ корсунскаго архіепископа, потомъ вѣра христіанская стала распространяться; этому распространенію способствовало, вѣроятно, то, что посреди язычества уже существовала христіанская община, зависимая, въ духовномъ отношеніи, отъ того же корсунскаго архіепископа, какъ отъ ближайшаго; понадобились епископы, и они пришли изъ того же Корсуня, гдѣ князь русскій принялъ крещеніе, отъ того же корсунскаго архіепископа, отъ котораго этотъ князь взялъ на первый разъ необходимый запасъ духовенства и церковныхъ вещей. Но вотъ выросло другое поколѣніе, воспитанное въ христіанской вѣрѣ, оно изъ своей среды выпустило въ значительномъ числѣ людей книжныхъ, твердыхъ въ вѣрѣ и знающихъ науку вѣры: это тѣ, которыхъ

Владиміръ еще дѣтьми отдавалъ въ ученье; тогда новая вѣра расширилась и возникла потребность верховной іерархіи надъ епископами, и въ Кіевѣ явился митрополитъ, главный между русскими архіереями. Поставленіе Иларіона очень замѣчательно. Ярославъ не посылаетъ его для посвященія къ цареградскому патріарху, а повелѣваетъ избрать епископскимъ соборомъ, и притомъ выборъ падаетъ не на грека, какъ послѣ бывало, а на русина. Книжники, которыхъ мудрованія, приплетенныя къ тексту первоначальной лѣтописи, вошли въ Никоновскій сводъ, передавая это извѣстіе, приложили отъ себя такое приличное объясненіе: «Ярославу, сыну Володимирову, внуку Святославлю съ греки брань и нестроенія быша и сице Ярославъ съ епископы своими русскими съвѣщавшеся умыслиша по священному правилу и уставу апостольскому сице: правило св. апостолъ 1-е: два или тріе епископа да поставляють единаго епископа; и посему священному правилу и уставу божественныхъ апостолъ съшедшеся русскіе епископы поставиша Иларіона русина митрополита Кіеву и всей русской землѣ, не отлучающеся отъ православныхъ патріархъ и благочестія греческаго закона, ни гордящеся отъ нихъ поставлятися, но съблюдающеся отъ вражды и лукавства, яко же бѣша тогда». По наружности — ловкое объясненіе, но совсѣмъ не впопадъ. Брань и нестроеніе съ греками происходили въ 1043-мъ году, а черезъ три года, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, заключенъ былъ миръ съ греками, то-есть въ 1046-мъ году, избраніе же Иларіона происходило въ 1051-мъ году; слѣдовательно, лѣтописецъ, такимъ образомъ распредѣляющій событія, никакъ не могъ имѣть повода приписывать фактъ избранія митрополита посредствомъ русскихъ епископовъ брани и нестроенію съ греками. Вѣроятнѣе, это событіе произошло по другимъ причинамъ, именно отъ желанія отрѣшиться отъ той зависимости, въ какой находилась до того времени русская церковь отъ корсунской архіепископіи и въ исполненіи этого предпріятія встрѣчались какія-нибудь задержки со стороны грековъ, оттого Ярославъ и прибѣгнулъ къ рѣшительному и самостоятельному средству.

Какъ бы то ни было, но всѣ приведенныя нами заключенія могутъ вести къ тому, чтобъ лишить исторической важности выдумки о митрополитахъ до Ярослава, внесенныя въ Никоновскій сводъ. Замѣчательно, что сами выдумщики разногласятъ въ своихъ показаніяхъ. Въ Софійскомъ спискѣ (въ Воскресенскомъ тожъ) первымъ митрополитомъ показанъ Леонтъ, за нимъ слѣдуютъ Михаилъ, Іоаннъ, Өеопемптъ, Иларіонъ. Въ Никоновскомъ сводѣ—

Михаилъ, Леонтій, Іоаннъ, Θеопемптъ, Кириллъ, Иларіонъ. Карамзинъ отвергалъ всѣхъ митрополитовъ до Иларіона, за исключеніемъ Θеопемпта, а Михаилу, котораго мощи почиваютъ въ лаврѣ, благоразумно отвелъ мѣсто въ IX-мъ вѣкѣ. Но послѣдующіе наши историки и изслѣдователи, искушаясь правдоподобіемъ нѣкоторыхъ сторонъ въ позднѣйшихъ выдумкахъ, опять повѣрили въ существованіе этихъ митрополитовъ, тогда какъ одно правдоподобіе не всегда можетъ служить поводомъ допускать извѣстіе, передаваемое слишкомъ поздними источниками о временахъ отдаленныхъ. Намъ придется въ этомъ случаѣ возвратиться къ той основной точкѣ зрѣнія на Никоновскую лѣтопись, какую имѣлъ Карамзинъ, къ чести его ума и прозорливости.

Такое же значеніе, какъ извѣстія о митрополитахъ, имѣютъ извѣстія Никонова свода о монастыряхъ и инокахъ до Ярослава. Вмѣсто словъ «и се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ идѣже стояху кумиры, и постави церковь святаго Василія на холмѣ»; мы читаемъ въ Никоновскомъ сводѣ: «и повелѣ въздвизати церкви и съставляти честныя монастыри и постави церковь святого Василія на холмѣ». Ниже этого, вмѣсто словъ старинныхъ списковъ: «нача ставити по градомъ церкви», въ Никоновскомъ прибавлено «сице же и по всѣмъ градомъ воздвизахуся церкви и монастыри»; также при описаніи пира, даннаго Владиміромъ по поводу свершенія Десятинной церкви, слова Лаврентьевскаго списка: «створи праздникъ великъ, въ ту день боляромъ и старцемъ людскимъ и убогимъ раздая имѣнье много», въ Никоновскомъ сводѣ передаются такъ: «И сотвори пированіе свѣтло съ отцомъ своимъ митрополитомъ въ той, день и съвсѣми бояры и вельможи своими, таже недѣлю всю пиры творя, веселяся съзывая отъ многихъ странъ люди и раздая имѣнія многа убогимъ и нищимъ и страннимъ, и по церквамъ и по монастыремъ». Подъ 1006 годомъ въ Никоновскомъ сводѣ опять извѣстіе: «сътвори празднованіе свѣтлое милостиню многу раздаде по церквамъ и по монастыремъ». Все это противорѣчитъ извѣстію старинныхъ списковъ, указывающихъ на время Ярослава, какъ на эпоху водворенія монастырскаго житія на Руси: «черноризьцы почаша множитися и монастыреве починаху быти». Если до того времени были начатки монашества, то, вѣроятно, въ такой незначительной степени, что фраза «разсылалъ большую милостыню по монастырямъ» есть перенесеніе признака быта послѣдующихъ временъ на болѣе раннюю эпоху Владиміра.

Мы не станемъ разбирать сказаній Никоновскаго свода о крещеніи болгарскихъ и печенѣжскихъ князей, но остановимся

на сношеніяхъ съ Римомъ. Онѣ бросаются въ глаза. Послы отъ папы приходятъ къ Владиміру во время его крещенія и приносятъ ему мощи святыхъ. Подъ 6499 годомъ опять встрѣчаемъ извѣстіе, что пришли послы отъ папы съ честію и любовію. Въ 6502 г. возвратились послы Владиміра отъ папы. Въ 6508 г. снова приходятъ послы въ Римъ, а другихъ въ Іерусалимъ, въ Египетъ и въ Вавилонъ (?!). Доброе отношеніе Владиміра къ западному христіанству подтверждается прибытіемъ къ нему Бруно, получившаго у русскаго князя радушный пріемъ, но едвали вѣроятно такое частое сношеніе, какое показывается въ Никоновскомъ сводѣ. Зачѣмъ оно? Это представляется намъ будто измышленнымъ позднѣйшими сторонниками подчиненія восточной церкви папѣ, вообще старавшимся проводить мысль, что въ древности русская церковь была близка къ латинской.

Въ Никоновской лѣтописи, наконецъ, есть объ этомъ времени такія извѣстія, которыя по ихъ качеству легко принять за народныя преданія. Таковы извѣстія объ Александрѣ Поповичѣ, богатырѣ [1]) Владиміра. Подъ 6508 (1000) годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что къ Кіеву подступилъ съ половцами какой-то Володарь. Владиміръ былъ тогда въ Переяславцѣ на Дунаѣ. На встрѣчу Володаря выступилъ Александръ Поповичъ, убилъ Володаря, брата его и множество половцевъ, а остальныхъ прогналъ въ поле. По этому поводу Владиміръ возложилъ на него златую гривну и сдѣлалъ его большимъ человѣкомъ въ своей палатѣ. Подъ слѣдующимъ затѣмъ годомъ другой подвигъ того же Александра Поповича: вмѣстѣ съ Яномъ Усмошвецомъ, убившимъ печенѣжскаго силача, онъ разбилъ печенѣговъ, взялъ въ плѣнъ и привелъ къ Владиміру въ Кіевъ князя ихъ Родмана съ тремя сыновьями. По этому поводу Владиміръ устроилъ праздникъ и раздавалъ милостыню по церквамъ, по монастырямъ и убогимъ. Подъ 1004 г. мы встрѣчаемъ того же Александра Поповича, вмѣстѣ съ Яномъ Усмошвецомъ отбивающихъ и прогоняющихъ печенѣговъ отъ Бѣлграда.

Это имя Александра Поповича—мы встрѣчаемъ также въ особѣ богатыря въ XIII-мъ вѣкѣ и притомъ на разныхъ мѣстахъ. Въ описаніи битвы Мстислава Удалого на Авдовой горѣ (1216 г.) по позднѣйшимъ спискамъ говорится: «пріиде на него (на Мстислава) Александръ Поповичъ имѣя мечь нагъ хотя разсѣщи его, бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же возопи глаголя: азъ есмь

[1]) Самое слово богатырь позднее и не могло быть на Руси въ до-татарскія времена.

князь Мстиславъ. И рече ему Поповичъ: «То ти не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты глава убіенъ будеши, камо другимъ дѣти (Карамз. прим. 168, 3 тома)?» Въ тверской лѣтописи объ этомъ событіи мы встрѣчаемъ такое извѣстіе: «у князя Константина (Ростовскаго) тогда бяше въ полку два человѣка храбрыхъ Олешка Поповичъ и человѣкъ его Торопъ и Тимоня Золотой Поясъ». Такимъ образомъ, этотъ Александръ Поповичъ представляется ростовскимъ витяземъ. Карамзинъ говоритъ, что Никоновскій лѣтописецъ упоминаетъ о витязяхъ ростовскихъ: Александрѣ Поповичѣ, слугѣ его Торопѣ, Добрынѣ Резаничѣ Златомъ Поясѣ и Нефедіѣ Дикунѣ. Александръ Поповичъ является въ битвѣ при Калкѣ (и Александръ Поповичъ убіенъ ту бысть со инѣми 70 храбрыхъ). Нѣтъ основанія принимать, чтобы этотъ послѣдній Александръ Поповичъ было историческое лицо одно и то же съ Александромъ Поповичемъ, богатыремъ ростовскимъ. На Калкѣ участвовали только южнорусскіе князья съ ихъ дружинами и ратью; но если даже допустить, что ростовскій витязь перешелъ на югъ, то все-таки останется тотъ важный фактъ, что имя его упоминается только въ позднѣйшихъ спискахъ, а въ болѣе раннихъ его нѣтъ. Въ отношеніи же извѣстій XIII-го вѣка мы должны прилагать уже нѣсколько иные пріемы критики источниковъ, чѣмъ по отношенію къ извѣстіямъ X-го вѣка, такъ какъ въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ мы постоянно замѣчаемъ, что событія записывались уже не изъ преданій, дошедшихъ отъ прежнихъ поколѣній, а современниками, стоявшими болѣе или менѣе близко къ тому, что они описывали; а потому, какъ скоро мы не встрѣчаемъ извѣстія въ старыхъ лѣтописяхъ, а находимъ его въ позднѣйшихъ и не видимъ откуда позднѣйшія его заимствовали, и если притомъ позднѣйшія таковы, что есть основаніе сомнѣваться въ ихъ достовѣрности, то это можетъ служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы выбросить такое извѣстіе изъ исторіи. За то Александръ Поповичъ ростовскій богатырь одно и то же лицо съ Алёшою Поповичемъ великорусскихъ былинъ; это видно, во-первыхъ, изъ того, что въ Тверской лѣтописи тотъ же Александръ называется Алёшкою, а во-вторыхъ, въ былинахъ—Алёша Поповичъ уроженецъ Ростова, сынъ ростовскаго попа. Но какъ въ Никоновскомъ спискѣ Александръ Поповичъ, такъ и въ великорусскихъ былинахъ Алёша Поповичъ переходятъ къ эпохѣ Владимира. Такимъ образомъ, это лицо является намъ лицомъ преданія, лицомъ миѳическимъ, прилагаемымъ къ разнымъ временамъ. Нѣтъ основанія утверждать, чтобъ это лицо первоначально принадлежало временамъ Владимира, а потомъ уже прилагалось къ позднѣйшимъ временамъ.

Скорѣе можно полагать обратное, такъ какъ онъ является только въ позднихъ спискахъ лѣтописей, и какъ въ былинѣ такъ и въ лѣтописи представляется ростовцемъ, сыномъ попа, а въ близкія къ Владиміру времена едвали могло сложиться представленіе о сынѣ ростовскаго попа, когда въ Ростовѣ едва только возникали начатки христіанства и не успѣло еще вырости второе поколѣніе христіанское. Вѣроятнѣе допустить, что такъ какъ память о Владимірѣ передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе и все болѣе и болѣе соединялась съ разными посторонними представленіями, то и миѳическій образъ Александра Поповича, составившійся позже, облекаясь въ обычныя народной поэзіи формы какъ самородныя, такъ и заимствованныя, въ воображеніи народа примкнулъ къ эпохѣ Владиміра. Во всякомъ случаѣ, книжникъ, занеся его въ рядъ извѣстій о Владимірѣ и его временахъ, не выдумалъ его самъ, и не самъ первый отнесъ его къ эпохѣ Владиміра, а сдѣлалъ это потому, что уже существовалъ въ народномъ преданіи образъ богатыря временъ Владиміра подъ такимъ названіемъ. Что же касается до тѣхъ событій, въ которыхъ, по Никоновскому списку, участвуетъ Александръ Поповичъ, то онѣ вымышлены книжникомъ. Половцы, которыхъ [1]) привелъ какой-то Володарь, по всѣмъ извѣстнымъ намъ другимъ древнѣйшимъ спискамъ, пришли и столкнулись съ русскими уже гораздо позже, и едвали могли находиться въ древнемъ спискѣ во времена Владиміра, а тѣмъ болѣе не было подручно Владиміру находиться въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Быть можетъ что-нибудь и существовало въ народныхъ сказаніяхъ о подвигахъ Александра или Алёши Поповича, аналогичное извѣстной намъ по былинамъ его побѣдѣ, одержанной надъ Тугариномъ Змѣевичемъ; быть можетъ, это подало книжнику поводъ, передѣлавъ такое сказаніе по-своему, представить то, что онъ представилъ, но такая передѣлка имѣла бы для исторіи преданій о Владимірѣ такое же значеніе, какъ и чистая выдумка. Что касается до Яна Усмошвеца, то онъ здѣсь не болѣе какъ выдумка книжника, вздумавшаго дать собственное имя силачу, побѣдившему печенѣга; онъ сочинилъ это имя на основаніи извѣстнаго ему занятія силача; сверхъ того, книжнику хотѣлось продолжить его богатырскую дѣятельность, такъ какъ онъ зналъ, что Владиміръ сдѣлалъ большимъ человѣкомъ побѣдителя печенѣга, а потому прилично этому большому человѣку совершать богатырскіе подвиги и послѣ своего возвышенія. Еще съ большею вѣроятностію мы вправѣ сдѣлать подобное заключеніе о Рагдаѣ Уда-

[1]) По Никоновскому списку.

ломъ, который, по словамъ Никоновскаго списка, «наѣзжаше на триста воинъ», и котораго кончину оплакивалъ Владиміръ, погребая его «съ отцомъ своимъ, митрополитомъ Леонтомъ». Вопервыхъ, здѣсь является отецъ митрополитъ — чисто книжное измышленіе; во-вторыхъ, имя Рагдай, по своему окончанію, напоминаетъ имена татарскихъ богатырей — Угадай, Себядяй, Ногай, Рамзай, Алчедай, Беркай, Бурундай, Кутлубай; въ-третьихъ, образъ наѣзжанія на трехсотъ воиновъ своею гиперболичностію не подходитъ къ тону старыхъ преданій, а потому, на основаніи этихъ признаковъ, мы съ полною увѣренностію думаемъ, что это позднее измышленіе. Подъ 1008 годомъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о разбойникѣ Могутѣ, который, будучи взятъ хитростію, испросилъ милости у Владимира, обѣщавъ пребывать въ покаяніи, былъ отосланъ къ митрополиту Ивану, и съ тѣхъ поръ, не выходя изъ митрополичьяго дома, жилъ крѣпкимъ и жестокимъ житіемъ и, «провидѣвъ свою смерть, съ миромъ почи о Господи». Присутствіе митрополита сразу побуждаетъ отнести это сказаніе къ разряду выдумокъ, составленныхъ тѣми, которые измыслили и небывалыхъ до Ярослава митрополитовъ. Самый образъ кающагося разбойника—обычный въ христіанскихъ легендахъ, имѣвшихъ своимъ прототипомъ евангельскаго разбойника. Нашъ разбойникъ Могута представляетъ подобіе въ нѣкоторыхъ чертахъ съ св. Варваромъ, который былъ злѣйшимъ разбойникомъ, принесъ покаяніе и былъ взятъ въ домъ пастыря, у котораго проводилъ крѣпкое и жестокое житіе. Самое имя Могута, впрочемъ, быть можетъ, взято изъ какого-нибудь сравнительно болѣе поздняго преданія о разбойникѣ, такъ какъ на Волгѣ въ Жегуляхъ, въ классической странѣ разбоевъ, есть горы, называемыя Могутовыми.

Мы не касаемся болѣе мелкихъ извѣстій Никоновской лѣтописи, отнесенныхъ къ эпохѣ Владиміра, въ родѣ отравленія какого-то храбраго Андриха Добрянкова, или замѣчаній о погодѣ и небесныхъ знаменіяхъ. Разобраннаго нами достаточно, чтобы въ извѣстіяхъ Никоновской лѣтописи о Владимирѣ, невошедшихъ въ болѣе старые списки первоначальной лѣтописи, не искать ничего ни для исторіи событій временъ Владимира, ни для древнихъ преданій о немъ и о его временахъ.

Изъ всего сдѣланнаго нами обзора преданій нашей *первоначальной лѣтописи* о древнихъ временахъ,—преданій, изъ которыхъ бо́льшая часть по своимъ основамъ, строю или пріемамъ, имѣетъ соотвѣтственныя черты въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ народной русской поэзіи, легко можно видѣть, какъ мало намъ доставляютъ эти преданія исторической фактической правды. Но это нисколько не отнимаетъ у нихъ высокаго историческаго значенія правды того образа, въ какомъ эти времена съ своими событіями и дѣйствовавшими лицами явились въ народномъ воззрѣніи, по крайней мѣрѣ настолько, насколько изъ многихъ еще неизвѣстныхъ намъ варіантовъ одинъ можетъ служить образчикомъ, и кромѣ того, настолько, насколько при передачѣ ихъ лѣтописцами свѣжесть ихъ и правдивость могли уцѣлѣть отъ книжныхъ пріемовъ выраженія и отъ смѣси съ книжными измышленіями. За исключеніемъ немногаго, что почерпнуто изъ письменныхъ источниковъ, все повѣствованіе о временахъ древнихъ включительно до смерти Владиміра взято изъ народныхъ преданій, сказаній, пѣсенъ и пересказовъ въ томъ видѣ, въ какомъ эти древнія времена отражались въ нихъ во второй половинѣ XI-го и въ началѣ XII-го вѣка. Только не теряя изъ вида этой основной точки зрѣнія, мы можемъ относиться сознательно и справедливо къ нашей древней исторіи.

Н. Костомаровъ.

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ

Семейная исторія.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I *).

...На югѣ Россіи существовала старинная, построенная еще турками крѣпость. Она давно уже утратила стратегическое значеніе и вовсе не отличалась грознымъ, неприступнымъ видомъ; хотя ея прошлое знаменито потоками пролитой крови, но въ началѣ пятидесятыхъ годовъ она была похожа на дряхлаго инвалида, который, повѣсивъ на гвоздь заслуженную шинель съ медалями, мелетъ табакъ и брюжжитъ на плохія времена. По зеленымъ бастіонамъ чугунныя пушки на неуклюжихъ кривыхъ станкахъ непробудно спятъ, уткнувши въ землю свои заржавѣвшія жерла; по обвалившимся эскарпамъ и въ заросшихъ бурьяномъ рвахъ протоптаны тропинки,—тамъ мирно пасутся бѣлыя козы... За то внутри крѣпости видѣнъ строгій порядокъ, чистота, дисциплина: дорожки и площадь вокругъ церкви обсажены молодыми деревцами, выметены, посыпаны песочкомъ, столбики и барьеры подкрашены, низенькія зданія, вытянутыя фронтомъ, подштукатурены, снабжены надписями и нумерами — тутъ помѣщаются власти: комендантское управленіе, госпиталь и разныя команды; провіантскій магазинъ съ черными ставнями въ прорѣзахъ оконъ, словно слѣпой и скучный старикъ, сторонится отъ жилыхъ зданій; въ дальнемъ углу шагаетъ часовой у порохового погреба, а у

---

*) См. выше фев.: 481 стр.

главныхъ воротъ исправно бодрствуетъ гауптвахта и тутъ же въ куртинѣ рядъ казематовъ, приспособленныхъ для помѣщенія арестантской роты, — отсюда порой слышатся и хохотъ, и брань, и цѣпи, и пѣсни.... За крѣпостною эспланадой съ одной стороны большая рѣка плавно катитъ между камышей свои желтовато-мутныя воды, а съ другой, въ полуверстѣ на степи виднѣются убогія хатки, сначала рѣдкія въ одиночку, дальше стѣснившіяся въ сѣрое стадо, которое во всѣхъ календаряхъ именуется однако городомъ.

Лѣтнее солнце безжалостно опаляетъ эту пустынную мѣстность; дойдя до своего зенита, оно даже какъ будто останавливается, чтобы основательнѣе припечь потрескавшуюся почву. Рѣдѣющіе обрывки бѣлыхъ облачковъ иногда потянутся откуда-то издалека, да такъ и повиснутъ надъ степью, будто изнемогая въ раскаленномъ воздухѣ. Въ городѣ на улицахъ и пустыряхъ нѣтъ ни души, въ домикахъ тихо; въ полдень все населеніе уже пообѣдало и спитъ, притворивъ ставни; и какіе же интересы, какія-такія экстренныя дѣла могутъ тутъ появиться, чтобы добрый человѣкъ рѣшился одѣться и подъ сорокаградуснымъ солнопекомъ потащиться къ сосѣду?

Безконечное лѣто смѣняется осенью, которая исправляетъ должность зимы; мѣсяца три-четыре льются безпрерывные дожди и превращаютъ всю окрестность въ сплошную грязную хлябь, надъ которой стоитъ гнилой туманъ, застилая скудный свѣтъ сѣренькаго дня. Великолѣпныя лихорадки, знаменитыя горячки выбѣгаютъ изъ лѣса камышей и привольно разгуливаютъ среди бѣднаго населенія.

Нельзя не согласиться, что это уголокъ не особенно веселый.

По крѣпостному валу, какъ только отхлынетъ лѣтній зной, часто бродилъ молодой человѣкъ въ солдатской шинели; бродилъ онъ какъ-то зря, какъ бродятъ люди, перенесшіе тяжелую болѣзнь, иногда ложился на траву, свертывалъ папироску, чертилъ карандашомъ на лоскуткахъ бумаги, потомъ перечитывалъ какія-то старыя записочки, пожелтѣлыя отъ времени, какъ набожно-сбереженныя листья давно минувшей милой весны; пересмотрѣвъ свой портативный архивъ, молодой человѣкъ улыбался и, зажмуривъ глаза, раскидывался навзничь на зеленой травкѣ съ какимъ-то дѣтскимъ эпикуреизмомъ. Въ эти минуты онъ непремѣнно соображалъ, что вотъ какъ мнѣ теперь хорошо живется, могу оставаться одинъ, могу лежать, ходить, какъ мнѣ вздумается,—какое это счастье!...

По цѣлымъ часамъ глядѣлъ онъ на едва видимыя, волнистыя

линіи далекихъ чужихъ горъ, на широкую полосу рѣки; по ней раза два въ недѣлю пробѣгали пароходы, унося пеструю толпу веселыхъ пассажировъ къ другимъ берегамъ, оживленнымъ, чудесно-красивымъ — и тревога охватывала молодого человѣка; онъ хоть на мигъ сознавалъ, что *та жизнь*, мелькнувшая передъ нимъ на пароходѣ, не совсѣмъ еще ему чужая, а это сознаніе воскрешало яркія надежды, наперекоръ всей убогой дѣйствительности.

«Не вѣчно же, не вѣчно!—повторялъ онъ.—Ахъ, хоть-бы на минуту остановился пароходъ у нашего берега! Нѣтъ, все мимо, всегда мимо... да кому нуженъ этотъ скучный берегъ...»

И онъ чуть не плакалъ, какъ ребенокъ, — и какъ ребенокъ, Морицъ бѣжалъ встрѣчать слѣдующій рейсъ.

Да, это былъ онъ, нашъ знакомый мечтатель Морицъ; — но какъ похудѣлъ онъ, постарѣлъ! Миловидное лицо погрубѣло, потемнѣло; усы отросли и придали его физіономіи какую-то слишкомъ солдатскую мужественность; сохранился только взглядъ свѣтлыхъ глазъ, взглядъ — если можно такъ сказать — вѣчно-уповающій.... да естественная грація походки и движеній, не пропавшая даже подъ тяжелыми складками сѣрой шинели.

Признано, что мечтатели легко уживаются съ праздностью; но когда праздность вмѣняется какъ извѣстный режимъ, когда она становится основнымъ закономъ всей окружающей насъ жизни, тогда самый чистокровный мечтатель готовъ руки на себя наложить, лишь-бы дать имъ какую-нибудь работу. Въ крѣпости все населеніе постоянно томилось праздностью: эти мирные люди ѣли, пили, спали (и очень много), играли въ преферансъ и выдумывали какія-нибудь совершенно безполезныя затѣи въ формѣ служебныхъ обязанностей. За всѣхъ и про всѣхъ работали одни арестанты, но если всмотрѣться въ ихъ работу, оказывалось, что и эта работа — просто вялыя мускульныя упражненія, въ которыхъ гнѣздится самая мучительная праздность — праздность по неволѣ. Отъ восхода до заката солнца эти сѣрые люди все что-то дѣлаютъ, копошатся, перетаскиваютъ съ мѣста на мѣсто,—а здоровый вольный парень смѣется надъ ихъ работой. Да они сами такъ ужъ и говорятъ: «наша работа самимъ Богомъ проклята; хошь ты старайся, хошь нѣтъ—все одно, ея никогда не убудетъ; стало, и спѣшить не къ чему, ни у кого отъ нея животы не болятъ,—сдѣлана ли, нѣтъ ли, кому корысть?» Морицъ теперь часа по три въ день сидѣлъ въ канцеляріи, переписывая строевые рапорты, да матеріальныя вѣдомости, — слѣдовательно былъ совершенно празденъ; но и прежде, еще недавно, когда онъ въ сер-

мяжной курткѣ не совсѣмъ элегантнаго покроя подметалъ площадь, или косилъ эту самую травку, на которой теперь валялся,— и тогда онъ былъ не менѣе празденъ.

Конвойный въ сторонкѣ дремлетъ, опершись на ружье, а онъ старательно и неумѣло размахиваетъ косою; обильный потъ струится съ выбритаго лба, руки терпнутъ, онъ остановится, осмотритъ натертый на ладони пузырь, и вдругъ, словно какой-то чужой голосъ его окликнетъ: «Что это ты дѣлаешь? Зачѣмъ, для чего, кому это нужно?» Бѣднякъ готовъ бы засмѣяться, если-бъ ему не хотѣлось плакать...

Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, вся дѣятельность человѣка уходитъ внутрь, перебираетъ на всѣ лады небольшой матеріалъ, данный прошлою жизнію и строитъ смѣлыя иллюзіи будущаго; въ томъ и другомъ направленіи, конечно, является много фантастичности. Практическая жизнь Морица была очень скудна мотивами, она сосредоточивалась на строгомъ выполненіи обязанностей нижняго чина; и надобно сказать, тутъ онъ былъ строгъ до педантизма и, кажется, даже этимъ немного кокетничалъ, былъ — какъ выражаются старые служаки — «всегда на своемъ мѣстѣ», не искалъ никакихъ льготъ и облегченій своего положенія.

Единственное утѣшеніе нашелъ себѣ Морицъ въ перепискѣ. Сначала онъ до такой степени былъ не увѣренъ въ неприкосновенности своихъ писемъ, что писалъ только къ родственникамъ, подавалъ письма черезъ кого слѣдуетъ незапечатанными, само собой и содержаніе ихъ было, что называется, ни рыба, ни мясо. Наконецъ, явилась возможность писать и къ сестрѣ Слободина, Алёнушкѣ.

II.

По части корреспонденціи помогъ ему нѣкто штабсъ-капитанъ Шабашенко, съ виду угрюмый старый драбантъ, съ поконъ-вѣку служившій въ крѣпости. Сближеніе ихъ произошло нѣсколько страннымъ образомъ: сначала Шабашенко избѣгалъ Морица, какъ будто чего-то стыдился, и при неизбѣжномъ служебномъ разговорѣ даже не смотрѣлъ ему въ лицо; потомъ педантическая исполнительность юноши раздражала и бѣсила штабсъ-капитана,—въ ней онъ видѣлъ какую-то очень тонкую насмѣшку и ворчалъ сквозь зубы: «Фанаберія и больше ничего!» Бѣдный Андрюша Морицъ

опасливо посматривалъ на суроваго начальника и долго питалъ къ нему какую-то дѣтскую боязнь.

Разъ онъ заболѣлъ лихорадкой и лежалъ въ лазаретѣ; Шабашенко будто нечаянно заходитъ часто въ лазаретъ и всякій разъ останавливается у койки Морица, разспрашивая, не нужно ли чего больному; тотъ отказывался отъ всего. Штабсъ-капитанъ не выдержалъ и разразился:

— Что-жъ это, чортъ подери, — вы брезгуете, что ли? — За людей не считаете?—Я въ отцы вамъ гожусь...

— Извините, ваше благородіе... я не думалъ, что вы это такъ примете...

— Ну—«ваше благородіе, ваше благородіе!»—ворчалъ Шабашенко;—я двадцать лѣтъ знаю, что я «ваше благородіе»,—а супу все-таки вамъ пришлю.

Въ другой разъ Шабашенко, отдавая ему полученное съ почты письмо, спросилъ:

— Это вамъ родители пишутъ?

— Тётка; родителей я лишился еще въ дѣтствѣ.

Шабашенко покряхтѣлъ. — Славно вы поете, я ужъ давно подслушалъ; чудесно поете.—Приходите-ко мнѣ вечеркомъ, у меня гитара есть.

Оригинальная нѣжность штабсъ-капитана заинтересовала и даже тронула впечатлительнаго юношу, онъ сталъ заходить довольно часто къ старому холостяку. Надо пожить хоть недолгое время въ казармѣ, чтобы понять всю привлекательность самаго убогаго домашняго жилья: голыя грязныя стѣны, ничѣмъ незащищенное мѣсто на нарахъ, какой-нибудь сундучишко съ горемычнымъ добромъ и полнѣйшая невозможность остаться одному, не видѣть и не слышать окружающей жизни — все это изнуряетъ и подчасъ ожесточаетъ человѣка, и когда оттуда онъ попадетъ въ *комнату*, гдѣ все кругомъ говоритъ, что здѣсь хозяинъ у себя дома, устроился сообразно своимъ привычкамъ, вкусамъ и достаткамъ, что тутъ можно запереться отъ докучныхъ посѣтителей,— то обитатель казармы даже вчужѣ чувствуетъ теплоту какого-то необыкновеннаго благополучія...

Было въ крѣпости человѣка два, что называется, образованныхъ офицеровъ, но эти господа почему-то боялись сближенія съ Морицомъ. Они свое участіе къ нему ограничивали только тѣмъ, что давали ему читать газеты и журналы; а потому нисколько неудивительно, что общительный Морицъ сталъ часто посѣщать Шабашенку, съ которымъ, по отсутствію общихъ живыхъ интересовъ, разговоры не всегда клеились, и въ этихъ случаяхъ выручала

гитара; угрюмый штабсъ-капитанъ самъ мурлыкалъ съ комическою задушевностью унылыя малороссійскія пѣсни. Мало-по-малу они незамѣтно договорились до семейныхъ дѣлъ,—оказалось, что Шабашенко вовсе не холостякъ, а что называется «соломенный вдовецъ» — супруга его лѣтъ восемь тому назадъ сбѣжала съ какимъ-то заѣзжимъ коммиссаріатскимъ чиновникомъ — онъ махнулъ рукой и даже не знаетъ, гдѣ она теперь и жива ли. Морицъ разсказалъ, что въ Петербургѣ у него осталась невѣста.

— Зачѣмъ же дѣло стало?—равнодушно замѣтилъ старикъ.— Сюда ее тащите. Вотъ ей и проба будетъ; коли она не какая-нибудь модная франтиха, такъ нехай съ нами поживетъ, всего отвѣдаетъ; а сбѣжитъ отсюда, значитъ и жалѣть нечего.—Чего вы улыбаетесь?

— Она не изъ такихъ... любитъ меня...

— То-то я и говорю, — коли любитъ, нехай не побрезгуетъ солдатскимъ положеніемъ.—А ужъ я пожалуй похлопочу, особый *кутокъ* вамъ устрою... Оно вамъ веселѣй будетъ, совѣтую выписать, право совѣтую.

— Да вотъ, Богданъ Ѳедорычъ, я не знаю какъ на счетъ писемъ-то...

— Эка важность!—строчите ихъ здѣсь у меня, безъ церемоніи, да чтобъ и къ вамъ адресовали тоже на мое имя — Богдану Хведоровичу Шабашенкѣ, да съ какой-нибудь тамъ особой отмѣтинкой, чтобы я зналъ что это къ вамъ. Эхъ вы—«правило вѣры и образъ кротости!»—другой ужъ давно бы придумалъ этакую штучку, а вы все щегольнуть предъ нами хотите... ха — ха!—Напрасно, сударь мой, насъ этимъ удивить невозможно.

Морицъ воспользовался удобствами капитанскаго предложенія, да и совѣтъ Шабашенки показался нашему пріятелю весьма исполнимымъ.—Почему-жъ бы ей въ самомъ дѣлѣ и не пріѣхать?— раздумывалъ Морицъ.—Вѣдь сначала сама этого желала, просилась... Люди здѣсь простые, но добрые,—жить можно!

И его прыткому воображенію уже представлялась маленькая квартирка, въ которой хозяйничаетъ Алёнушка, а все крѣпостное общество не налюбуется на молодую чету, которая весело переноситъ житейскія невзгоды и являетъ примѣръ высокой героической любви...

Въ видѣ предположенія и вмѣстѣ самаго горячаго желанія написалъ Морицъ объ этомъ своей Алёнушкѣ—и съ замираніемъ сердца ждалъ отвѣта.

Отвѣта долго не было.

— Морицъ!—окликнулъ его однажды Шабашенко изъ окна своей квартиры.

— Чего изволите, ваше благородіе?

— Зайдите сюда. — Это вамъ? — сказалъ капитанъ и подалъ запечатанное письмо изъ Петербурга, адресованное «его благородію Богдану Ѳедоровичу господину Шабашенкѣ» — коли написано *господину*, значитъ это вамъ; кажись, такой былъ уговоръ? — Андрюша вспыхнулъ, руки его задрожали, онъ едва могъ выговорить:—Ахъ, Богданъ Ѳедорычъ, какъ мнѣ благодарить васъ...

— А ну тебя и съ благодарностью!—Садись и читай!

— Не могу, Богданъ Ѳедорычъ... извините!—И Морицъ, забывъ подчиненность, кинулся на шею капитану—и выбѣжалъ.

Шабашенко, какъ старый котъ, задергалъ усами и даже улыбнулся ему вслѣдъ.

— Экой счастливецъ, чортъ тебя подери!—ворчалъ онъ, набивая трубку... Однако, побачимъ, може и та сбѣжитъ...

Морицъ прибѣжалъ на свое любимое мѣсто на валу; онъ еще не читалъ письма, не могъ читать его, а только взглядывался въ знакомый почеркъ. Едва ли былъ онъ въ состояніи понять то, что̀ перечитывалъ разъ десять.

Письмо было слѣдующа̀го содержанія.

«Наконецъ-то, наконецъ явилась возможность наговориться свободно за всѣ три года разлуки... Милый мой Андрей Николаевичъ! вы пишете, что нисколько не измѣнились въ своихъ убѣжденіяхъ и любите меня попрежнему, да я въ этомъ и не сомнѣвалась ни на минуту. — Милый мой, и вы для меня все тотъ же... Постараюсь отвѣчать на всѣ ваши вопросы по порядку. Право не знаю, какъ начать. — Въ эти три года я вдоволь надумалась,—казалось, всѣ мысли мои такъ хорошо, такъ крѣпко сложились въ головѣ, а теперь, какъ приходится ихъ высказать, я и словъ не нахожу... Не умѣю, боюсь, вы не такъ поймете меня, а это было бы для меня большое горе...

«Вы вспоминаете ту ужасную ночь, когда братъ Алёша, нѣсколько друзей, вы и я разставались на долгую разлуку безъ надеждъ, безъ цѣлей, даже безъ всякихъ обѣщаній; вы помните, что одинъ только братъ былъ ясенъ, да Рудковскій шутилъ по обыкновенію, — но эта ясность и эти шутки больно рѣзали мнѣ сердце... Вы всѣ были еще подъ вліяніемъ того неестественнаго настроенія, которое держало васъ въ теченіе долгихъ восьми мѣсяцевъ. — Это все я теперь соображаю, а тогда до того ли мнѣ было? Несчастье было слишкомъ горячо, я сознавала только одинъ ужасъ моего круглаго одиночества... Но помните ли вы,

о чемъ я умоляла брата и васъ, милый Андрей? Конечно, помните,—но вамъ было не до слезъ и просьбъ маленькой дѣвочки... На дворѣ стоялъ морозъ трескучій, скрипѣли полозья почтовыхъ саней, васъ ждали, время было отмѣрено и бѣжало ужасно скоро... Разумѣется, вы не могли вдуматься въ мою просьбу, къ тому же вѣроятно и высказана она была очень спутанно... Я просила позволить мнѣ ѣхать за вами—за братомъ, или за вами — кому я болѣе нужна; а вы оба указывали мнѣ на спокойную, обезпеченную жизнь въ Петербургѣ. «До лучшихъ дней» твердили вы, и доказывали ненужность моей жертвы... Какъ будто вы никогда не слыхали, что бываютъ женщины, которыя готовы не только раздѣлять роковыя несчастія ихъ мужей и братьевъ, но умѣютъ даже стать ихъ ангелами-хранителями, поддержать ихъ энергію, ихъ вѣру въ себя, ихъ упованіе въ будущее. Вотъ о какой завидной долѣ я мечтала, вотъ о какой великой милости просила, — а вы это назвали экзальтаціей и толкнули меня въ душную коморку на Васильевскомъ острову, въ которой тепло и сыто, но до крайности пошло и скучно... Повторяю, я никого не виню и не упрекаю, но такъ оно случилось.

«Не помню, какъ привезъ меня домой Купянцовъ. Для меня началась жизнь, точно, покойная, но этотъ покой едва не свелъ меня съума... Я благодарила Бога, что судьба пощадила Купянцова, онъ для меня все это время былъ защитникомъ, другомъ, нянькой. Вѣдь вы знаете доброту его; онъ забывалъ, кажется, самого себя, окружая меня самою нѣжною заботливостью, самою преданною дружбой. Я все это видѣла, старалась быть ему благодарною и—побраните меня хорошенько—только и помышляла, какъ бы избавиться отъ его попеченій... Придетъ онъ, заговоритъ объ васъ, о братѣ, обо всемъ нашемъ прошломъ — и я рада, мнѣ хорошо, чувствую, что это подлѣ меня сидитъ близкій человѣкъ; а останусь одна, и начинаю мучиться самыми злыми и неблагодарными мыслями... Такъ я провела полгода въ моей маленькой квартиркѣ, меня убивало бездѣйствіе, безцѣльность, ненужность моего существованія... Я жила какъ глупая птица, потерявшая гнѣздо. Не добившись лучшей цѣли жизни, я нечаянно натолкнулась на другія маленькія цѣли,—сидѣть сложа руки было невыносимо, убійственно,—стала я искать занятій. Разумѣется, выбора большого мнѣ не представлялось: быть гувернаткой, учительницей—больше и выдумать нечего. Но куда я ни являлась, всюду встрѣчала отказъ. Сперва какъ будто дѣло и ладилось, но едва только узнавали, кто я такая — и тонъ, и даже физіономіи чадолюбивыхъ родителей мигомъ измѣнялись. «Такъ вы — сестра-а-а»! Раза два я не

вытерпѣла, замѣтила неосновательность подобнаго обвиненія,—но тѣмъ не менѣе видѣла, что дѣло мое проиграно.

«Досада на эти нелѣпыя неудачи еще больше разжигала мои стремленія,—и въ одно утро я очутилась швеей въ модномъ магазинѣ madame S. Купянцова поразилъ такой рѣшительный шагъ; я ему объ этомъ ни слова не говорила. Добрякъ даже надулся на меня, а за что? Нетрудно было разбить всѣ его доводы, и мы помирились. Къ дѣдушкѣ написала, что я отлично устроилась, и прошу обратить всѣ его избытки на помощь Алёшѣ, мнѣ ничего не нужно; даже адреса своего не дала. Купянцовъ отнесъ это письмо Ѳедосѣеву, тѣмъ дѣло и кончилось. И вотъ третій годъ живу я у madame S., сдѣлалась первою закройщицей, надѣюсь современемъ быть associée нашего магазина и своимъ положеніемъ пока совершенно довольна. Хозяйка моя женщина хорошая, немножко взбалмошная, немножко торговка, но въ интимныхъ отношеніяхъ это самая преданная и смѣлая душа. Благодаря ей, я теперь совершенно владѣю французскимъ языкомъ и понимаю, ка́къ женщина можетъ вести свои дѣла самостоятельно. Живемъ мы очень тихо, работы много, такъ что скучать некогда; въ свободное время читаемъ, изрѣдка бываемъ въ Михайловскомъ театрѣ. Купянцовъ навѣщаетъ меня очень часто. Больше, кажется, о моей жизни и сказать нечего; для васъ должно быть ясно какъ на ладони мое настоящее положеніе. Поговоримъ о вашихъ планахъ.

«Вотъ тутъ-то и страхъ меня беретъ... И рада я, что разговаривать мы можемъ только на письмѣ за двѣ тысячи верстъ... Взглянувъ въ ваше лицо, услыхавъ вашъ голосъ, не знаю нашла ли бы я довольно силы, чтобы сказать то, что́ непремѣнно нужно сказать... Умоляю васъ, не давайте воли никакимъ догадкамъ, не ищите ничего между строками, читайте такъ-же просто и искренно, какъ я пишу...

«Ваши предположенія, хотя въ выраженіяхъ очень нерѣшительныхъ, я поняла какъ прямой вызовъ. Но какъ же это будетъ? Я люблю васъ попрежнему и сохраняю святость даннаго слова, никакія обстоятельства не поколебали моего убѣжденія, что съ вами я была бы счастлива, но какъ же все это устроится? Научите. Меня ничто не пугаетъ, по первому вашему слову брошу все и пріѣду, — хотя, не скрою, что теперь мнѣ сдѣлать это гораздо труднѣе, чѣмъ было прежде. Подумайте хорошенько, не буду ли я вамъ въ тягость, не свяжу ли вамъ руки и не свяжу ли руки себѣ—что́ я тамъ стану дѣлать?. Простите меня за эти вопросы, но на мой взглядъ они очень важны для нашего счастія. Право, боюсь, что вы не такъ поймете меня, и готова

разорвать это письмо, еслибы дѣло шло не о такомъ важномъ вопросѣ... Вините мою искренность, которой сами вы, бывало, такъ горячо поклонялись... Итакъ, дорогой мой Андрей, жду вашего рѣшенія. Помните только, что я ужъ не ребенокъ, котораго можно утѣшить красивыми картинками; чѣмъ правдивѣе представите вы то, что́ меня ожидаетъ, тѣмъ лучше будетъ для насъ обоихъ...

«Отъ брата получаю самыя коротенькія извѣстія, онъ въ О. и жизнь его нисколько не измѣнилась. «Здоровъ и бодръ» — больше этого сказать о себѣ ничего не можетъ. Моимъ рѣшительнымъ шагомъ онъ, повидимому, доволенъ. Ахъ, если бы онъ былъ съ нами! Простите сестрѣ маленькое пристрастіе—и согласитесь, что Алексѣй умѣлъ какъ-то просто рѣшать всякія задачи; худо ли хорошо ли рѣшалъ онъ, а его слову какъ-то вѣрилось,— почему?—я ужъ не знаю. Купянцовъ пишетъ вамъ особо; въ это письмо я не хочу пускать никого посторонняго. Брата нѣтъ, а другихъ посредниковъ между нами быть не должно. Считаю малодушіемъ совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было; жду всего отъ васъ.

«Пишите же скорѣе, и вѣрьте, что васъ попрежнему любитъ ваша —

«Елена Слободина».

Это письмо совершенно опрокинуло мечтанія и планы бѣднаго Морица. Избалованный съ-молода легкимъ господствомъ надъ петербургскими барышнями, — не только въ родѣ Наденьки, но и покрупнѣе — онъ теперь впервые остановился передъ голосомъ, намекавшимъ на какую-то самостоятельность; въ письмѣ Алёнушки сквозь выраженія любви слышались и другія нотки, серьезныя, трезвыя. Морицъ ихъ не могъ понять; сперва онъ все твердилъ: «Нѣтъ, она меня не любитъ, не любитъ»!... Потомъ, анализируя каждую строчку письма, онъ сталъ находить противорѣчія и докапывался, не внушенъ ли ей кѣмъ-нибудь этотъ осмотрительный, осторожный отвѣтъ на его восторженный призывъ. Но кѣмъ? Ему уже грезилось коварство Купянцова, дурное вліяніе торговки-француженки, — но затѣмъ, въ слѣдующую же минуту эти пошленькія подозрѣнія уже казались ему нелѣпостью.

Онъ ходилъ разстроенный, потерянный; Шабашенко это замѣтилъ, и хотя проворчалъ про себя: «Эге, *воно* не выгорѣло!»—но не покусился вмѣщаться съ непрошеннымъ участіемъ; онъ собственнымъ опытомъ зналъ, какъ сладко подобное положеніе. Старый штабсъ-капитанъ однако не могъ оставить безъ посильной

помощи полюбившагося ему юношу, и придумалъ незамысловатый пріемъ утѣшенія; онъ началъ ожесточенно бранить «собачье житье» въ этомъ глухомъ захолустьи.

— И на какого бѣса-дикаго мы тутъ живемъ? Утромъ, напримѣръ, просыпаешься, а зачѣмъ просыпаешься?—чтобъ надѣть сапоги да и маршъ ругаться. Ужъ лучше-бы спать... Спать да жевать—вотъ наше самое любезное дѣло. Не дай Богъ попасть сюда никому, — врагу не пожелаю. Эхъ, кабы Господь вынесъ васъ скорѣе изъ этой провалины! Да ужъ потерпимъ, авось скоро смилуются... Даже этотъ топорный маневръ подѣйствовалъ примирительно на Андрея, до такой степени онъ былъ сбитъ съ толку.

Прислушиваясь къ брюжжанію капитана и оглянувшись внимательно вокругъ себя, Морицъ съ горечью долженъ былъ сознаться, что Алёнушка права, что съ его стороны было бы непростительнымъ эгоизмомъ закабалить ее въ эту провалину. Затѣмъ всѣ болѣзненныя фантазіи его, взрощенныя въ отчужденности отъ практической жизни, свернулись, поблекли, какъ оранжерейные цвѣты подъ дыханіемъ утренняго холода, — и этотъ особый *кутокъ*, т.-е. просто убогая комнатка подлѣ канцеляріи, эти ласки и поцѣлуи среди бѣдности и мертваго застоя жизни, наконецъ, вся эта идиллія въ казарменной обстановкѣ, показалась Морицу мизернѣйшею пародіею на давно-осмѣянный романтизмъ.

Онъ медлилъ отвѣтомъ Алёнушкѣ; между тѣмъ подоспѣли событія, которымъ суждено было рѣшить не одинъ только миніатюрный вопросъ личнаго счастія нашихъ молодыхъ людей.

III.

Съ конца августа въ крѣпость стали являться какіе-то небывалые инспекторы и военные спеціалисты, надѣлавшіе много хлопотъ крѣпостному начальству. Вниманіе было обращено уже не на чисто выметенныя площадки да подкрашенные столбики; принялись насыпать новыя передовыя укрѣпленія, углублять рвы, вбивать палисады, перетаскивать пушки. Вся эта непривычная суматоха велась нѣсколько безтолково, будто съ просонья,—и, правду сказать, присланные спеціалисты сами глядѣли на возню съ негодными пушками довольно безпечно и даже не безъ ироніи. Изъ ихъ частныхъ разговоровъ можно было понять, что приготовленія эти дѣлаются на всякій случай,—вѣрнѣе, что въ нихъ не будетъ никакой надобности; если и дойдетъ до дѣла, то не

здѣсь, а гдѣ-нибудь подальше.... и многозначительные взгляды устремлялись въ даль, на чуть-видные силуэты чужихъ горъ...

Два экземпляра «Русскаго Инвалида», получавшіеся въ крѣпости, зачитывались до конечнаго истребленія и поселяли въ умахъ читателей самыя смутныя предположенія объ исходѣ дипломатической войны; одни глубокомысленно заключали: «Больно грозно кричать, значить ничего не будетъ»; другіе, потирая руки, увѣряли, что сорокатысячный дессантъ надняхъ займетъ Константинополь—и войнѣ конецъ!

Однако событія шли наперекоръ всѣмъ предсказаніямъ домашнихъ политиковъ; военныя распоряженія, дѣлавшіяся негласно, подъ рукой, напоминали о близости грозы. Въ городъ явился дивизіонный штабъ, и вмѣсто прежняго батальона пришелъ цѣлый пѣхотный полкъ; къ провіантскому магазину въ крѣпости стали подходить воловьи подводы, около нихъ усердно хлопотали расторопные чиновники, словно ихъ праздникъ насталъ.

На базарѣ все вздорожало, особенно волы и лошади. Какой-то смышленый еврей открылъ на главной улицѣ новую ресторацію «Царьградъ», снабженную кислыми винами, нѣсколькими арфянками сомнительнаго качества и особой комнатой для господъ, желающихъ срѣзаться въ штосикъ. Словомъ, все проснулось, задвигалось и чутко насторожило вниманіе; а въ военной массѣ началась та особенная жизнь, для которой завтрашній день не составляетъ предмета особенныхъ заботъ. Это не жизнь на бивуакахъ между двумя сраженіями, отмѣченная всегда серьезнымъ колоритомъ и спокойнымъ, часто трогательнымъ юморомъ; тутъ происходитъ нѣчто совсѣмъ другое. Квартиры у жителей удобныя, лишеній никакихъ; войны еще нѣтъ, но завтра она можетъ быть, а можетъ и вовсе не быть; между тѣмъ «мирное положеніе» нарушено, военный человѣкъ глядитъ развязнѣе, бросаетъ мелкую щепетильность внѣшней формалистики, въ карманѣ его явились лишнія деньги, а въ темпераментѣ проснулись всѣ придавленные до сихъ поръ инстинкты—пожить на распашку, забыть эту нужду копѣечную, показать, что и мы молъ люди не лыкомъ шитые. Завѣтнаго ничего нѣтъ—все продается, покупается, мѣняется, ставится на червонную семерку, оставляется въ трактирѣ; тутъ раздолье добрымъ широкимъ натурамъ и пожива хищникамъ.

Издали, съ оффиціальной точки зрѣнія, эту походную возбужденность часто смѣшиваютъ съ проявленіемъ патріотическаго духа, но едва-ли оно вполнѣ безошибочно. Патріотизму, какъ движенію сознательному, глубокому, слѣдуетъ отвести болѣе почетное мѣсто, а это шумливое, безпорядочное настроеніе въ ожи-

даніи дѣла скорѣе можно отнести къ тѣмъ явленіямъ, которыя плѣняли воображеніе русскаго человѣка въ старинномъ казачествѣ: домъ, семья, будничные интересы и постылыя невзгоды мирной жизни — если не совсѣмъ брошены и забыты, по крайней мѣрѣ отошли далеко на задній планъ; на ихъ мѣсто выдвинулась гульливая беззпечность, отвага и удача поставлены выше кропотливаго скопидомства; семья, которая проситъ ѣсть, замѣняется товариществомъ, которое обопьетъ, оберетъ, да за то всегда пріютитъ, накормитъ и въ прогорѣвшемъ товарищѣ признаетъ молодца...

Морицъ съ тревожнымъ любопытствомъ присматривался къ этой жизни, и хотя нѣкоторыя ея частности поселяли въ немъ чувство брезгливости и сожалѣнія, но общій строй неотразимо охватывалъ его своею повальною возбужденностью. Ему уже мерещились опасности войны, подвиги, отличія, — и какъ всѣ несильные люди, онъ былъ радъ, что общее положеніе дѣлъ выводитъ его изъ лабиринта личныхъ затрудненій.

Вотъ чтó писалъ онъ къ Алёнушкѣ:

«Ждемъ каждый день объявленія войны. Хлопочу о зачисленіи меня въ дѣйствующія войска. Милая моя, дорогая!—опять приходится сказать вамъ: «до лучшихъ дней».... Но я твердо вѣрю, что эти лучшіе дни настанутъ. Ваша любовь поддерживала меня до сихъ поръ въ самыя тяжкія минуты унынія и безнадежности, она же дастъ мнѣ силу завоевать (буквально) мое будущее. Кто знаетъ, чтó найду я въ этой войнѣ? О смерти говорить нечего, потому что ею все кончается; но если?!... я даже трушу передъ возможностью счастья.... Не вините меня, я слишкомъ угнетенъ несчастьемъ не по силамъ; вслѣдствіе какой-то беззжалостной ироніи обстоятельствъ, я вынужденъ былъ играть роль, которая совершенно не въ моихъ средствахъ. Это я теперь вполнѣ сознаю, и сознаніе это меня убиваетъ... Зачѣмъ, зачѣмъ? Вѣдь я совсѣмъ не то, за чтó меня приняли...

«Надѣюсь, что вы не перестали видѣть во мнѣ прежняго Андрея, который ставилъ впереди всего искренность; зачѣмъ же вы пишете о «святости даннаго слова?» мнѣ это показалось очень страннымъ; въ любви вѣрность слову имѣетъ не совсѣмъ утѣшительный смыслъ. Вообще, письма ваши возбуждаютъ во мнѣ много серьёзныхъ недоумѣній. Выброшенный изъ правильнаго теченія жизни, я можетъ быть уже отсталъ, разучился понимать условія дѣйствительности; но вы, моя дорогая, — не слишкомъ ли увлекаетесь практическими цѣлями? Madame S. дозволительно успокоиться на процвѣтаніи своего магазина, а для васъ такой исходъ равнялся бы нравственному самоубійству.... Удивляюсь, какъ Алек-

сѣй одобряетъ ваше положеніе. Судя по тому, чѣмъ пробавляется современная литература (вѣдь и мы здѣсь кое-что читаемъ), я замѣчаю, что уровень нравственныхъ стремленій общества какъ будто понизился: многихъ знакомыхъ голосовъ уже не слышно, словно имъ и сказать нечего; другіе запѣли на иной ладъ... Все это неутѣшительно, — и я радуюсь, что стою въ сторонѣ отъ всякаго переливанья изъ пустого въ порожнее. Скажу больше, я радъ наступающей войнѣ, не потому только, что вижу въ ней возможность возстановить мое положеніе, а потому, что тутъ кипитъ дѣло, серьёзное дѣло, которое способно закалить характеръ человѣка, вызвать наружу всю его энергію, обогатить новыми, свѣжими впечатлѣніями»...

IV.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Морицъ, подъ вліяніемъ новыхъ свѣжихъ впечатлѣній, уже почти ни однимъ словомъ не упомянулъ о своей любви, о своихъ личныхъ надеждахъ и печаляхъ.

«Сегодня мы хоронили первыхъ павшихъ товарищей (писалъ онъ). Вы вѣрно прочли въ газетахъ объ отважномъ дѣлѣ нашихъ пароходовъ и канонерскихъ лодокъ, прошедшихъ подъ самыми батареями Исакчи. Разумѣется, мы—мелкотравчатые—ничего не знали о предполагавшейся экспедиціи, и только наканунѣ вечеромъ Шабашенко пригласилъ меня ѣхать утромъ вмѣстѣ съ нимъ къ Ѳерапонтовской церкви, посмотрѣть что́ будетъ. Я побѣжалъ въ канцелярію узнать, нельзя ли пойти охотникомъ, но встрѣтилъ сухой и положительный отказъ; а мой капитанъ еще посмѣялся надо мною: «Экой горяченькій! чего торопиться, еще надоѣстъ!— Да завтра врядъ ли что и будетъ». И прибавилъ въ видѣ зарока старый военный афоризмъ: «На службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся». Мнѣ стало досадно и грустно, я никакъ не предполагалъ, что *мнѣ* откажутъ, и скрѣпя сердце, поѣхалъ съ капитаномъ въ телѣжкѣ точно на прогулку. Шабашенко взялъ съ собою фляжку водки, кусокъ ветчины и долго хлопоталъ о складномъ ножѣ и маленькой помадной баночкѣ для горчицы. Ужасный чудакъ! у него во всякомъ дѣлѣ первая забота выпить и закусить; для основательности, говоритъ онъ, хоть на смертную казнь идти, а «пожевать» человѣку необходимо. И онъ жуетъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

«Маленькая церковь св. Ѳерапонта, у селенія Сатуново, построена въ память перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай въ

1828-мъ году; отъ Сатунова до рѣки и потомъ вдоль берега идетъ дорога, точно аллея, обсаженная ивами. Мы пошли пѣшкомъ и остановились на берегу недалеко отъ нашей батареи; позади въ камышахъ лежалъ батальонъ, составлявшій прикрытіе. Утро было чудесное,—тихое и ясное. Мой капитанъ прилегъ подъ деревомъ, хлебнулъ изъ фляжки и началъ жевать ветчину. Артиллеристы молча сидѣли возлѣ заряженныхъ пушекъ; въ воздухѣ носился особенный, пріятный запахъ горящаго фитиля. Къ избушкѣ пограничнаго кордона начали собираться штабные офицеры, элегантные, чистенькіе, точно на парадъ вышли. Они разговаривали о предметахъ совершенно постороннихъ, однако частенько взглядывали на часы и направляли бинокли внизъ по Дунаю. Мнѣ казалось, что у всѣхъ въ глубинѣ души шевелился одинъ вопросъ—«будутъ ли стрѣлять съ турецкихъ батарей?» но заговорить объ этомъ всѣ почему-то избѣгали.... Война еще не объявлена, но судя по всѣмъ приготовленіямъ съ нашей стороны, видно было, что дѣло не пройдетъ благополучно. Показался дымокъ передового парохода «Прутъ», всѣ какъ-то особенно встрепенулись, прислуга при орудіяхъ поднялась, разговоры смолкли. Роковой вопросъ висѣлъ на волоскѣ.... Изъ кордона вышелъ генералъ; мы съ капитаномъ прилегли въ прибрежныхъ кустахъ, какъ школьники; особенно онъ старался, чтобы не замѣтили меня, какъ самую запрещенную контрабанду. Уже слышно было торопливое шлепетанье пароходныхъ колесъ; Шабашенко пытливо посмотрѣлъ на Исакчинскія батареи: «Ишь шельмы!» прошипѣлъ онъ, и крякнувъ какъ-то значительно, сталъ засовывать ветчину въ задній карманъ. Только-что я хотѣлъ его спросить о чемъ-то, какъ грянулъ первый выстрѣлъ съ Исакчи, и по гладкому стеклу облитой солнцемъ рѣки далеко-далеко зачеркали красивые рикошеты ядра на встрѣчу флотиліи.

«Господи благослови!»—прошепталъ капитанъ и перекрестился. «Прутъ» съ канонерками на буксирѣ, стройно приближался, держась ближе къ непріятельскому берегу.—Ахъ, Алёнушка, какъ передать ощущеніе, которое я испытывалъ въ эти мгновенія! Духъ захватывало, на глазахъ слезы выступали.... Объ опасности и въ голову не приходило; я сознавалъ только одно, что пароходы *наши* и страстно трепеталъ за успѣхъ *нашего* дѣла.... Это чувство солидарности, чувство *общаго дѣла*, съ особенной силой сказывается подъ непріятельскими выстрѣлами. Никого я не знаю изъ тѣхъ, что на флотиліи, а готовъ былъ вплавь броситься на выручку *нашимъ*....

«Съ Ѳерапонтовской колокольни доносился рѣдкій, унылый

благовѣстъ къ обѣднѣ и скоро потерялся; выстрѣлы зачастили и слились въ порывистый гулъ и трескъ. Я не сводилъ глазъ съ массы дыма, вспыхивавшей струйками огня; за нею ничего нельзя было разобрать. Кто-то ударилъ меня по плечу, я очнулся; слышу гдѣ-то далеко на рѣкѣ кричать «ура». «Одинъ проскочилъ!» захлебываясь шепталъ капитанъ. Въ промежуткѣ, пока подходилъ другой пароходъ «Ординарецъ», съ нашей береговой батареи открыли огонь. Турки тоже начали жарить по берегу. Шагахъ въ шести отъ меня затрещало дерево, на насъ полетѣли щепки; капитанъ повернулся на другой бокъ и взглянулъ на меня съ благосклонною улыбкой. Гранаты съ особымъ сквернымъ шуршаньемъ пролетали надъ нами и ложились далеко въ камыши. Тамъ въ батальонѣ произошла какая-то мгновенная суматоха; слышенъ былъ крикъ «носилки!» но вниманіе наше снова обратилось къ Дунаю. «Ординарецъ» шелъ какъ будто скорѣе и подвергся уже не такому адскому огню, какъ его предшественникъ, но капитанъ увѣрялъ, что это такъ мнѣ показалось,—повторенное впечатлѣніе всегда слабѣе. Опять громъ канонады, трескъ, дымъ и крики. Пройдя Исакчу, «Ординарецъ» еще долго осыпалъ непріятельскій берегъ выстрѣлами. Исакчинскія батареи отвѣчали вяло, и скоро совсѣмъ прекратили огонь. Когда все кончилось, капитанъ мой поднялся,—«ну, теперь время и до борща»,—сказалъ онъ, съ ужасомъ вспомнивъ, что болѣе часа ничего не жевалъ.

Пріѣхавъ домой, мы только къ вечеру узнали о нашихъ потеряхъ. И вотъ, вчерашніе обыкновенные люди, сегодня лежатъ передъ нами, какъ герои... А вѣдь странное дѣло—смерть иногда придаетъ совсѣмъ новый, особый смыслъ нашей жизни. Въ числѣ убитыхъ оказался, напримѣръ, юнкеръ N. Онъ сдѣлалъ такую штуку: на палубу канонерской лодки упала граната, нашъ юнкеръ схватилъ ее и понесъ выбросить за бортъ; но не донесъ— гранату разорвало въ его рукахъ, онъ упалъ навзничь.... Теперь стали припоминать разные случаи изъ его жизни, и всѣ они оказались замѣчательными: этотъ добрый товарищъ, великодушный силачъ, гроза трактировъ и мелкихъ плутишекъ — сталъ пригоденъ въ герои какой-нибудь легенды; даже то, что три дня тому назадъ онъ выигралъ въ трактирѣ на билліардѣ 24 рюмки водки— и то передается съ какимъ-то необыкновеннымъ паѳосомъ. А умри онъ на госпитальной койкѣ, никто бы и не замѣтилъ, что однимъ забулдыгой на свѣтѣ стало меньше. Тяжело мнѣ было смотрѣть на одну молодую женщину, вдову убитаго капитана В., но я не скажу вамъ, о чемъ я думалъ. Догадайтесь! Простите, моя дорогая, что занимаю васъ вещами, быть можетъ, мало для

васъ интересными; но я такъ радъ этой военной тревогѣ... Надѣюсь скоро подѣлиться съ вами новостями, въ которыхъ ужъ не буду простымъ зрителемъ. Дѣло только-что начинается»...

Но въ слѣдующихъ письмахъ горячее нетерпѣніе необстрѣленнаго новичка постепенно остывало: онъ былъ зачисленъ въ команду, которая заготовляла плавучіе мосты для будущей переправы войскъ за Дунай. Война началась, газеты были наполнены подробностями о Синопскомъ погромѣ, о стычкахъ на Дунаѣ, а онъ ходилъ на темную скучную работу и по вечерамъ игралъ съ Шабашенкой въ преферансъ по десятой копѣйки.

V.

Комнатка, въ которой читались и перечитывались воинственныя письма Морица, была маленькимъ, уютнымъ уголкомъ позади великолѣпнаго магазина madame S. на Невскомъ проспектѣ. Тутъ помѣщалось рѣшительно все хозяйство Алёнушки Слободиной, — хозяйство, конечно, миніатюрное, обличавшее скудныя средства и неприхотливые вкусы хозяйки; но на немъ — на всякой мелочи лежалъ отпечатокъ строгой порядочности и женскаго мастерства красиво сгруппировать самыя незамысловатыя вещицы.— Недалеко отъ кровати, задернутой пологомъ, стоялъ письменный столикъ, какъ видно, предметъ особой сердечной заботливости хозяйки; на немъ, среди принадлежностей письма, самое видное мѣсто занимали портреты брата Алёши и Морица.—Въ углу этажерка съ книгами, дальше диванчикъ и низенькое мягкое кресло, на которомъ Алёнушка любила отдыхать послѣ дневной работы, скрестивъ на груди руки и откинувъ назадъ голову, задумчивая, едва слушающая болтовню снисходительнаго друга и единственнаго гостя Ивана Дмитрича Купянцова. Нельзя не замѣтить еще одну особенность въ комнатѣ Алёнушки, это—отсутствіе того жертвенника, на которомъ вокругъ овальнаго зеркала располагается выставка разныхъ красивыхъ флакончиковъ, баночекъ, душистыхъ баульчиковъ, статуэтокъ и всякихъ фривольныхъ бездѣлушекъ,— жертвенника, играющаго весьма важную роль въ жизни большинства женщинъ хорошенькихъ и безобразныхъ, юныхъ и престарѣлыхъ. У Алёнушки было какое-то складное зеркальце, передъ которымъ, конечно, она не засиживалась—недосугъ было, а между тѣмъ въ своемъ вѣчно черномъ платьѣ и съ гладко причесанной головкой, Алёнушка была очень граціозная, хорошенькая дѣвушка.

Обыкновенно около 8-ми часовъ вечера въ эту комнатку являлся Купянцовъ, и если Алёнушка была еще занята въ мастерской, онъ спокойно располагался на диванѣ и закуривалъ папироску. Онъ приносилъ ей свѣжія новости, свѣжія книги и свѣжія конфекты отъ вѣчнаго Балле́, до которыхъ грѣшница Алёнушка была большая охотница. Если случались въ тотъ день письма отъ брата или Морица, то прочитывались вслухъ — и бесѣда незамѣтно уходила къ воспоминаніямъ о недавней старинѣ.

До трагической катастрофы счастливая невѣста Морица совсѣмъ не замѣчала его двоюроднаго брата Купянцова, всегда скромнаго и застѣнчиваго даже въ кругу товарищей. Бывало, тѣ сцѣпятся въ азартномъ спорѣ, шумятъ, хохочутъ, а онъ сидитъ себѣ съ карандашикомъ и втихомолку испестритъ листъ бумаги прихотливыми фантазіями, полными юмора и бойкости. Его всѣ любили и не было человѣка, который бы не радовался сердечно, что судьба пощадила милаго Ваню. — Во все время долгаго заточенія друзей, онъ и Алёнушка, да еще деньщикъ Иванъ жили не своею жизнію—они вмѣстѣ бѣгали, хлопотали—и счастливы были, если удавалось доставить имъ какое-нибудь удобство: книжку, папиросы, чай и сахаръ, или фунтикъ бобковаго табаку для Рудковскаго. Впослѣдствіи эта заботливая любовь, сосредоточенная на однѣхъ и тѣхъ же лицахъ, уже исчезнувшихъ, далекихъ, связала ихъ братскою дружбой. Молодые люди не могли опомниться, когда это они стали другъ къ другу въ такія близкія отношенія, — будто выросли подъ одной крышей... и ни разу не оглянулись на исключительность своего положенія...

Поступленіе Алёнушки въ магазинъ озадачило Купянцова. Съ этого момента онъ созналъ, что эта дѣвушка для него слишкомъ дорога́... Прежде всего онъ испугался возможности потерять ее, а потомъ ужъ ему пришли въ голову соображенія о неприличности и даже опасности подобнаго шага. Если еще и теперь, двадцать лѣтъ спустя, наше общество смотритъ недовѣрчиво и подозрительно на всякую попытку женской самостоятельности, то что же было тогда?—Впрочемъ, юный художникъ, успокоившійся по первому пункту, отъ котораго больно забилось его сердце, скоро и легко помирился съ неудобствами второго, гдѣ слышалась только рутина ходячихъ разсудочныхъ мнѣній...

Сама же Алёнушка рискнула на этотъ шагъ вовсе не въ силу какихъ-нибудь предвзятыхъ теорій (тогда опять - таки и теорій-то женскаго труда еще не было), а просто по личнымъ побужденіямъ и интересамъ: она видѣла въ этомъ прежде всего

единственно-возможный для себя выходъ изъ положенія—какъ она выражалась—китайской мандаринши, состоящей на хлѣбахъ у какого-то сказочнаго дѣдушки, о которомъ самъ Алёша не любилъ распространяться опредѣлительно... Потомъ она видѣла передъ собой занятіе, которое ей нравилось, настоящее дѣло, къ которому отнеслась серьёзно, не какъ барышня-бѣлоручка,—уроки-то брата, какъ видно, не пропали даромъ. Она вышла на работу и вмѣстѣ — на волю.

Купянцовъ по темпераменту былъ человѣкъ способный на всякую пассивную добродѣтель, на глубокую самоотверженную преданность, но трусилъ передъ тѣмъ, что́ требовало риска, энергіи. Такія натуры, кроткія и любящія, неспособны взять съ боя то, что имъ нужно; онѣ даже любятъ свое безмолвное страданіе. Купянцовъ даже не далъ замѣтить Алёнушкѣ, что́ творится въ его сердцѣ. Какъ-то разъ онъ пришелъ къ ней не въ мѣру грустный, загадочный.

— Что съ вами, Иванъ Дмитричъ,—кротко и спокойно спросила Алёнушка.

— Мнѣ придется уѣхать...

— Куда? — Зачѣмъ?

— Да все туда же, куда нашъ братъ художникъ еще съ пеленокъ тянется—въ Италію. Что-жъ мнѣ тутъ — суздальскимъ богомазомъ быть, или красивыхъ солдатиковъ лѣпить?...

— Чего-жъ печалиться-то?—Паспортъ въ руки и маршъ!— Счастье, что у васъ средства есть. — Будь я на вашемъ мѣстѣ, съума бы сошла отъ радости!

Купянцовъ взглянулъ на нее печально.

— Въ томъ-то и дѣло, что паспортъ въ руки не дается...

— Хлопочите, приставайте. А вы вѣрно отъ первой неудачи струсили?

— Не всѣ такіе храбрые, какъ вы.

— Да, но это очень жаль.

Нѣсколько минутъ длилось тяжелое молчаніе.

— Ну, давайте же продолжать наше чтеніе, — первая очнулась Алёнушка.

— Давайте-съ; — съ тяжелымъ вздохомъ откликнулся онъ и, доставъ книгу, лѣниво принялся за чтеніе; но Алёнушка плохо слушала, безпрестанные переспросы обличали ея разсѣянность.

Поздно вечеромъ она проводила гостя со свѣчей на черное крыльцо и, прощаясь, крѣпко сжала его руку.

— Уѣзжайте въ Италію; — нехорошо, если останетесь... Я даже когда-нибудь скажу вамъ, отчего это нехорошо.

— Зачѣмъ же когда-нибудь?—Скажите теперь, сейчасъ — и я вамъ буду очень благодаренъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... нельзя, — послѣ... Прощайте,—спать пора.

— Прощайте Елена Петровна! — значитъ, когда-нибудь? — Хорошо, я постараюсь, чтобы къ тому времени паспортъ былъ у меня въ карманѣ.

Алёнушка дурно спала эту ночь; ей снилось, что попрежнему она живетъ въ своей квартирѣ, а Купянцовъ въ видѣ тюремнаго сторожа караулитъ ея дверь — и она его отъ всей души ненавидитъ....

Прошли мѣсяцы; послѣдній разговоръ не возобновлялся. Въ заграничномъ паспортѣ Купянцову было рѣшительно отказано: по забраннымъ справкамъ онъ оказался лицомъ далеко не свободнымъ, хотя и носилъ званіе «свободнаго художника». Нисколько неутѣшенный водевильнымъ каламбуромъ, Купянцовъ сильно упалъ духомъ, — и чтобы скрыть свою растерянность, рѣже и рѣже посѣщалъ уютную комнатку хорошенькой швеи.

Одинъ разъ Алёнушка встрѣтила его слишкомъ живыми упреками за долгое отсутствіе.

— Да полноте, полноте, не сердитесь!—Ну, виноватъ... Онъ печально улыбнулся и горячо поцѣловалъ ея руку.—И не воображалъ, что мòе отсутствіе для васъ такъ важно! — Вѣдь новаго ничего не случилось.

— Такъ вотъ вы какой! — Только съ новостями хотите являться, интересничать,—стыдитесь!—Да почему-жъ вы думаете, что у меня не можетъ быть новостей?—Даромъ что никуда не выхожу, а у меня тоже есть новости, да еще какія, интересныя!

— Вотъ какъ!—разсказывайте, разсказывайте...

— Усядьтесь прежде, пейте чай, закурите, а я приготовлюсь къ разсказу.

— Э, да и вы тоже на эффектъ бьете!

— Да новость-то такого сорта, что объ ней можно до утра проговорить.

— Право? — вы меня интригуете.

— Ну, слушайте. Вчера нашъ магазинъ получилъ огромный заказъ, тысячъ на десять...

— Ха-ха!—ай-да новость!

— Не торопитесь, дружокъ мой, смѣяться, — мы еще, можетъ быть, поплачемъ... Намъ заказано великолѣпное приданое одной счастливой невѣсты... Мы съ madame Léontine поѣхали къ ней на домъ, полную карету нагрузили всѣмъ, чтó есть дорогого, лучшаго. Я была въ хлопотахъ и не спросила куда мы ѣдемъ;

представьте же себѣ мой столбнякъ, когда я узнала, что мы въ домѣ Косолаповыхъ...

Купянцовъ бросилъ папиросу, широко раскрылъ глаза.

— Вѣдь вы знаете все старое, — помните, я разсказывала. Ну, теперь понятно вамъ, съ какимъ невыразимымъ, даже глупымъ волненіемъ ждала я появленія этой невѣсты... Она вышла; дѣйствительно, красавица... Немножко блѣдна и худа, но какой глазъ, какая бровь! Молчитъ она — будто на все сердится, а заговоритъ — такъ бы и кинулся ей на шею... Ужъ какъ она лѣниво, небрежно перебирала всѣ наши тысячныя тряпки! — видно, что все это ей надоѣло и совсѣмъ ненужно. Madame Léontine, по обыкновенію, разсыпалась, а я не сводила глазъ съ этого милаго лица, будто искала на немъ слѣдъ моего маскараднаго поцѣлуя... Ахъ, Иванъ Дмитричъ! — у меня закружилась голова, я боялась натворить какой-нибудь чепухи, боялась нелѣпой, сумасшедшей, совсѣмъ неприличной сцены... Ея голосъ звучалъ для меня знакомой лаской, — маскарадная встрѣча ожила передо мною... И братъ, бѣдный братъ!.. Вотъ и теперь у меня слезы на глазахъ, — вчера тоже должно быть лицо мнѣ измѣнило... Она бросила всѣ наши articles и обратилась ко мнѣ съ тревогой: — Qu'avez vous mon enfant? Vous êtes malade. — И покровительственно взяла меня за руку. Я опомнилась, сообразила все разстояніе между нами... Я ее испугалась, и — знаете ли что? — я ее вдругъ возненавидѣла... Мнѣ показалось, что она тащитъ меня или въ рай, или на эшафотъ... Я несвязно бормотала, благодарила, извинялась, готова была провалиться сквозь землю, — а она остановила на мнѣ такой упорный, нестерпимый взглядъ; мнѣ показалось, что она вотъ-вотъ назоветъ меня по имени — и я умру въ ту же минуту... Я опустилась на первый попавшійся стулъ. Madame Léontine меня выручила, бросила всѣ товары до-завтра и повезла меня домой, оговорившись, что «ma petite Hélène m'est plus chère que toutes les manufactures de la France entière». Дорогой я разсказала ей все, — я не могла не разсказать, потому что потребность высказаться была сильнѣе меня, — и мнѣ потомъ стало легче, — мы обѣ плакали... Вчера весь вечеръ толковали о томъ же. Отчего вы не зашли вчера? — Вы были мнѣ необходимы. Тутъ, видите ли, вышелъ горячій споръ: Léontine настаиваетъ, что я должна непремѣнно искать случая объясниться съ Агатой, снять маску, напомнить ей Алёшу — вѣдь онъ еще не совсѣмъ умеръ; наконецъ, быть можетъ une brave couturière найдетъ дорогу къ сердцу бѣдной свѣтской богачки, заставитъ его биться по-человѣчески, спасетъ ее отъ этого

самоубійства, чтó называютъ бракомъ по разсчету... Словомъ, цѣлый романъ выходитъ! — Все чувствительно, эффектно, благородно,—но оно совсѣмъ не по-моему, совсѣмъ не по-русски.

— Да, да, — шепталъ Купянцовъ,—манерно, театрально, — французятина.

— Не правда ли?—По нашему тутъ нужно кончить романъ и пойти своей дорогой. У французовъ совсѣмъ другой складъ ума и понятій: по-ихнему это хорошо, а по нашему просто пошлость. Я не могла этого объяснить madame S., боялась ее обидѣть, сказала только, что мы русскіе, не маркизы, и не буржуа, а простые, даже грубые люди. Поддержать-то меня было некому. Вѣдь вы бы меня поддержали, Иванъ Дмитричъ?

— Еще бы нѣтъ!—Да что я?—Тутъ бы пустить Рудковскаго, или вашего брата, — вотъ они бы разработали этотъ сюжетецъ, да кстати и вамъ ручки бы расцѣловали...

— Ну, ну, слишкомъ нѣжно! — Итакъ, это дѣло рѣшеное— съ Агатой я больше не увижусь. Слушайте дальше; является другой вопросъ. Послѣднія порученія и просьбы Алёши для меня обязательны, — это духовное завѣщаніе,—а онъ требовалъ, чтобы я непремѣнно увѣдомляла его обо всемъ, что узнаю про Агату,— онъ какъ-то особенно на этомъ настаивалъ. Ну вотъ теперь какъ же—написать ему, или нѣтъ?

— Разумѣется, написать.

— Написать?

— Безъ сомнѣнія!—онъ не изъ тѣхъ, чтó боятся истины — хоть и самой горькой.

— А я не напишу.

Алёнушка рѣзко встала и начала ходить по комнатѣ; ея слова уже не адресовались къ Купянцову, она говорила вслухъ для себя, будто повѣряя собственныя мысли.

— Мнѣ живо представляется его обстановка... «Въ странѣ мятелей и снѣговъ...» Уфъ!—намъ съ вами хорошо тутъ, какой ни на есть комфортъ, интересы, удовольствія—да и то мы подъ часъ раскисаемъ. Онъ пишетъ, что «бодръ и здоровъ», а отчего? — можетъ быть оттого, только оттого, что впереди свѣтятся два-три свѣтлыхъ огонька... И ради какой-то школьнической правды я пойду и задую одинъ изъ этихъ огоньковъ... Нѣтъ, это нечеловѣчески-жестоко,—это все равно, что я бы написала Морицу: милый другъ, я полюбила другого, будьте счастливы...

— Ну, а еслибъ на грѣхъ въ самомъ дѣлѣ полюбили? — нетвердымъ голосомъ выговорилъ Купянцовъ.

— Прежде всего—это невозможно; поймите хорошенько: не-воз-мож-но...

— Однако-жъ бываетъ...

— Никогда не бываетъ! — У дрянныхъ людей можетъ быть всякая нелѣпость, такъ на то же они и дрянные люди. Ужъ по-моему коли любить, такъ любить, чтобы не только я сама, но и другіе уважали мою любовь, какъ дѣло серьёзное. А то, помилуйте, — не гнусно ли дурачиться, когда этимъ дурачествомъ вы губите и безъ того уже загубленное существованіе, обкрадываете нищаго, плюете на умирающаго!.. Нѣтъ, это каннибальская забава, а не любовь...

— А помнится, мой братъ Андрюша самъ исповѣдывалъ свободу сердечныхъ отношеній...

— Неправда, неправда! онъ не то говорилъ, — вспыхнула Алёнушка. По его — свобода предполагаетъ равные шансы... А развѣ наши шансы равны? — Да если я напишу ему эти два слова: «будьте счастливы»,—вѣдь это будетъ такая злѣйшая насмѣшка, какой еще ни одинъ палачъ не выдумалъ... Будьте счастливы!—гмъ!

— Да я не противъ этого спорю, — уступилъ Купянцовъ; я только противъ самозакланія, противъ насильственныхъ жертвъ, противъ всякихъ сладкихъ обмановъ... Говоря эти слова, онъ глубоко чувствовалъ, что лжетъ, что говоритъ противъ самого себя.

— Э, да мы съ вами никогда другъ друга не поймемъ, если будемъ говорить экивоками!—Вы должны знать, что Андрюшу я люблю и не могу себѣ представить, какъ это я вдругъ разлюблю его... вотъ и все! — Наши женщины были бы больше достойны уваженія, еслибы отдавали свою любовь хорошимъ людямъ, а не празднымъ шалопаямъ, или ловкимъ кавалерамъ, или кому-нибудь еще похуже... Однако нашъ разговоръ ушелъ Богъ знаетъ куда; вѣдь рѣчь вовсе не обо мнѣ. Довольно!

Во время этого запальчиваго разговора Алёнушка все ходила, не глядѣла на Купянцова; часто поправляя волосы, она ихъ совсѣмъ сбила; лицо ея горѣло, губы дрожали.

Купянцовъ окончательно поникъ. Случайный урокъ былъ слишкомъ внушителенъ; ему хотѣлось упасть на колѣни и просить прощенья у разгнѣваннаго друга, — и все-таки онъ любилъ ее, онъ чувствовалъ свое глубокое несчастье...

— За кого же Косолапова выходитъ?—и вообще, что это за бракъ?

— Я не спросила даже; да развѣ это не все равно! — Сегодня Léontine ѣздила туда, потомъ какая-то ихъ dame de com-

pagnie была здѣсь, — значитъ, секретовъ ужъ нѣтъ. Разсказываютъ, что это какой-то давнишній усердный искатель. Отецъ ея не соглашался, но вотъ уже полгода, какъ его разбилъ параличъ; маменька взяла бразды правленія и все уладила. Агата согласилась, но любви тутъ нѣтъ.

— На что-жъ ей это замужство? Экій нелѣпый складъ жизни-то у насъ, куда ни посмотришь! — Сознаюсь, Елена Петровна, я глупость сморозилъ: чтó возставать противъ честныхъ жертвъ, когда вокругъ насъ сплошь да рядомъ все жертвы — если не безчестныя, то неразумныя, дикія!

— Она, можетъ быть, имѣетъ свои резоны, кто ее знаетъ! — медленно и вдумчиво проговорила Алёнушка. — Разумѣется, я не такъ бы поступила, — ну, да вѣдь чужая душа потёмки... Мнѣ хотѣлось бы ее оправдать, — право, она такая симпатичная... и навѣрное несчастна... Ни за что не напишу ему, ни за что!

Съ этого памятнаго вечера отношенія нашихъ друзей, хотя не измѣнились радикально, но стали болѣе сдержанны, осмотрительны. — Бóльшая доля осторожности замѣчалась впрочемъ со стороны Купянцова — онъ и бывалъ у Алёнушки рѣже и избѣгалъ разговоровъ, признанныхъ цѣлымъ свѣтомъ опасными для юныхъ сердецъ; а прямодушная сестра Алексѣя шла своей ровной дорожкой, будто ничего не замѣчая, и попрежнему цѣлуя своего добраго Ивана Дмитріевича въ голову за маленькія услуги, въ родѣ коробки конфектъ или билета въ театръ. На одно только она наложила строгій запретъ — на свою переписку съ Морицемъ, — это была ея «святая святыхъ», — она стала даже умалчивать о томъ, когда почтальонъ приносилъ ей завѣтное письмецо и когда она писала какому-то миѳическому господину Шабашенкѣ. Эта переписка, несмотря на извѣстныя намъ недоразумѣнія и недомолвки, радовала дѣвушку; она ясно видѣла, что любима, «а всѣ недоразумѣнія объяснятся при свиданіи — и даже покажутся смѣшными глупостями, надъ которыми мы вдвоемъ вдоволь нахохочемся».

Но съ того дня, какъ раздались на Дунаѣ пушечные выстрѣлы и письма Морица приняли тонъ походныхъ мемуаровъ, Алёнушка совсѣмъ закручинилась. Выраженіе Андрюши «опять до лучшихъ дней» стоило ей горькихъ слезъ и безсонныхъ ночей. Послѣдующія письма она уже отдавала прямо въ руки Купянцову, какъ извѣстія, имѣющія общій интересъ, а не жгучія страницы, полныя намековъ никому непонятныхъ, писанныя только для нея одной, для его маленькой Алёнушки...

VI.

Дѣла начались на Дунаѣ съ октября. По всѣмъ дорогамъ къ нашей южной границѣ потянулись походныя колонны войскъ, артиллерійскіе парки, тяжелые транспорты боевыхъ снарядовъ, летѣли курьеры и шныряли провіантскіе чиновники; задвигались всѣ колеса громаднаго военнаго механизма, въ исправности котораго тогда не было никакого сомнѣнія.

Петербургская молодежь покидала свое блестящее иногда положеніе, облекалась въ военное пальто изъ солдатскаго сукна— бывшее тогда модною новинкой, — и поспѣшно отправлялась въ южную армію, напутствуемая благословеніями и громкими пожеланіями —

Добрый путь вамъ за Балканы,
До Царьграда добрый путь!

Эту тему воспѣвали на разные лады тогдашніе стихотворцы и стихотворицы. Настроеніе было самое счастливое; походная возбужденность достигла своего апогея въ давно-знакомыхъ нашимъ войскамъ придунайскихъ княжествахъ, гдѣ—особливо въ Букарестѣ— жизнь была развеселая; русское золото сыпалось въ изобиліи.

Бываютъ моменты во внутренней жизни націй, когда сторонниками войны становятся люди всѣхъ оттѣнковъ; одни въ чаяніи заглушить внѣшнимъ шумомъ тоску безсильнаго недовольства, другіе—самодовольное большинство — въ счастливой увѣренности, что основы ихъ жизни въ предстоящей борьбѣ оправдаютъ свою вѣковѣчность. Тогда о ближайшихъ внѣшнихъ поводахъ международной распри почти никто не думаетъ, — притомъ они всегда слишкомъ сложны, неосязаемы, обставлены дипломатическими соображеніями, совершенно непонятными для массъ, которымъ нужно знамя съ какимъ нибудь самымъ простымъ лаконическимъ девизомъ. Запутанныя перепетіи восточнаго вопроса едвали были доступны для всенароднаго разумѣнія. Да и зачѣмъ намъ были эти тонкости— совсѣмъ не въ нихъ заключалось дѣло! — Для большинства было совершенно ясно одно — «намъ нечего больше дѣлать, какъ помѣряться силами съ тѣми, кто противъ насъ...» Таково было сознаніе массы, и нужно признаться, что въ этомъ инстиктивномъ сознаніи лежалъ глубокій смыслъ...

Однако въ первыхъ, нѣсколько значительныхъ дѣлахъ, служившихъ какъ-бы прелюдіей къ большой героической симфоніи, уже промелькивала какая-то неспѣтость, оплошность. Въ одномъ

пунктѣ полки одѣлись словно на парадъ, застегнулись на всѣ крючки и пуговки, и правильно маневрируя, зашли въ болотную топь; въ другомъ—части войскъ оказались разобщенными и слишкомъ выдвинутыми отъ резервовъ; въ третьемъ, на оборотъ, не рискнули выдвинуться и дали непріятелю возможность укрѣпиться въ сильной позиціи. Вездѣ обнаруживалось, съ одной стороны, какое-то недоразумѣніе, ненаходчивость, застарѣлая привычка ходить на помочахъ,—а съ другой — боязнь отвѣтственности, сбивчивость общаго плана дѣйствій, запуганная мнительность. Общественное мнѣніе раздражалось неудачами, хоть мелкими, но совсѣмъ нежданными, и вознаграждало себя восторженнымъ поклоненіемъ передъ частными проявленіями личной храбрости и мужества русскаго солдата — этого удивительно-простого и сильнаго человѣка, но отнюдь не риторическаго героя...

Извѣстіе о блистательной переправѣ нашихъ войскъ за Дунай радостно разнеслось по Россіи, какъ счастливое начало новаго поворота войны; всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали энергическихъ движеній, быстрыхъ успѣховъ нашего оружія, но прошло полтора мѣсяца, пока русскія войска, медленно подвигаясь по зеленымъ равнинамъ мирнаго болгарскаго народа, успѣли подойти къ Силистріи.

Въ траншеяхъ подъ Силистріей мы встрѣчаемъ опять нашего пріятеля Андрюшу Морица.

Вѣчный энтузіастъ, онъ теперь, послѣ унылыхъ безконечныхъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на постройкѣ плотовъ, попалъ въ самую кипучую дѣятельность и былъ совершенно счастливъ. Еще прежде, при наводкѣ плавучаго моста въ Браиловѣ, онъ столкнулся съ однимъ своимъ школьнымъ товарищемъ, инженеромъ, добрѣйшимъ и серьёзнымъ нѣмцомъ Германомъ Христіанычемъ. Встрѣча ихъ была самая теплая, дружеская, и Морицъ, по настойчивому ходатайству стараго товарища и связямъ его въ главномъ штабѣ, былъ зачисленъ на службу въ инженерный паркъ, назначенный вести осадныя работы подъ Силистріей. Съ этимъ добрымъ человѣкомъ Морицъ жилъ теперь въ одной палаткѣ, припоминалъ школьныя тетрадки фортификаціи, что-то чертилъ, записывалъ, бѣгалъ по траншеямъ, разводилъ людей на работы и вообще имѣлъ видъ человѣка серьёзно озабоченнаго и душею преданнаго своему дѣлу.

Главный начальникъ осадныхъ работъ, маститый старецъ Шильдеръ замѣтилъ Морица. Онъ самъ былъ энтузіастъ весьма оригинальный и личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Передъ самой войной перейдя изъ лютеранства въ православіе, онъ явился въ армію, какъ человѣкъ облеченный таинственною

миссіей; говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что все дѣлается не такъ какъ слѣдуетъ, что онъ одинъ обладаетъ тайною несомнѣннаго успѣха и что эту тайну сообщилъ ему изъ-за гроба покойный императоръ Александръ Павловичъ... Его восторженный мистицизмъ, смѣлая рѣчь, ничѣмъ не стѣснявшаяся, когда онъ принимался обличать прямо въ глаза неспособность и негодность чью-бы то ни было—даже самыхъ крупныхъ лицъ военной іерархіи,—все это невольно приковывало къ нему общее вниманіе, выдѣляло его изъ толпы заурядныхъ, одноформенныхъ посредственностей. Посторонній наблюдатель принялъ бы его за полупомѣшаннаго старика, но въ этой, конечно, ненормальной головѣ кипѣла какая-то своеобразная работа и порой вспыхивали проблески свѣтлыхъ, почти геніальныхъ соображеній. Насколько онъ былъ полезенъ дѣлу—это другой вопросъ, котораго касаться мы не будемъ. Замѣтимъ еще, что этотъ военный чудакъ не только обладалъ личною храбростью — это опредѣленіе было бы слабо и неточно — онъ совсѣмъ былъ лишенъ даже инстинкта самосохраненія. Когда онъ впослѣдствіи былъ раненъ осколкомъ гранаты въ ногу, то передъ ампутаціей особенно заботился и просилъ хирурга непремѣнно отыскать кстати въ ногѣ турецкую пулю, которая сидѣла тамъ съ 1828 года; какъ будто вся цѣль ампутаціи заключалась въ томъ, чтобы ему увидѣть эту интересную штучку...

Его высокая сѣдовласая фигура, часто въ одной бѣлой рубахѣ, съ костылемъ въ рукѣ, появлявшаяся въ самыхъ опасныхъ пунктахъ, пользовалась большою популярностью и наивною, дѣтскою любовью нашихъ солдатиковъ.

— Смотри, смотри, старикъ-то нашъ безъ шапки выскочилъ, бѣдовый!

— Ему нипочемъ!—Надысь, сказываютъ, этакъ-же вышелъ приказанье отдавать, а *онъ* [1]) возьми и зачасти пальбу, тра-та-та-та, и пошло!—ровно чему обрадовался.—Обнаковенно за пальбой словъ-то и не слыхать; нашъ старикъ не стерпѣлъ, слышь, высунулся по поясъ и давай кричать: «Ахъ вы таки-сяки турки поганые, — цыцъ, молчать!» — да по-нашему ихъ, по-нашему... здóрово ругается!—да еще костылемъ грозитъ. — Такъ, братецъ ты мой, сказываютъ, чтó смѣху было—и Боже мой!

— Эва!—и ничево не робѣетъ?

— Ему что!—его не зацѣпитъ!—потому, можетъ онъ *слово* знаетъ.

---

1) Непріятеля солдаты называютъ всегда—*онъ*.

— Да ужъ не безъ того.

Такіе толки ходили промежъ солдатъ въ траншейныхъ канавкахъ.

Впечатлительный Андрюша влюбился въ эксцентричную фигуру стараго генерала; всѣ его чудачества, его прямодушная бранчивость и незнаніе опасностей принимали въ глазахъ молодого человѣка поэтическій оттѣнокъ. Онъ даже невольно усвоилъ себѣ нѣкоторыя его особенности: напримѣръ, Морицъ, бродя за Шильдеромъ всюду и иногда безъ всякой нужды (вдругъ старику пришла фантазія отыскивать слѣды траншей, которыя онъ велъ еще въ 1828-мъ году...), подвергалъ себя опасности даромъ, что́ называется обтерпѣлся и потомъ ребячески франтилъ своимъ молодечествомъ.

Ежедневно являлись въ траншеи изъ главной квартиры очередные адъютанты и ординарцы для доставленія свѣдѣній, а главнымъ образомъ, кажется, для того, чтобы дать блестящимъ молодымъ людямъ случай отличиться. Между ними Морицъ встрѣтилъ двухъ-трехъ старыхъ петербургскихъ знакомыхъ; они казались обрадованными встрѣчей съ человѣкомъ, котораго считали совсѣмъ погибшимъ; съ участіемъ разспрашивали, какъ онъ обрѣтается, приглашали къ себѣ; но случалось, что иной предлагалъ услуги — не нужно ли что-нибудь, мы дескать кое-что можемъ по части наградъ и повышеній... Морицъ вспыхивалъ, намекалъ, что онъ солдатъ, и считаетъ подлостью отнять у солдата егорьевскій крестикъ, какъ дѣлаютъ это многіе состоящіе при штабахъ юнкера, развѣ сама рота ему присудитъ. Послѣ этой вспышки, онъ тутъ же ощущалъ потребность дать понять, что онъ вовсе не послѣдняя спица въ колесницѣ, и старался оказать гостю радушное гостепріимство въ Шильдеровскомъ вкусѣ.

— Не хотите ли, я проведу васъ на правый флангъ?—Ближе всего мы подошли къ Змѣиному [1]). Это интересно; пойдемте! — Я всѣ закоулки знаю и покажу вамъ отлично; все дѣло поймете. И онъ тащилъ за собой пріятеля, которому подобное угощеніе было совсѣмъ не по нутру, а отказаться ужасно неловко.

— Вотъ тутъ осторожнѣе, — предостерегалъ онъ, шагая по лабиринту земляныхъ ходовъ. — Это самое подлое мѣсто,— штуцерники крѣпко донимаютъ.—Ну-съ, а здѣсь вотъ ничего,—перебѣжимъ прямо виноградниками.

— Зачѣмъ же?—вправо можно по балочкѣ.

---

[1]) Змѣиное и Арабское — названія передовыхъ фортовъ Силистріи.

— Такъ будетъ ближе. Не бойтесь!—За мной!—Пригнитесь немного.

Иногда Морицъ просто школьничалъ и потомъ отъ души хохоталъ, оставшись вдвоемъ съ своимъ серьёзнымъ Германомъ Христіанычемъ, который совсѣмъ не одобрялъ подобныхъ шутокъ.

Нагулявшись вдоволь по ложементамъ и баттареямъ, Морицъ предлагалъ гостю отлично-удобный и покойный ночлегъ въ углу своей палатки. Палатки Шильдера и его инженеровъ были разбиты близехонько за боевой линіей; шальныя пули залетали туда безпрестанно.

— Однако у васъ тутъ того — заснешь, да пожалуй и совсѣмъ не проснешься... замѣчалъ гость, прислушиваясь къ жалобному и ехидному визжанью пуль — точно вокругъ палатки громадные комары жужжатъ..

— Это пустяки!—когда пуля такъ звенитъ, значитъ ужъ на излетѣ; прорветъ шинель и больше ничего. Выпейте стаканчикъ вина и засните.—Извините, вино-то у насъ скверное; вамъ, чай, изъ Калараша привозятъ, а мы чѣмъ попало пробавляемся. Неугодно ли?—Ну, теперь покойной ночи, а я еще сбѣгаю,—ночью будемъ прорѣзывать амбразуры въ новенькой батарейкѣ; турки этого смерть не любятъ. — Туда ужъ я васъ не поведу. — Bonne nuit!

И вооружась своимъ собственнымъ (т.-е. не казеннымъ) карабиномъ, онъ весело убѣгалъ, точно на охоту.

VII.

Удосужился и Морицъ побывать въ главномъ лагерѣ у своихъ штабныхъ знакомыхъ. Тутъ жизнь текла шумно и весело, обставленная нѣкоторыми удобствами, не то что въ траншеяхъ.

Строевые офицеры всегда съ предубѣжденіемъ «взираютъ» на молодежь, состоящую при разныхъ штабахъ, а въ особенности при главной квартирѣ. Инымъ кажется, что это все люди властные, страшно-серьёзные, посвященные во всѣ планы и намѣренія главнокомандующаго,—и бѣдный фронтовой офицеръ долженъ передъ ними держаться всегда нѣсколько на-вытяжку. Другіе убѣждены, что это пустые франтики, бѣлоручки и даже авантюристы, съѣхавшіеся на ловлю отличій,—послѣднихъ армейскіе зоилы въ то время прозвали баши-бузуками... Попадаются, конечно, всякіе, но большинство штабной молодежи подъ Силистріей отличалось совсѣмъ другими качествами; во-первыхъ, это были

прежде всего милые, славные ребята и отличные товарищи. Въ походной палаткѣ, за стаканомъ вина легко забывается разница общественныхъ положеній; любимцемъ кружка становится не тотъ, кто знатнѣе и богаче, а кто даровитѣе, оригинальнѣе, у кого больше душа на распашку; товарищеская бесѣда оживляется бойкою шуткой, заразительнымъ смѣхомъ, острымъ куплетомъ. Морицъ давно уже не бывалъ въ такой большой веселой компаніи, онъ чувствовалъ себя какъ-то хорошо, свободно въ ихъ нецеремонномъ кругу — и передъ ихъ радушіемъ ему было немного совѣстно вспомнить, какъ онъ съ нѣкоторыми школьничалъ въ траншеяхъ.

— Ну что вашъ Шильдеръ, — спрашивали его, — все ругается?

Морицъ улыбнулся; ему ужасно неловко было отвѣчать на этотъ неловкій вопросъ. Онъ попробовалъ-было серьёзно вступиться за своего старика, но ему отвѣчали шутками.

— Видите ли господа, онъ явился на дѣло не такъ, какъ многіе, то-есть, руку подъ козырекъ и «что прикажете?» — Онъ принесъ кое-какія знанія, опытность...

— И сумасбродство.

— Коли хотите, да, и сумасбродство... но въ военномъ дѣлѣ сумасбродство—шансъ успѣха... наудачу хватилъ Морицъ.

— Браво!—совершенно вѣрная мысль! — подхватили многіе.

— Да, господа, это чортъ знаетъ что! — Мы кажется придаемъ слишкомъ много важности этимъ дуракамъ-туркамъ.— Помилуйте, столько времени возиться около передовыхъ укрѣпленій!—Mais il faudrait tenter à l'assaut... Вѣдь это «Арабское», — ce n'est qu'un mauvais bicoque—et rien de plus!

— Ужъ это, господа, ваше дѣло—à l'assaut, — промолвилъ Морицъ, закусивъ усъ. — Мы какъ кроты, скромно роемся въ землѣ, а затѣмъ—какъ вы прикажете...

— Мы прикажемъ вамъ выпить съ нами еще по стаканчику, за ваши будущіе эполеты, — шутливо перебилъ хозяинъ палатки; это дѣльнѣе, чѣмъ разсуждать о томъ, кабы бабушка была дѣдушкой, то что́ бы вышло изъ такой оказіи...

Шутка однако не вызвала смѣха. — Всѣ подняли стаканы, поздравляя Морица съ давно-заслуженной наградой, которую ждали каждый день. Кто-то затянулъ:

En Angleterre
Nous irons,
Chercher la guerre,
Tirer du canon...

И пошла круговая...

Подъ вечеръ, простившись съ веселою компаніей, Морицъ отправился во-свояси. Онъ шелъ пѣшкомъ и дорогой, по старой привычкѣ, перебиралъ впечатлѣнія дня. Какъ человѣку свѣжему, попавшему случайно въ незнакомый мірокъ, ему рѣзко бросились въ глаза нѣкоторыя характерныя особенности этого мірка. Всего страннѣе показалось ему, что тутъ почти не говорятъ о дѣлахъ серьёзно и меньше всего знаютъ о планахъ и предположеніяхъ въ будущемъ; это ихъ какъ будто вовсе и не интересуетъ. А въ промежуткахъ шумной веселости прорываются нотки затаеннаго, темнаго недовольства, нетерпѣнія и легкой насмѣшливости. Какъ будто у всѣхъ на сердцѣ лежитъ что-то тяжелое и печально-покорное... Это—томительное чувство людей, собравшихся сгоряча дѣлать дѣло и мало-по-малу открывшихъ, что дѣло не дѣлается, а чѣмъ помочь ему—никто не знаетъ; они пришли съ пустыми руками... Исполнительность да личная отвага—и больше не могутъ они ничего принести общему дѣлу; а молодыя силы рвутся на просторъ, хочется подвиговъ, славы...

Незамѣтно подчиняясь уже непроизвольному теченію возбужденной мысли, Морицъ наталкивался на выводы неожиданные, на обобщенія слишкомъ широкія.—«Видно ужъ всегда и во всемъ такъ,—думалось ему,—все, что молодо, полно силъ и отваги,—обречено мучиться бездѣйствіемъ... Молчи, жди и не порывайся,—главное не порывайся!—И къ чему ведутъ эти безплодныя, вымученныя порыванья?—Да, за нихъ всегда приходится слишкомъ дорого расплачиваться, слишкомъ дорого!...» И вдругъ передъ нимъ пронеслись знакомые призраки блѣдныхъ лицъ другой, уже давно-расплатившейся молодежи...

— Какъ это нелѣпо, какъ это дико! — вырвалось у Морица вслухъ. — А вѣдь, право, тутъ много аналогіи...

Онъ горько усмѣхнулся.

Идти ему было далеко, дорога неровная, безпрестанно приходилось спускаться въ ямы, подниматься на пригорки, поросшіе кустарникомъ. Сумерки быстро, незамѣтно смѣнились тихою, звѣздною ночью. Онъ присѣлъ отдохнуть, закурилъ папироску и вспомнилъ, что сегодня ему удалось пристроить толстый пакетъ для отправки въ Петербургъ съ курьеромъ, отъѣзжающимъ въ эту ночь. Пакетъ былъ къ Алёнушкѣ;—Андрюша посылалъ ей свой дневникъ, набросанный кое-какъ карандашемъ, и поздравлялъ ее съ имянинами. — «Сегодня у насъ 16-е мая, — нѣтъ, къ 21-му она еще не получитъ,—жаль! Мы теперь такъ рѣдко переписываемся... еще подумаетъ, что я ее забылъ тутъ... А въ самомъ

дѣлѣ, вѣдь не такъ часто объ ней думаю, какъ прежде!.. Объ Шильдерѣ чаще думаю... вотъ оно какое дѣло, всего тебя поглощаетъ... Ахъ, когда же все это кончится!—Счастливый народъ эти господа, которыхъ курьерами посылаютъ!—Если-бъ меня послали курьеромъ, съ тѣмъ чтобы въ Петербургѣ остаться всего одинъ часъ,—мало, а поѣхалъ бы?—Только бы взглянуть на нее, мою голубку!..»

Мысли Морица унесли его далеко отъ этой прекрасной южной ночи. — Одиночные выстрѣлы слышались изрѣдка, будто съ просонья,—привыкшее ухо и не замѣчало ихъ; кругомъ на всемъ лежалъ покой и миръ; ночныя тѣни затянули густою мглой и крѣпость, и лагерь, и всѣ аксессуары батальной картины; съ неба лилось такое кроткое, нѣжное сіяніе: казалось, и войны никакой ужъ нѣтъ, всѣ люди помирились и спокойно наслаждаются ласковой прохладой майской ночи,—точно сонъ хорошій снится...

Морицу опять припомнилось старое,—одинъ сонъ, преслѣдовавшій его много лѣтъ... Будто спитъ онъ въ сыромъ казематѣ, изнуренный, безнадежный; вдругъ надъ головой его раздаются громкіе голоса, онъ открываетъ глаза — вся тюрьма озарена яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, какіе-то добряки вокругъ него хохочутъ здоровымъ, ласковымъ смѣхомъ и объявляютъ, что все это ошибка, недоразумѣніе, — предлагаютъ ему идти на воздухъ, на свободу... Но это былъ только сонъ, глупый, обманчивый сонъ, а дѣйствительно, пробудясь, онъ слышалъ хриплый голосъ сторожа: «баринъ, ночникъ поправьте»... Потомъ и эта дѣйствительность стала сномъ; все прошло и только снится иногда такъ мучительно-ярко... Да вѣдь вотъ и Силистрія пройдетъ, тоже станетъ сномъ,—и я буду пересказывать этотъ сонъ моей Алёнушкѣ... А ну, какъ не пройдетъ?!...

— Однако, что это со мною сегодня?—очнулся Андрюша.—Какія-то все сумасбродныя, фантастическія бредни лѣзутъ въ голову... И все-то она, моя старая печаль просыпается, насильно вплетается въ каждую мысль, въ каждое впечатлѣніе...

Недалеко отъ него послышался мѣрный, тяжелый шагъ многихъ сотенъ ногъ; сѣрая масса пѣхоты двигалась на встрѣчу ему изъ траншей въ лагерь.

— Куда вы, братцы?

— Домой отпустили.—Ноньче знать *онъ* палить не станетъ,—старикъ не велѣлъ. — Отказано! — острили довольные голоса.

— «Ну, вотъ и отлично!»—подумалъ Морицъ.—«Приду, завачу спать до самаго солнца!»

Добравшись домой, онъ не нашелъ своего товарища въ палаткѣ.

Деньщикъ объяснилъ, что «ушли, должно, къ Арабскому, туда много господъ прошло». — Андрюша забылъ о намѣреніи хорошенько выспаться, и машинально набросивъ за спину карабинъ, пошелъ куда указалъ деньщикъ. Германъ Христіанычъ повстрѣчался съ нимъ на половинѣ дороги.

— Ты куда, Андрей?

— Шелъ провѣдать, гдѣ ты.—Что это у насъ сегодня больно тихо,—ужъ не затѣвается ли что-нибудь?

— Это все *глюпости*, фанфаронада! — Пойдемъ домой спать. Въ голосѣ добраго нѣмца отзывалась суровая досада.

— Э, нѣтъ—спать не пойду!—Ты не такъ говоришь, чтобы спать идти...

— Повторяю тебѣ — глюпости, невозможнѣйшія фантазіи... Слава Богу, что изъ этого ничего не можетъ произойти: тамъ теперь собрались люди опытные, не допустятъ.

— Да что такое?

Онъ разсказалъ, что кто-то изъ молодыхъ людей, присланныхъ отъ главной квартиры, подалъ мысль внезапно овладѣть Арабскимъ укрѣпленіемъ, на томъ основаніи, что оно давно уже молчитъ и, вѣроятно, оставлено турками.

— Но я не хочу, чтобы и ты раздѣлялъ эти*хъ* глюпост*ей*, строго сказалъ нѣмецъ. — Пойдемъ спать.

— Ага, такъ вотъ оно что!—Un bicoque... bicoque!—насмѣшливо повторялъ Морицъ. Свѣжія впечатлѣнія недавней бесѣды закипѣли въ головѣ его, они видимо подтверждались. Да, это оно, оно, — то самое... непремѣнно такъ и быть должно, — подумалъ Морицъ.

— Знаешь что, Германъ, я пойду посмотрю...

— Вздоръ!—Ты не пойдешь, и смотрѣть тамъ нечего.

— Я сейчасъ, — я ворочусь, — такъ, черезъ полчасика ворочусь...

— Не хотѣлъ бы я тебя пускать... вѣдь я могу приказать...

— Какой ты чудакъ! — Самъ же говоришь, что ничего не будетъ...

— Да, но... ты скоро придешь, даешь честное слово?

— Честное слово! ха, ха... Чтожъ мнѣ тамъ долго-то дѣлать?—Вѣдь я нижній чинъ—моего мнѣнія не спросятъ... а оно любопытно... Такъ до свиданья, дружище!

И легкой походкой Морицъ почти побѣжалъ впередъ.

Собесѣдникъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и громко повторилъ: — Помни же, Андрей Николаичъ, честное слово! — Но тотъ уже скрылся на поворотѣ траншеи.

Придя къ себѣ въ палатку, Германъ Христіанычъ флегматически проглотилъ рюмку коньяку и растянулся на буркѣ. Прошло добрыхъ полчаса, Морицъ не возвращался; нѣмецъ выпилъ вторую рюмку, поворчалъ и заснулъ.

Передъ разсвѣтомъ по всей линіи осадныхъ работъ уже кипѣла жестокая перепалка. На Арабскомъ слышно было «ура», но ружейная трескотня и безпрерывный грохотъ батарей все покрыли. Адъютанты и ординарцы скакали сломя голову узнать, что случилось: предполагали всѣ, что турки сдѣлали вылазку, но въ общей суматохѣ ничего опредѣлительнаго узнать было нельзя, даже разспросить некого. Резервы, отпущенные на ночь, бѣгомъ бѣжали впередъ на выручку, но было уже поздно... Храбрецы, вскочившіе въ Арабское, большею частію пали, за ними кинулись другіе,—но дѣло было уже проиграно; всѣ командиры атакующихъ частей перебиты; — гдѣ-то рожокъ протрубилъ сигналъ къ отступленію;—артиллерійскій огонь сталъ еще ожесточеннѣе,—и скоро изъ густого дыма вереницы закоптѣлыхъ и изувѣченныхъ людей потянулись въ разбродъ къ перевязочному пункту. Товарищи выносили раненыхъ, — кого вели подъ руки, кто стоналъ, а кто и стонать уже не могъ; легко раненые съ плачемъ разсказывали: «Эхъ, кабы подмогу дали!—вѣдь я на его пушкѣ сидѣлъ!—Охъ, братцы, смерть моя!—Подсоби родимый, не могу идти-то. — Кабы лезерфы подскочили, а то что-жъ, — наша рота обезсилѣла совсѣмъ»... И на лицахъ, испятнанныхъ кровью и грязью, ощущеніе физическихъ страданій страннымъ образомъ смѣшивалось съ выраженіемъ незлобивой покорной жалобы на горькую неудачу.—«Эхъ, кабы лезерфы!»

Ночь съ 16-го на 17-е мая памятна всѣмъ бывшимъ подъ Силистріей.—Долго доискивались, кто виноватъ въ этомъ неразсчитанномъ дѣлѣ, самовольномъ, невходившемъ ни въ чьи соображенія, но смѣлыя, благородныя головы, бывшія впереди, искупили свою отвагу смертью и тяжелыми ранами. А если читатель вдумается внимательно въ наши страницы, то вѣрно скажетъ: да на что тутъ и виноватые! Такое дѣло было неизбѣжно, необходимо, какъ взрывъ горючихъ газовъ въ спертомъ погребѣ,—нужна только маленькая искра... Не имѣй оно этого смысла, мы и не упомянули-бы о немъ въ нашемъ повѣствованіи, совершенно чуждомъ какой-бы то ни было инкриминаціи личностей...

Германъ прибѣжалъ въ траншеи, когда рукопашная свалка въ Арабскомъ уже прекратилась. Морица онъ не нашелъ: — «Не могимъ знать, кажись туда побѣжали», отвѣчали ему

знакомые саперы. Онъ останавливалъ пѣхотинцевъ, возвращавшихся со штурма, но эти ему даже и не отвѣчали, а оглядѣвъ его оторопѣлымъ взглядомъ и махнувъ рукой, бѣжали сами незная куда. Имъ, обезумѣвшимъ отъ бойни, вѣрно показался сумасшедшимъ этотъ господинъ, пристающій съ пунктуальными разспросами о комъ-то, въ такую минуту, когда человѣкъ еще неясно сознаетъ, цѣла-ли его собственная кожа.

— Ахъ, я дуракъ, дуракъ!—сокрушался Германъ.—Но можетъ быть онъ гдѣ-нибудь тутъ бѣгаетъ, этотъ сумасшедшій!

Идетъ онъ дальше, видитъ — солдатъ, весь оборванный, безъ ружья, съ одною перевязью, соскочилъ въ траншею и потомъ потянулъ съ бруствера что-то тяжелое, сѣрое; оно грузно скатилось съ насыпи. Германъ Христіанычъ разсѣянно глядѣлъ, какъ солдатъ бережно положилъ къ сторонкѣ убитаго товарища и долго заботливо разсматривалъ его сапоги, бѣлье, — какъ будто онъ что-то соображалъ, озирался и боролся съ какимъ-то искушеніемъ, отвратительнымъ для него самого...

— Это мой Морицъ!—вырвалось изъ груди Германа.

— Не могу знать, ваше благородіе. Надо быть, что изъ господъ, потому сорочка на ихъ тонкая, сапоги тоже вонъ... золотое колечко на пальцѣ... Эхъ ты, Боже мой!...

Солдатъ говорилъ это съ кроткою жалостью и вздохнулъ облегчительно, словно вмѣшательство офицера было для него самымъ желаннымъ благодѣяніемъ...

— Гдѣ ты его поднялъ?

— Мы все вмѣстѣ съ ими шли, какъ есть рядомъ. Они и сказываютъ: «Смотри, братецъ, коли что, чуръ не покидать; либо ты, либо я — другъ дружку выноси».—Вижу, что изъ господъ, говорю: на насъ съ вами хрестъ-то одинъ, ваше благородіе, въ этомъ вы не сумнѣвайтесь. — Вскочили мы на самый валъ; ну, тутъ принялись жарить — страсть! — Гляжу баринъ спотькнулся, еще шага три сдѣлалъ, да такъ и упалъ ничкомъ. Я сейчасъ на плечи и поволокъ: съ горы-то легко было. Думалъ, еще живой, анъ вотъ онъ... Ну все-же, ваше благородіе, лучше, потому, эти псы мертвыхъ до-чиста обдираютъ, головы отрѣзаютъ, надругаются всячески.

— Спасибо!—угрюмо промолвилъ Германъ, не сводя глазъ съ бѣднаго друга.—Снесемъ его ко мнѣ, тутъ недалеко.

Неся убитаго, солдатъ робко-началъ вымаливать:

— Ваше благородіе, явите божескую милость,—я тамъ ружье обронилъ, какъ-бы мнѣ за это не попало... съ насъ это строго спрашивается, сами изволите знать.—Ужли-жъ я худо сдѣлалъ?—

А фитьфебель нешто повѣритъ!—Вы, ваше благородіе, защитите, али квитокъ какой пропишите, что такъ и такъ... За это, можетъ, награда полагается...

— Записку дамъ, не бойся.—Спасибо.

— Радъ стараться, ваше благородіе.

Трупъ положили у палатки. Смерть не обезобразила прекрасныя черты Морица; на губахъ алѣла струйка крови, да надъ лѣвой бровью маленькая ссадина. Едва нашли на груди ранку, пуля попала прямо въ сердце.

— Ты котораго полка?

— Шестой роты, Замосцкаго полка, ваше благородіе.

— А прозываешься?

— Яковъ Финогеновъ.

Германъ написалъ карандашемъ записку и далъ ему какую-то монету.

— Благодаримъ покорно.—А какъ будетъ ихъ фамилія, ваше благородіе?

— Морицъ, Андрей Николаичъ.

— Ну, упокой Господи!... Финогеновъ перекрестился.—Счастливо оставаться!

«Морицовъ, Морицовъ», — твердилъ нашъ старинный пріятель, Личарда. Онъ ушелъ, размышляя съ своей совершенно особенной точки зрѣнія о печальной катастрофѣ, въ которой привелось ему быть участникомъ, — что вотъ только одинъ Богъ спасаетъ человѣка—отъ смерти ли, или отъ чего другого—это все равно... Онъ былъ собою очень недоволенъ...

Около полудня надъ цитаделью Силистріи развѣвался бѣлый флагъ; объявлено было перемиріе для уборки убитыхъ и раненыхъ. Личарда помолился и, вмѣсто того чтобы идти въ лагерь отдыхать, повернулъ назадъ къ мѣсту ночного побоища. — Онъ съ набожнымъ усердіемъ принялся за переборку обезображенныхъ труповъ,—работу, требующую особенной крѣпости нервовъ, но онъ исполнялъ ее какъ очистительную эпитимью, въ которой нравственно нуждался бѣдный, старый Личарда...

IX.

Толстый пакетъ, который посчастливилось Морицу отправить съ курьеромъ, принесъ Алёнушкѣ такую радость, такое счастье, какого она давно ужъ не знавала.

— Что онъ тамъ пишетъ о своемъ Шильдерѣ, да о какихъ-то минахъ и параллеляхъ—это все вздоръ!—А вы вотъ что прочтите, Иванъ Дмитричъ, эту строчку—«на дняхъ жду приказа о моемъ производствѣ».:. Какъ вы это находите?

— Ну, что-жъ, слава Богу!

— Эхъ вы — «слава Богу!» — передразнила Алёнушка. — Флегматикъ вы противный! — Да вѣдь тутъ вся наша будущность,—вы этого не понимаете?

— Какъ не понять,—понимаю.

— Ну, то-то же! — А знаете что? — я поѣду, я непремѣнно поѣду къ нему... и въ Турцію поѣду;—это можно?

— Въ Турцію нельзя. — Въ арміи женщинъ не полагается.

— Я переодѣнусь мальчикомъ.—Ха-ха-ха! — какая я сумасшедшая! — Да это ничего — онъ любитъ сумасшедшихъ... Вонъ Шильдера вѣдь какъ полюбилъ! — а тотъ загробную переписку ведетъ... Дайте, я васъ поцѣлую на радостяхъ!

И она мучила злополучнаго Купянцова.

Радость не долгая гостья—это сказалъ еще одинъ изъ первыхъ людей нашего столѣтія, знатокъ по части радостей, — многострадальный Гейне; — наступило тяжелое время: писемъ отъ Андрюши нѣтъ, нѣтъ даже никакой возможности узнать, что съ нимъ, почему не пишетъ... И въ такой-то мукѣ прошло два мѣсяца; бѣдная Алёнушка совсѣмъ истерзалась.—Изъ газетъ извѣстно, что наши войска оставили Силистрію, вышли изъ княжествъ, туча собирается надъ Севастополемъ, — гдѣ-жъ онъ можетъ быть? — Заболѣлъ?— Раненъ?—дальше этихъ предположеній Алёнушка не заходила.— Но все-таки, какже не написать ни строчки! — Можетъ быть въ плѣну?..

— Вотъ именно, именно, — утѣшалъ Купянцовъ. — Попалъ въ плѣнъ,—ну, какъ оттуда напишешь? —Вѣдь несчастье наше, что объ нижнихъ чинахъ въ нашихъ газетахъ не печатаютъ!

— Да вотъ и о производствѣ въ офицеры тоже нѣтъ въ газетахъ,—это почему?

— Ахъ вы, странная женщина!—да когда человѣкъ въ плѣну, какъ же его производить въ офицеры?

— А вы развѣ навѣрно знаете, что въ плѣну?

— Нѣтъ, я... то-есть, я не знаю... да вы сами же сказали.

— Неправда!—я ничего не говорила,—это вы сказали.

— И не думалъ!—а вотъ что: можетъ быть, онъ въ руку раненъ, въ правую — вотъ и нельзя писать-то; — физически невозможно.

— А физически невозможно продиктовать письмо, а? другой напишетъ,—что?

— Ну да, конечно, продиктовать можно... бормоталъ сбитый съ толку Иванъ Дмитричъ.—А вѣрнѣе въ плѣну.

— Ахъ, Господи! перестаньте лучше!—сàмъ ничего не знаетъ, и меня сбиваетъ съ толку... Васъ какъ будто забавляетъ мое горе! — Алёнушка принималась плакать.

Купянцовъ хорошо понималъ, что это молчаніе ничего добраго не предвѣщаетъ и ужъ не пробовалъ утѣшать ее.

Но положеніе его стало совершенно невыносимо, когда онъ получилъ письмо отъ тётки Морицà и изъ него узналъ всю истину.

Съ Андрюшей онъ былъ друженъ съ дѣтства; ихъ родство скрѣпилось потомъ въ Петербургѣ сознательною юношескою привязанностью; они прожили вмѣстѣ лучшую, весеннюю пору жизни. Горе Купянцова усложнилось еще тяжелою обязанностью сообщить роковую вѣсть Алёнушкѣ. Онъ понималъ, сколько малодушнаго ребячества въ той комедіи, которую разыгрываютъ добрые люди, стараясь, какъ говорится, приготовить ближняго къ какому-нибудь роковому извѣстію, и также ясно понималъ, что съ такимъ характеромъ, какъ Алёнушка, подобная игра въ прятки была-бы оскорбительна и просто невозможна, — но, какъ натура слабая, лишенная смѣлой иниціативы, не зналъ, что ему дѣлать... Наконецъ, онъ вспомнилъ ея же мысль о безполезной жестокости тушить огоньки, которые свѣтятъ человѣку въ будущемъ,—рѣшился молчать, старательно обходить всѣ прямо поставленные вопросы на счетъ Андрюши — и домолчался до того, что наконецъ Алёнушка однажды прямо встрѣтила его словами: «Нашъ Андрюша убитъ... не говорите мнѣ ни слова, я знаю, — это такъ»...

Купянцовъ опустилъ голову, слезы катились по его щекамъ.

— Не плачьте, — видите, я не плачу... Этого нужно было ждать... Вѣдь онъ самъ ужъ давно прочелъ «отходную нашей мирной молодой семьѣ»... а мы, какъ ребятишки, все на что-то надѣялись,—жизни ждали...

Она долго сидѣла, опустивши голову на руки, поблекшая, безсильная, какъ скошенная травка...

— Но это ужъ слишкомъ! — вдругъ встрепенулась она съ

какою-то протестующей энергіей.—Иванъ Дмитричъ, идите домой,—оставьте меня одну... и не приходите ко мнѣ, долго не приходите... Я по городской почтѣ напишу вамъ, когда будетъ можно... Прощайте.

— Елена Петровна, надѣюсь, что мы будемъ благоразумны... вамъ еще есть для кого жить—у васъ братъ.

— Да, братъ... я знаю... за меня-то вы не бойтесь — вынослива!.. Только мнѣ нужно одной остаться, совсѣмъ одной... Исполните же мою просьбу, голубчикъ мой,—прощайте!

Купянцовъ самъ былъ радъ этой добровольной разлукѣ. Затаенная любовь его къ Алёнушкѣ могла бы, пожалуй, когда-нибудь обмолвиться неосторожнымъ словомъ, взглядомъ,— а теперь онъ этого пуще всего боялся. По его убѣжденіямъ смерть несчастнаго Андрюши положила между ними вѣчную, неодолимую преграду,—«чтобы ни случилось впереди, а ужъ я не заговорю съ нею о любви моей,—никогда, никогда!—потому что вѣдь это будетъ разговоръ о *его* могилѣ... И не будетъ ли вѣчно шептать мнѣ неотвязный голосъ: «А вѣдь ты все-таки скажи спасибо, что умеръ тотъ, *другой*, братъ твой».

Пока добрякъ Купянцовъ кропотливо перебиралъ свои сердечныя сомнѣнія, задыхался въ ихъ затхлой болѣзненной атмосферѣ, не могъ распутать маленькаго узелка своего личнаго счастія,—Алёнушка дѣлала дѣло...

Уже осенью, въ ноябрѣ онъ получилъ по городской почтѣ коротенькое приглашеніе придти къ Алёнушкѣ.

Въ ея уютномъ гнѣздышкѣ все отзывалось разореніемъ;—небольшой дорожный чемоданчикъ стоялъ уже совсѣмъ застегнутый; на письменномъ столѣ и на этажеркѣ пусто; разорванныя письма разбросаны по полу. Она сама въ дорожномъ платьѣ полулежитъ на диванѣ, положивъ голову на колѣни своей madame Léontine, которая ласковой рукой разглаживаетъ ея свѣтлорусые волосы, подобранные подъ какой-то бѣлый старушечій чепчикъ.

Озадаченный Купянцовъ поблѣднѣлъ, поцѣловалъ ей руки и послѣ долгаго молчанія едва нашелъ силы выговорить:

— Вы ѣдете... къ брату?

— Къ брату—нѣтъ, а къ братьямъ, мой милый Иванъ Дмитричъ,—поправила его Алёнушка.

— Я не понимаю...

— Въ Севастополь ѣду сегодня.—Пожелайте мнѣ силъ, здоровья,—впрочемъ, я молода и довольно сильна...

— Но какъ же это?—вы...

— Все та же безпокойная головушка, — развѣ не узнаете?—а

теперь, поздравьте: сестра Крестовоздвиженской общины.—Насъ сегодня отправляютъ; и то опоздали,—говорятъ, тамъ госпитали переполнены.

Бѣдняжка Купянцовъ совсѣмъ растерялся предъ этой безпокойной головкой. Онъ не находилъ нужныхъ словъ и какъ-то неловко, глуповато обратился къ madame S.

— Et vous, madame, vous nous quittez aussi?

— Je reste, monsieur, je reste—je suis Française... mais, après le 2 décembre j'ai brulée mes navires—съ галльскимъ задоромъ отвѣтила француженка.—Surtout on ne quitte pas facilement un pays, ou l'on trouve des amies, comme mon brave Alionouchka... и она осыпала поцѣлуями дорогую головку.

— Вотъ вамъ мой адресъ, Иванъ Дмитричъ,—пересылайте мнѣ письма Алёши, да и сами пишите. Не поминайте лихомъ; а будемъ живы—встрѣтимся какъ старые друзья...

Мы не пойдемъ вслѣдъ за Алёнушкой. Негромкіе подвиги горсти русскихъ женщинъ, вышедшихъ на дѣятельность дотолѣ новую, неподготовленную, даже встрѣченную недовѣріемъ и грубымъ непониманіемъ,—составляютъ одну изъ дорогихъ страницъ въ только-что начинающейся исторіи нашей женщины. Мы не коснемся тѣхъ еще теплыхъ слезъ, которыя видѣли русскія женщины на суровыхъ лицахъ бойцовъ, умиравшихъ на госпитальной койкѣ.

Не смѣемъ коснуться и той великой борьбы на небольшомъ клочкѣ земли вокругъ Севастополя, которая сама по себѣ составляетъ цѣлую эпопею... Перейдемъ прямо къ тому радостному дню, что вдругъ такъ ярко засверкалъ, разгоняя неповоротливыя тучи дыма, поднявшіяся надъ грудами севастопольскихъ развалинъ...

X.

Въ октябрѣ 1858 года, на бульварѣ одного изъ нашихъ большихъ торговыхъ городовъ, ежедневно около 4-хъ часовъ, встрѣчались два господина, какъ видно пріѣзжіе, возбуждавшіе любопытство туземцевъ.—Ходили они не съ безпечностью праздныхъ фланеровъ, а съ разсчитанною регулярностью дѣловыхъ людей, у которыхъ передобѣденная прогулка входитъ въ программу дневныхъ занятій; казалось, имъ некогда было восхищаться прелестными днями южной осени, они должны были отмѣ-

рять непремѣнно столько-то шаговъ въ минуту, — разумѣется, и разговоръ ихъ не могъ быть праздною болтовней.

— Ecoutez, mon cher Кашириновъ,—вы понимаете, что при моихъ дѣлахъ мнѣ нужны люди и люди, — какъ можно больше людей!—Хоть не могу пожаловаться, вокругъ меня сгруппировались все славные ребята, знаете, сердечные, преданные и мнѣ, и дѣлу; но между ними до сихъ поръ еще не нашлось именно того, что мнѣ нужно,—понимаете, такого человѣка, который умѣлъ бы ловить, такъ-сказать, на лету мои идеи...

— Да, хорошій секретарь вамъ необходимъ.

— Ахъ, совсѣмъ не то! — секретарь, понимаете, это что-то мескинное, чиновничествомъ отзывается, а мы, слава Богу обновились и должны разомъ отрѣшиться отъ всего, что даже напоминаетъ гнилыя, устарѣлыя формы. Мнѣ нуженъ не секретарь, а какъ бы это выразиться?—нужно сознательное эхо моихъ идей и предположеній, скажу даже—вдохновеній... которыя часто пропадаютъ зря, и я самъ объ нихъ забываю; а вѣдь это страшная потеря... то-есть, я хочу сказать, во всякомъ случаѣ наша культура отъ этого не можетъ быть въ выигрышѣ,—неправда ли?

— О, да, да! — Въ настоящее время, когда можно и должно работать, всякая благая мысль есть уже фактъ, — болѣе или менѣе крупный фактъ нашего развитія.

— Да-съ; вѣдь у насъ, куда ни взглянешь, вездѣ какое-нибудь дѣло, такъ сказать, само напрашивается;—гдѣ мы до сихъ поръ проходили мимо безъ всякаго смысла, теперь тамъ видишь съ одной стороны самыя настоятельныя потребности, а съ другой страшныя естественныя богатства, — непочатыя, батинька, непочатыя!—Счастливая мысль иногда придетъ такъ, мимоходомъ, — кому я могу ее передать?—а ее непремѣнно нужно бы записать, потомъ надосугѣ проштудировать, оформить—и вотъ вамъ десятки новыхъ предпріятій величайшей важности! — А журнальныя статьи—досугъ ли мнѣ писать ихъ?—Между тѣмъ оно необходимо: я стою за принципъ полнѣйшей гласности. — Такъ вотъ какого человѣка я ищу,—и врядъ ли найду!—Перо мнѣ нужно-съ, сильное перо!...

Говорившій господинъ былъ уже далеко не юноша. Красивое лицо съ серьезно-сжатыми губами, холеныя бакенбарды, пріятный органъ, каріе ласковые глаза, сѣренькій костюмъ англійскаго покроя, ловко маскировавшій расположеніе къ тучности,—такова была внѣшность этого господина, а звали его Иванъ Александровичъ Таржеевъ.

Онъ разъѣзжалъ по градамъ и весямъ Южной Россіи съ

какими-то грандіозными предпріятіями, долженствовавшими обогатить эту невоздѣланную почву, возбудить дѣятельность населенія, вызвать изъ мрака всякаго рода капиталы. За собою онъ не имѣлъ ни колоссальныхъ капиталовъ, ни финансовой карьеры, ни какой-либо технической спеціальности, — а возникъ вдругъ, будто отвѣчая на запросъ минуты, и развязно принялъ участіе въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, которыя въ то счастливое время выростали какъ грибы послѣ дождя.

Тогда явилась цѣлая фаланга дѣятелей такого сорта, — Таржеевъ былъ хотя не самый крупный между ними, но отличался отъ своихъ сотоварищей тѣмъ, что не поклонялся исключительно богу наживы, а преимущественно гнался затѣмъ, чтобы упрочить за собою репутацію оффиціально признаннаго умника, общественнаго дѣятеля и патентованнаго филантропа. Ради этихъ цѣлей онъ готовъ былъ многимъ жертвовать, а болѣе всего рублями добрыхъ акціонеровъ. Онъ прохаживался и велъ бесѣду съ давнишнимъ нашимъ знакомымъ Платономъ Сергѣичемъ Кашириновымъ. Этотъ джентельменъ теперь возвращался изъ-за границы, гдѣ пилъ вóды и пробовалъ сладость доходовъ своей тихой и мирной Любимовки, доставшейся ему послѣ смерти родителя. Но среди заграничнаго шатанья «правильный» господинъ не забывалъ, что онъ все-таки призванъ упорно чего-нибудь добиваться. — Въ то время повсюду закипѣли толки о нарождавшемся освобожденіи крестьянъ, образовывались различныя партіи; среди русскихъ людей, хлынувшихъ массой въ только-что отворенныя двери Европы, толки разумѣется были смѣлѣе и рѣзче, чѣмъ дома; прислушиваясь къ нимъ, Кашириновъ набрелъ на мысль, что въ настоящее время добиться чего-нибудь можно не иначе, какъ послуживъ отчизнѣ въ уясненіи этого горячаго вопроса. Онъ написалъ брошюрку и напечаталъ ее въ Берлинѣ, скрывъ свое имя подъ скромнымъ псевдонимомъ «Деревенскій дворянинъ». Въ брошюрѣ этой доказывалось, что улучшеніе быта крѣпостныхъ людей (названныхъ, всеконечно — меньшими братьями) — дѣло святое, и что противъ него могутъ говорить только своекорыстные ретрограды и дурные патріоты; но тутъ же осторожный авторъ высказывалъ нѣкоторыя опасенія—съумѣютъ ли эти несовершеннолѣтніе дѣти природы разумно воспользоваться своими правами,—не слѣдуетъ ли прежде обмыть ихъ, причесать, отвести въ школу,—и тогда ужъ наградить ихъ «улучшеніемъ» по усмотрѣнію естественнаго ихъ опекуна — помѣщика, который конечно и землицей ихъ не обидитъ.

Вся эта сладенькая кашица, размазанная на сорока странич-

кахъ in-16^0, въ минуту своего появленія показалась сентиментальнымъ воздыханіемъ, на нее современная пресса не обратила никакого вниманія, — мало ли въ то время являлось подобныхъ невинныхъ грѣховъ досужества и праздномыслія! Но пусть пресса прошла обиднымъ молчаніемъ эту зеленую брошюрку, пусть начальство не погладило ту головку, изъ которой вылилась такая премудрость, — за то *свои*, то-есть, губернскіе пріятели и сосѣди заговорили о новой яркой звѣздѣ отечественной публицистики. Одинъ землякъ, жившій съ Кашириновымъ на водахъ въ одномъ отелѣ,—сухопарый старичокъ изъ огорченныхъ,—плѣнился произведеніемъ Платона Сергѣича, обнялъ дорогого автора и почти со слезами прошамкалъ: «Благослови васъ Господи!» — потомъ купилъ сотню экземпляровъ «Деревенскаго дворянина» и повезъ домой. Дома брошюра вѣроятно пришлась по вкусу, ибо вскорѣ авторъ получилъ нѣсколько писемъ, приглашавшихъ его немедля возвратиться къ роднымъ пенатамъ, гдѣ все ужъ было подготовлено, чтобы почтить его единогласнымъ избраніемъ (просимъ! просимъ!) въ предводители. Мысль о провинціальныхъ почестяхъ, всегда сдобренныхъ жирными пирогами, ему всегда улыбалась...

Обстоятельства эти были хорошо извѣстны Таржееву; даже зеленая брошюра лежала у него на видномъ мѣстѣ письменнаго стола, — а потому-то предпріимчивый дѣятель и завелъ рѣчь съ искуснымъ публицистомъ о своемъ, такъ сказать больномъ мѣстѣ— о вопіющей потребности имѣть подлѣ себя «сознательное эхо» или «сильное перо», — что̀ выходило одно и тоже. Онъ угадалъ Каширинова и старался пріобрѣсти его непремѣнно, если не крупными матеріальными выгодами, то славой стать его двойникомъ и дружно проводить въ массу экономическія и промышленныя благодѣянія... Но Кашириновъ понималъ, что двойникъ все-таки есть нѣчто фантастическое и потому уклонялся отъ рѣшительныхъ объясненій, а намёки старался просто не понимать. Онъ намѣтилъ себѣ совсѣмъ другую дорогу и вовсе не соблазнялся быть чьимъ бы то ни было эхомъ, — ему мерещилась впереди самостоятельная сила—сила неуклонныхъ и безкорыстныхъ принциповъ власти, передъ которой, пожалуй, затрещатъ милліоны всѣхъ Таржеевыхъ вмѣстѣ...

На этомъ пунктѣ взаимнаго непониманія они остановились, и умолкли. На встрѣчу имъ шелъ старикъ генералъ, высокій, нѣсколько сутулый, напоминавшій классическую фигуру Ламанчскаго рыцаря; — онъ шелъ въ коротенькомъ пальто, опираясь на суковатую трость, будто прихрамывая и замѣтно оригинальничая полнѣйшимъ игнорированіемъ своего генеральства. Онъ ни-

кого не замѣчалъ, съ тѣмъ чтобы и его не замѣтили, оставили въ покоѣ, какъ простого гражданина, вышедшаго на прогулку. Однако наши знакомцы его замѣтили и просвѣтлѣли при этой встрѣчѣ; дружно залепетали они на разные тоны: «mon prince!» — «ваше сіятельство!» — и пошли вмѣстѣ съ нимъ, восхваляя взапуски прекрасную погоду. Князь кивнулъ имъ по-пріятельски, но руки не подалъ и, не обращая вниманія на ихъ дифирамбы южной осени, заговорилъ, будто продолжая вслухъ свои прерванныя размышленія.

— Это странно! Еслибъ я встрѣтился съ французскимъ маршаломъ, у котораго когда-то давно былъ, положимъ prisonnier de guerre, — вѣдь я непремѣнно сдѣлалъ бы ему визитъ, какъ доброму знакомому; это такъ, это слѣдуетъ, c'est simple comme bonjour! А то живетъ здѣсь мѣсяцы, ко мнѣ не является, и я объ этомъ не знаю... Non, non, je suis un mauvais gouverneur! Я — не знаю! Et ce drôle de corps полицiймейстеръ,—bah!—c'est toujour notre refrain d'autrefois: слушаю-съ, что прикажете-съ, не могу знать-съ! Surtout—не могу знать... А вотъ я узналъ же, захотѣлъ и узналъ!

— О комъ это вы изволите говорить, ваше сіятельство? — вкрадчиво полюбопытствовалъ Кашириновъ.

— Узналъ и послалъ за нимъ, да-съ, потребовалъ. Чудакъ перепугался, а я нарочно скорчилъ гримасу, прочелъ сердитую нотацію—и тутъ же сейчасъ, просто sans façon, позвалъ его завтра обѣдать,—а?! Князь, закусивъ кончикъ языка, взглянулъ на нихъ вопросительно и насмѣшливо.

— Кто-нибудь это изъ *нашихъ* петербургскихъ?—догадывался Таржеевъ.

— Да-а.... mais vous devez le connaitre,—de nom au moins; одинъ изъ тѣхъ.... теперь возвращенъ... князь какъ будто досадовалъ на недогадливость слушателей. Un certain Слободинъ....

— А-а!—протянули они, услыхавъ знакомое имя, и невольно переглянулись.

— Это мой школьный товарищъ... — Кашириновъ самодовольно улыбнулся.—Какъ я радъ!

— Une bonne tête; объ немъ надо подумать, надо... c'est à nous maintenant... oui! Итакъ, завтра мы обѣдаемъ вмѣстѣ; nous seront dans le pays des connaissances! A demain! — И старикъ повернулъ къ своему дому.

— Voilà votre affaire, cher Иванъ Александровичъ!

— Да... прежде я знавалъ его очень хорошо... прихвастнулъ Таржеевъ. — Но каковъ онъ теперь? Тутъ многое нужно

комбинировать... и прежде всего создать ему положеніе, представительность,—это первое; а потомъ... посмотримъ, подумаемъ!

Таржеевъ ронялъ слова трудно, медленно; заложивъ руки за спину и опустивъ голову, онъ казался погруженнымъ въ такія соображенія, о которыхъ затруднился бы сказать самому себѣ, а не только Каширинову...

XI.

Это было время очень замѣчательное. Всѣ вдругъ закричали о пробужденіи отъ вѣкового сна; всѣ спѣшили, суетились—и всякій тащилъ свою лепту на алтарь общественнаго обновленія, не задумываясь о дѣйствительной цѣнности своей лепты; требовалось только заявить, что и я тоже обновился, что ветхій Адамъ во мнѣ умеръ. Всюду замѣчалась праздничная рѣзвость, просто дѣтская рѣзвость, которая принимаетъ очень сердитую мину, если ей кто-нибудь замѣтитъ, что завтра опять наступятъ будни... Всѣ смѣются надъ вчерашнею фразой о закидываніи враговъ шапками, и въ то же время очень серьёзно собираются закидать шапками глубокую бездну, выкопанную столѣтіями.... О, милое, веселое время! Кто изъ моихъ соотечественниковъ не поддался хоть на минуту твоему разъемчивому охмѣленію, и кто не принималъ деревянныхъ лошадокъ за настоящія?

Въ такіе моменты общественной жизни всѣ роли страшно перепутываются;—люди не только отрекаются отъ прошлаго, но едва ли отчетливо помнятъ о томъ, что они дѣлали и что говорили вчера. Происходятъ недоразумѣнія комическія, которыя разрѣшаются однакожъ не всегда комически...

Князь немного утрировалъ: Слободинъ не имѣлъ никакихъ основательныхъ поводовъ къ нему явиться и даже счелъ бы это нахальствомъ, на которое вовсе не былъ способенъ. Личныхъ отношеній между ними не было и быть не могло; разница ихъ общественныхъ положеній была неизмѣрима, а ужъ о симпатіяхъ и говорить нечего. Разъ въ жизни они встрѣтились: князь ѣздилъ по службѣ въ одну изъ сибирскихъ губерній, и тамъ совершенно случайно услыхавъ о Слободинѣ, пожелалъ его видѣть. Изъ получасового съ нимъ разговора князь вынесъ впечатлѣніе пріятное,—онъ встрѣтилъ человѣка бодраго, ни на что не жалующагося, съумѣвшаго кое-чему научиться и сохранить свое человѣческое достоинство среди самой неблагопріятной обстановки. Вотъ все, на чемъ князь основывалъ теперь обязанность Слободина къ нему явиться. Нельзя не сознаться, что основаніе черезъ-чуръ слабо.

Но такова была въ то время атмосфера, что каждый ощущалъ потребность сдѣлать что-нибудь такое, что шло бы совсѣмъ въ разрѣзъ недавнему прошлому, и вслѣдствіе того, важная особа интересуется личностью темнаго бѣдняка, розыскиваетъ его, заигрываетъ съ нимъ очень тонко, приглашаетъ къ себѣ обѣдать и не безъ самоуслажденія разсказываетъ своимъ знакомымъ объ этой находкѣ; знакомые тоже въ свою очередь обрадованы встрѣчей съ Слободинымъ, готовы прихвастнуть, что въ старину они были съ нимъ хорошіе пріятели и даже сами не безъ грѣха, — по крайней мѣрѣ сочувствовали...

Обстоятельства складывались такъ, что Слободинъ могъ бы войти въ моду и извлечь изъ своего моднаго положенія неизчислимыя выгоды, но — увы! — представитель отжившаго типа не могъ никакъ приспособиться къ новому складу жизни, глядѣлъ кругомъ какъ-то сомнительно, недовѣрчиво, не умѣлъ попасть въ тонъ — бралъ то выше, то ниже, и вообще въ глазахъ практическихъ людей оказался чудакомъ и простофилей.

На обѣдѣ у князя приглашенныхъ было всего человѣкъ шесть. Разговоръ держался на смѣлыхъ темахъ всевозможныхъ улучшеній роднаго быта, иногда мелькали ироническія воспоминанія изъ недавней старины: все это было сдобрено умѣренно-приличною дозой либерализма. Алексѣй сидѣлъ съ полнѣйшимъ сознаніемъ, что тутъ онъ совсѣмъ не на мѣстѣ: неумѣлый, неловкій, въ плохо сшитомъ фракѣ, онъ больше вслушивался и отдѣлывался коротенькими фразами. Подъ конецъ обѣда рѣчь какъ-то случайно зашла о положеніи рабочаго люда на сибирскихъ заводахъ и золотыхъ пріискахъ. Слободинъ, задѣтый вопросами князя, пріободрился и съ твердымъ знаніемъ дѣла, недопускающимъ никакихъ споровъ, заговорилъ о бѣдственномъ положеніи многихъ тысячъ народа, о безразсчетномъ изнуреніи ихъ силъ, о систематическомъ спаиваніи и развращеніи этихъ несчастныхъ людей, — наконецъ, о томъ, что несмотря на жестокую эксплуатацію, въ результатѣ не получается и половины той выгоды, какая могла бы быть достигнута при иномъ раціональномъ устройствѣ той же самой суммы труда.

— Да, но вѣдь это частности, мелкія злоупотребленія нашихъ управляющихъ, приказчиковъ и тому подобнаго грязнаго народа. Не слѣдуетъ придавать имъ того значенія... и притомъ противъ нихъ ужъ приняты надлежащія мѣры, — наставительно замѣтилъ князь, и круто повернулъ разговоръ на очевидную выгоду выписывать вина прямо изъ Бордо, изъ первыхъ рукъ, безъ посредства этихъ паразитовъ—коммиссіонеровъ.

Таржеевъ поспѣшилъ съ нимъ согласиться и живо развилъ идею громадной акціонерной компаніи для устройства въ разныхъ городахъ нашего отечества обширныхъ складовъ французскихъ винъ.

Слободинъ чувствовалъ, что сдѣлалъ что-то неловкое—но что? Онъ не зналъ, что тутъ-же за столомъ одинъ крупный золотопромышленникъ, онъ же и винный откупщикъ—да и какъ было распознать эту особу, когда она громче всѣхъ заявляла свое сочувствіе къ нашему возрожденію и требовала поголовнаго покаянія въ старыхъ грѣхахъ!

Послѣ обѣда князь отвелъ Слободина въ сторону.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Пока ничего.

— Однакожъ надо чѣмъ нибудь-заняться, выбрать профессію.

— Года три тому назадъ, еще *тамъ* я началъ заниматься медициной.

— Ого, вотъ какъ! Но вѣдь это трудно; какія-жъ пособія?

— Никакихъ, князь. Книги, да два-три добрыхъ человѣка изъ ординаторовъ тамошней больницы, вотъ и все. Я едва познакомился только съ азбукой медицины.

— А каѳедра исторіи?—Князь подмигнулъ и щелкнулъ языкомъ, будто поддразнивая.—Это намъ улыбнулось? Но надѣюсь, что мы отрезвились, совершенно отрезвились, да?

— Вы трогаете больное мѣсто, ваше сіятельство... позвольте мнѣ промолчать.

Князь слегка нахмурился, но мигомъ овладѣлъ собою и продолжалъ очень ласковымъ тономъ:

— У меня есть кое-какая библіотека, не совсѣмъ дурная, а медицинскимъ отдѣломъ даже похвастаюсь. Можете пользоваться ею, очень радъ. Наконецъ, если вы въ чемъ-нибудь встрѣтите надобность, то приходите ко мнѣ во всякое время и говорите прямо, безъ обиняковъ. Мы съ вами должны быть свои люди.

Слободинъ взглянулъ на князя, что называется, во всѣ глаза и не могъ выговорить даже обычной благодарности.

Кашириновъ встрѣтилъ Алексѣя, какъ стараго хорошаго пріятеля, обрадовался несказанно и подвелъ его къ Таржееву.

— Вотъ вамъ и еще старый знакомый.

Но Таржеевъ замялъ рѣчь о старомъ знакомствѣ и закидалъ Алексѣя вопросами о Приамурскомъ краѣ.

Круглое лицо Таржеева, особенно его губы, сжимавшіяся сердечкомъ, его сладкій, пріятный органъ—показались Алексѣю

чѣмъ-то до того знакомымъ, даже связаннымъ съ какимъ-то яркимъ моментомъ его прошлой жизни, что, разговаривая съ этимъ великимъ человѣкомъ, Слободинъ выказалъ непростительную разсѣянность, отвѣчалъ небрежно, нисколько не поражался его великолѣпно-широкими взглядами и думалъ только о томъ, «да гдѣ же, любезный другъ, мы съ тобой сталкивались?» но ничего не могъ припомнить.

Въ семь часовъ всѣ взялись за шляпы. Сходя съ лѣстницы, Таржеевъ фамильярно взялъ Слободина подъ руку.

— Позвольте мнѣ завладѣть вами хоть на одинъ часъ. Зайдемъ ко мнѣ; между моими вѣрно встрѣтите много петербургскихъ знакомыхъ.

Таржеевъ занималъ цѣлый бель-этажъ большого дома; проходя анфиладу комнатъ, Слободинъ видѣлъ съ десятокъ господъ весьма благообразныхъ, съ бородками, какъ видно только-что отрощенными; они ходили по заламъ, куря сигары, и при входѣ Таржеева съ гостями, встрепенулись и зажужжали, но не съ почтительностью подчиненныхъ, а съ нетерпѣніемъ усердныхъ сотрудниковъ, у которыхъ имѣется у каждаго свое очень экстренное дѣло, требующее немедленнаго разрѣшенія.

— Уфъ! — Таржеевъ вздохнулъ и опустился въ кресло.—Отдохнемъ, господа, берите сигары... А какъ вы думаете, Платонъ Сергѣичъ, долго дадутъ мнѣ этакъ-то отдыхать?—подтрунилъ онъ.

— Да вы дурно дѣлаете, что не отвоюете себѣ хоть часъ въ сутки полнѣйшаго отдыха, чтобы и помина не было о дѣлахъ...

— Мудрено это-съ, очень мудрено! — Менѣе всего я себѣ принадлежу... не имѣю никакого права... Видите, видите!—разсмѣялся Таржеевъ, кивнувъ головой на появившагося въ дверяхъ господина съ киной пакетовъ и папироской въ зубахъ.

— Сегодняшняя почта и телеграммы, — сказалъ вошедшій; да вотъ что, Иванъ Александрычъ, разрѣши пожалуйста, что намъ дѣлать съ Зѣвакинымъ?

— Какой это Зѣвакинъ?—спросилъ Таржеевъ, невнимательно перебирая пакеты.

— Тотъ, помнишь? — ты обѣщалъ ему мѣсто, онъ бросилъ службу и ждетъ.

— А, помню!—да вѣдь ужъ онъ давно опредѣленъ по каменноугольному дѣлу. Ужъ объ этомъ говорено.

— Никогда ты мнѣ не говорилъ; можетъ быть, подумалъ только.

— Вотъ еще!—Я отлично помню. Такъ объяви ему, чтобъ

ѣхалъ на 1,200 рублей,—да чтобы поторопился, сегодня же, дѣло спѣшное.

— Изъ разговора съ нимъ, вижу, что онъ этимъ не будетъ доволенъ. Человѣкъ семейный, полгода ждетъ...

— Не могу-съ, не могу! — и не говори лучше,—ни копѣйки больше прибавить не могу. Мы совсѣмъ изъ бюджета выйдемъ.

— Да онъ не о прибавкѣ... проситъ только, чтобы жалованье считалось ему съ того времени, какъ онъ службу бросилъ.

— Да, ну это другое дѣло... подумаемъ!—а впрочемъ—Богъ съ нимъ! — человѣкъ бѣдный, вели выдать... Торопите его, да пусть ко мнѣ зайдетъ передъ отъѣздомъ. Да вотъ еще что: отвези княгинѣ тысячу рублей на ея больницу и дѣтскій пріютъ, я тамъ членомъ избранъ, самъ отвези.

Долго еще длилась эта сцена. Алексѣй многому въ ней удивлялся, многаго не понималъ, замѣтилъ только, что тутъ на счетъ тысячъ очень свободно и филантропіи достаточно; но онъ окончательно былъ изумленъ, когда услышалъ вопросъ Таржеева:

— Когда Купянцовъ долженъ быть?

— Писалъ, что черезъ мѣсяцъ явится.

И по окончаніи дѣловой бесѣды не вытерпѣлъ—спросилъ Таржеева:

— Это какой Купянцовъ? Иванъ Дмитричъ, художникъ?

— Онъ самый; а что васъ удивило? Ахъ, да, вѣдь вы старые знакомые.

— Да, старые... Изъ него могъ выдти порядочный живописецъ,—но чтожъ онъ у васъ тутъ будетъ дѣлать?

— Найдемъ занятія и ему, — приспособимъ!—а между дѣломъ, пожалуй, будетъ намъ картины писать.

Вдругъ Таржеевъ будто что-то вспомнилъ и съ телеграммой въ рукѣ выбѣжалъ изъ кабинета.

Кашириновъ, оставшись наединѣ съ Слободинымъ, завелъ рѣчь о его намѣреніяхъ.—Какъ вы думаете устроиться?

— Право, я еще не подумалъ объ этомъ. Разумѣется, какъ ни ограниченны мои потребности, а заработать ихъ надо:—думаю, уроками заняться.

— Это хорошо, — только эта профессія у насъ пока даетъ дѣйствительно очень скудныя средства... Чтó бы вамъ къ Ивану Александрычу пристроиться!

— Помилуйте, какъ же это?—Вѣдь я для его дѣлъ совсѣмъ не гожусь,—не имѣю никакой подготовки...

— Объ этомъ не безпокойтесь!—у него великій талантъ каж-

дому найти подходящее дѣло... Если вы хотите, то я съ радостью берусь за это,—позволите мнѣ переговорить съ нимъ?

— Увѣряю васъ, что я въ коммерческихъ дѣлахъ рѣшительно ничего не понимаю... Мнѣ страшно было бы даже и предлагать себя...

— Иванъ Александрычъ на своихъ сотрудниковъ смотритъ совсѣмъ не такъ, какъ въ старину смотрѣли! Вы, конечно, его не знаете, но я долженъ вамъ сказать, что это человѣкъ самый теплый, сердечный,—а широта его взглядовъ иногда просто изумительна... Напримѣръ, въ сотрудникахъ своихъ онъ ищетъ прежде всего *людей*;—знакомство съ какою-нибудь спеціальностью для него вопросъ второстепенный, а главное ему нужно окружить себя людьми-то хорошими, развитыми, въ гражданскомъ смыслѣ развитыми...

— Безспорно, это отлично, но все-таки я не могу себѣ хорошенько уяснить... Наконецъ, гдѣ-жъ у насъ люди, которые могли бы получить то развитіе, о которомъ вы говорите?..

— Вотъ-вотъ—онъ и хочетъ пособить этому дѣлу. Ему нужно замѣтить въ человѣкѣ только хорошіе зачатки, а ужъ окончательно доразвиться подъ его вліяніемъ можетъ всякій... Онъ хотѣлъ бы создать, такъ сказать, разсадникъ хорошихъ людей.

— Да, это задача серьёзная... и нелегкая!

— Такъ вы мнѣ позволите?—Наконецъ, сама судьба кажется того хочетъ, чтобъ я относительно васъ исполнилъ слово, данное еще въ юности... Помните наши гимназическіе годы?—Я былъ бы совершенно счастливъ... И мнѣ кажется, для васъ это самое лучшее положеніе. Относительно матеріальнаго обезпеченія будьте совершенно покойны, Иванъ Александрычъ умѣетъ вознаграждать труды...

— Объ этомъ я меньше всего думаю... Но вотъ что важно, за что я буду брать деньги?—Это я долженъ знать положительно.

— Разумѣется!—Прежде я съ нимъ переговорю, а потомъ ужъ вы объяснитесь окончательно.—Только пожалуйста не скромничайте. Тутъ сдѣлка совершенно коммерческая,—спросъ и предложеніе... Итакъ, рѣшено?

— Благодарю васъ... Надѣюсь, что вы передадите дѣло такъ, какъ оно произошло, т.-е. вызовъ былъ съ вашей стороны.

— За кого-жъ вы меня принимаете!

Таржеевъ возвратился съ толпою какихъ-то новыхъ гостей, тоже вѣроятно дѣловыхъ, и какъ-будто забылъ о существованіи

Слободина. Пошли толки оживленные, пересыпанные громадными цифрами, сотни тысячъ третировались, какъ сотни копѣекъ. Алексѣй потихоньку скрылся.

Все что онъ видѣлъ и слышалъ подѣйствовало на него немного одуряющимъ образомъ. Съ одной стороны, школа гражданскаго развитія, съ другой—чиновникъ, требующій и получающій деньги за время, которое онъ ничего не дѣлалъ и ждалъ назначенія, и несмотря на то все-таки поступившій въ оный знаменитый разсадникъ гражданскихъ добродѣтелей.

Толки о заводской обработкѣ какого-то сырья, о милліонныхъ затратахъ, и какая-то княгинина больница, да дѣтскій пріютъ; наконецъ, коммерческая контора, и въ ней живописецъ сидитъ за мольбертомъ — всѣ эти представленія рядомъ никакъ неукладывались въ головѣ простодушнаго Алексѣя.

Едва успѣлъ онъ опомниться отъ заискиваній Каширинова, какъ получилъ еще вызовъ на дѣло.—Ему рѣшительно везло.—Князь предложилъ ему быть редакторомъ мѣстной газеты, которую требовалось поставить въ уровень съ современными задачами, дать ей опредѣленную физіономію и твердую самостоятельность... Какъ ни странно было предложеніе, однако Алексѣй надъ нимъ крѣпко призадумался: журнальное дѣло, поставленное въ благопріятныя условія, казалось ему всегда поприщемъ хорошимъ, а теперь почти единственнымъ, на которомъ онъ могъ бы сдѣлать что-нибудь путное. Переговоривъ еще разъ съ княземъ насчетъ размѣровъ самостоятельности будущаго органа и получивъ завѣренія, въ которыхъ сомнѣваться было бы крайнимъ пессимизмомъ, Слободинъ согласился, къ Таржееву больше не заходилъ и уже не думалъ о поступленіи въ разсадникъ гражданскихъ добродѣтелей. Онъ не обманывалъ себя, сознавалъ всѣ предстоящія ему невзгоды, — но и эти невзгоды его не пугали, онъ былъ даже радъ встрѣтить ихъ лицомъ къ лицу. Но онъ не разсчиталъ, что и въ самое горячее лихорадочное время общественной жизни, все-таки не перестаютъ существовать извѣстные тормазы, предохраняющіе всякую машину отъ соскакиванья съ рельсовъ;—это еще нимало не удивительно, но удивительно, что князь рѣшился ихъ игнорировать. Таково знать было время.

Отъ всей этой непривычной тревоги Алексѣй однакожъ съ любовью возвращался къ нешумнымъ, скромнымъ планамъ жизни, о которыхъ у него до послѣдняго времени шла дѣятельная переписка съ сестрой. — Алёнушка открыла въ Петербургѣ свой магазинъ и, зная, что Алёша началъ заниматься медициной, звала его къ себѣ — «жила я долго на твоей шеѣ, а теперь готова съ

тобой дѣлиться всѣмъ, что имѣю, а ты кончишь курсъ въ академіи».—Милая моя Алёнушка, какая ты... благоустроенная головка!—Все у тебя не размашисто, не крупно? но за то жизненно и просто... И онъ лелѣялъ этотъ планъ, предвидя всяческія неудачи въ чужомъ, незнакомомъ городѣ, съ которымъ ничто его не связывало; и попалъ-то онъ въ этотъ городъ совершенно случайно.

Когда пришла радостная вѣсть о возвратѣ, Алексѣй горько призадумался—куда же ему возвратиться?—Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ уголка, гдѣ бы онъ могъ приклонить голову.—Сестра живетъ въ Петербургѣ—городѣ для него недоступномъ.—Къ дѣдушкѣ?—Но кто знаетъ, что теперь съ дѣдушкой, живъ ли еще старичина?.. Остаться у него было бы нелѣпостью, но хотѣлось бы очень повидаться, вѣдь это любопытно... а мнѣ все равно по свѣту шляться... Пусть дѣдушка будетъ первой станціей...

Онъ двинулся съ попутчикомъ-товарищемъ на половинныхъ издержкахъ. Пріѣхавъ въ городокъ, откуда можно было добраться до дѣдушкина жилья, Алексѣй узналъ, что жилье это разорено въ конецъ и Дмитрій Логиновъ «съ прочими» уже два года содержится въ тюрьмѣ... Человѣку, извѣдавшему всякую бѣду, тюрьма вовсе не внушаетъ ни ужаса, ни омерзѣнія,—онъ знаетъ ея настоящее горькое значеніе въ русской жизни... Алексѣй спокойно добрался и до тюрьмы, съ большимъ трудомъ выхлопоталъ разрѣшеніе повидаться съ старикомъ—и вотъ это свиданіе дѣйствительно навело на него ужасъ...

Передъ Слободинымъ стоялъ въ арестантскомъ армякѣ семидесятилѣтній старикъ, почти слѣпой, худой, одичалый; онъ, казалось, не сознавалъ дѣйствительности и городилъ какой-то мистическій неудобопонятный сумбуръ. Алексѣй пробовалъ навести его на нить реальныхъ впечатлѣній, старался возбудить его память,—говорилъ о своей матери, о купцѣ Конниковѣ, о письмѣ его къ внуку-студенту, о Ѳедосѣевѣ,—но старикъ твердилъ: «Да, да, знаю»,—и однакожъ не могъ связать этихъ отрывочныхъ представленій въ одно осмысленное цѣлое. Выслушавъ внука до конца, Дмитрій Логиновъ вдругъ поднялся во весь ростъ и проговорилъ какимъ-то ужаснымъ голосомъ: «Да, всѣ пропали, всѣ, какъ черви капустные!»... и потомъ, качая головой, зашепталъ перепутанные тексты изъ священнаго писанія...

Алексѣй вышелъ отъ дѣда съ ощущеніемъ глубокаго, гнетущаго страданія... «Вотъ куда часто уходитъ крѣпкая душевная мощь человѣка!... А вѣдь когда-то этотъ самый дѣдушка мнѣ представлялся работящимъ американскимъ поселенцемъ, въ лѣсу съ топоромъ, ловкій, смышленый»...

Въ тюремной конторѣ къ Слободину подошелъ священникъ.

— Вы, милостивый государь, сродственникъ ему приходитесь?

— Да.—Меня удивляетъ, зачѣмъ его тутъ держатъ?

— Ежедневно увѣщеваемъ, но видно Господу-Богу неугодно просвѣтить заблудшаго. Другіе видимо тронуты, близки къ покаянію, а онъ упоренъ до неистовства. Меня возненавидѣлъ.

— Его бы скорѣй въ больницу... а, впрочемъ, мертвецовъ не лечатъ!...

— Желательно было бы, чтобъ несчастный предсталъ предъ грознаго Судію въ иномъ видѣ, очищенный отъ грубыхъ заблужденій невѣжества. Мы стараемся болѣе кротостію, неистощимымъ долготерпѣніемъ...

Алексѣй смотрѣлъ на окладистую бороду священника и не могъ продолжать разговора... Какое-то давнишнее воспоминаніе мелькнуло въ немъ рѣзко, пронзительно, какъ молнія...

Выходя, онъ спросилъ у сторожей имя священника; отвѣчали: отецъ Павелъ... Ужели это онъ — знаменитый Павелъ! — Слободину припомнилось «ко евреямъ посланіе», Сіонскій, Лука Ѳедоровичъ...

Однако Павелъ сталъ благообразнѣе, глядитъ такъ благодушно, степенно, сыто,—и ряса на немъ хорошая... А можетъ, это и не онъ...

— Не весела же моя первая станція на родинѣ! — сказалъ себѣ Алексѣй, и безъ всякой опредѣленной цѣли поѣхалъ съ товарищемъ въ городъ, гдѣ тотъ имѣлъ родныхъ и соблазнилъ пріятеля благодатью южнаго климата, морскими купаньями и сравнительной легкостью заработать средства къ жизни.—«Прежде всего, Алексѣй Петровичъ, отогрѣемся на солнышкѣ, оттаемъ, отдохнемъ, а тамъ и за работу! — Денегъ, сколько надо будетъ, возьмите у меня—ужъ не откажите въ этомъ товарищу!»

Слободинъ горячо готовился къ работѣ, но вдругъ прошли слухи, что мѣстная газета уже отдана въ руки какого-то чиновника изъ просвѣщенныхъ. Князь молчалъ...

Кашириновъ разъ поймалъ Алексѣя на улицѣ:

— Что-жъ вы, Алексѣй Петровичъ, не стыдно ли, не грѣшно ли? — и меня поставили въ такое положеніе...

— Что же я сдѣлалъ?

— Нельзя же исчезнуть, не являться, ничѣмъ о себѣ не напомнить, — такъ нельзя! — строго выговаривалъ правильный господинъ.—Князь вамъ обѣщалъ газету, знаю, знаю!—Нашли это неудобнымъ,—ничего не значитъ! Таржеевъ самъ намѣренъ изда-

вать свою газету—вотъ вамъ и дѣло. Я сегодня уѣзжаю во-свояси, а вы зайдите къ Ивану Александрычу,—онъ ждетъ васъ.

— Непремѣнно зайду,—отвѣтилъ Алексѣй съ рѣшительнымъ намѣреніемъ не заходить никогда. Онъ уже зналъ, что секретаремъ, или «сознательнымъ эхомъ» къ Таржееву поступилъ какой-то молодецъ, обладавшій дѣйствительно бойкимъ перомъ и служившій когда-то въ полицейскихъ должностяхъ — вѣроятно, единственно по чувству гражданской доблести...

Наконецъ, князь потребовалъ его къ себѣ полуоффиціальной записочкой.

— Вы не будьте на меня въ претензіи,—не удалось намъ!— но я сдѣлалъ все, что могъ. Видите ли, у насъ еще il n'y a pas d'entente,— не понимаемъ другъ друга; нашли, что вы не удовлетворяете тѣмъ условіямъ, которыя требуются отъ редактора газеты, — не въ смыслѣ способностей, а вы понимаете... Это смѣшно вамъ; да?—Я самъ готовъ съ вами смѣяться,—но увы, это такъ! Я доказывалъ, что подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ, еслибъ вы и вздумали что-нибудь такое, такъ это невозможно, мы еще имѣемъ достаточно силы, чтобъ держать васъ на мундштукѣ—ха, ха!—Нечего дѣлать, вѣдь не ссориться же?

— Совершенно справедливо. Вспомнивъ о мундштукѣ, я нисколько даже не скорблю...

— Не хотите ли въ мою канцелярію?

— Не гожусь, ваше сіятельство,— плохой изъ меня чиновникъ.

— Пожалуйста не унывайте, и если еще что придумаете, прямо ко мнѣ; — я готовъ! — только не по литературной части, ха-ха!

— Прошу васъ, князь, объ одной милости—выхлопочите мнѣ дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ.

— Готовъ, готовъ!—Это весьма удобно.

Алексѣй окончательно перестаёлъ понимать смыслъ этой дѣйствительности. Въ самомъ ли дѣлѣ это «прогрессъ?» — любимое и модное словечко того времени, или это небольше, какъ броженіе на старыхъ дрожжахъ? Личный опытъ еще ничего не доказываетъ, можетъ быть, вина-то на моей сторонѣ: просто-на-просто, не пригоденъ только одинъ я, а остальное все въ порядкѣ...

XII.

Пріѣхалъ Купянцовъ. Онъ поспѣшилъ отыскать Алексѣя, но не съ былою юношескою горячностью кинулся къ нему на шею; онъ былъ сдержанъ, печаленъ, неоткровененъ.—Алексѣю это бросилось въ глаза.

— Какимъ чудомъ вы сюда, Купянцовъ? Изъ академической студіи да за конторскіе счеты!... Я тутъ у васъ, господа, право ничего не понимаю; дуракъ-дуракомъ хожу...

— Такъ обстоятельства сложились; имѣньице я передалъ, деньги помѣстилъ въ акціяхъ Таржеева.

— А!—вотъ что!—Да, это другое дѣло.

— Притомъ—и это главное—въ Петербургѣ мнѣ теперь дѣлать нечего... Вотъ вамъ письмо отъ Елены Петровны.

Заговоривъ о сестрѣ, Алексѣй замѣтилъ, что Купянцовъ какъ-то прячется, или равнодушничаетъ весьма неловко.

— Она вѣрно все еще оплакиваетъ своего Андрюшу, — началъ Слободинъ.—Да, жаль юношу... вѣдь я любилъ его, какъ сорокъ тысячъ братьевъ!... Но знаете что я вамъ скажу: онъ отлично сдѣлалъ, что наскочилъ на турецкую пулю... Съ его пылкимъ, увлекающимся характеромъ, съ его впечатлительностію и крайнею непрактичностью—куда бы попалъ онъ въ современной толчеѣ?—Я увѣренъ, что онъ кончилъ бы скверно, очень скверно... а то, пожалуй, вмѣсто турецкой пули угостилъ бы себя собственною, изъ собственныхъ ручекъ, — всяко бываетъ! — Не съ нимъ Алёнушкѣ слѣдовало бы судьбу свою связать—ужъ коли это такъ необходимо—а съ человѣкомъ мягкимъ, податливымъ, который бы только и помышлялъ, какъ-бы преподнести своей женѣ и ребятишкамъ каждое утро по сладенькой конфеткѣ!... Который бы, пожалуй, и работалъ — писалъ бы тамъ стихи, или рисовалъ — и даже волновался бы общими скорбями, но работалъ бы не изъ куска хлѣба, волновался бы слегка, не до зеленыхъ чертиковъ, а такъ себѣ, спокойно, пріятно, какъ счастливый дилеттантъ... Вотъ какой мужъ ей нуженъ.

— Что это, Алексѣй Петровичъ, вы какъ будто подтруниваете?... Купянцовъ горько улыбнулся.

— Простите, родимый, виноватъ, — лежачаго не бьютъ. Вы не трудитесь разсказывать мнѣ, я все понялъ — она вамъ отказала, и ужасно глупо поступила, ужасно глупо! — Я это скажу ей при свиданіи.

— Напрасно! Между нами ужъ нѣтъ ничего недосказан-

наго... Я убѣдился окончательно въ моемъ совершенномъ несчастіи....

— Э, полноте!—въ этихъ вещахъ люди каждый день убѣждаются и разубѣждаются. Дѣло поправимое. Мнѣ смѣшно, что моя Алёнка, которую я въ уголъ ставилъ, теперь такъ важничаетъ!—Поди ты съ ней!—вѣдь какимъ молодцомъ она управилась со всѣми дѣлами!

— Она говоритъ, что всѣмъ вамъ обязана.

— Ну, ужъ это сестрицына безешка! Изъ ничего, голубчикъ мой, ничего и не подѣлаешь. Не одна она была у меня... были и другія, гдѣ и любовь могла бы помочь моему вліянію, однако, кажется, ничего не вышло... Ну, довольно объ этой поэзіи! А вотъ на счетъ Таржеевскихъ-то акцій совѣтую вамъ держать ухо остро. Я вѣдь ничего не понимаю въ этихъ дѣлахъ; видалъ, какъ православные сколачиваютъ свои копѣйки, а потому больно *пужаюсь* всякихъ крупныхъ кушей — все думаю, откуда-жъ они берутся? — и недоумѣваю! Даже по сибирской привычкѣ всегда спрашиваю: на серебро, или на ассигнаціи? Надо-мной подсмѣиваются, но чтожъ дѣлать-то! Приходится признать себя дуракомъ... Однако никакой умникъ мнѣ не докажетъ, что онъ, ничего не производя, можетъ увеличить народное богатство хоть на копѣйку ассигнаціей... а въ этомъ вся штука!—Да, милый другъ, вы посматривайте на счетъ акцій-то; — вѣдь тутъ не одна коммерція, а тоже и филантропія, и гражданскія добродѣтели, и больницы, — словомъ, всякіе ингредіенты, способные произвести великолѣпную чепуху...

— Таржеевъ стоитъ солидно; онъ хорошо женился...

— Эге! — кого-жъ это онъ прикарманилъ?

Купянцовъ смутился; ему казалось, что онъ, нечаянно проговорившись, можетъ нанести смертельный ударъ Слободину.

— На mademoiselle Косолаповой,—проговорилъ онъ въ полголоса.

— Вотъ это отлично! — вырвалось у Алексѣя, — однако его голосъ дрогнулъ, нота вышла рѣзкая, надтреснутая...— Это безподобно! — То-то я смотрю, гдѣ я съ нимъ встрѣчался? — а это онъ, милашка, въ концертахъ букеты подносилъ... Своего добился... ха-ха!

— По слухамъ, она очень несчастлива; живетъ врозь съ нимъ, постоянно за границей, дѣтей нѣтъ... хотите ее видѣть?— Я привезъ Таржееву ея портретъ.

— Любопытно, любопытно! — давайте сюда ея портретъ, давайте!

— Онъ у меня дома; завтра я вамъ принесу.

— Сбѣгайте, голубчикъ, теперь, — что вамъ стóитъ! — потѣшьте!

Купянцовъ съѣздилъ въ гостинницу, привезъ поясной портретъ Агаты. — Долго всматривался Алексѣй въ черты знакомыя, дорогія... въ немъ проснулось старое сумасшествіе—тотъ же поджогъ дома ненавистнаго человѣка, тотъ же поцѣлуй въ театральной залѣ, то же маскарадное безумство...

— Знаете ли что,—этотъ портретъ по всѣмъ правамъ мой... Таржееву онъ совсѣмъ не нуженъ... Солгите, что у васъ его украли,—а не хотите лгать, такъ просто пошлите его ко мнѣ—мы объяснимся...

Купянцовъ растерялся: но Слободинъ не шутилъ, и овладѣлъ портретомъ. Это очень дико, сумасбродно, — но вѣдь онъ былъ живой человѣкъ съ неугасшимъ сердцемъ и своеобычнымъ складомъ понятій...

Конечно, Таржеевъ не пришелъ къ нему за объясненіями, а черезъ мѣсяцъ и Слободинъ, по ходатайству князя, получилъ возможность переѣхать въ Петербургъ, гдѣ его ждала Алёнушка.

Тутъ мы остановимся. Семейная и личная исторія Алексѣя Слободина и его сверстниковъ окончилась. Изъ находящихся въ нашихъ рукахъ записокъ Слободина видно, что онъ сталъ въ положеніе наблюдателя жизни уже другого поколѣнія; этимъ матеріаломъ мы воспользуемся, когда явится къ тому возможность.

Чѣмъ живучѣе человѣческая личность, тѣмъ глубже и неизлечимѣе нанесенныя ей раны; чѣмъ преданнѣе и страстнѣе болѣла она болѣзнями и стремленіями своего времени, тѣмъ сиротливѣе ея отчужденіе среди вновь народившагося поколѣнія... И если ей суждено еще долго жить, то-есть, искать новыхъ радостей, а находить однѣ лишь старыя печали,—то никто уже не вложитъ въ ея грудь ни прежнихъ смѣлыхъ надеждъ, ни цѣльныхъ стремленій...

П. Альминскій.

МАГОМЕТАНСКОЕ
РЕЛИГІОЗНОЕ ДВИЖЕНІЕ
ВЪ ИНДІИ.

I.

Въ послѣднее время весьма часто въ литературѣ, какъ иностранной, такъ и русской, появлялись отдѣльныя статьи, касающіяся положенія англичанъ въ Индіи. Наконецъ, недавнее возстаніе кукасовъ, экспедиція противъ луспаевъ, нѣсколько возмущеній въ тюрьмахъ, убійство судьи Нормана и почти вслѣдъ за тѣмъ вице-короля лорда Майо, обратили еще большее вниманіе на страну, внутренняя жизнь которой такъ тщательно скрывается отъ европейскаго глаза. Кромѣ того, въ прошедшемъ году появилась въ печати оффиціальная переписка (blue-book) Лондонскаго кабинета съ начальствомъ Индіи, возбужденная по поводу сокращенія тамъ расходовъ на военныя потребности. Переписка эта, послужившая къ разоблаченію такихъ фактовъ, о существованіи которыхъ положительно не имѣли понятія, произвела въ Англіи весьма тяжелое впечатлѣніе; но за то оказала услугу всему просвѣщенному міру, ибо содѣйствовала къ раскрытію истины и показала, по собственному признанію людей, занимающихъ въ Индіи первостепенныя должности, что положеніе англичанъ въ ихъ богатѣйшей и значительнѣйшей колоніи далеко не такъ прочно, какъ оно до сихъ поръ казалось. Индія — страна весьма мало извѣстная, а Англія нисколько не желаетъ содѣйствовать къ озна-

комленію съ нею; напротивъ того, боязнь раскрыть передъ Европою настоящее положеніе тамъ дѣлъ такъ сильна, что, несмотря на полную и дѣйствительно непритворную свободу печати, она ревниво скрываетъ все, что тамъ дѣлается, и почти невозможно добыть про Индію какія-нибудь вѣрныя и еще менѣе оффиціальныя свѣдѣнія, которыми, наоборотъ, такъ изобилуютъ всѣ остальныя отрасли государственнаго управленія. При появленіи въ продажѣ этого blue-book, любовь къ гласности уступила чувству оскорбленной національной гордости, и общественное мнѣніе, чрезъ посредство самыхъ вліятельныхъ органовъ британской прессы, осыпало правительство, издавшее эту книгу, цѣлымъ рядомъ самыхъ горькихъ упрековъ и съ негодованіемъ отозвалось объ опубликованіи документовъ, раскрывавшихъ такую незавидную истину [1]).

Подробный разборъ этого сборника оффиціальныхъ документовъ не входитъ въ предметъ настоящей статьи, и потому я ограничусь здѣсь только тѣмъ, что въ нѣсколькихъ словахъ постараюсь объяснить, почему именно ему придано было такое огромное значеніе. Какъ я сказалъ, переписка, о которой идетъ рѣчь, возбудилась по поводу сокращенія военнаго бюджета Индіи. Дѣло это было далеко не новое и началось еще въ январѣ 1869 года, то-есть со вступленіемъ герцога Аргайля въ управленіе министерствомъ Индіи. Увлеченный экономическими тенденціями нынѣшняго министерства, герцогъ Аргайль, совершенно незнакомый ни съ положеніемъ края, ни съ мѣстными его потребностями, а основываясь только на значительности суммы, просимой для содержанія тамъ арміи, требовалъ отъ вице-короля лорда Майо сокращенія издержекъ по этой части. Доводы свои онъ основывалъ на томъ, что, начиная съ 1856 года, военный бюджетъ Индіи постоянно возрасталъ, и будучи въ 1862 году опредѣленъ въ 14,892,751 фунт. стерл. онъ въ 1869 году, при полномъ спокойствіи края и слѣдовательно безъ всякихъ видимыхъ на то причинъ, достигъ уже 16,170,441 фунт., то-есть увеличился на 1,277,690 фунт., несмотря на то, что въ теченіе этого времени численность англійскихъ регулярныхъ войскъ уменьшилась на 7,000 человѣкъ, а издержки на усиленіе штата полицейскихъ чиновъ увеличились съ 2,141,269 на 2,502,450 фунтовъ стерлинговъ. Лордъ Майо, только-что вступившій въ управленіе Индіею, весьма сочувственно отозвался на заявленіе гер-

[1]) Надо замѣтить, что этотъ blue-book появился въ печати почти одновременно съ возбужденіемъ Алабамскаго вопроса, котораго развязку тогда еще трудно было предвидѣть.

цога Аргайля и въ скоромъ времени дѣйствительно нашелъ возможнымъ, чрезъ улучшеніе внутренняго хозяйства въ войскахъ, предложить мѣры, могущія послужить къ сокращенію бюджета. Но Лондонскій кабинетъ этимъ не удовлетворился и сталъ требовать не сокращенія расходовъ по одной только военной администраціи, а просто уменьшенія численности находящихся въ Индіи какъ собственно британской, такъ въ особенности туземной армій. Требованіе это вызвало протестъ со стороны вице-короля и бывшаго тогда главнокомандующаго тамъ войсками генерала Мансфильда. Пришлось доказывать, что въ Индіи нѣтъ ни одного лишняго солдата, что единственная опора британскаго владычества состоитъ въ арміи, и что малѣйшее уменьшеніе ея численности будетъ имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ утрату значенія и ослабленіе власти англичанъ въ Индіи. Въ началѣ Лондонскій кабинетъ не придавалъ особенной важности заявленіямъ вице-короля и мѣстнаго правительства, считалъ ихъ преувеличенными и продолжалъ настаивать на томъ, что уменьшеніе численности въ войскахъ вполнѣ возможно и не можетъ подвергнуть владычество Англіи какой бы то ни было опасности. Такимъ образомъ, переписка между герцогомъ Аргайлемъ и лордомъ Майо приняла чисто полемическій характеръ и служила только къ тому, что все болѣе и болѣе выказывала незнаніе края и мѣстныхъ обстоятельствъ со стороны перваго и постепенно обнаруживала чрезъ аргументы, избираемые вторымъ для поддержки своего мнѣнія, шаткое положеніе англичанъ въ Индіи и невозможность, безъ большой опасности, полагаться на преданность страны или расположеніе ея жителей. Дѣло это тянулось такимъ образомъ до конца 1870 года, и не достигнувъ никакихъ результатовъ послужило только къ возбужденію всеобщаго неудовольствія въ арміи, незнавшей, какая судьба ее постигнетъ. Въ это время, вмѣсто генерала Мансфильда (нынѣ лордъ Сандгёрстъ), назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Индіи лордъ Непиръ-Магдальскій. Новый главнокомандующій не оправдывалъ требованій Лондонскаго кабинета и не соглашался ни на какое численное сокращеніе войскъ. Чтобы доказать всю неосновательность и опасность уменьшенія силы арміи, онъ представилъ нѣсколько чрезвычайно замѣчательныхъ записокъ и въ сущности, работами своими, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ раскрытію слабыхъ сторонъ англичанъ. Мнѣніемъ его пренебрегать было невозможно; онъ пользовался слишкомъ большимъ уваженіемъ въ Англіи, а боевая его опытность и отличное знаніе Индіи, гдѣ, занимая различныя первостепенныя военныя и гражданскія должности, онъ провелъ бо́льшую часть

своей жизни, давали ему неоспоримое право говорить про нее съ такимъ авторитетомъ, котораго другіе не имѣли. Вслѣдствіе этого въ скоромъ времени Лондонскій кабинетъ пришелъ къ тому заключенію, что невозможно не обращать вниманія на заявленіе людей, близко знакомыхъ съ краемъ, и не желая нести отвѣтственности за предлагаемыя мѣры, принужденъ былъ отказаться отъ своихъ требованій. Впрочемъ, не одинъ лордъ Непиръ-Магдальскій обращалъ вниманіе правительства на настоящее критическое положеніе страны. Упоминаемый мною blue-book весь наполненъ заявленіями лицъ, занимавшихъ прежде или занимающихъ теперь первостепенныя мѣста въ Индіи, указывавшими на тяжелое положеніе тамъ англичанъ и на ненависть къ нимъ ея жителей. Всѣ болѣе или менѣе признавали тотъ фактъ, что разсчитывать на преданность страны невозможно и что, при настоящемъ настроеніи ея жителей, единственное средство удерживать ее въ повиновеніи и сохранять тамъ спокойствіе — есть войска, уменьшеніе силы которыхъ равносильно, по ихъ мнѣнію, было бы поощренію къ возмущенію.

Но во всѣхъ этихъ документахъ, признающихъ и разсматривающихъ Индію, какъ страну ненадежную и готовую при первомъ случаѣ возстать противъ правительства королевы, не разъяснено главнаго,—почему все это происходитъ? такъ что, и по ознакомленіи съ документами, причины неудовольствія или лучше сказать ненависти индусовъ къ англичанамъ остаются невыясненными или неразгаданными; а между тѣмъ это въ высшей степени важно, ибо безъ знанія этихъ причинъ, невозможно найти и средства къ ихъ удаленію. Для разъясненія этого первостепеннаго вопроса и уразумѣнія собственно причинъ неудовольствія индусовъ, я полагаю, нельзя найти сочиненія болѣе полнаго, чѣмъ недавно появившаяся въ печати книга: «The India Musulmans»—доктора Гёнтера. Книга эта надѣлала весьма много шума; авторъ отлично и подробно объясняетъ положеніе англичанъ въ Индіи и, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вполнѣ того, чтобы обратить на нее вниманіе и нашей читающей публики.

II.

Докторъ Гёнтеръ долго изучалъ край и глубоко вникалъ во всѣ его особенности, а потому трудъ его представляетъ чрезвычайно интересное описаніе настоящаго положенія страны. У него нигдѣ не встрѣтишь ни одного факта, безъ объясненія причинъ его породившихъ. Задавшись цѣлью изучить религіозное движеніе между мусульманами и причины ихъ неудовольствія на британское правительство, онъ дѣйствительно приложилъ всѣ старанія для ея достиженія; въ сочиненіи его все объяснено и все разъяснено, и конечно, чтобы составить себѣ правильное понятіе о томъ, что̀ дѣлается теперь въ Индіи, нельзя найти ничего болѣе полнаго и лучшаго. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ говоритъ, что опасность, окружающая британское владычество въ Индіи, происходитъ главнѣйшимъ образомъ оттого, что англичане не понимаютъ и не знаютъ своихъ азіатскихъ подданныхъ и не принимаютъ никакихъ мѣръ, чтобы засыпать ту пропасть, которая отдѣляетъ правителей отъ управляемыхъ. Ему кажется, что единственное средство предостеречь противъ этой хронической апатіи и такъ часто повторяющихся затѣмъ неожиданныхъ паникъ, есть знаніе правды и вѣрная оцѣнка положенія, занимаемаго англичанами въ Индіи.

Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время Бенгалія находится въ весьма странномъ настроеніи духа, но быть можетъ весьма немногимъ извѣстно, что все мусульманское населеніе Индіи въ теченіе послѣдняго времени совершенно гласно обсуждало вопросъ: можетъ ли оно, безъ опасенія погубить свою душу, продолжать смиренно переносить владычество Англіи? Въ послѣдніе мѣсяцы, самые вліятельные органы туземной печати наполняли страницы свои разсужденіями объ обязанности мусульманъ вести священную войну противъ правительства королевы. Вопросъ этотъ не только что представленъ былъ на рѣшеніе мѣстныхъ ученыхъ, но доходилъ даже и до Мекки и составлялъ въ теченіе нѣкотораго времени главный предметъ занятій имамовъ священнаго града. Открытые теперь документы не оставляютъ болѣе ни малѣйшаго сомнѣнія въ страшной опасности, угрожающей владычеству Англіи, и, конечно, никогда никакой переворотъ не мутилъ болѣе народъ, чѣмъ настоящій религіозный вопросъ въ Индіи, и никогда еще подкопъ и систематическое подготовленіе къ взрыву не дѣйствовали такъ открыто и съ такимъ успѣхомъ. Мусульмане Индіи всегда были и теперь продолжаютъ быть источ-

никомъ хронической опасности для британскаго владычества; если англичанамъ удалось немного пріучить къ себѣ мягкихъ индусовъ, то всѣ попытки по этой части относительно мусульманъ остались до сихъ поръ тщетными, и ненависть ихъ къ чужеземному игу теперь быть можетъ сильнѣе, чѣмъ она была даже при первомъ покореніи страны. Докторъ Гёнтеръ имѣлъ въ виду, объяснивъ значеніе мусульманскаго движенія въ настоящее время, раскрыть всю организацію мусульманской пропаганды и указать на тѣ причины, которыя способствуютъ тому, что народъ съ наслажденіемъ готовъ слѣдовать ученію апостоловъ возстанія. Но для того, чтобы вѣрно оцѣнить настоящее и быть въ состояніи убѣдиться въ томъ, что магометанская пропаганда не есть дѣло религіозное, а чисто политическое, необходимо бросить бѣглый взглядъ на историческую сторону вопроса.

III.

Разсадникъ возмущенія сформировался лѣтъ 50-ть тому назадъ на Пенджабской границѣ, и обязанъ своимъ происхожденіемъ Саидъ-Ахмату. Ловкій, умный и смѣлый Саидъ-Ахматъ началъ свое житейское поприще какъ разбойникъ въ шайкѣ одного знаменитаго въ то время атамана и не разъ наводилъ ужасъ, грабилъ и разорялъ богатыя плантаціи опіума въ Мальо. Но вскорѣ, вслѣдствіе строгости законовъ и мѣръ принятыхъ тогдашнимъ владѣтелемъ сикховъ, ремесло его сдѣлалось слишкомъ опаснымъ, такъ что онъ нашелъ выгоднымъ его бросить и совершенно измѣнить свой прежній образъ жизни. Около 1816 года, онъ отправился въ Дели для изученія тамъ священныхъ книгъ у извѣстнаго тогда своею высокою ученостью муллы Шахъ-Абдуль-Азиса; послѣ трехъ лѣтъ трудовъ и испытаній, онъ снова появляется въ свѣтѣ, но уже не какъ разбойникъ, а какъ красноречивый и талантливый проповѣдникъ. Смѣлыми нападеніями на злоупотребленія, допускаемыя мусульманами въ Индіи, онъ скоро пріобрѣлъ горячихъ и ревностныхъ поклонниковъ. Дѣятельность свою, какъ проповѣдникъ, онъ началъ среди потомковъ рогилліасовъ[1]), истребленіе которыхъ составляетъ одинъ изъ самыхъ постыдныхъ эпизодовъ политической карьеры знаменитаго Уаррена Гастингса. Потомки этихъ несчастныхъ, въ первой половинѣ текущаго столѣтія, постоянно мечтали о мщеніи и теперь

[1]) Горный округъ недалеко отъ Рампура.

еще продолжаютъ наполнять своими лучшими людьми мятежныя колоніи, образовавшіяся на границахъ англійскихъ владѣній. Въ теченіе 1820 года, проповѣдникъ медленно сталъ подвигаться но направленію къ югу; во время этого путешествія, число учениковъ его увеличивалось постоянно, и не только бѣдный народъ, но и богатые и знатные люди присоединялись къ толпѣ, и служа ему какъ простые слуги, бѣгали безъ обуви около его паланкина. Число приверженцевъ его увеличилось уже настолько, что, остановившись довольно долго въ Патнѣ и избравъ ее центромъ своихъ дѣйствій, онъ нашелъ возможнымъ устроить родъ правильнаго надъ ними управленія. Опредѣливъ агентовъ для того, чтобы ходить по всѣмъ пройденнымъ имъ по пути большимъ городамъ и собирать тамъ установленную имъ подать съ торговыхъ оборотовъ жителей, онъ, далѣе, формальнымъ актомъ, такимъ же какіе употреблялись въ старинные годы Великими Моголами при опредѣленіи на должности правителей провинцій, назначилъ четырехъ калифовъ или духовныхъ вице-правителей и одного верховнаго муллу. Въ слѣдующемъ году, слѣдуя по теченію Ганга, онъ отправился въ Калькутту, пріобрѣтая по пути огромное число приверженцевъ и оставляя во всѣхъ главныхъ городахъ преданныхъ ему агентовъ. Въ Калькуттѣ, народъ со всѣхъ сторонъ сбѣгался къ нему въ такомъ множествѣ, что онъ даже не былъ болѣе въ состояніи исполнять обрядъ возложенія рукъ, такъ что, развернувъ чалму свою, объявилъ, что для каждаго желающаго сдѣлаться его послѣдователемъ достаточно будетъ прикоснуться къ этой части его одежды. Въ 1822 году онъ совершилъ путешествіе въ Мекку, и такимъ образомъ изъ разбойника уже окончательно преобразился въ священнаго пилигрима. Въ 1823 году онъ возвратился въ Индію чрезъ Бомбей, гдѣ успѣхъ его проповѣди былъ такъ великъ, что превзошелъ даже тотъ, который онъ имѣлъ въ Калькуттѣ.

Но такого рода чисто нравственный успѣхъ не могъ удовлетворить честолюбія бывшаго разбойника, и дѣйствительно, вскорѣ дѣятельность его приняла совершенно другой оборотъ. Возвращаясь снова въ Сѣверную Индію, онъ по дорогѣ завернулъ въ родной свой край, округъ Барельи, гдѣ присоединивъ къ себѣ огромное число приверженцевъ, въ 1824 году является среди дикихъ горцевъ Пешаурской границы и проповѣдуетъ тамъ уже не реформы въ исламизмѣ, а священную войну противъ богатыхъ сикхскихъ городовъ Пенджаба. Жители Патны съ горячимъ восторгомъ откликнулись на его призывъ; будучи самыми безпокойными и фанатическими изъ всѣхъ мусульманскихъ наро-

довъ, они были весьма счастливы имѣть предлогъ грабить своихъ индустанскихъ сосѣдей, и священная цѣль, даваемая ихъ набѣгамъ, какъ нельзя болѣе пришлась по сердцу ихъ хищническимъ тенденціямъ. Сикхи въ то время владѣли всѣмъ Пенджабомъ, имѣли хорошо организованную армію и были въ состояніи противодѣйствовать нашествію фанатиковъ; а потому, чтобы какъ можно болѣе обезпечить свое предпріятіе, Саидъ-Ахматъ направился сперва въ Кандагаръ и Кабулъ, и проповѣдуя тамъ священную войну, дѣйствовалъ такъ удачно, что поднялъ почти весь народъ, смотрѣвшій на него какъ на избранника Бога, посланнаго для уничтоженія всѣхъ невѣрныхъ міра. Затѣмъ, когда онъ увѣрился, что пропаганда его имѣла достаточно успѣха, и получилъ убѣжденіе, что приверженцы его отсюду откликнутся на его призывъ, онъ издалъ въ декабрѣ 1826 года манифестъ, въ которомъ во имя Бога призывалъ всѣхъ правовѣрныхъ къ оружію и участію въ священной войнѣ [1]).

Такимъ образомъ началась фанатическая война. Обѣ стороны вели ее съ перемѣннымъ счастіемъ, но съ ужаснымъ ожесточеніемъ и безпощадно рѣзали и истребляли все, что только могли [2]). До сихъ поръ еще живы въ памяти народа разсказы о жестокости мусульманъ и сикхскихъ индусовъ. Съ одной стороны, мусульмане отъ времени до времени спускались на равнины и предавали огню и мечу все что имъ попадалось; съ другой, сикхи вооружались поголовно, нападали на нихъ и разсѣявали по горамъ, преслѣдуя и истребляя ихъ какъ дикихъ звѣрей. Но самое ужасное было то, что между ними съ этого времени развилась вражда за кровь, такъ что постояннымъ мщеніямъ и убійствамъ не было болѣе конца. Теперь еще пограничные жи-

---

[1]) „Сикхи—писалъ онъ въ своемъ манифестѣ—долго властвуютъ въ Лагорѣ и другихъ мѣстахъ. Притѣсненія ихъ перешли всѣ предѣлы терпѣнія. Тысячи мусульманъ погибли отъ ихъ жестокости, и тысячи терпятъ теперь ихъ гоненія. Они не дозволяютъ болѣе въ священныхъ минаретахъ призывать правовѣрныхъ на молитвы и запрещаютъ убивать жертвенныхъ коровъ. Настало время прекратить ихъ тиранію, и Богъ повелѣлъ смиренному Хазратъ-Саидъ-Ахмату, котораго да хранитъ Господь, имѣющему единственную цѣль — заступничество за вѣру, взять съ собою нѣсколько мусульманъ и идти въ Кабулъ и Песшауръ пробуждать правовѣрныхъ отъ сна равнодушія и воодушевлять на правое дѣло. Да будетъ хвала Богу, многія тысячи правовѣрныхъ отвѣтили на его зовъ и готовы, во исполненіе повелѣнія Господа, идти на врага, и 21-го декабря 1826 года объявляется и начинается жигадъ противъ невѣрныхъ сикховъ“.

[2]) Замѣчательно, что въ это время у владѣтеля сикховъ, Ракжитъ-Сингка, находилось на службѣ весьма много наполеоновскихъ офицеровъ и между ними генералъ Авитабили, извѣстный итальянскій авантюристъ, имя котораго и теперь еще помнятъ жители Песшаура.

тели съ гордостію разсказываютъ, что право владѣнія землею куплено было ими за плату дани, состоявшей ежегодно изъ ста мусульманскихъ головъ. Въ большихъ сраженіяхъ буйныя полчища Саидъ-Ахмата не имѣли вначалѣ успѣха противъ дисциплинированныхъ войскъ сикховъ; въ 1827 году онъ атаковалъ одинъ изъ ихъ укрѣпленныхъ лагерей и былъ страшно разбитъ, но сикхи не воспользовались побѣдою, и мусульмане, отступивъ безъ преслѣдованія за Индусъ, бросились въ горы, гдѣ партизанскія ихъ дѣйствія имѣли такой огромный успѣхъ, что сикхи скоро принуждены были дорогою цѣною купить себѣ хотя на время миръ. Въ 1829 году, война снова возгорѣлась, и на этотъ разъ успѣхъ мусульманъ былъ такъ великъ, что сикхи стали даже бояться за цѣлость столицы своей Песшаура, и чтобы положить конецъ ихъ побѣдамъ, губернаторъ его рѣшился прибѣгнуть къ подкупу съ цѣлію избавиться отъ Саидъ-Ахмата посредствомъ яда. Но попытка эта не удалась и послужила только къ еще большему озлобленію мусульманъ: они съ яростью бросились на сикхскія долины и не только перебили огромное число жителей, но разбили даже и нѣсколько высланныхъ противъ нихъ армій; Песшауръ спасся только благодаря отчаянной защитѣ. Побѣды эти значительно увеличили и безъ того уже не малое значеніе Саидъ-Ахмата, все поклонялось предъ нимъ и вліяніе его распространилось до самаго Кашмира. Всѣ недовольные или честолюбивые владѣтели мелкихъ государствъ переходили на его сторону вмѣстѣ съ ихъ войсками, толпы ему подчиненныя все болѣе и болѣе увеличивались, послѣднія войска сикховъ были разбиты, и наконецъ въ 1830 году палъ и самъ Песшауръ. Паденіе сикхской столицы составляетъ апогей славы Саидъ-Ахмата. Онъ вслѣдъ за симъ провозгласилъ себя калифомъ и сталъ чеканить монету съ надписью: «Ахматъ Справедливый, защитникъ вѣры, блескъ оружія котораго поражаетъ невѣрныхъ». Силою противъ него ничего нельзя было сдѣлать, и сикхи взялись за хитрость; дипломатическія интриги ихъ въ этомъ случаѣ имѣли успѣхъ: нѣкоторые князьки, увлеченные выгодными обѣщаніями, стали отдѣляться отъ правовѣрныхъ полчищъ, и тогда Саидъ-Ахматъ, боясь распаденія своей арміи, предпочелъ до того еще уступить обратно Песшауръ, удовольствовавшись взять за это съ сикховъ огромный выкупъ.

Саидъ-Ахматъ имѣлъ неоспоримыя дарованія и успѣхъ его, какъ фанатическаго проповѣдника, ясно доказалъ, что онъ человѣкъ одаренный необыкновенными способностями; но впослѣдствіи, когда положеніе его измѣнилось и онъ сдѣлался уже не

духовнымъ руководителемъ секты, а главою громадной политической партіи, то у него не хватило ни достаточно энергіи, ни административныхъ талантовъ, чтобы совладать съ труднымъ дѣломъ управленія своихъ разнородныхъ послѣдователей. Видя изъ различныхъ дѣйствій своихъ подчиненныхъ и частаго непослушанія его воли начало паденія своей власти, онъ, для поддержанія ея, рѣшился прибѣгнуть къ строгости, но не имѣлъ успѣха; одна предписанная имъ мѣра оказалась столь непопулярною, что произвела между его приверженцами бунтъ и страшную рѣзню, самъ онъ спасся только чудомъ. Сикхи воспользовались этимъ выгоднымъ для нихъ оборотомъ дѣлъ и въ 1831 году, напали на Саида врасплохъ, разбили его полчища и самого его убили.

Казалось, что со смертью Саидъ-Ахмата должно было распасться и основанное имъ царство, но на дѣлѣ вышло совершенно иначе; между его послѣдователями нашлись два человѣка, родные братья, которые взялись продолжать начатое имъ дѣло. Одинъ изъ нихъ, бывшій его казначей, отправился на границу Пенджаба и тамъ, въ Ситтанѣ, сталъ собирать вокругъ себя остатки его приверженцевъ. Другой призванъ былъ духовенствомъ владѣнія Суатъ и посаженъ тамъ на престолъ, съ цѣлью имѣть въ этомъ бывшемъ героѣ священной войны надежнаго защитника противъ возрастающаго вліянія англичанъ и индусовъ, такъ что мусульмане получили два твердыхъ оплота и возможность, посредствомъ своихъ миссіонеровъ, поддерживать среди дикаго и фанатическаго народонаселенія пламя священной войны. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, они постоянно продолжали свои хищническіе набѣги на сикховъ, и вообще убійства и опустошенія не прекращались до самаго присоединенія Пенджаба къ Англіи. Впрочемъ, число приверженцевъ ихъ отъ этого присоединенія не только не уменьшилось, но еще болѣе увеличилось, ибо мусульмане, недовольные британскимъ владычествомъ, стали бросать свои родныя жилища и переходить къ нимъ въ огромномъ числѣ. Въ этомъ отношеніи англичане сдѣлали неисправимую ошибку, они въ то время такъ мало оцѣнили всю будущую опасность этой возрастающей фанатической колоніи или, лучше сказать, такъ мало поняли ея политическое значеніе, что не только не препятствовали ея постоянному увеличенію, но даже дозволяли находящимся у нихъ на службѣ мусульманамъ ежегодно пользоваться отпускомъ для совершенія поминокъ по умершимъ родителямъ, среди пограничныхъ фанатиковъ. Наконецъ дошло до того, что всякій правовѣрный сталъ считать для себя обяза-

тельнымъ послужить хотя нѣкоторое короткое время въ рядахъ священныхъ полчищъ. Англійскіе мусульманскіе чиновники совершенно открыто жертвовали часть своего содержанія въ пользу ситтанской колоніи, и англичане все это видѣли и не понимали, что священная война уже имѣетъ цѣлью истребленіе не сикховъ, а ихъ самихъ, въ глазахъ правовѣрныхъ гораздо болѣе невѣрныхъ и гораздо болѣе достойныхъ смерти. Недальновидность англичанъ, дозволившихъ постоянныя сношенія ихъ подданныхъ съ фанатическою колоніею впослѣдствіи обошлась имъ очень дорого. Саидъ-Ахматъ успѣлъ дать своимъ послѣдователямъ совершенно правильную административную организацію; учрежденныя имъ различныя должности какъ въ самомъ центрѣ англійскихъ владѣній, такъ и на сикхскихъ границахъ, поставили все начатое имъ дѣло внѣ случайностей, могущихъ произойти отъ жизни или смерти кого-либо изъ предводителей, такъ что даже его собственная смерть не имѣла послѣдствіемъ распаденіе секты. Приверженцы его распространяли слухъ, что онъ живъ и скрылся отъ глазъ людскихъ только на время, но вскорѣ появится снова въ главѣ громадныхъ полчищъ для истребленія невѣрныхъ англичанъ, завладѣвающихъ Индіею. Большая часть народа вѣрила въ это чудо, продолжала вносить установленную имъ подать, и люди со всѣхъ сторонъ шли, также какъ и прежде, на подкрѣпленіе полчищъ фанатической колоніи. Неисправные должники, бѣглые солдаты, преступники, ожидавшіе приговора, всѣ желавшіе избавиться отъ заслуженнаго наказанія, бѣдные, избѣгавшіе работы, фанатики, не хотѣвшіе переносить христіанскаго владычества и вообще всѣ недовольные законами, бѣжали изъ британскихъ владѣній и переселялись въ этотъ вертепъ разбойниковъ. Болѣе всѣхъ доставалось отъ нихъ сикхамъ, но иногда они нападали и на англичанъ, и во время войны послѣднихъ въ Кабулистанѣ послали туда въ подкрѣпленіе весьма значительныя силы; вообще же ненависти ихъ къ христіанамъ не было предѣла, и смерть была для нихъ предпочтительнѣе, чѣмъ миръ съ невѣрными. Съ присоединеніемъ Пенджаба, фанатическое бѣшенство, такъ страшно разразившееся во время священной войны противъ сикховъ, всею своею тяжестью перешло на англичанъ, и истребленіе покорителей стало главною заботою и любимою мечтою ситтанскаго лагеря. Еще въ 1847 году лордъ Лоуренсъ обращалъ вниманіе правительства на этихъ проповѣдниковъ истребленія христіанъ и предупреждалъ въ необходимости оградить себя отъ ихъ постоянно возрастающаго вліянія. Пробовали брать съ нихъ заложниковъ и связывать ихъ различными письменными документами,

но, конечно, это ни къ чему не вело, и они точно также, какъ и до этого, продолжали свою пропаганду и распространяли ее по всей Индіи и въ особенности дѣйствовали успѣшно въ нижней Бенгаліи и на границахъ британскихъ владѣній. Въ 1852 году, правительство захватило переписку, изъ которой открылось, что фанатики завели сношенія съ туземными войсками, находившимися на службѣ британскаго правительства и что полкъ, расположенный въ Рауль-Пинди, т.-е. первый, которому пришлось бы противъ нихъ дѣйствовать, былъ уже достаточно подготовленъ къ измѣнѣ. Тогда же оказалось, что у нихъ устроена была совершенно правильная организація для перевода къ нимъ изъ бенгальской арміи людей и оружія. Правитель Патны доносилъ въ то же время, что мятежныя партіи увеличиваются постоянно, и что самые вліятельные люди совершенно открыто проповѣдуютъ возстаніе. Полиція, которую хотѣли противъ нихъ употребить, оказалась принадлежащею къ ихъ же партіи, а между тѣмъ разбои и убійства достигли уже громадныхъ размѣровъ. Конечно, послѣ всего этого британское правительство не могло болѣе оставаться равнодушнымъ къ такого рода положенію дѣлъ, и лордъ Дэлузи, усиливъ внутренній надзоръ за измѣнническою пропагандою въ англійскихъ владѣніяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшился дѣйствовать оружіемъ противъ главныхъ пограничныхъ притоновъ фанатической секты.

Такимъ образомъ, положено было начало военныхъ дѣйствій противъ фанатической колоніи. Много крови и много денегъ стоили они англичанамъ, и дорогою цѣною иногда дѣйствительно удавалось достигать нѣкоторыхъ временныхъ результатовъ, но вообще же вредъ, причиненный ими мусульманамъ — былъ ничтоженъ, такъ какъ постоянныя сношенія со всею Индіею давали послѣднимъ возможность не нуждаться въ деньгахъ и увеличивать свои ряды недовольными изъ провинцій, принадлежащихъ Англіи.

Описаніе собственно военныхъ дѣйствій не можетъ представить особеннаго интереса, но чтобы дать понятіе о принятыхъ ими размѣрахъ, достаточно указать на то, что съ 1850 по 1863 годъ, англичане предприняли въ горы 20 отдѣльныхъ экспедицій, въ теченіе которыхъ они принуждены были, за исключеніемъ союзныхъ контингентовъ и полиціи, выставить противъ непріятеля 66,000 человѣкъ регулярныхъ войскъ.

IV.

Первоначально собственно ситтанская колонія не принимала открытаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и довольствовалась тѣмъ, что тайно воодушевляла противъ англичанъ другихъ горцевъ, и раздувая пламя фанатизма по всей границѣ, сама оставалась въ сторонѣ и сохраняла покойный видъ. Но въ 1857 году она вступила въ совершенно открытую борьбу; предлогомъ къ этому послужило то, что у ситтанцевъ разбѣжалось нѣкоторое число черныхъ рабовъ, и они потребовали у англичанъ содѣйствія для ихъ отысканія и обратнаго къ нимъ возвращенія. Просьба ихъ не была уважена, и тогда, раздраженные отказомъ, они вооружились и большими массами напали на ближайшія англійскія владѣнія и страшнѣйшимъ образомъ ихъ опустошили. Такого рода дерзость потребовала мщенія, и въ 1858 году, отрядъ изъ 5,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Сидней-Коттона отправленъ былъ въ горы для ихъ наказанія. Послѣ довольно большихъ затрудненій, отряду этому удалось уничтожить два - три селенія и даже достигнуть и разорить самый центръ фанатической колоніи, Ситтану. Но въ сущности дѣйствія генерала Сидней-Коттона, несмотря на ихъ успѣхъ, не имѣли особенно выгодныхъ послѣдствій; мусульмане удалились въ Малабамскія горы, и получивъ отъ сосѣдняго племени въ даръ урочище Малкà, основали себѣ тамъ другой оплотъ, такъ что въ концѣ концовъ результатъ дорогой и кровопролитной войны состоялъ только въ перенесеніи разсадника возмущенія изъ одного мѣста въ другое.

Но не столько британское оружіе, сколько другое обстоятельство имѣло вліяніе на фанатическую колонію и на нѣкоторое время дало ея сосѣдямъ возможность отдохнуть отъ постоянныхъ набѣговъ мусульманскихъ хищниковъ. Кромѣ различныхъ денежныхъ приношеній, посылаемыхъ со всей Индіи, ситтанцы постоянно собирали десятину отъ всѣхъ пограничныхъ горскихъ племенъ. Сообразно съ личнымъ вліяніемъ проповѣдника, дѣйствовавшаго какъ сборщика податей, требованія его или исполнялись, или отклонялись. Подати эти и алчность мусульманскихъ проповѣдниковъ служили постояннымъ источникомъ неудовольствія и отталкивали многихъ правовѣрныхъ когда-то даже отъ самого Саидъ-Ахмата. Но мусульманскіе проповѣдники не легко уступали то, что они считали неотъемлемою своею собственностью, и потому, когда какое-нибудь сосѣднее племя отказывало въ уплатѣ десятины, то

они цѣлыми массами на него нападали, уничтожали посѣвы, жгли и рѣзали и силою добывали то, что имъ не давали добровольно. Въ 1858 году, во время вступленія генерала Сидней-Коттона въ горы, успѣху его особенно послужило то, что Ситтана одновременно подверглась съ другой стороны нападенію одного сосѣдняго племени, отказавшаго въ десятинѣ и явившагося мстителемъ за разоренныя фанатиками поля. Ситтана отбилась, но главный ея владыка и предводитель мусульманскихъ полчищъ Саидъ-Омаръ-Шахъ *) былъ убитъ, такъ что съ одной стороны внутренніе раздоры, а съ другой англійскія войска, на нѣкоторое время имѣли послѣдствіемъ ослабленіе фанатической колоніи. Но не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ она снова успѣла возстановить между окружающими ее племенами потерянное вліяніе, и въ 1861-мъ году была уже настолько сильна, что бросивъ Малку опять вернулась къ старому мѣсту жительства и укрѣпилась на неприступныхъ скалахъ, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ находилась прежде разоренная Ситтана. Затѣмъ пошли опять грабежи и убійства, и тѣ пограничные народы, которые условились договорами оберегать англійскія границы отъ нападенія фанатиковъ, не только не исполнили принятыя ими на себя обязательства, но еще сами содѣйствовали имъ въ набѣгахъ ихъ на британскую территорію. Первоначальный успѣхъ снова воодушевилъ ситтанцевъ, они стали все далѣе и далѣе проникать въ глубь англійскихъ владѣній и въ одинъ прекрасный день напали на Рауль-Пиндійскій округъ и страшнѣйшимъ образомъ его ограбили, такъ что дѣла пошли по старому и приняли совершенно тотъ же самый оборотъ, какъ и до экспедиціи генерала Сидней-Коттона. Не желая предпринимать новую экспедицію въ горы, англичане для обезпеченія своихъ подданныхъ обратились къ другому способу. Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ самихъ ситтанцевъ, они учредили строжайшую блокаду надъ тѣми пограничными жителями, которые связаны были съ ними договорами. Всякія сообщенія ихъ съ жителями на сторонѣ англичанъ были прекращены, и дѣйствительно, способъ этотъ оказался довольно удачнымъ, ибо недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ скоро заставилъ ихъ отдѣлиться отъ фанатиковъ, прогнать ихъ изъ Ситтаны и принудить вернуться въ Малку.

Но такого рода положеніе дѣлъ было непродолжительно; измѣнническая пропаганда брала свое и мусульмане изъ британскихъ

*) Саидъ-Омаръ-Шахъ былъ тотъ самый казначей Саидъ-Ахмата, который, удалившись въ Ситтану, сталъ собирать вокругъ себя разсѣянныхъ приверженцевъ убитаго проповѣдника.

владѣній продолжали со всѣхъ сторонъ стремиться въ фанатическую колонію. Въ 1862-мъ году она уже такъ усилилась, что пенджабское правительство настоятельно требовало новой экспедиціи въ горы. Въ 1863-мъ году, сильно окрѣпшіе фанатики вторично заняли Ситтану, и на этотъ разъ уже не довольствовались болѣе набѣгами на ближайшихъ сосѣдей, а стали нападать на дальнія англійскія владѣнія и государства, признававшія британское покровительство и, наконецъ, послѣ безчисленныхъ убійствъ и насилій, формальнымъ манифестомъ объявили священную войну и призывали всѣхъ правовѣрныхъ къ оружію для совокупныхъ дѣйствій противъ невѣрныхъ христіанъ. Послѣ всего этого не было болѣе никакой возможности избѣгнуть войны: англичане принуждены были собрать отрядъ изъ 7,000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Чемберлена и отправить его въ горы для наказанія ситтанскихъ грабителей.

Экспедиція эта, начавшаяся въ октябрѣ 1863-го года, была одна изъ самыхъ несчастныхъ; уже въ серединѣ ноября, дѣла приняли такой оборотъ, что генералъ Чемберленъ принужденъ былъ просить о скорѣйшей помощи для спасенія своего отряда. Англичане для достиженія Ситтаны должны были пройти черезъ длинный горный Амбельскій дефилэ, но непріятель дѣйствовалъ такъ удачно и находился противъ нихъ въ такомъ огромномъ числѣ, что несмотря на храбрость войскъ, энфильдскіе штуцера и картечь, они не были въ состояніи изъ него выдти. Путь отступленія имъ былъ также отрѣзанъ, а между тѣмъ фанатическія полчища все болѣе и болѣе увеличивались, а тѣ союзники, на содѣйствіе которыхъ разсчитывали англичане, имъ измѣнили и тѣмъ еще болѣе усложнили ихъ опасное положеніе. Неудача эта могла имѣть страшныя послѣдствія, возстаніе угрожало распространиться по всему Пенджабу и далѣе, и оно тѣмъ болѣе было опасно, что тамъ въ это время совершенно не было войскъ. Потери отряда были такъ велики, что несмотря на прибывавшія къ нему на выручку подкрѣпленія, онъ все-таки, по случаю большого числа раненыхъ и больныхъ и недостатка перевозочныхъ средствъ, не былъ въ состояніи отступить и выбраться изъ Амбельскаго дефилэ. Къ концу ноября генералъ Чемберленъ, самъ тяжело раненый, доносилъ, что положеніе становится отчаяннымъ и, что, вѣроятно, посылаемыя къ нему подкрѣпленія придутъ уже поздно. Однимъ словомъ, дѣло дошло до того, что всѣ ожидали окончательной погибели отряда. Вдругъ получилось извѣстіе, что англичане не только выбились, но даже предприняли наступательныя дѣйствія, разгромили нѣсколько непрія-

тельскихъ селъ, и разоривъ Ситтану и Малку́, возвращаются въ свои предѣлы. Такой неожиданный переворотъ въ положеніи отряда генерала Чемберлена произошелъ отъ слѣдующихъ причинъ: предводители фанатиковъ, увлеченные успѣхомъ и считая истребленіе англичанъ дѣломъ уже почти оконченнымъ, съ одной стороны начали деспотически распоряжаться съ своими союзниками, а съ другой, завидуя другъ другу, затѣяли между собою ссоры, скоро преобразовавшіяся въ открытыя враждебныя дѣйствія и имѣвшія послѣдствіемъ то, что около 10-го декабря громадный фанатическій лагерь исчезъ какъ дымъ; разнородные элементы его составлявшіе разошлись вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ англичанъ, затѣяли междоусобную войну и обратили оружіе свое противъ самихъ же себя. Амбельскій дефилэ, предназначенный служить могилою для англійскихъ войскъ, оказался болѣе незащищеннымъ, и генералъ Чемберленъ, боясь, что фанатики снова какъ-нибудь между собою сойдутся, рѣшился до этого еще перейти въ наступленіе. Бывшіе союзники фанатическихъ предводителей, купленные англичанами, помогли ему въ исполненіи его намѣренія, такъ что Ситтана и Малка́ истреблены были почти безъ потерь, и отступленіе отряда совершилось безъ выстрѣла.

Раздоры между фанатиками продолжались довольно долго, такъ что до конца 1867-го года, будучи слишкомъ заняты своими собственными дѣлами, они оставляли въ покоѣ и англичанъ и индусовъ. Но въ слѣдующемъ 1868 году, имъ удалось опять соединиться и напасть на Аграрскую долину, съ цѣлію возбудить снова священную войну. Но на этотъ разъ англичане не дали развиться возстанію, они сильно заняли войсками весь Пенджабъ и отправили въ горы значительный отрядъ, составленный изъ войскъ переведенныхъ нарочно для этой цѣли изъ другихъ провинцій. Экспедиція эта, послѣдняя изъ предпринятыхъ противъ горцевъ англичанами, имѣла, какъ и всегда въ этихъ случаяхъ, только временный результатъ: фанатики разбѣжались, но не были истреблены, даже не замирились, и разсадникъ возмущенія, по миновaніи опасности, опять сталъ продолжать свои прежнія дѣйствія и собирать людей и деньги, для новыхъ сопротивленій и для будущихъ религіозныхъ возстаній.

V.

Легко понять, что скопище буйныхъ мятежниковъ и различныхъ бродягъ, поддержанное фанатическимъ населеніемъ и измѣною въ самомъ сердцѣ британскихъ владѣній, можетъ въ порывѣ ненависти рѣшиться на нападеніе не только на британскую территорію, но и на англійскія регулярныя войска. Но трудно понять, почему войска храбрыя, отлично вооруженныя и съ хорошими начальниками, ничего не могутъ сдѣлать съ этими дикими толпами, и только послѣ громадныхъ трудовъ и значительныхъ потерь добиваются самыхъ ничтожныхъ результатовъ. Для объясненія этого стóитъ только бросить бѣглый взглядъ на мѣстность, гдѣ приходится дѣйствовать войскамъ, то-есть на страну, избранную знаменитымъ Саидъ-Ахматомъ, чтобы служить главнымъ оплотомъ основанной имъ воинственной секты. На крайнемъ сѣверѣ долины Индуса, на границѣ послѣдняго народа, платящаго подать англійской коронѣ, возвышаются священныя скалы Индуса—Малабанъ, буквально непроходимый лѣсъ. Лѣсъ этотъ, покрывающій тѣ скалы, прелестью своею въ старинные годы вѣроятно болѣе всего окружающаго подѣйствовалъ на первыхъ аріанскихъ пришельцевъ и далъ названіе всей мѣстности. Группы такихъ лѣсистыхъ холмовъ и скалъ получили для индусовъ то же самое значеніе, какое Синай имѣлъ для іудеевъ. Санскритская поэзія обезсмертила преданіе старины и прошло уже много вѣковъ съ тѣхъ поръ, а Малабанъ, дикій и трудно доступный, продолжаетъ и донынѣ быть цѣлію благочестивыхъ путешествій и поклоненій индусовъ. До сихъ поръ считается благословеннымъ тотъ, котораго кости удостоятся блаженства вкушать вѣчный покой подъ тѣнью Малабана. Въ этомъ-то убѣжищѣ благочестія индусовъ въ настоящее время обитаетъ и постоянно увеличивается самое безпокойное, фанатическое и суевѣрное изъ магометанскихъ племенъ, родоначальникомъ котораго былъ Саидъ-Ахматъ. Сосѣднія общества, не менѣе фанатическія, занимаютъ по той сторонѣ Индуса, на востокѣ, такъ-называемыя Черныя Горы и требуютъ со стороны англичанъ также не менѣе бдительнаго надзора, чтó и объясняетъ необходимость постоянно занимать сильнымъ гарнизономъ передовой пунктъ въ Аббабадѣ. До сихъ поръ только вопросъ о податяхъ и другіе дѣлаемые во имя вѣры поборы мѣшаютъ окончательному соединенію всѣхъ этихъ обществъ съ главною фанатическою колоніею, но тѣмъ не менѣе религіозный фанатизмъ

здѣсь такъ великъ, что онѣ, забывая притѣсненія, претерпѣваемыя отъ ситтанцевъ, часто соединяются съ ними для дѣйствія противъ общаго и ненавистнаго врага ихъ вѣры. Фанатическая колонія имѣетъ до 76,000 жителей, воспитанныхъ въ ненависти къ англичанамъ, убѣжденныхъ въ необходимости ихъ истребленія и твердо вѣрующихъ, что смерть въ бою съ невѣрными есть лучшее средство достигнуть спасенія души и блаженства будущей жизни. Экспедиція 1863 года показала англичанамъ, что военныя дѣйствія противъ фанатической колоніи есть война со всѣми правовѣрными вообще и что трудно нанести ей какой-нибудь существенный вредъ. Мѣстность избранная фанатическими сектаторами для жительства почти недоступна, такъ что выгнать ихъ оттуда положительно невозможно; ихъ можно разбить и временно ослабить, но надо помнить, что въ религіозныхъ войнахъ жертвы служатъ только къ развитію фанатизма и что чѣмъ ихъ больше, тѣмъ значительнѣе увеличивается число послѣдователей, и это тѣмъ болѣе опасно въ Индіи, гдѣ страна со всѣхъ сторонъ и безъ того уже подкопана измѣною.

Изъ предыдущаго краткаго очерка дѣйствій фанатической колоніи, со дня ея основанія въ 1831 году до настоящаго времени, видно, что будучи въ началѣ составлена только изъ нѣсколькихъ учениковъ Саидъ-Ахмата, удалившихся въ горы по нежеланію переносить на своей родинѣ злоупотребленія въ ихъ вѣрѣ, она быстро приняла громадные размѣры, развилась до того, что вовлекла Англію въ нѣсколько кровопролитныхъ войнъ и, несмотря на всѣ наносимые ей удары, процвѣтаетъ и теперь и продолжаетъ постоянно угрожать уже не спокойствію сосѣднихъ странъ, а могуществу и владычеству англичанъ въ Индіи. Никто не въ состояніи предвидѣть, до чего можетъ разростись эта пограничная орда фанатиковъ, и еще менѣе можно сказать, чтó случится, если найдется человѣкъ, который воодушевитъ и соединитъ въ одно цѣлое громадное число поклонниковъ священной войны. До сихъ поръ выяснился только одинъ неоспоримый фактъ, это то, что правительство Индіи признало фанатическія колоніи, образовавшіяся на его границахъ, за положительный источникъ нарушенія спокойствія и убѣдилось въ полномъ своемъ безсиліи, несмотря на всѣ возможныя жертвы, искоренить или остановить постоянно возрастающее вліяніе магометанской пропаганды.

Необыкновенная живучесть пограничной фанатической колоніи составляла долго положительно непроницаемую и неразгаданную тайну. Еще до покоренія Пенджаба, она подверглась три раза разоренію со стороны сикховъ, и впослѣдствіи не разъ была

разсѣеваема британскими войсками. Между тѣмъ, несмотря на тяжелые удары ей неоднократно наносимые, она все-таки продолжаетъ жить и увеличиваться. Въ этой необыкновенной живучести благочестивые правовѣрные видятъ перстъ божій и неоспоримое доказательство будущаго торжества исламизма. Только въ самое недавнее время, послѣ многихъ усилій и всевозможныхъ изслѣдованій, наконецъ, удалось дойти до тѣхъ причинъ, которыя могутъ удовлетворительно объяснить этотъ, такъ сказать, чудесный фактъ. Дѣло въ томъ, что вся Индія подкопана измѣною и что громадное магометанское населеніе страны есть неисчерпаемый источникъ, постоянно доставляющій и людей, и деньги для поддержанія фанатической колоніи. Экспедиціи направлялись всегда исключительно противъ открытаго врага англійскаго могущества и часто имѣли послѣдствіемъ разореніе фанатическихъ притоновъ и истребленіе бо́льшаго или меньшаго числа ихъ защитниковъ; но понятно, что вредъ черезъ это имъ наносимый былъ только временный и при сочувствіи всего магометанскаго населенія Индіи, конечно, не могъ имѣть послѣдствіемъ окончательное прекращеніе существованія мятежнаго лагеря. Зданіе, казавшееся совершенно сожженнымъ, снова загоралось и горѣло еще съ большею силою.

VI.

Религіозное движеніе, начатое Саидъ-Ахматомъ въ 1820—22 годахъ, не было достаточно оцѣнено британскими властями. Фанатическій проповѣдникъ прошелъ черезъ англійскія провинціи съ толпами преданныхъ ему послѣдователей и вездѣ пріобрѣталъ тысячи приверженцевъ; онъ устроилъ правильную систему сбора податей, учредилъ духовное и гражданское управленія и даже апостольское наслѣдіе. Англичане все это видѣли, терпѣли и даже не подозрѣвали всей важности того, что́ дѣлалось вокругъ нихъ. Священная война 1831 года пробудила ихъ наконецъ, но было уже слишкомъ поздно; броженіе умовъ началось, новое ученіе успѣло пустить глубокіе корни, и доктринами его заражены были почти всѣ принадлежащіе Великобританіи мусульмане въ Индіи. Въ то время, когда Саидъ-Ахматъ проповѣдывалъ на сѣверѣ, въ Калькуттѣ одинъ изъ его учениковъ, Титу-Майанъ, съ такимъ же успѣхомъ возбуждалъ Южную Индію догматами новой вѣры. Огромное число его послѣдователей лучше всего доказало, что и его пропаганда имѣла громадный успѣхъ. Когда Песшауръ сдѣлался добычею Саидъ-Ахмата, то Титу-Майанъ, увлеченный торжествомъ

учителя своего, въ свою очередь объявилъ тоже священную войну и сталъ призывать правовѣрныхъ къ оружію для истребленія англичанъ и возстановленія царства ислама. Въ 1830—31 годахъ ему удалось поднять цѣлыя массы народа; грабежи и страшныя насилія сопровождали полчища сектаторовъ, и почти весь кальвуттскій и прилежащіе къ нему округа находились въ пламени. Положеніе англичанъ было тяжелое и только энергическія военныя дѣйствія и смерть самого Титу-Майана помогла имъ въ прекращеніи принимавшаго значительные размѣры возстанія. Саидъ-Ахматъ и Титу-Майанъ погибли почти одновременно, но изъ предыдущаго видно, что смерть перваго не остановила религіознаго движенія на сѣверѣ Индіи, точно также мало вліянія на дѣло имѣла и смерть Титу-Майана. Число послѣдователей новой секты продолжало увеличиваться, и въ скоромъ времени большая часть магометанскаго населенія, открыто или тайно, начала присоединяться къ ученію Саидъ-Ахмата. Дѣятельность учрежденныхъ имъ калифовъ и другихъ второстепенныхъ проповѣдниковъ въ этомъ случаѣ изумительна, и въ настоящее время число ихъ приверженцевъ уже такъ велико, что почти нѣтъ клочка земли въ Индіи, куда бы не проникъ голосъ этихъ грозныхъ реформаторовъ. Денежныя средства, которыми они располагаютъ, громадны, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Южной Индіи, года четыре тому назадъ, проповѣдь ихъ вызывала такой ураганъ энтузіазма, что даже женщины отдавали имъ свои драгоцѣнныя вещи для общаго, святого дѣла.

Саидъ-Ахматъ началъ свое апостольское поприще, основывая, какъ и всѣ до него бывшіе великіе реформаторы, ученіе свое на двухъ главныхъ началахъ—единствѣ Бога и равенствѣ людей между собою. Онъ съ огромнымъ воодушевленіемъ старался пробудить религіозные инстинкты, давно дремавшіе у его соотечественниковъ и освободить исламизмъ отъ суевѣрныхъ обрядовъ и различныхъ ересей, вкравшихся въ него отъ постояннаго столкновенія съ языческими индусами: Несмотря на то, что онъ въ началѣ своей жизни былъ только разбойникъ и обыкновенный грабитель, тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что впослѣдствіи онъ такъ увлекся тѣмъ, что́ считалъ своимъ призваніемъ, что дѣйствительно всею душею предался дѣлу спасенія религіи правовѣрныхъ и мечтѣ возстановить вѣру пророка во всей ея первобытной чистотѣ. Человѣкъ съ страшно нервнымъ темпераментомъ, скрываемымъ подъ видомъ наружнаго спокойствія, Саидъ-Ахматъ часто подвергался различнымъ припадкамъ, которые у насъ признаны были бы прямо за эпилепсію, а у суе-

вѣрныхъ его слушателей приписывались божественному вліянію и средствомъ, употребляемымъ Богомъ для бесѣды съ нимъ и откровенія. Въ 1820-мъ году, когда онъ началъ свою религіозную пропаганду, ему было около 34-хъ лѣтъ отъ роду. Первоначально проповѣди его имѣли чисто практическій характеръ и касались ежедневной житейской стороны его соотечественниковъ, и онъ не только не вдавался ни въ какія ученыя пренія, но даже тщательно избѣгалъ всего того, чтб могло поставить его въ соприкосновеніе съ людьми, знавшими теоретически догматы мусульманской вѣры. Несмотря на это, сила его убѣжденій была такъ велика и краснорѣчіе такъ увлекательно, что двое изъ самыхъ извѣстныхъ въ то время мусульманскихъ ученыхъ были одними изъ первыхъ, признавшихъ истину его ученія. Эти-то два человѣка первоначально болѣе всего содѣйствовали успѣху Саидъ-Ахмата: огромная ихъ извѣстность какъ благочестивыхъ и высоко образованныхъ мусульманъ сдѣлала то, что по признанію ими божественнаго призванія Саидъ-Ахмата, массы народа, глядя на нихъ, стали присоединяться къ новому ученію, и Саидъ-Ахматъ изъ скромнаго проповѣдника быстро возвысился въ глазахъ правовѣрныхъ въ пророка, посланнаго Богомъ для совершенія извѣстной священной миссіи. Основательное знаніе литературы исламизма давало этимъ двумъ ученикамъ Саидъ-Ахмата возможность книжно объяснять слова его и доказывать, опираясь на тексты священныхъ писаній, что онъ неоспоримо есть одинъ изъ тѣхъ великихъ имамовъ, которыхъ отъ времени до времени Богъ посылаетъ на землю, для спасенія заблудшаго человѣчества. Они провозгласили, что онъ по прямой линіи происходитъ отъ самого пророка и что даже лицо его, мрачная и спокойная осанка во всемъ напоминаютъ основателя мусульманской вѣры; по ихъ словамъ, любимая дочь Магомета и мужъ ея во снѣ постоянно посѣщали праведника, омывали тѣло его драгоцѣнными благовоніями и одѣвали въ царскія одежды. Вслѣдствіе всего этого, не только народъ призналъ чудесное его посланіе, но и самъ Саидъ-Ахматъ увѣровалъ во все величіе своего призванія и подъ конецъ до такой степени въ томъ убѣдился, что окончательно окружилъ себя царскою обстановкою, сталъ назначать калифовъ, чеканить монету, собирать подать, устроилъ правильное наслѣдіе учрежденныхъ имъ должностей, и наконецъ въ Пешаурѣ формальнымъ манифестомъ объявилъ себя повелителемъ правовѣрныхъ и защитникомъ ислама.

До путешествія въ Мекку у Саидъ-Ахмата не было никакихъ опредѣленныхъ догматовъ въ проповѣдуемомъ имъ ученіи, мечта

его состояла главнѣйшимъ образомъ въ отдѣленіи ересей и въ исправленіи нравственности его послѣдователей. Все ученіе его было чисто практическое, онъ нападалъ на пороки унижающіе человѣчество и говорилъ своимъ служителямъ, что единственное средство избѣгнуть гнѣва Божія, это болѣе простая и благочестивая жизнь. Одинъ изъ его учениковъ записывалъ его слова, и въ настоящее время они составляютъ книгу, служащую кораномъ его послѣдователей. Единственная, выработанная имъ истина состояла въ томъ, что Богъ есть единъ и что люди для поклоненія ему не должны прибѣгать ни къ какимъ наружнымъ формамъ или обрядамъ, ему неугоднымъ и неучрежденнымъ пророкомъ. Въ молитвахъ для спасенія души и избавленія отъ грѣховъ онъ запрещалъ прибѣгать къ посредничеству духовъ, ангеловъ, святыхъ имамовъ и даже самого пророка, доказывая, что вѣрить въ силу этихъ заступничествъ есть не что иное какъ суевѣріе, унижающее величіе самого Бога. Истинная вѣра состоитъ въ исполненіи заповѣдей данныхъ Богомъ и въ тѣхъ добрыхъ дѣлахъ, которыя должны истекать изъ ихъ житейскаго примѣненія. Изъ обрядовъ онъ допускалъ только тѣ, которые существовали при пророкѣ, а всѣ нововведенія, какъ брачныя и погребальныя церемоніи, украшенія гробницъ, роскошныя поминки по умершимъ, монументы по богатымъ покойникамъ и прочее, онъ сильнѣйшимъ образомъ порицалъ и приглашалъ всѣхъ правовѣрныхъ содѣйствовать къ искорененію привычекъ, оскорбляющихъ равенство людей между собою и происшедшихъ только отъ постояннаго столкновенія съ язычниками и невѣрными.

Путешествіе его въ Мекку въ 1822 — 23-мъ годахъ имѣло огромное вліяніе не только на него, но и на будущую судьбу Индіи; тамъ онъ встрѣтилъ послѣдователей ученія, во многомъ подходящаго къ его ученію, но имѣвшихъ уже выработанные богословскіе принципы и совершенно правильное религіозное учрежденіе. Онъ такъ увлекся ихъ пропагандою, что возмечталъ и у себя на родинѣ основать такое же духовное царство, какое когда-то основалъ въ Западной Азіи бѣдный бедуинъ Абдулъ-Ваггабъ, и вернувшись обратно въ Индію, Саибъ съ тѣхъ поръ сталъ проповѣдывать и распространять между своими соотечественниками уже не одни пуританскіе принципы, а фанатическую и всеразрушающую религію ваггабитовъ. Итакъ, въ первый разъ «ваггабизмъ» внесенъ былъ въ Индію Саидъ-Ахматомъ, и тѣ послѣдователи его ученія, которыхъ я до сихъ поръ, описывая ихъ набѣги и войны, веденныя противъ нихъ англичанами, называлъ просто фанатическими сектаторами,—не кто иные какъ ваггабиты. Здѣсь впервые про-

износится имя этихъ грозныхъ преобразователей исламизма, ученіе которыхъ не только угрожаетъ владычеству англичанъ въ Индіи, но въ настоящее время до такой степени укоренилось во всей Азіи, что дѣлается опаснымъ для спокойствія всѣхъ вообще мусульманскихъ государствъ; поэтому необходимо сказать нѣсколько словъ о ваггабитахъ и о распространяемомъ ими ученіи.

VII.

Лѣтъ около 150-ти тому назадъ, одинъ молодой аравитянинъ, по имени Абдулъ-Ваггабъ, пришелъ на поклоненіе гробу пророка, и пораженъ былъ расточительностью правовѣрныхъ и всевозможными злоупотребленіями, осквернявшими священный городъ. Окончивъ свое богомолье, онъ поселился въ Дамаскѣ, гдѣ три года наблюдая за постыдною жизнію магометанъ, наконецъ рѣшился выступить на житейскую сцену какъ проповѣдникъ и каратель ихъ безчисленныхъ пороковъ. Рѣчи Абдула подвергли его весьма сильнымъ гоненіямъ, въ особенности со стороны креатуръ константинопольскаго двора, ненавидѣвшихъ его за обвиненіе турецкихъ ученыхъ въ искаженіи священныхъ книгъ неправильными толкованіями, а самихъ турокъ въ жизни болѣе нечестивой, чѣмъ даже та, которую ведутъ невѣрные. Изгоняемый изъ всѣхъ городовъ, онъ скитался повсюду безъ пристанища, покуда наконецъ не успѣлъ найти пріютъ у одного бедуинскаго вождя. У бедуиновъ счастье ему улыбнулось, и вскорѣ онъ успѣлъ составить себѣ довольно значительную партію послѣдователей и наконецъ увеличилъ ее уже настолько, что поднялъ знамя возстанія противъ турецкаго владычества и всѣхъ сторонниковъ искаженія чистой вѣры пророка.

Бедуины никогда не поклонялись Магомету наравнѣ съ божествомъ, и на оставленный имъ коранъ не смотрѣли какъ на божественное откровеніе; кромѣ того, простота и бѣдность ихъ жизни много содѣйствовала тому, что проповѣдь Абдулъ-Ваггаба нашла между ними значительное число сторонниковъ. Наэлектризованные молодымъ преобразователемъ и вѣря въ божественный характеръ его миссіи, они со всѣхъ сторонъ прибывали къ нему, и въ самое короткое время составили уже огромную армію. Побѣда слѣдовала за побѣдой и успѣхъ повсюду сопровождалъ оружіе Абдулъ-Ваггаба; вскорѣ почти вся Аравія была въ его рукахъ, а въ 1748-мъ году, самъ Багдадъ уже съ трудомъ могъ отстаивать свою независимость.

Надо отдать справедливость этимъ реформаторамъ, что они во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствовали съ чрезвычайнымъ искусствомъ; соединивши подъ одно знамя разнородныя составныя части своихъ полчищъ, они успѣли устроить между ними прочный союзъ, учредить правильную систему податей и сборовъ за право владѣнія полями, и вообще основать твердое гражданское управленіе. Съ одной стороны, вслѣдствіе грабежей, денежныя средства ихъ были громадны, и распространеніе ихъ вѣры посредствомъ огня и меча постоянно увеличивало эти средства; съ другой—успѣхъ и побѣды пріобрѣтали имъ все большее и большее число сторонниковъ, такъ что новое мусульманское царство, такъ недавно еще получившее жизнь, быстро разрослось до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что стало сильно угрожать владычеству турецкаго султана.

Ученіе Абдуль-Ваггаба, запечатлѣнное вездѣ потоками крови, основано было впрочемъ на весьма возвышенныхъ принципахъ. Первое, на что онъ въ особенности налегалъ, было исправленіе нравственности. Турки, говорилъ онъ, поведеніемъ своимъ осквернили даже священный градъ; недовольные многоженствомъ, они привозили съ собою на богомолье массы падшихъ женщинъ и кромѣ того предавались еще такому разврату, который строго запрещался кораномъ и терпимъ былъ только у нихъ. Публично, на улицахъ, забывая священное значеніе Мекки, они предавались пьянству и куренію опіума, такъ что турецкій карнавалъ представлялъ обыкновенно самое безнравственное и отвратительное зрѣлище. Противъ этихъ безстыдныхъ обычаевъ сладострастія и грязи возсталъ когда-то Абдуль-Ваггабъ; сперва онъ довольствовался только тѣмъ, что громилъ одну наружную жизнь, но вскорѣ, все болѣе и болѣе увлекаясь своими религіозными тенденціями, дошелъ до того, что выработалъ нѣсколько принциповъ, основанныхъ на чистомъ деизмѣ, обратилъ ихъ въ богословскую систему и наконецъ, для руководства своихъ послѣдователей, издалъ ихъ въ видѣ догматовъ. Эти-то догматы и составляютъ главное основаніе религіи, извѣстной теперь подъ именемъ ваггабизма.

Всѣхъ главныхъ догматовъ семь; во-первыхъ, безграничное и полное упованіе на единаго Бога; во-вторыхъ, не допущеніе какого бы то ни было посредничества между человѣкомъ и его Творцемъ, въ томъ числѣ и заступничества святыхъ и даже самого пророка; въ-третьихъ, каждому предоставляется право свободно разбирать мусульманскія священныя книги, и тѣ толкованія, которыя были сдѣланы различными духовными людьми, не должны быть признаваемы за авторитеты; въ-четвертыхъ, уничтоженіе всѣхъ наружныхъ формъ, обрядовъ и духовныхъ цере-

моній, введенныхъ совершенно произвольно и только искажающихъ чистоту вѣры; въ-пятыхъ, постоянно ожиданіе пророка (имама), предназначеннаго вести правовѣрныхъ на побѣду надъ невѣрными; въ-шестыхъ, обязанность постоянно вести войну противъ невѣрныхъ; и въ-седьмыхъ, полное повиновеніе волѣ духовнаго вождя. Изъ этого видно, что ваггабиты составляютъ передовыхъ людей сунніи, такъ сказать, пуританъ исламизма [1]).

Въ 1787-мъ году, Абдулъ-Ваггабъ умеръ, но основанное имъ духовное царство перешло въ руки достойнаго преемника. Въ 1791-мъ году, ваггабиты совершили удачную кампанію противъ меккскаго шейка; въ 1797-мъ страшно разбили багдадскаго пашу и разорили самыя плодородныя и богатыя провинціи Азіатской Турціи; въ 1801-мъ вторично, съ арміею слишкомъ въ 100,000 человѣкъ, побѣдоносно дошли до самой Мекки и, наконецъ, въ 1803 овладѣли священнымъ городомъ, а въ слѣдующемъ году покорили и Медину. Въ этихъ двухъ твердыняхъ исламизма, реформаторы немилосердно истребили всѣхъ непризнавшихъ ихъ ученія, разорили и осквернили всѣ гробницы мусульманскихъ святыхъ и не пощадили даже и гробъ самого пророка. Всѣ тѣ громадныя сокровища, которыя присылались мухамеданскими владыками и ихъ подданными, накоплялись въ теченіе одиннадцати вѣковъ и служили выраженіемъ благочестія правовѣрныхъ всѣхъ странъ,—перешли въ шатры этихъ дикихъ сыновъ пустыни. Паденіе святыни исламизма вызвало страшный вопль по всему мусульманскому міру, великолѣпнѣйшія мечети были ограблены и осквернены, усыпальница пророка поругана и даже путь къ спасенію и благочестивому поклоненію окончательно преградился, такъ что суевѣрные правовѣрные съ ужасомъ стали ожидать наступленія конца свѣта. Битвы слѣдовали за битвами, но несмотря на посты и молитвы, наложенныя на вѣрныхъ мусульманъ, ваггабиты оставались вездѣ побѣдителями, и съ 1803 по 1809 годъ ни одинъ караванъ богомольцевъ не смѣлъ рисковать пу-

---

[1]) Въ религіозномъ отношеніи они неоспоримо пуритане исламизма, но въ политическомъ смыслѣ это самые красные и вмѣстѣ съ тѣмъ самые ревностные поклонники соціализма, и успѣхъ ихъ, по моему мнѣнію, главнѣйшимъ образомъ основанъ именно на распространеніи идеалистическихъ идей свободы и всеобщаго равенства. Если соціалисты имѣли такой громадный успѣхъ въ старой Европѣ и наконецъ возросли до терроризма парижской коммуны, то я глубоко убѣжденъ, что въ весьма недалекомъ будущемъ ваггабиты, въ успѣхѣ которыхъ я лично нисколько не сомнѣваюсь, будутъ первыми основателями свободы на Востокѣ и, конечно, когда настанетъ это время, сила ихъ сдѣлается дѣйствительно страшною и вліяніе, которое они окажутъ тогда не на одну Азію, а на судьбу всего міра, будетъ громадное, послѣдствія котораго предвидѣть положительно невозможно.

тешествовать чрезъ пустыню. Въ теченіе этого времени они совершили удачный походъ на Сирію, выдержали войну противъ англичанъ въ Персидскомъ заливѣ и стали угрожать самому Константинополю. Но скоро подходилъ уже конецъ ихъ торжеству, и Махметъ-Али Египетскому наконецъ удалось имъ нанести страшнѣйшее пораженіе, послѣ котораго они уже не были въ состояніи болѣе поправиться; въ 1812 году Медина была взята штурмомъ, а въ 1813 году пала и Мекка. Пять лѣтъ спустя, это могущественное царство, развившееся въ такое короткое время до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, совершенно исчезло съ лица земли и оставило послѣ себя только кровавыя и страшныя воспоминанія.

Въ настоящее время ваггабиты разсѣяны по всей Азіи и составляютъ бездомную секту, проповѣдующую принципы, ненавистные аристократическимъ и зажиточнымъ классамъ поклонниковъ ислама. Они не допускаютъ божественнаго значенія Великаго Пророка, запрещаютъ обращаться къ нему съ молитвою и искать передъ Богомъ заступничества умершихъ благочестивыхъ людей, которыхъ они за святыхъ не признаютъ. Но главное что̀ обращаетъ на нихъ вниманіе, составляетъ ихъ силу и постоянно находитъ имъ поклонниковъ, это ихъ нравственная, безупречная жизнь и проповѣдь о равенствѣ и свободѣ каждаго. Они требуютъ возвращенія первобытной чистоты мусульманской религіи, простоты нравовъ и болѣе нравственной жизни, а главное, чтобы, несмотря на принесенныя жертвы и пролитую кровь, упорно продолжать распространять по всему свѣту истинную вѣру.

Два ихъ главнѣйшіе догмата суть единство Бога и самопожертвованіе; на этомъ основаніи они ревностные поклонники фатализма, и только имъ и объясняютъ все торжество Магомета. Они не признаютъ святости никакихъ договоровъ, мѣшающихъ развитію внутренней гражданской жизни и связывающіе отношенія мусульманскихъ государствъ между собою. Но несмотря на сочувствіе къ нимъ большого количества мусульманъ, они тѣмъ не менѣе много теряютъ въ глазахъ ученыхъ взглядомъ ихъ на пророка, а между народомъ—презрѣніемъ, высказываемымъ къ обычаямъ, которыхъ уже одна привычка заставляетъ считать святыми. Почти вездѣ въ Азіи, ваггабитъ долженъ отказаться отъ сношеній съ другими правовѣрными, отъ любимыхъ имъ съ дѣтства легендъ, торжественности праздниковъ, самыхъ коренныхъ своихъ убѣжденій и даже перестать молиться надъ могилою отца. Требованія эти имѣютъ неоспоримое вліяніе на распространеніе ваггабизма, и многіе, раздѣляющіе взгляды ре-

форматоровъ на вещи, не рѣшаются открыто присоединиться къ сектѣ только оттого, что не въ силахъ разстаться съ обычаями и привычками, усвоенными ими съ самаго дѣтства.

IX.

Ваггабизмъ и его догматы перенесены были въ Индію Саидъ-Ахматомъ. Отправившись на поклоненіе гробу Магомета, онъ скоро въ Меккѣ успѣлъ обратить на себя вниманіе сходствомъ идей имъ проповѣдуемыхъ съ тѣми, которыя составляли ученіе Абдулъ-Ваггаба. Священный градъ не могъ еще забыть ужасовъ владычества послѣдователей этого ученія, и слѣдствіемъ этого было то, что всѣ вліятельные и духовные люди возстали противъ него, вездѣ подвергали его оскорбленіямъ и наконецъ, публично поруганнаго, выгнали изъ города. Саидъ-Ахматъ вернулся въ Индію не просто религіознымъ мечтателемъ и гонителемъ языческихъ суевѣрій, а ревностнымъ и восторженнымъ послѣдователемъ ученія Абдулъ-Ваггаба. Пламенная его натура и фанатизмъ скоро довели его до того, что единственною мечтою его стало погребеніе знамени креста подъ черепами англичанъ и всѣхъ вообще невѣрныхъ и основаніе въ Индіи громаднаго царства ислама. Насколько было искренно обращеніе Саидъ-Ахмата въ новую вѣру, извѣстно конечно только его совѣсти; но очевидный фактъ былъ тотъ, что съ этого времени вся его жизнь совершенно измѣнилась. На пропаганду свою онъ сталъ смотрѣть гораздо серьезнѣе и понималъ, что не настоящій личный его успѣхъ важенъ, а будущее распространеніе и утвержденіе вводимаго имъ ученія. Въ Бомбеѣ и вездѣ на югѣ Индіи торжество его было громадное, но онъ тѣмъ не менѣе съ нетерпѣніемъ торопился оставить эти богатыя провинціи, исполненныя духа аристократизма, и перенести свою дѣятельность на границы, гдѣ горское населеніе, бѣдное и воинственное, гораздо способнѣе было увлечься его теоріями и положить начало основанію замышленному имъ царству ислама.

Дѣятельность Саида намъ знакома, такъ что теперь можно прямо приступить къ объясненію доктринъ, извлеченныхъ изъ его ученія и обращенныхъ въ настоящее время въ правильную богословскую систему, посредствомъ которой послѣдователи его достигли возможности поддерживать одно изъ величайшихъ религіозныхъ движеній какое когда-либо совершалось въ Азіи, и

угрожать уже не спокойствію, а владычеству и могуществу англичанъ въ Индіи.

Смерть Саидъ-Ахмата была первымъ тяжелымъ ударомъ, нанесеннымъ ваггабизму въ Индіи: въ немъ послѣдователи новой секты лишились энергическаго предводителя, и казалось, что все основанное имъ дѣло должно было погибнуть; но въ эту критическую эпоху приверженцы его выказали дѣйствительно необыкновенныя способности: они не только поддержали рождавшуюся религію, но даже воспользовались самою смертью Саидъ-Ахмата, чтобы пріобрѣсть еще большее число сторонниковъ. Всѣ мусульмане вообще вѣрять, что конецъ свѣта настанетъ среди войнъ и мятежей, землетрясеній, чумы, голода и другихъ величайшихъ бѣдствій. Тогда долженъ явиться великій имамъ Маади, потомокъ Магомета. Родится онъ за сѣверо-западной границею Пенджаба и въ началѣ своей жизни будетъ скрытъ отъ глазъ людей, но впослѣдствіи будетъ правителемъ Аравіи и покорителемъ Константинополя, которымъ до этого еще будетъ владѣть христіанскій царь. Одновременно съ нимъ появится на землѣ и антихристъ, и будетъ вести жесточайшую противъ него войну. Затѣмъ Христосъ сойдетъ съ небесъ и появится возлѣ бѣлой башни на востокѣ отъ Дамаска, уничтожитъ антихриста и невѣрныхъ и обратитъ весь свѣтъ въ святую вѣру ислама.

Первоначально, индѣйскіе ваггабиты признали Саидъ-Ахмата за великаго имама Маади, долженствовавшаго предшествовать приходу Христа и торжеству истинной вѣры, но смерть его и пораженіе его партіи никакъ не могли согласоваться съ вѣрованіями мусульманъ. Чтобы не уронить значенія Саидъ-Ахмата, его послѣдователи смѣло напали на самое коренное убѣжденіе правовѣрныхъ и стали доказывать, что имамъ Маади не долженъ явиться въ послѣдніе дни свѣта и предшествовать Христу, а что его слѣдуетъ ожидать на половинѣ времени между смертью Магомета и концемъ свѣта. Для поддержанія этого, они обратились къ духовной литературѣ и добыли безчисленное количество предсказаній, указывающихъ, что XIII-й вѣкъ ихъ эры (1786—1886), есть періодъ времени, опредѣленный для появленія имама Маади. Саидъ-Ахматъ родился въ 1786-мъ году, и они доказывали, что онъ соединялъ въ себѣ всѣ примѣты и имѣлъ всѣ признаки, по которымъ должны узнать великаго имама. Несмотря на ненависть къ шіитамъ, послѣдователи Саидъ-Ахмата, для бóльшаго авторитета, воспользовались и ихъ духовными книгами, указывая на то, что время появленія Маади даже у нихъ обозначено около тѣхъ же самыхъ годовъ. Не говорилъ ли самъ пророкъ: «когда

увидите черныя знамена, грядущія со стороны Херосана, идите всѣ, ибо съ ними будетъ калифъ, посланный Богомъ». Покореніе Индіи христіанами и другія бѣдствія ясно должны были свидѣтельствовать, что время появленія Саидъ-Ахмата именно и есть назначенное Богомъ для начала отмщенія и утвержденія истинной вѣры. Громадное число писанныхъ и печатныхъ пророчествъ, книгъ, поэзій и прочаго было распространено въ народѣ и имѣло послѣдствіемъ то, что индѣйскіе ваггабиты дѣйствительно вполнѣ увѣровали въ божественное посланіе Саидъ-Ахмата и признали его великимъ имамомъ Мяади. Утвердивши такимъ образомъ значеніе основателя своей секты, ваггабиты, отбросивъ всѣ второстепенные религіозные вопросы, занялись развитіемъ великаго догмата объ обязанности веденія священной войны. Во всей ихъ литературѣ обязанность эта выставляется какъ самая священная необходимость для перерожденнаго народа. Всѣ ихъ народныя пѣсни и самые популярные разсказы только и говорятъ о священной войнѣ, и британскіе подданные, постоянно посѣщающіе враждебныя пограничныя колоніи, разносятъ ихъ по всей Индіи и распространяютъ между всѣми мусульманами духъ фанатизма и мятежа. Литература ихъ развита до такой степени, что можно было бы составить цѣлыя массы томовъ только изъ различныхъ призваній къ оружію противъ англичанъ; нѣтъ книги изданной ваггабитомъ, которая не доказывала бы необходимость возмущенія и истребленія невѣрныхъ. Сочиненія ими изданныя, благодаря свободѣ печати, открыто продаются во всѣхъ городахъ Британской Индіи, и чѣмъ болѣе они возмутительны, тѣмъ болѣе они популярны и тѣмъ легче находятъ читателей и покупателей; кромѣ того, они наводнили всю Индію разносчиками, которые распространяютъ тѣ же самыя книги среди сельскаго населенія.

Но литература есть только одно изъ средствъ, употребляемыхъ ваггабитами для распространенія ихъ ученія и подготовленія къ возмущенію. Первое мѣсто по своей дѣятельности у нихъ занимаетъ, конечно, центральный и главнѣйшій оплотъ ихъ пропаганды въ Патнѣ, одно время болѣе всего угрожавшій британскому правительству и теперь еще, несмотря на преслѣдованія властей и нѣкоторыхъ принятыхъ противъ него мѣръ, продолжающаго все-таки существовать и имѣть сильное вліяніе на всю Индію и въ особенности на Бенгалію. При учрежденіи калифовъ въ Патнѣ въ 1821-мъ году, Саидъ-Ахматъ избралъ для этихъ должностей людей особенно ревностныхъ, энергическихъ и съ громадною силою воли; и дѣйствительно, неутомимые эти миссіонеры, отличавшіеся вполнѣ образцовою жизнію, полнымъ самопожертво-

ваніемъ и отъ глубины души преданные дѣлу избавленія Индіи отъ владычества англичанъ, были лучшими проповѣдниками ваггабизма. Дѣятельность ихъ лучше всего видна изъ того, что несмотря на тяжелые удары, наносимые сектѣ, они все-таки не дали погибнуть начатому дѣлу, постоянно воспламеняли фанатизмъ, при самыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ поддерживали въ народѣ духъ возстанія, и въ то время, когда считали ваггабизмъ окончательно погребеннымъ, совершенно неожиданно снова подымали знамя священной войны. Въ Азіи, ваггабизмъ вслѣдствіе нападенія на обычаи не имѣлъ такого успѣха какъ въ Индіи, гдѣ религіозный вопросъ скоро сталъ терять свою силу и сдѣлался чисто-политическимъ. Индѣйскіе сектаторы проповѣдывали главнѣйшимъ образомъ единство Божіе и нравственную жизнь, и сами безупречнымъ поведеніемъ служили лучшимъ примѣромъ для народа; затѣмъ всѣ остальные второстепенные религіозные вопросы, которые могли бы увлечь ихъ въ богословскіе споры или удалить отъ нихъ приверженцевъ, оставлялись ими въ сторонѣ и всегда уступали мѣсто единственной ихъ цѣли, то-есть низверженію англичанъ. Саидъ-Ахматъ и первые его послѣдователи отлично поняли, что однѣ религіозныя увлеченія никогда не соединятъ въ одно цѣлое магометанское народонаселеніе Индіи, тѣмъ болѣе они видѣли на примѣрѣ въ остальной Азіи, что съ одной стороны неуступчивость преобразователей, а съ другой привязанность мусульманъ къ нѣкоторымъ обычаямъ дѣлаютъ то, что между ними являются постоянные раздоры, имѣющіе послѣдствіемъ не соединеніе, а кровавыя развязки. На этомъ основаніи они сообразовали свое ученіе съ духомъ времени и вмѣсто того, чтобы дѣлать его чисто богословскимъ, примѣнили его вполнѣ къ Индіи и обратили почти исключительно къ возбужденію правовѣрныхъ противъ ненавистныхъ имъ покорителей.

Понятно, что такого рода пропаганда симпатична для всѣхъ мусульманъ вообще и не могла не возбудить между ними сочувствія. Это-то и есть причина, почему ваггабизмъ въ Индіи изъ духовной секты преобразился въ политическую и гораздо болѣе страшенъ тамъ, чѣмъ въ другихъ мусульманскихъ государствахъ, неуправляемыхъ христіанами, а слѣдовательно ограничивающихъ его только дѣлами совѣсти и убѣжденій. Благодаря неутомимой дѣятельности калифовъ, Патна скоро обратилась въ настоящій разсадникъ возмущенія, изъ котораго постоянно отправляются миссіонеры, отлично для этого подготовленные, разносящіе по всей Индіи догматы ихъ ученія. Послѣдователи ваггабизма въ Индіи доказываютъ, что ни одинъ правовѣрный не можетъ надѣяться

на блаженство въ будущей жизни, если онъ останется въ настоящемъ положеніи, такъ что для спасенія души ему слѣдуетъ выбрать или войну противъ невѣрныхъ, или бѣгство изъ проклятаго края. Истинный правовѣрный не можетъ быть преданъ британскому правительству, и преступная вѣрность въ этомъ случаѣ заграждаетъ ему путь въ царство небесное. Только лицемѣры могутъ препятствовать своимъ соотечественникамъ вести священную войну или бѣжать изъ оскверненнаго края. Въ странѣ, гдѣ, противно воли Бога, допускается другая религія вмѣстѣ съ мусульманскою, чистота истинной вѣры не можетъ быть сохранена. Магометане обязаны соединиться и приложить всѣ средства для достиженія одной цѣли,—истребленія невѣрныхъ и освобожденія родины. Слабые пусть уходятъ и ищутъ пріютъ въ странахъ гдѣ царствуетъ исламъ; сопротивляющіеся этому должны помнить, что умирая спокойно въ Индіи, они навсегда лишаются спасенія. Истинные правовѣрные должны плакать надъ своею судьбою, проповѣдывать истину они не смѣютъ — ихъ вѣшаютъ; молчать — они не должны, ибо этимъ губятъ свои души, что́ же имъ дѣлать? Одно средство выдти изъ этого отчаяннаго положенія, это поднять знамя пророка и кровью, пожертвованіями и побѣдами вернуть, утраченную за грѣхи и преступную слабость, милость всемогущаго Бога.

Говоря о ваггабитскихъ миссіонерахъ, нельзя не обратить вниманія въ особенности на тѣхъ, которые предназначены для пропаганды въ деревняхъ. Обыкновенно это люди, отказавшіеся отъ всѣхъ земныхъ благъ, бездомные, неутомимые и безупречной жизни; они не могутъ не возбуждать къ себѣ сочувствія. Въ нихъ не существуетъ ничего эгоистическаго и они всецѣло и дѣйствительно отъ всей души, съ громаднымъ самопожертвованіемъ проповѣдуютъ только два принципа: нравственность и освобожденіе родины. Эти-то люди болѣе всего и способствуютъ распространенію ваггабизма, ихъ слушаютъ съ увлеченіемъ не одни мусульмане, но даже и индусы; въ религіозныхъ вопросахъ они осторожны, рѣдко оскорбляютъ чьи бы то ни было убѣжденія, и наоборотъ, съ громаднымъ успѣхомъ развиваютъ главнѣйшимъ образомъ одну коренную идею, одинаково для всѣхъ симпатичную и дорогую — это любовь къ порабощенной родинѣ и необходимость ее освободить.

Собственно, англичане ничего не могутъ сдѣлать противъ пропаганды ваггабитовъ и не только не имѣютъ никакой возможности остановить распространеніе ихъ ученія, но даже и услѣдить за ними. Послѣдователи ваггабизма разбросаны по всей

Азіи, говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ, находятся во всѣхъ классахъ общества и дѣйствуютъ открыто или тайно, такъ что часто положительно нѣтъ никакой возможности угадать ихъ присутствія, а слѣдовательно и уберечь себя отъ постоянно возрастающаго вліянія этой грозной секты. Тамъ, гдѣ они дѣйствуютъ только какъ религіозные реформаторы, бороться съ ними гораздо легче, ибо далеко не всѣ мусульмане сочувствуютъ ихъ ученію, но въ Индіи, гдѣ они почти отбросили вопросъ вѣры, а исключительно проповѣдываютъ политическое освобожденіе страны, положеніе ихъ совершенно другое, и англичане, предназначенные служить жертвами ихъ мщенія, конечно, не могутъ разсчитывать на содѣйствіе народа, во всѣхъ отношеніяхъ раздѣляющаго ихъ взгляды, и любимая мечта котораго есть возвращеніе утраченной самостоятельности.

У всѣхъ мусульманъ вообще всякій религіозный вопросъ обращается сейчасъ же въ вопросъ возстанія противъ существующихъ порядковъ, именно потому, что въ странахъ, управляемыхъ исключительно правовѣрными, вѣра подчиняется требованіямъ правительства, и всѣ объясненія, даваемыя корану, принаравливаются къ поддержанію власти. Послѣ этого понятно, почему ваггабизмъ ненавистенъ всѣмъ имѣющимъ власть въ своихъ рукахъ и нежелающихъ ее утратить, Мекка же, твердыня ислама, есть мѣсто, гдѣ, конечно, ихъ болѣе всего ненавидятъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе всего боятся. За то насколько ученіе ихъ ненавистно правительствамъ и высшимъ классамъ, настолько же оно симпатично бѣднѣйшимъ, которымъ, при соціальныхъ переворотахъ вообще, не приходится много терять. Въ Индіи же, ваггибиты изъ религіознаго вопроса сдѣлали чисто политическій и пользуются вѣрою главнѣйшимъ образомъ только для того, чтобы посредствомъ нея возбуждать фанатизмъ народа къ ненависти противъ англичанъ. Законъ пророка, какъ извѣстно, не дозволяетъ истинному мусульманину смиренно переносить владычество христіанъ, и они, основываясь на этомъ, говорятъ: «возстаньте за вѣру и освободите ее изъ-подъ гнета невѣрныхъ»; а когда имъ возражаютъ, что при силѣ британскаго правительства это невозможно, они отвѣчаютъ: «тогда бѣгите, ибо нѣтъ спасенія для того мусульманина, который умретъ въ странѣ, гдѣ законъ пророка потоптанъ, а земля Индіи, покуда въ ней будутъ владычествовать англичане, будетъ страною, оставленною Богомъ и проклятою, слѣдовательно, умирающіе въ ней не могутъ разсчитывать ни на прощеніе грѣховъ, ни на блаженство будущей жизни».

Кромѣ литературы, дѣятельности центральнаго оплота въ Патнѣ и безчисленныхъ миссіонеровъ, исхаживающихъ Бенгалію вдоль и поперегъ, ваггабиты имѣютъ еще четвертое средство для распространенія своей непріязненной пропаганды. Еще самые первые калифы употребляли всѣ усилія, чтобы твердою ногою утверждаться среди населенія, сочувствовавшаго ихъ ученію, и какъ только число ихъ приверженцевъ въ какой-нибудь населенной мѣстности достигало извѣстныхъ предѣловъ, они сейчасъ же поселяли между ними на постоянное жительство одного изъ самыхъ вѣрныхъ и способныхъ своихъ адептовъ [1]). Такъ что такимъ образомъ изъ нѣкоторыхъ деревень Бенгаліи образовались особые отдѣльные мятежные округа, находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ центральнымъ оплотомъ, имѣющіе совершенно правильную внутреннюю организацію, собирающіе подать и вербующіе людей. Въ 1870-мъ г. дѣйствія двухъ такихъ округовъ были открыты и главные ихъ предводители преданы суду, приговорены къ лишенію всего имущества и пожизненной каторжной работѣ. Факты, открытые на судѣ, были столь важны и имѣли такое ужасающее значеніе, что, безъ сомнѣнія, всякое другое правительство, менѣе увѣренное въ своей силѣ, чѣмъ англійское, нашло бы нужнымъ прибѣгнуть поспѣшно къ самымъ крутымъ мѣрамъ и обратить весьма серьезное вниманіе на дѣло, могущее принять размѣры, послѣдствія которыхъ предвидѣть нельзя.

Г. К—овъ.

---

[1]) Обыкновенно люди эти дѣлались школьными учителями, сельскими старшинами и вообще, благодаря своему поведенію и образованію, пріобрѣтали весьма скоро значительное вліяніе на жителей.

НА ПЕРЕПУТЬИ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

Въ старые годы романъ обыкновенно оканчивался бракомъ. Тутъ былъ предѣлъ всякихъ треволненій: оставалось жить-поживать, да дѣтей и добра наживать.

Конечно, и теперь романы не-злонамѣренныхъ писателей часто тоже оканчиваются такимъ образомъ. И еслибъ я писала такого рода романъ, а не правдивую повѣсть моей жизни, мнѣ было бы очень удобно завершить дѣло тоже моимъ бракомъ. Вышло бы даже очень нравоучительно: дѣвица, неполучившая серьезнаго умственнаго и нравственнаго воспитанія въ ранней молодости, послѣ разнаго рода сомнѣній, колебаній и заблужденій, обращается на путь истинный, находитъ тихую пристань въ семейной жизни и дѣлается примѣрной женой и матерью. Послѣдователи ходячей морали похвалили бы меня за добрую нравственность, не замѣчая натяжки, и конечно не возразили бы мнѣ, что въ наше время романъ послѣ брака-то иногда и начинается. А вѣдь это въ самомъ дѣлѣ такъ, хоть оно и достойно сожалѣнія.

Моя замужняя жизнь бѣдна внѣшними событіями, особенно въ первые годы. Я жила изо-дня въ день, рождая дѣтей, кормя и няньча ихъ, волнуясь материнскими радостями и тревогами и только временами чувствуя припадки невыносимой тоски и полной неудовлетворенности; эти припадки годъ отъ году дѣлались и сильнѣе и продолжительнѣе... Но я начну сначала.

*) См. выше янв. 35; февр. 625 стр.

Возвратившись домой по окончаніи обряда вѣнчанія, мы нашли въ домѣ все уставленнымъ на новый ладъ, по заранѣе выраженнымъ мужемъ приказаніямъ. Моя комнатка была слишкомъ мала для нашей общей спальной, кабинетъ Александра не довольно уютенъ; онъ выбралъ для спальной бывшую тетушкину комнату. Ее прибрали и прикрасили; въ ней мы помѣстились, и Александръ отдался безотчетно весь счастію медоваго мѣсяца, точно будто и въ самомъ дѣлѣ то былъ нашъ медовый мѣсяцъ... Да, его привязанность стала еще восторженнѣе и страстнѣе, но въ то же время въ ней проявилась бездна неусыпной, нѣжной заботливости: Александръ не только любилъ меня, лелѣялъ и берегъ — онъ, можно сказать, поклонялся мнѣ, какъ какому божеству; онъ считалъ величайшимъ счастіемъ служить мнѣ, угадывая мое малѣйшее желаніе, малѣйшую прихоть, что̀, впрочемъ, ему рѣдко удавалось, какъ по недостатку догадливости въ немъ, такъ и потому, что особенныхъ желаній и прихотей за мной почти не водилось. Весь день мужа былъ распредѣленъ такъ, какъ, по его мнѣнію, было мнѣ лучше и удобнѣе. Онъ занимался хозяйствомъ ровно настолько, сколько было нужно, чтобъ не уменьшились его доходы, нужные ему все-таки для меня, для моего спокойствія и удобства.

Съ своей стороны, я понимала, конечно, что жить въ прежнемъ отчужденіи отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ было мнѣ совершенно невозможно, и что жена и мать должна принести свою долю труда для созданія благосостоянія семьи. Я объявила, что буду хозяйничать. Мнѣ это не трудно далось: Мавра Савельевна завѣдывала всѣмъ по заведенному порядку и все шло у нея отлично, а мнѣ оставалось только налить чай, снять сливки, да заказать обѣдъ. Александръ былъ въ восторгѣ: для него—какъ извѣстно—не было тайною, что въ моей головѣ бродили кое-какія идеи, считавшіяся имъ неудобными въ супружеской жизни. Послѣ того разговора, который мы имѣли на этотъ счетъ передъ свадьбой, мы никогда болѣе до этого не договаривались, но въ глубинѣ души Александръ конечно попрежнему возставалъ и негодовалъ на нихъ. Видя мою готовность къ обыкновенному домашнему женскому дѣлу, онъ счелъ это за признакъ моего обращенія на путь истинный и радовался всей душой такому ручательству за прочность нашего семейнаго счастія. Словомъ сказать, все вокругъ меня обстояло благополучно. И въ это первое время я была почти счастлива; я была бы и совсѣмъ счастлива, еслибъ не замѣчала въ себѣ порой какой-то неяснаго, неопредѣленнаго, но тяжелаго чувства. Было ли то предчувствіе, или воспоминаніе, или нако-

нецъ просто нервное разстройство — я не знаю; но знаю, что оно мнѣ мѣшало чувствовать себя совсѣмъ хорошо.

Разумѣется, главная забота наша относилась къ тому времени, когда долженъ былъ явиться новый членъ нашей семьи, и мужъ ужасно за меня боялся. Я и сама не знаю, чего собственно онъ боялся: дурныхъ ли послѣдствій, могущихъ представиться, или тѣхъ неизбѣжныхъ страданій, которыя должны были казаться ужасными человѣку, всю жизнь свою посвятившему, чтобъ удалять отъ меня малѣйшую непріятность, не то́, что страданіе. Я съ своей стороны часто задумывалась о томъ, кто будетъ кормить мое дитя. Кормить сама я не рѣшалась; меня пугали безсонныя ночи. Я обыкновенно спала хорошо, если не была ничѣмъ взволнована, но если мнѣ случалось проснуться ночью, я долго не могла заснуть, иногда до утра. Такимъ образомъ, кормя ребенка я рисковала совершенно изнемочь отъ безсонныхъ ночей. Но найти подходящую кормилицу казалось мнѣ очень труднымъ дѣломъ. Какъ-то разъ мнѣ пришло въ голову, что не лишнее было бы забрать кое-какія справки на этотъ счетъ отъ Мавры Савельевны.

— Мавра Савельевна! вѣдь у твоей барыни, покойницы Анны Васильевны, были дѣти? спросила я разъ у нея.

— Были, матушка-барыня! отвѣчала она. Много дѣтокъ было, да все по другому-третьему годочку помирали. Одна дочка только померла на десятомъ году.

— И что же, Анна Васильевна сама дѣтей кормила?

— И-и нѣтъ, матушка! какъ можно! — Развѣ у нихъ своихъ крѣпостныхъ не было! У нихъ завсегда были кормилки. Я сама кормилкой была.

— Какъ же это дѣлалось, Мавра Савельевна. Какъ пріискивали кормилокъ?

— Да просто, матушка? Какъ, значитъ, приспѣетъ время родить барынѣ, такъ и соберутъ на барскій дворъ молодаекъ, что́ съ грудными ребятами; ну, и выбираютъ, чтобъ поздоровѣе, да покрасовитѣе, да семьи и нраву хорошаго была. А ея-то дитё на село кормить отдаютъ.

— Ну, и платятъ имъ обѣимъ?

— Нѣтъ, матушка! какъ же своимъ-то платить! Барской кормилкѣ корову подарятъ, а той — тёлку, либо пару овецъ, а то свинью съ поросятами.

— Ну, эту другую на барщину ужъ не берутъ. Вѣрно также и ея мужа?

— Какъ не посылаютъ, матушка-барыня! Не то мужа, и ее посылаютъ. Ну, извѣстно — съ двумя дѣтьми нельзя на бар-

щину идти; такъ она свое беретъ, а чужое дома дѣвчонка тамъ, или старуха жвачкой кормятъ.

— Ну, и не роптали на это? спросила я.

— Какъ можно роптать! На то барская воля. Промежъ себя кое-когда потолкуешь бывало, и поплачешь, да и то оглядываючись. Да вотъ, какъ меня взяли... Ну, да что-жъ это я заболталась, старая! Наскучу вамъ, сударыня-матушка! спохватилась старуха, очевидно старая желаніемъ поговорить еще, отвести душу.

— Нѣтъ, разсказывай Мавра Савельевна!—проговорила я. Ты знаешь, я вѣдь люблю слушать твои разсказы про старину.

— Да что-жъ, матушка? разсказы-то мои такіе невеселые!— возразила Мавра Савельевна, и не заставляя себя просить, начала. —Долго, матушка, мнѣ Господь не давалъ дѣтей, а наконецъ родился мальчонка. Ужъ какъ-же мы ему рады были! Да мужа-то моего не привелъ Богъ долго на него порадоваться: какъ шесть недѣль мальчику минуло, мужъ душу Богу отдалъ. Осталась я вдовой горемычной. Ну, извѣстно, поплакала, погоревала, а тамъ думаю себѣ: не совсѣмъ же я сиротой осталась, есть у меня утѣха, состарѣюсь—кормилецъ будетъ! Тутъ скоро у барыни дочка родилась, стали кормилку искать. Мой мальчонка такой славный, да здоровый былъ; какъ отецъ-то умеръ, а я затосковала — онъ было-сдался, а тамъ опять скоро поздоровѣлъ. Баринъ съ барыней меня въ кормилки и назначили. Какъ пришелъ сказать мнѣ это староста—я и свѣта не взвидѣла! Хотѣла-было сказать: дѣлайте молъ что хотите, а не брошу я свое дитё!.. Ну, люди отсовѣтовали, староста покойный, Власа Терентьича отецъ. «И ты пропадешь, говорятъ, и мальчонка все-одно зачахнетъ...» Простилась я съ сынкомъ, отдала его покойницѣ Зайчихѣ—Авдотьѣ, сама перебралась въ хоромы... Ну, днемъ, бывало, ворочаешься себѣ, перемогаешься, а ночь придетъ, да уснутъ всѣ—ужъ плачешь-плачешь горючими слезами!.. И провѣдать ребенка не пускали: развѣ украдкой когда сбѣгаешь. А у Зайчихи-то свое дитё поменьше мово было, такъ она, бывало, на работу свое беретъ, а мое дома, жвачкой кормятъ. Захирѣлъ мой мальчонка, да скоро и померъ.

— Ну, а барское же дитя?—спросила я.

— Да и барское скоро померло: недѣли двѣ послѣ мово схоронили. Ну, барыня меня при себѣ оставили. Опрятница, — говорятъ—Маврушка, и не воровка. Съ тѣхъ поръ при нихъ я и находилась, пока ключи мнѣ отдали.

— Господи! чего-чего только не было! — подумала я, вникнувъ въ смыслъ этой драмы и начиная иначе смотрѣть на

бодрую фигуру Мавры Савельевны, съ ея честнымъ лицомъ и грустнымъ взглядомъ...

— Александръ! мы возьмемъ себѣ кормилицу по обоюдному согласію и сдѣлаемъ съ нею честный и безобидный договоръ,— сказала я мужу.

— О, конечно!—выговорилъ мужъ, который теперь во всемъ соглашался со мною.

Я стала насматривать себѣ кормилицу; но чѣмъ болѣе приближался извѣстный срокъ, тѣмъ сильнѣе меня стала тревожить мысль, что брать къ своему дитяти кормилицу даже по согласію ея, ставить передъ неимущею матерью соблазнъ, въ видѣ хорошей денежной суммы за оставленіе своего ребенка—все-таки нечестно. «Это рискъ и несправедливость относительно ея дитяти,— думала я.—Ставить на карту чужого ребенка изъ боязни провести нѣсколько безсонныхъ ночей—это непростительный эгоизмъ». И чѣмъ болѣе я объ этомъ думала, тѣмъ болѣе привыкала къ мысли отказаться отъ своихъ поисковъ и кормить самой.

— Знаешь ли, что я думаю?—проговорила я разъ мужу, и разсказала ему, какъ я стала, наконецъ, смотрѣть на это дѣло и къ какому пришла рѣшенію.

Мужа это тронуло.

— Какая ты славная женщина, Катя!—проговорилъ онъ задушевнымъ тономъ, цѣлуя мои руки съ благодарностью, почти съ благоговѣніемъ.

На святкахъ мужъ собрался по дѣламъ въ уѣздный городъ. Наканунѣ отъѣзда мы долго засидѣлись вдвоемъ.

— Чтобъ ей пусто было, Фелиціи Александровнѣ!—сказалъ мужъ.—Предлагалъ ей сто рублей въ мѣсяцъ, чтобъ она прожила у насъ послѣднее время передъ твоими родами. Не соглашалась! а теперь мнѣ такъ страшно оставлять тебя одну.

— Еще-бы ей согласиться! у нея огромная практика въ городѣ и уѣздѣ,—возразила я.—И нечего тебѣ особенно тревожиться: мнѣ не скоро еще родить. Мы помолчали. Я подумала между тѣмъ, откуда берется во мнѣ опять какое-то враждебное чувство къ мужу, причинъ котораго я не находила и которое начинало просто пугать меня...

— Пожалуйста не выходи безъ меня изъ дому: еще поскользнешься и упадешь: ты такъ дурно ходишь по снѣгу,—проговорилъ мужъ.—И вообще, мнѣ кажется, ты не довольно бережешь себя...

— Я-*то* себя берегу,—возразила я съ удареніемъ.

— Такъ я вѣрно тебя не берегу? — съ упрекомъ спросилъ мужъ.

Я подумала, что обращаться съ женщиной въ моемъ положеніи, какъ влюбленный мальчишка обращается со вчера пріобрѣтенной любовницей — не надежное средство сберечь ее. Но все-таки промолчала. Мужъ тоже молчалъ, азартно затягиваясь папиросой, потомъ пристально взглянулъ на меня нѣсколько разъ и тихо вздохнулъ. Мнѣ стало жаль его, безконечно жаль... И страшно стало за себя и за него. «Если теперь уже бываютъ у меня ни съ того, ни съ сего такія вспышки, чтó же будетъ современемъ?» —подумала я...

На другой день онъ уѣхалъ послѣ тѣхъ же просьбъ — беречь себя.

Я не любила въ то время одиночества. Я привыкла, чтобъ за мною ухаживали, чтобъ мнѣ смотрѣли въ глаза; равнодушныя лица окружающихъ наводили на меня тоску. У меня являлись сейчасъ невеселыя мысли, мрачный взглядъ на вещи. Въ такія минуты я живѣе и сильнѣе чувствовала, какъ много значитъ для меня привязанность мужа и сама горячо его тогда любила. Съ раскаяніемъ припоминала свои частыя вспышки, причины и смысла которыхъ не могла себѣ объяснить, и этотъ невинный, совершенно естественный протестъ природы противъ несвоевременной страсти казался мнѣ неблагодарностью, чуть-чуть не преступленіемъ; я съ горечью начинала подозрѣвать въ себѣ неспособность къ прочному чувству и давала себѣ слово пересилить себя, передѣлать и по крайней мѣрѣ быть хоть справедливою въ отношеніи мужа. На этотъ разъ всѣ эти мысли какъ-то особенно меня разстроили; къ вечеру я почувствовала себя разстроенной и нездоровой и рано легла въ постель.

Но мнѣ не спалось. Мое волненіе не утихло, и все-таки мнѣ нездоровилось: голова была не свѣжа. Едва я начинала дремать—въ воображеніи возникали какія-то смутныя, фантастическія представленія, то странныя, то страшныя... Я просыпалась и тѣ же грёзы носились предо мною, будто на яву... Такъ я и не уснула. Къ утру мое нездоровье усилилось и я скоро догадалась, что мой часъ насталъ.

Я отправила сейчасъ же нарочнаго къ мужу. Но только послѣ цѣлыхъ сутокъ страшныхъ страданій, почти обезумѣвъ отъ этихъ мукъ и отъ мысли о своей безпомощности въ такія минуты, къ утру слѣдующаго дня я увидѣла предъ собою искаженное ужасомъ и жалостью лицо моего мужа и хлопотливую фигуру Фелиціи Александровны. Черезъ два часа у меня родилась дочь.

Давно уже рѣшено и всякому извѣстно, что рожденіе перваго ребенка *открываетъ женщинѣ новый міръ*. Это такая старая истина. Но относительно женщинъ нашего поколѣнія эта банальная истина, эта стереотипная фраза имѣетъ свой особенный смыслъ.

Въ прежнее время женщина извѣстнаго круга по рожденіи ребенка тотчасъ сдавала его съ рукъ на руки мамушкамъ и нянюшкамъ, и затѣмъ со стороны только, смотря по обстоятельствамъ, радовалась или печаловалась на него. Только въ наше время мать начала сознавать необходимость и долгъ свой заботиться самой о ребенкѣ, воспитывать его съ перваго дня жизни, и вотъ тутъ-то ей совсѣмъ неожиданно открывался новый міръ—сомнѣній, недоумѣній, ненужныхъ страховъ, неосмысленнаго самоотверженія, наконецъ, являлось сознаніе собственнаго невѣжества и безполезности, а подчасъ и совершенной ненужности.

Но все это современемъ. А на первыхъ порахъ могучее материнское чувство съ такою силою охватило меня, что въ душѣ моей не оставалось мѣста ничему иному. Всѣ мои прежніе интересы, всѣ мечты и планы мои казались какимъ-то страннымъ бредомъ, когда я держала на рукахъ хрупкое существо, мою дочь, когда я смотрѣла на ея сморщенное личико или слышала ея ровное дыханіе.

— Вотъ когда я вполнѣ поняла, что для женщины нѣтъ лучшей доли и высшаго счастія, какъ семейная жизнь и материнская забота,—съ глубокимъ убѣжденіемъ выговорила однажды я, покончивъ свои хлопоты съ ребенкомъ и сидя надъ его колыбелью, между тѣмъ какъ мужъ тоже покончилъ свои хозяйственные хлопоты и пришелъ взглянуть на дитя свое и на меня.

Въ отвѣтъ на мои слова онъ съ благодарностью поцѣловалъ мои руки.

— Да, Александръ! отъ нашего согласія, отъ нашего счастія зависитъ и счастіе вотъ этого дорогого намъ существа, продолжала я. Постараемся же жить дружно и быть счастливыми. Я знаю, что часто бывала неправа передъ тобою. Забудь это и помоги мнѣ быть всегда правой и предъ тобой, и передъ *ней*.

— Не говори этого, моя Катя!—говорилъ растроганный мой мужъ. Мнѣ нечего забывать и нечего помогать тебѣ быть правой. Я тебѣ обязанъ такимъ полнымъ счастіемъ! Дай Богъ, чтобъ оно долго, чтобъ вѣчно продолжалось!...

Прошелъ слишкомъ годъ. Мы отпраздновали день рожденія своей дочери и порѣшили отнять ее отъ груди, какъ только станутъ нѣсколько короче ночи.

Въ первую ночь дѣвочка страшно тосковала. Я нѣсколько разъ порывалась выскочить къ ней изъ засады, гдѣ скрывалась, чтобъ не попадаться ей на глаза. Къ утру она стихла.

— Слава Богу! заснула,—выговорилъ мужъ, входя ко мнѣ въ мою прежнюю комнату, гдѣ было тогда мое временное помѣщеніе. А ты, Катя, на себя не похожа! Я боюсь, чтобъ ты не заболѣла! Тебѣ нуженъ моціонъ, а ты сидишь все взаперти, да мучишься, что дѣвочка тоскуетъ. Не хочешь ли съѣздить въ Завѣтное.

— Пожалуй,—согласилась я.

— День такой славный: тепло и слегка морозитъ. Я и самъ съ тобой поѣхалъ бы...

— Какъ можно! Намъ обоимъ нельзя бросить Лиду въ такое время,—возразила я.

— Да, да!—согласился онъ. А ты вотъ отвези-ка о. Пантелеймону эти деньги и сохранную роспиcку отъ него получи. Слава Богу! это послѣдній долгъ нашъ.

— Это пріятное порученіе! — засмѣялась я. Сегодня, значитъ, у насъ ужъ не будетъ ни копѣйки долгу.

— Да, только какъ же ты одна-то поѣдешь? Можетъ быть, ты взяла бы съ собой Мавру Савельевну или Өедосью.

— Зачѣмъ онѣ мнѣ? Что же можетъ со мной сдѣлаться дорогой? Точно я ребенокъ: безъ няньки ни на шагъ, — смѣясь замѣтила я.

— Ну, представь себѣ—какъ будто ты точно ребенокъ: все я чего-то боюсь за тебя. Это ужъ моя слабость. Впрочемъ, день отличный, небо такое ясное, а мой Максимовъ такой надежный кучеръ,—не то, что здѣшніе обломы! Поѣзжай одна.

Я сѣла въ открытыя сани, на облучкѣ которыхъ важно возсѣдалъ Максимовъ, бывшій деньщикъ мужа, по увольненіи въ безсрочный отпускъ отыскавшій своего прежняго господина и съ радостью нанятый имъ въ кучера. Мужъ заботливо укуталъ меня, сдѣлалъ нѣсколько наставленій Максимову, несмотря на свое къ нему довѣріе, и велѣлъ трогать.

Мы поѣхали по слегка оттаявшей отъ солнца, но еще крѣпкой, убитой снѣжной равнинѣ. Въ воздухѣ, несмотря на морозъ и на санный путь, уже пахло весной. Я давно уже не ѣздила одна, и мнѣ вдругъ вспомнилось мое дѣвическое время — время одиночества и свободы. Будто десятки лѣтъ прошли между нимъ

и нынѣшнимъ днемъ! Какая необъятная пропасть раскрылась между моимъ прошедшимъ—такая пропасть, что къ прошедшему уже не было возврата. Да я и отреклась отъ него, отреклась предъ лицомъ своего мужа и у изголовья своего ребенка. И въ самомъ дѣлѣ я своего прошлаго никогда и не вспоминала. Да вообще я не жила уже индивидуальною жизнью, съ тѣхъ поръ какъ родилась моя дочь: всѣ помыслы, всѣ интересы, всѣ даже мечты мои были не мои собственныя, а общія съ семьей. Да мнѣ и некогда было жить для себя: цѣлые дни проходили у меня въ непрерывной вознѣ съ ребенкомъ, въ тѣхъ мелкихъ, часто ненужныхъ заботахъ, на которыя такъ щедры любящія, но неопытныя матери. Едва оставалось мнѣ нѣсколько времени, чтобъ прочесть что-нибудь, да чтобъ погулять или покататься съ мужемъ. Да, я жила такой безукоризненной жизнью жены и матери, что—сама сознавала—вполнѣ заслуживала безпредѣльную привязанность мужа,—привязанность, доходившую до боготворенія. И совсѣмъ тѣмъ сегодня, когда вмѣстѣ съ запахомъ весны пахнуло на меня воспоминаніемъ прошлаго въ этой одинокой поѣздкѣ, я вдругъ почувствовала, что все-таки не умерло оно для меня, что оно мнѣ и теперь дорого, какъ дорога родина человѣку, навѣкъ отторгнутому отъ нея независящими отъ него обстоятельствами и вынужденному акклиматизироваться подъ чужимъ небомъ и между чужими людьми!... И такъ живо я это почувствовала, что меня даже будто совѣсть уколола. «Мало тебѣ твоего счастія! упрекнула я себя. Многимъ-ли женщинамъ дается такая счастливая, безмятежная жизнь, столько преданности и заботы со стороны мужа, славный ребенокъ, отсутствіе нужды и лишеній? Вѣдь это все, что нужно для счастія!... А счастлива-ли я? — навернулся вдругъ предательскій вопросъ. Еще-бы! чего же мнѣ еще не достаетъ! Кто-то гдѣ-то сказалъ, что *счастіе, какъ здоровье: если его не замѣчаешь, значитъ, оно есть*. Вотъ такъ и у меня: я не замѣчаю своего счастія, а оно есть»,—порѣшила я, стараясь разогнать всѣ эти докучныя мысли и думать о томъ, о чемъ нужно думать женѣ и матери — о своемъ очагѣ, о своей семьѣ.

— Спитъ-ли моя дѣвочка или плачетъ?—спросила я у себя. Вѣрно спитъ: довольно она наплакалась — цѣлую ночь. А какая у меня—нужно сознаться—легкая натура и пылкая голова! только отъѣхала немного отъ дома — и опять за прежнія бредни. Это все слѣдствіе фривольнаго воспитанія—эта неспособность сосредоточиться въ одномъ чувствѣ и въ одномъ помыслѣ, — повинилась я передъ собой... А вотъ и Завѣтное! Какъ мрачно смо-

тритъ теперь домъ-дворецъ въ своемъ запустѣніи! А обнаженный паркъ, какъ сиротливо стоитъ, изрѣдка только зеленѣя группами елей и сосенъ! Прежде все это было какъ-то и красивѣе, и привѣтливѣе... А вотъ и домикъ священника. Вотъ ужъ слишкомъ два года, какъ здѣсь... Ну, встряхнемъ съ себя грустныя воспоминанія! Миръ *его* праху!...

Марья Никитишна встрѣтила меня по обычаю въ сѣняхъ.

— А Александръ Семеновичъ? а Лидочка? Отлучили? О-охъ!— съ соболѣзнованіемъ покачивала головой старуха, принимавшая живѣйшее участіе во всѣхъ семейныхъ дѣлахъ.

О. Пантелеймонъ принялъ меня со всегдашнимъ радушіемъ, хотя, какъ мнѣ было достовѣрно извѣстно, онъ крѣпко не одобрялъ нашего богопротивнаго брака.

— Должокъ привезли? Ну, слава Богу! теперь, значитъ — Александръ Семеновичъ со всѣми квитъ. Хорошо они дѣла свои ведутъ—истинно сказать хорошо.

— Да ужъ такъ-то хорошо, что хоть бы и старымъ у нихъ, у молодыхъ, поучиться, замѣтила съ своей стороны и Марья Никитишна.

Разговоръ перешелъ затѣмъ опять на Лидочку, на плохой умолотъ овса, на новую вѣялку, купленную Карломъ Ивановичемъ *для экономіи*. Марья Никитишна засуетилась-было съ кофеемъ, но я наотрѣзъ отказалась и черезъ полчаса уѣхала.

«Какъ хорошо изрѣдка уединиться вотъ этакъ отъ всѣхъ заботъ, отъ всѣхъ тревогъ», подумалось мнѣ, между тѣмъ какъ лошади бѣжали мелкою рысью и предо мною мелькали то церковь, то паркъ, то дворецъ, то село... «Да неужели же я стала уже тяготиться заботой о дочери!» спохватилась я. «Нѣтъ! я не тягочусь ею, но эти рѣдкія минуты покоя и свободы — все-таки счастіе... Да развѣ я не счастлива?» опять спросила я. «Чего же мнѣ недостаетъ?.. А мнѣ не достаетъ полноты жизни», отыскался вдругъ неожиданный отвѣтъ.

«Несмотря что мой день полонъ заботъ, мнѣ все-таки скучно и пусто... Но это потому, что дочь моя еще мала, утѣшала я себя. Вотъ она подростетъ, станетъ понимать меня—тогда я перестану скучать. Жанъ-Поль сказалъ, что достойна презрѣнія та женщина, которая можетъ скучать, имѣя дѣтей... Придетъ весна, я буду попрежнему бродить по полямъ и рощамъ: въ прошломъ году мнѣ нельзя было далеко отлучаться отъ дома и отъ Лиды. И ее буду брать съ собою. Мы загоримъ и поздоровѣемъ. Я буду пѣть ей родныя пѣсни, сказывать сказки. Она сроднится сызмала съ природой; я научу ее любить природу и людей. Она

выростетъ, будетъ умная, добрая и счастливая. Только какъ же она будетъ счастлива—такъ какъ я? Такого-ли счастія я ей желаю? Нѣтъ! пусть далось бы ей другое счастіе, которое мелькнуло-было предо мной и безвозвратно исчезло и которое я пріучила себя называть бреднями... Ужъ не знаю, насколько оно возможно, но оно какъ будто лучше и желаннѣе моего!..

Когда я возвратилась домой, дѣвочка еще спала, изрѣдка всхлипывая во снѣ: ей вѣрно снилась прошлая ночь. Я поцѣловала ее и ушла въ свою комнату.

Пришла весна, потомъ лѣто, а мои мечты такъ и не сбылись: я не совершала дальнихъ экскурсій вмѣстѣ съ своей Лидой, я не пѣла ей пѣсенъ, не говорила сказокъ. Я сама гуляла только для моціона по настоятельнымъ просьбамъ мужа, а большую часть дня проводила дома, и опять меня томили разныя недомоганья, да нервное разстройство: я опять готовилась быть матерью.

Но нездоровье—нездоровьемъ, а кромѣ него на меня часто находило страшное уныніе: перспектива моей жизни въ будущемъ не казалась мнѣ заманчивою. «А что какъ пойдетъ надолго, пока я не состарѣюсь, та же исторія: беременность, роды, кормленіе, idem, idem, idem! думала я. Завидная участь! А я мечтала такъ тщательно воспитывать свою дочь! Какъ же это сдѣлать: воспитательницѣ необходимъ спокойный характеръ, ровное настроеніе, а тутъ не знаешь, что дѣлать съ собой: то волнуешься, то досадуешь на все, то весело тебѣ, то тоска невыносимая, то душишь дитя ласками, то раздражаешься отъ всякаго вздора... И дитя растетъ такое же нервное и раздражительное, а современемъ на него будутъ нападать за своенравіе и капризы».

Мужъ баловалъ Лиду безъ мѣры. Онъ былъ все тотъ же, ни на волосъ не измѣнился. Также любилъ и берегъ меня, также считалъ закономъ всякое мое желаніе; только отлучки его по хозяйству стали гораздо чаще и продолжительнѣе: семья прибывала, вмѣстѣ съ нею прибывали расходы, а чтобъ добыть лишній рубль, приходилось зорко слѣдить за хозяйствомъ,—и зорко, и неустанно. Мнѣ все чаще и чаще приходилось оставаться одной, и, правду сказать, я жестоко скучала. Вдобавокъ мнѣ почти нечего было читать. Старый князь Барскій, изъ эпохи Вяземскаго и Жуковскаго, покровитель русскаго просвѣщенія, умеръ въ годъ нашей свадьбы; сынъ его, всю жизнь проведшій въ чужихъ краяхъ и объ отечественномъ просвѣщеніи заботившійся какъ о прошло-

годнемъ снѣгѣ, тотчасъ же распорядился, чтобъ въ библіотеку Завѣтнаго книгъ больше не выписывали. Меня это ужасно огорчило.

— Чортъ ее побери, княжескую библіотеку! утѣшалъ меня мужъ. Мы сами выпишемъ сколько хочешь журналовъ. Назначь только какіе.

Но я знала, что денегъ у насъ не густо, расходовъ не мало, да и должишки водятся, и порѣшила выписать одну газету и журналъ. Я долго колебалась между «Современникомъ» и «Русскимъ Вѣстникомъ». Въ первомъ участвовали тогда лучшіе беллетристы наши, въ немъ же печатались «Очерки Гоголевскаго Періода»; но «Русскій Вѣстникъ» поражалъ насъ своимъ либерализмомъ, смѣлостью своей рѣчи, тономъ авторитета. «Это только цвѣточки, а будутъ и ягодки!» подумывали тогда, въ простотѣ сердечной, многіе, когда «Русскій Вѣстникъ» продергивалъ разныя авторитетныя лица, имѣвшія несчастіе выкинуть какую-нибудь глупость въ духѣ добраго стараго времени.

— Притомъ же «Современникъ» выходитъ разъ въ мѣсяцъ, а «Русскій Вѣстникъ» два раза, замѣтилъ какъ-то мужъ.

Это былъ очень вѣскій доводъ: получить одну или двѣ книжки въ мѣсяцъ съ почты — было немаловажнымъ шансомъ при выборѣ журнала для людей, прозябавшихъ въ такой непроглядной глуши. Мы порѣшили на «Русскомъ Вѣстникѣ».

Но, конечно, двухъ книжекъ въ мѣсяцъ было слишкомъ мало при моей привычкѣ къ чтенію и при способности, такъ сказать, проглатывать книгу разомъ. Тѣмъ болѣе я скучала. Конечно, я заботилась о Лидочкѣ, то-и-дѣло посматривала, чтобъ ее не простудили, не окормили, не обидѣли; всячески настаивала, чтобъ она всегда была у меня на глазахъ. Но слиться жизнью съ нею, сдѣлаться для нея ребенкомъ — я не могла; у меня не было для этого достаточно душевной ясности дѣтской простоты, можетъ быть благодаря особенностямъ моей натуры, вообще, а можетъ быть и благодаря временнымъ физіологическимъ причинамъ. Чтобъ наполнить день, я даже начала ходить сама на скотный дворъ — смотрѣть, какъ доятъ коровъ и поятъ телятъ; но какъ это было тоже очень скучное и совершенно безполезное занятіе, то оно мнѣ тотчасъ же надоѣло. Дѣло доходило до того, что мнѣ часто случалось играть по цѣлымъ вечерамъ вдвоемъ съ мужемъ въ ералашъ *на шереметевскія*...

Какъ-то среди лѣта пріѣхали къ намъ кузины.

Послѣ замужства я долго съ ними не видалась. Разъ, когда мы ѣхали въ уѣздный городъ посовѣтоваться насчетъ здоровья

Лиды съ докторомъ (новый владѣлецъ Завѣтнаго отказалъ своему врачу, находя, что для сельской больницы довольно и фельдшера), мужъ уговорилъ меня заѣхать къ тетушкѣ Авдотьѣ Марковнѣ. Кузины очень мнѣ обрадовались (ихъ самихъ одолѣвала скука), тетушка приняла съ родственнымъ радушіемъ, и наши прежнія отношенія возстановились.

— Что же ты подѣлываешь, Катя? Какъ поживаешь? спросила меня Маша, когда послѣ чаю мы усѣлись втроемъ подъ липою, между тѣмъ какъ Александръ бесѣдовалъ со старостою, а Лида спала въ своей постелькѣ.

— Да, вотъ, какъ видишь, отвѣчала я. *День за день, нынче какъ вчера!* Вожусь съ Лидой, немного читаю, немного хозяйничаю. Вечеромъ побренчу иногда на фортепьяно, пропою что-нибудь вполголоса, а больше всего — жду ночи. Какая соня я теперь стала! Мнѣ кажется, сонъ — величайшее наслажденіе.

— Ахъ, Катя! Какъ же ты, значитъ, скучаешь! — воскликнула Маша.

Прошло еще два года слишкомъ, у меня было уже трое дѣтей — и тотъ, кто знавалъ меня до замужства, навѣрное не узналъ бы ужъ меня теперь: я страшно похудѣла, какъ будто даже выросла вслѣдствіе этой исхудалости; что-то рѣзкое, жесткое и тоскливое проявилось во всѣхъ чертахъ моихъ и во всей моей фигурѣ. Мнѣ тяжело вспоминать, еще тяжеле говорить объ этомъ тягостномъ времени моей жизни, которая со стороны, вѣроятно, казалась и безмятежною и счастливою. Вѣдь люди такъ охотно любуются картинками семейнаго счастія, воображая его вездѣ, гдѣ не бросается имъ въ глаза особенныхъ безобразій, и не подозрѣвая, что почти въ каждой съ виду счастливой семьѣ происходитъ какая-нибудь скрытая драма, гдѣ есть и притѣснители, и угнетаемые, и Отелло и Дездемоны, и—что чаще всего—люди совершенно одинъ къ другому неподходящіе и другъ друга непонимающіе, и потому безнадежно и иногда безсознательно несчастные.

Вскорѣ послѣ того, какъ родился мой второй ребенокъ — бѣлокурый мальчикъ, живой портретъ отца, заболѣла Мавра Савельевна.

— Вотъ не дай Богъ, умретъ старуха,—поговаривалъ мужъ. Какъ безъ рукъ безъ нея останемся!

И изъ житейскаго разсчета столько, сколько изъ человѣколюбія, онъ дѣлалъ все возможное для ея излеченія: безпрестанно ѣздилъ къ ней фельдшеръ изъ Завѣтнаго, разъ даже доктора

привозили, выписывали лекарство, приставляли сидѣлокъ—но старуха все-таки умерла.

Я ее оплакала чисто изъ одного человѣколюбія: по своей непрактичности я не понимала, что̀ значить ея смерть для нашего домашняго обихода. Какъ только стало ей хуже, я назначила ключницей пожилую дворовую женщину, казавшуюся мнѣ особенно смышленой и расторопной, и затѣмъ была увѣрена, что все пойдетъ попрежнему. Но скоро, къ крайнему моему изумленію, у насъ оказался недостатокъ въ такихъ припасахъ, которые прежде бывали всегда въ избыткѣ, такъ что этотъ избытокъ продавали: недоставало, напримѣръ, масла, приходилось покупать яйца и т. п. Разъ утромъ я велѣла показать себѣ сегодняшній удой: его оказалось втрое меньше прежняго. Я потребовала объясненія у ключницы.

— Да какъ же, матушка-барыня! — бойко и увѣренно рапортовала она,—двѣ сѣрыя коровки, да черная, что̀ отъ Кукуевской попадьи, совсѣмъ стары стали, просто доить не стоитъ. А рыженькая, да комолая, да сѣрая, что изъ княжеской экономіи—всѣ съ первымъ телкомъ: что̀ съ нихъ возьмешь! Бурая—нѣмкато испорчена: надо быть вѣдьма ее по ночамъ доитъ. Только съ трехъ коровъ и есть прокъ...

— Конечно, плутуетъ ключница, — объяснялъ мнѣ потомъ мужъ.

И чтобъ открыть ея плутни, я шла сама вечеромъ на скотный дворъ и терпѣливо слѣдила, какъ доили коровъ, но молока оказывалось еще меньше, чѣмъ утромъ. За то какъ суетилась ключница, усиливаясь выказать все радѣніе свое о господскихъ дѣлахъ и коровахъ! Звонкій голосъ ея все время звучалъ то тамъ, то сямъ, и грузная фигура такъ и носилась по скотному двору, такъ и мелькала на моихъ глазахъ.

— Ну, Михѣичъ! ужъ говорю тебѣ — гляди за бурёнкой! И ты, Акулина, ночью навѣдывайся, — въ заключеніе спектакля приказывала она пастуху и скотницѣ. Ужъ я знаю, что вѣдьма ее выдаиваетъ. А старухамъ-то пойла, пойла побольше: вишь онѣ зубы-то съѣли.

Я возвращалась домой, досадуя на свою неумѣлость и раздумывая, какъ бы это поймать и уличить ключницу въ ея плутняхъ. Кстати впослѣдствіи оказалось, что той вѣдьмой была кума ключницы, жена пастуха Михѣича, по болѣзни избавленная отъ барщины и, несмотря на болѣзнь, успѣвавшая раза два въ день слетать въ поле, чтобъ выдоить лучшую изъ стада корову...

Извѣстно, что многіе противники женскаго труда возбра-

няютъ женщинамъ многія *мужскія профессіи*, подъ предлогомъ, что эти профессіи очерствляютъ и огрубляютъ человѣческую натуру. Кто же это выдумалъ, что занятіе женскимъ хозяйствомъ имѣетъ благотворное вліяніе! Чтó можетъ такъ опошливать человѣка, какъ эта вѣчная мелкая возня съ мелкимъ дѣломъ, копѣечные интересы и разсчеты, ежедневныя стычки, война на жизнь и на смерть между хозяйкой и прислугой изъ-за пламеннаго желанія украсть или сберечь лишній грошъ или лишнюю крынку молока, разныя ухищренія и подглядыванья съ той же цѣлью!... Для меня эти невыносимыя дрязги были каплею, переполнившею горькую чашу. Иногда, припоминая подробности какой-нибудь грязной сцены, въ которой я доходила до крика и брани, я съ ужасомъ догадывалась, что вотъ *это-то* и есть настоящее *паденіе*, а не то, чтó называется такъ въ старинныхъ романахъ. Я давала себѣ слово бросить эту грязную возню, назначила ключницей свою Ѳедосью и нѣкоторое время не вмѣшивалась ни во чтó. Но нужда сказывалась намъ сильнѣе и сильнѣе; подошли два неурожайныхъ года сряду, да скотскій падежъ. Жить ни о чемъ не заботясь опять стало казаться мнѣ недобросовѣстнымъ; я опять начинала присматривать за хозяйствомъ, наталкивалась на страшнѣйшіе безпорядки, несмотря на всю неумѣлость свою открывала цѣлый рядъ мелкихъ хищеній, возмущалась, сердилась, проклинала свою жизнь... Понятно, каково это отзывалось на семьѣ, на тѣхъ дѣтяхъ, которыхъ я носила, кормила и воспитывала!... Я сдѣлалась страшно придирчива, вымѣщала свои непріятности на мужѣ, на прислугѣ; мужъ этимъ очень огорчался, хоть и старался переносить мои вспышки терпѣливо. Однихъ дѣтей я щадила, или по крайней мѣрѣ старалась щадить, и съ безграничною снисходительностью переносила ихъ капризы и шалости, очень хорошо понимая, какое вліяніе должны были имѣть на ихъ развитіе мой характеръ, моя жизнь и вся наша обстановка. Сначала я мечтала разумно воспитывать ихъ, выписывала педагогическія сочиненія, которыя при чтеніи казались мнѣ очень убѣдительными; но примѣненіе ихъ къ дѣлу оказывалось и неудобнымъ и часто невозможнымъ, и часто приводило къ самымъ неожиданнымъ и нежеланнымъ результатамъ. Можетъ быть, *я* не годилась для педагогіи, но я сочла, что педагогія не годится для жизни, и перестала вѣровать въ педагогію настоящаго, считая ее младенцемъ, можетъ быть много обѣщающимъ въ будущемъ, но пока совершенно безсильнымъ. Мало-помалу я отвыкала отъ надежды и мечты *разумно* воспитывать дѣтей; я старалась только не обижать ихъ и сколько можно меньше

ихъ испортить. Я начинала думать, что и воспитательницей нужно родиться, и что при извѣстныхъ, неблагопріятныхъ обстоятельствахъ никакой воспитательскій талантъ не пособитъ.

А относительно мужа во мнѣ было словно два различныхъ человѣка. Все еще мужъ мнѣ былъ очень дорогъ; я не могла не цѣнить его безпредѣльной преданности: когда онъ бывалъ боленъ, я просиживала надъ нимъ ночи и чувствовала себя безконечно счастливою, если ему дѣлалось лучше; когда онъ былъ далеко отъ меня, я, казалось, готова была за него въ огонь и въ воду, но вмѣстѣ съ тѣмъ я очень ясно замѣчала въ себѣ что-то въ родѣ безотчетнаго отвращенія къ нему. Женщина съ такимъ настроеніемъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ непремѣнно пошла бы въ монастырь. «Вотъ, счастливая наша женская доля! съ горечью иронизировала я. Съ 16 — 17 лѣтъ нашъ будущій супругъ привыкаетъ къ безобразнымъ излишествамъ и неописанному цинизму; потомъ, лѣтъ въ тридцать женится, съ похвальнымъ намѣреніемъ пребывать вѣрнымъ супругомъ. И эта избранная въ то же время должна родить и кормить дѣтей, вѣдаться съ безконечными дрязгами домашняго обихода и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять невозмутимую ясность духа, нужную ей, чтобъ услаждать жизнь мужа и правильно воспитывать дѣтей. Семья размножается съ виду благополучно, и супругъ благодѣнствуетъ, хоть иногда и задыхается дома отъ скуки; а чаще является домашній адъ, для постороннихъ невидный, но тѣмъ болѣе еще для дѣйствующихъ и прикосновенныхъ лицъ ощутительный!.. Я конечно очень настойчиво скрывала отъ мужа то, что было обиднаго для него въ моемъ чувствѣ и моей мысли. Я понимала, какъ бы страшно его поразило, еслибъ онъ это узналъ. Онъ не сталъ бы искать причинъ моего отчужденія, онъ не повѣрилъ бы, что я во всемъ этомъ нисколько не виновата и что природа имѣетъ такія сильныя права, что гони ее въ дверь, она влетитъ въ окно, онъ или возненавидѣлъ бы меня или... попросту погибъ бы самъ. Словомъ, разрывъ въ такомъ случаѣ былъ бы неизбѣженъ. Въ минуты особенно тяжелыя мнѣ казалось, что и разрывъ лучше, чѣмъ такая жизнь, но эти безотрадныя минуты являлись рѣдко и не надолго. «А дѣти? а нищета? а его погибель?» вспоминалось мнѣ... Мнѣ было и совѣстно, и жаль его: слѣдовала реакція,—я словно опять его любила. Не малымъ бѣдствіемъ для меня въ моей бѣдственной жизни было также безлюдье и безкнижіе. Мнѣ не съ кѣмъ было поговорить откровенно, и я мало-по-малу почти разучилась говорить. Въ обществѣ нашихъ сосѣдей я дѣлала короткіе вопросы, давала короткіе отвѣты,

а чаще всего молчала. При кузинахъ у меня вырывалось изрѣдка горькое слово, но я знала, что онѣ не поймутъ меня, не могутъ мнѣ сочувствовать—и спѣшила умолкнуть. Съ мужемъ я говорила о дѣтяхъ, о домашнихъ дѣлахъ, но другихъ разговоровъ старалась избѣгать изъ опасенія затронуть какое-нибудь больное мѣсто его или свое... А между тѣмъ во мнѣ сильно и больно сказывалась потребность общенія съ разумнымъ человѣческимъ обществомъ!.. Я дошла до того, что если у насъ въ семьѣ показывалась болѣзнь, не угрожавшая серьёзной опасностью,—среди заботы и тревоги я чувствовала нѣчто въ родѣ радости при мысли, что пріѣдетъ докторъ и я увижу *живого человѣка*. Докторъ нашъ (русскій нѣмецъ изъ дерптскаго университета) не былъ впрочемъ живымъ человѣкомъ: это была благообразная, благопристойная, исправно врачующая машина. Пріѣзжая къ намъ, онъ разспрашивалъ о болѣзни, давалъ совѣты, обѣдалъ, если дѣло приходилось въ обѣденную пору, при этомъ выговаривалъ нѣсколько общихъ мѣстъ или объявлялъ какія-нибудь давно извѣстныя новости и, получивъ малую толику, уѣзжалъ, не давши повода побезпокоиться моему мужу, который всегда ощущалъ нѣкую тревогу, если мнѣ случалось завести сколько-нибудь оживленный разговоръ съ какимъ бы то ни было субъектомъ мужского пола.

Знаете ли вы, что́ такое книга для человѣка, живущаго въ деревенской глуши, на совершенномъ безлюдьи, вдали отъ умственныхъ интересовъ общества? Вѣдь это единственная нить, связующая его съ цивилизованнымъ міромъ, это единственная вѣсть изъ того міра, единственное напоминаніе о томъ, что есть жизнь шире и разумнѣе его жизни съ мелкими заботами и микроскопическими интересами. Я помню, какое произвела на меня впечатлѣніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» личность Базарова. Правда, во всей повѣсти онъ не сказалъ ни одного симпатичнаго мнѣ слова, не затронулъ ни одного близкаго мнѣ вопроса, но я это такъ понимала: онъ вращался въ кругу и говорилъ съ такими людьми, что и не могъ говорить иначе. Въ Базаровѣ я видѣла и чтила не только мощную, богато-одаренную натуру, но и типъ *новаго человѣка*, озлобленнаго противъ стараго міра, который и мнѣ со всякимъ годомъ казался менѣе сносенъ... Только отъ новаго человѣка могла я услышать живое слово, котораго жаждала и смыслъ котораго какъ-то смутно предчувствовала. Еслибъ мнѣ сказали тогда, что молодое поколѣніе обидѣлось на Тургенева за Базарова—я бы не повѣрила. Порой мнѣ казалось, что гдѣ-то и когда-то я знала личность похожую на Базарова, художественному изображенію котораго такъ неловко и неудачно потомъ

противуставляли ярко намалеванныя фигуры измышленныхъ новыхъ людей!..

Въ этихъ исканіяхъ новаго слова я съ жадностью набрасывалась на всякій попадавшійся мнѣ нумеръ русскаго журнала, на всякую книгу и всегда почти разставалась съ ними съ разочарованіемъ и досадою. Разъ пріѣхалъ къ намъ зять о. Пантелеймона, который недавно передъ тѣмъ скончался. У старика не было сыновей, и зять, по установившемуся у насъ въ духовенствѣ обычаю, унаслѣдовалъ его богатый приходъ.

— Что это — «Русскій Вѣстникъ»? спросилъ у меня либеральный попъ. Это вы выписываете? Чтожъ—хорошее дѣло! А я вотъ такъ еще лучшее изданіе получаю—«Русскую Бесѣду», органъ такъ-называемыхъ славянофиловъ. Вы незнакомы?

— Нѣтъ, отвѣчала я.

— Ознакомьтесь. Очень хорошо и въ высшей степени назидательно, посовѣтовалъ попъ. Не хотите ли дѣлиться съ нами книгами? Я, конечно, согласилась. Сначало очень дико и странно казалось мнѣ мое новое чтеніе, потомъ я вчиталась и попривыкла; даже почувствовала нѣчто въ родѣ симпатіи къ славянофиламъ. Ладономъ и тлѣномъ пахло отъ ихъ ученія, но въ нихъ просилось наружу непритворное чувство любви къ народу,—чувство своеобразное, на особый ладъ, но все-таки искреннее и живое; отъ нихъ все-таки порой случалось услышать честную мысль, горячее искреннее слово, но отъ тѣхъ другихъ московскихъ менторовъ нашихъ, кромѣ либеральныхъ словъ да олимпійскихъ громовъ ничего уже не слышалось.

Между тѣмъ время шло. Въ продолженіе этихъ лѣтъ совершилось давно ожидаемое одними, и страшное другимъ событіе, такъ-называемая «эмансипація». Я порадовалась, но слегка, немножко, будто по обязанности или изъ приличія: я утратила тогда способность сильно радоваться чужой радости и горячо скорбѣть отъ чужихъ печалей...

Разъ мой мужъ поѣхалъ въ уѣздный городъ, чтобы привести ко мнѣ доктора. Я совсѣмъ разболѣлась. Прежнее мое нервное разстройство мужъ считалъ кажется не болѣзнью, а просто капризами, но года черезъ полтора по рожденіи третьяго ребенка, при новой беременности, показались симптомы, которые его встревожили.

Мы слышали передъ тѣмъ, что въ городъ пришелъ на стоянку гусарскій полкъ, который состоялъ прежде въ одной дивизіи съ

тѣмъ, гдѣ служилъ мужъ. Уѣзжая, мужъ упоминалъ о возможности встрѣтить старыхъ знакомыхъ. Онъ шелъ къ доктору пѣшкомъ по главной улицѣ городка, какъ показалась щегольская легкая коляска парой вороныхъ; сидѣвшій въ ней офицеръ пристально всматривался въ мужа, тотъ взглянулъ тоже и сейчасъ же узналъ своего бывшаго однополчанина, старшаго товарища и собутыльника, князя Ратиборъ-Мстинскаго.

— Такъ, это ты и есть?—заговорилъ князь, останавливая лошадей и выскакивая изъ экипажа. А я все хлопочу какъ бы розыскать тебя.

Они облобызались тутъ же, на срединѣ главной улицы. Это было впрочемъ въ духѣ патріархальныхъ здѣшнихъ нравовъ.

— Такъ ты, братъ, помѣщикъ и отецъ семейства—я слышалъ, сказалъ князь.

— Да, трое дѣтей... отвѣчалъ мужъ. А ты уже въ этомъ полку?.

— Да, я имъ командую. А ты и не зналъ?—Экой чудакъ! забрался себѣ въ свой медвѣжій уголъ, сосетъ лапу и знать ничего не хочетъ. Поѣдемъ ко мнѣ?

— Да мнѣ нужно отыскать доктора... началъ возражать мужъ.

— Чтожъ, у тебя боленъ кто серьёзно, что ли? минуты дороги? спросилъ князь.

— Нѣтъ, не то чтобъ боленъ...

— Ну, такъ успѣемъ еще съ докторомъ, перебилъ князь. Садись—поѣдемъ!

Они поѣхали. Въ концѣ улицы, выходя одной стороной на соборную площадь, виднѣлся просторный красивый домъ, передъ крыльцомъ котораго торчала будка, стоялъ зеленый ящикъ и ходилъ часовой... Они усѣлись въ кабинетѣ князя.

— Ну, какъ же тебѣ живется? спросилъ въ свою очередь и мужъ.

— Да какъ тебѣ сказать? живется ничего-себѣ, да скука, братъ, теперь въ полкахъ!.. Старые-то разбрелись кто-куда, а молодежь...

Онъ махнулъ рукой.

— Для молодежи мы, братъ, стары становимся, смѣясь замѣтилъ мужъ.

— Нѣтъ, не то! ей-Богу не то! Я, другъ любезный, никогда душой не состарѣюсь—

Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода!

съ шутливымъ паѳосомъ продекламировалъ князь, показывая на свои густые, съ замѣтною просѣдью волосы.

— Такъ-то, милый другъ! прибавилъ князь. Я не о томъ говорю. *Людей* нынче нѣтъ у насъ — вотъ что?

— Какъ же это такъ? спросилъ мужъ.

— Да такъ! Прежде военная служба была единственной почетной и выгодной службой. Всякій ее искалъ. Развѣ ужъ кто въ книжную премудрость ударится или тамъ другой — изъ знати, дипломатіей соблазнится,— а то всѣ въ полкъ угодять! Ну, была и шваль — нечего говорить! За то что и за-люди случались! А нынче тотъ идетъ въ военную службу, кто больше никуда не годенъ.

— Ну, за то теперь заботятся объ образованіи офицеровъ, замѣтилъ мужъ. У насъ вѣдь сколько безграмотныхъ почти было.

— Да. Они затѣваютъ тамъ усилить экзамены; думаютъ поднять уровень... Да только ничего не подѣлаютъ! Время военщины прошло, братъ, на Руси безвозвратно. Вотъ тебѣ и весь мой сказъ. Служишь потому, что всю жизнь нажилъ на этой службѣ. Привычка вторая натура... Ну, а ты какъ? У тебя, говорятъ, жена восьмое чудо въ свѣтѣ.

— Т.-е. какъ это восьмое чудо? встревожился мужъ.

— Да такъ! и артистка — говорятъ — знаменитая, и красавица, и умница, и добродѣтель безукоризненная. Все это, братецъ, я тутъ прослышалъ къ сердечному моему удовольствію.

Мужъ конечно смутился (это впрочемъ мое предположеніе, между тѣмъ какъ весь разговоръ я привожу со словъ мужа: я всегда замѣчала, что напоминаніе о моей сценической карьерѣ кажется ему щекотливымъ).

— Ну, а дѣла твои какъ? спросилъ князь.

Мужъ коротко объяснилъ, что дѣла его не совсѣмъ хороши: что эмансипація нарушила старый хозяйственный порядокъ, а новый еще не установился и вѣроятно не скоро установится, и вслѣдствіе этого помѣщичьи дѣла вообще теперь въ плачевномъ состояніи; также и у него.

— А помѣстье же твое какъ велико? спросилъ князь.

Мужъ объяснилъ. Князь покачалъ головою.

— Что-жъ тебѣ за охота, братецъ, корпѣть надъ нимъ! выговорилъ онъ. Чтó ты изъ него выжмешь для такой семьи, какою угрожаетъ быть твоя?

— Что-жъ дѣлать! сказалъ мужъ.

— *Въ полкъ—эскадронъ дадутъ*, Грибоѣдовскимъ стихомъ отвѣчалъ князь. Поступай ко мнѣ. Я тебѣ это дѣло живо обдѣлаю.

— Оно бы хорошо! сказалъ мужъ. Да только походная жизнь для семейнаго человѣка слишкомъ неудобна!

Князь посвисталъ укоризненно.

— И кто это выдумалъ, братецъ, что такъ страшна она семейнымъ людямъ! выговорилъ онъ. Да жизнь мелкаго помѣщика во сто разъ хуже. И — прежде всего — вотъ что: мы съ тобою долго вмѣстѣ служили, а много-ли мы жили *походною жизнью*? Развѣ эти передвиженья изъ деревни въ городъ, изъ одной губерніи въ другую сосѣднюю—развѣ это походная жизнь. Да часто ли бываютъ и такія передвиженія. Нашей дивизіи, братъ, въ этомъ отношеніи благодать Божія: вотъ въ Польшѣ бунтъ былъ — сколько туда войска ушло, а насъ вишь въ какую трущобу загнали!..

И князь долго и подробно принялся перебирать удобства и неудобства военной и помѣщичьей жизни. Мужъ слушалъ, и начиналъ понемногу соглашаться съ нимъ: ему самому трудно дались послѣдніе два года...

— Ну, а докторъ же тебѣ зачѣмъ теперь нуженъ? спросилъ потомъ князь.

— Да жена нездорова: все кашляетъ и худѣетъ, отвѣчалъ мужъ. Простудилась должно быть.

— Да, можетъ быть и простудилась, согласился князь. А можетъ быть попросту чахнетъ съ тоски въ твоемъ хуторишкѣ. Ты кого-жъ хочешь звать?

— Беренса; онъ у насъ всегда лечитъ.

— Онъ, говорятъ, кое-что смыслитъ — даромъ что такой прилизанный и деревянный. Не на твоемъ мѣстѣ я пригласилъ бы нашего младшаго доктора: тотъ молодецъ, хоть и молодъ. Да вотъ я тебя познакомлю съ нимъ; онъ будетъ къ обѣду.

Къ двумъ часамъ стали сходиться обѣдать; явились должностные, пріѣзжіе изъ эскадроновъ, штабъ-лекарь, небольшой человѣчекъ съ просѣдью и съ нѣмецкимъ акцентомъ, еще кое-кто изъ холостыхъ офицеровъ и даже изъ женатыхъ. Князь всякому былъ радъ, было бы только полно и шумно въ домѣ. Послѣ всѣхъ, когда ужъ садились за столъ, явился молодой докторъ, извиняясь, что раньше не успѣлъ отдѣлаться отъ больныхъ. Князь познакомилъ его съ мужемъ, усадилъ ихъ рядомъ за обѣдомъ, но мужъ все-таки привезъ Беренса.

Докторъ порасспросилъ меня, выслушалъ грудь къ великому смущенію мужа (онъ втайнѣ находилъ, что всякое прикосновеніе къ женщинѣ посторонняго мужчины почти равняется ея оскер-

нецію), подумалъ немного и выговорилъ своимъ до-нельзя отчетливымъ языкомъ:

— Я не нахожу, чтобъ вы были чѣмъ-нибудь больны. Вы просто изнурены частыми родами, кормленіемъ. Пожалуй, я пропишу вамъ какія-нибудь укрѣпляющія средства, но вамъ нужнѣе всего покойная жизнь, достаточный моціонъ и продолжительное отдохновеніе — словомъ, привольная жизнь... и развлеченіе, прибавилъ онъ оглянувшись кругомъ.

По отъѣздѣ его мужъ подробно передалъ мнѣ разговоръ свой съ княземъ и просилъ моего мнѣнія. Я подала его *за* предложеніе князя, но мужъ никакъ не могъ вдругъ рѣшиться.

Въ его натурѣ было много консервативнаго элемента: онъ имѣлъ удивительную способность привыкать къ мѣсту, къ людямъ, къ дѣлу до того, что всякая перемѣна казалась ему чуть не несчастіемъ. Но жить въ деревнѣ намъ приходилось жутко: земля давала доходъ самый ничтожный вслѣдствіе наступившаго кризиса; получаемыя деньги такъ и таяли, не успѣвая покрыть и половины расходовъ,—приходилось дѣлать долги.

Въ ветхомъ домѣ жить становилось невыносимо: дуло отъ половъ, отъ оконъ; кромѣ того, домъ былъ и теперь уже тѣсенъ для нашей семьи, а дѣлать пристройки къ дряхлому, покривившемуся строенію не было разсчета, на постройку же новаго дома у насъ не хватало средствъ. Отношенія съ нанятой прислугой были нѣсколько честнѣе и сноснѣе, но нанимать много людей было дорого; приходилось мнѣ самой браться за многое, а въ моемъ положеніи, при моемъ нездоровьи и непривычкѣ къ труду такого рода, это только усиливало мое разстройство. Правда, мужъ былъ большой оптимистъ: все казалось ему, что дѣло какъ-нибудь устроится и поправится, и мы заживемъ припѣваючи.

Кромѣ того, кажется, мужа смущала еще мысль, что я буду жить въ кругу молодежи, да еще молодежи гусарской—праздной, веселой, склонной къ волокитству. Смущалъ его и будущій полковой командиръ, которому въ качествѣ стараго сослуживца и пріятеля приходилось быть—такъ сказать—другомъ дома; но мужъ съѣздилъ еще раза два въ полкъ, узналъ, что у князя живетъ какая-то француженка, къ которой онъ страстно привязанъ, поприсмотрѣлся къ молодежи—и кажется на этотъ счетъ успокоился.

А я всѣми силами души желала перемѣны, хоть какой-нибудь перемѣны! *«Хочь гирше, та инше!»* повторяла я про себя малороссійскую поговорку, которую когда-то слышала отъ покойной тетушки.

Когда наконецъ пріѣхалъ къ намъ князь и, вѣроятно, подъ

вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на него нашей убогой обстановкой и моей молчаливой, преждевременно отцвѣтшей личностью, сталъ опять настойчиво уговаривать мужа идти на службу, я все-таки молчала. Но я со страхомъ слѣдила за выраженіемъ лица Александра и будто воскресла, когда увидѣла, что онъ рѣшился.

Положено было, что онъ немедленно поступитъ на службу, къ осени получитъ эскадронъ, и тогда уже, оправившись послѣ родовъ, я переѣду къ нему въ уѣздный городъ. Такъ и сдѣлалось. Весну и лѣто мужъ прожилъ большею частью дома; въ августѣ уѣхалъ принять эскадронъ и приготовить помѣщеніе мнѣ съ семьей.

Я въѣзжала въ Синегорскъ позднимъ вечеромъ въ началѣ октября, и когда взглянула съ горы на лежавшій внизу городокъ, онъ показался мнѣ такимъ бѣленькимъ, чистенькимъ, хорошенькимъ, какимъ никогда не казался. Я поддалась самому идиллическому настроенію. «Здѣсь вѣрно многіе умѣютъ быть счастливыми!» думала я, представляя себѣ въ розовомъ свѣтѣ мирную и безмятежную жизнь тихаго городка. Такъ привѣтливо свѣтились въ окошкахъ его домовъ, такъ красиво серебрилась съ двухъ сторонъ широкая и полноводная рѣчка, и такъ рада я была перемѣнѣ жизни, что готова была счесть это мѣсто земнымъ раемъ. Мужъ занялъ для насъ уютную и просторную квартиру въ концѣ города. Мы устроились довольно сносно. Мужъ помнилъ хорошо, что въ числѣ прочаго Беренсъ совѣтовалъ мнѣ развлеченіе, и очень настойчиво предлагалъ мнѣ познакомиться съ уѣздными и полковыми дамами. Но я рѣшительно не соглашалась. Во-первыхъ, если не своимъ опытомъ, то по слухамъ знала, что̀ такое обыкновенно уѣздное общество и особеннаго удовольствія отъ этихъ знакомствъ не ожидала; во-вторыхъ, я страшно одичала въ своемъ захолустьи, совершенно отстала отъ модъ и обычаевъ т.-н. образованнаго круга: меня смущала и пугала одна мысль объ этихъ визитахъ, о кринолинахъ бочкой, о шиньонахъ въ видѣ мѣшка за спиною, о шлейфахъ въ три аршина. Притомъ же мнѣ рѣшительно некогда было выѣзжать и принимать. Тотъ, кто близко не присматривался къ жизни матери большого семейства, не можетъ и понять, какъ занято и полно мелкой суетой все ея время! Она рѣшительно не можетъ располагать собой ни часа въ день...

Послѣ ночи, проведенной на-половину безъ сна, такъ какъ я кормила меньшого сына, я просыпаюсь часто въ шесть-семь

часовъ утра, разбуженная шумомъ въ сосѣдней дѣтской. Я накидываю блузу и бѣгу туда: всѣ дѣти кричатъ.

— Мама! у меня пуговица отъ панталонъ оторвалась. Няня не хочетъ пришить, жалуется Лида.

— Мама! няня меня несколо одѣваетъ, жалуется картавя Миша.

— Не двадцать рукъ!.. ты бы ее больше тянула! огрызается нянька.

Наташа ни на кого не жалуется, но сидя на коврѣ, одѣтая, писклиᴠо и однообразно кричитъ: тяю, тяю, тяю!

Я наскоро пришиваю пуговицу, пытаюсь, хотя тщетно, уговорить Мишу, чтобъ онъ менѣе торопился, и бѣгу въ столовую. Самоваръ не поданъ. Я начинаю звонить изъ всей силы. Является нашъ деньщикъ, ех-половой изъ ярославскихъ мѣщанъ: летя на всѣхъ парусахъ, онъ какъ игрушку несетъ въ рукахъ объемистый самоваръ, покачивая его изъ стороны въ сторону. Я завариваю чай, но шумъ въ дѣтской дѣлается сильнѣе и сильнѣе; нужно навѣдаться еще разъ.

— Мама! я хоцу класную лубаску, а няня не даетъ! жалуется опять Миша.

— А гдѣ мнѣ ее взять! она въ грязномъ бѣльѣ, возражаетъ нянька.

Наташа также однообразно тянетъ свое—тяю! тяю! хотя Лида, въ намѣреніи развлечь ее, давно уже поетъ передъ нею, приплясывая и прищелкивая пальцами. Я уговариваю Мишу надѣть ту рубашку, которую ему подаютъ — онъ начинаетъ вопить еще громче. Ко мнѣ присоединяется Лида, но мальчикъ вдругъ вцѣпляется ей ручонками въ волосы. Крикъ и пискъ невообразимые! Является мужъ; послѣ тщетныхъ попытокъ унять дѣтей добрымъ словомъ, онъ начинаетъ неистово кричать и топать ногами. Дѣти понемногу стихаютъ. Мы идемъ пить чай. За чаемъ рѣдко дѣло обходится благополучно: то няня дастъ Наташѣ неостывшаго чаю, то Миша и Лида найдутъ по своему вкусу одинъ и тотъ же сухарь, то Миша выльетъ себѣ цѣлую чашку чаю на колѣни, и т. д. и т. д. Наконецъ, чай конченъ, а половой докладываетъ, что пришла кухарка съ базара. Я иду смотрѣть провизію и счесть расходъ: кухарка съ раскраснѣвшимся какъ маковъ цвѣтъ носомъ, начинаетъ разсказывать огорченнымъ тономъ, какъ сегодня все дорого на базарѣ, и называетъ цѣны въ самомъ дѣлѣ очень высокія. Я высказываю сомнѣніе, чтобъ такъ вдругъ все вздорожало.

— Убей меня Богъ, барыня, все такъ дорого, такъ дорого, что не докупишься! съ паѳосомъ подхватываетъ кухарка и начинаетъ

подробно высчитывать, въ доказательство истины своихъ словъ, какъ да какъ она обругала ту или другую торговку за ихъ *безбожный запросъ*. Не я прерываю ее на самомъ патетическомъ мѣстѣ, наскоро заказываю обѣдъ и спѣшу въ спальную, гдѣ неистовымъ крикомъ надрывается меньшой сынъ, котораго пора покормить. Ребенокъ скоро засыпаетъ, и я съ удовольствіемъ подумываю, что вотъ сейчасъ я причешусь и одѣнусь. Я въ самомъ дѣлѣ распускаю волосы и берусь за гребешокъ.

— Мама! мамочка! врываются ко мнѣ старшія дѣти. Дай намъ книжку съ картинками, что у тебя въ комодѣ, — говоритъ Лида.

— Дай, мамоцка, дай! — повторяетъ Миша, подбираясь къ комоду.

— Дѣти! у меня право нѣтъ книжки съ картинками въ комодѣ, увѣряю я. Она осталась въ деревнѣ. Я ее велю привезти.

— Нѣтъ, мамочка! она у тебя въ комодѣ, увѣряетъ Лида. Посмотри-ка! я знаю — ты часто положишь что-нибудь куда-нибудь, да и забудешь. Посмотри, мамочка!

— Мамоцка, посмотли! съ настойчивой мольбой выговариваетъ и Миша. Я открываю наконецъ всѣ ящики комода поочередно: книжки нигдѣ не оказывается. Лида задумывается.

— Такъ она вѣрно у тебя въ шкафѣ, догадывается она. Посмотри въ шкафѣ, мама!

— Дайте же одѣться, дѣти! начинаю урезонивать я. Но дѣти не слушаютъ и также настойчиво требуютъ книжки, которая осталась въ деревнѣ. Я долго и тщетно усиливаюсь ихъ урезонить.

— Подите прочь! говорю я наконецъ, выведенная изъ терпѣнія безпрестанными и неотступными приставаніями. Подите прочь! пока я не одѣнусь, я не буду искать вамъ книжки.

Лида сердится, Миша начинаетъ хныкать; однакожъ оба уходятъ. Чрезъ минуту я слышу страшный стукъ и крикъ въ гостинной, и бѣгу туда съ гребешкомъ въ рукѣ и съ распущенными волосами. Оказывается, что Миша повалилъ на себя ломберный столъ. Испуганная Лида стояла на мѣстѣ, какъ статуя ужаса, Наташа кричала на рукахъ у няньки; а няня, какъ поваръ въ баснѣ Крылова, читала шалуну рацею. Ех-половой одинъ нашелся, и не успѣла я подбѣжать къ столу, какъ онъ поднялъ его, отодвинулъ и вслѣдъ затѣмъ поставилъ на ноги Мишу.

— Вотъ, мама! Еслибъ ты дала намъ книжку, мы бы ее разсматривали, и Миша бы не шалилъ!

Я возвращаюсь къ себѣ, душевно сожалѣя, что не привезла изъ деревни книжки, которую, впрочемъ, спрятала потому, что

она очень надоѣла дѣтямъ, такъ что они принялись вырывать изъ нея листки. Нѣкоторое время въ домѣ тихо и спокойно и я, заплетая и закручивая кое-какъ свою длинную косу, начинаю завидовать тѣмъ матерямъ, у которыхъ мало дѣтей и чьи дѣти слѣдуютъ послѣ длинныхъ промежутковъ. «Въ четыре-пять лѣтъ женщина, физически здоровая и нравственно спокойная, можетъ придти съ своимъ дитятею къ добрымъ результатамъ, даже если у нея мало воспитательнаго таланта»,—думала я. И потомъ вдругъ мнѣ вспоминалась покойная тетушка, за которой дѣти такъ и бѣгали и которая никогда съ ними не скучала, хотя своихъ у ней никогда не было. «Вотъ у нея былъ этотъ талантъ, конечно, въ зародышѣ»—рѣшала я.—«Конечно, изъ тѣхъ сказокъ и разныхъ пѣсенъ и прибаутокъ, которыя она разсказывала или пѣла дѣтямъ, были такія, какихъ я не дозволила бы слушать моимъ дѣтямъ, но получи тетушка иное образованіе, она нашла бы другія сказки и другія пѣсни!..»

— Баринъ приказали подать закусить,—звонко выкрикивалъ у закрытой двери деньщикъ.—Г-нъ майоръ Соловьевъ и г-нъ судья пожаловали.

Я шла достать вина и водки все еще не одѣтая. Потомъ опять просыпался грудной ребенокъ, я опять садилась его кормить и только къ обѣду мнѣ удавалось одѣться кое-какъ, да и то не всегда.

Послѣ обѣда мужъ засыпалъ, люди шли обѣдать, а я брала Наташу на руки и садилась между дѣтьми въ дѣтской, стараясь занять ихъ чѣмъ-нибудь, чтобъ они не шумѣли: мужъ всегда сердился, если мѣшали его короткому послѣобѣденному сну. Я и сама не прочь была заснуть, но мнѣ это было несовсѣмъ возможно. Если погода была сносная, дѣти шли гулять съ няней. Это былъ лучшій часъ въ теченіи дня. Я бралась за книгу и, если былъ здоровъ меньшой сынъ, мнѣ удавалось почитать, или скроить что-нибудь для дѣтей, сметать какой-нибудь передничекъ или рубашку. Но возвращались дѣти—и опять начинался шумъ и суета. Одинъ просилъ поскорѣе раздѣть его, Миша требовалъ яблока, Наташа озябла и жалобно хныкала... Просыпался мужъ; если ему удалось заснуть въ мѣру—онъ былъ веселъ, звалъ къ себѣ дѣтей, игралъ съ ними, иногда посылалъ въ лавки за лакомствомъ. Если онъ былъ не въ духѣ, онъ дѣтей къ себѣ не звалъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и только ворчалъ понемногу, пока не ставили передъ нимъ стаканъ чаю. Тогда онъ прояснялся. За чаемъ почти всегда повторялось что-нибудь въ родѣ утрен-

нихъ эпизодовъ, а послѣ чаю, мужъ щелъ въ гости или клубъ, а дѣти, пошумѣвши еще всласть, отправлялись спать.

Я могла тогда спокойно заняться чѣмъ угодно, но утомленная до-нельзя суматохой дня, я отдавала наскоро приказанія на завтрашній день и ложилась спать.

Конечно, день-на-день не приходился. Вчерашнія сцены разнообразились сегодня новыми варіантами. Иногда передъ самымъ обѣдомъ я замѣчала, что нянька и деньщикъ держатъ консультацію.

— Въ чемъ дѣло? что такое? тревожно спрашивала я, догадываясь, что вѣрно не все благополучно.

— Да должно быть обѣда не будетъ сегодня,—печально выражала нянька.

— Какъ не будетъ? почему не будетъ?—съ ужасомъ спрашивала я.

— Кухарка пьяна-съ, отвѣчалъ деньщикъ.

Няня шла на кухню варить молочную кашку. Люди брали себѣ кислой капусты и соленыхъ огурцовъ и покупали селёдку. Мужъ, если былъ голоденъ,—кричалъ и неистовствовалъ, а если нѣтъ, то усердно уговаривалъ дѣтей не плакать пока сварятъ кашку и выказывалъ необыкновенную кротость. Наконецъ, къ вечеру являлась какая-то кума деньщика, за 15 к. с. стряпала намъ нѣкое подобіе обѣда или лучше сказать ужина, подаваемаго нашимъ ех-половымъ съ тріумфомъ и съ сознаніемъ собственнаго значенія и, затѣмъ, все опять принимало обычный видъ. Понятно, что при такой жизни было не до пріемовъ. Съ полковыми дамами однакожъ мужъ уговорилъ меня познакомиться. Къ счастію въ городѣ ихъ было только три: жена старшаго доктора, пожилая и кажется добрая нѣмка, новобрачная супруга молоденькаго поручика, выкравшаго ее изъ богатой купеческой семьи и до сихъ поръ ничего не получившаго отъ ея тятеньки, кромѣ торжественно выраженнаго проклятія, да еще жена одного майора изъ польскихъ татаръ, необыкновенно бойкая и рѣчистая полька. Эта послѣдняя при первомъ свиданіи раскрыла мнѣ всю подноготную—и уѣздную и полковую.

— Ахъ! какъ я рада съ вами познакомиться, говорила мнѣ при первомъ визитѣ моемъ майорша Бѣлостоцкая. Какъ я рада съ вами познакомиться! нѣсколько разъ повторила она, выражая полнѣйшій восторгъ на своей отцвѣтшей и нѣсколько подкрашенной физіономіи. Здѣсь такъ скучно: совсѣмъ нѣтъ общества, особенно дамскаго общества. Я не привыкла къ такой жизни: я долго жила въ Варшавѣ, въ Вильнѣ... Вотъ города! особенно Варшава... а потомъ вдругъ — посудите сами — здѣсь...

Она выразительно повела рукою кругомъ.

— Здѣсь очень скучно! повторила она. И вы—я увѣрена—будете здѣсь жестоко скучать.

Я сказала, что у меня много домашнихъ заботъ, которыя хоть и наскучаютъ сами по себѣ, но за то помогаютъ обойтись безъ общества.

— Да, я слышала: вы посвятили себя семейству. Ахъ! я тоже такъ люблю малютокъ! У меня ихъ двое — въ кадетскомъ корпусѣ. Это такъ грустно быть въ разлукѣ съ дѣтьми. Но общество! общество! безъ него невозможно прожить!

Я спросила, кто же собственно составляетъ здѣшнее общество?

— Ахъ! такъ мало лицъ—по пальцамъ можно перечесть: предводитель не женатъ. Да онъ почти и не живетъ здѣсь: все въ Москвѣ. Ну, исправница и жена судьи,—воображаютъ себя свѣтскими и образованными дамами, носятъ все шелковыя платья, но какого фасона! ха! ха! ха!—смѣялась моя новая знакомая, забывая, что и на ней, и на мнѣ — платья допотопной кройки. Ну! и образованіе подъстать туалету: вѣрно пономарь училъ... Я вѣдь въ институтѣ воспитывалась, прибавила, какъ-бы въ поясненіе своего пренебреженія къ воспитанію судейши и исправницы. Ну, потомъ жена стряпчаго—точно сорокаведерная бочка. Говорятъ, беретъ взятки вмѣсто мужа...

Она перебрала еще около полдюжины уѣздныхъ барынь.

— У инвалиднаго жена молоденькая и, какъ всѣ говорятъ, хорошенькая; но это мѣщаночка, совершенная мѣщаночка. И—я подозрѣваю—нравственности очень сомнительной. Я вамъ вовсе не совѣтую съ нею знакомиться...

Я отвѣчала, что по неимѣнію времени я и не разсчитываю дѣлать много знакомствъ и даже не намѣрена знакомиться вовсе со всѣми дамами.

— Неужели?—изумилась она. Тѣмъ болѣе я вамъ благодарна за ваше посѣщеніе... Ну, затѣмъ остается еще нѣсколько купеческихъ семействъ. Я съ ними не знакомлюсь,—потомъ наши военныя—и только.

— И въ полкахъ тоже бываетъ часто веселое общество, прибавила она переведя духъ. Это тамъ, гдѣ полковой командиръ молодой человѣкъ, или человѣкъ семейный, гдѣ много женатыхъ офицеровъ. А у насъ!... князь... вы знаете?

— Нѣтъ, не знаю, твердо выговорила я, опасаясь попасть въ сплетню.

— Неужели? — недовѣрчиво проговорила она. Но вѣдь это не секретъ: у князя есть bien-aimée, француженка. Она живетъ

не у него въ домѣ. Онъ ей рядомъ нанимаетъ квартиру. Представьте себѣ — даже собой нехороша, а онъ въ ней души не слышитъ. Изъ-за этого онъ совсѣмъ отсталъ отъ общества... А молодежь у насъ прекрасная! — безаппелляціонно порѣшила она. Когда мы стояли въ М., тамъ на балахъ наши всегда были первыми кавалерами.

— Кто же у васъ лучшіе молодые люди?—спросила я.

— Да вотъ Пршевальскій, Сатинъ, Громницкій, Пирацкій и еще многіе.

Я ничего не отвѣчала, хоть уже познакомилась съ названною *лучшею молодежью.* Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ всѣ являлись къ намъ съ визитомъ, любопытствуя, вѣроятно, взглянуть на *бывшую красавицу, артистку* и пр., и ушли отъ насъ замѣтно разочарованные.

— Да, въ М. они дѣлали много побѣдъ, продолжала m-me Бѣлостоцкая. Но это очень натурально. А вотъ въ чемъ я не понимала м—скихъ дамъ: онѣ были безъ ума отъ нашего молодого доктора.

Она сдвинула плечами и подняла глаза вверхъ.

— А чтожъ, онъ не заслуживаетъ этого? — спросила я.

— Вы — значитъ — его не знаете? Онъ человѣкъ ученый и собой не дуренъ, но такой какой-то...—она сдѣлала презрительную гримасу. Свѣтскаго лоску совсѣмъ нѣтъ...

— А вотъ и Александръ Семеновичъ!—выговорила она, глянувъ на улицу своими зоркими глазами. Ахъ! вы рѣшительно не можете жить другъ безъ друга! Настоящіе голубки! Pigeons!—неожиданно и неизвѣстно для чего перевела она.

Мужъ пришелъ за мною. Онъ долженъ былъ *дѣлать визиты* со мной вмѣстѣ, но его задержалъ князь. Мы стали прощаться.

— Какъ скоро? ахъ какъ жаль! Время летитъ такъ быстро въ пріятномъ обществѣ!—чувствительно произнесла она. Постараюсь скоро съ вами увидѣться! Очень, очень пріятно...

— Ну, какъ понравилась тебѣ Мальвина Осиповна?—спросилъ у меня мужъ, которому она почему-то представлялась *очень умной бабой* и которому все хотѣлось подыскать мнѣ развлеченіе.

— Ахъ, очень, очень понравилась,—отвѣчала я стилемъ моей новой знакомой, и расхохоталась.

Мужъ смутился и чуть ли не обидѣлся.

Чрезъ нѣсколько дней я встала утромъ въ хорошемъ расположеніи духа: мой меньшой мальчикъ спалъ хорошо, и мнѣ далъ выспаться. Ночью выпалъ первый снѣжокъ; дѣтей это очень заинтересовало, и по этой причинѣ никто не капризничалъ, не ссорился, и всѣ одѣвались очень мирно и тихо. Я тоже очень любила первый санный путь и не меньше дѣтей обрадовалась снѣгу. Мужъ предложилъ покататься со старшими дѣтьми. Я конечно согласилась, а дѣти были въ совершенномъ восторгѣ.

Мы поѣхали въ легкихъ просторныхъ саняхъ, тройкой. Миша примостился возлѣ кучера и держалъ въ рукахъ конецъ возжей, рѣшительно воображая, что правитъ. Тоже кажется воображала и Лида, сидѣвшая между мной и отцомъ и безъ умолку трактовавшая о всемъ, что ни встрѣчалъ по сторонамъ ея темный, внимательный глазокъ. Послѣ катанья я завезла дѣтей домой и сама поѣхала въ лавки съ мужемъ. Вслѣдъ за нами подъѣхали маленькія, щегольскія сани, изъ нихъ выскочила невысокая, изящно-одѣтая женщина и ломаннымъ русскимъ языкомъ, съ гортаннымъ выговоромъ потребовала себѣ того, другого, третьяго. Я стала разсматривать ее съ любопытствомъ: у нея было чрезвычайно подвижное и милое лицо. Она тоже раза два взглянула на меня своими большими темносѣрыми глазами. Я сейчасъ же смекнула, кто она? Мы сѣли въ сани прежде нея.

— Я догадываюсь, кто это, сказала я мужу. И я не удивляюсь князю: она кажется такимъ симпатичнымъ созданіемъ!..

По возвращеніи домой, только-что я расположилась съ работой въ гостинной, спѣша кончить фланелевую рубашку для Миши, какъ послышался звонокъ въ передней и незнакомый голосъ спросилъ, дома-ли господа? Я скорѣй ушла въ свою комнату: мнѣ ужасно надоѣли эти визиты чиновниковъ и офицеровъ: чиновники толковали о погодѣ, да объ уѣздныхъ дѣлахъ; что же касается офицеровъ—мнѣ казалось, что я заранѣе знаю всѣ ихъ разговоры и что они почерпнуты или изъ вокабулъ, или изъ плохенькихъ романовъ. Я такъ поспѣшила уйти, что не захватила съ собой работу.

— Кто тамъ у папы? спросила я у Миши, который остался-было въ гостинной.

— Афицерь, важно отвѣчалъ мальчикъ. Онъ питалъ необыкновенное почтеніе и симпатію къ офицерамъ, особенно къ такимъ, которые громче и звонче другихъ бренчали саблею и звякали шпорами.

Гость просидѣлъ очень долго. Только-что онъ ушелъ, я велѣла подавать обѣдать.

— Кто у тебя былъ? спросила я, подавая мужу тарелку щей.

— Докторъ Васильевъ, неохотно отвѣчалъ мужъ. (Онъ не любилъ разговаривать за горячимъ).

— Ахъ! Какъ жаль, что я ушла! невольно я выговорила.

— Чего это тебѣ такъ жаль? спросилъ мужъ чуть ли не съ ироніей.

— Да намъ не мѣшаетъ быть съ нимъ хорошо знакомыми: онъ такой хорошій докторъ, отвѣчала я и смутилась, замѣчая, что начинаю хитрить и лавировать.

— Ну, и Беренсъ тоже хорошій докторъ, возразилъ мужъ.

— У этого лучше репутація, сказала я. Что же онъ тебѣ разсказывалъ хорошаго? спросила я, когда у мужа приняли пустую тарелку.

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ мужъ. Все толкуетъ, какое скверное помѣщеніе ему отвелъ городъ для больницы. Помѣшался на этомъ. Такую войну поднялъ съ городской администраціей, что его имени не могутъ здѣсь слышать равнодушно. И о чемъ бы ни говорилъ—непремѣнно сведетъ на это: въ родѣ маніи это у него!

— Но вѣдь ужасная вещь, если для больныхъ отводится невозможное помѣщеніе! съ негодованіемъ вымолвила я.—Что же князь?

— Что-жъ князь? воюетъ тоже. Да что съ этими крючками подѣлаешь? Это такіе христопродавцы!—и мужъ, мало-по-малу воодушевляясь, началъ разсказывать мнѣ всю исторію борьбы между княземъ и докторомъ съ одной стороны, и *христопродавцами* съ другой. Онъ разсказывалъ все это, пока мы не пообѣдали и пока ему не захотѣлось спать. Но заснуть хорошенько ему не удавалось: скоро послѣ обѣда зашелъ къ намъ князь. Я сейчасъ же мужа разбудила.

— А ты уже спать завалился! Эхъ ты! деревенщина! упрекнулъ его князь. Я къ тебѣ по дѣлу: приходи-ка сегодня вечеромъ въ клубъ. Молодежь наша затѣваетъ танцовальные вечера къ зимѣ; нужно ее поддержать.

— Хорошо, приду, отвѣчалъ мужъ.

— Не то — бѣдное юношество перемретъ здѣсь отъ скуки, замѣтилъ князь, обращаясь ко мнѣ. Эти танцовальные вечера дѣлаютъ чудеса въ маленькихъ городкахъ: смотришь кругомъ — какъ будто никого нѣтъ, а устрой вечеръ — откуда возьмутся дамы! Такія вдругъ появятся, которыхъ существованія никто не подозрѣвалъ.

Мнѣ вдругъ вспомнилась утренняя встрѣча и ужасно захо-

тѣлось увѣриться въ справедливости моей догадки, и вмѣстѣ съ тѣмъ—сдѣлать кстати комплименть вкусу князя.

— Ну, чудеса этого рода случаются и безъ танцовальныхъ вечеровъ, замѣтила я. Я, напримѣръ, сегодня увидѣла въ лавкахъ такую прелесть, женщину, какую ужъ никакъ не ожидала встрѣтить въ лавкѣ купца Селифанова. Она плохо говоритъ по-русски и, судя по выговору, должна быть француженка...

— Такъ это васъ она встрѣтила?.. началъ-было князь и ужасно сконфузился. Это была моя знакомая — m-lle Buisson, прибавилъ онъ совсѣмъ смущенный.

— Какая прелесть! что за глаза! Какое выразительное лицо! Этакія женщины лучше красавицъ... порѣшила я.

— А она сегодня спрашиваетъ меня: кого это я встрѣтила въ лавкахъ? Высокая брюнетка и вѣрно не здѣшняя: совсѣмъ на здѣшнихъ не похожа, сказалъ князь. Онъ успѣлъ уже овладѣть собою.

— Ее вѣрно поразилъ мой костюмъ! смѣясь замѣтила я. Я вѣдь придерживаюсь допотопныхъ модъ.

— О нѣтъ! ее вовсе не то поразило! Она даже въ заключеніе всего сказала:—Je reconnaitrais une personne comme-il-faut, fut-elle en robe, comme on en portait il y a quinze ans,—проговорилъ улыбаясь князь. Мужъ между тѣмъ курилъ молча и слегка насупившись.

— Француженки обыкновенно такъ любятъ общество и развлеченія, продолжала я. Неужели же... mademoiselle Buisson не скучаетъ въ Синегорскѣ.

— Какъ не скучать? Очень скучаетъ! опустивъ голову отвѣчалъ князь. Она вѣдь здѣсь никого не знаетъ, ни съ кѣмъ незнакома...

— Это право очень жаль! сказала я. Мнѣ кажется, она создана для общества, и должна оживить какое-бы то ни было общество...

Князь поднялъ голову, хотѣлъ-было сказать что-то, но увидѣлъ совершенно сконфуженное лицо мужа и поспѣшилъ круто перемѣнить разговоръ.

— Ну, братецъ! Какъ мнѣ надоѣла эта исторія съ больницей! сказалъ онъ. Этакой народъ! не выпросишь того, чего можешь требовать! Ужъ я имъ говорю:—Я у васъ для себя помѣщенія не требовалъ, но помѣщеніе для меня полагается; ну, соедините вмѣстѣ это и больницу, и отведите для больныхъ домъ купца Малинина. Кстати онъ пустой стоитъ...

— Ну, и чтожъ? спросилъ мужъ.

Князь махнулъ рукой.

— Ничего! Тутъ только напрасно кровь себѣ портишь! отвѣчалъ онъ. Я намѣренъ разрубить гордіевъ узелъ.

— Какимъ образомъ? поинтересовался мужъ.

— Самымъ простымъ: найму этотъ самый домъ Малинина для больницы—да и все тутъ; однакожъ я засидѣлся... Приходи же пожалуйста въ клубъ, проговорилъ онъ и сталъ прощаться.

— Чтó у тебя за фантазія явилась—завести такой съ нимъ разговоръ? спросилъ меня мужъ, когда князь ушелъ.

— Какой разговоръ? удивилась я.

— Какъ какой? Еслибъ Мстинскій былъ попроще, онъ могъ бы, послѣ такого разговора, предложить тебѣ познакомиться съ этой особой!..

— Ну, и что-жъ изъ этого? холодно спросила я.

Мужъ глянулъ на меня во всѣ глаза.

— Воля твоя — на тебя находитъ иногда что-то странное, какое-то умопомраченіе! Ты какъ будто не понимаешь, что порядочныя женщины не могутъ вести знакомства съ такими особами, что это былъ бы стыдъ и срамъ для ихъ мужей! Ты десятилѣтняя дѣвочка что-ли?—что этого-то не понимаешь?..

— Нѣтъ, я, мать четверыхъ дѣтей и твоя благополучная супруга, все-таки я тебя не понимаю. Если *такими особами* ты называешь женщинъ, которыя дерзаютъ любить, не сочетавшись законнымъ бракомъ—то я тоже *такая особа*...

— На твоемъ мѣстѣ я замолчалъ бы, глухо выговорилъ мой мужъ.

— Я не хочу лгать и лицемѣрить, отвѣчала я, чувствуя, что блѣднѣю и что голосъ начинаетъ дрожать. Поэтому я не хочу бросать камнемъ въ бѣдную одинокую дѣвушку за то, что она сблизилась съ человѣкомъ, который на ней не женится. Поэтому все-таки я не назову ее продажной тварью; чтобы сдѣлать такой позорный приговоръ, нужно имѣть много основаній: жить здѣсь—съ ея стороны большая жертва и, кажется мнѣ, она могла бы себя продать тому, кто не потребовалъ бы такой жертвы отъ нея, не завезъ бы ее въ эту трущобу... Когда-то и ты увѣрялъ, что очень уважаешь женщину, которая любитъ безъ предразсудковъ!..

— Да я и не бросаю камнемъ въ... эту француженку, возразилъ мужъ. Но, право, мнѣ странно видѣть, какъ ты сторонишься отъ честныхъ женщинъ, и въ то же время...

— Я не по-твоему дѣлю женщинъ на честныхъ и безчестныхъ, прервала я...

— Чтó ты говоришь!—съ негодованіемъ прервалъ меня Алек-

сандръ. Съ нѣкотораго времени у тебя опять являются какія-то странныя мысли...

— Эти мысли были у меня всегда и тогда даже, когда ты соглашался съ ними. Я не стыжусь нашего *прошлаго*. Скорѣе...

Но у меня не хватило храбрости договорить; я поспѣшно вышла изъ комнаты.

Александръ въ тотъ вечеръ пилъ чай въ своемъ кабинетѣ и очень рано отправился въ клубъ.

Когда я оставалась одна, я обыкновенно съ жаромъ бралась за книгу: въ полку была порядочная библіотека, выписывали всѣ лучшія изданія, и я читала очень много, будто желая вознаградить себя за недостатокъ чтенія, отъ котораго скучала въ деревнѣ. Но въ этотъ вечеръ я не могла читать: я все думала о томъ, какая страшная рознь открывается между мужемъ и мною! И когда это началось? — спрашивала я себя. Въ первое время знакомства нашего у насъ немного было общаго, но по мѣрѣ того какъ мы сближались, подпадая невольно вліянію другъ друга, разстояніе между нами все уменьшалось; передъ свадьбой мы не сходились только *на одномъ*, и это *одно* чуть не привело разрыва. Но я пожертвовала этимъ *однимъ*, я отреклась отъ него—и между нами не стало розни. Мы должны были жить душа въ душу, мы и жили душа въ душу; а тамъ, нежданно и незамѣтно прокралось что-то между нами, что-то неясное и неопредѣленное, и росло оно, росло, и вотъ послѣ семи лѣтъ супружества между нами очутилась бездна, которую невозможно ни перешагнуть, ни пополнить... Я вспомнила нашъ давешній разговоръ о француженкѣ. Могъ ли бы онъ происходить между нами въ первое время нашего сближенія? Конечно, нѣтъ. Тогда мы отнеслись бы къ дѣлу почти одинаково: я—совсѣмъ просто и прямо; онъ, можетъ быть, съ маленькой натяжкой, которую никто изъ насъ, конечно, не замѣтилъ бы, не было бы ни спора, ни недоразумѣнія. А теперь вотъ я должна хитрить и маскироваться, если меня немного заинтересуетъ кто-нибудь, если кто-нибудь возбудитъ мое любопытство. Будто ужъ и въ самомъ дѣлѣ женѣ и матери прилично интересоваться человѣкомъ только изъ семейныхъ видовъ! (я вспомнила о докторѣ). И будто всякій интересъ, возбуждаемый мужчиною, долженъ имѣть своимъ основаніемъ какое-нибудь подозрительное и непохвальное побужденіе!..

Я въ первый разъ тогда вполнѣ сознала и явственно почувствовала, какъ тяжела такая жизнь, — жизнь полнаго одиночества и совершеннаго отчужденія отъ всѣхъ окружающихъ!.. Такъ кончился мой благополучный день!

Прошло около двухъ недѣль. Какъ-то предъ обѣдомъ я читала одна въ гостинной: мужъ еще не возвратился съ ученья, дѣти разсматривали въ дѣтской книжку съ картинками, которую я по своему обѣщанію велѣла привезть изъ деревни. Въ домѣ было очень тихо...

— Дома Александръ Семеновичъ? послышался мнѣ въ передней какъ-будто знакомый голосъ.

— Ихъ нѣтъ-съ. А барыня дома, вотъ въ гостинной сидятъ,—принимаютъ, подробно объяснилъ нашъ словоохотливый деньщикъ.

— А-а? протянулъ пришедшій. Кланяйся Александру Семеновичу и скажи, что приходилъ докторъ Васильевъ, прибавилъ онъ. Очень жаль, что не засталъ.

На другой день къ намъ зашелъ князь и засталъ меня одну. Не помню кто изъ насъ и почему заговорилъ о докторѣ.

— Ну, хорошъ—нечего сказать—вашъ докторъ! смѣясь замѣтила я и разсказала князю о его недавнемъ посѣщеніи.

Князь развелъ руками.

— О! онъ чудакъ естественный! То-ли еще съ нимъ бывало! Ему отъ меня за этакія выходки часто доставалось. Вы вотъ только посмѣиваетесь, а вообще дамы на этотъ счетъ очень щепетильны. Разъ въ М. пригласили его къ нервной молодой дамѣ, у которой отъ всякаго противорѣчія случалась истерика. А въ то время у него ужасно много больныхъ было: тифъ свирѣпствовалъ. Вотъ онъ прописалъ ей лавровишневыя капли, да и раскланивается; а барыня сидитъ себѣ на диванѣ, подобравши ножки и на рукахъ болонку держитъ. «Посмотрите, говоритъ, докторъ! какая прелесть моя Мими!» а онъ ей:—Извините! говоритъ, мнѣ нѣкогда Мимишекъ разсматривать: у меня тифозныхъ пропасть и въ томъ числѣ семнадцать человѣкъ солдатъ.» Да и вышелъ. У барыни тутъ же на мѣстѣ другая истерика приключилась! Такъ и лишился выгодной практики: барыня богатая была.

Вскорѣ послѣ этого, въ воскресенье, только-что я выпроводила Мальвину Осиповну, которая явилась ко мнѣ чуть ли не въ десять часовъ утра и со всевозможной подробностью передала мнѣ исторію своей жизни и перечислила свои несчетныя дѣвическія побѣды; только что у меня съ души свалился этотъ камень и старенькія дрожки майорши задребезжали по улицѣ, а я бросилась унимать дѣтей, ссорившихся изъ-за какой-то бумажки, какъ отворилась дверь и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ въ мундирѣ военнаго медика. Дѣти сейчасъ же утихли и съ любопытствомъ уставились на гостя. Онъ оглянулся кругомъ и видя, что некому его представить, представился самъ.

— Докторъ Васильевъ, кланяясь сказалъ онъ.

— Очень рада, пробормотала я, указывая на кресло. Александра Семеновича нѣтъ дома, но онъ вѣроятно скоро будетъ, прибавила я.

— Я его недавно встрѣтилъ: онъ ѣхалъ къ князю, проговорилъ докторъ.

— Ну, отъ князя скоро не отдѣлается, замѣтила я, если только онъ дома.

— Да, удивительный хлѣбосолъ князь! — сказалъ докторъ. Когда ни приди къ нему, если онъ дома — вѣчно у него гости и непремѣнно ѣдятъ и пьютъ. Теперь еще князь много измѣнился, а прежде онъ—говорятъ—такой весельчакъ былъ! Да вотъ Александру Семеновичу это хорошо извѣстно: они вѣдь давніе знакомые!

Я между тѣмъ разсматривала своего гостя. Это былъ высокій, смуглый молодой человѣкъ съ несовсѣмъ правильными, даже съ вовсе неправильными, но очень выразительными чертами. Темные, густые, волнистые волосы изящно обрамляли его высокій, красивый лобъ, каріе глаза смотрѣли внимательно и будто строго. Довольно большой ротъ придавалъ нѣсколько добродушія его серьёзному лицу. Но болѣе всего обращали на себя вниманіе его руки — длинныя, тонкія, съ изящными, будто выточенными пальцами. Говорилъ онъ немного отрывисто; повелительная нотка слышалась въ его тонѣ, какъ у человѣка, который привыкъ *предписывать* и совѣтовать безъ возраженія. У докторовъ-практиковъ часто слышится такая нотка...

— Князь передавалъ мнѣ будто вамъ показалось страннымъ, что какъ-то я, не заставъ Александра Семеновича, не зашелъ къ вамъ, между тѣмъ какъ вы были дома и принимали, просто и прямо началъ Васильевъ послѣ нѣкотораго молчанія. Я не хотѣлъ утруждать васъ: я думалъ, вы избѣгаете лишнихъ знакомствъ и пріемовъ...

— Интересно знать, изъ чего же вы это заключили? полюбопытствовала я.

— Я имѣлъ для этого достаточно данныхъ. Когда я былъ у васъ въ первый разъ и просидѣлъ довольно долго—вы не вышли и вѣроятно даже нарочно ушли: ваша работа лежала здѣсь на столѣ, съ готовой иглой...

— О! вы вотъ какой наблюдательный... и тонкій человѣкъ, перебила я.

— Я? нисколько! рѣшительно произнесъ онъ. Я только не люблю никого стѣснять, также какъ не люблю стѣсняться для

другихъ. Я слышалъ и еще отъ многихъ, что вы не выходите, т.-е. рѣдко выходите къ знакомымъ Александра Семеновича.

— Это и не удивительно: у меня большая семья и такъ много заботъ! сказала я.

— Да, вотъ это я и имѣлъ въ виду... Это все ваши дѣти? спросилъ онъ, внимательно всматриваясь въ дѣтей. Вашъ сынъ очень здоровый мальчикъ и удивительно похожъ на отца. Вотъ старшая дочь-то вашъ портретъ. Сколько лѣтъ вашей меньшой дочери?

— Два года,—отвѣчала я.

— Она кажется моложе. И почти не ходитъ! Очень медленно развивается она у васъ. Здорова?

— Она не часто хвораетъ, но я боюсь вообще, чтобъ дѣти мои не были болѣзненны: вѣдь мы съ мужемъ двоюродные, а въ такихъ супружествахъ — говорятъ — рѣдко бываютъ здоровыя дѣти.

— Но не въ первомъ же поколѣніи, возразилъ докторъ. Браки между родственниками, часто повторяющіеся въ одномъ роду, дѣйствительно способствуютъ вырожденію потомства. Но вамъ—мнѣ кажется—еще нечего безпокоиться.

Вошелъ Александръ.

— Я вотъ стараюсь успокоить вашу супругу касательно одного обстоятельства, относящагося къ здоровью дѣтей, сказалъ докторъ послѣ первыхъ привѣтствій, и началъ подробно и обстоятельно излагать намъ мнѣнія спеціалистовъ pro и contra такихъ супружествъ. Онъ точно читалъ намъ лекцію. Говорилъ онъ немного книжно, но чрезвычайно легко и толково. Мужъ началъ понемногу выказывать легкіе признаки нетерпѣнія, но онъ этого ни мало не замѣчалъ и съ совершенно серьёзнымъ видомъ, полно и подробно высказалъ все, что имѣлъ сказать по этому поводу— и тогда всталъ и раскланялся.

— Вотъ мы съ тобой нежданно-негаданно выслушали лекцію о бракахъ между кровными родственниками, смѣясь замѣтила я мужу.

— Да. Ну, да и чудакъ же этотъ баринъ! сказалъ мужъ. Пришелъ съ визитомъ и давай лекцію читать! А тутъ ѣсть хочется. Я вѣдь не засталъ Мстинскаго и не завтракалъ. Пойдемъ обѣдать.

— Да, онъ чудакъ! Но онъ человѣкъ свѣдущій и кажется хорошій человѣкъ, замѣтила я, подходя къ столу.

— Богъ его знаетъ! мрачно произнесъ мужъ въ припадкѣ мизантропіи, овладѣвавшей имъ ежедневно передъ обѣдомъ.

Я поспѣшила подать ему тарелку щей.

А между тѣмъ время потихоньку шло, да шло. Въ клубѣ устроились танцовальные вечера, къ великому удовольствію дамъ и молодежи. На эти вечера учащала и Мальвина Осиповна, соорудившая себѣ платье съ неимовѣрнымъ шлейфомъ, которымъ очень гордилась, что не мало потѣшало полковое общество. Она и меня усердно приглашала на эти вечера; мужъ при этомъ ее вскользь поддерживалъ; но я давно разучилась танцовать, въ карты не играла, а faire tapisserie не находила занимательнымъ. Мужъ перезнакомился со всѣми въ городѣ и въ уѣздѣ, и у насъ часто по вечерамъ собиралось военное и цивильное общество, все болѣе люди солидные, годные для партіи ералаша; иногда появлялся кое-кто изъ молодежи, но очень рѣдко. Мальвина Осиповна удивлялась моему нежеланію и неумѣнію оживить свои вечера, и кажется, начала во мнѣ разочаровываться.

Синегорскъ не былъ такимъ дряннымъ городишкомъ, какъ вообще уѣздные: въ немъ было много каменныхъ домовъ, еще болѣе домовъ подъ желѣзною крышей. На площади было много лавокъ, правда въ очень живописномъ безпорядкѣ: возлѣ большихъ каменныхъ лавокъ лѣпились низенькія деревянныя лавочки, темныя и лѣтомъ невыносимо душныя; потомъ опять высились большія каменныя лавки, и опять деревянныя и т. д. Синегорскъ—городокъ молодой и расположенъ очень правильно; улицы въ немъ прямыя и широкія. Церквей въ немъ немного, но тѣ, которыя есть, отличаются громадностью и благолѣпіемъ — признакъ и благочестія, и зажиточности населенія. Синегорскъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ торговлѣ пшеницей: всѣ тутъ ею торгуютъ: и купцы, и крестьяне, и чиновники, и попы; нѣкоторые отъ этой торговли наживаются, другіе только перебиваются кое-какъ,—какъ кому удача. Но городъ отъ нея богатѣетъ. Такъ-называемое благородное общество, включая сюда и *образованное* купечество, очень гордится своимъ клубомъ, имѣющимъ приличное помѣщеніе, хорошую мебель и порядочнаго повара; гордится также тѣмъ, что въ этомъ клубѣ рѣдко бываютъ скандалы: блистательнаго же и громкаго скандала въ немъ не случалось съ самаго его основанія. Но несмотря на все это, Синегорскъ—очень глухой городокъ. Дальше его и почта не ходитъ, что́ подаетъ поводъ мѣстнымъ острякамъ утверждать, что онъ на концѣ свѣта. Но за то по всѣмъ проселочнымъ дорогамъ уѣзда то-и-дѣло ползутъ длинныя вереницы тяжеловѣсныхъ воловыхъ возовъ и извозчичьихъ троичныхъ телѣгъ, нагруженныхъ пшеницею. Какъ бы то ни было, но эта отдаленность Синегорска отъ большихъ провинціальныхъ

центровъ, эта изолированность его помогаетъ ему сохранять у себя въ высшей степени патріархальный характеръ. Его коснулись разныя перемѣны и реформы, но какъ-то съ одной внѣшней, такъ сказать оффиціальной стороны. Внутренняя жизнь осталась такой-же сонной, мирной, вседовольной.

Извѣстно, что прогрессъ въѣзжаетъ въ наши глухіе городки или въ образѣ учителя уѣзднаго училища, или какого-нибудь студента-прогрессиста, выключеннаго за вольнодумство. На долю Синегорска не досталось ни учителя, ни студента, а проживало въ немъ капитальное купечество, раздобрѣвшее отъ привольной жизни чиновничество, да простой сѣрый народъ, говоря относительно, довольно зажиточный, а потому и съ виду довольно крупный и здоровый, чтó особенно кидалось въ глаза пріѣзжимъ пріемщикамъ во время рекрутскихъ наборовъ. Въ будущемъ году здѣсь ожидалось введеніе земскихъ учрежденій, отъ которыхъ многіе ожидали великаго благополучія, о которыхъ такъ толковала пресса. Въ Синегорскѣ же собственно мало о нихъ вспоминали. Развѣ ужъ совсѣмъ разговоръ истощится или пожелаетъ кто блеснуть тѣмъ, что *слѣдитъ за ходомъ реформъ.* «Скоро выборы земскіе, скажетъ напримѣръ кто-нибудь. Что-то оно будетъ!» «Хочь гирше, та инше! скажетъ иной пессимистъ». «Ну нѣтъ! гирше не будетъ! возражаетъ господинъ съ либеральными поползновеніями... Ужъ одно-то, что опека чиновничья съ насъ снимется». Но мнѣ почему-то сдается, что этотъ господинъ говоритъ чужую фразу, что вовсе не тяготитъ его самого никакая опека и что если она снимется, то ничего ему съ этого не прибудетъ! «А кто его знаетъ, лучше ли оно такъ будетъ»! возражаетъ въ свою очередь пессимистъ. Тѣмъ обыкновенно разговоръ и кончается! Что—въ самомъ дѣлѣ—говорить о томъ, чего никогда не было и о чемъ никто ничего не знаетъ? И вообще въ Синегорскѣ мало занимались общими вопросами. То-ли дѣло свои домашнія дѣла! Недавно, напримѣръ, отставной поручикъ Слѣпцовъ и гарнизонный прапорщикъ Воробьевъ, пріѣхавшій къ матери на побывку, дразнили индюшекъ бердянскаго купца Гасимова, и увлекшись потѣхою убили нѣсколько штукъ палкою. Купецъ огорчился и пожаловался уѣздному исправнику. Исправникъ при свиданіи попенялъ имъ: «Зачѣмъ, господа, индюшекъ —дескать — уничтожать! Изъ этого непріятность можетъ выдти?» Офицеры обидѣлись этимъ, и въ первый разъ какъ купецъ выѣхалъ покататься съ женою, показали имъ кукишъ; а у Гасимова жена была институтка и на письмахъ подписывала свое имя и фамилію непремѣнно по-французски, даже когда писала къ тѣмъ, кто по-французски не умѣлъ,

читать. Понятно, что супругъ еще болѣе обидѣлся—и опять сходилъ къ уѣздному исправнику. Исправникъ на этотъ разъ затруднился, какія бы принять мѣры, но его выручилъ помощникъ изъ военныхъ, который тутъ же объяснилъ купцу, что въ этомъ случаѣ единственный исходъ вызвать дерзкихъ обидчиковъ на дуэль. Купецъ послѣ этого успокоился. Или, напримѣръ, въ питейномъ заведеніи купца Тихонова отобрали девятиквартное ведро, которое переночевало на квартирѣ станового пристава и оказалось десятиквартнымъ. Или—опять—инвалидный начальникъ въ клубѣ игралъ девять безъ козырей—и остался безъ трехъ, а акцизный чиновникъ, Малодонскій, тамъ же въ клубѣ отозвался о женѣ этого самаго инвалиднаго начальника самымъ неприличнымъ образомъ. И вообще мало ли случалось казусовъ, о которыхъ нельзя было не потолковать! Гдѣ ужъ тутъ интересоваться земскими выборами! Богъ съ ними совсѣмъ!

А я между тѣмъ попривыкла къ тихой жизни Синегорска, меня занимало всматриваться въ этотъ новый для меня, крошечный мірокъ съ его маленькими, курьёзными интересцами, наблюдать за этими наивными патріархальными людьми. Я любила, посмѣиваясь, вслушиваться, какъ пикируются за ералашемъ судья съ исправникомъ, принадлежавшіе къ различнымъ партіямъ, т.-е не къ консервативной, прогрессивной или какой другой, а просто къ партіи Ивана Ивановича или Ѳедора Богдановича. Я съ нетерпѣніемъ ждала появленія князя, чтобъ взглянуть, какъ все это чиновничество начнетъ поклоняться ему, не изъ какой-нибудь корысти, а просто потому, что онъ *высокаго полета птица*, а дядя его *случайный человѣкъ*, хоть ни отъ того, ни отъ другого никто ничего не ждалъ, а князю собственно при случаѣ не боялся сдѣлать мелкую непріятность, какъ въ дѣлѣ о больницѣ. Но при всемъ своемъ простодушіи этотъ народъ былъ себѣ-на-умѣ и очень хорошо понималъ, что князь не воспользуется своимъ положеніемъ, чтобъ повредить кому изъ нихъ, а потому они ему поклонялись и дѣлали по-своему. *Жить съ ними надоѣстъ*, думала я; даже часто смотрѣть на нихъ скоро прискучитъ, но изрѣдка посмотрѣть не мѣшаетъ. Такимъ образомъ пришли и прошли святки, затрещали крещенскіе морозы, выпала настоящая зима, а не то среднее между осенью и зимою, чтó дѣлаетъ совершенно непроѣздными наши русскія дороги.

Какъ-то въ концѣ января я сидѣла одна въ спальной. Мужъ игралъ гдѣ-то въ карты, я читала, изрѣдка позѣвывая, дѣти уснули. Вдругъ старуха няня, босая и повязанная на ночь бѣлымъ платочкомъ, неслышно подошла къ двери и позвала меня. Я

вздрогнула и взглянула на нее: у нея быль такой значительный видъ, что я испугалась.

— Чтó ты, няня?—поспѣшно спросила я.

— Пойдемъ въ дѣтскую, матушка! — выговорила она. Лидочка тамъ вся огнемъ горитъ да стонетъ. Занедужала голубушка.

Я поднялась и пошла за старухой.

— То-то, дивлюсь я, рано спать она захотѣла,—продолжала старуха, да все проситъ укрыть ее потеплѣе...

Я подошла къ Лидѣ; она разметалась по кровати, вся въ жару. Я тихо притронулась къ ея горячему лбу. Она открыла глаза.

— Дай мнѣ пить, мама!—проговорила она отрывисто, и опять застонала.

— Что съ тобой, Лида? что у тебя болитъ? — спросила я, подавая ей пить.

Она взялась ручонкой за голову.

— Голова болитъ, — съ усиліемъ выговорила она.

Я позвала человѣка и велѣла сходить сейчасъ же за докторомъ Васильевымъ сперва, а потомъ за мужемъ! И странное дѣло! несмотря на безпокойство, я почувствовала что-то въ родѣ удовольствія при мысли, что мужа испугаютъ и не дадутъ ему покойно кончить его партію.

Доктора застали дома, и онъ скоро явился, выслушалъ мое объясненіе и пошелъ за мной. Дѣвочка спала безпокойнымъ, прерывистымъ сномъ. Онъ осторожно пощупалъ у нея пульсъ, попробовалъ голову.

— Сильное лихорадочное состояніе, — сказалъ онъ, но чтó именно у нея, сказать трудно. Подождемъ до-завтра... До сихъ поръ нѣтъ ничего особенно опаснаго. Поставьте ей горчишники.

Няня захлопоталась съ горчишниками подъ присмотромъ доктора. Я сѣла у кровати больной и задумалась. Мнѣ было и странно и совѣстно, что я не замѣтила, какъ она заболѣвала: не можетъ быть, чтобъ она вдругъ такъ занемогла! «Удивительно, какъ я ожесточаюсь и черствѣю!» думала я съ горечью...

Пришелъ мужъ. Онъ казался не то испуганнымъ, не то смущеннымъ.

— Чтó съ Лидой? — тихо спросилъ онъ разомъ у меня и у доктора.

Тотъ объяснилъ ему. Поставили горчишники; дѣвочка заплакала-было, но потомъ опять заснула. Когда горчишники сняли,

мужъ предложилъ перейти въ гостинную и велѣлъ дать закусить.

— Вы такой недобрый, Сергѣй Михайловичъ! никогда не зайдете посидѣть за-просто, — попенялъ доктору мужъ, съ свойственнымъ ему радушіемъ, которое особенно замѣтно проявлялось, когда на столѣ красовался подносъ съ графинчиками, бутылками и солеными закусками.

— Все мнѣ некогда,—отвѣчалъ докторъ. До сихъ поръ пропасть больныхъ. Я радовался, когда мы шли въ Синегорскъ, думалъ — мѣста привольныя, народъ зажиточный: солдату хорошо будетъ. А вышло вотъ какъ? Намъ здѣсь впрочемъ много больница прежняя надѣлала бѣды: рецидивистовъ пропасть.

— Да, вамъ-таки не даютъ покою: это я знаю,—проговорилъ мужъ. Но все-таки это не по-товарищески...

— Такой ужъ спесивый Сергѣй Михайловичъ! — произнесла я, чтобъ сказать что-нибудь.

— Гдѣ тамъ спесивый! помилуйте, — возразилъ онъ, будто слегка конфузясь. А на счетъ больной вы пока не безпокойтесь: пока рѣшительно незамѣтно опасныхъ симптомовъ, — повторилъ онъ.

Онъ еще разъ взглянулъ на Лиду и попрощался, обѣщая на другой день придти пораньше.

Утромъ Лидѣ не было легче. Докторъ осмотрѣлъ ее, разспросилъ меня (я спала эту ночь возлѣ больной) и задумался.

— Мнѣ кажется, у нея будетъ какая-нибудь сыпная лихорадка: оспа, корь...—проговорилъ онъ. Это вовсе не опасно, если сберечь ребенка въ періодъ выздоровленія.

Онъ далъ мнѣ подробное наставленіе касательно содержанія больной, еще разъ посовѣтовалъ не тревожиться—и ушелъ.

Я и не тревожилась въ этотъ день; больная была все въ томъ же положеніи — ни лучше, ни хуже. Но на другой день къ ночи ей стало такъ худо, что я послала за докторомъ. Его не нашли и не знали, гдѣ онъ. Мужъ поспѣшно предложилъ отыскать Беренса; я и на то согласилась, но Беренсъ былъ въ уѣздѣ. Я провела мучительную ночь. Бѣдная дѣвочка стонала и металась; ко всему прежнему присоединилась сильная боль горла. Глядя на ея воспаленные глаза и сухія растрескавшіяся губы я заранѣе испытывала чувство матери, которая теряетъ свое дитя: мнѣ казалось, я теряю ее. Не знаю, какъ я дождалась утра.

Очень рано утромъ пришелъ докторъ. Онъ казался очень озабоченнымъ.

— Показалась сыпь! — замѣтилъ онъ, присматриваясь къ больной.

Я тоже нагнулась и очень явственно увидала на кожѣ красныя пятна.

— Такъ и есть: у нея скарлатинъ, — рѣшилъ онъ. До вчерашняго вечера я и не зналъ, что онъ показался. Вчера только меня позвали къ очень трудному больному скарлатиномъ. У вашей дочери болѣзнь гораздо легче, — успокоительно прибавилъ онъ.

— Нужно, я думаю, совсѣмъ отдѣлить отъ нея другихъ дѣтей, — проговорила я.

— Нѣтъ, по-моему это совершенно лишнее: она вѣдь и такъ въ особой комнатѣ. А вы себѣ этимъ устроите еще большее затрудненіе, въ случаѣ другія дѣти заболѣютъ. Ужъ если появилась эта гостья въ семьѣ—она обыкновенно всѣхъ переберетъ и ничѣмъ ее не умилостивишь. Вы только не пугайтесь слишкомъ: скарлатинъ вовсе не такая опасная болѣзнь, какъ обыкновенно воображаютъ.

Лидѣ скоро стало легче. Но предсказаніе доктора сбылось: нашъ домъ превратился на нѣсколько недѣль въ настоящую больницу: одно дитя вставало, другое ложилось, но съ тѣмъ, которое встало, было еще больше хлопотъ, чѣмъ съ больнымъ. Сберечь отъ простуды — это легко сказать, но трудно выполнить въ нашихъ плохо устраиваемыхъ жилищахъ, да еще въ январьскіе морозы суровой зимы. Приходилось засадить дитя на все время въ одну комнату и быть при немъ безотлучно, выдерживая ежечасную борьбу съ подвижностью дѣтской натуры, для которой такое заточеніе невыносимо. Видно, былъ во мнѣ большой запасъ живучести, что я вынесла эту тяжелую жизнь безсмѣнной сидѣлки-матери, которая, вмѣстѣ съ неизбѣжною тревогою и безпокойствомъ, выноситъ столько страху и душевной боли. Но безъ внѣшней помощи я бы этой жизни не вынесла.

Мужъ, конечно, помогалъ мнѣ. Въ періодъ настоящей болѣзни всякаго изъ дѣтей онъ снималъ съ меня часть домашнихъ заботъ, предоставляя мнѣ почти единственно эту роль сидѣлки, чтó было для меня большимъ облегченіемъ. И возлѣ больныхъ онъ мнѣ помогалъ, но возня съ выздоравливающими ему скоро наскучала. А доктору не наскучали ни больные, ни выздоравливающіе. Онъ ежедневно приходилъ къ намъ по окончаніи своихъ утреннихъ визитовъ къ больнымъ; часто у насъ и обѣдалъ. Не тó, чтобъ онъ особенно боялся за дѣтей, но онъ очень скоро сошелся со мною и казалось приходилъ къ намъ съ двойною цѣлью — и

взглянуть на больныхъ, и отдохнуть. Его серьёзная и ласковая манера хорошо дѣйствовала на дѣтей; они его часто слушались.

Я никогда не умѣла быть привѣтливой и любезной *со всякимъ*, а теперь, одичавши на безлюдьи въ деревнѣ, тѣмъ менѣе; но если человѣкъ казался мнѣ простымъ и искреннимъ, если онъ приходился мнѣ по-душѣ—я съ нимъ скоро сближалась, а докторъ особенно былъ простой и славный малый. Онъ мнѣ очень нравился. Въ немъ были преоригинальные контрасты: какъ докторъ—онъ былъ очень серьёзенъ, добросовѣстенъ до педантизма, но за то подчасъ и требователенъ тоже до педантизма, а въ извѣстныхъ случаяхъ даже жестокъ.

Но когда онъ сбрасывалъ съ себя обязанности врача, въ немъ мгновенно совершалась самая неожиданная перемѣна: онъ дѣлался удивительно мягокъ, какъ-то по-дѣтски чистосердеченъ и простодушенъ.

Онъ, казалось, давно ни съ кѣмъ не сближался.

— Много у васъ здѣсь знакомыхъ? — спросила я какъ-то у него.

— То-есть, какъ вамъ сказать?...—затруднялся онъ. Я лечу во многихъ домахъ; съ другими имѣю сношенія оффиціальныя—значитъ, почти со всѣми знакомъ.

— Нѣтъ—а коротко знакомы вы со многими?

— Ни съ кѣмъ. Бываю по дѣлу у многихъ, а за-просто ни у кого. Развѣ вотъ у князя; но то особая статья. Меня многіе зовутъ къ себѣ. Жена судьи даже обижается. Да что мнѣ тамъ дѣлать?

— Конечно. Чтó за компанія вамъ мы — уѣздные люди! — пошутила я.

— Я къ вамъ этого не отношу — вы знаете, — просто и серьёзно проговорилъ онъ. Но у нихъ въ самомъ дѣлѣ нечего дѣлать. Еще на имянинахъ, на разныхъ празднествахъ бывать—имѣетъ смыслъ; пьютъ и ѣдятъ вкусно. А такъ, за-просто я никогда не пойду.

— И вамъ не бываетъ скучно? —спросила я.

— Когда же мнѣ можетъ быть скучно? Мнѣ день коротокъ...

— Нѣтъ, я не такъ выразилась. Я хотѣла спросить, не бываетъ вамъ тяжело отъ этого одиночества?

— Еще бы, конечно бываетъ. Я въ такомъ случаѣ стараюсь разогнать поскорѣе эту тяжесть.

— Что же вы для этого дѣлаете?

— Что придется. Если есть трудные больные—иду къ нимъ и усердствую пуще прежняго. Нѣтъ — сажусь писать къ товарищамъ, или — наконецъ, за свою диссертацію.

— А вы пишете диссертацію?

— Да. Но только ужасно медленно это подвигается. Все некогда. Самъ знаю, что слѣдовало бы отказываться иногда отъ практики, да какъ-то не умѣю я отказываться.

Мы очень сошлись съ докторомъ. Онъ сдѣлался чрезвычайно словоохотливъ, точно душу отводилъ послѣ долгаго одиночества. Онъ былъ сынъ бѣднаго чиновника, женившагося по страстной любви на полькѣ-шляхтянкѣ; ея мать была когда-то домоправительницей у богатаго пана, при жизни котораго два раза отказывала Васильеву, ожидая для дочери лучшей партіи. Сергѣй Михайловичъ не помнилъ своей матери; она умерла скоро послѣ его рожденія. Но отца своего онъ очень любилъ; по смерти жены тотъ положилъ въ сына свою душу, и несмотря на крайнюю нужду онъ нашелъ возможнымъ помѣстить сына въ гимназію и содержать его тамъ до окончанія курса. Но въ университетѣ, конечно, ему пришлось жить своими средствами. «Я никогда очень не бѣдствовалъ; даже почти вовсе не бѣдствовалъ», говорилъ онъ, весело вспоминая это молодое, трудовое время. Онъ видимо очень любилъ свои университетскія воспоминанія; видно, что послѣдующая его жизнь мало давала ему отрадныхъ впечатлѣній и тѣмъ болѣе дорожилъ онъ памятью тѣхъ лѣтъ, что прошли въ дружномъ, разумномъ трудѣ, въ благодатномъ общеніи съ такими же честными, свѣжими, трудящимися юношами, въ веселомъ, молодомъ, невзыскательномъ разгулѣ. Его слушать — было для меня большимъ удовольствіемъ; я словно душой молодѣла. Мнѣ думалось — вотъ-вотъ и я заговорю когда-нибудь о себѣ, а говорить о себѣ я такъ давно отвыкла...

Въ первыя недѣли моего затворничества явилась ко мнѣ Мальвина Осиповна, которая еще наканунѣ при встрѣчѣ съ мужемъ выражала ему свое пламенное сочувствіе моему горю и рѣшительное намѣреніе развлекать меня. Она просидѣла у меня нѣсколько часовъ, подробно описывая мнѣ пріятности жизни въ Вильнѣ и въ Варшавѣ и высчитывая аристократическіе дома, гдѣ она была коротко знакома. Я почти ничего не слышала и думала въ это время, что дѣлается въ той дѣтской, гдѣ больные, и въ той, гдѣ выздоравливающіе...

Докторъ вошелъ, когда она очень картинно описывала прелестное жилище какой-то графини.

— Чтó ваши больные? — спросилъ онъ съ тѣмъ серьёзнымъ

видомъ, который являлся у него, какъ только онъ входилъ въ роль доктора.

— Кажется, благополучны, — отвѣчала я. Миша просилъ у меня позволенія одѣться и пройтись по комнатѣ; я ему позволила. Это ничего?

— Конечно, ничего, если онъ въ самомъ дѣлѣ только пройдется по комнатѣ... отвѣчалъ докторъ. Я сейчасъ пройду самъ въ дѣтскую, прибавилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе! — попросила я, начиная чувствовать противъ своей гостьи рѣшительное озлобленіе.

Онъ слегка поклонился и прошелъ къ больнымъ.

— Вамъ самимъ нужно къ дѣтямъ, спохватилась, наконецъ, Мальвина Осиповна. До свиданія! очень жаль, что прервали наше пріятное tête-à-tête. А какъ вы довольны докторомъ? — вполголоса спросила она. Не правда ли—безъ сердца человѣкъ? Ни привѣта, ни участія отъ него не встрѣтите... До свиданія! Я буду часто навѣщать васъ. Я не боюсь скарлатина: онъ у меня былъ.

— Больные въ удовлетворительномъ состояніи, немного нахмурившись сказалъ докторъ, какъ только я вошла въ дѣтскую; но Мишу я засталъ въ корридорѣ: тамъ чаще всего разгуливаетъ сквозной вѣтеръ и туда ему долго еще нельзя показываться!...

Онъ былъ немного въ раздраженномъ состояніи, какъ всегда, когда не были исполнены его требованія касательно больныхъ.

— Да, я знаю это! Но что-жъ вы подѣлаете, когда въ такое хлопотливое время являются къ вамъ гости и сидятъ нѣсколько часовъ?—съ серьёзной досадой проговорила я.

— Что-жъ вы не велите отказывать гостямъ? — возразилъ докторъ.

— Кто-жъ ее зналъ, что она ворвется!—досадливо проговорила я, совершенно позабывъ, что вчера мужъ предупреждалъ меня о ея намѣреніи. Теперь ужъ, конѐчно, я приму заранѣе мѣры противъ такихъ нечаянностей.—Это обѣщаніе мое, такъ же какъ и досада моя, кажется, обезоружили его.

— А я помогу вамъ, предложилъ онъ, переходя въ дружелюбный тонъ. Она большая трусиха и потому только ѣздитъ къ вамъ, что, по ея мнѣнію, скарлатинъ два раза у одного лица не бываетъ. А врачи объ этомъ думаютъ различно. Я вотъ зайду къ ней на-дняхъ и хорошенько ее напугаю.

— Облагодѣтельствуете, Сергѣй Михайловичъ!—истинно облагодѣтельствуете, шутя сказала я.

— Да у нея, кромѣ того, языкъ прескверный, уже серьёзно прибавилъ онъ. Она всесвѣтная сплетница!...

— Ну, а какъ вы думаете—не окажется у Миши дурныхъ послѣдствій этой прогулки по корридору?

— Не знаю. Это зависитъ отъ многихъ условій и причинъ...

И онъ началъ излагать мнѣ эти причины, условія и могущія быть послѣдствія съ той послѣдовательностью и подробностью, которую я уже знала и которая со стороны могла, быть можетъ, показаться смѣшною и странною. Но я была озабочена и прослушала все со вниманіемъ. Пришелъ мужъ и тоже встревожился. Но у него это скоро прошло: въ срединѣ обѣда онъ всегда дѣлался оптимистомъ.

Когда вечеромъ я опять высказала что-то въ родѣ безпокойства на счетъ Миши, онъ даже разсердился.

— Какой онъ мнительный и безтактный—этотъ господинъ!— сказалъ мужъ о Васильевѣ. Чтó за надобность—пугать этакъ матерей! Я жалѣю, что мы сначала не обратились къ Беренсу.

— И ты думаешь—Беренсъ лучше сдѣлалъ бы дѣло? Больше заботился бы о больныхъ? съ упрекомъ выговорила я.

— Онъ исполнилъ бы свою обязанность добросовѣстно, а ты была бы покойнѣе, отвѣчалъ мужъ.

Я ничего не сказала на это, но мнѣ было очень досадно.

Экскурсія Миши въ корридоръ не прошла ему даромъ. На другой же день показался отёкъ кожи. Сначала мужъ увѣрялъ, что этого вовсе нѣтъ, что это только мнѣ представляется, но къ вечеру ужъ онъ долженъ былъ согласиться, что я не напрасно тревожусь. Какъ нарочно Васильева пригласили тогда въ уѣздъ, къ трудному больному; онъ у насъ въ тотъ день вовсе не былъ. Александръ вздумалъ-было вечеромъ послать за Беренсомъ, но я настойчиво воспротивилась и отправила записку къ Васильеву съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно дождались его возвращенія и принесли бы мнѣ отвѣтъ.

Но онъ самъ пришелъ тотчасъ по возвращеніи, даже не переодѣвшись, сдѣлалъ тотчасъ нужныя распоряженія и просидѣлъ возлѣ больного очень долго.

— Вы всегда такъ засиживаетесь возлѣ своихъ больныхъ — шутя спросила я у него тогда.

— Нѣтъ, это я въ первый разъ такъ малодушествую, отвѣчалъ онъ.

А у меня чуть не сорвался съ языка вопросъ, почему же это такъ? Онъ и сорвался бы, еслибъ вслѣдъ за этимъ вопросомъ

не явилось въ мысляхъ и отвѣта, который и удивилъ бы и испугалъ меня...

Скоро послѣ того Васильевъ пришелъ какъ-то къ намъ позже обыкновеннаго. Я была одна; мужъ вернулся рано съ эскадроннаго ученья, кажется, для того, чтобъ быть дома, когда зайдетъ докторъ, но тотъ долго не приходилъ, и Александръ, порѣшивъ, что вѣрно его вовсе не будетъ, ушелъ куда-то опять.

— Знаете, гдѣ я сейчасъ былъ? спросилъ у меня Васильевъ, покончивъ толковать о больныхъ.—Меня звали къ француженкѣ, которая живетъ рядомъ съ княземъ—къ m-lle Buisson.

— Что-жъ она—больна? Что у нея?—спросила я.

— Такъ, ничего. Можетъ быть и было бы что-нибудь, если бы не захватили на первыхъ порахъ. А теперь пустяки. Князь былъ очень встревоженъ.

— Какъ же она вамъ понравилась вообще?—спросила я.

— Да я ее и прежде видалъ. Она — нельзя сказать, чтобъ была хороша собой.

— Но она лучше хорошенькой, возразила я.

— Можетъ быть; только ея лицо не въ моемъ вкусѣ: я люблю лица правильныя... классическія, шутя добавилъ онъ, мелькомъ взглянувъ на меня. А обстановка прекрасная: такъ кругомъ все просто, изящно и, должно быть, дорого. На этажеркахъ пропасть книгъ, вездѣ цвѣты и деревья, піанино, множество нотъ...

— Какое же вообще впечатлѣніе вы оттуда вынесли?—спросила я.

— Хорошее впечатлѣніе. Мнѣ кажется — это очень симпатичный романъ.

— А вы любите романы?—спросила я.

— Какъ, то-есть, романы? Читать ихъ я не люблю и никогда не читаю, а имѣть свой хорошій романъ—другое дѣло.

— Имѣть свой хорошій романъ — повторила я. Это немногимъ дается!

— Будто? Вы это говорите судя по себѣ, или нѣтъ? — тихо спросилъ онъ.

— Я говорю вообще,—отвѣчала я прежнимъ тономъ.

— А я подумалъ, что вы говорите о себѣ и что вы можетъ быть слишкомъ требовательны. Вы, пожалуй, имѣете право быть требовательной, но — говоря вообще, требовательность невыгодна.

— Я васъ увѣряю, что я не о себѣ говорила. А почему вы находите, что требовательность невыгодна?

— Да потому, что найти *все* — очень трудно. Лучше удовольствоваться *чѣмъ-нибудь.*

— Но въ такомъ случаѣ это не будетъ *хорошій романъ*, а такъ, заурядная любовная исторія! возразила я.

— Да, я не такъ выразился: вмѣсто *что-нибудь* нужно было сказать *многое*,—проговорилъ онъ и задумался.

Мнѣ пришло на мысль, что у насъ разговоръ начинаетъ принимать странный оборотъ...

— Какъ вы думаете, Сергѣй Михайловичъ, скоро Лидѣ можно будетъ выходить на воздухъ?—спросила я, отчасти чтобъ замять прежній разговоръ.

Онъ встрепенулся.

— Лидѣ уже минулъ шестинедѣльный срокъ: въ хорошіе дни ей можно выходить съ извѣстными предосторожностями,—сказалъ онъ.—А Миша пусть еще подождетъ.

— Папа идетъ! папа идетъ! закричали дѣти, заслышавъ звонокъ и шаги отца.

Мужъ рѣшительно начиналъ коситься на частыя посѣщенія Васильева. Они его стѣсняли: онъ вовсе не желалъ, чтобъ мнѣ приходилось часто и долго просиживать съ докторомъ вдвоемъ, и потому обыкновенно возвращался изъ эскадрона раньше, чѣмъ ему было нужно. Онъ былъ очень честолюбивъ по-своему: когда мы жили въ деревнѣ, ему хотѣлось быть лучшимъ хозяиномъ въ околоткѣ, здѣсь ему хотѣлось быть лучшимъ эскадроннымъ командиромъ. Онъ однакожъ приличіе относительно доктора соблюдалъ.

— Куда же вы, Сергѣй Михайловичъ?—сказалъ онъ, когда Васильевъ началъ прощаться. Я думалъ, вы пообѣдаете съ нами.

— Нѣтъ, я еще не совсѣмъ отдѣлался: у меня въ больницѣ одинъ трубачъ очень подозрителенъ: боюсь, не было бы тифа. Нужно взглянуть, отвѣчалъ Васильевъ, и повторивъ еще, съ какими предосторожностями слѣдовало водить Лиду гулять, онъ раскланялся и ушелъ.

— Видно нечего дѣлать этому барину, что безпрестанно шляется, досадливо проговорилъ мужъ.

— Ему-то нечего дѣлать! — съ упрекомъ произнесла я, пожимая плечами.

Мужъ насупился и ничего не отвѣчалъ.

Дня черезъ два вечеромъ у насъ собралось много гостей. Обрадовавшись выздоровленію дѣтей, мужъ созвалъ множество народа, кто встрѣтился — того и пригласилъ. Явились его партнёры, кое-кто изъ молодежи, майоръ Бѣлостоцкій съ Мальвиной

Осиповной, на которой красовалась какая-то фатальная сѣтка, вся усѣянная бусами и стеклярусомъ; пришелъ и докторъ, котораго утромъ мужъ позвалъ за-урядъ. На двухъ-трехъ столикахъ усѣлись играть въ карты; Мальвина Осиповна сѣла возлѣ меня, и собравъ вокругъ себя молодежь, казалось, блаженствовала. Разговоръ коснулся больныхъ.

— А Сергѣй Михайловичъ до сихъ поръ бываетъ у васъ всякій день?—спросила она.

— Да, почти всякій день бываетъ,—отвѣчала я.

— А-а!—протянула она, какъ-то сжимая губы, и обратилась къ кому-то изъ офицеровъ.

Нѣсколько позже явился князь. Общество встрѣтило его съ подобающимъ эффектомъ: офицеры—съ должною почтительностью, чиновничество—съ обычнымъ подобострастіемъ, а Мальвина Осиповна—съ игривою фамильярностью. Князь не игралъ въ карты и подсѣлъ къ намъ. Офицеры поотошли одинъ за другимъ.

— Я надняхъ ѣду въ Н., — объявилъ князь. — Нѣтъ ли у кого порученій, mesdames?

— Ахъ! пожалуйста, князь!—съ восторгомъ отозвалась Мальвина Осиповна. Мнѣ многое нужно. Знаете — лентъ, кружевъ, духовъ, всего такого!

— Поручайте. Я очень люблю дамскія порученія,—сказалъ князь. А вы, Катерина Александровна?

— Мнѣ ничего не нужно,—отвѣчала я.—Благодарю васъ.

— Ахъ, ma chère? Какъ не воспользоваться этимъ! У князя такъ много вкуса!—воскликнула моя гостья.

— Да Катерина Александровна моихъ достоинствъ и заслугъ по этой части еще не знаетъ,—сказалъ князь. А у васъ, Сергѣй Михайловичъ, не будетъ порученій?

— Будетъ. Не порученіе, впрочемъ, а просьба: привезите пожалуйста, князь, побольше хинины. Весна пришла, отъ лихорадокъ отбою нѣтъ, и намъ въ больницу хинины нужно вдесятеро больше, чѣмъ сколько ея полагается.

— Хорошо; вы пожалуйста запишите мнѣ это, чтобъ я не забылъ,—проговорилъ князь.

— Вы только не покупайте хинину въ аптекѣ, князь, это слишкомъ дорого; въ магазинахъ аптекарскихъ товаровъ гораздо дешевле,—замѣтилъ Васильевъ.

— Хорошо, хорошо. Вы и адресъ магазина проставьте,—сказалъ князь. Навезу вамъ ее столько, что останетесь довольны.

— Какая разница между нами и мужчинами!—томно замѣтила Мальвина Осиповна. Намъ нужно все такое изящное, воз-

душное, граціозное! а Сергѣю Михайловичу — только эта противная хинина.

— Воздушнымъ и граціознымъ лихорадку вѣдь не вылечишь,—сказалъ Васильевъ.

— А больше всего сушитъ и очерствляетъ—это медицина и вообще ученость! — печаловалась Мальвина Осиповна. Ну, скажите сами, Сергѣй Михайловичъ, способны ли вы къ какому-нибудь увлеченію?

— Еще-бы! — отвѣчалъ Васильевъ. Homo sum!

Мальвина Осиповна отчаянно замахала руками.

— Ахъ! пожалуйста безъ этихъ ученостей! — умоляющимъ голосомъ говорила она.— Я вамъ все-таки не повѣрю. Ну, скажите вы, Катерина Александровна, сослалась она на меня: способенъ-ли онъ къ увлеченію?

Она граціозно указала пальчикомъ на Васильева.

— Мнѣ кажется — болѣе всякаго другого, — отвѣчала я.— Посмотрите, какъ Сергѣй Михайловичъ увлекается своею обязанностью врача!

— Ахъ, я не о томъ говорю, совсѣмъ не о томъ!—возразила она.—Это все проза жизни. Я ищу поэзіи!..

Васильеву она наконецъ надоѣла.

— Желалъ бы я посмотрѣть — еслибъ вамъ умирать пришлось, что вы бы захотѣли—поэзіи или путнаго врача?—съ рѣзкой насмѣшкой проговорилъ онъ и сталъ прощаться.

— Вотъ онъ всегда такъ! Это ужасъ!—жаловалась намъ съ княземъ озабоченная майорша.

— Да охота вамъ его трогать, Мальвина Осиповна!—замѣтилъ ей князь. — Сами знаете — человѣкъ онъ безъ свѣтскаго лоску...

— Да я для его-же пользы: думаю, нужно же отшлифовать его,—оправдывалась она.

— Напрасно, никогда вы его не отшлифуете. Горбатаго могила исправитъ, а вы слишкомъ утруждаете свое доброе сердце,— проговорилъ князь, и тоже сталъ прощаться.

На другой день мнѣ почему-то вспомнился вопросъ Мальвины Осиповны, часто ли бываетъ докторъ, и выраженіе ея лица при моемъ отвѣтѣ. «Чего добраго — сплететъ еще изъ этого какую-нибудь сплетню»,—подумала я. Когда докторъ предупреждалъ меня, какая она сплетница, мнѣ пришло на мысль, что я отъ сплетенъ застрахована: очень трудно сплести что-нибудь на мой счетъ,—нѣтъ никакого повода. «А впрочемъ—сплетникамъ, какъ и дуракамъ, законъ не писанъ, подумалось мнѣ теперь. Выду-

маетъ, пожалуй, что я влюблена въ Васильева, а онъ въ меня и т. д. Только воображаю, какъ мнѣ пристала эта роль женщины любимой и влюбленной, особенно послѣ двухмѣсячнаго затворничества съ больными!»—съ горькой ироніей подумала я.— Мнѣ вдругъ пришло на мысль, что я очень давно не видала себя, и захотѣлось на себя взглянуть; но я такъ мало занималась собою, что у меня въ спальной и зеркала не было, послѣ того какъ дѣти, шаля, разбили его. Я пошла въ гостинную, взглянула—и не повѣрила глазамъ своимъ: словно чужое лицо было предо мною. Куда дѣвалось то черствое, тоскливое выраженіе, которое на немъ давно явилось! На меня глядѣло изъ зеркала будто молодое лицо, будто улыбающееся... Я отошла озадаченная и смущенная, и чуть не столкнулась съ Васильевымъ.

— Что это съ вами? случилось что-нибудь особенное?—спросилъ онъ, пожимая мою руку.

— Нѣтъ. А чтó?—въ свою очередь спросила я.

— Мнѣ показалось, будто у васъ какое-то особенное выраженіе лица... Дѣти здоровы? Пойдемъ къ нимъ.

Въ дѣтской все обстояло благополучно. Лида собиралась гулять по галлереѣ. Миша наплакался уже, что его еще не пускаютъ съ нею, и теперь игралъ. Меньшія дѣти были въ хорошемъ состояніи. Докторъ усѣлся на низенькомъ табуретѣ возлѣ Наташиной кроватки и началъ весело разсказывать мнѣ что-то постороннее и смѣшное; кажется—какъ онъ далъ одной солдаткѣ мазь для втиранія въ спину, а она эту мазь чуть-было не съѣла. Я думала о другомъ, сама не знаю о чемъ; онъ замѣтилъ, что я не слушаю его, замолчалъ и началъ смотрѣть на меня своимъ пристальнымъ, ласковымъ взглядомъ... И вдругъ я безъ всякой тревоги и испуга поняла и почувствовала, что онъ въ самомъ дѣлѣ начинаетъ любить меня,—меня, женщину отжившую и давно отказавшуюся отъ всякой мечты о счастіи. «Не даромъ же онъ такъ охотно отдаетъ мнѣ свое дорогое, трудовое время,—думала я.—Не даромъ, послѣ трехъ лѣтъ практики онъ въ первый разъ «малодушествуетъ» у постели моихъ больныхъ дѣтей. Не даромъ онъ не сводитъ съ меня своего, вотъ этого взгляда!» — Да, это такъ! — неожиданно вслухъ выговорила я.

— А знаете, судя по выраженію вашего лица, я догадываюсь, къ чему относится это *такъ*, произнесъ вдругъ Васильевъ.

— Неужели?—недовѣрчиво улыбаясь, проговорила я.

— Право догадываюсь. И даже скажу вамъ, что вы не ошибаетесь: это дѣйствительно *такъ*.

Эти слова сами по себѣ конечно ничего еще не доказывали, но изъ тона, изъ его взгляда я поняла, что онъ дѣйствительно догадался—и испугалась.

Я вовсе не думала заходить такъ далеко. Въ первую минуту я не нашлась, чтó ему сказать.

— Вотъ видите,—проговорила я потомъ,—мы съ вами все ужъ переговорили и теперь, для разнообразія, начинаемъ говорить загадками.

Я засмѣялась и потомъ небрежно заговорила о чемъ-то совсѣмъ постороннемъ. Ушелъ онъ въ тотъ день скоро, ушелъ замѣтно озадаченный...

Съ тѣхъ поръ я совершенно измѣнила свое обращеніе съ Васильевымъ: вмѣсто прежняго, искренняго и простого, я приняла небрежно-шутливый и холодный тонъ.

Васильевъ былъ въ рѣшительномъ недоумѣніи. Онъ самъ былъ искрененъ и простъ и никакого понятія не имѣлъ о тѣхъ тонкостяхъ и ухищреніяхъ, которыя способна измыслить женщина, твердо вознамѣрившаяся отстоять себя. А между тѣмъ мужа все больше и больше начинала разбирать злость. А мнѣ, въ свою очередь, со всякимъ днемъ все противнѣе казалась та комедія, которую я играла, и все больше и больше хотѣлось покончить ее. Сколько я ни думала, я не могла придумать другого средства, какъ разлука.

— А чтó, та командировка, о которой вы мнѣ говорили какъ-то, состоится или нѣтъ?—спросила я у Васильева, когда онъ засталъ меня одну, чтó въ послѣднее время рѣдко случалось.

— Не знаю. Я не желалъ бы, чтобъ она состоялась,—отвѣчалъ онъ.

— Это напрасно, шутя проговорила я. Вамъ не мѣшало бы проѣхаться, а то вы мнѣ ужъ и принадоѣли немножко...

Онъ поблѣднѣлъ и отвернулся.

— Я и самъ замѣчаю, что надоѣлъ, тихо произнесъ онъ.

У меня сердце дрогнуло; но я не хотѣла поддаться этой слабости, начала посторонній разговоръ, и когда онъ сталъ вскорѣ послѣ того прощаться, подала ему руку небрежно и холодно.

Дня два онъ не приходилъ, и эти два дня показались мнѣ очень длинными и скучными; кромѣ того меня начинало мучить раскаяніе: мое обращеніе съ Васильевымъ началó мнѣ казаться предосудительнымъ...

Была свѣтлая морозная ночь. Я подошла къ окну и, задумавшись, безцѣльно и почти безсознательно глядѣла на улицу,

вдвойнѣ освѣщенную и мѣсяцемъ, и недавно выпавшимъ, вѣроятно послѣднимъ мартовскимъ снѣгомъ... Показалась темная фигура.

— Онъ, или нѣтъ? подумала я, мучительно желая, чтобъ то былъ онъ.

Звонокъ дрогнулъ; знакомый голосъ спросилъ о насъ.

— А, Сергѣй Михайловичъ! чтó давно не видно? радушно проговорилъ мужъ, въ которомъ желаніе поговорить и закусить съ добрымъ человѣкомъ часто пересиливало всякія другія побужденія.

— Некогда было,—отвѣчалъ Васильевъ. Я и теперь только проститься зашелъ: завтра въ командировку ѣду.

Я почувствовала, что краснѣю, и поспѣшила откинуться въ темный уголъ дивана. Мужъ сталъ разспрашивать, какая командировка, на долго-ли; онъ былъ какъ-то особенно словоохотливъ и не вышелъ даже къ вахмистру. А мнѣ очень хотѣлось хоть на нѣсколько минутъ остаться одной съ Васильевымъ, хотѣлось на прощаньи сказать ему доброе слово, выразить дружелюбное чувство... Такъ оно и не удалось, хоть мы просидѣли всѣ вмѣстѣ далеко за-полночь. Только когда Васильевъ сталъ прощаться, мужъ вышелъ въ кабинетъ за какой-то нужной Васильеву бумагой.

— Нужно мнѣ *скорѣе* кончать свою командировку? — тихо спросилъ онъ, глядя мнѣ въ глаза съ обычной ласковой улыбкой.

Я опять струсила.

— Конечно скорѣе, громко и посмѣиваясь отвѣчала я. Не тó мы тутъ еще перемремъ всѣ безъ васъ!...

Васильевъ уѣхалъ. Какое значеніе имѣлъ для меня его отъѣздъ пойметъ только тотъ, кто такъ долго, какъ я, жилъ на безлюдьи; я просто мѣста себѣ не находила, такъ мнѣ было пусто и тоскливо. Я занималась дѣтьми и хозяйничала, какъ автоматъ; мнѣ казалось — и дѣти стали капризнѣе, и домашнія дрязги несноснѣе, а мужъ всякимъ шагомъ, всякимъ словомъ своимъ возбуждалъ во мнѣ досаду.

А между тѣмъ въ полку шла большая сумятица; пронеслось извѣстіе, что князь сдаетъ полкъ и получаетъ назначеніе въ Петербургѣ. Александръ припомнилъ, что и при немъ у князя въ минуту раздраженія часто вырывалось желаніе поскорѣе отсюда убраться; мужъ думалъ, что это говорилось такъ-себѣ, отъ досады, и жалѣлъ, что тогда не спросилъ у князя объясненія, которое тотъ вѣроятно далъ бы ему. Князь между тѣмъ не возвращался изъ Н.

Меня наконецъ одолѣла скука. Чтобъ развлечься, я надумала посѣтить полковыхъ дамъ, къ великому ихъ изумленію. Поручица очень измѣнилась; исхудала, пожелтѣла, и краснѣя, и смущаясь призналась мнѣ, что нездорова—ѣсть-пить не можетъ: все-то ей противно, а тятенька не прощаетъ, и денегъ у нихъ ужъ вовсе нѣтъ.

— Вотъ на-дняхъ опять поѣдемъ къ нимъ: авось теперь сжалятся... заключила она, смаргивая слезу съ глазъ.

— А ваша матушка?.. начала я, желая спросить, какъ же относится къ ихъ браку ея мать, и отчего она не попытается смягчить мужа.

— Маменька ничего не смѣютъ; онѣ насъ жалѣютъ и даже потихонько денегъ присылаютъ, да у нихъ у самихъ мало,—отвѣчала она, и совсѣмъ заплакала.

Мнѣ было жаль ее, но я мало практиковалась въ роли утѣшительницы и, какъ только позволило приличіе, поспѣшила уѣхать.

«Экая бѣдняжка! промѣняла кукушку на ястреба — сытую и довольную жизнь у тятеньки на махроваго болванчика, у котораго ни кола, ни двора, ни царя въ головѣ, и который, пожалуй, еще грызетъ ее за то, что денегъ тятенька не даетъ»,—подумала я дорогой къ докторшѣ.

Эта напоила меня цикорнымъ кофе и все время толковала о кухаркахъ, о цѣнѣ провизіи на рынкахъ, о достоинствахъ сахару того или другого завода, о дороговизнѣ дровъ, и все это такъ серьёзно, съ такимъ участіемъ къ дѣлу, что напомнила мнѣ извѣстныя лекціи Васильева. «Вотъ вѣдь какъ это просто! подумала я: выбери себѣ дѣло, да удовлетворяйся имъ —

Будетъ жизнь и полна, и легка!..»

Мальвина Осиповна съ восторгомъ бросилась мнѣ навстрѣчу.

— Ахъ! я на седьмомъ небѣ отъ вашего пріѣзда! Такъ давно васъ не видѣла! А князь-то, князь! Я думаю — Александръ Семеновичъ въ отчаяніи!

— Онъ еще и не знаетъ ничего навѣрное, замѣтила я.

— Не можетъ быть! Но вы такъ скрытны: у васъ совсѣмъ нѣтъ потребности отвести душу, высказаться. А я безъ этого не могу, нѣсколько меланхолически прибавила она. А о князѣ — я увѣрена — многіе пожалѣютъ!

— Мнѣ тоже кажется, что многіе, — съ убѣжденіемъ подтвердила я.

— Да, прибавила и она. Къ молодежи онъ былъ очень хорошъ: по службѣ не взыскателенъ, гостепріименъ; правда—молодежь съ нимъ нѣсколько стѣснялась; ну, ужъ лѣта его не тѣ и

положеніе, конечно... А для эскадронныхъ командировъ онъ еще лучше былъ: насчетъ справокъ благороднѣе его полкового командира не было.

— А согласитесь сами, Мальвина Осиповна, что въ этомъ-то и есть самая суть, если полковой командиръ насчетъ справокъ хорошъ, выговорила я, желая шуткой положить конецъ ея изліяніямъ.

— Ха! ха! ха! Конечно, конечно, это главное!.. Но за то частная жизнь князя!..

Она закачала укоризненно головой.

— А Сергѣй Михайловичъ не возвратился?—какъ-то таинственно спросила она меня вслѣдъ за тѣмъ.

— Не знаю, я его не видѣла, отвѣчала я равнодушно.

— Значитъ, не возвратился; онъ явился бы къ вамъ первымъ, съ увѣренностью сказала она.

— Нѣтъ; вѣдь у насъ теперь уже нѣтъ больныхъ, возразила я и начала прощаться.

— До свиданія, ma chère! Вы такъ меня одолжили, еще сладостно, но уже безъ прежняго паѳоса говорила она.

«Вотъ когда она начнетъ меня славить?» подумала я, сходя съ ея крыльца.

Только-что возвратилась домой—явился князь.

— Скажите пожалуйста, князь, правда ли это?... начала я.

— Правда, правда, перебилъ онъ, слегка смущаясь.

— Чтожъ ты скрывался? съ упрекомъ выговорилъ Александръ.

— А ты развѣ спрашивалъ меня о чемъ? полуулыбаясь сказалъ князь. Да я и самъ не зналъ до сихъ поръ ничего вѣрнаго. А вы гдѣ были, Катерина Александровна? у Мальвины Осиповны? То-то, я думаю, наплела вамъ съ три короба по поводу ожидаемой перемѣны. Какъ-то она уживется съ моимъ преемникомъ?...

— А кто́ онъ и каковъ онъ? спросилъ мужъ.

— Деревянкинъ. Онъ какой-то великопостный... Ну, Александръ, пойдемъ въ кабинетъ, поболтаемъ.

Я пошла къ дѣтямъ и съ тоской принялась разбирать какую-то ссору ихъ съ нянькой, при чемъ никакъ нельзя было понять, кто правъ, а кто виноватъ. А князь долго просидѣлъ съ мужемъ въ кабинетѣ.

— И все-таки грѣхъ тебѣ не сказать прежде, говорилъ мужъ, провожая его.

Да вѣдь я же тебѣ тысячу разъ говорилъ, что надоѣло мнѣ здѣсь, чудакъ ты этакій! смѣясь, но все еще въ смущеніи гово-

рилъ князь.—До свиданія, Катерина Александровна! Очень радъ, что у васъ всѣ здоровы.

Князь былъ изъ послѣднихъ могиканъ той военщины, которая достигла апогеи своего значенія въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, которая считала когда-то въ рядахъ своихъ Чаадаева, Рылѣева, Бестужева и пр., и потомъ, все мельчая и мельчая въ дрязгахъ ремешковой службы, все еще показывала порой и такія блестящія, громкія имена, какъ имя Лермонтова, не менѣе громкія, но въ будничномъ быту нашего общества, все еще замѣчательныя личности, пока не выродилось совсѣмъ, благодаря неблагопріятнымъ для нея условіямъ позднѣйшаго времени.

Князь происходилъ изъ богатаго и знатнаго рода, началъ службу въ гвардіи, но скоро былъ переведенъ въ армію за какую-то шалость. Онъ полюбился въ полку и въ провинціи, самъ полюбилъ и полкъ и провинцію, и обратно въ гвардію не захотѣлъ. Ему попался полкъ съ порядочнымъ обществомъ офицеровъ; ему нравилась жизнь на распашку между товарищами, отсутствіе претензіи и интригъ. Провинціальный людъ носилъ его на рукахъ, барыни въ него влюблялись (онъ и теперь еще былъ очень хорошъ собою), отъ дѣвушекъ онъ сторонился. Князь имѣлъ въ себѣ въ должной степени и мѣрѣ всѣ качества, необходимыя хорошему товарищу и офицеру: онъ былъ и честенъ, и прямодушенъ, и безкорыстенъ и уменъ именно столько, сколько требовалось. Въ полку его всѣ уважали, но близко онъ ни съ кѣмъ не сошелся. Александръ и нѣкто Таракановъ, въ качествѣ старыхъ товарищей, были единственнымъ исключеніемъ.

Сегодня князь разсказалъ Александру, что онъ давно замышлялъ *убраться*, и именно выдти въ отставку. Но дядя его, занимавшій видный постъ въ Петербургѣ, уговорилъ его принять назначеніе, которое открывало ему блестящіе виды на будущее.

— Я знаю впрочемъ, что не долго тамъ уживусь, сказалъ ему сегодня князь: слишкомъ, братъ, я опровинціялился, отвыкъ отъ всѣхъ этихъ тамъ великосвѣтскихъ тонкостей и этикетовъ. Онъ немного стыдился, что не выдержалъ характера и поступалъ-таки въ полотеры, какъ называлъ онъ презрительно всѣхъ ищущихъ карьеры.

Чтò до меня—я была хорошо расположена къ князю и жалѣла, что онъ уходитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я была немного рада, что эта суматоха въ полку нѣсколько развлекла и оживила меня. Все-таки мнѣ было очень тяжело: кромѣ давней тоски одиночества, меня все еще безпокоила мысль, что я была не права предъ Васильевымъ. «Какое основаніе имѣла я именно такъ, а

неиначе, истолковать тѣ слова его, которыя показались мнѣ полупризнаніемъ? Развѣ не могли они относиться къ простому чувству пріязни, о которомъ я сама мечтала?» спрашивала я у себя. Я порѣшила на томъ, что у насъ — женщинъ прошлаго, очень дурное воображеніе, несмотря ни на какія добродѣтели, а можетъ быть именно даже благодаря извѣстнаго рода добродѣтели. Я краснѣла, вспоминая свои шуточки въ день прощанія съ Васильевымъ и прежде; онѣ казались мнѣ и плоскими и безсердечными. «Удивительно, какъ жестка и безтактна дѣлается женщина, выступая защищать свою добродѣтель при первомъ подозрѣніи, что на нее покушаются»! съ горечью замѣчала я. Я всячески разбирала свое поведеніе съ Васильевымъ: съ точки зрѣнія готовой, рутинной морали я была совершенно права: обстоятельства поставили меня въ близкія сношенія съ молодымъ человѣкомъ, я замѣтила въ его отношеніяхъ ко мнѣ какой-то опасный оттѣнокъ. Ясно, что мнѣ нужно было оттолкнуть его — я это и сдѣлала. Но я не могла смотрѣть на вещи только съ этой точки зрѣнія, точно также какъ трудно было мнѣ, женщинѣ прошлаго, стать на настоящую точку зрѣнія.

Н. Дмитріева.

МОЯ ПОѢЗДКА

ВЪ

БУХАРУ.

Путевыя наблюденія и замѣтки.

Знаніе истиннаго положенія дѣла, которое насъ почему-нибудь интересуетъ, есть первое условіе къ тому, чтобы привести такое дѣло къ какому-нибудь концу и безошибочно руководить имъ. Это — одна изъ заповѣдей политики, которая, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ и имѣетъ судьбу заповѣдей: весьма часто приходится и нашимъ политикамъ, и нашимъ публицистамъ, говорить по поводу этой заповѣди—грѣшенъ! Мнѣ представился случай въ прошедшемъ году побывать въ одномъ изъ главныхъ центровъ Средней Азіи и познакомиться близко съ людьми и ихъ дѣлами; я вспомнилъ при этомъ, что толкуется у насъ о средне-азіатскомъ вопросѣ, и тогда только понялъ, насколько криво ставится этотъ вопросъ и въ нашей публицистикѣ, и въ практической жизни. Наши завоеванія въ Средней Азіи первоначально сдѣланы были болѣе или менѣе случайно, и впослѣдствіи нашли себѣ оправданіе въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, говорили, эти завоеванія открываютъ намъ рынки для сбыта нашихъ мануфактурныхъ произведеній, а во-вторыхъ, даютъ намъ возможность путемъ восточныхъ отношеній вліять на западныя. Первое изъ этихъ положеній не выдерживаетъ даже и снисходительной критики, ибо наши рынки были открыты гораздо ранѣе, да и откры-

вать ихъ очень широко не приходилось надобности, когда половина русскаго населенія ходитъ еще въ самотканной затрапезѣ и сермягѣ; второе же положеніе—далеко недостигнуто. Вліять на западныя отношенія можно только изъ Бухары—политическаго и торговаго центра Средней Азіи, а Бухара пока еще въ рукахъ у эмира. Такимъ образомъ, не уясня передъ собой пути и создавая въ Ташкентѣ дефициты, достигшіе въ прошедшемъ году до 6 м. руб. [1]), мы не можемъ смѣло взглянуть въ глаза среднеазіатскому вопросу. Изъ двухъ ханствъ (Бухары и Кокана) наши публицисты начали созидать въ своемъ воображеніи какія-то государства, сознающія свои цѣли и потребности и понимающія международныя отношенія. Изъ ничтожнѣйшихъ, невѣжественныхъ, на-половину разбойниковъ и на-половину торгашей, эмира и хана, мы сдѣлали (опять-таки въ нашемъ воображеніи) государей и хотимъ вразумлять ихъ мирной политикѣ и благодѣяніямъ цивилизаціи. А они, прижатые нами, только и думаютъ, какъ-бы насъ надуть и выжить изъ Средней Азіи. Мирная политика наша кажется имъ слабостію, дружескія завѣренія—лицемѣріемъ. Какимъ образомъ мы не беремъ того, что легко взять можемъ? Этого ни голова эмира, ни голова хана вмѣстить никакъ не могутъ. Будь они на нашемъ мѣстѣ, думаютъ они, — они порѣшили бы этотъ вопросъ немедленно и взяли бы все то, что могутъ взять, забывъ въ одну минуту всѣ наши добрыя внушенія о пользѣ мира, торговли и о выгодахъ цивилизаціи. Словомъ, они были бы искреннѣе, еслибы только были сильнѣе. Вотъ впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ своего личнаго знакомства, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ нашими любезными сосѣдями.

Я выѣхалъ въ Бухару еще весною прошедшаго года и дорогою записывалъ все, что мнѣ удалось видѣть и слышать, съ цѣлью подѣлиться потомъ съ соотечественниками своими путевыми наблюденіями и замѣтками. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о которыхъ я скажу ниже, я предполагалъ начать свой дневникъ съ Самарканда, но преждевременный уходъ нашихъ арбъ съ моими вещами прямо на Чирачки, минуя Шахрисябзъ,

---

[1]) Дефициты:

1868 г.		3.856,000
1869 „		1.877,000
1870 „		3.009,000
1871 „		4.611,000
		13.814,000

Средній годовой — 3.453,000; а если вычесть изъ дохода контрибуціи съ эмира (460 т.), то дефицитъ еще больше.

помѣшалъ мнѣ исполнить мое намѣреніе до самаго Карши́, куда, навстрѣчу эмира, мы направили свой путь, и гдѣ я могъ сѣсть въ первый разъ за перо.

Рѣшившись добраться до Бухары, я постарался обставить свою поѣздку такимъ образомъ, чтобы извлечь изъ нея наиболѣе пользы какъ для пріобрѣтенія свѣдѣній, которыя меня интересовали спеціально, а именно въ отношеніи экономическомъ и финансовомъ, такъ и вообще для ознакомленія съ краемъ и его жителями. Съ этою цѣлію я взялъ съ собою, кромѣ переводчика и моего служителя-татарина, еще двухъ, преданныхъ мнѣ лицъ, между которыми и распредѣлилъ занятія но собиранію свѣдѣній. Молодой г. Трубчаниновъ, вызвавшійся сопутствовать мнѣ, взялъ съ собою приказчика-татарина, довольно свѣдущаго въ торговлѣ человѣка. Такимъ образомъ, весь нашъ путешествующій караванъ, кромѣ бухарскаго посланника [1]) и его 12 человѣкъ свиты, состоялъ изъ меня, Н. С. Трубчанинова, моего переводчика Ибрагима Юнусова, ташкентца Бай-Магомета, взятаго мною собственно для собиранія торговыхъ свѣдѣній, Хакима-Ходмси (моего мирзы) [2]), приказчика, моего слуги и двухъ арбъ съ нашими вещами и образцами товаровъ Турчанинова. Всѣмъ имъ я далъ передъ отъѣздомъ надлежащія инструкціи и наставленія, и при этомъ не могу не прибавить съ чувствомъ особой благодарности, пріятель мой Джурабекъ [3]), какъ я узналъ въ дорогѣ отъ моихъ людей, призывалъ ихъ къ себѣ, далъ имъ совѣты, какъ держать себя въ Бухарѣ и крѣпко-на-крѣпко заказалъ имъ беречь меня и слушаться. Этихъ средствъ, конечно, было бы достаточно, чтобы сдѣлать если не многое, то во всякомъ случаѣ нѣчто солидное; но дорога до Карши́ показала намъ, что надежды наши едва ли вполнѣ осуществятся: насъ чествуютъ сильно, но разспрашивать не даютъ. Я хорошо сдѣлалъ, что послушался совѣта опытныхъ людей и поѣхалъ въ Бухару не incognito, а съ оффиціальнымъ письмомъ къ эмиру. — Вотъ мой дневникъ.

---

[1]) Иссамединъ-Мирахуръ, возвращавшійся изъ Ташкента въ Бухару.

[2]) Писецъ.

[3]) Бывшій шахрисябзскій бекъ, выданный намъ (послѣ взятія Шахрисябза) коканскимъ ханомъ и живущій теперь въ Ташкентѣ.

I.

21-го апрѣля (1872 г.) въ пятницу, мы выѣхали изъ Ташкента: бухарскій посланникъ съ своею свитой и моими людьми часовъ въ 7 утра, я—гораздо позднѣе, въ тарантасѣ, чтобы догнать его на первой станціи и затѣмъ ѣхать верхомъ. Звѣзда путешествующихъ, какъ сказалъ мнѣ посланникъ Мирахуръ, была намъ на пользу, ибо свѣтила съ правой, а не съ лѣвой стороны. На первой станціи въ этотъ день (почтовый) не было никакой возможности получить лошадей. Я былъ въ отчаяніи: тарантасъ уѣхалъ назадъ, а у меня кромѣ термометра и портрета Н. Н. Головачева [1]), переданнаго мнѣ на дорогѣ К. В. Струве [2]), рѣшительно ничего не было. Къ счастію пришла изъ Ташкента почта; меня посадили на вьюки и довезли до кишлака [3]) Кавунчи [4]) (между Ніязъ-Саши и старымъ Ташкентомъ), гдѣ на ночь остановился нашъ караванъ по случаю усталости еще не привыкшихъ къ дорогѣ лошадей. Такимъ образомъ, въ первый день мы сдѣлали пути очень немного, но за то вечеръ и ночь этого дня имѣли для меня нѣкоторое значеніе; я замѣтилъ, что во время этого, хотя и небольшого перехода, между моими людьми и свитой Мирахура установились уже извѣстныя отношенія, на основаніи которыхъ я могъ принимать мѣры въ дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи. Большинство этой свиты, люди простые, сразу подружились съ нами, тихонько выпрашивали у моего человѣка водочки, которую (между прочимъ сказать) здѣсь пьютъ преисправно, и съ такою же охотою служили мнѣ, какъ и Мирахуру. Напротивъ того, люди болѣе къ нему приближенные (кромѣ его родного брата, котораго онъ держитъ въ черномъ тѣлѣ) и хватившіе нѣчто отъ мусульманской учености, держались отъ насъ въ сторонѣ и, кажется, были шпіонами. Къ этой послѣдней категоріи, къ изумленію моему, присталъ и мой мирза, возбудившій во мнѣ излишнимъ усердіемъ и ласкательствомъ къ Мирахуру нѣкоторыя подозрѣнія. Всѣ эти, неважныя въ сущности, подробности я считаю нужнымъ замѣтить потому, что они обрисовываютъ личность самого Мирахура, о которомъ я скажу ниже. Изъ Кавунчи мы сдѣлали большой переходъ прямо до Чи-

---

[1]) Военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области. Портретъ посылался эмиру.

[2]) Чиновникъ по дипломатической части.

[3]) Кишлакъ—селеніе, отъ слова кышь—зима, буквально зимовка, хотя собственно зимовки (у киргизовъ) называются киштау.

[4]) Кавунъ—дыня, Кавунчи—Дынное, въ родѣ нашихъ названій селеній: Рыбное и т. п.

наза, гдѣ, 22-го апрѣля, насъ видѣлъ жестоко уставшими С. К. Янчевскій. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, мы передъ закатомъ солнца переправились за р. Дарью. Въ Голодной степи [1]), въ лицѣ Мирахура, предсталъ мнѣ во-очію столь знакомый намъ образъ до-петровскихъ временъ боярина, путешествующаго изъ своихъ помѣстьевъ въ столицу. По зеленѣющей степи въ вечерней прохладѣ медленно двигались арбы, окруженныя верховою челядью. Въ арбѣ на мягкихъ коврахъ и подушкахъ сидѣлъ Мирахуръ и развлекалъ себя нескромными сказками своихъ челядинцевъ. За сказками слѣдовали пѣсни, за пѣснями опять сказки. Днемъ, во время жары, все останавливалось и отдыхало до вечерней прохлады. Между дѣломъ не забывались и намазы, и мой мирза, приложивъ правую руку къ уху, на манеръ запѣвалъ, усердно выкрикивалъ азанъ [2]). Такимъ образомъ, мало-по-малу, съ небольшими варіаціями, добрались мы до Ягачлы [3]), 23-го апрѣля въ 8 часовъ вечера. Здѣсь застигла насъ феноменальная гроза. Изъ Ягачлы я выѣхалъ позднѣе арбъ и Мирахура. Темь была страшная. Чтобы не сбиться съ пути, мы ѣхали поодиночкѣ другъ за другомъ, ощупывая дорогу. Минутъ черезъ десять загремѣлъ громъ и пошелъ мелкій и частый дождикъ, какъ будто на насъ сыпали мокрую манную крупу. Еще минутъ десять, на ушахъ нашихъ лошадей, оконечностяхъ нагаекъ, носкахъ сапоговъ и чалмахъ мусульманъ появились яркіе огни (Кастора и Поллукса) бѣлаго цвѣта. Съ дороги мы сбились, молнія сверкала ежеминутно, лошади не шли. Пришлось остановиться и ждать, что́ будетъ. Но не прошло пяти минутъ, какъ такіе же огни начали появляться на землѣ и въ воздухѣ, и летали передъ нами въ различныхъ направленіяхъ. Стало дѣйствительно страшно. Нѣсколько разъ мы слѣзали съ лошадей и искали дорогу, но все напрасно: компасъ мой не дѣйствовалъ, а разсылать людей было опасно. Наконецъ, часа черезъ полтора гроза начала утихать и мы, промокшіе до костей, настигли сначала наши арбы, а потомъ арбы и свиту Мирахура, которая, перепуганная грозой, долго не давала намъ отклика, принимая насъ за джиновъ [4]), т.-е. нечистую силу.

Къ утру слѣдующаго дня, т.-е. 24-го апрѣля, мы были уже въ Джизакѣ. День случился базарный. Я отправился смотрѣть

---

[1]) Отъ р. Дарьи до Джизака.

[2]) Призывъ къ молитвѣ.

[3]) Станція въ степи. Ягачъ—дерево (по-татарски Агачъ).

[4]) Въ Средней Азіи, сколько мнѣ извѣстно, два чорта: шайтанъ—въ родѣ нашего дьявола, и джинъ—въ родѣ нашего народнаго чорта.

торговлю. Базаръ довольно большой и оживленный. Англійскихъ произведеній, кромѣ кисеи (William' и Graham'а), не имѣется. Русскихъ ситцевъ и мелочи много, но халатовъ изъ русскихъ матерій встрѣчается мало. За неимѣніемъ торговой статистики Средней Азіи, наблюдать распространеніе мануфактурныхъ товаровъ всего легче и вѣрнѣе на базарѣ. Здѣсь, въ опредѣленный день, виденъ весь обиходъ и всѣ потребности жизни мусульманскаго міра. Кромѣ лавокъ съ товарами, открытыхъ и удобныхъ для наблюденія, на базарѣ появляется масса народу изъ отдаленныхъ мѣстностей. Эти лица — живыя статистическія цифры; по костюму ихъ можно сразу судить, въ какой степени и какой мануфактурный товаръ проникаетъ въ эти мѣстности. Джизакскій базаръ, какъ всѣ узбекскіе базары — аукатъ [1]), т.-е базаръ первыхъ потребностей, нашъ сельскій базаръ. Торговаго базара, въ родѣ нашихъ ярмарокъ или базара коканскаго, гдѣ обмѣниваются *купцами* произведенія однихъ странъ на другія—въ Джизакѣ, конечно, нѣтъ; но тѣмъ не менѣе значеніе его, какъ базара-аукатъ, очень большое. Индѣйскаго, кирпичнаго чая (сыпъ-чай или алма-чай, т.-е. яблочный) въ Джизакѣ очень много. Чай этотъ, какъ извѣстно, появился у насъ недавно, нѣсколько ранѣе того времени, какъ онъ былъ законфискованъ нами въ Ташкентѣ. Джизакскіе торговцы говорили мнѣ, что выгоды отъ этого чая много и что онъ расходится быстро. У насъ есть такой же кирпичный чай—китайскій, лучшаго качества, но странное дѣло—до сего времени онъ раскупался, и то въ незначительномъ количествѣ, только въ Семирѣчьи, въ Ташкентѣ же шелъ очень туго и за послѣдній годъ его вовсе не было видно. Я обратилъ на это обстоятельство вниманіе С. Н. Трубчанинова и просилъ его написать объ яблочномъ чаѣ нашимъ торговцамъ въ Кяхтѣ. Сравнительное достоинство обоихъ этихъ чаевъ, а равно цѣны и пути индѣйскаго чая я сообщу когда-нибудь другой разъ.

Въ Самаркандъ, подъ постояннымъ почти дождемъ, мы прибыли 27-го апрѣля и прожили до 29-го. Въ Самаркандѣ, а равно и въ дальнѣйшемъ путешествіи, я имѣлъ случай убѣдиться, что слухи, ходившіе въ то время у насъ, не лишены основанія. Сосѣдъ нашъ дѣйствительно что-то затѣваетъ и, какъ выразился мнѣ В. Р. Сѣровъ [2]), мечется въ разныя стороны. Дня три тому назадъ, передъ нашимъ пріѣздомъ, уѣхалъ отсюда (изъ Карши)

---

[1]) Аукатъ — жизненныя потребности, пища.

[2]) Начальникъ самаркандскаго отдѣла, одинъ изъ знатоковъ Азіи.

авганскій посланникъ [1]). Хивинскій — уѣхалъ изъ Бухары нѣсколько ранѣе; наконецъ, въ Бухарѣ былъ какой-то Френги, и уѣхалъ оттуда также очень недавно. Абдрахманъ-Ханъ [2]) человѣкъ чрезвычайно обстоятельный и незнающійся съ сартами, положительно увѣрилъ меня, что договоръ о сдачѣ Керки авганцамъ давно уже подписанъ. Теперь ждутъ только прихода туда авганскихъ войскъ. Здѣсь говорятъ то же самое, но прибавляютъ, что авганскія войска пройдутъ прямо въ Шахрисябзъ, куда вслѣдъ за ними пріѣдетъ эмиръ. Я объ этихъ слухахъ самъ лично ни съ кѣмъ не говорю и никого не разспрашиваю, но странно, что Мирахуръ увѣряетъ меня, что въ городѣ и народѣ ходитъ множество ложныхъ слуховъ, и уже три раза спрашивалъ меня, будетъ ли пріятно генералу Абрамову [3]), если эмиръ поѣдетъ въ Шахрисябзъ. Что это значитъ — я понять рѣшительно не могу. Нынѣшней зимой были въ Бухарѣ англичане и одинъ изъ нихъ, называющій себя муллой изъ Мешеда, живетъ тамъ въ настоящее время. Я знаю его адресъ и постараюсь увидать его, чтобы лично убѣдиться въ справедливости этихъ слуховъ [4]). Наконецъ, почетное и любезное, по внѣшности, охраненіе меня отъ всякаго соприкосновенія съ внѣшнимъ людомъ, также наводитъ на нѣкоторыя сомнѣнія. Вчера, напримѣръ, я вздумалъ-было проѣхаться по городу (послѣ уже свиданія съ эмиромъ), но меня удержали подъ благовидными предлогами до пріѣзда Мирахура. Я замѣтилъ ему это, и онъ былъ очень сконфуженъ. При этомъ я считаю своимъ долгомъ высказать мое мнѣніе о личности самого Мирахура. Во время нашего пути отъ Ташкента до Карши я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что личность эта для русскихъ интересовъ непригодная. Если можно употребить сдѣланное мною выше сравненіе, — это нашъ древній думный дьякъ, старающійся устроить себѣ карьеру ласкательствомъ и угодничествомъ вкусамъ своего повелителя, безъ всякаго сознанія его истинныхъ пользъ и выгодъ страны и народа. Въ одномъ изъ моихъ частныхъ писемъ въ Петербургъ я совершенно ошибочно охарактеризовалъ личность Мирахура. Теперь, я спѣшу исправить мою ошибку. Въ Россіи или на Кавказѣ многимъ вѣроятно удавалось встрѣчать молодыхъ раскольниковъ, весьма начитанныхъ въ Св. писаніи и кажущихся съ перваго взгляда очень толковыми и

---

1) Магомедъ-Тагиръ, какъ мнѣ передавали.

2) Претендентъ на авганскій престолъ; живетъ въ Самаркандѣ.

3) Начальникъ Заравшанскаго округа.

4) Подъ такимъ именемъ въ Бухарѣ, какъ я узналъ, дѣйствительно живетъ одинъ Мусафиръ „пришлецъ, путешественникъ“, но увидать его мнѣ не удалось.

даже просвѣщенными. При дальнѣйшемъ же съ ними знакомствѣ оказывалось (по крайней мѣрѣ со мной), что люди эти крайне тупые и ограниченные. Знаніе буквы писаній даетъ имъ нѣкоторый лоскъ и возможность, опираясь на книжный авторитетъ, примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ, лишь бы достигнуть своей маленькой цѣли. Болѣе широкаго взгляда на вещи у этихъ людей, мало нравственныхъ и забитыхъ буквоѣдствомъ, не бываетъ. Такимъ мнѣ кажется Иссамединъ-Мирахуръ. Нѣсколько случаевъ подтвердятъ мою характеристику. Зная, что расположеніе къ нему нашего высшаго начальства ставитъ его высоко среди чиновнаго бухарскаго люда и передъ эміромъ, онъ никогда, во всю дорогу, не упускалъ случая похвастаться этимъ передъ своими знакомыми и притомъ такъ, чтобы я слышалъ. Съ другой стороны, онъ зналъ вкусы своего повелителя, не особенно насъ долюбливающаго, и показывая себя истымъ мусульманиномъ, вездѣ, гдѣ было нужно, корчилъ изъ себя святошу, ненавидящаго кяфировъ. Въ Чиракчи это вышло очень забавно. Разсказавъ беку, при мнѣ по-тюркски, какъ его любятъ русскіе, и показавъ одинъ подарокъ, онъ тотчасъ же прибавилъ по-персидски, что вотъ какія настали времена: служимъ кяфирамъ и ихъ чествуемъ, но Богъ дастъ, не все будетъ такъ, настанутъ и прежнія времена. На этотъ разъ онъ опростоволосился: рядомъ съ нимъ сидѣлъ мой Бай-Магометъ, которому я запретилъ говорить по-персидски, и все слышалъ. Кромѣ этихъ случаевъ было еще очень много мелкихъ и забавныхъ случаевъ. Но за Самаркандомъ начались-было и совсѣмъ нехорошія продѣлки. Того же Бай-Магомета Мирахуръ призывалъ къ себѣ нѣсколько разъ по секрету и уговаривалъ его, какъ мусульманина, ничего не скрывать и сказать, зачѣмъ именно я пріѣхалъ въ Бухару, и не предпринимаютъ ли русскіе чего-либо непріязненнаго противъ эмира. Мой мирза тоже всю дорогу казался очень сконфуженнымъ и возбуждалъ подозрѣнія. Полагаю, что и ему было сказано что-нибудь подобное.

О пути по бухарскимъ владѣніямъ и о житьѣ въ Карши я разскажу ниже, а теперь не могу не замѣтить, какое удобство доставилъ мнѣ мой оффиціальный характеръ. Несмотря на всѣ мелкія непріятности, сопровождавшія нашъ путь и пребываніе въ Карши, я все-таки долженъ сказать, что положеніе дѣлъ въ Средней Азіи измѣнилось изумительно. Пять-шесть лѣтъ тому назадъ, могъ ли бы русскій, хотя бы и съ оффиціальнымъ характеромъ, одинъ, безъ всякаго конвоя, совершенно частнымъ человѣкомъ пріѣхать въ Карши, быть обласканнымъ эмиромъ и

получить отъ него дозволеніе свободно разъѣзжать по его владѣніямъ. Теперь это стало возможнымъ. Я сижу здѣсь за письменнымъ столомъ на креслѣ, нарочно для русскихъ сдѣланномъ; передъ окнами толпится народъ, встрѣчающій меня не только не враждебно, но даже радушно, — и не вѣрится мнѣ, что я въ Карши, въ гостяхъ у того грознаго повелителя, изъ владѣній котораго, еще очень недавно, рѣдкій европеецъ выходилъ живымъ.

II.

Вотъ нѣкоторыя подробности нашего странствованія по бухарскимъ владѣніямъ и сцена моего свиданія съ эмиромъ въ Карши.

Еще ранѣе пріѣзда нашего въ Самаркандъ, бухарскій посланникъ Мирахуръ говорилъ мнѣ и моему переводчику, что недостатокъ воды въ бухарскихъ владѣніяхъ и въ особенности возобновленіе Тюетартарскаго арыка [1]) возбуждаетъ въ бухарскомъ населеніи сильный ропотъ на русскихъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ дорогѣ Мирахуромъ, жители гор. Бухары приходили будто бы въ Карши съ жалобою къ эмиру на задержаніе воды въ Самаркандскомъ отдѣлѣ и просили его, разъ навсегда, покончить это дѣло. По слухамъ же, дошедшимъ до моихъ людей отъ свиты Мирахура и жителей Самарканда, эмиръ уѣхалъ изъ Бухары будто бы потому, что боялся ропота народа. Въ какой степени справедливы эти извѣстія, я не могу сказать, ибо не могъ узнать о нихъ, до сего времени, ничего положительнаго; но помнится мнѣ, что подобнаго рода слухи ходили и въ прошлую весну и, кажется, оказались невѣрными. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности этихъ слуховъ, я счелъ необходимымъ, по пріѣздѣ въ Самаркандъ, подробнѣе ознакомиться съ воднымъ вопросомъ, чтобы, въ случаѣ надобности, умѣть объяснить его эмиру. Изъ собранныхъ мною по этому предмету свѣдѣній оказалось, что воды въ бухарскихъ владѣніяхъ дѣйствительно мало, но виною тому не администрація Самаркандскаго отдѣла, а само бухарское правительство. Вопросъ о правильномъ снабженіи водою бухарскихъ владѣній обсуждался, по приказанію начальства, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Самаркандѣ, особою коммиссіею, состоявшею изъ членовъ отъ администраціи Самаркандскаго отдѣла и двухъ представителей бу-

[1]) Оросительная канава.

харскаго правительства (Иссамедина Мирахура и бывшаго Зіаудинскаго [1]) бека). По рѣшенію этой коммиссіи бухарское правительство обязано, какъ непосредственно заинтересованное въ этомъ дѣлѣ, два раза въ годъ давать знать начальнику Самаркандскаго отдѣла, нужна-ли вода въ Бухарѣ или нѣтъ. Если въ водѣ окажется надобность, то всѣ арыки округа должны быть обязательно закрыты на двѣ недѣли; если же нѣтъ, то арыки открываются и закрываются по усмотрѣнію самихъ жителей. Нынѣшній годъ бухарское правительство не дало о водѣ, въ условленное время, никакихъ извѣстій, и потому всѣ арыки Самаркандскаго отдѣла остались открытыми и Заравшанъ обмелѣлъ. Я говорилъ объ этомъ Мирахуру, онъ, въ свою очередь, говорилъ эмиру, но до сего времени (уже болѣе недѣли) въ Самаркандъ никакого вѣстника о водѣ не послано. Что же касается до Тюетартарскаго арыка, то слухи о его возобновленіи также невѣрны и преувеличены. Тюетартарскій арыкъ [2]), нѣкогда одинъ изъ самыхъ большихъ арыковъ Самаркандскаго бекства, былъ выкопанъ, какъ говорятъ, по приказанію Абдулла-Хана, извѣстнаго строителя рабатъ и сердовъ [3]) въ голодныхъ степяхъ, и заключалъ въ себѣ пятьсотъ жерноковъ воды [4]). Выходя изъ Заравшана въ разстояніи одного таша [5]) (8 верстъ) ниже Пенджакента, онъ идетъ, около 16-ти верстъ, почти параллельно этой рѣкѣ и затѣмъ круто поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Въ настоящее время по немъ идетъ весьма малая вода только до этого поворота; далѣе воды нѣтъ. У поворота, въ самомъ углу, выдѣляется изъ Тюетартара другой арыкъ — Булунгуръ, и идетъ къ сѣверу до Каменнаго моста, а отъ сего послѣдняго — къ западу до сліянія съ Заравшаномъ (Акъ-Дарьей). Эта послѣдняя часть Булунгура носитъ разныя названія, и въ томъ числѣ Тюетартара. Отъ нея къ сѣверу отдѣляется арыкъ Пай. Этихъ объясненій, мнѣ кажется, будетъ достаточно, чтобы представить суть настоящаго дѣла. Для орошенія совершенно обезводнившей мѣстности Тагиръ-Шейхъ, иначе го-

---

[1]) Зіаудинское бекство на нашей границѣ.

[2]) „Тюе-тартаръ“, т.-е. протащитъ верблюда: арыкъ названъ такъ потому будто бы, что верблюдъ не могъ черезъ него переправиться.

[3]) Рабатъ—обширныя куполообразныя зданія для остановки каравановъ и путниковъ. Сардоба (*сартъ*—холодный, *оба*—вода) хранилище дождевой и ключевой воды. Обѣ постройки, похожія другъ на друга, изъ жженнаго кирпича.

[4]) Сила теченія арыка и количество воды измѣряется вращеніемъ мельничнаго жернова, смотря потому сколько мельничныхъ жерновъ, поставленныхъ на одномъ мѣстѣ, могутъ быть приведены въ движеніе извѣстнымъ арыкомъ; 500 жерновъ — очень большой арыкъ.

[5]) Ташъ — камень.

воря, для увеличенія воды въ арыкѣ Пай, администраціей Самаркандскаго отдѣла дозволено было не возобновить, а только расчистить Тюетартарскій арыкъ, т.-е. тѣ его части, которыя снабжаютъ водою мѣстности Каменнаго моста и Тагиръ-Шейха. О возобновленіи и расчисткѣ сѣверо-западнаго направленія этого арыка, конечно, не могло быть и рѣчи. Вѣроятно, что слухъ о работахъ у Каменнаго моста (на той части арыка Булунгура, которая носитъ названіе Тюетартара) и послужилъ поводомъ къ ложнымъ извѣстіямъ о возобновленіи будто-бы всего Тюетартарскаго арыка. Это обстоятельство я также разъяснилъ Мирахуру, и, кажется, онъ остался имъ удовлетвореннымъ. Ко всему вышеизложенному я считаю себя обязаннымъ прибавить, что какъ бы ни было желательно удовлетворить бухарское населеніе въ достаточномъ количествѣ водою, но съ другой стороны невозможно оставлять при малой водѣ и нашихъ подданныхъ, самаркандскихъ жителей. По дорогѣ въ Кара-Тюпе, послѣдній нашъ пограничный пунктъ съ Шахрисябзомъ, я видѣлъ около пяти кишлаковъ, оставленныхъ жителями за недостаткомъ орошенія. Каратюбинскій аксакалъ [1]) говорилъ мнѣ, что число такихъ кишлаковъ доходитъ въ настоящее время до 13-ти, и что жители ихъ переселились въ Шахрисябзъ только въ прошедшемъ году.

Перейду теперь къ описанію нашего дальнѣйшаго странствія. Въ Самаркандѣ Мирахуръ нѣсколько схитрилъ. Не знаю, по какимъ соображеніямъ онъ отдалъ приказаніе моимъ арбамъ идти прямо на Чиракчи черезъ Джамъ, не заходя въ Шахрисябзъ, а меня между тѣмъ увѣрилъ, что арбы наши будутъ въ Шарѣ въ тотъ же самый день, какъ мы туда пріѣдемъ черезъ Кара-Тюпе. Я, разумѣется, не подалъ и вида, что узналъ объ этой хитрости, но внутренно побранилъ Мирахура порядочно: благодаря ему я оставался три почти дня безъ бѣлья, вещей и платья. Я полагаю, что поводомъ къ этой хитрости было предположеніе, что у меня въ арбахъ есть письма въ Шахрисябзъ отъ прежнихъ бековъ. Отправивши наши арбы черезъ Джамъ, мы сами поѣхали по болѣе кратчайшему пути на Кара-Тюпе. Верстъ за 10 до этого кишлака насъ встрѣтили на дорогѣ два почетныхъ лица, посланныхъ шахрисябзскими беками поздравить меня съ пріѣздомъ. Тутъ только я узналъ отъ Мирахура, что о путешествіи моемъ въ бухарскія владѣнія уже извѣстно эмиру и что мнѣ, какъ гостю, готовятся торжественныя встрѣчи и пріемы. Это меня нѣсколько опечалило, ибо лишило меня возможности жить, какъ мнѣ хо-

---

[1]) Буквально: бѣлая борода (акъ—бѣлый, сакалъ—борода), староста.

чется, и дѣлать, что мнѣ угодно. Нѣкоторое время я подумывалъ было возвратиться, но мысль, что изъ этого, очень обыкновеннаго по нашему, дѣла можетъ произойти въ нѣкоторомъ родѣ casus belli, заставила меня покориться своей участи, откровенно говоря, не особенно пріятной. Два посланца оказались очень любезные люди, всю дорогу, вопреки мусульманскому обычаю, они болтали безъ умолку, особенно одинъ изъ нихъ, разсказывавшій мнѣ съ особеннымъ жаромъ о чудесныхъ свойствахъ русскаго напитка балисона (т.-е. бальзама). Кстати я долженъ здѣсь прибавить, что запрещенная шаріятомъ русская водка попивается мусульманами преизрядно. Нѣтъ лица, которое бы скромно не замѣчало, что аракъ есть очень полезное «лекарство», употреблять которое, въ случаѣ болѣзни, нисколько не противное шаріяту [1]).

Переночевавъ въ Кара-Тюпе, мы на разсвѣтѣ, поѣхали далѣе на перевалъ Тахта-Карачи, откуда начинаются уже бухарскія владѣнія. Дорога до перевала очень трудная: на каждомъ почти шагу рытвины и камни. Посланецъ отъ шарскаго бека говорилъ мнѣ, что въ прежнее время эмиръ Носрулла съ пушками и арбами хаживалъ по этой дорогѣ воевать съ шахрисябзцами, и потомъ, послѣ неудачъ, приказалъ завалить ее камнями. Перевалъ Тахта-Карачи—небольшой, около 5-ти тысячъ футовъ. Подъемъ и спускъ отлогіе. Трудная дорога до перевала искупилась роскошнѣйшимъ видомъ долины рѣки Кашка-Дарьи, открывшимся намъ съ перевала. Вся видимая нами мѣстность, около 70-ти верстъ въ окружности, представляла почти сплошной садъ, среди котораго въ массѣ зелени скрывались города Китабъ, Шаръ, Якобакъ съ окрестными кишлаками. Жаль мнѣ стало нашихъ скитальцевъ Джурабека и Бабабека [2]), и постоянная грусть, написанная на ихъ лицахъ, стала мнѣ понятною. Отдохнувъ въ кишлакѣ Кайнаръ [3]), мы выѣхали въ полдень къ Китабу. По дорогѣ начались встрѣчи съ обычными фразами и пожеланіями. Послѣ первыхъ привѣтствій начались спросы о здоровьѣ начальника нашего края и продолжались стереотипною фразою («Джан-даралъ-губуръ амамъ ме исанъ ме» [4]) чрезъ каждую четверть часа чуть ли не всю дорогу. У воротъ Китаба насъ встрѣтилъ курбаши (полиціймейстеръ). Соскочивъ съ лошади, онъ крѣпко

[1]) Буквально: *путь* для достиженія цѣли, предписанной Кораномъ каждому мусульманину. Сборникъ постановленій, относящихся до всего обихода мусульманской жизни.

[2]) Другой Шахрисябзскій бекъ, тоже живущій въ Ташкентѣ.

[3]) Кайнаръ—кипящій: названіе получилъ отъ журчащихъ ключей.

[4]) Т.-е. „генералъ-губернаторъ здоровъ ли?“

жалъ мнѣ руку, приговаривая умильнымъ голосомъ по-русски: «прощай, прощай.» Я едва сохранилъ свое достоинство, приличное этой торжественной минутѣ. Тронулись далѣе. Масса народу бѣжала за нами; нѣсколько бачей [1]) показывали мнѣ пальцами за какую цѣну они готовы придти ко мнѣ. На базарѣ передъ крѣпостью стояли шпалерами войска. Заиграли встрѣчу, приклонили значки, и я, ошеломленный этимъ пріемомъ, въ пыли и грязи, предсталъ предъ очи китабскаго бека, встрѣтившаго меня стоя на галлереѣ своего дворца. Бекъ оказался человѣкъ не бойкій. Выдавливая слова, онъ спросилъ меня о здоровьѣ генералъ-губернатора, поздравилъ съ пріѣздомъ, прибавивъ, что Хазретъ (т.-е. эмиръ), узнавъ о пріѣздѣ гостя отъ русскаго начальства, приказалъ принять меня самымъ почетнымъ образомъ. Послѣ достархана и получасовой бесѣды, самаго незначительнаго содержанія, на меня надѣли халатъ, посадили на никуда негодную, но хорошо убранную лошадь и повезли въ Шаръ. Тамъ встрѣча была еще торжественнѣе. Самъ Давлетъ-Бій Серкеръ командовалъ войсками. Кажется, стрѣляли изъ пушекъ. Я сосчиталъ 22 значка, что, по одному на сотню, составитъ до 3-хъ тысячъ войска. На внутреннемъ дворѣ стояли двѣ мѣдныя пушки на лафетахъ, очень похожія на наши. Абдулъ-Каримъ-Диванъ-Беги, шарскій бекъ, человѣкъ совершенно другого закала, чѣмъ сынъ [2]) его бекъ Китабскій. Старый придворный и воспитатель теперешняго эмира, онъ видалъ на своемъ вѣку многое и потому продѣлывалъ всѣ эти встрѣчи самымъ невозмутимымъ образомъ. Онъ принялъ меня просто и, кажется, радушно. Прищуривъ лѣвый глазъ и внимательно оглядѣвъ меня, онъ тотчасъ-же пустился въ разговоръ, изрѣдка похлопывая меня по плечу и посмѣиваясь. Послѣ мнѣ говорили, что старикъ отступилъ отъ своихъ обычныхъ правилъ и разговорился со мною болѣе, чѣмъ это онъ обыкновенно дѣлаетъ. Въ новомъ халатѣ и на новой, также очень плохой, лошади возвратился я въ приготовленное для меня помѣщеніе. Вечеромъ былъ базмъ [3]), но я такъ усталъ, что отправился спать тотчасъ послѣ прихода бачей. Въ шахрисябзскихъ встрѣчахъ я, а также и мои люди, замѣтили одно отсутствіе всякаго уваженія жителей къ ихъ новому правительству. На этомъ обстоятельствѣ стóитъ остановиться нѣсколько подробнѣе. На всемъ пути отъ Ташкента до Карши я внимательно слѣдилъ за нашими встрѣ-

---

[1]) Красивые мальчики, услаждающіе мусульманъ своими пѣснями и плясками.

[2]) Братъ.

[3]) Пляски мальчиковъ—бачей.

чами. Въ русскихъ предѣлахъ мусульмане встрѣчали Мирахура гораздо радушнѣе, чѣмъ меня. Напротивъ того, въ бухарскихъ владѣніяхъ и въ особенности въ Шахрисябзѣ на Мирахура и нашихъ провожатыхъ почетныхъ лицъ не только не обращали вниманія, но мнѣ казалось, онѝ какъ будто намѣренно старались показать имъ свое неуваженіе. Сидитъ, напримѣръ, кучка людей, смотритъ въ упоръ—и ни одного слова привѣтствія. Изрѣдка Мирахуръ самъ выпускалъ «ассалямъ алейкюмъ», но и это неудавалось: отвѣты были рѣдки. Меня принимали гораздо радушнѣе: почти вездѣ прикладывались къ чалмамъ руки и изрѣдка слышалось даже «здравствуй.» Полагая, что это говорятъ русскіе или татары, я всякій разъ заговаривалъ съ ними по-русски, но всегда оказывалось, что кромѣ «здравствуй» они ничего болѣе не знаютъ. Индѣйцы и евреи кланялись, снимая шапки, только мнѣ исключительно; я не видалъ ни одного, который сдѣлалъ бы селямъ [1]) Мирахуру.

Шахрисябзскія владѣнія и Карши я считаю послѣднимъ предѣломъ распространенія нашего мануфактурнаго товара къ югу. Въ Гиссарѣ русскихъ товаровъ, какъ мнѣ сказывали, нѣтъ; за Карши — они попадаютъ случайно и рѣдко. Въ Бухарѣ я постараюсь разъяснить этотъ вопросъ во всей подробности. Англійскихъ матерій, кромѣ кисеи, въ Шахрисябзи въ настоящее время нѣтъ, но судя по потолку бывшаго дворца Джурабека въ Кишабѣ, разукрашенному квадратиками изъ англійскаго ситца, можно заключить, что матеріи эти въ Шахрисябзъ проникали. Замѣчательно (если не случайно), что изветшавшіе квадратики этого потолка замѣнены уже русскимъ ситцемъ. Индѣйскаго зеленая чая очень много, а чернаго вовсе нѣтъ. Въ Шарѣ и затѣмъ до самаго Карши меня угощали пловомъ изъ пешаурскаго риса (палаў Пешаурй). Это ничтожное повидимому обстоятельство навело меня на нѣкоторыя соображенія, далеко, по моему мнѣнію, не безъинтересныя. Палаў Пешаурй составляетъ здѣсь признакъ хорошаго тона, и потому пешаурскій рисъ привозится сюда изъ Авганистана въ весьма значительномъ количествѣ. Въ Карши онъ продается по 20 коп. за фунтъ. Если есть разсчетъ и выгода привозить этотъ грузный и дешевый товаръ изъ такой дали и продавать его, при оплатѣ по нѣсколько разъ зякетомъ, по такой сравнительно недорогой цѣнѣ, то понятно, что и всякій другой, а слѣдовательно и англійскій товаръ, какъ только на него появится спросъ, будетъ доставляться сюда и продаваться здѣсь съ

[1]) Поклонъ.

выгодою. Значитъ, вопросъ не въ трудностяхъ пути и дороговизнѣ фрахта, а въ спросѣ. Въ Бухарѣ я наведу объ этомъ подробныя справки.

1-го мая, мы оставили Шаръ. За Шахрисябзскими владѣніями характеръ мѣстности значительно измѣняется. Долина Кашка-Дарьи становится шире и ровнѣе, садовъ менѣе, пашенъ много. Населеніе, исключительно узбекское, живетъ лѣтомъ въ юртахъ, и потому кишлаки дѣйствительно кишлаки, т.-е. зимовки, а не селенія. Передъ Чиракчи́ насъ встрѣтили бекскіе люди, по узбекскому обычаю, съ какъ-буре [1]). Я нѣсколько разъ видалъ какъ-буре и всегда замѣчалъ, что въ этой любимѣйшей игрѣ киргизскаго и узбекскаго народа зрители не могутъ не обратиться въ актеровъ. Такъ было и здѣсь: почетные халаты не вытерпѣли и сами начали «драть козла». Это точно также, какъ у насъ кулачные бои въ Москвѣ на льду у Дорогомиловскаго моста. Пріѣдетъ какой-нибудь богатый купчина посмотрѣть на бой — и не вытерпитъ: шубу долой, и пошелъ драться. Городъ Чиракчи, резиденція бека, большой узбекскій кишлакъ очень печальнаго вида, безъ садовъ, въ развалинахъ. Базаръ бываетъ два раза въ недѣлю. Европейскихъ произведеній совсѣмъ не видно, скота очень много. Чиракчискій бекъ, сынъ защитника Самарканда, неразговорчивый узбекъ, принялъ насъ въ садикѣ близъ крѣпости. Тутъ мы переночевали и отправились далѣе до кишлака Чима. Еще ранѣе этого кишлака, въ который мы пріѣхали ночью, насъ встрѣтили двое приближенныхъ каршинскаго бека Тюря-Джана, второго сына Эмира. Наконецъ, 3-го мая въ 7 часовъ утра мы въѣхали въ Карши́. Я не буду утомлять читателя подробнымъ описаніемъ встрѣчи и пріема насъ въ Карши. Войска не было, но множество золотыхъ халатовъ съ шигауломъ [2]) во главѣ жали мнѣ руку, называли дорогимъ гостемъ и по меньшей мѣрѣ сто разъ спрашивали о здоровьѣ нашего начальства. Все было приторно до́-нельзя и сквозило фальшью. Изъ всѣхъ нашихъ дорожныхъ встрѣчъ только одинъ шарскій бекъ Абдулъ-Каримъ-Диванъ-Беги, по простотѣ и искренности своего обращенія, можетъ составлять исключеніе; все остальное разыгрывалось, болѣе или менѣе успѣшно, по заранѣе данной программѣ, и потому было интересно не болѣе, какъ театральное зрѣлище чиновныхъ актеровъ благородной Бухары.

[1]) Буквально: сѣрый волкъ. Игра состоитъ въ томъ, что нѣсколько всадниковъ, зарѣзавъ козла, попеременно вырываютъ его на скаку другъ у друга. Наше выраженіе „дерутъ козла“ конечно пришло отсюда.

[2]) Церемоніймейстеръ.

Въ Карши меня помѣстили великолѣпно въ роскошномъ мусульманскомъ домѣ со столомъ и мебелью, приготовленными въ прошломъ году для К. В. Струве. О житьѣ въ Карши и о самомъ городѣ я разскажу другой разъ, а теперь опишу мое свиданіе съ эмиромъ. Я видѣлъ его высокостепенство два раза: 4-го и 10-го мая, въ день отъѣзда его въ Шахрисябзъ. Первое свиданіе продолжалось не болѣе четверти часа, второе—около получаса. Получивъ отъ Мирахура надлежащія наставленія и совѣты, я, вмѣстѣ съ нимъ, С. Н. Трубчаниновымъ и моими людьми отправились верхомъ въ крѣпость. Передъ воротами мы слѣзли съ лошадей и, пройдя довольно длинный корридоръ, наполненный придворными, пріѣхавшими дѣлать селямъ, очутились у воротъ второго, внутренняго двора. Тутъ меня и моего переводчика приняли въ свое распоряженіе два церемоніймейстера (удайчи), съ длинными въ рукахъ палками и, взявъ тихонько подъ руки, ввели осторожно въ ворота. Вдали, на дворѣ, въ маленькомъ, съ открытыми окнами, домикѣ сидѣлъ на полу, облокотясь на подушку, эмиръ. Снявъ фуражку, я сдѣлалъ поклонъ, удайчи прокричали протяжно: «Худаи Хазрети Амирпи Музафаръ Мансуръ Кыльсунъ» (т.-е. Богъ да сдѣлаетъ великаго эмира могущественнымъ и побѣдоноснымъ), и мы весьма медленно начали двигаться къ домику. Удайчи во все время пресмѣшно присѣдали и мѣшали мнѣ идти. Входя на лѣстницу, я снялъ шапку. Эмиръ былъ одинъ [1]). Послѣ моего поклона онъ подалъ мнѣ свою мягкую и теплую руку и посадилъ, шагахъ въ трехъ, возлѣ себя. По совѣту Мирахура, я заговорилъ первымъ. Передавъ ему поклонъ отъ русскаго начальства, я объяснилъ ему цѣль моего путешествія въ Бухару и поблагодарилъ за радушный пріемъ, оказанный мнѣ въ его владѣніяхъ. Спросивъ меня о здоровьѣ главнаго русскаго начальника, эмиръ сказалъ мнѣ: «хошь кильдынгизъ» (т.-е. добро пожаловать), «поживите теперь въ Карши, а потомъ поѣзжайте въ Бухару; я радъ вашему пріѣзду». Я поблагодарилъ его за эти слова, прибавивъ, что оказанныя мнѣ любезности и радушіе служатъ лучшимъ доказательствомъ добрыхъ отношеній эмира къ русскому правительству. «Вы нашъ дорогой гость, возразилъ на это эмиръ, и иначе мы поступать не можемъ». Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, видимо затрудняясь (во все время разговора голосъ его дрожалъ), эмиръ спросилъ меня, не имѣю ли я какого-либо порученія отъ русскаго начальства. Я отвѣчалъ, что никакого не имѣю. Это, кажется, его успокоило,

---

1) Мирахуръ вошелъ послѣ и стоялъ у дверей.

ибо онъ быстро подалъ мнѣ руку, улыбнулся и показалъ глазами, что аудіенція кончена. Послѣ меня ввели къ эмиру Н. С. Трубчанинова и моихъ людей; первому онъ подалъ изъ окна руку, а съ другими раскланялся. Тѣмъ же порядкомъ, отступая назадъ, возвратились мы на внѣшній дворъ. Тутъ надѣли на меня шалевой халатъ и повели къ Тюря-Джану. Чистенькій и недурненькій собой юноша принялъ меня храбрѣе своего отца. Освѣдомившись о здоровьѣ Государя Императора и нашего генералъ-губернатора, онъ спросилъ меня, хорошо ли меня приняли въ его бекствѣ и, получивши мой отвѣтъ, отпустилъ меня домой. Разговоръ нашъ длился не болѣе пяти минутъ. На богато украшенной лошади, подаренной мнѣ эмиромъ, возвратился я въ свое помѣщеніе, куда на другой день эмиръ прислалъ мнѣ своихъ бачей и машка-рабаза [1]). Плясали бачи недурно, но шутки машка-рабаза — были вѐрхомъ цинизма.

Второе свиданіе мое съ эмиромъ происходило 10-го мая, передъ самымъ его отъѣздомъ въ Шахрисябзъ. На этотъ разъ, по совѣту Мирахура, я явился передъ его высокостепенствомъ въ пожалованномъ мнѣ халатѣ. Разговоръ нашъ былъ нѣсколько продолжительнѣе перваго. Ранѣе этого свиданія ко мнѣ пріѣхалъ въ Карши, изъ Бухары, прикащикъ Арзамасцева [2]), Грошевъ. Отъ него я узналъ, что русскимъ торговцамъ живется въ Бухарѣ хорошо, притѣсненій не дѣлается и, гдѣ нужно, оказывается покровительство. Все это я передалъ эмиру при второмъ свиданіи, прибавивъ, что о сдѣланномъ мнѣ пріемѣ и о словахъ русскаго купца я не замедлю написать къ русскому начальству, которому, несомнѣнно, будетъ пріятно это услышать. Видимо довольный моими словами, эмиръ перебилъ моего переводчика и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Я слышалъ, что вы говорите по-тюркски. Зачѣмъ же не объясняетесь со мною на этомъ языкѣ?» Я отвѣчалъ ему (по-тюркски), что хотя я и знаю этотъ языкъ, но не говорилъ на немъ потому, что боялся сдѣлать ошибку. «Напрасно— возразилъ мнѣ эмиръ—мнѣ гораздо пріятнѣе слышать вашъ голосъ и ваши слова, чѣмъ слова вашего переводчика». Мы стали говорить по-тюркски. Эмиръ сообщилъ мнѣ, что сейчасъ онъ ѣдетъ въ Шахрисябзъ, очень жалѣетъ, что не можетъ побесѣдовать со мною болѣе, и потому проситъ меня передать отъ него поклонъ нашему генералъ-губернатору. Я еще разъ поблагодарилъ его за угощеніе и его милости. «Будьте нашимъ гостемъ,

[1]) Шута.

[2]) Ташкентскій купецъ.

сказалъ мнѣ, прощаясь, эмиръ; поѣзжайте въ Бухару или куда вамъ заблагоразсудится; вездѣ вы будете хорошо приняты». Этимъ свиданіе наше окончилось [1]).

Повидимому все вышло такъ, какъ нельзя быть лучше. Хазретъ самъ, самоустно, далъ мнѣ разрѣшеніе разъѣзжать по его владѣніямъ; но это только на словахъ, на дѣлѣ же оказалось совершенно противное. Меня не только не пустили въ Керки, и вѣроятно не пустятъ въ Чарджуй, но и окружили такимъ почетнымъ конвоемъ шпіоновъ, слѣдящихъ, съ Мирахуромъ во главѣ, за каждымъ моимъ шагомъ, что не будь у меня преданныхъ мнѣ людей, я видѣлъ бы только стѣны тѣхъ городовъ, куда медоточивая бухарская любезность нашла умѣстнымъ повезти меня. Мало того, самъ Мирахуръ за мой пріѣздъ сюда попалъ въ немилость эмира. Онъ самъ признался мнѣ въ этомъ, въ тяжелыя для него минуты, когда эмиръ, придравшись за что-то къ нему, приказалъ-было наказать его 150 ударами палокъ и затѣмъ, ради свиданія со мной (какая послѣдовательность!) простилъ его, приказавъ проводить (или, пожалуй, выпроводить) меня до Катта-Кургана. Вообще, некрѣпкій въ своихъ нравственныхъ правилахъ и обманувшійся притомъ въ своихъ ожиданіяхъ на счетъ наградъ и повышеній за поѣздку въ Ташкентъ, мой дорожный товарищъ сначала-было полиберальничалъ, но потомъ струхнулъ, да и жажда карьеры взяла свое. Никто такъ усиленно не убѣждаетъ меня отказаться теперь отъ поѣздки въ Чарджуй, какъ Мирахуръ, проповѣдовавшій въ Ташкентѣ несомнѣнную пользу отъ частыхъ посѣщеній русскими бухарскихъ владѣній; никто такъ ревностно не оберегаетъ меня отъ всякихъ разспросовъ и собиранія нужныхъ мнѣ свѣдѣній, какъ опять тотъ же Мирахуръ, хорошо понимающій всю безобидную цѣль этихъ разспросовъ. Вотъ обратная сторона медали, тѣмъ болѣе печальная, что она относится не къ одному какому-либо лицу, а къ цѣлой системѣ дѣйствій бухарскаго правительства.

---

[1]) Послѣ свиданія онъ прислалъ мнѣ халатъ, лошадь и 100 тиллей. Людямъ моимъ, кромѣ халатовъ, выдано было по 10 р.

III.

Въ Карши́ я прожилъ восемь дней. Одинъ изъ этнографовъ Туркестанскаго края, бывшій съ русскими войсками въ Карши, очень серьёзно говорилъ мнѣ, что Карши болѣе походитъ на русскій, чѣмъ на сартовскій городъ; улицы въ немъ будто бы широкія и мощеныя, дома со стеклянными окнами, женщины почти открытыя и т. п. Все это, какъ надо было ожидать, оказалось невѣрнымъ. Правда, есть въ Карши одна не особенно узкая улица съ наброшенными на ней камнями, по которой гораздо опаснѣе ѣздить, чѣмъ по всякой другой, но такая улица, конечно, не мостовая; оконъ со стеклами я ни одного не видалъ, а женщины, какъ и вездѣ въ этихъ странахъ, ходятъ тщательно закрытыя въ фаранджи (халатъ) съ покрывалами на лицѣ (чашбандъ). Но за то описаніе Карши, сдѣланное Ханыковымъ въ его книгѣ о бухарскомъ ханствѣ, оказалось до такой степени вѣрнымъ и точнымъ, что просто приходишь въ изумленіе, какъ можно было тридцать лѣтъ тому назадъ, когда собираніе подобнаго рода свѣдѣній было несравненно труднѣе, чѣмъ теперь, представить такое точное описаніе города, въ которомъ авторъ пробылъ всего нѣсколько дней. На мой взглядъ Карши очень напоминаетъ Ташкентъ: постройки грубоватыя и аляповатыя, чисто узбекскія, среди города сады и огороды, большой скотный базаръ и огромная торговля такъ-называемымъ у насъ казацкимъ товаромъ, то-есть шерстью, арканами, мѣшками, армячиной, кошмами, матою, алачею и т. п. Со времени Ханыкова въ Карши почти ничего не измѣнилось; прибавилась только одна баня и выстроились три новые караванъ-сарая. Занятія жителей остались тѣ же, но, какъ мнѣ говорили, значительно расширились и каждогодно расширяются. Я видѣлъ громадныя и весьма хорошо обработанныя плантаціи табаку и маку. Каршинскій табакъ (два сорта,—я взялъ ихъ сѣмена), какъ извѣстно, славится во всей Средней Азіи и вывозится въ огромномъ количествѣ въ Ташкентъ, въ Коканъ и даже въ Хиву. Макъ — другой изъ важнѣйшихъ продуктовъ мѣстной промышленности, разводится жителями для продажи его сѣменныхъ головокъ, изъ шелухи которыхъ приготовляется извѣстный одуряющій напитокъ — кукнаръ, едвали не самый распространенный изъ всѣхъ наркотиковъ Средней Азіи. Шелковицы въ Карши очень много: всѣ арыки, всѣ дворы мечетей и медрессэ [1])

[1]) Высшія училища.

обсажены тутовыми деревьями; въ садахъ то же самое, между тѣмъ шелководство, какъ и слѣдовало ожидать, у узбекскаго населенія развито очень мало. Весь почти добываемый шелкъ потребляется на мѣстѣ, и только весьма небольшое количество его, а равно и коконовъ, отправляется въ Бухару. Торговля эта, незначительная по своему размѣру, не имѣетъ притомъ, какъ мнѣ кажется, и никакой будущности, ибо каршинскому шелку и коконамъ приходится конкуррировать съ коконами и шелкомъ прибухарскихъ кишлакахъ, а потому рѣдко находитъ себѣ хорошій сбытъ. То же самое, что̀ сказано о шелкѣ, примѣняется въ равной степени и къ хлопку. Узбекское населеніе потребляетъ его для себя: дѣлаетъ изъ него бязь, алачу, каляму и др. хлопчато-бумажныя произведенія, но продаетъ его мало. За то торговля хлѣбомъ, или точнѣе, зерномъ имѣетъ уже совершенно другое значеніе: Карши по отношенію къ Бухарѣ—почти то же, что Ауліэата по отношенію къ Ташкенту. Громадная масса хлѣба, возвращеннаго водами Кашка-Дарьи, стекается въ Карши и идетъ оттуда почти безпрерывными караванами въ Бухару. Выгоды отъ этой торговли, какъ надо полагать, очень большія. По дорогѣ въ Бухару я встрѣтилъ множество хлѣбныхъ каравановъ и въ ихъ числѣ 164 верблюда, везущихъ по этому пути рисъ даже изъ Самарканда. Боясь задержки каравана въ Катта-Курганѣ, хозяева не затруднились провезти рисъ въ Бухару по окольному и гораздо длиннѣйшему пути черезъ Джамъ и Чиракчи, чтобы только продать его въ Бухарѣ. Наконецъ, я долженъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ продуктѣ, районъ потребленія котораго весьма обширный—именно о соли розоваго цвѣта, извѣстной у насъ въ Ташкентѣ подъ именемъ самаркандской. Соль эта встрѣчается почти во всѣхъ городахъ Туркестанскаго края; я видѣлъ ее въ Перовскѣ и Ауліэатѣ. Изъ этого можно судить, какъ значителенъ ея вывозъ. Соль добывается въ горахъ, лежащихъ въ 10-ти верстахъ къ югу отъ Карши. Я хотѣлъ-было побывать на мѣстѣ ея разработки, но любознательность моя въ этомъ отношеніи была пріудержана тѣми же любезными отговорками, какія представлялись мнѣ противъ моего намѣренія ѣхать въ Керки,—меня не пустили. По разсказамъ, соль добывается изъ трехъ мѣстъ, составляющихъ собственность государства; запасы ея очень велики, добыча предоставлена всѣмъ безъ исключенія лицамъ, подданнымъ бухарскаго правительства; въ прежнее время за вывозъ каждаго верблюда соли взимали въ казну 20 коп., теперь не берутъ ничего. Хотя Карши лежитъ на главномъ торговомъ пути Бухары съ Индіей и Авганистаномъ, тѣмъ не менѣе большой торговли

привозными товарами въ Карши незамѣтно; всѣ караваны, идущіе изъ Индіи и Авганистана въ Карши, не растюковываются, а проходятъ прямо въ Бухару, гдѣ они оплачиваютъ зякетъ, и оттуда уже нѣкоторые изъ этихъ товаровъ, а равно индѣйскій чай, вновь привозятся въ Карши для распродажи. Отсюда понятно, почему товары эти продаются въ Карши значительно дороже, чѣмъ въ Бухарѣ. Сравненіе товарныхъ цѣнъ и издержекъ провоза, а равно и описаніе торговыхъ путей я представлю впослѣдствіи, а теперь продолжаю мой дневникъ.

Самъ я жилъ въ теченіи всего времени пребыванія въ Карши почти взаперти. Въ бухарскомъ государствѣ, какъ было древле и у насъ, очень странные нравы. Величіе лица измѣряется тамъ жиромъ, наросшимъ на его благородномъ тѣлѣ и полнымъ отсутствіемъ вниманія къ внѣшнему міру. Чѣмъ болѣе сидитъ на мѣстѣ бухарецъ и чѣмъ менѣе интересуется онъ окружающимъ міромъ, тѣмъ болѣе къ нему уваженія отъ его согражданъ. То же совѣтовали дѣлать и мнѣ: «Вы большой человѣкъ», говорилъ мнѣ Мирахуръ, «вамъ не слѣдуетъ ѣздить по базару; если нужно что́, вамъ принесутъ сюда, и вы выберете и купите.» Въ силу этихъ наставленій, или, пожалуй, настояній, отъ которыхъ безъ нарушенія добрыхъ отношеній я не могъ отдѣлаться, мнѣ удалось только три раза выѣхать въ городъ и на базары и притомъ съ такимъ конвоемъ провожатыхъ, что въ присутствіи ихъ я могъ дѣлать только самые отрывочные разспросы о торговлѣ и промышленности города. Приходилось поручить это дѣло моимъ людямъ, но и за ними дѣятельно слѣдили. Кое-когда по вечерамъ проскользали къ моимъ людямъ знакомые и приносили имъ разныя базарныя новости и слухи. Объ этихъ слухахъ я уже упоминалъ выше. Теперь я долженъ прибавить, что въ Карши они были сильнѣе и чаще слышались, чѣмъ въ Бухарѣ. Это и понятно: центръ такихъ слуховъ, конечно, возлѣ эмира, а не въ народѣ. Здѣсь я считаю умѣстнымъ высказать мое мнѣніе по поводу азіатскихъ слуховъ вообще. Я придаю имъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ, напримѣръ, ходячимъ слухамъ у насъ или вообще у образованныхъ народовъ. Жизнь азіатскихъ народовъ, какъ наша до-петровская жизнь, которою восхищаются такъ наивно наши домашніе любители старины, очень проста и однообразна какъ по своей внѣшности, такъ и по своему внутреннему содержанію. Владѣтели и высшія лица въ государствѣ, по своей жизни и по своему развитію и образованію, ничѣмъ не отличаются отъ простого люда; правда, они ходятъ въ лучшихъ халатахъ, живутъ въ лучшихъ домахъ, слаще ѣдятъ и пьютъ; но на этомъ и оканчивается все различіе,

нисколько въ дѣйствительности не существенное, ибо вчерашній бекъ, жившій въ большомъ домѣ, ѣздившій въ хорошихъ халатахъ на хорошихъ лошадяхъ, сегодня самъ торгуетъ на базарѣ халатами и совершенно примиряется съ своею участью. Въ Бухарѣ я жилъ въ домѣ очень важнаго нѣкогда бека, Абдулъ-Гафара (не Ура-Тюбинскаго [1]), продающаго теперь халаты на базарѣ въ Самаркандѣ. Нынѣшній коканскій ханъ Худояръ, въ дни напастей и потери ханства, былъ торговцемъ мелочью (баккалъ) въ Джизакѣ. Такихъ примѣровъ можно найти много. Отсутствіе разницы въ привычкахъ жизни и умственнаго и нравственнаго развитія азіатскихъ народовъ порождаетъ то, что всѣ предположенія, намѣренія и чувства владѣтеля, всегда понятныя народу, силою самыхъ вещей, не могутъ быть отъ него скрыты. Не имѣя никакой умственной жизни, азіатскій властитель и его приближенные не могутъ стать выше своего народа, и потому понятно, что народъ этотъ находится съ ними въ постоянномъ и самомъ близкомъ общеніи. Вслѣдствіе этого общенія, основаннаго не на общемъ высокомъ развитіи, а на общемъ низкомъ уровнѣ интеллектуальномъ и нравственномъ, вѣроятность базарнаго слуха въ Азіи, конечно, въ нѣсколько сотъ разъ болѣе, чѣмъ вѣроятность такого же слуха въ странахъ цивилизованныхъ.

Позвольте объяснить это примѣромъ; сидитъ, положимъ, бухарскій эмиръ въ своемъ дворцѣ съ своими шутами и холопьями, изъ которыхъ многіе, можетъ быть, будутъ завтра министрами, и среди сказокъ и разсказовъ о городскихъ новостяхъ и сплетняхъ, волею - неволею говоритъ или проговаривается имъ о тѣхъ или другихъ своихъ намѣреніяхъ, симпатіяхъ или антипатіяхъ. На другой день слуги эти бѣгутъ по своимъ пріятелямъ и разсказываютъ, что́ слышали у эмира; на третій день объ этомъ знаетъ уже половина города. Если слухъ поважнѣе, то онъ передается по секрету, но тѣмъ не менѣе о немъ всѣ знаютъ, и знаютъ его, конечно, не такъ, какъ знаютъ напримѣръ, у насъ о предположеніяхъ государственнаго совѣта. Если ко всему этому прибавить, что азіатская жизнь имѣетъ такое же (если не лучше) средство, какъ у насъ печать, для распространенія слуховъ — именно базаръ, то станетъ понятно, что базарные слухи въ Азіи вовсе на такъ безосновательны, какъ это съ перваго взгляда кажется. Въ нихъ есть преувеличенія и несообразности, но въ существѣ они гораздо вѣрнѣе всѣхъ нашихъ подобнаго рода слуховъ. Притомъ же преувеличенія обоюдныя: эмиръ и его приближенные

[1]) Бывшій Уратюбинскій, мой хорошій знакомый, живетъ теперь въ Ташкентѣ.

преувеличиваютъ базарные слухи, базаръ — эмировскіе. Руководствуясь этими соображеніями, я принималъ къ свѣдѣнію всякій слухъ, который только доходилъ до меня во время моего путешествія по бухарскимъ владѣніямъ.

Изъ Карши мы выѣхали 10-го мая, одновременно съ эмиромъ, отправившимся съ 10 тыс. войска и 10 пушками въ Шахрисябзъ. О количествѣ войска я знаю по слухамъ, а пушки видѣлъ самъ, когда выходилъ отъ эмира. Подъ каждой пушкой было запряжено 10 лошадей, и на каждой лошади сидѣлъ солдатъ. Впрочемъ, все смотрѣло довольно стройно и благообразно, такъ что превзошло мои ожиданія. Основываясь на словахъ эмира, самоустно разрѣшившаго мнѣ безпрепятственно разъѣзжать по его владѣніямъ, я тотчасъ же по выходѣ отъ эмира заявилъ желаніе отправиться на Аму-Дарью, въ Керки,—но не тутъ-то было: Мирахуръ, избѣгнувшій палочныхъ ударовъ, захотѣлъ, очевидно, загладить самымъ ретивымъ образомъ свою прежнюю, хотя и мнимую вину—привозъ меня въ Бухару. Начались самыя краснорѣчивыя отговорки. Какъ жидъ на ярмаркѣ, Мирахуръ безпрестанно перебѣгалъ то ко мнѣ, то къ моимъ людямъ, отговаривая меня оставить мое намѣреніе и упрашивая ихъ склонить меня къ тому же. Всѣ отговорки о жаркой погодѣ, дурной дорогѣ, нападеніи туркменовъ, боязни предъ русскимъ начальствомъ за цѣлость моей особы, были мною отклонены; безпокойство моего стража все болѣе и болѣе усиливалось, ибо приходилось сказать напрямикъ, что ѣхать нельзя. Наконецъ, когда весь запасъ отговорокъ былъ истощенъ,—слово это было произнесено, и я, скрѣпя сердце, удовольствовался. Всѣ эти продолжительные переговоры были важны для меня въ томъ отношеніи, что теперь я имѣю полное право сказать, что меня въ Керки не пустили.

Разговоръ о посѣщеніи Чарджуя я оставилъ до Бухары уже изъ хитрости: мнѣ хотѣлось получить отказъ по каждому городу отдѣльно; итакъ, оставивъ всякія надежды на Керки, приходилось ѣхать въ Бухару. Дорога отъ Карши до Бухары (18 ташей) голая степь, хуже которой мнѣ еще не приходилось видѣть. Наши каракумы и Голодная степь — роскошные луга въ сравненіи съ степью Каршинскою. Тутъ въ маѣ мѣсяцѣ уже не было никакой растительности; вода, негодная для питья, встрѣчалась только въ сардобахъ и рабатахъ, построенныхъ богобоязненнымъ Абдуллъ-Ханомъ лѣтъ 300 тому назадъ, для остановки путниковъ и каравановъ на этомъ безотрадномъ и опасномъ для нихъ пути. Для насъ везли воду изъ Карши, а съ половины дороги — привезли изъ Бухары. Собственно

степь начинается не прямо отъ Карши́, а отъ кишлака Касана (у Ханыкова невѣрно: Карсанъ), куда мы пріѣхали въ полдень 10-го мая, проѣхавши много старыхъ развалинъ кургановъ и арыковъ. По всему видно, что степь эта была когда-то очень сильно населена, и что въ настоящее время здѣсь осталась только весьма малая часть прежняго населенія. По дорогѣ до кишлака Касана намъ встрѣчались стада барановъ особенной, такъ-называемой здѣсь, арабской породы, безъ курдюковъ, мелкаго роста, отличающейся хорошимъ качествомъ шерсти. Такая порода овецъ, какъ я слышалъ, водится будто бы только возлѣ Карши́ и Бухары. Очень большой кишлакъ Касанъ (до 2-хъ т. домовъ, съ двумя пятничными[1] мечетями) населенъ таджиками, занимающимися между прочимъ шелководствомъ. Здѣсь мнѣ удалось видѣть выкормку червей шелкопрядовъ и разспросить кое-что о шелководствѣ. Породы тутовника и червей, періоды развитія болѣзни сихъ послѣднихъ, даже техническія названія оказались такія же какъ въ Туркестанскомъ краѣ. Мнѣніе, что шелководство пришло въ Среднюю Азію не изъ Китая, а изъ Персіи, мнѣ кажется вѣрнымъ, по крайней мѣрѣ для новѣйшаго времени. Размотки шелка въ Касанѣ нѣтъ, всѣ добываемые его жителями коконы отправляются для размотки въ Карши́. Хотя касанскія поля орошаются еще водами Кашка-Дарьи, но уже замѣтно, что воды здѣсь бываетъ немного; въ каждомъ почти домѣ находится колодезь (до 8-ми аршинъ глубины) съ весьма хорошею водою. За Касаномъ начинается уже голая степь, на которой, если не ошибаюсь, до самаго Ходжи-Мубарака (4 таша = 32 верст.) видны остатки большихъ арыковъ и слѣды большихъ нѣкогда поселеній. Въ этотъ кишлакъ мы пріѣхали въ 2 часа ночи на 11-е мая.

Кишлакъ небольшой (до сто домовъ), весь въ развалинахъ, но съ весьма хорошею мечетью; населенъ онъ таджиками и арабами, Богъ-вѣсть чѣмъ занимающимися: я не видалъ на этой безотрадной мѣстности ни одного деревца, ни одной травы. Все имѣло такой жалкій видъ разрушенія и запустѣнія, что окружающая степь эта воздымающимися отъ вѣтра песками казалась мнѣ приглянѣе (при лунномъ освѣщеніи), чѣмъ эта пародія на человѣческія жилища. Въ Ходжѣ-Мубаракѣ содержится караулъ изъ 30-ти человѣкъ для охраны отъ нападенія туркменовъ. Начальникъ этой стражи, величающій себя юсъ-баши[2], хотѣлъ-было сдѣлать

[1] Пятница (джума̀)—соотвѣтствуетъ нашему воскресенью; джума-месчидъ (пятничная мечеть) въ родѣ нашего собора.

[2] Т.-е. сотникомъ.

намъ торжественную встрѣчу, но я уволилъ его отъ этого развлеченія, справедливо полагая, что въ такое время цѣлесообразнѣе лечь спать, чѣмъ утруждать себя церемонными разговорами о здоровьѣ нашего начальства. Отдохнувъ цѣлую ночь въ Ходжѣ-Мубаракѣ, мы въ $3^1/_2$ часа пополудни потянулись въ Какиръ. Вѣтеръ былъ страшный; цѣлые холмы песку, засыпая намъ глаза и платья, переносились съ мѣста на мѣсто; мы ѣхали почти шагомъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Передъ Какиромъ вѣтеръ утихъ, и мы въ $7^1/_4$ часовъ вечера добрались наконецъ, усталые и измученные, до этого рабата. Тутъ насъ встрѣтили посланные отъ кушъ-беги [1]), привезли свѣжую воду и фрукты и задали намъ приличное угощеніе.

Я думалъ-было выѣхать изъ Какира пораньше, но Мирахуръ, напуганный разсказами о туркменахъ, посовѣтовалъ намъ провести здѣсь всю ночь и выѣхать по восходѣ солнца. На этомъ пути дѣйствительно случаются нападенія туркменовъ, и въ Какирѣ они чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. За два дня до нашего пріѣзда было убито здѣсь два человѣка. Всѣ путники запираются на ночь въ рабатъ и караулъ (изъ 20-ти человѣкъ) стережетъ ихъ съ заряженными ружьями. Насъ въ рабатъ помѣстить было невозможно, и потому весь караулъ, въ полномъ составѣ, образовалъ вокругъ насъ цѣпь, и такъ охранялъ насъ до самаго утра 12-го мая. По разсказамъ начальника караула, въ пяти ташахъ (40 верстъ) разстоянія въ Дарьѣ, начинаются весьма глубокіе пески, по-брюхо лошади, въ которыхъ выжидаютъ добычи и скрываются отъ нападеній туркмены. Преслѣдованія по этимъ пескамъ не только невозможны, но и опасны. Много лошадей и всадниковъ погибаютъ въ нихъ не достигши цѣли. При этомъ я долженъ замѣтить, что всѣ разсказы о туркменахъ, которые мнѣ приходилось слышать на этомъ пути, отличались особеннымъ благоговѣніемъ и страхомъ передъ ловкостью и молодечествомъ этого народа. Конечно, эти благоговѣніе и страхъ не выражались прямо, но, какъ въ разсказахъ нашихъ крестьянъ о знаменитыхъ разбойникахъ, они слышались въ каждомъ словѣ разсказщика.

Изъ Какира, мы выѣхали утромъ и съ тѣми же мученіями доѣхали до караула, болѣе просторнаго, чѣмъ Какиръ, рабата, обитаемаго сотеннымъ карауломъ, резиденціи главнаго начальника всей охранительной стражи по этой дорогѣ. Здѣсь мы сдѣлали большой привалъ, въ теченіе котораго мнѣ удалось осмотрѣть рабатъ

[1]) Сокольничій (кушъ—птица), главный министръ.

и разспросить кое-что о дорожной стражѣ. Я не буду описывать видъ и устройство рабата; подобныя описанія значительно удлиннили бы мои и безъ того длинныя замѣтки. Укажу только на одно обстоятельство, показавшееся мнѣ особенно характернымъ. Кто ѣздилъ по нашимъ русскимъ дорогамъ и сиживалъ на станціяхъ, тому хорошо извѣстно, какими глупыми и подъ-часъ циническими вещами бываютъ исписаны ихъ стѣны. Стѣны мусульманской станціи — рабата — были также исписаны, но не тѣми только выраженіями. Благочестивые путники и скромные торговцы, проходившіе по этому пути — въ виду-ли безотрадной степи и ежеминутной опасности или по другимъ причинамъ, не только не находили въ себѣ духа сквернить стѣны этого гостепріимнаго пріюта какими-либо пошлыми или циническими словами, а считали приличнымъ украшать ихъ такими выраженіями, которые ободряли и подкрѣпляли бы ихъ собратій на этомъ тяжеломъ и опасномъ пути. Я очень теперь сожалѣю, что не записалъ для образца нѣкоторыхъ стихотворныхъ изреченій, которыя мнѣ удалось прочесть съ помощію моего мирзы, на стѣнахъ караульнаго рабата. Для охраненія пути отъ Карши до Бухары, какъ я сказалъ выше, поставлены на станціяхъ караулы: въ Ходжѣ-Мубаракѣ 30, въ Кавирѣ 20 и въ караулѣ 100 человѣкъ. Стража эта, наемная, плохо вооруженная и врядъ-ли полезная, стóитъ правительству очень дорого. Каждый стражникъ съ лошадью получаетъ отъ казны 20 руб. въ мѣсяцъ на своемъ иждивеніи. По истеченіи мѣсяца караулъ уходитъ въ Бухару, и на мѣсто его высылается другой. Эти безпрерывныя смѣны порождаютъ то, что ни на одной станціи нѣтъ никакого признака осѣдлости: бездѣльные стражники, плохо накормленные и напоенные, только и думаютъ какъ бы поскорѣе дожить срочное время и вернуться въ Бухару. Выбравшись изъ караула въ 4 часа пополудни и проѣхавши остатки до-нельзя надоѣвшей намъ степи, мы пріѣхали наконецъ въ 8 часовъ вечера въ первый прибухарскій кишлакъ Каганъ [1]). Тяжелый путь былъ оконченъ, назавтра приходилось увидѣть благородную Бухару...

Всякій пойметъ, въ какомъ настроеніи былъ я и мои мусульмане. Въ Каганѣ мы ночевали и на другой день, 13-го мая въ 8 часовъ утра, въѣхали въ Бухару. Ожиданія, какъ извѣстно, рѣдко сходятся съ дѣйствительностію. Такъ было въ настоящемъ случаѣ и со мной. Бухару я нашелъ далеко не такою, какою

---

[1]) Маршрутъ отъ Карши до Бухары, указанный въ книгѣ Ханыкова, оказался вполнѣ вѣрнымъ.

предполагалъ въ своемъ воображеніи. Того величія развалинъ минувшей мусульманской жизни, какое чувствуется при въѣздѣ въ Самаркандъ, — въ Бухарѣ нѣтъ. Большой пыльный городъ, безъ садовъ, съ очень узенькими и кривыми улицами и высокими безобразными домами, производилъ на насъ далеко не веселое впечатлѣніе. Множество обширныхъ медрессэ и мечетей, прочно и красиво построенныхъ изъ жжёнаго кирпича, перемѣшивались съ глиняными лачугами и вонючими базарчиками, и, не имѣя передъ собой площадей, много теряли въ своемъ видѣ. Полнымъ ходомъ болѣе часу ѣхали мы по этимъ кривымъ улицамъ, окруженные почетною стражей въ красныхъ халатахъ и провожатыми отъ кушъ-беги, встрѣтившими насъ наканунѣ въ Каганѣ. Народу было не особенно много, но лица смотрѣли радушно, по крайней мѣрѣ (какъ мнѣ казалось) радушнѣе чѣмъ въ другихъ городахъ. Многіе думали, какъ мнѣ сказывали послѣ, что вмѣстѣ съ нами придетъ въ Бухару вода, безъ которой жителямъ приходилось плохо: всѣ арыки и хаузы [1]) были пусты, деревья сохли и колодезной воды едва доставало для питья людей и лошадей. Во все время пребыванія нашего въ Бухарѣ жары и духота стояли невыносимыя. Въ дорогѣ я разбилъ мой термометръ и потому не былъ въ состояніи опредѣлить степень этого жара; но могу сказать, что такой жары, какая была въ Бухарѣ, въ Ташкентѣ я никогда не испытывалъ. Вода пришла послѣ нашего отъѣзда, когда эмиръ выслалъ наконецъ, согласно уговору, въ Самаркандъ за водой Зіаудинскаго бека Астана-Кула.

Мнѣ отвели помѣщеніе не за городомъ, какъ желалъ Мирахуръ, а въ самомъ городѣ, какъ хотѣлось мнѣ, чтобы быть ближе къ базару. Въ приготовленномъ для меня домѣ я нашелъ русскую мебель и былъ встрѣченъ главнымъ зякетчи Таксабой [2]), сыномъ кушъ-беги. Зная, что лицо это, правая рука своего отца, играетъ въ торговыхъ дѣлахъ весьма важную роль, я старался быть съ Таксабой какъ можно любезнѣе: хвалилъ отведенное мнѣ помѣщеніе, любезность встрѣтившихъ насъ лицъ, изящество дистархана [3]) и т. п. Красивое, но глупое лицо Таксабы прояснилось, и всѣ мои любезности, какъ я узналъ послѣ, были въ точности переданы самому кушъ-беги. Въ Бухарѣ я прожилъ 10 дней и, разумѣется, все вниманіе мое обращалъ на тотъ предметъ, который составлялъ главную цѣль моей поѣздки, т. е. торговлю. Несмотря на всѣ за-

[1]) Общественные пруды.

[2]) Таксаба — чинъ; его сравниваютъ съ чиномъ нашего полковника.

[3]) Буквально — салфетка, а въ переносномъ смыслѣ — угощеніе.

трудненія, которыя намѣренно и хитро устраивались Мирахуромъ, чтобы помѣшать моимъ занятіямъ, я все-таки, съ помощью Н. С. Трубчанинова, Бай-Магомета и живущаго въ Бухарѣ довѣреннаго купцовъ Быковскихъ И. Н. Шмелева, весьма обязательнаго человѣка,—успѣлъ собрать по этому предмету нѣкоторыя, нелишенныя интереса свѣдѣнія, особенно по индѣйской торговлѣ.

Вотъ мое мнѣніе о Бухарѣ и о всей ея торговлѣ. Мнѣніе это, я долженъ оговориться, не есть, такъ сказать, продуктъ 10-ти-дневнаго обозрѣнія Бухары, оно составилось у меня гораздо ранѣе, еще въ запрошломъ году послѣ посѣщенія мною Самарканда. Настоящая моя поѣздка въ Бухару только подкрѣпила мои прежніе взгляды. По моему глубокому убѣжденію, основанному на двухгодичномъ наблюденіи средне-азіатской торговли, Бухара есть самый главный пунктъ этой торговли, настолько для насъ важный, что положеніемъ и направленіемъ его торговли должны обусловливаться всѣ наши дальнѣйшія дѣйствія въ Средней Азіи. Будучи огромнымъ складомъ русскаго и англо-индѣйскаго товара, Бухара ведетъ обширную и оживленную торговлю со всѣми сосѣдними мусульманскими странами, получая отъ нихъ ихъ мѣстныя произведенія и снабжая ихъ, въ свою очередь, товарами изъ своего склада. Условія англо-индѣйской бухарской торговли мы, къ сожалѣнію, знаемъ очень мало, но знаемъ хорошо торговую энергію и предпріимчивость нашихъ соперниковъ и наше русское «авось». Кто можетъ поручиться, что при нашей небрежности къ бухарскому рынку вся торговля Средней Азіи не перейдетъ въ руки англичанъ или ихъ подручниковъ авганцевъ? А намёки на это уже есть, и какъ я скажу ниже о чаѣ, довольно осязательные. Тогда, конечно, намъ дѣлать въ Средней Азіи будетъ уже нечего.

Предположенія мои о бухарскомъ базарѣ, я долженъ сознаться, оказались значительно слабѣе дѣйствительности. Стóитъ только разъ взглянуть на этотъ базаръ, по крайней мѣрѣ въ пять разъ бóльшій ташкентскаго, съ его громадными изъ жжёнаго кирпича караванъ-сараями и тимами [1]) (первыхъ 24, вторыхъ до 6-ти), набитыми всевозможными товарами далекой Индіи и столь же далекой Москвы, съ его торговцами, отъ пешаурца до казанскаго татарина включительно, чтобы сказать, что рынокъ этотъ не чета нашему ташкентскому. Изъ Индіи и Авганистана идутъ сюда до тысячи предметовъ, такъ-

[1]) Каменные закрытые гостиные дворы.

называемаго аттарскаго [1]) товара (красильныя и лекарственныя вещества и мелочь), около шестнадцати сортовъ зеленаго чая, масса разнообразныхъ хлопчато-бумажныхъ матерій, шали, парчи, опій, фаянсовая посуда, металлическія издѣлія, печатныя книги. Караванъ-сараи: Абдурашидъ, Бадрудзинъ, Баранкуна, Дамляширъ, Измаилъ-Ходжа и Мирза-Гуль—служатъ складами почти исключительно индѣйскаго товара. Персія снабжаетъ Бухару нѣкоторыми красильными веществами, такъ-называемыми мешеускими ситцами, сѣрой, перцомъ, оружіемъ, серебромъ и въ весьма значительномъ количествѣ писанными и печатными книгами. Изъ Хивы приходятъ готовыя шубы, льняное масло, баранье сало, пшеница, рисъ, яблоки, бараны, кукнаръ [2]), желѣзный купоросъ и русскіе товары: сахаръ, чугунные котлы, леденецъ и т. п. Гератъ высылаетъ сухіе фрукты, мѣха, барановъ и рабовъ, а Мервъ—туркменскихъ лошадей и оружіе. Наконецъ, на бухарскій базаръ стягиваются произведенія мѣстныя: хлопокъ, шелкъ, шерсть, пряжи, мѣха, кожи, краски, хлѣбъ, шелковыя и бумажныя издѣлія, готовое платье и т. п. Въ свою очередь Бухара высылаетъ въ эти страны либо свои, либо произведенія сосѣднихъ государствъ. Въ Авганистанъ—золото, шелкъ, верблюжью шерсть, козій пухъ, марену, шелковыя и полушелковыя матеріи, русское сукно, бархатъ и атласъ, бѣличьи шубы, лошадей, ишаковъ [3]) и даже кошекъ и соловьевъ. Въ Хиву—чай, табакъ, опій, хлопокъ, шелкъ, марену, аттарскій товаръ, шелковыя, полушелковыя и бумажныя матеріи. Въ Персію—золото, мерлушки, шелковыя матеріи и русское сукно и бархатъ. Уже однихъ этихъ простыхъ и краткихъ перечисленій странъ и товаровъ достаточно, чтобы подтвердить высказанное мною выше мнѣніе о торговомъ значеніи бухарскаго рынка, ежегодный оборотъ котораго, по приблизительному исчисленію, достигаетъ до 40 милл. рублей. Когда-нибудь я постараюсь разсмотрѣть этотъ вопросъ возможно обстоятельнѣе, ибо, повторяю еще разъ, въ удовлетворительномъ его разрѣшеніи лежитъ, по моему мнѣнію, вся суть дѣла нашего въ Средней Азіи. Не разгадавъ Бухары, мы никогда не поставимъ средне-азіатскую торговлю въ выгодное для насъ положеніе, даже болѣе:—можетъ случиться, что вслѣдствіе незнанія бухарскаго рынка, мы его окончательно потеряемъ, уступивъ другимъ то, чтó было, такъ ска-

---

1) Отъ „атръ"—амбра.

2) Шелуха сѣменныхъ головокъ мака, изъ которой приготовляется одуряющій напитокъ.

3) Ишакъ—оселъ.

зать, у насъ подъ носомъ, а тогда, по пословицѣ: «близокъ локоть, да не укусишь»,—поправить ошибку уже будетъ невозможно.

Въ настоящее время можно пока съ увѣренностію сказать, что торговля русскими товарами имѣетъ здѣсь первостепенное мѣсто, и тяготѣніе Бухары къ Макарію (т.-е. нижегородской ярмаркѣ) чувствуется на каждомъ шагу. Русскими хлопчато-бумажными произведеніями (кромѣ кисеи, но съ прибавленіемъ тика́, котораго изъ Афганистана не привозятъ) Бухара завалена буквально сверху до низу. На мой взглядъ, русскаго бумажнаго товара по крайней мѣрѣ разъ въ шесть болѣе англійскаго. Я видѣлъ на базарѣ этикеты фабрикъ: Соколова, Богомазова, Сучкова, Истомина, Муравьева, Корнилова, Шереметьева, Мануилова, Сидорова, Морозова, Урусова, Баранова, Зубкова, Борисова, Миндовскаго, Фокина и Зизина. Затѣмъ идутъ сукна фабрикъ: Осипова, Ремизова и Туляева, плисъ, парча и бархатъ; кожи кунгурская и уфимская, юфта, пряжа (ярославская и Лодера); прутовое, полосовое и листовое желѣзо, чугунные котлы, мѣдь, латунь, олово, свинецъ, мѣха, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, фаянсовая посуда, сахаръ, леденецъ (преимущественно Кокина), сахарный песокъ, квасцы (идутъ больше Ушковскіе), купоросъ (синій), нашатырь, сандалъ (идетъ тертый), фуксинъ (преимущественно первый сортъ; второй и третій нейдутъ), стеариновыя свѣчи, писчая бумага, ртуть, мишура, бисеръ, краски, сундуки и всякая мелочь. На память я не могу теперь перечислить всѣхъ видѣнныхъ мною на бухарскомъ рынкѣ русскихъ товаровъ, но современемъ я непремѣнно составлю подробный каталогъ этимъ товарамъ, съ обозначеніемъ ихъ цѣнъ и нѣкоторыми моими примѣчаніями.

Здѣсь достаточно будетъ сказать, что цѣны на всѣ почти русскіе товары въ Бухарѣ значительно ниже ташкентскихъ. Разница въ цѣнѣ, напримѣръ, сахара достигала, во время моего пребыванія въ Бухарѣ, 5 руб. на пудъ (въ Бухарѣ 11, въ Ташкентѣ 16 руб.), но, говорятъ, бываетъ и больше. Въ прошломъ году я пытался-было (въ частномъ письмѣ къ А. И. Б.) объяснить эту разницу мѣновымъ характеромъ торговли, т.-е. наложеніемъ на бухарское сырье всей сбавки на русскіе товары, но теперь вижу, что кромѣ этой причины дѣйствуютъ еще много другихъ, объяснить которыя надо подумавши. Какъ ни пріятно русскому человѣку, заѣхавшему въ Бухару, видѣть такую разнообразную массу товаровъ своей родины и чувствовать тяготѣніе бухарскаго рынка къ отдаленнымъ торговымъ центрамъ Россіи, тѣмъ не ме-

нѣе отъ этого же заѣзжаго человѣка не скроется и другая, печальная сторона дѣла: отсутствіе на этомъ рынкѣ русскихъ торговцевъ. Я указываю на это обстоятельство не изъ квасного патріотизма, а во имя торговыхъ интерессовъ и главнымъ образомъ Москвы, снабжающей Бухару издѣліями своихъ фабрикъ. Вся торговля русскими товарами ведется въ Бухарѣ туземцами, либо татарами.

На первый взглядъ покажется, что въ этомъ обстоятельствѣ, повидимому, нѣтъ еще особенной бѣды, лишь бы русскіе товары шли въ Среднюю Азію, но на дѣлѣ выходитъ другое. Московскіе, оренбургскіе и троицкіе купцы знаютъ лучше меня, какъ отплачиваютъ имъ за ихъ довѣріе бухарцы. Неуплата въ срокъ денегъ за взятый въ кредитъ товаръ или уплата ихъ по нѣсколько копѣекъ съ рубля, а иногда и просто скрытіе товара и должника — явленіе самое обыкновенное въ нашей бухарской торговлѣ. Рѣдкій изъ русскихъ торговцевъ, отпускающихъ въ Бухару товаръ, не испыталъ на себѣ котораго-нибудь изъ этихъ случаевъ, и все это очень понятно и легко объяснимо. Всѣ торговыя сношенія между русскими купцами и ихъ кредиторами—бухарцами совершались и совершаются на самыхъ широкихъ основаніяхъ довѣрія со стороны русскихъ и полной безнаказанности за его нарушеніе со стороны бухарцевъ. Не зная своего будущаго должника-бухарца, пріѣхавшаго изъ-за 4 т. верстъ, не имѣя никакихъ понятій о его коммерческихъ оборотахъ, русскій торговецъ отпускаетъ ему свой товаръ въ кредитъ, такъ сказать, на «ура», не будучи ровно ничѣмъ гарантированъ не только въ полученіи денегъ, но и въ отысканіи, въ случаѣ надобности, своего должника. Въ свою очередь бухарскій человѣкъ, торгашъ въ душѣ, очень хорошо понимаетъ превосходство своего положенія, и зная, что его достать трудно, съ спокойнымъ духомъ обманываетъ своего кредитора, употребляя тотъ или другой изъ указанныхъ мною способовъ. Конечно, не всѣ вообще дѣла ведутся такимъ образомъ, но нельзя отрицать, чтобы такіе случаи были рѣдкими, а тѣмъ болѣе исключительными. Напротивъ того, они такъ часты и постоянны, что становятся уже характернымъ признакомъ этой торговли и разсказъ о нихъ займетъ, по моему мнѣнію, не послѣднее мѣсто въ исторіи нашихъ торговыхъ сношеній съ Бухарою. Если ко всему этому прибавить, что вся торговля сырьемъ, главнымъ образомъ, хлопкомъ и шелкомъ, находится безусловно въ рукахъ бухарцевъ и мѣстныя условія этой торговли остаются до сего времени совершенно недоступными для русскихъ торговцевъ, то станетъ понятнымъ, что преобладаніе

на бухарскомъ рынкѣ русскихъ товаровъ, несмотря на ихъ количество, далеко еще не упрочено и рано или поздно можетъ быть легко поколеблено. Это сдѣлается, конечно, мало-по-малу, незамѣтно для насъ самихъ, какъ сдѣлалось, напримѣръ, съ чайной торговлей. Этихъ объясненій, мнѣ кажется, достаточно, чтобы доказать, какъ важно пребываніе въ Бухарѣ русскихъ торговцевъ, или по крайней мѣрѣ, агентовъ отъ русскихъ торговыхъ домовъ. Смѣшно сказать, что въ такомъ торговомъ центрѣ, какъ Бухара, ведущемъ такую обширную торговлю съ Россіей, живетъ всего-на-всего одинъ только русскій торговецъ [1]), тогда какъ приказчиковъ авганскихъ купцовъ, безпрестанно шмыгающихъ изъ Бухары въ Кабулъ, Пешауръ и обратно, можно считать десятками...

Въ заключеніе этого конечно краткаго и неполнаго обзора бухарской торговли я считаю себя обязаннымъ изложить здѣсь мои наблюденія надъ чайной торговлей. Въ Бухарѣ она для насъ окончательно пропала. Огромные караваны (по 5 т. верблюдовъ) зеленаго чая ежегодно приходятъ въ Бухару изъ Авганистана и затѣмъ расходятся по бухарскимъ владѣніямъ, туркестанскимъ степямъ, идутъ въ Хиву и проникаютъ въ Коканъ и русскій Туркестанъ. Чернаго чая буквально нѣтъ нигдѣ. Для меня, правда, находили въ Бухарѣ (и очень легко) рижскій бальзамъ, но не могли найти фунта фамильнаго чая, сколько-нибудь годнаго для питья. Въ гостяхъ у кушъ-беги я пилъ черный чай такой, отъ котораго меня чуть-чуть не стошнило. Склады зеленаго чая въ Бухарѣ громадные; конкуррировать съ ними русскимъ чаямъ невозможно, какъ по сравнительной дороговизнѣ этихъ послѣднихъ, такъ и потому, что уже мѣсто занято. Теперь намъ остается только не допустить этого чая въ наши предѣлы, оставивъ всякую надежду вытѣснить его изъ Бухары. Все, что̀ я сказалъ выше, относилось до чая зеленаго; для кирпичнаго (именно яблочнаго, алма-чай) я дѣлаю исключеніе. Можетъ быть, при энергіи нашихъ торговцевъ имъ удастся вытѣснить этотъ чай изъ Бухары таковымъ же, но лучшаго качества, идущимъ къ намъ изъ Кяхты.

За отсутствіемъ эмира, хозяиномъ города былъ бій Магомедди́, исправляющій должность кушъ-беги. Его я видѣлъ два раза: на другой день послѣ пріѣзда въ Бухару и передъ самымъ

---

[1]) И. Н. Шмелевъ, довѣренный гг. Быковскихъ, если не считать В. И. Грошева, занимающагося заготовленіемъ маты (бѣлой бумажной матеріи) для русскихъ войскъ въ Ташкентѣ.

изъ нея выѣздомъ. Достопочтенный бій Магомедди, извѣстный еще нашимъ плѣнникамъ въ 1867-мъ году, какъ курбаши города Бухары, по происхожденію иранецъ. Послѣ служенія своего полиціймейстеромъ столицы, онъ сдѣланъ былъ главнымъ начальникомъ бухарскихъ войскъ, и затѣмъ, недавно, послѣ смерти кушъ-беги, ему поручено исправленіе этой важной должности. Сипай [1]) по роду своихъ занятій, бій Магомедди тѣмъ не менѣе человѣкъ грамотный, и, какъ мнѣ кажется, очень мало воинственный. Стóитъ только взглянуть на его доброе и веселое лицо, на его дородную и медленно-движущуюся мѣшковатую фигуру, чтобы сказать, что человѣкъ этотъ не созданъ командовать арміями, да, пожалуй, не созданъ и править государствомъ. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе стараго барскаго ключника, тщательно берегущаго барское добро, точно исполняющаго свои обязанности, подчасъ, въ угоду барину, строящаго изъ себя шута, но не возвышающагося никогда до даванія ему совѣтовъ или противорѣчія его намѣреніямъ. Не будучи развратникомъ, какъ большинство окружающихъ эмира лицъ, онъ тѣмъ не менѣе не могъ отстоять своей семейной независимости и недавно, по приказанію эмира, долженъ былъ взять себѣ въ жены одну изъ жертвъ любострастія своего господина. Развѣ это не наше доброе, старое время—награжденіе ключниковъ барскими любовницами? Тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что дѣйствія кушъ-беги по отношенію къ торговлѣ и торгующимъ заслуживаютъ всякой похвалы. Человѣкъ онъ очень доступный и простой, взятокъ, кажется, беретъ мало, и, главное, ближайшій помощникъ его (зякетчи) его единственный сынъ, не особенно умная, но очень симпатичная личность. Оба эти лица окружили себя преданными имъ соотечественниками, иранцами, которые, какъ люди, бывшіе нѣкогда въ тяжеломъ положеніи рабовъ, не даютъ себѣ воли и гораздо гуманнѣе сартовъ. Отношенія кушъ-беги къ Мирахуру болѣе чѣмъ натянутыя; оба они ненавидятъ другъ друга и въ состояніи скрывать это, особенно Мирахуръ, безпрестанно твердившій мнѣ, что еслибы былъ живъ прежній кушъ-беги, меня, конечно, не встрѣтили бы такъ, какъ при кушъ-беги настоящемъ. Почему не нравилась ему сдѣланная мнѣ встрѣча — я не знаю; но думаю, что все это говорилось для того, чтобы не расположить меня къ кушъ-беги и чтобы нерасположеніе мое къ нему было передано въ письмахъ къ нашему начальству. Я, разумѣется, на эту новую хитрость не поддался, и мало того—далъ понять людямъ кушъ-

[1]) Служивое сословіе, безграмотное, но менѣе фанатичное, чѣмъ духовное.

беги, что вліянія на мои мнѣнія Мирахуръ не имѣетъ. Эти отношенія между главнымъ государственнымъ сановникомъ бухарскаго ханства и довѣреннымъ этого ханства у нашего начальства служатъ, по моему мнѣнію, второю причиною непригодности Мирахура для нашихъ интересовъ. Трудно поручиться, будетъ ли онъ настолько благоразумнымъ, чтобы стать выше личныхъ отношеній, и ради интересовъ дружбы и мира поддерживать (если даже не тормазить) всѣ тѣ дѣла, рѣшеніе или направленіе которыхъ будетъ зависѣть непосредственно отъ кушъ-беги. Я думаю, что на такую высоту онъ подняться не въ состояніи.

При первомъ свиданіи съ кушъ-беги я заговорилъ о своемъ желаніи ѣхать въ Чарджуй. Бѣдный премьеръ, неполучившій, какъ видно, отъ эмира никакихъ на этотъ предметъ указаній, совершенно растерялся, и въ сильномъ смущеніи началъ замѣтно для всѣхъ насъ подмаргивать Мирахуру, приглашая его выручать себя изъ этой бѣды. Краснорѣчивый Мирахуръ, какъ я и ожидалъ, повторилъ мнѣ всѣ тѣ доводы, которые уже были высказаны мнѣ въ Карши противъ моего намѣренія ѣхать въ Керки. Въ свою очередь, я проговорилъ всѣ тѣ же возраженія, которыя противопоставлялъ ему тамъ относительно этихъ доводовъ. Я впередъ зналъ, что въ Чарджуй меня не пустятъ, но мнѣ нужно было продѣлать этотъ діалогъ, чтобы получить отказъ въ положительной формѣ. По выполненіи, довольно удовлетворительномъ, нашихъ ролей, мнѣ сказали, что въ Чарджуй ѣхать нельзя. Отказъ этотъ (не то что въ Карши) я принялъ совершенно спокойно: я уже убѣдился, что вѣрить Бухарѣ ни въ чемъ нельзя. Приходилось остаться на мѣстѣ и по крайней мѣрѣ разузнать что-нибудь о торговлѣ. Но и тутъ пропасть затрудненій. Оказалось, что по базару мнѣ можно ѣздить только съ провожатыми въ красныхъ халатахъ, привлекающими ко мнѣ массу народа, что входить въ разговоры съ торговцами мнѣ, какъ большому человѣку, неприлично, что осмотръ медрессэ и мечетей можетъ показаться народу страннымъ и т. п. и т. п. Рядомъ мучительныхъ переговоровъ мнѣ удалось, наконецъ, избавиться отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ стѣсненій, но, тѣмъ не менѣе, ни въ медрессэ, ни въ мечети я не входилъ и залучить къ себѣ торговцевъ не могъ. Все, что мною собрано о торговлѣ, сдѣлано болѣе черезъ посредство моихъ спутниковъ, чѣмъ мною самимъ. Чтобы отвлечь меня отъ базара, Мирахуръ выдумалъ новую хитрость, на которой и попался. Онъ посовѣтывалъ мнѣ не безпокоиться разъѣздами по базару и притомъ въ жаркое время дня, а лучше призывать къ себѣ разныхъ маклеровъ и торговцевъ и отъ нихъ

получать какія мнѣ нужны свѣдѣнія. Я согласился, полагая, что всѣ собранныя мною отъ нихъ свѣдѣнія я успѣю перевѣрить потомъ на базарѣ. Собрались ко мнѣ всѣ эти лица, и Мирахуръ началъ говорить имъ, въ моемъ присутствіи, по-тюркски, рѣчь, что вотъ, дескать, пріѣхалъ большой тюря [1]), которому нужно знать вотъ то-то и то-то. Вы должны все это ему подробно разсказать, ибо это будетъ полезно для дѣла дружбы и пріятно эмиру и русскому начальству. Затѣмъ, когда я предложилъ пришедшимъ маклерамъ предварительно побесѣдовать съ Бай-Магометомъ, Мирахуръ очень настоятельно, уже по-персидски, рекомендовалъ имъ не говорить ничего положительнаго. Возмущенный этими словами (тотчасъ же переданными мнѣ по секрету Бай-Магометомъ), я сдѣлалъ Мирахуру сцену, послѣ которой онъ въ одно и то же время просилъ у меня прощенія и увѣрялъ, что я его словъ не понялъ. Я притворился, что дѣйствительно не понялъ, и мы разстались друзьями. Вотъ при какихъ условіяхъ мнѣ приходилось изучать мѣстную торговлю.

Отъ кушъ-беги я получилъ халатъ и хорошую лошадь, — подарки, какъ мнѣ сказалъ Мирахуръ, не цѣнные. Я имѣю основаніе думать, что онъ самъ посовѣтовалъ сдѣлать мнѣ такіе подарки, и затѣмъ, мѣряя на свой аршинъ, думалъ, что нецѣнность ихъ повредитъ въ моихъ глазахъ его противнику. Я передаю всѣ эти мелочи потому, что онѣ рельефнѣе, чѣмъ мои слова, обрисовываютъ здѣшніе нравы и характеры.

Послѣ перваго свиданія моего съ кушъ-беги, я задумалъ попасть на невольничій базаръ. Существованіе въ гор. Бухарѣ рынка для продажи невольниковъ подвергалось въ послѣднее время сомнѣніямъ. Было мнѣніе, что съ завоеваніемъ русскими Самарканда открытая продажа невольниковъ на базарахъ не только ослабѣла, но и совсѣмъ прекратилась. Мнѣніе это подтверждалось, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что никто изъ оффиціальныхъ лицъ, посѣщавшихъ въ недавнее время Бухару, не видѣлъ невольничьяго базара и не заявлялъ о его существованіи; даже болѣе, одно изъ этихъ лицъ, не помню именно кто, положительно отвергало существованіе такого базара. Мнѣ первому удалось увидѣть невольничій базаръ и собственными глазами убѣдиться, что постыдный торгъ людьми производится постоянно и въ значительныхъ размѣрахъ въ 190 верстахъ отъ русской границы, открыто безъ всякой утайки, на базарѣ въ центрѣ города. Вчера,

---

[1]) Тюря—названіе, присвоенное всѣмъ принцамъ крови, а съ занятіемъ Туркестана—всѣмъ русскимъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ.

въ сопровожденіи пристава отъ кушъ-беги, я посѣтилъ караванъ-сарай, гдѣ продаются невольники, и видѣлъ ихъ продажу. Сарай этотъ помѣщается на большомъ базарѣ (Регистанъ), въ той его части, которая называется Чарсу и носитъ названіе Пай-Астана. Нижній этажъ сарая занятъ продавцами сырыхъ кожъ, верхній—невольниками. Продажа производится каждый день съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ при продажѣ товаровъ формальностей, какъ-то: оцѣнки товара маклеромъ, уплатѣ зякета и т. п. Во время моего посѣщенія, въ сараѣ находилось до 100 человѣкъ мужчинъ и до 30 женщинъ и дѣтей. При мнѣ былъ проданъ 12-ти-лѣтній мальчикъ за 120 рублей. Хотя я поѣхалъ въ сарай неожиданно и почти насильно, тѣмъ не менѣе приставъ мой успѣлъ предупредить о моемъ посѣщеніи, и сарай къ моему пріѣзду былъ прибранъ: больные невольники и слишкомъ плачущія женщины и дѣти были спрятаны на заднемъ дворѣ, а на показъ мнѣ были оставлены болѣе приличные по внѣшности и болѣе привыкшіе къ своему положенію... По собраннымъ мною свѣдѣніямъ продажа невольниковъ производится не только на базарѣ, но и въ отдѣльныхъ домахъ у барышниковъ (Кулъ-Джаляпъ), и не только въ Бухарѣ, но и во многихъ городахъ и большихъ кишлакахъ. Главный невольничій базаръ во всей Средней Азіи—есть Бухара. Барышники скупаютъ невольниковъ у туркменовъ, и затѣмъ перепродаютъ ихъ либо въ другіе города и кишлаки, либо въ Хиву. Если положить, что каждый день продается только одна десятая часть того числа невольниковъ, которыхъ я видѣлъ въ караванъ-сараѣ, то число всѣхъ невольниковъ, продаваемыхъ ежегодно въ одной только Бухарѣ, превзойдетъ 4 тысячи человѣкъ. Посѣтить невольничій базаръ мнѣ стоило большихъ усилій: все краснорѣчіе Мирахура было исчерпано, чтобы отклонить меня отъ моего намѣренія, но я остался непоколебимъ и добился моего желанія.

Передъ моимъ отъѣздомъ обратно изъ Бухары И. Н. Шмелевъ, единственный представитель русскихъ купцовъ въ Бухарѣ, пригласилъ меня къ себѣ обѣдать въ караванъ-сарай Аимъ, гдѣ обыкновенно останавливаются и торгуютъ всѣ рѣдкіе русскіе торговцы, пріѣзжающіе въ Бухару. Противъ принятія этого приглашенія на меня сильно возсталъ Мирахуръ, находя, что мнѣ, большому, по его мнѣнію, человѣку совершенно неприлично ѣхать въ караванъ-сарай а тѣмъ болѣе якшаться съ купцами; для бухарскаго тюри непонятно человѣческое обращеніе съ купцомъ. Кромѣ того онъ видѣлъ въ этомъ обиду для эмира, неумѣвшаго какъ будто бы приличнымъ образомъ принять и угостить меня. «Они наши слуги», говорилъ

о купцахъ сей мусульманскій бояринъ, «мы ихъ должны кормить и жаловать, а не они насъ». Но И. Н. Шмелевъ, узнавъ объ этихъ разговорахъ, обидѣлся бы и справедливо, еслибъ я отклонилъ его приглашеніе. Я былъ въ затрудненіи, какъ поступить въ этомъ щекотливомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что никакіе доводы и убѣжденія о нашихъ обычаяхъ и порядкахъ, отличныхъ отъ мусульманскихъ, на Мирахура не дѣйствовали, и только счастливо подвернувшаяся мнѣ на память ссылка на авторитетъ русскаго начальства, которое никогда не отвергаетъ въ подобныхъ случаяхъ приглашенія купцовъ, помогла мнѣ разрубить сей Гордіевъ узелъ къ общему удовольствію обѣихъ сторонъ.

Часа въ два пополудни отправился я въ Аимъ-Сарай безъ всякихъ почетныхъ провожатыхъ. Это кажется сдѣлано было съ цѣлію не придавать моей поѣздкѣ особой важности. Бѣдная каморка И. Н. Шмелева, обитая къ моему пріѣзду коленкоромъ и всячески разукрашенная, представляла самый праздничный видъ. На окнѣ играла шарманка и ожидали прихода скрипки, въ свое время неявившейся; на дворѣ толпился народъ, сарты смотрѣли къ намъ въ окна, словомъ томаша [1]) была большая. Радушный хозяинъ, обрадованный счастливымъ исходомъ дѣла, суетился донельзя и угостилъ на славу — всѣмъ, что только можно было найти въ Бухарѣ. Этотъ радушный, отъ чистаго сердца пріемъ, произвелъ на меня, послѣ всяческаго бухарскаго лицемѣрства, самое пріятное впечатлѣніе. Я думаю, что и для туземцевъ онъ имѣлъ нѣкоторое значеніе. На другой день мнѣ принесли съ базара новости, что туземные купцы были очень довольны моимъ посѣщеніемъ Аима-Сарая. Русскій тюря, говорили они, не побрезгалъ пріѣхать въ сарай и угощаться съ купцами—значитъ, мнѣнія купцовъ далеко не сходились въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ Мирахура.

Зная нѣсколько тюркскій языкъ и безпрестанно скитаясь по базарамъ, я имѣлъ время и возможность пріобрѣсть множество отрывочныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, преимущественно о разныхъ промышленныхъ производствахъ. Этими свѣдѣніями я приводилъ въ Бухарѣ въ немалое удивленіе всѣхъ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать. Мусульманскимъ людямъ было изумительно и непонятно видѣть большого русскаго тюря, знающаго, напр., всѣ названія сортовъ различныхъ товаровъ, всѣ кассаба [2]), бесѣдующаго о различныхъ производствахъ и даже о

[1]) Развлеченіе.

[2]) Арабское слово, означающее вообще промыселъ: „Утузъ-ики-кассаба“ (тридцать два промысла) означаютъ все вообще промышленное сословіе, хотя родовъ и видовъ промысловъ гораздо больше, чѣмъ 32.

шаріатѣ и о сектахъ. Я никогда не забуду того удивленія, которое выразилось на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ, когда я, разсматривая принесенный ко мнѣ особаго сорта канаусъ, въ родѣ нашей саржи, замѣтилъ, что его ткали съ большимъ количествомъ ремизовъ, чѣмъ обыкновенный. По всей комнатѣ пошелъ благоговѣйный шопотъ о моей мудрости. Въ другой разъ, въ Карши, я сконфузилъ мутавали [1]) замѣтивъ, что либо медрессэ построено позднѣе, чѣмъ онъ говоритъ, либо строитель медрессэ жилъ ранѣе, ибо въ противномъ случаѣ строитель его не могъ быть изъ секты нашхбандія, какъ утверждалъ мутавали, потому что глава этой секты—Богоуэддинъ жилъ гораздо позднѣе, чѣмъ умеръ строитель медрессэ. Какъ-то въ дорогѣ я запѣлъ стихъ, который поютъ дуваны [2]), и изумленію окружающихъ не было конца. Такихъ случаевъ было со мной много. Все это привело бухарцевъ къ тому убѣжденію, что я хватаю съ неба звѣзды, вижу насквозь всякаго человѣка, знаю всѣ языки міра и въ томъ числѣ арабскій и персидскій, но только изъ хитрости на нихъ не говорю. Конечно, все это имѣло хорошую сторону, ибо возвышало въ Бухарѣ значеніе русскихъ, но съ другой стороны, кажется, многаго мнѣ не показывали и не говорили ради именно этой моей «мудрости».

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Ташкента я имѣлъ намѣреніе склонить эмира къ устройству почты между Бухарою и Катты-Курганомъ (190 верстъ). Такимъ образомъ, установилось бы, наконецъ, столь желаемое торговымъ сословіемъ правильное почтовое сообщеніе между русскими городами и Бухарою. Всякому здѣсь хорошо извѣстно, какія затрудненія дѣлаетъ этотъ маленькій 190-верстный перерывъ. Всѣ письма изъ Бухары до нашей границы и обратно приходится пересылать съ оказіями, невѣрными и ненадежными, а между тѣмъ бываютъ времена, когда отъ своевременной посылки письма зависятъ большіе барыши и убытки. Къ тому же масса бухарскихъ купцовъ и приказчиковъ ежегодно ѣздитъ и живетъ въ Оренбургѣ, Нижнемъ, Москвѣ и, понятно, очень желала бы быть въ постоянныхъ и правильныхъ сношеніяхъ съ Бухарою. Приступая къ исполненію этого дѣла, я давно уже просилъ Акима-Ходжи Юнусова написать мнѣ проектъ объ устройствѣ такого почтоваго сообщенія, примѣняясь къ мусульманскимъ воззрѣніямъ. Проектъ вышелъ на славу. Предисло-

---

[1]) Завѣдывающій хозяйственною частію въ медрессэ, въ родѣ нашего эконома въ монастыряхъ.

[2]) Юродивые очень уважаемы въ Бухарѣ.

віе его, какъ тому и слѣдовало быть, начиналось прямо съ Корана, и затѣмъ развивалась общая мысль и ея примѣненіе на практикѣ. Проектъ этотъ я показалъ дорогой Мирахуру и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что все это, пожалуй, очень хорошо, но для Бухары не нужно, ибо прежде ничего такого не было. —Да вѣдь прежде все было хуже, Мирахуръ,—возразилъ я, забывъ, что бесѣдую не съ европейцемъ; а съ каждымъ годомъ все становится лучше и лучше. «Нѣтъ, говорилъ мнѣ убѣдительнымъ тономъ мой пріятель, прежніе люди были умнѣе и лучше; они и увидѣли раньше насъ Бога». Я замолчалъ, ибо возражать на это было нечего. Въ Бухарѣ я поднялъ этотъ вопросъ опять, и опять получилъ на него тотъ же отвѣтъ.

Не лучшую участь имѣли и другія мои попытки и порученія. Такъ, меня просили взыскать деньги съ Якуба-Мацума, который самъ желалъ, какъ мнѣ извѣстно, отдать деньги и только боялся эмира. Но его нарочно удалили изъ Бухары, чтобы я не могъ его самъ къ себѣ потребовать.

Съ чувствомъ обманутыхъ ожиданій и неисполнившихся надеждъ оставилъ я, 22 мая въ 6 часовъ вечера, Бухару. Утромъ въ день нашего отъѣзда шелъ очень большой и рѣдко бывающій въ Бухарѣ дождь. Засохшія деревья позеленѣли, пыль улеглась, и мы весело доѣхали до Богоуэддина (8 верстъ), монастыря города Бухары. Я не нахожу теперь возможнымъ вдаваться въ подробное описаніе этой знаменитой въ мусульманскомъ мірѣ обители; отлагаю это до другого мѣста и другого времени. Здѣсь же спѣшу записать только первое, свѣжее впечатлѣніе отъ этой мусульманской святыни. Мазари Богоуэддинъ—вертепъ самыхъ безобразнѣйшихъ, нахальнѣйшихъ и назойливѣйшихъ нищихъ, похожихъ скорѣе на разбойниковъ по большимъ дорогамъ, чѣмъ на лицъ, живущихъ доброхотными подаяніями. Нигдѣ у насъ я не видалъ такого громаднаго скопленія ихъ, какъ въ Богоуэддинѣ. Я слышалъ, что въ праздничное время число ихъ доходитъ до 50 и 60 т. человѣкъ и болѣе.

Дорогу до Катты-Кургана я также не буду описывать, ибо она уже давно описана. Остановлюсь только на Керминѣ, гдѣ я видѣлся съ его бекомъ, Тюря-Джаномъ, 13-ти-лѣтнимъ сыномъ эмира. Въ Кермине мы пріѣхали 23-го мая, и послѣ обычныхъ встрѣчъ тотчасъ же представились маленькому беку. Пріемъ былъ очень торжественный, съ войсками. Чтобы замаскировать передо мною ихъ малое число, солдаты были разставлены въ одну линію шага на два другъ отъ друга. Лошадь мою хотѣли-было ввести въ самую цитадель, но я слѣзъ съ нея у воротъ.

Свиданіе съ сыномъ эмира продолжалось не болѣе пяти минутъ. Бѣдный мальчикъ былъ такъ сконфуженъ, что рѣшительно не произнесъ ни одного слова, несмотря на то, что приближенный его, Насрэдинъ Токсаба, очень внушительно упрашивалъ его, сказать что-нибудь дорогому гостю. По уходѣ на меня надѣли очень хорошій халатъ, подвели очень порядочную лошадь и затѣмъ прислали на дорогу 1000 монетъ. Цѣлый день мы пробыли въ Керминѣ въ домѣ Насрэдина Токсабы, весьма хорошаго, повидимому, человѣка; онъ долгое время торговалъ въ Оренбургѣ, бывалъ въ Нижнемъ и знаетъ нѣсколько по-русски. Въ кишлакѣ Мирѣ, въ 28-ми верстахъ передъ Катты-Курганомъ, мы распростились съ Мирахуромъ, отправившимся прямою дорогою въ Шахрисябзъ къ эмиру. 25-го мая, я въѣхалъ въ Катты-Курганъ, 27-го числа въ Самаркандъ, гдѣ прожилъ 7 дней, и 7-го іюня въ Ташкентъ, пробывъ въ дорогѣ полтора мѣсяца и сдѣлавъ верхомъ болѣе тысячи верстъ.

Н. Петровскій.

Ташкентъ, 1872.

КАНУТЪ

Легенда.

1.

Двѣ вѣсти ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатомъ поминѣ,
Шлётъ сватъ его Магнусъ;—изъ русской земли
Другая пришла отъ княгини.

2.

Съ пѣвцомъ своимъ Магнусъ словесную вѣсть
Безъ граматы шлётъ харатейной:
Онъ проситъ Канута, въ услугу и въ честь,
Пріѣхать на съѣздъ на семейный;

3.

Княгиня-жъ ко граматѣ тайной печать
Подъ многимъ привѣсила страхомъ,
И вслухъ ея строки Канутъ прочитать
Велитъ двумъ искуснымъ монахамъ.

4.

Читаютъ монахи: «Супругъ мой и князь!
«Привидѣлось мнѣ сновидѣнье:
«Поѣхалъ въ Роскильду, въ багрецъ нарядясь,
«На Магнуса ты приглашенье;

5.

«Сталъ кровью багрецъ твой въ его терему —
«Супругъ мой, молю тебя слезно,
«Не вѣрь его дружбѣ, не ѣзди къ нему,
«Любимый, желанный, болѣзный!»

6.

Монахи съ испугу рѣчей не найдутъ:
— Святые угодники съ нами!
Взглянулъ на ихъ блѣдныя лица Канутъ,
Пожалъ, усмѣхаясь, плечами:

7.

— Я Магнуса знаю, правдивъ онъ и прямъ,
Дружилъ съ нимъ по нынѣшній день я —
Ужель ему вѣры теперь я не дамъ,
Княгинина ради видѣнья!

8.

И берегомъ онъ выѣзжаетъ морскимъ,
Не вздѣлъ онъ чешуйчатой брони,
Три отрока ѣдутъ поодаль за нимъ,
Ихъ весело топаютъ кони.

9.

Пѣвецъ, что̀ посыланъ его пригласить,
Съ нимъ ѣдетъ по берегу рядомъ;
Тяжолую тайну клялся онъ хранить,
Съ опущеннымъ ѣдетъ онъ взглядомъ.

10.

Дыханіемъ теплымъ у моря весна
Чуть гривы коней ихъ шевелитъ,
На мокрый песокъ набѣгаетъ волна
И пѣну имъ по̀дъ-ноги стелетъ.

11.

Но вотъ догоняетъ ихъ отрокъ одинъ,
Съ Канутомъ, снявъ шлыкъ, поравнялся:
— Ужъ намъ не вернуться-ли, князь-господинъ?
Твой конь на ходу расковался!

12.

— Пускай расковался! смѣется Канутъ,
Мягка намъ весною дорога,
Въ Роскильдѣ коня кузнецы подкуютъ,
У свата, я чаю, ихъ много!

13.

Къ болоту тропа, загибаясь, ведетъ,
Надъ нимъ, куда око ни глянетъ,
Вечерній туманъ свои нити прядетъ
И сизыя полосы тянетъ.

14.

От отроковъ вновь отдѣлился одинъ,
Равняетъ коня съ господиномъ:
— За этимъ туманищемъ, князь-господинъ,
Не видно твоей головы намъ!

15.

Смѣется Канутъ:—Пусть моей головы
Не видно вамъ—я безъ изъяна!
Опять меня цѣлымъ увидите вы,
Какъ выѣдемъ мы изъ тумана!

16.

Въѣзжаютъ они во трепещущій боръ,
Весь полный весенняго крика;
Гремитъ соловьиный въ шиповникѣ хоръ,
Звѣздится въ травѣ земляника;

17.

Черёмухи вѣтви душистыя гнутъ,
Всѣ дикія яблони въ цвѣтѣ;
Ихъ запахъ вдыхаючи, мыслитъ Канутъ:
—Жить любо на Божіемъ свѣтѣ!

18.

Украдкой пѣвецъ на него посмотрѣлъ,
И жалость его охватила:
Такъ веселъ Канутъ, такъ довѣрчивъ и смѣлъ,
Кипитъ въ немъ такъ молодо сила;

19.

Ужели сегодня во гробъ ему лечь,
Погибнуть въ подводѣ жестокомъ?
И хочется князя ему остеречь,
Спасти околичнымъ намёкомъ.

20.

Былину старинную онъ затянулъ;
Колеблясь въ пустынномъ просторѣ,
Съ припѣвомъ дубравный сливается гулъ:
«Ой море, ой синее море!

21.

«Къ царѐвичу славному теща и тесть
«Коварной исполнены злости;
«Измѣной хотятъ они зятя известь,
«Зовутъ его ласково въ гости.

22.

«Но морю, что́ міръ обтекая, шумитъ,
«Извѣстно о ихъ заговорѣ;
«Не ѣзди, царевичъ, оно говоритъ—
«Ой море, о синее море!

23.

«На вѣрную смерть ты пускаешься въ путь,
«Твой тесть погубить тебя хочетъ,
«Тотъ мечъ, что́ онъ завтра вонзитъ тебѣ въ грудь,
«Сегодня ужъ онъ его точитъ!

24.

«Страшенію моря царевичъ не внялъ,
«Не внялъ на великое горе,
«Спускаетъ ладью онъ на пѣнистый валъ—
«Ой море, ой синее море!

25.

«Плыветъ онъ на вѣрную гибель свою,
«Бѣды надъ собою не чаетъ,
«И скорбно его расписную ладью
«И нехотя море качаетъ...»

26.

Пѣвецъ въ ожиданіи пѣсню прервалъ,
Украдкой глядитъ на Канута;
Безпечно тотъ ѣдетъ себѣ вперевалъ,
Рветъ вѣтки съ черёмухи гнутой;

27.

Значеніе пѣсни ему не вдомёкъ,
Онъ веселъ какъ былъ и съ почину,
И видя какъ онъ отъ догадки далёкъ,
Пѣвецъ продолжаетъ былину:

28.

«Въ ладьѣ не вернулся царевичъ домой,
«Наслѣдную вотчину вскорѣ
«Сватья раздѣлили его межъ собой—
«Ой море, ой синее море!

29.

«У берега холмъ погребальный стоитъ,
«Никѣмъ не почтенъ, не стороженъ,
«Въ холмѣ томъ убитый царевичъ лежитъ,
«Въ ладью расписную положенъ;

30.

«Лежитъ съ погруженнымъ онъ въ сердцѣ мечомъ,
«Не въ бармахъ, не въ царскомъ уборѣ,
«И тризну свершаетъ лишь море по немъ,
«Лишь море, лишь синее море!»

31.

Вновь очи пѣвецъ на Канута поднялъ:
Тотъ свѣжими клёна листами
Гремучую збрую коня разубралъ,
Утыкалъ очёлокъ цвѣтами;

32.

Онъ смотритъ на мошекъ толкущійся рой
Въ лучахъ золотого захода,
И мыслитъ, воздушной ихъ тѣшась игрой:
— Намъ ясная завтра погода!

33.

Былины значенье ему не-вдогадъ,
Онъ ѣдетъ съ весельемъ во взорѣ,
И самъ напѣваетъ товарищу въ ладъ:
«Ой море, ой синее море!»

34.

Его не спасти! Ему смерть суждена!
Влечетъ его тёмная сила!
Дыханьемъ своимъ молодая весна
Знать разумъ его опьянила!

35.

Пѣвецъ замолчалъ! Чтó свершится, о томъ
Яснѣй намекнуть онъ не смѣетъ,
Поютъ соловьи, заливаясь, кругомъ,
Шиповникъ пахучій алѣетъ;

36.

Не чуетъ погибели близкой Канутъ,
Онъ ѣдетъ къ бѣдѣ неминучей,
Кругомъ соловьи, заливаясь, поютъ,
Шиповникъ алѣетъ пахучій...

Гр. А. К. Толстой.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ XIX-го ВѢКА

Les discours de M. le Prince de Bismarck. Berl. 1872.

IV *).

Отъ общей характеристики Бисмарка перейдемъ къ его политической теоріи. Своеобразная политическая теорія Бисмарка можетъ быть подраздѣлена весьма правильно на три отдѣла. Къ первому отдѣлу слѣдуетъ отнести его положенія, касающіяся внутренней политики, и такой отдѣлъ пожалуй можно озаглавить: кàкъ слѣдуетъ управлять внутри государства? Второй отдѣлъ обнимаетъ правила, касающіяся внѣшней политики: кàкъ слѣдуетъ обращаться съ иностранными государствами? Между этими двумя отдѣлами помѣщается третій, неутратившій смысла въ современной исторіи: кàкъ слѣдуетъ управлять побѣжденными народами, завоеванными землями?

Положенія, взгляды, приговоры по внутренней политикѣ, раскрываются во всемъ своемъ блескѣ въ рѣчахъ князя Бисмарка, относящихся къ первому періоду его собственной дѣятельности какъ перваго министра Пруссіи, когда онъ идетъ противъ теченія, подъ градомъ политическихъ бомбъ со стороны его противниковъ, которыми въ то время была полна чуть не вся Пруссія, и когда еще не было и помина о лавровыхъ вѣнкахъ. Въ этотъ первый

*) См. выше: янв. 195 стр.

періодъ Бисмаркъ ведетъ ожесточенную борьбу съ конституціоннымъ началомъ, съ ея внутреннимъ врагомъ — палатою депутатовъ, энергически поддерживаемой огромнымъ большинствомъ населенія, и его политическая мудрость является въ самой рѣзкой, грубой, и подчасъ цинической формѣ.

Князь Бисмаркъ сдѣлался первымъ министромъ Пруссіи въ то время, когда прусское правительство находилось, повидимому, въ непримиримой враждѣ съ палатою депутатовъ, отстаивавшею конституціонныя права народа. Оба противника не допускали никакихъ уступокъ, никакихъ компромиссовъ. Правительство требовало подчиненія себѣ палаты представителей, палата стремилась къ самостоятельности. Со стороны правительства были перепробованы всѣ легальныя средства борьбы, но распущеніе палаты не помогало. Палата также оставалась на почвѣ легальности и пользовалась одними законными средствами сопротивленія. Рѣшительно и послѣдовательно она не утверждала бюджета. За палатою стоялъ народъ, поддерживавшій ее весьма энергично въ теченіе всей борьбы, и едвали это время не было тѣмъ періодомъ, когда нѣмецкій народъ выказалъ наибольшую политическую зрѣлость. Избиратели отлично понимали смыслъ борьбы между правительствомъ и палатою депутатовъ, и грудью стояли за послѣднюю. Оппозиція, какъ морская волна, все приливала и приливала. Правительство скоро догадалось, что излишняя щепетильность никуда не годится, и рѣшилось попробовать средствъ незаконныхъ, которыя въ исторіи очень часто увѣнчиваются успѣхомъ. Для этого нужна была только бо́льшая рѣшимость и энергія,—и воплощеніемъ той и другой явился князь Бисмаркъ. Онъ не задумываясь рѣшилъ, что борьба между правительствомъ и палатою не можетъ быть прекращена никакими компромиссами, и съ перваго шага задался исполненіемъ ясной и простой программы—ему нужно было раздавить палату, конституцію.

Еще Фридрихъ II-й говорилъ, что «умѣренность вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ добродѣтелямъ, которыхъ государственные люди должны строго держаться, въ силу испорченности вѣка, и при началѣ царствованія всего болѣе прилично дать доказательства суровости, нежели мягкости». А вступленіе Бисмарка въ управленіе государственными дѣлами Пруссіи было тоже какъ бы началомъ царствованія — царствованія Бисмарка, кстати же, и внутренній врагъ оказался на лицо.

Понятіе о парламентскомъ правленіи принадлежитъ къ тому роду понятій, которыя представляютъ наибольшую путаницу. Путаница эта порождается неточностью языка, который присвоиваетъ одно и то же названіе самымъ разнороднымъ положеніямъ. Когда

видять въ какой-нибудь странѣ палату депутатовъ, собраніе представителей народа, утверждають, что въ этой странѣ существуетъ парламентское правленіе.

Между тѣмъ понятіе парламентскаго правленія въ примѣненіи, напр., къ Англіи означаетъ совсѣмъ не то, что въ примѣненіи къ Пруссіи, Франціи, Испаніи или Австріи.

При правильномъ парламентскомъ правленіи корона гарантирована отъ невзгодъ, удары сыплятся помимо ея, она стоитъ внѣ борьбы партій, и потому немыслимы никакія столкновенія между палатою депутатовъ и министерствомъ, вышедшимъ изъ ея большинства. Вотъ почему, гдѣ возможно серьёзное столкновеніе между правительствомъ и палатою, тамъ, значитъ, еще не утвердилось настоящее парламентское правленіе, и тотъ порядокъ, который существуетъ, хотя и имѣетъ съ нимъ нѣкоторыя общія черты сходства, но строго говоря долженъ былъ бы носить другое названіе. Еслибы мы не знали ничего иного о прусскомъ парламентаризмѣ, кромѣ тѣхъ конституціонныхъ столкновеній, которыя предшествовали цѣлому ряду войнъ, измѣнившихъ карту Европы, то мы имѣли бы уже достаточное право сказать, что въ этой странѣ не утвердилось извѣстное парламентское начало: le roi règne, mais ne gouverne pas, а слѣдовательно не утвердилось и истинное парламентское правленіе.

Другой и не менѣе существенный признакъ правильной организаціи парламентскаго правленія составляетъ вопросъ объ утвержденіи бюджета палатою, которая такимъ образомъ вліяетъ на ходъ дѣлъ вообще и, главнымъ образомъ, на вопросъ о войнѣ, вполнѣ зависящій отъ финансовыхъ средствъ страны и отъ ихъ распредѣленія. Бисмаркъ отлично понялъ, что въ борьбѣ съ парламентаризмомъ надобно начать именно съ разрѣшенія вопроса объ утвержденіи бюджета.

Рѣчь, произнесенная имъ 27-го января 1863 года весьма категорически разсѣкаетъ этотъ вопросъ: «Если бы вы имѣли право, господа, говорилъ онъ палатѣ, исключительное право утверждать окончательно бюджетъ; если бы вы имѣли право требовать у е. в. короля отставки министровъ, которые не пользуются вашимъ довѣріемъ; если бы вы имѣли право вашими рѣшеніями, касающимися бюджета, опредѣлять контингентъ и организацію арміи, а также право, которое конституція вамъ не предоставляетъ, но на которое вы претендуете въ адресѣ—право контролировать отношенія исполнительной власти государства къ ея органамъ, тогда вамъ принадлежала бы вся правительственная власть этой страны». Въ этихъ немногихъ словахъ выразился основной взглядъ Бисмарка

на то парламентское управленіе, которое онъ желалъ ввести въ Пруссіи; видно также, что онъ рѣшился съ перваго шага вести не оборонительную, а наступательную войну, и превратить палату въ скромную и послушную совѣтницу королевской власти, или вѣрнѣе, власти своей собственной. Бисмаркъ повелъ тогда такую тактику: не хорошо нарушать конституцію, нарушаетъ же ее палата, и поэтому на обязанности правительства лежитъ защитить нарушенную конституцію. Въ то же время Бисмаркъ не хочетъ, чтобы палата дѣлала различіе между короной и министерствомъ; этотъ чисто парламентскій принципъ онъ вовсе не одобряетъ, и когда палата депутатовъ, желая вполнѣ отстранить отъ своихъ ударовъ представителя верховной власти, направила ихъ на министерство, Бисмаркъ прямо заявляетъ, что это различіе, можетъ быть, существуетъ въ Англіи, но для него нѣтъ мѣста въ Пруссіи. «Вы знаете отлично,—говоритъ онъ, устанавливая свое оригинальное воззрѣніе на конституцію и парламентскій порядокъ,—что въ Пруссіи министерство дѣйствуетъ именемъ и по приказанію его величества, и что въ особенности это справедливо въ отношеніи тѣхъ дѣйствій правительства, въ которыхъ вамъ угодно видѣть нарушеніе конституціи. Вы знаете, что прусскій кабинетъ въ этомъ отношеніи не имѣетъ ничего общаго съ англійскимъ кабинетомъ. Англійское министерство, какое бы имя оно ни носило, министерство парламентское, представляющее большинство палаты, въ то время когда мы—только министры е. в. короля». Чтобы никто не могъ подумать, будто онъ потому только не признаетъ начала разграниченія министерства и короны, чтобы за королевскою властью лучше укрыться отъ нападеній палаты, онъ спѣшитъ прибавить, что министерству «нечего защищаться щитомъ королевской власти», такъ какъ оно опирается на свое твердое право. Я отвергаю это различіе, потому что при помощи его «вы оспариваете, обращается онъ къ палатѣ, первенство не только у министерства, но у короны».

Разсужденіе князя Бисмарка по поводу бюджета, повидимому, чрезвычайно просто. Власть въ странѣ, говоритъ онъ, распредѣляется между короной, палатой депутатовъ и палатою господъ. Для того, чтобы законъ сдѣлался закономъ, необходимо согласіе всѣхъ трехъ органовъ власти. Бюджетъ же утверждается закономъ, слѣдовательно для того, чтобы бюджетъ былъ утвержденъ, необходимо согласіе короны, палаты господъ и палаты депутатовъ. На случай несогласія этихъ трехъ органовъ власти конституція не указываетъ, кто изъ трехъ долженъ уступить. «Въ предшествующихъ разсужденіяхъ, говоритъ Бисмаркъ, слишкомъ легко отно-

сились къ этому затрудненію; для того, чтобы разрѣшить его, просто было допущено по аналогіи съ нѣкоторыми другими странами, конституція и законы которыхъ, не будучи обнародованы въ Пруссіи, не имѣютъ, очевидно, никакой цѣны,—что двѣ власти должны уступить палатѣ депутатовъ, и если между короной и палатой невозможно соглашеніе относительно бюджета; въ такомъ случаѣ королевская власть должна не только подчиниться и прогнать министровъ, не пользующихся довѣріемъ палаты депутатовъ, но даже принудить палату господъ, если она не соглашается съ палатою депутатовъ, принудить ее посредствомъ «испеченія» новыхъ членовъ, нарочно назначенныхъ, стать въ одинъ уровень съ депутатами».

Приводя слова извѣстнаго государственнаго человѣка о томъ, что вся конституціонная жизнь должна состоять изъ ряда компромиссовъ, Бисмаркъ съ большою оригинальностію разъясняетъ, какъ должны совершаться эти компромиссы. Съ его точки зрѣнія компромиссы должны имѣть односторонній характеръ, и горе тѣмъ, которые отказываются отъ нихъ. Палата отказывается сдѣлать уступку! что же изъ этого можетъ выдти? И тутъ Бисмаркъ весьма внушительно и вмѣстѣ весьма прозрачно проводитъ одно изъ основныхъ положеній своей практической государственной философіи. Положеніе это можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: тотъ, въ чьихъ рукахъ сила, сила физическая, можетъ не обращать никакого вниманія на сопротивленіе слабѣйшихъ, и тамъ, гдѣ право толкуется каждымъ по-своему, право фактически находится на сторонѣ сильнѣйшаго. Когда компромиссы прекращаются, «ихъ мѣсто заступаютъ столкновенія, и такъ какъ жизнь государства не можетъ остановиться, эти столкновенія переходятъ въ вопросы власти; тотъ, который въ своихъ рукахъ имѣетъ власть, продолжаетъ двигаться своею дорогою, такъ какъ жизнь государства, я повторяю, не можетъ остановиться ни на одну минуту».

Слова эти были достаточно ясны, и взглядъ князя Бисмарка обрисовывался ими вполнѣ; но опасеніе, что онъ высказался не достаточно прозрачно, заставило его дополнить свою мысль словами: «Вы ожидаете уступокъ со стороны короны, корона ожидаетъ ихъ съ вашей стороны. Корона убѣждена, что наступила ваша очередь дѣлать уступки, иначе мы едвали выйдемъ изъ настоящаго столкновенія»... «Одни, говоритъ онъ далѣе, утверждаютъ, что предшествующій бюджетъ eo ipso остается въ своей силѣ, если не существуетъ новаго бюджета; другіе претендуютъ, что во избѣжаніе пустоты, которую не терпитъ законъ, пропускъ долженъ быть замѣщенъ старымъ правомъ, тамъ гдѣ новое право не на-

полняетъ его...» Но какъ ни откровененъ Бисмаркъ, однако онъ не хочетъ допустить мысли, чтобы его кто-нибудь могъ заподозрить въ томъ, что онъ дѣйствуетъ противно конституціи. Онъ съ негодованіемъ отвергаетъ упрекъ въ нарушеніи конституціи и громко заявляетъ, что онъ остается вѣренъ той конституціи, которой онъ присягалъ, также вѣренъ, какъ любой изъ представителей палаты депутатовъ. Онъ не довольствуется тѣмъ, что онъ лишаетъ своихъ противниковъ всякихъ законныхъ средствъ для борьбы, но онъ приглашаетъ ихъ уважать въ своихъ противникахъ искренность убѣжденій и быть болѣе скупыми на упреки въ оскорбленіи конституціи и нарушеніи присяги. Аргументъ, который приводитъ князь Бисмаркъ въ пользу того, что онъ, лишая палату депутатовъ всякой силы, всякаго значенія, не дѣйствуетъ противно духу конституціи, заслуживаетъ вниманія по своей оригинальности, а также и потому, что онъ доказываетъ, какъ мало разборчивъ нѣмецкій министръ въ выборѣ своихъ аргументовъ. «Что настоящее положеніе дѣлъ противно духу конституціи, я оспориваю это самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я думаю, что подобное воззрѣніе точно также не принимается тысячами чиновниковъ, которые клялись въ вѣрности конституціи. Никто изъ чиновниковъ не отказался еще отъ службы и не объявилъ, что начиная съ 1-го января (т.-е. того дня, съ котораго страна должна была управляться безъ утвержденнаго бюджета) онъ не желаетъ болѣе получать жалованья». Подобныя слова доказываютъ развѣ, что князь Бисмаркъ держится весьма высокаго мнѣнія о необыкновенной политической честности прусскихъ чиновниковъ, но, безъ сомнѣнія, не служатъ доказательствомъ въ пользу строгаго соблюденія конституціи. Желая добить своихъ противниковъ Бисмаркъ не щадитъ ихъ самолюбія, дѣлая излишнее увѣреніе, что «правительство имѣетъ твердую рѣшимость, до тѣхъ поръ, пока оно будетъ пользоваться довѣріемъ его величества, энергически сопротивляться усиліямъ распространить законодательную власть за предѣлы, указанные конституціею».

Князь Бисмаркъ настолько пріучилъ къ полной откровенности во всемъ, что́ касается внутренняго управленія страною, что ему нельзя не вѣрить, когда онъ утверждаетъ, что онъ дѣйствуетъ согласно конституціи. Можно только сказать, что онъ дѣйствуетъ согласно той оригинальной конституціи, которая сложилась въ его головѣ и которая, въ силу этого, представляется ему наилучшею изъ всѣхъ конституцій.

Набросивъ, такимъ образомъ, уже въ первой своей большой рѣчи главныя положенія, относящіяся до внутренняго управленія

страною, указавъ въ общихъ чертахъ, каковы его воззрѣнія на народное представительство, его права и отношенія его къ правительству, князь Бисмаркъ, въ послѣдующихъ рѣчахъ, только выясняетъ и развиваетъ свои элементарныя правила политической мудрости. Стараясь замѣнить фактически парламентское правленіе королевской властью, Бисмаркъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы, съ одной стороны, возвеличить значеніе королевской власти, съ другой—унизить значеніе народныхъ представителей. Бисмаркъ нѣсколько разъ возвращается къ тому, что онъ признаетъ необходимость перемѣны министерства только тогда, если оно лишается довѣрія короля, недовѣріе же, какъ бы явно оно ни было высказано палатою, онъ не ставитъ ни въ грошъ. Подводя писанную конституцію подъ свои воззрѣнія, заставляя ее гнуться сообразно своему вкусу, онъ даетъ статьямъ конституціи такое толкованіе, которое никоимъ образомъ несовмѣстимо съ парламентскимъ правленіемъ. Проводя свое воззрѣніе на королевскую власть, онъ останавливается передъ 45-ю статьею прусской конституціи, гласящей, что король назначаетъ и смѣняетъ министровъ, и дѣлаетъ къ ней такой комментарій: «Я могу, слѣдовательно, сказать, что первое конституціонное условіе, чтобы сдѣлаться прусскимъ министромъ, это обладать довѣріемъ е. в. короля, и трудно предположить, чтобы вы,—обращается онъ къ палатѣ депутатовъ,—до такой степени хотѣли унизить прусскую королевскую власть, что рѣшились бы потребовать отъ короля, чтобы онъ назначилъ министерство, не пользующееся его довѣріемъ». Считая, такимъ образомъ, первымъ условіемъ существованія министерства довѣріе короля, Бисмаркъ уже съ полнымъ правомъ могъ обратиться къ оппозиціонной палатѣ со словами: «Я предоставляю вамъ судить, до какой степени вы способны выполнить это первое условіе»...

Для того, чтобы унизить значеніе палаты депутатовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы показать, какъ онъ смотритъ на народное представительство, Бисмаркъ вполнѣ серьёзно останавливается передъ вопросомъ: представляютъ ли собою депутаты страну или нѣтъ? Отвѣтъ не трудно угадать. Палата вовсе не представляетъ собою народа, и то, что она избрана народомъ, не даетъ ей ровно никакого преимущества передъ палатою господъ. Точно также онъ установляетъ другое положеніе своей политической философіи, что выборы, несмотря на всю правильность и свободу ихъ, нисколько не доказываютъ, чтобы депутаты представляли собою народъ. Сущность его разсужденій сводится къ слѣдующему: вы утверждаете, что вы избраны народомъ! Положимъ,—но какимъ народомъ? Одною ничтожною его частію! Выборы въ Пруссіи основаны на

двухъ степеняхъ. Въ первой степени принимали участіе какіе-нибудь 25 или 30%, слѣдовательно вы выбраны какими-нибудь 13 или 15% всего населенія. Можете ли вы, послѣ этого, утверждать, что вы выбраны народомъ и что вы пользуетесь довѣріемъ народа. Ничуть не бывало. Да помимо того, это еще большой вопросъ, понимають ли ваши избиратели, тѣ 13 или 15%, которые васъ послали сюда, понимаютъ ли они, куда ведетъ страну ваша парламентская дѣятельность, и потому весьма сомнительно, чтобы существовало согласіе между вами и вашими избирателями, да если и существуетъ, то слѣдуетъ спросить, основывается ли оно на пониманіи вами другъ друга?

Покончивъ съ подобными аргументами, Бисмаркъ, чтобы сдѣлать свою мысль еще болѣе ясною, чтобы еще болѣе показать, какъ мало цѣны придаетъ его политическая мудрость представителямъ народа, прибавляетъ въ такомъ родѣ: чтó же послѣ этого значитъ ваше избраніе, чтó значатъ тѣ сочувственные адресы, которые получаетъ палата депутатовъ? развѣ мы не можемъ представить противоположныхъ адресовъ, хотя это для насъ и не важно, такъ какъ «мы живемъ не подъ господствомъ всеобщей подачи голосовъ, а подъ властью короля и закона». Депутаты избраны народомъ! Депутаты выражаютъ волю и желанія народа! Неправда, отвѣчаетъ Бисмаркъ, и при этомъ читаетъ одинъ изъ вѣрноподданническихъ адресовъ, полученныхъ правительствомъ. Нужно быть чрезвычайно невыгоднаго мнѣнія о своихъ политическихъ противникахъ, чтобы доказывать свое положеніе подобными аргументами, и князь Бисмаркъ могъ бы предоставить такого рода аргументы болѣе мелкимъ и менѣе опытнымъ государственнымъ людямъ.

Развивая свое воззрѣніе на значеніе представителей народа, онъ приходитъ къ заключенію, что такіе представители вовсе не заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны власти, и никоимъ образомъ не могутъ претендовать сами на верховную власть, такъ какъ для того, чтобы быть выбраннымъ, вовсе не нужно имѣть особенныхъ достоинствъ. Стóитъ только пожелать быть избраннымъ, стóитъ только наобѣщать избирателямъ побольше, чтобы выборъ былъ обезпеченъ. Слова, которыя произноситъ Бисмаркъ по поводу извѣстнаго способа быть избраннымъ, такъ хорошо обрисовываютъ взглядъ этого государственнаго человѣка вообще на достоинства избирательной системы, что ихъ нельзя не привести: «Во всѣхъ классахъ нашего населенія есть извѣстная лѣность въ выполненіи обязанностей, безъ котораго великая держава не можетъ существовать; во всѣхъ классахъ не любятъ служить

такъ долго, какъ должны служить, и если можно ускользнуть, и если встрѣчаются органы власти, которые закрывають глаза, тогда стараются вовсе освободиться изъ службы; точно также контрабанда играетъ роль во всѣхъ профессіяхъ, особенно же въ женской части населенія; я заключаю, что и налоги платятся по принужденію, а не изъ патріотизма... «Русскому читателю должно быть особенно утѣшительно читать эти строки, такъ какъ это признаніе прусскаго министра доказываетъ, что не одному русскому обществу присуща слабость уклоняться отъ общественной службы, но что она раздѣляется и высоко-цивилизованною прусскою націею.

Бисмаркъ дѣлаетъ однако свое признаніе не даромъ, оно служитъ ему подкрѣпленіемъ его темы, что народное представительство, основанное въ сущности на обманѣ, не можетъ претендовать на первенство въ государствѣ. «Большая часть избирателей, продолжаетъ онъ, сами не составляютъ себѣ никакого мнѣнія въ вопросѣ, можетъ ли существовать армія съ годомъ службы больше или меньше, можетъ ли государство держаться съ нѣсколько бо̀льшими или нѣсколько меньшими налогами, но, во всякомъ случаѣ, всѣ съ удовольствіемъ приняли бы то, что̀ требуетъ меньшихъ жертвъ. Когда люди слышатъ, что̀ человѣкъ образованный, болѣе развитый, нежели они сами, иногда даже королевскій чиновникъ, предлагающій себя кандидатомъ, обращается къ нимъ со словами: васъ ужасно обманываютъ на этотъ счетъ; съ двумя годами службы возможна превосходная армія, государство можетъ существовать съ несравненно меньшими налогами; вы обременены—это кажется совершенно яснымъ; а эти избиратели говорятъ: этотъ господинъ прекрасно говоритъ; дать ему нашъ голосъ ничего намъ не сто̀итъ, попробуемъ; если слова избраннаго впослѣдствіи оправдываются—прекрасно; если же ничто не сбылось, онъ возвращается къ своимъ избирателямъ и говоритъ: «Мнѣ еще не удалось сдѣлать, но будьте увѣрены, вы получите обѣщанное, военная служба будетъ ограничена двумя годами».. И такимъ-то депутатамъ, которые избраны ничтожнымъ процентомъ населенія, которые прошли въ палату при помощи обмана, потому что они обманываютъ своихъ избирателей, которые не умѣютъ ничего сдѣлать, какъ только вотировать противъ правительства во всѣхъ важныхъ вопросахъ, такимъ представителямъ вручить верховную власть! Нѣтъ, господа, вы ничего не сдѣлаете вашимъ безсильнымъ отрицаніемъ, этимъ оружіемъ вамъ не удастся вырвать скиптра изъ рукъ верховной власти»... «Если вы воображаете, говорилъ Бисмаркъ палатѣ, что вы добьетесь чего-нибудь вашимъ упорствомъ, то̀ предупреждаю васъ,

что вы горько ошибаетесь! Вы хотите во что бы то ни стало добиться конституціонныхъ измѣненій, отказывая въ вашемъ содѣйствіи такимъ проектамъ и планамъ, полезность которыхъ не можетъ быть оспориваема... дѣлая все, что отъ васъ зависитъ, чтобы остановить движеніе государственной машины, причиняя даже ущербъ, я долженъ это сказать, нашей внѣшней политикѣ (слова эти были сказаны въ 1865 году), насколько то въ вашихъ средствахъ, вы причиняете вредъ, отказывая въ вашемъ содѣйствіи. И все это для того, чтобы оказать давленіе на корону, все это съ цѣлію, чтобы она прогнала своихъ министровъ, уступила вашимъ притязаніямъ въ правѣ утвержденія бюджета. Господа, вы себѣ присвоиваете роль той же матери въ судѣ Соломона, которая предпочитала видѣть своего ребенка погибшимъ, нежели отданнымъ въ другія руки».

Въ самый разгаръ Шлезвигъ-Гольштинскаго вопроса, въ то время когда Пруссія и Австрія, въ качествѣ двухъ великихъ европейскихъ державъ, рѣшились занять Шлезвигъ-Гольштейнъ, при всеобщемъ взрывѣ негодованія нѣмецкаго народа, увидѣвшаго въ этомъ занятіи измѣну нѣмецкимъ интересамъ, измѣну тому идеальному единству, которое носилось въ мечтаніяхъ народа, князь Бисмаркъ, явившись въ палату депутатовъ, произнесъ одну изъ своихъ самыхъ рѣзкихъ рѣчей противъ народнаго представительства и его, какъ онъ выражался, притязаній. Палата депутатовъ торжественно протестовала противъ занятія Шлезвигъ-Гольштейна Пруссіею и Австріею, какъ европейскими державами, опираясь на единодушное настроеніе цѣлаго народа. Именно эту минуту выбираетъ князь Бисмаркъ, чтобы сказать палатѣ, что у нея подъ ногами нѣтъ почвы, что она идетъ не только противъ традицій, исторіи, но противъ чувства народа. «Я говорю, — произнесъ тогда Бисмаркъ,—что вашимъ поведеніемъ вы поставили себя въ оппозицію не только относительно конституціи, но также вы очутились въ оппозиціи съ традиціями, съ исторіею, съ общественнымъ чувствомъ Пруссіи. Общественное чувство Пруссіи, говоритъ кн. Бисмаркъ, глубоко-монархическое. Благодареніе Господу! и несмотря на ваше просвѣщеніе, которое я называю путаницею идей, это чувство останется таковымъ. Вы находитесь въ оппозиціи съ славными традиціями нашего прошлаго; не признавая роли Пруссіи, ея положенія какъ великой державы, столь дорого пріобрѣтеннаго цѣною жертвъ, принесенныхъ народомъ, цѣною крови и благосостоянія—отказываясь, такимъ образомъ, отъ славнаго прошедшаго страны, вы находитесь въ оппозиціи съ славными традиціями, когда въ вопросѣ, въ которомъ съ одной

стороны стоятъ демократія и мелкія государства, съ другой— тронъ Пруссіи, вы принимаете сторону первыхъ... Вы ставите точку зрѣнія вашей партіи выше интересовъ страны; вы говорите: «пусть будетъ Пруссія такая, какою мы хотимъ ее видѣть, или пусть она вовсе не будетъ, пусть она перестанетъ существовать».

Эти слова имѣютъ большое значеніе, съ одной стороны они опредѣляютъ тотъ духъ, которымъ пропитанъ былъ Бисмаркъ, они указываютъ на ту первоначальную цѣль, которую имѣлъ передъ собою Бисмаркъ, цѣль, о которой мы еще будемъ говорить—образованіе сильнаго, могущественнаго государства Пруссіи, т.-е. ту цѣль, которую смѣло намѣтилъ Фридрихъ II; съ другой стороны, эти слова являются у Бисмарка какъ бы оправданіемъ передъ страною его насильственныхъ дѣйствій какъ внутри, такъ и внѣ государства. Мнѣнія оппозиціонной палаты, заключавшіяся въ томъ, что народъ имѣетъ право располагать своею судьбою, что только народъ посредствомъ своихъ представителей имѣетъ право рѣшать, должно ли жертвовать для какой бы то ни было цѣли его кровію и благосостояніемъ, мнѣнія, составляющія сущность парламентскаго управленія, Бисмаркъ называетъ путаницей и не упускаетъ случая, чтобы попрекнуть демократіею. Въ этомъ первомъ періодѣ своей дѣятельности Бисмаркъ еще не признавалъ значенія демократіи, и только впослѣдствіи, уже во второмъ періодѣ онъ нѣсколько видоизмѣняетъ свой взглядъ и дѣлаетъ той демократіи, для которой до сихъ поръ у него всегда наготовѣ была насмѣшка, нѣкоторыя и довольно серьёзныя уступки.

Бисмарка нисколько не смущало сочувствіе, которое вездѣ встрѣчала оппозиціонная палата, и онъ, не обращая на него вниманія, настаивалъ, что прусскіе депутаты «не думаютъ такъ, какъ думаетъ народъ». Онъ обвинялъ депутатовъ въ томъ, что они чужды народу, что они замыкаются въ тѣсный кружокъ людей, думающихъ также какъ они, и при этомъ забываютъ объ истинномъ положеніи страны. Депутаты вводятся въ обманъ журналистикой, прессой, которая находится въ ихъ зависимости, и не имѣетъ ничего общаго съ чувствами народа. Какой же спрашивается слѣдуетъ сдѣлать выводъ? князь Бисмаркъ, который напрасно не любитъ тратить своихъ словъ, отвѣчаетъ на это коротко: «вы лишніе, васъ нужно уничтожить, сломить вашу волю, всѣ вы похожи на Архимеда, занятаго своимъ кругомъ, и незамѣчающаго, что городъ его взятъ непріятелемъ». Бисмаркъ говоритъ это, и говоритъ весьма рѣшительно: «Если бы прусскій народъ имѣлъ тѣ же чувства, какъ и вы, тогда нужно было бы просто сказать, что прусское государство отжило, и что наступило время, когда оно

должно уступить мѣсто другимъ историческимъ созданіямъ». Онъ припоминаетъ при этомъ одно письмо отца Фридриха Великаго— въ которомъ тотъ говорилъ: «я разрушаю nie pozwolam дворянъ феодаловъ, я установляю верховную власть comme un rocher de bronze». Эта «rocher de bronze», прибавляетъ Бисмаркъ, стоитъ неподвижно, она составляетъ фундаментъ прусской исторіи, прусской славы, Пруссіи сдѣлавшейся великой державой, и королевской конституціонной власти.» Это напоминовеніе словъ Фридриха Вильгельма I было крайне внушительно, это было своего рода à bon entendeur salut! Чего же послѣ этого естественнѣе, какъ увѣреніе Бисмарка, увѣреніе, сдѣланное публично палатѣ депутатовъ, что его какъ внутренняя, такъ и внѣшняя политика никогда не остановится передъ сопротивленіемъ представителей народа: «Я могу васъ увѣрить, говорилъ онъ, и могу въ этомъ увѣрить и иностранныя государства, что если когда-нибудь мы признаемъ необходимымъ начать войну, то мы начнемъ ее съ вашимъ, или безъ вашего согласія». Нужно ли говорить, что если князь Бисмаркъ такъ откровенно объявлялъ, что согласіе или несогласіе палаты на начатіе войны не имѣетъ никакого вліянія на рѣшеніе правительства, то уже само собою понималось, что онъ одинаково не нуждается въ разрѣшеніи палаты обратиться къ тому или другому источнику для полученія средствъ вести войну. Палата могла забавляться, отказывая правительству въ утвержденіи бюджета, въ займѣ, но никакого серьёзнаго вліянія такой отказъ не могъ на него имѣть. Бисмарка, конечно, нельзя обвинять въ томъ, чтобы онъ умышленно дразнилъ палату, бравировалъ общественное мнѣніе, нѣтъ, онъ только твердо заявлялъ свою рѣшимость дѣйствовать согласно его собственнымъ намѣреніямъ и своею рѣшимостью, нужно сказать, онъ импонировалъ обществу. «Мы будемъ очень рады, не разъ высказывалъ онъ въ палатѣ, если вы, народные представители, послѣдуете за нами, мы готовы принять тѣ средства, которыя вы дадите сами и добровольно, но если вы откажете намъ, тогда не жалуйтесь, что мы пренебрегаемъ вашимъ согласіемъ. Оставьте всѣ ваши ѣдкія фразы, убѣждалъ онъ палату депутатовъ, я не стану вести съ вами войну на словахъ, я хорошо знаю ту тему, которую вы такъ давно развиваете: «долой министерство!» все это ни къ чему не поведетъ, намъ нужны средства, правительство нуждается въ нихъ, и если вы откажете ему, оно должно будетъ взять ихъ тамъ, гдѣ найдетъ».

Конечно, подобные пріемы, подобныя положенія, высказываемыя княземъ Бисмаркомъ, обличаютъ крайне деспотическую натуру, дес-

потическую философію государственнаго управленія, но при этомъ слѣдуетъ сказать, что если князь Бисмаркъ и является по существу своему деспотомъ, то его деспотизмъ не носитъ на себѣ вообще грубаго, циническаго характера. Его деспотизмъ—деспотизмъ полированный, выглаженный и по формѣ своей совершенно отличный отъ того, который представляетъ намъ Маккіавель. Будь Бисмаркъ деспотъ грубый, неполированный, онъ дѣлалъ бы то, что онъ дѣлаетъ, но онъ считалъ бы для себя унизительнымъ входить въ объясненія почему онъ дѣйствуетъ. Но онъ не только не считаетъ это для себя унизительнымъ, онъ даже постоянно выражаетъ сожалѣніе, что онъ долженъ такъ дѣйствовать и что онъ не можетъ идти рука объ руку съ народными представителями. Ему чужда та манера грубаго правленія, которая можетъ быть выражена словами: ты моему нраву не препятствуй! онъ постоянно старается придать своей жестокости мягкій видъ, и если ему не всегда это удается, то во всякомъ случаѣ не отъ недостатка доброй воли. Онъ высказывалъ эту мысль, или вѣрнѣе это желаніе нейти постоянно въ разрѣзъ съ палатою много разъ, и между прочимъ въ то время, когда шелъ вопросъ о пріобрѣтеніи королемъ прусскимъ на его собственное иждивеніе герцогства Лауенбургскаго. Палата негодовала, что между королемъ прусскимъ и Австріею совершается какой-то трактатъ, о которомъ князь Бисмаркъ считалъ даже излишнимъ увѣдомлять палату. «Да, господа, говорилъ онъ въ то время, если бы мы могли надѣяться, что проектъ, который мы вамъ представили бы, будетъ обсужденъ вами съ тѣмъ, что вы серьёзно взвѣсите интересы страны, безъ побочныхъ соображеній, другими словами, если бы нашъ бракъ былъ болѣе счастливъ въ теченіе трехъ лѣтъ, тогда по всей вѣроятности, мы бы представили вамъ нашъ проектъ не будучи къ тому вовсе обязаны—но мы показали бы тогда вамъ такое вниманіе, которое, къ сожалѣнію, мы не находимъ у васъ. Когда вы пользуетесь каждымъ проектомъ, который вамъ представляется, для того, чтобы отыскать въ немъ новые элементы для процесса о разводѣ, съ какой стати станемъ мы вамъ представлять то, къ чему не обязываетъ насъ конституція. Мы не обязаны этого дѣлать, и вотъ почему не дѣлаемъ этого. Не ждите угодливости съ нашей стороны, точно такъ какъ мы не ждемъ ее съ вашей...» Другими словами, это значитъ: если бы вы были добрыми дѣтьми, если бы вы безпрекословно и съ радостью слушались насъ во всемъ, тогда мы съ вами обращались бы какъ съ большими и позволяли бы смотрѣть на то, что мы дѣлаемъ,—но

такъ какъ вы дѣти непослушные и упрямые, то мы съ вами и обращаемся какъ съ дѣтьми!

Какъ нимало, повидимому, Бисмаркъ думалъ о палатѣ депутатовъ, какъ ни увѣренъ онъ былъ въ себѣ, однако тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что до тѣхъ поръ, пока палата можетъ свободно высказывать все, что она хочетъ, до тѣхъ поръ трудно ее будетъ окончательно обезсилить и все-таки придется считаться съ нею. Бисмаркъ не понималъ, что свобода слова служитъ оплотомъ противъ всяческихъ беззаконій, и что внутри государства, во внутреннемъ управленіи, въ администраціи ли, въ судебномъ вѣдомствѣ, законодательномъ, ничто не можетъ быть совершено безъ того, чтобы оно не сдѣлалось гласнымъ, благодаря свободному голосу, раздающемуся въ палатѣ депутатовъ. Свобода трибуны оставалась ея послѣднимъ убѣжищемъ, послѣднею крѣпкою позиціею въ борьбѣ съ крутымъ министромъ, и эту-то крѣпкую позицію желалъ отбить князь Бисмаркъ, это убѣжище хотѣлъ отнять онъ у оппозиціонной палаты. Королевскій прокуроръ просилъ разрѣшенія преслѣдовать двухъ депутатовъ Твестена и Френцеля за рѣчи, произнесенныя въ палатѣ депутатовъ. Двѣ низшія инстанціи суда отказали ему въ этомъ правѣ, но третья и послѣдняя инстанція разрѣшила такое преслѣдованіе. Въ палатѣ завязался бой. Бисмаркъ не упустилъ случая, чтобы высказать свой взглядъ на свободу трибуны и поэтому поводу произнесъ одну изъ своихъ самыхъ замѣчательныхъ, по обилію парадоксовъ, рѣчей. Какъ ни презрительно онъ имѣлъ обыкновеніе въ первомъ періодѣ своей дѣятельности отзываться о демократіи, тѣмъ не менѣе ему иногда приходилось, для защиты своихъ болѣе чѣмъ консервативныхъ положеній, опираться на демократическіе или вѣрнѣе псевдо-демократическіе принципы. Всѣ прусскіе граждане равны передъ закономъ, всѣ пользуются одинаковыми правами, всѣ несутъ за свои дѣйствія одинаковую отвѣтственность передъ закономъ. Отсюда Бисмаркъ выводилъ, что если прусскіе граждане подлежатъ преслѣдованію за преступленія, совершаемыя путемъ слова, то депутаты должны подлежать одинаковому преслѣдованію. Если бы вы, говорилъ онъ, отстояли свободу трибуны, тогда «вы пользовались бы такимъ преимуществомъ, о которомъ ни въ какомъ цивилизованномъ государствѣ горделивое воображеніе самаго напыщеннаго своимъ достоинствомъ патриція не можетъ даже и мечтать». «Если бы, продолжалъ Бисмаркъ, вы взяли верхъ, тогда второй параграфъ конституціи долженъ былъ бы гласить: «всѣ пруссаки равны передъ судомъ, но тѣмъ не менѣе члены обѣихъ

палатъ Ландтага имѣютъ право оскорблять и клеветать на своихъ гражданъ, также совершать преступленія, которыя могутъ быть совершены при посредствѣ слова...» Конечно, только желаніе заставить умолкнуть голосъ народныхъ представителей могло настолько ослѣпить твердый разсудокъ Бисмарка, чтобы онъ не понималъ того абсурда, который онъ такъ смѣло высказывалъ. Бисмаркъ настаивалъ на томъ, что право каждаго пруссака высказывать свободно свои мысли не менѣе священно, нежели право депутатовъ, и если тѣмъ не менѣе прусскіе граждане преслѣдуются закономъ, когда мысль ихъ получитъ такое выраженіе, которое подпадаетъ карѣ закона, то нѣтъ никакого основанія, чтобы депутаты, законодатели, люди съ высшимъ образованіемъ, имѣющіе всю возможность взвѣшивать каждое свое слово, не подпадали одинаковой отвѣтственности. «Вы можете выражать ваши мнѣнія, говорилъ онъ; но клевета, оскорбленія, преступныя слова не суть мнѣнія, это дѣйствія, и дѣйствія предусмотрѣнныя и наказываемыя уголовнымъ закономъ, дѣйствія, принадлежащія къ тремъ категоріямъ, въ которыхъ распредѣлены дѣйствія, находящіяся подъ угрозой наказанія: преступленія, проступки и нарушенія; — и съ моей точки зрѣнія, противъ послѣдствій этихъ дѣйствій прусскій законъ васъ не гарантируетъ, или не долженъ былъ бы гарантировать васъ.» Трудно, конечно, придумать болѣе забавную теорію, чѣмъ ту, которую развивалъ въ этой рѣчи князь Бисмаркъ. Вы можете-молъ высказывать открыто ваши мнѣнія, лишь бы въ нихъ не заключалось оскорбленій или клеветы! а такъ какъ судить о томъ, заключается ли клевета, оскорбленіе или нѣтъ, предоставлялось бы прокурорамъ, то члены палаты депутатовъ безсмѣнно дежурили бы на скамьяхъ подсудимыхъ прусскихъ трибуналовъ, хотя, безъ сомнѣнія, многіе и выходили бы оправданными. Вѣдь не даромъ же сложилась французская поговорка: il y a des juges à Berlin! Но, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что каждое слово любого депутата противъ правительственной мѣры, правительственнаго дѣйствія разсматривалось бы какъ преступленіе, такъ какъ всякая мѣра, всякое дѣйствіе творится именемъ короля. Къ чести Пруссіи слѣдуетъ сказать, что въ самую критическую эпоху своей конституціонной жизни, въ первый періодъ дѣятельности Бисмарка, правительство не пало все-таки до того, чтобы преслѣдовать депутатовъ за рѣчи, произнесенныя въ палатѣ.

Итакъ, правила политической мудрости, насколько они обрисовываются въ рѣчахъ, такъ сказать, первой манеры князя Бис-

марка, отличаются крайнею простотою. Сильное правительство, ведущее на буксирѣ народъ, подавленіе всякой общественной иниціативы, уничтоженіе всякаго сопротивленія и всякихъ народныхъ стремленій, несогласныхъ съ видами правительства, могущественная власть, держащая въ ежовыхъ рукавицахъ конституцію и презирающая навязанныя ей палаты — вотъ что составляло основныя положенія политическаго кодекса Бисмарка. Презрѣніе, феодальнаго закала, къ народу, убѣжденіе въ его нравственномъ ничтожествѣ и отсюда гордое, надменное съ нимъ обращеніе, обожаніе силы, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, и антипатія къ политической свободѣ со всѣми ея аттрибутами—вотъ что окрашиваетъ всѣ рѣчи нѣмецкаго канцлера за первый періодъ его государственной дѣятельности.

Какое же, спрашивается, существуетъ различіе между простымъ реакціонеромъ, абсолютистомъ меттерниховскаго пошиба и такимъ человѣкомъ, какимъ является въ это время князь Бисмаркъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ тѣхъ словахъ, которыя были произнесены имъ самимъ въ парламентской коммиссіи, словахъ, получившихъ такую громкую извѣстность: «Для Германіи важенъ не либерализмъ Пруссіи, а важна ея сила. Пруссія должна увеличить эту силу и сосредоточить ее, чтобы воспользоваться удобной минутой, которую мы уже не разъ пропустили. Наши границы не походятъ на границы хорошо устроеннаго государства. Къ тому же помните, что *великіе вопросы* не разрѣшаются рѣчами и подачей голосовъ, какъ ошибочно предполагали въ 1848-мъ и 1849-мъ годахъ,— но *мечомъ* и *кровью*.»

«Великіе вопросы» служатъ оправданіемъ у Бисмарка въ его реакціонной внутренней политикѣ. Эти «великіе вопросы» были для нѣмецкаго канцлера исполненіемъ завѣщанія Фридриха II-го. Заключалась ли для него въ этихъ «великихъ вопросахъ» могущественная и увеличенная насчетъ своихъ сосѣдей Пруссія или «единая Германія», выросшая передъ нами,—вотъ что остается до сихъ поръ неразрѣшеннымъ, хотя многое, какъ мы увидимъ, говоритъ за то, что въ этотъ первый періодъ дѣятельности Бисмарка единая Германія еще неясно представлялась его приниженному традиціями и воспитаніемъ уму.

V.

Было бы, повидимому, въ порядкѣ вещей, если бы Бисмаркъ во второмъ періодѣ своей дѣятельности, послѣ Садовой, упоенный небывалымъ, поразительно-быстрымъ успѣхомъ своихъ предначертаній, захотѣлъ во внутренней политикѣ, въ дѣлахъ внутренняго управленія повернуть еще болѣе круто, и еще послѣдовательнѣе, если только возможно, проводить начало усиленія власти насчетъ правъ народныхъ представителей. Съ его антецедентами чего нельзя было ожидать отъ «желѣзнаго» министра, и прусская феодальная партія потирала себѣ руки, говоря: теперь-то на нашей улицѣ праздникъ! Обыкновенный, мелкій государственный человѣкъ и дѣйствительно поступилъ бы такъ именно, какъ можно было ожидать и какъ ожидали сторонники сильной власти и враги того дьявольскаго навожденія, которое зовется парламентскимъ правленіемъ. Возбужденный успѣхомъ, чуть не всеобщимъ колѣнопреклоненіемъ, закусивъ удила, дюжинный государственный человѣкъ помчался бы впередъ по пути реакціи, увѣренный, что въ чаду побѣдъ реакція не будетъ замѣчена, а если бы и была, такъ что за важность, кто посмѣетъ теперь поднять голову! На всякій ропотъ развѣ онъ не могъ бы отвѣчать: вы ничего не понимаете, такъ нужно, однимъ словомъ, отвѣчалъ бы то, что отвѣчалъ Бисмаркъ послѣ датской войны оппозиціонной палатѣ: «если бы я имѣлъ неосторожность васъ слушаться, то развѣ мы достигли бы того, чего мы теперь достигли? развѣ ваши красныя фразы взяли Дюппель и отдали намъ во власть Шлезвигъ-Гольштейнъ?»

Но Бисмаркъ не совсѣмъ обыкновенный государственный человѣкъ, и потому онъ не оправдалъ ожиданій своихъ прежнихъ политическихъ друзей. Онъ не только не вступилъ на путь усиленной реакціи, не только не сдѣлался болѣе заклятымъ врагомъ конституціи, напротивъ, онъ сталъ относиться къ ней съ бо́льшимъ уваженіемъ и съ бо́льшею уступчивостію. Онъ точно призналъ теперь, по крайней мѣрѣ по формѣ, что кромѣ правъ короны существуютъ и права народа, надъ которыми, правда, долженъ быть учрежденъ самый бдительный, неутомимый надзоръ. Теперь, когда учредился Сѣверо-Германскій Союзъ, спѣшившій уступить свое мѣсто нѣмецкой имперіи, Бисмаркъ какъ-то стыдился прежней узкости своихъ воззрѣній, что́ онъ и высказалъ въ одной изъ своихъ рѣчей: «Какое-то унизительное чувство овладѣло мною при мысли, что новые депутаты, находящіеся въ нашей средѣ,

потеряютъ иллюзію, которую быть можетъ они питали, иллюзію видѣть, что люди возвышаются, когда расширяются ихъ замыслы и горизонтъ ихъ идей расширяется вмѣстѣ съ расширившимися границами государства». И дѣйствительно, горизонтъ его идей нѣсколько расширился: не становясь поборникомъ политической свободы и народныхъ правъ, онъ тѣмъ не менѣе все болѣе и болѣе отдалялся отъ идеала министра-феодала. Бисмарку пришлось свергнуть столько нѣмецкихъ троновъ, пришлось растопить въ огнѣ столько нѣмецкихъ коронъ, онъ употреблялъ въ дѣло такіе революціонные пріемы, по крайней мѣрѣ съ феодальной точки зрѣнія, что могъ бы упрекнуть себя въ непослѣдовательности, еслибы и воззрѣнія его на взаимныя права и обязанности народа и верховной власти не поддались также нѣкоторому измѣненію. Если бы его политическая философія перваго періода осталась неприкосновенною, тогда ему пришлось бы обвинить себя въ святотатствѣ, такъ какъ онъ разрушалъ своими руками то, что въ его глазахъ носило на себѣ печать божественнаго происхожденія.

Четыре года конституціонной борьбы, въ которой Бисмаркъ хотя и остался побѣдителемъ, не прошли безслѣдно; онъ убѣдился, что какъ ни шатка прусская конституція, какъ ни пассивны ея защитники, ее все-таки слѣдуетъ принимать въ разсчетъ разумному государственному человѣку. Тотчасъ послѣ войны 1866 года Бисмаркъ измѣняетъ свой тонъ и въ нѣсколькихъ рѣчахъ, произнесенныхъ въ палатѣ господъ и въ палатѣ депутатовъ, онъ выражаетъ радость, что парламентское столкновеніе, длившееся четыре года, наконецъ окончилось. Правительство, говорилъ теперь князь Бисмаркъ, готово на большія уступки, лишь бы не возобновлять того столкновенія, которое «въ продолженіи пяти лѣтъ тяготило страну». Онъ сознается, что въ конституціонной жизни вовсе невыгодно доводить свои желанія до крайнихъ предѣловъ, и что уступчивость со стороны правительства безусловно необходима. Для него сдѣлалось теперь ясно, что нельзя управлять страною съ точки зрѣнія одной какой-нибудь партіи, по понятіямъ одной группы людей, а что слѣдуетъ считаться со всѣми партіями, со всѣми желаніями, и что несравненно выгоднѣе бываетъ согласиться на измѣненіе того или другого закона, за который держится правительство, чѣмъ вызывать новую конституціонную борьбу, и особенно такую безъисходную борьбу, какъ та, которая столько времени тревожила общественные умы. «Господа,—говорилъ онъ въ реакціонной палатѣ господъ,—если бы вы испытали такіе четыре года борьбы, съ сознаніемъ отвѣтственности, которую вы

несете за общее положеніе страны; если бы вы провели четыре года въ столкновеніи съ силами, надъ которыми вы не были бы властны не внутри, ни снаружи, вы бы сказали тогда, что правительство было право, что оно поторопилось покончить столкновеніемъ, какъ только оно могло это сдѣлать, не унижая короны — и минута, которую оно выбрало для того, была такова, что исключала всякую мысль объ униженіи».

Подобныя же заявленія дѣлалъ Бисмаркъ и въ палатѣ депутатовъ, когда, тотчасъ послѣ заключенія мира съ Австріею, онъ взывалъ къ миру внутри государства, призывалъ къ забвенію прошлаго. Бросимъ напрасныя укоризны, не станемъ доискиваться кто былъ правъ, кто виноватъ; ни той, ни другой сторонѣ не легко было бы въ томъ сознаться, мы протягиваемъ вамъ руку, не отталкивайте ее. «Мы желаемъ мира,—говорилъ онъ,—потому что мы убѣждены, что отечество наше нуждается въ немъ болѣе чѣмъ когда-нибудь; мы желаемъ и ищемъ его, потому что мы считаемъ, что настоящая минута благопріятна для него; мы бы старались отыскать этотъ миръ и прежде, если бы питали надежду найти его; мы надѣемся, что найдемъ его, потому что вы вполнѣ признаёте теперь, что правительство короля вовсе не такъ далеко отъ той цѣли, къ которой стремится большинство изъ васъ, что оно ближе къ ней, чѣмъ вы полагали прежде, не такъ далеко какъ вы заключали изъ молчанія правительства о многихъ вещахъ, о которыхъ оно должно было молчать». И слова эти не были пустыми звуками, нѣтъ; Бисмаркъ громко объявилъ, что впредь онъ принялъ твердое намѣреніе не управлять безъ правильно утвержденнаго бюджета и съ своей стороны ничѣмъ не вызывать новаго столкновенія. Въ его словахъ звучала настолько рѣшимость измѣнить свое отношеніе къ народному представительству, что въ палатѣ господъ онъ заслужилъ упрекъ въ томъ, что онъ покидаетъ ту партію, которая его энергически поддерживала во время парламентской борьбы, и что онъ склоняется на сторону своихъ политическихъ противниковъ. Конечно, въ этомъ упрекѣ было много преувеличеннаго; Бисмаркъ вовсе не настолько измѣнился, чтобы стать во главѣ своихъ прежнихъ противниковъ, а если соединеніе между ними дѣйствительно произошло, то потому, что значительная часть прежней оппозиціи, партія извѣстная подъ именемъ національно-либеральной, пошла къ нему на встрѣчу и разумѣется сдѣлала гораздо болѣе шаговъ, чтобы сблизиться съ Бисмаркомъ, нежели сдѣлалъ Бисмаркъ, чтобы сблизиться съ ней. Тѣмъ не менѣе и та уступчивость, которую обнаружилъ Бисмаркъ, была уже преступленіемъ въ глазахъ феодаловъ. Бисмаркъ возра-

жалъ на эти упреки, говоря, что большое государство не можетъ быть управляемо сообразно взглядамъ той или другой партіи, и что не слѣдуетъ осуждать человѣка, стоящаго во главѣ управленія, если онъ много разъ «взвѣсивши общее положеніе, рѣшается выбрать иной путь, нежели путь своихъ старыхъ политическихъ друзей», а напротивъ,—если только этотъ человѣкъ заслужилъ довѣріе, то слѣдуетъ подчинить свои личныя мнѣнія и послѣдовать за нимъ на новомъ пути. Но этого не дождался князь Бисмаркъ.

Конечно, не въ силу теоретическихъ соображеній нѣмецкій канцлеръ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на способъ управленія страною, не въ силу сантиментальнаго чувства онъ сдѣлался мягокъ и любезенъ по отношенію къ конституціи. Его поведеніемъ управляла практическая выгода, которую онъ рѣшился извлечь изъ своего союза съ представителями народа. Конституція существовала, шаткая, неполная, урѣзанная, но тѣмъ не менѣе достаточная, чтобы свободный голосъ возвышался и чтобы голосъ этотъ былъ услышанъ въ цѣлой странѣ. Бороться, бороться постоянно, безъ перерыва было бы не подъ силу даже такому энергичному человѣку, какъ Бисмаркъ. Онъ разсудилъ, что лучше сдѣлать небольшія уступки и увлечь за собою палату вмѣстѣ съ народомъ, нежели постоянно имѣть ихъ противъ себя. Къ тому же, если внѣшнія дѣла содѣйствовали тому, чтобы палата смирилась передъ политикой Бисмарка и приняла его послѣ Садовой съ громкими рукоплесканіями, вмѣсто громкихъ свистковъ, то тѣ же внѣшнія дѣла заставляли Бисмарка не раздражать болѣе народнаго представительства и искать въ немъ поддержку и силу.

Бисмаркъ выставлялъ все это откровенно на видъ палатѣ, когда просилъ ее нѣсколько отсрочить тѣ *улучшенія*, которыя, какъ онъ самъ выражается, должны быть внесены въ конституцію. «Въ эту минуту, говорилъ онъ, вопросы внѣшней политики ожидаютъ своего рѣшенія; блистательные успѣхи арміи только увеличили, такъ сказать, цѣнность ставки, мы можемъ больше потерять, чѣмъ прежде, и игра еще окончательно не выиграна. Чѣмъ тѣснѣе будетъ наша внутренняя связь, тѣмъ больше увѣренности будетъ у насъ выиграть игру. Если вы бросите взглядъ на сосѣднія страны, говорилъ онъ тотчасъ послѣ заключенія Пражскаго мира, если вы просмотрите вѣнскіе журналы, тѣ въ особенности, которые слывутъ за журналы, отражающіе взгляды императорскаго кабинета, вы найдете тамъ тѣ же слова ненависти, тѣ же возбужденія противъ Пруссіи, какъ это было до войны, и которыя не мало содѣйствовали къ тому, чтобы сдѣлать войну для импера-

торскаго правительства необходимостью, передъ которою оно не имѣло возможности отступить, еслибы даже и желало. Взгляните какъ держать себя населенія Южной Германіи, насколько они представлены въ арміяхъ; у нихъ вовсе не существуетъ, можно сказать, столь необходимаго примиренія и разумнаго пониманія задачи общей всей Германіи, когда видишь, какъ баварскія войска убиваютъ прусскихъ офицеровъ, стрѣляя по нимъ изъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ. Посмотрите на поведеніе правительствъ по отношенію къ тому національному дѣлу, которое мы создаемъ: поведеніе удовлетворительное у нѣкоторыхъ, полное сопротивленіе у другихъ; но вѣрно то, что во всей Европѣ вы едва найдете одну страну, которая относилась бы дружелюбно къ устройству нѣмецкой общности и которая не испытывала бы желанія вмѣшаться тѣмъ или другимъ способомъ въ это устройство, хотя бы только для того, чтобы дать возможность одному изъ могущественныхъ членовъ нашей конфедераціи, какъ Саксонія, еще разъ сыграть ту роль, которую она играла въ послѣдней войнѣ. Такимъ образомъ, господа, наша задача еще не окончена, она требуетъ союза всей страны, союза, доказывающаго себя фактами и свидѣтельствующаго о себѣ такъ, чтобы поразить всѣ глаза. Часто говорили: «кто взялъ шпагу, — испортилъ перо». Но я имѣю твердую увѣренность, что мы никогда не услышимъ словъ: «то, что выиграно было шпагой и перомъ, — уничтожено этой трибуной».

Мы видѣли, какъ оригинально понималъ Бисмаркъ парламентское правленіе, и какъ своеобразно толковалъ онъ конституцію во время перваго періода своей дѣятельности. Но если изъ той перемѣны, которая послѣдовала въ немъ послѣ 1866-го года, мы сдѣлаемъ заключеніе, что онъ разбилъ тѣхъ боговъ, которымъ прежде молился, и сталъ обожать новыхъ, то мы вдадимся въ крупную ошибку. Бисмаркъ только нѣсколько иначе понимаетъ теперь парламентаризмъ, нѣсколько иначе смотритъ на конституцію, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ съ этой поры сдѣлался моделью конституціоннаго министра конституціоннаго государства. Уже и то хорошо, что теперь на упрекъ, обращенный къ нему однимъ изъ депутатовъ, что онъ весьма мало сочувствуетъ расширенію политическихъ правъ народа, онъ отвѣчалъ: «къ моимъ симпатіямъ, къ развитію политическихъ вольностей относятся съ крайнимъ недовѣріемъ, но я думаю, что мнѣ не отдаютъ въ этомъ отношеніи полной справедливости. Я никогда въ моей жизни не объявлялъ себя врагомъ политической свободы, я только говорилъ, — естественно подразумѣвая: rebus sic

stantibus—что я болѣе интересуюсь иностранной политикой, которая для меня представляется настолько преобладающею и увлекаетъ меня до такой степени, что я разрушаю, насколько могу, всѣ препятствія, возникающія на моемъ пути, чтобы достигнуть цѣли, которой, по моему убѣжденію, необходимо достигнуть для спасенія отечества. Но это мнѣ нисколько не мѣшаетъ раздѣлять взглядъ предшествующаго оратора и думать вмѣстѣ съ нимъ, что честное правительство обязано употреблять всѣ свои силы, во всякое время, чтобы поднять общественную и индивидуальную свободу на высшую степень, которая совмѣстна съ безопасностью и благоденствіемъ государства».

Не совсѣмъ легко, конечно, опредѣлить съ буквальною точностью, какими глазами смотритъ теперь Бисмаркъ на парламентское правленіе, какія твердыя положенія сложились у него относительно конституціоннаго порядка, такъ какъ весьма часто на разстояніи не только двухъ-трехъ лѣтъ, но на разстояніи двухъ-трехъ засѣданій, онъ даетъ опять иной видъ своимъ воззрѣніямъ, смотря потому, что̀ выгоднѣе сказать въ данную минуту, тѣмъ не менѣе нельзя не указать по крайней мѣрѣ на главныя черты, которыми онъ опредѣляетъ свой взглядъ на парламентское правленіе во второй періодъ его блестящей политической дѣятельности. Если прежде центръ тяжести оппозиціи находился на лѣвой сторонѣ палаты, то теперь онъ въ значительной степени перенесенъ былъ на правую, и Бисмарку весьма часто приходилось направлять свои боевыя орудія противъ своихъ старыхъ политическихъ друзей. Въ своихъ отвѣтахъ этой консервативной оппозиціи онъ чаще всего высказывалъ начала, отмѣченныя истиннымъ конституціоннымъ духомъ, точно также какъ въ рѣчахъ, обращенныхъ къ либеральной оппозиціи, онъ высказывалъ такія положенія, которыя напоминали доброе старое время.

Посмотримъ на тѣ и другія. На упреки въ измѣнѣ, обращенные къ нему консервативной партіей, Бисмаркъ не разъ отвѣчалъ: «Вы хотите заставить меня управлять, руководствуясь воззрѣніями одной партіи; я отвѣчаю, что на это я не пойду. Чтобы управлять, и управлять конституціоннымъ образомъ, необходимо имѣть за собою большинство. Вы говорите, что откажетесь подавать голоса за правительство, тѣмъ хуже для васъ. Тѣмъ хуже, потому что вы заставите меня искать другое большинство, опираться на другіе элементы, чѣмъ консервативные, что не будетъ для васъ выгодно»... «Вы можете подвергнуть государство всевозможнымъ колебаніямъ. Вы не можете ожидать ни отъ меня, ни отъ моихъ товарищей, если вы лишите насъ парламентскаго большинства,

чтобы мы продолжали нести всѣ неудобства положенія, не ища противъ этого средствъ; вы не должны ожидать, чтобы мы сдѣлались органомъ одной фракціи, одной партіи, рискуя, въ столь трудныя времена, увидѣть снова опасное возобновленіе столкновенія. Я не боюсь его, я далъ тому доказательство, выдерживая съ твердостью его натискъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, но я вовсе не имѣю намѣренія сдѣлать изъ этого столкновенія какое-то постоянное національное учрежденіе». Въ борьбѣ съ крайними консерваторами Бисмаркъ, какъ истинный конституціонный министръ, отстаивалъ основныя начала парламентаризма, убѣждая съ большою силою эту партію не создавать странѣ новыхъ затрудненій. Онъ весьма разумно говорилъ о равновѣсіи между различными партіями и законодательными частями одного политическаго тѣла, онъ не проповѣдывалъ приниженіе народныхъ представителей и возвышеніе на ихъ счетъ королевской власти. Безъ взаимныхъ уступокъ дѣло не пойдетъ на ладъ, говорилъ Бисмаркъ. Если правительство слишкомъ натягиваетъ струны, оно рискуетъ, что онѣ наконецъ лопнутъ; если народное представительство съ своей стороны лишаетъ его необходимой свободы дѣйствія, то оно точно также вызоветъ противодѣйствіе, и столкновеніе становится неизбѣжнымъ. «Когда никто не хочетъ уступать, когда каждый говоритъ: если не будетъ сдѣлано такъ, какъ я хочу, то я удаляюсь,—но тогда никакая организація государства, никакая политика невозможны; тогда остается только политическій произволъ».

Такъ разсуждалъ онъ съ оппозиціонною консервативною партіею, доказывая необходимость серьёзнаго отношенія къ парламентскому началу. Всѣ подобныя рѣчи, изъ которыхъ мы могли бы сдѣлать не одну еще выдержку, явно бы ввели въ заблужденіе относительно системы министра, если бы рядомъ съ ними не были произнесены другія, обращенныя главнымъ образомъ къ либеральной оппозиціи. Вопросъ о пространствѣ власти парламента много разъ, конечно, возникалъ какъ въ прусскихъ палатахъ, такъ и въ рейхстагѣ. Конституція Сѣверо-Германскаго Союза, къ которой пристала затѣмъ, съ весьма немногими необходимыми измѣненіями, и вся Южная Германія, была создана съ необыкновенною быстротою, чтó входило въ планъ Бисмарка. Лишь только какой-нибудь вопросъ, лишь только опредѣленіе того или другого права, возбуждали большія пренія, Бисмаркъ тотчасъ произносилъ свою обычную фразу: господа, не теряйте времени, оно намъ дорого; дѣло Германіи еще не окончено, не будемъ спорить о предѣлахъ власти; если впослѣдствіи окажется, что то или другое сдѣлано второпяхъ, то вы всегда будете имѣть время

возвратиться и внести то или другое улучшеніе. Когда Бисмаркъ, такимъ образомъ, зажималъ ротъ парламенту, выставляя на видъ грозный признакъ враговъ, съ ненавистью смотрящихъ на объединеніе Германіи, тогда, какъ случалось большею частью, пренія оканчивались, и то, что желалъ Бисмаркъ, вотировалось огромнымъ большинствомъ. Дѣло оканчивалось рукоплесканіемъ первому министру, всѣ спѣшили приносить въ жертву на алтарь «единой Германіи» свои убѣжденія и воззрѣнія. Когда же затѣмъ та или другая парламентская группа вносила предложеніе объ измѣненіи той или другой статьи конституціи, тогда снова появлялся на трибунѣ Бисмаркъ и произносилъ такого рода рѣчи: Господа! вы налагаете на себя руки! Давно ли конституція была вотирована и вы уже начинаете терзать ее различными предложеніями. Дайте окрѣпнуть учрежденіямъ, пусть выскажется сильная и слабая сторона, и тогда, впослѣдствіи, можетъ быть и возможно будетъ внести тѣ или другія измѣненія; я самъ знаю, что нѣтъ ничего вѣчнаго, что какъ люди, такъ и учрежденія должны идти впередъ. Имѣйте же только терпѣніе!

Въ такомъ родѣ говорилъ Бисмаркъ. Но нетерпѣніе иногда овладѣвало тою или другою группою парламента, и различныя предложенія, касающіяся расширенія правъ, усиленія власти представителей, появлялись на очереди. Тогда-то Бисмаркъ развивалъ свои болѣе обычныя воззрѣнія на предѣлъ власти парламента, и этотъ предѣлъ, по мнѣнію его, не долженъ быть слишкомъ широкъ. «Спрашивали вы когда-нибудь самихъ себя: есть ли въ самомъ дѣлѣ необходимость, было ли бы полезно, чтобы вы имѣли болѣе власти, нежели вы имѣете въ настоящее время, было ли бы это полезно для народа и для страны?» На вопросъ этотъ Бисмаркъ отвѣчаетъ отрицательно, и приводитъ тому двѣ причины, не отличающіяся впрочемъ особенной глубиною мысли. Первая причина та, что люди, которые только въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ времени засѣданія парламента, занимаются государственными дѣлами, вовсе не могутъ судить въ одинаковой степени основательно съ тѣми, которые занимаются ими непрерывно. «Этотъ одинъ аргументъ перерыва парламентскаго собранія достаточенъ уже, по-моему, чтобы быть какъ нельзя болѣе осторожнымъ, когда дѣло идетъ о размѣрѣ власти, которая должна принадлежать подобному тѣлу». Другой аргументъ Бисмарка болѣе оригиналенъ. «Есть еще другая причина, которая убѣждаетъ меня, что не нужно давать слишкомъ большого вѣса народнымъ собраніямъ: это—сила краснорѣчія». По мнѣнію Бисмарка, въ подобныхъ собраніяхъ дѣла рѣшаются подъ вліяніемъ

той или другой рѣчи, подъ впечатлѣніемъ минуты, такъ что, когда оно исчезаетъ, часто оказывается, что рѣшили совсѣмъ не такъ, какъ желали рѣшить. «Даръ краснорѣчія, продолжаетъ Бисмаркъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто весьма опасное; этотъ талантъ имѣетъ увлекающую силу, подобную музыкѣ, или импровизаціи. Въ каждомъ ораторѣ, который хочетъ дѣйствовать на своихъ слушателей, долженъ заключаться поэтъ; и только тогда, когда онъ награжденъ этимъ даромъ, и когда, подобно импровизатору, онъ авлстелинъ надъ своимъ языкомъ и надъ своими мыслями, онъ овладѣваетъ силою дѣйствовать на тѣхъ, кто его слушаетъ. Но я васъ спрашиваю, можно ли довѣрять руль государства, требующій холоднаго и зрѣлаго размышленія, поэту или импровизатору?»

Лучшее опроверженіе теоріи Бисмарка представляетъ онъ самъ. Вліяніе его на собраніе всегда было весьма велико, хотя, конечно, онъ не причисляетъ себя къ ораторамъ, лишеннымъ «холоднаго и зрѣлаго размышленія». Высказывая свое желаніе, чтобы власть и вліяніе парламента не слишкомъ расширялись, онъ считаетъ однако теперь необходимымъ заявить, что онъ нисколько не враждебенъ вообще парламентаризму. «Я призывалъ ваше вниманіе, говоритъ Бисмаркъ въ одной изъ слѣдующихъ рѣчей, на затрудненія, которыя возникли бы отъ усиленія парламентской власти, — мнѣ кажется, я выразился: отъ удѣленія парламенту слишкомъ большой дозы вліянія. Но отсюда до нападенія на самый парламентаризмъ, даже до критики этого порядка, еще очень далеко».

Бисмаркъ видитъ очень большую опасность, какъ онъ выражается, въ парламентскомъ «дилеттантизмѣ», и Германія пошла бы, по его словамъ, прямо на встрѣчу этой опасности, еслибы «слишкомъ сильно» сосредоточить въ парламентѣ центръ тяготѣнія. Бисмаркъ признаетъ, что до сихъ поръ этого не было, и не желаетъ, чтобы оно случалось въ будущемъ. Мысль Бисмарка совершенно ясна. Онъ не желаетъ допустить, чтобы представительное собраніе имѣло всю ту власть, которая принадлежитъ ему въ странахъ, гдѣ укоренилось истинно парламентское правленіе. Бисмаркъ, который, вообще говоря, не знаетъ что такое боязнь, страхъ, испытываетъ однако нѣкоторую боязнь, дѣлая ту или другую уступку парламентскому правленію, чтобы какъ-нибудь не стѣснена была власть, безъ которой онъ не можетъ представить себѣ существованіе Германіи. Вотъ отчего даже въ тѣхъ любезностяхъ, которыми онъ надѣляетъ парламентъ, всегда выглядываетъ какое-то остріе, готовое превратиться въ мечъ, которымъ рубилъ онъ упрямую оппозицію прусской палаты депутатовъ. Всякій разъ, когда въ палатѣ заходила рѣчь о ея правахъ,

Бисмаркъ отвѣчалъ, что всякія предложенія, конечно, могутъ быть дѣлаемы, но онъ не видитъ тогда причины, отчего бы не сдѣлать предложенія объ уничтоженіи въ Пруссіи монархической власти. «Мною овладѣваетъ сильное безпокойство, говорилъ онъ въ 1868-мъ году, когда я вижу, что трудъ, работа, что великія и счастливыя событія, что удивительные подвиги нашихъ армій, что, однимъ словомъ, все, чтó необходимо было для того, чтобы привести насъ до такого пункта, на которомъ мы стоимъ теперь— что все это послѣ девяти мѣсяцевъ забыто вами, и вы смотрите на это какъ на древнюю исторію, о которой нѣтъ уже рѣчи, и что вы исключительно заняты вопросомъ о расширеніи власти въ ту минуту, когда вы полагаете, что правительство настолько обремено, что вы легко можете вызвать у него уступку». Онъ горько жалуется на то, что едва наступилъ компромиссъ, какъ уже снова дѣлаются попытки нарушить его. Бисмаркъ, впрочемъ, со всею энергіею возстаетъ противъ всякой системы, которая направлена къ тому, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, дѣлать уступки и потомъ снова брать ихъ назадъ. «Ничто такъ не раздражаетъ, ничто такъ не волнуетъ общество, какъ подобная система, обличающая непослѣдовательность и шаткость. Прежде чѣмъ рѣшиться на извѣстную уступку, на расширеніе того или другого права, обдумайте двадцать разъ; но если вы рѣшились, если уступка сдѣлана, извѣстное право предоставлено, то ужъ оставляйте его, не берите назадъ. Конституціонная жизнь, повторяетъ Бисмаркъ, состоитъ изъ ряда компромиссовъ; дѣлать сегодня уступки, чтобы отнимать ихъ завтра, это не конституціонная политика».

Бисмаркъ, высказывая такое правило, не всегда отказывался ему слѣдовать, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на самомъ дѣлѣ не отклонялся отъ столь благодѣтельнаго начала. Мы уже знаемъ какъ смотрѣлъ, напримѣръ, Бисмаркъ въ первомъ періодѣ на право бюджета, мы знаемъ, какъ онъ мало церемонился съ палатою въ этомъ отношеніи, говоря ей: мы возьмемъ деньги тамъ, гдѣ найдемъ ихъ! Послѣ примиренія съ палатою Бисмаркъ обѣщалъ, что ничто подобное не повторится, надѣясь, можетъ быть, что въ продолженіи его жизни онъ не встрѣтитъ повторенія и подобнаго сопротивленія. Въ сессіи прусскихъ палатъ уже 1870 года былъ представленъ палатѣ депутатовъ докладъ о неправильномъ употребленіи займа 1867 года, вотированнаго для постройки желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ получившаго вовсе иное назначеніе. Бисмаркъ выступилъ во время преній, и, желая доказать, что въ Пруссіи конституція вовсе не шутка, и что коро-

левская власть признаетъ для себя извѣстныя обязательства по отношенію къ народнымъ представителямъ, сдѣлалъ заявленіе, что «королевское правительство принимаетъ на себя обязательство въ будущемъ не уклоняться болѣе никогда отъ законныхъ формъ.» Бисмаркъ не задумался принести и покаяніе, говоря: «Я не думаю, и надѣюсь, что мои коллеги, съ которыми я не имѣлъ времени посовѣщаться, раздѣлятъ мое мнѣніе, что министерство не должно отрицать нарушенія формы, которое было допущено. Я считаю болѣе достойнымъ, болѣе полезнымъ для дѣла и для лицъ, теперь, когда вы получили увѣдомленіе о томъ, что́ было сдѣлано, просить, чтобы вы одобрили сдѣланное и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить васъ, что каждый изъ насъ будетъ впредь считать своею обязанностью не допускать возвращенія подобной неправильности.»

Такого рода amende honorable, доказывающій, что даже самая шаткая конституція даетъ Пруссіи гарантію въ болѣе или менѣе правильномъ управленіи ея дѣлами, не могъ не обезоружить палаты. Чтобы сдѣлать свое покаяніе еще болѣе рѣшительнымъ, Бисмаркъ, въ отвѣтъ Вирхову, который, не довѣряя быть можетъ словамъ крутого министра, напомнилъ ему о фразѣ, сказанной Бисмаркомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: «Правительство короля возьметъ деньги, необходимыя для потребностей государства тамъ, гдѣ оно найдетъ ихъ»,—произнесъ: «Я поздравляю себя съ тѣмъ, что г. докладчикъ даетъ мнѣ возможность вполнѣ съ нимъ согласиться, когда напоминая, безъ сомнѣнія, съ намѣреніемъ вполнѣ для меня благосклоннымъ, слова, произнесенныя мною въ другое время, онъ смотритъ на нихъ, какъ на слова, свойственныя только времени войны, какъ на мертвыя во время мира и неприложимыя ко мнѣ въ настоящее время—и я надѣюсь, что и въ мысли г. докладчика эти слова получили точно такое же толкованіе.»

Мы не имѣемъ, конечно, никакого права обвинять Бисмарка въ неискренности, въ томъ, что слова эти были пущены въ ходъ какъ парламентскій маневръ для достиженія цѣли — одобрительнаго билля. Весьма вѣроятно, что подобныя слова, которымъ можно было бы привести еще нѣсколько примѣровъ, были сказаны безъ всякой задней мысли, и въ эти немногія, правда, минуты Бисмаркъ является настоящимъ конституціоннымъ министромъ. Но его деспотическая натура, его основныя начала политической мудрости, его убѣжденіе, что народъ со всѣми его представителями далеко не имѣетъ той проницательности, которую имѣетъ онъ, князь Бисмаркъ, все это слишкомъ часто заставляло Бисмарка во внутреннемъ управленіи далеко уклоняться отъ конституціоннаго духа.

Деспотическая натура Бисмарка гораздо рѣже проявляется во второмъ періодѣ, но, быть можетъ, потому именно, что въ этомъ второмъ періодѣ Бисмаркъ почти не зналъ сопротивленія. Оппозиція, которую онъ встрѣчалъ какъ въ прусскихъ палатахъ, такъ и въ рейхстагѣ, была такъ мягка, такъ прилична, подходила къ нему съ такимъ смиреніемъ и уваженіемъ, что вслѣдствіе этого было и меньше поводовъ ему проявлять свой крутой нравъ и проводить свои крутыя начала въ политическую жизнь нѣмецкаго народа. Но лишь только гдѣ-нибудь раздастся слишкомъ рѣзкое слово противъ правительства или конституціи нѣмецкой имперіи, Бисмаркъ тотчасъ же показываетъ зубы, и опять его основныя воззрѣнія на систему внутренняго управленія сказываются съ весьма внушительною силою.

Въ борьбѣ ли съ лѣвою стороною, въ борьбѣ ли съ ретроградною правою, нѣмецкій канцлеръ употребляетъ тѣ же пріемы. Какъ въ былое время онъ весьма мало стѣснялся оппозиціоннымъ либеральнымъ большинствомъ, также мало обѣщаетъ онъ стѣсняться и консервативнымъ большинствомъ, если бы такое составилось въ виду оппозиціи волѣ князя Бисмарка. Уже послѣ французской войны онъ высказывался слѣдующимъ образомъ въ прусской палатѣ депутатовъ: «Я достаточно далъ доказательствъ, во все время моей политической дѣятельности, что я вовсе не покорный слуга большинства; когда я думаю, что большинство угрожаетъ благу государства, всѣ видѣли, что я умѣю ему сопротивляться; еслибы понадобилось, я съумѣлъ бы оказать ему сопротивленіе и теперь.» Въ этихъ словахъ довольно ясно выражается, что Бисмаркъ допускаетъ волю большинства только тогда, когда эта воля имѣетъ счастіе сходиться съ его собственною волею. Нужно ли говорить, что подъ этимъ условіемъ нетрудно быть самымъ конституціоннымъ министромъ. Пусть ваша воля будетъ согласна съ моею волею, и тогда вы найдете во мнѣ строгаго исполнителя вашей воли. Если же нѣтъ, тогда мы разойдемся, и я сдѣлаю такъ, какъ считаю болѣе удобнымъ. Такого рода положеніе входитъ въ составъ практической философіи XIX-го вѣка, и нужно ли говорить, что до тѣхъ поръ, пока оно сохранитъ свою силу, до тѣхъ поръ истинно парламентскому правленію нѣтъ мѣста въ Пруссіи. Предыдущія слова нисколько, однако, не мѣшаютъ князю Бисмарку черезъ нѣсколько минутъ выразиться такимъ образомъ: «я желалъ бы знать, какое представленіе составилъ себѣ г. депутатъ о конституціи, которой онъ присягалъ, когда онъ такъ презрительно отзывается о большинствѣ, которое необходимо министру, и когда онъ обвиняетъ меня почти въ томъ,

что я измѣнилъ моимъ старымъ принципамъ, служившимъ дѣлу монархической власти, обвиняетъ потому, что я стараюсь въ настоящее время поддерживать гармонію между министерствомъ и народнымъ представительствомъ.» Мы приводимъ подобныя противорѣчія, сплошь и рядомъ попадающіяся въ рѣчахъ нѣмецкаго канцлера, вовсе не для того, чтобы показать его непослѣдовательность. Нѣтъ, эта непослѣдовательность легко объясняется тѣмъ положеніемъ, которое занималъ и продолжаетъ занимать Бисмаркъ среди различныхъ партій. Сегодня его обвиняютъ въ томъ, что онъ врагъ парламентаризма, завтра, что онъ ренегатъ, измѣнникъ, предатель королевской власти, врагъ монархической власти, принесшій ее въ жертву парламентаризму. Не нужно и говорить, что въ подобныхъ обвиненіяхъ, какъ измѣна монархической власти, нѣтъ и тѣни справедливости. Вѣрно только одно — князь Бисмаркъ не терпитъ противорѣчія, оно раздражаетъ его, онъ требуетъ, чтобы все гнулось передъ нимъ, и если мы приводимъ чисто парламентскіе отрывки изъ его рѣчей, то только для того, чтобы показать, что если онъ не давалъ воли либеральной партіи, то также мало расположенъ давать ее и ультра-консервативной, желавшей видѣть неизмѣнно князя Бисмарка въ его обращеніи съ либеральными элементами страны такимъ, какимъ онъ былъ нѣкогда, до 1866 года:

«Я прошу васъ, господа, говорилъ онъ обращаясь къ консервативной партіи, не впадать въ ту ошибку — я не могу употребить другого слова — въ которой вы упрекали прежде оппозицію, обыкновенную оппозицію — т.-е. въ предвзятой рѣшимости смотрѣть на правительство, какъ на вредное животное, которое должно быть связано какъ можно крѣпче, которое не должно имѣть никакой свободы движенія, потому что тотчасъ оно употребитъ ее во зло, и если настоящіе министры не дѣлаютъ злоупотребленій, то тѣ, которые наслѣдуютъ имъ, должны ихъ совершать. Вы должны смотрѣть на правительство, какъ на коллективное существо, одаренное разсудкомъ, обязанное своимъ существованіемъ назначенію прусскаго короля и тѣсно связанное въ своемъ цѣломъ и во всѣхъ частяхъ для блага государства—вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него, какъ на вредное существо, на которое слѣдуетъ по мѣрѣ возможности налагать цѣпи, чтобы оно не злоупотребляло своею властью, или если оно этого и не дѣлаетъ, то для того, чтобы не могли дѣлать его преемники. Господа, вы стѣсняете свободу настоящаго правительства, его свободу дѣйствій для блага и безопасности государства въ такой степени, что правительство не можетъ этого принять.» Руководствуясь этой

«свободой дѣйствій», которую требовалъ для себя князь Бисмаркъ, онъ настаивалъ на томъ, чтó все, что предлагаетъ правительство, должно быть принимаемо, такъ какъ «если восемь министровъ, послѣ долгаго обсужденія вопроса и послѣ того, что король согласился съ ихъ мнѣніемъ» рѣшаютъ, что тотъ или другой законъ полезенъ, то Бисмарку кажется, что всякая оппозиція становится неумѣстна. Слѣдуя этой теоріи нужно было бы допустить, что министерство непогрѣшимо, какъ папа, чтó все, чтó имъ предлагается, должно быть принимаемо безусловно и безъ разсужденій. Бисмаркъ не высказываетъ этого прямо, но едвали мы уклонимся отъ истины, переведя на обыденный языкъ то, что онъ высказываетъ въ болѣе мягкой парламентской формѣ. Давленіе парламента на дѣйствія и поступки правительства—это необходимое условіе настоящаго парламентскаго правленія. Бисмаркъ понимаетъ его не такъ. Онъ гордится тѣмъ, что никогда не поддавался никакому давленію и всегда дѣйствовалъ, сообразуясь только съ своею собственною волею. «Мы никогда не допустимъ, говоритъ онъ, никакого давленія надъ собою, мы всегда будемъ руководиться только и исключительно нашимъ собственнымъ изученіемъ интересовъ государства.» Согласно съ этимъ общимъ положеніемъ Бисмаркъ смотритъ на народъ, какъ на слѣпую массу, которая готова довѣрять каждому вздору, каждой небылицѣ, которую распространяетъ пресса и которая поддерживается въ немъ нѣкоторыми изъ его представителей. Бисмаркъ нигдѣ, правда, подробно не излагалъ, какъ онъ смотритъ на народъ, но нѣкоторыя мѣста его рѣчей позволили одному изъ его противниковъ обвинить въ томъ, что онъ проповѣдуетъ «ограниченный разумъ подданныхъ» (beschränkten Unterthanenverstand). Бисмаркъ въ отвѣтъ на это могъ только сказать, что фраза объ «ограниченномъ разумѣ подданныхъ» есть преувеличеніе, и даже въ одной изъ слѣдующихъ его рѣчей, мѣсяца два спустя, сдѣлалъ комплиментъ народу, говоря, что «онъ обладаетъ политическимъ чувствомъ настолько же, насколько обладаетъ имъ каждый изъ насъ.»

VI.

Такіе взгляды Бисмарка на общую систему внутренняго управленія государствомъ, естественно, подчинили ей всѣ отдѣльные вопросы внутренней жизни страны. Но парламентское правленіе, какъ бы неполно оно ни было, какъ бы ни былъ стѣсненъ кругъ его дѣйствій, тѣмъ не менѣе оно и его вліяніе на управленіе дѣлами страны, даже и въ предѣлахъ очертанныхъ ему Бисмаркомъ,

благодѣтельно. Такое вліяніе выражается въ томъ наблюденіи, какое принадлежитъ парламенту надъ управленіемъ страною, въ томъ страхѣ, который невольно испытываетъ министерство за каждое свое неправильное дѣйствіе, каждое злоупотребленіе, въ боязни, что во всякое время съ парламентской трибуны будетъ громко заявлено о томъ или другомъ упущеніи. Въ этомъ значеніи, и значеніи весьма важномъ, не отказываетъ ему князь Бисмаркъ, и какъ ни тяготился, какъ ни роигалъ подчасъ нѣмецкій канцлеръ на оппозицію, которую онъ встрѣчалъ среди народнаго представительства, но едвали можно сомнѣваться, что еслибъ такому государственному человѣку, какъ Бисмаркъ, было предложено уничтожить парламентъ, онъ никогда бы не согласился на то, понимая, какую серьёзную помощь, какую гарантію находитъ въ парламентѣ само правительство, гарантію въ томъ, что существующіе законы не будутъ безнаказанно нарушаемы. Но для того, чтобы парламентъ имѣлъ такое вліяніе, безусловно необходимо, чтобы народные представители были обезпечены въ правѣ говорить безнаказанно съ трибуны все, что они считаютъ нужнымъ сказать. Народное представительство Германіи это отлично сознавало, и потому съ такою энергіею отстаивало противъ князя Бисмарка полную и безусловную свободу трибуны, на которую, какъ мы уже видѣли, нѣмецкій канцлеръ никакъ не могъ согласиться въ первомъ періодѣ своей дѣятельности.

Такому весьма важному вопросу внутренней жизни государства Бисмаркъ посвятилъ нѣсколько рѣчей во второмъ періодѣ своей дѣятельности, отстаивая свои идеи то въ палатѣ депутатовъ, то въ рейхстагѣ, то, наконецъ, въ палатѣ господъ. Въ этихъ рѣчахъ прекрасно отражается вся та внутренняя борьба, которая происходила между Бисмаркомъ-абсолютистомъ и Бисмаркомъ-конституціонистомъ. Когда въ Сѣверо-Германскомъ Союзѣ, во время обсужденія проекта конституціи, однимъ изъ депутатовъ, Ласкеромъ, было предложено внести параграфъ, который гарантировалъ бы отчеты о публичныхъ засѣданіяхъ отъ судебнаго преслѣдованія, — Бисмаркъ, со всею свойственною ему энергіею, возсталъ противъ внесенія такого параграфа. Онъ считалъ, что онъ сдѣлалъ уже достаточную уступку свободѣ трибуны, соглашаясь, чтобы за каждымъ депутатомъ было обезпечено право свободно выражать свои мнѣнія, безъ опасенія, что надъ нимъ разразится Дамокловъ мечъ, въ видѣ судебнаго преслѣдованія. Идти дальше и гарантировать свободу парламентскихъ отчетовъ онъ не считалъ возможнымъ, но самая слабость его аргументовъ, скорѣе нежели всѣ рѣчи его противниковъ, должна была бы убѣдить

его, что онъ отстаиваетъ такое начало, которое идетъ совершенно въ разрѣзъ съ конституціоннымъ духомъ. Бисмаркъ противился согласиться на введеніе параграфа, обезпечивающаго право, столь необходимое съ точки зрѣнія самыхъ элементарныхъ понятій о конституціонной жизни, но не потому, какъ онъ выражался, чтобы онъ видѣлъ какую-нибудь опасность для союзныхъ правительствъ въ печатаніи отчетовъ публичныхъ засѣданій рейхстага: «Мы видѣли, говоритъ онъ, что рѣчи прусской палаты депутатовъ, которыя, по своей свирѣпости, не могутъ быть сравнены ни съ какими рѣчами никакихъ собраній этого рода, были публикованы безъ всякой опасности». Трудно, кажется, было бы придумать болѣе сильный аргументъ въ пользу того, чтобы и рѣчи, произнесенныя въ рейхстагѣ, и въ другихъ подобныхъ собраніяхъ печатались безъ всякихъ стѣсненій и безъ всякой угрозы уголовнаго преслѣдованія. Но Бисмаркъ разсуждаетъ не такъ. Его строгая логика измѣняетъ ему на этотъ разъ. Какія же другія побудительныя причины, кромѣ опасности, заставляютъ его противиться введенію параграфа, казалось бы, столь невиннаго, какъ тотъ, который установляетъ право публиковать рѣчи? Причины эти «нравственнаго» свойства. Бисмаркъ строго оберегаетъ общественную нравственность! «Причины, говоритъ онъ, заставляющія бороться противъ такого параграфа, я могу назвать причинами, касающимися нравственности. Есть много такого, что государство можетъ терпѣть, игнорировать, но чтобы оно освятило закономъ— это другой вопросъ. Въ этомъ числѣ я считаю право оскорблять согражданина, безъ того, чтобы онъ могъ получить какое-нибудь удовлетвореніе за нанесенную ему обиду. Я не хочу говорить о преступленіяхъ, которыя могутъ быть совершены словомъ, я не долженъ даже допускать мысли, чтобы что-либо подобное могло быть совершено въ этой средѣ. То, что я имѣю въ виду, это— охраненіе чести гражданъ, огражденіе, которое законъ долженъ доставлять каждому. Отнять у гражданина эту охрану—это значитъ, въ моихъ глазахъ, я повторяю, нанести ударъ нравственности, посягнуть на права человѣка. Подъ правами человѣка, продолжаетъ Бисмаркъ, удивляя своею цитатою, я разумѣю именно тѣ права, которыя провозглашены были во Франціи въ 1791-мъ году и перешли затѣмъ въ конституцію республики. Объявленіе правъ человѣка положительно говоритъ по поводу свободы «мнѣній», которыя каждый имѣетъ право высказывать: что свобода заключается въ томъ, чтобы каждый могъ дѣлать то, что *не вредитъ другому*. Такимъ образомъ, это ограниченіе установлено даже въ актѣ, который такъ далеко идетъ въ дѣлѣ свободы».

Итакъ, князь Бисмаркъ, не соглашаясь, чтобы законъ обезпечивалъ за каждымъ гражданиномъ невозможность судебнаго преслѣдованія за публикованную въ газетахъ рѣчь, руководился мотивами общественной нравственности. Съ его точки зрѣнія свобода трибуны этимъ нисколько не стѣснялась, такъ какъ правительство, по его увѣреніямъ, никогда не рѣшилось бы воспользоваться этимъ правомъ, чтобы защититься отъ нападеній, направленныхъ противъ него. Рейхстагъ, припоминая рѣшеніе высшей судебной инстанціи, вызванное правительствомъ и предоставлявшее прокурору право преслѣдовать депутатовъ за произнесенныя ими рѣчи, вполнѣ основательно не довѣрялъ Бисмарку и желалъ, чтобы невозможность судебнаго преслѣдованія зависѣла не отъ доброй воли правительства, а только отъ закона. Бисмаркъ называлъ подобное желаніе ничѣмъ инымъ, какъ пустою декламаціею. Ту же самую мысль развивалъ князь Бисмаркъ и въ прусской палатѣ депутатовъ, поддерживая мысль, что если онъ сопротивляется установленію такого закона, то вовсе не съ точки зрѣнія практики, а только теоріи. Съ этой послѣдней точки зрѣнія для Бисмарка было уже большою жертвою, что онъ согласился на принятіе закона, обезпечивающаго за депутатами право свободно излагать свои мысли въ стѣнахъ парламента. «Я пожертвовалъ,—говоритъ онъ, соглашаясь на этотъ законъ,—моимъ убѣжденіемъ желанію видѣть поскорѣе оконченною федеральную конституцію; я принесъ бы еще бóльшія жертвы, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ подвергнуть опасности завершеніе этого дѣла». Когда послѣднія слова его покрылись шумомъ: «слушайте, слушайте!» князь Бисмаркъ, опасаясь, чтобы его словами не поспѣшили воспользоваться, тотчасъ прибавилъ, что изъ его фразы не слѣдуетъ выводить заключенія, что онъ рѣшится и на другія еще жертвы.

Ратуя противъ свободы трибуны, князь Бисмаркъ и самъ сознавался, что въ этомъ вопросѣ онъ не можетъ сохранять всей «объективности». Онъ припоминаетъ палатѣ тѣ нападенія, которымъ онъ подвергался въ продолженіе трехъ лѣтъ, тѣ оскорбленія, которыя выпадали на его долю, и изъ этихъ нападеній и оскорбленій онъ выводилъ необходимость поставить свободу трибуны подъ угрозу уголовнаго преслѣдованія. Но говоря объ этихъ нападеніяхъ и оскорбленіяхъ, которымъ подвергался онъ, Бисмаркъ, нѣмецкій канцлеръ забывалъ о тѣхъ, которыми надѣлялъ онъ такъ щедро народныхъ представителей. Тѣмъ не менѣе, нельзя не сказать, что, защищая ограниченіе свободы трибуны, Бисмаркъ защищаетъ его уже иначе, чѣмъ прежде, онъ защищаетъ его бо-

лѣе, какъ конституціонный министръ. Уступивъ право свободно высказывать все, что угодно, безъ угрозы преслѣдованія, онъ добивается теперь только одного, чтобы между зданіемъ парламента и прессою была проведена рѣзкая граница, чтобы то, что дозволено въ одномъ, не было допущено въ другой. «Я допускаю, говоритъ онъ, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ порывѣ увлеченія словомъ, въ движеніи политической страсти—быть чуждымъ этой страсти не всегда составляетъ добродѣтель въ общественномъ дѣятелѣ—я допускаю, что, при такомъ расположеніи можетъ вырваться слово, переходящее границу»... Такое слово, разсуждаетъ князь Бисмаркъ, можетъ быть обидно, оскорбительно, но произнесенное среди ограниченнаго числа людей, оно не составляетъ большой бѣды; слово пропадаетъ, забывается, но оно получаетъ вовсе иное значеніе, когда оно распространяется сотнями тысячъ экземпляровъ, когда оно закрѣпляется, повторяется постоянно, когда «каждый темный писака можетъ, если ему угодно, бросить это слово мнѣ въ лицо», и когда противъ такого «писаки» человѣкъ остается также безоружнымъ, какъ и противъ слова, произнесеннаго съ трибуны, въ стѣнахъ парламента, гдѣ «я, по крайней мѣрѣ, знаю, что я приношу себя въ жертву великимъ интересамъ общественной жизни, *конституціонному* существованію, и спокойно выношу оскорбленіе. Но это оскорбленіе, увѣковѣченное печатью, далеко распространенное прессою, я не могу его принять безъ дѣйствительнаго ущерба».

Несмотря, однако, на сопротивленіе Бисмарка, законъ, обезпечивающій свободу трибуны и публикованіе отчетовъ о засѣданіяхъ, прошелъ въ рейхстагѣ. Бисмаркъ подчинился волѣ большинства, и когда тотъ же самый вопросъ возникъ въ прусской палатѣ господъ, онъ объявилъ, что подастъ свой голосъ за свободу трибуны. Слова, произнесенныя по этому поводу княземъ Бисмаркомъ въ палатѣ господъ, выказывающія истинное парламентское смиреніе, составляютъ такое пріятное исключеніе въ общемъ тонѣ его рѣчей, что было бы несправедливо не привести ихъ. «Я повинуюсь,—говорилъ онъ при этомъ обстоятельствѣ,— убѣжденію, которое я часто выражалъ, именно, что конституціонная жизнь, взятая въ цѣломъ, состоитъ изъ ряда компромиссовъ, и что самая важная обязанность конституціоннаго правительства заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы способствовать взаимнымъ уступкамъ между различными государственными властями. Компромиссъ не можетъ быть достигнутъ, если никто не желаетъ, ради общаго согласія, принести въ жертву часть своихъ собственныхъ убѣжденій, убѣжденій самыхъ искреннихъ, каковы

мои, господа; о другихъ убѣжденіяхъ мы не можемъ говорить». Такъ, конечно, долженъ говорить конституціонный министръ, не опасаясь упрека въ непослѣдовательности, которая въ этомъ случаѣ должна была бы носить имя упрямства. «Теперь, продолжалъ Бисмаркъ, когда я заставляю молчать мое чувство, и когда я объявляю вамъ мое намѣреніе подать голосъ въ пользу предложенія Герарда, въ противность тѣмъ мнѣніямъ, которыя я высказывалъ здѣсь съ такою же откровенностію; теперь, когда я прошу самъ васъ вотировать въ томъ же смыслѣ, принести подобную же жертву въ пользу общаго соглашенія различныхъ элементовъ законодательной власти, я считалъ своею обязанностью объяснить это противорѣчіе и мотивировать его, говоря, что какъ министръ конституціоннаго государства, я не признаю за собою право поддерживать, рискуя всѣмъ, мое собственное мнѣніе, и что напротивъ, я смотрю, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, на согласіе между государственными властями и на возстановленіе этого согласія, какъ на цѣль, которой я могу, которой я даже долженъ въ моемъ положеніи пожертвовать, ради общаго союза, моими идеями, и уступка эта съ моей стороны не можетъ нанести практическаго и важнаго ущерба благу государства».

Другой изъ наиболѣе важныхъ и наиболѣе спорныхъ вопросовъ въ конституціонной жизни каждаго государства, это — вопросъ, касающійся избирательной системы: ктó имѣетъ избирательный голосъ, кáкъ производится избраніе представителей, посредствомъ ли прямыхъ выборовъ или посредствомъ двухстепеннаго или трехстепеннаго избранія? Чуть не во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ идетъ работа по этому вопросу. Въ одномъ, какъ въ Англіи, стараются расширить избирательное право; въ другомъ, какъ Франція, стараются его съузить; въ третьемъ, какъ Австрія, вводятъ прямые выборы въ центральное представительное собраніе и т. д. Какъ же князь Бисмаркъ смотритъ на этотъ вопросъ, какія начала высказывалъ онъ въ своихъ рѣчахъ?

Бисмаркъ рѣшительно говоритъ въ пользу самаго либеральнаго принципа, именно принципа всеобщей подачи голосовъ. «Всеобщая подача голосовъ, говоритъ онъ, представляется для насъ нѣкоторымъ образомъ наслѣдствомъ, оставленнымъ намъ развитіемъ унитарныхъ стремленій Германіи: мы обладали этимъ принципомъ въ федеральной конституціи, выработанной во Франкфуртѣ (въ 1848-мъ году); мы противопоставили этотъ же принципъ въ 1863-мъ году австрійскимъ тенденціямъ, выразившимся во Франкфуртѣ, и что касается до меня, то я могу только сказать, что я не знаю *лучшаго избирательнаго закона*». Бисмаркъ

признаетъ, что этотъ избирательный законъ не есть еще идеальный законъ, такъ какъ онъ не воспроизводитъ съ полною точностью «въ миніатюрѣ» строго обдуманное мнѣніе народа, но тѣмъ не менѣе онъ считаетъ, что все-таки принципъ всеобщей подачи голосовъ представляется лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ. Бисмаркъ знаетъ очень хорошо, какое возраженіе, основанное на опытѣ, дѣлается истинными друзьями свободы народа этому принципу. Противъ примѣненія на практикѣ этого принципа въ настоящее время, когда народная масса лишена еще необходимаго политическаго свѣта, выставляютъ то, что принципъ этотъ въ свое короткое существованіе имѣлъ уже несчастіе служить тѣмъ фундаментомъ, на которомъ воздвигался самый грубый цезаризмъ. «Союзныя правительства, говоритъ онъ, не могутъ имѣть мысли о заговорѣ, глубоко замышленномъ противъ вольностей средняго сословія, чтобы опираясь на массы установить цезаризмъ. Мы беремъ только то, что находится у насъ подъ руками, что мы считаемъ удобнымъ принять, и при этомъ безъ всякой задней мысли». Безъ всякаго сомнѣнія, поддерживая принципъ всеобщей подачи голосовъ, Бисмаркъ рисуется въ самомъ либеральномъ свѣтѣ. Но это только одна сторона медали, а есть еще и другая. Для того, чтобы принципъ этотъ не повелъ къ тѣмъ злоупотребленіямъ, благодаря которымъ утвердилась во Франціи вторая имперія, необходимо, чтобы этотъ либеральный принципъ былъ обставленъ и другими не менѣе либеральными принципами. Разумное примѣненіе всеобщей подачи голосовъ немыслимо, во-первыхъ, безъ обязательнаго образованія, во-вторыхъ, безъ свободы собраній и, въ-третьихъ, безъ свободы слова, свободы печати. Первымъ условіемъ Германія обладаетъ, но ей недостаетъ двухъ другихъ, столь необходимыхъ при существованіи всеобщей подачи голосовъ.

Какъ же князь Бисмаркъ относится къ этимъ двумъ условіямъ? Если бы онъ даже и ни слова не сказалъ о нихъ, то мы могли бы догадаться по тѣмъ его рѣчамъ, въ которыхъ онъ отстаивалъ свое мнѣніе о свободѣ трибуны. Онъ считаетъ свободу слова такимъ преимуществомъ, которымъ должны пользоваться только избранные, и съ нѣкоторымъ ужасомъ говоритъ: «Допуская полную свободу трибуны, куда-же мы придемъ? Мы вѣдь вынуждены будемъ скоро ее дать любому народному сборищу?» Вотъ какъ смотритъ князь Бисмаркъ на свободу собраній, и этотъ взглядъ не только поддерживается имъ въ области теоріи, но со всею силою проводится въ практической жизни государства. Тѣ, которые слѣдятъ хотя по газетамъ за нѣмецкою

жизнью, весьма часто, конечно, встрѣчали извѣстія о томъ, что одно собраніе запрещено, другое разогнано и т. д. Не лучше смотритъ князь Бисмаркъ и на свободу печати. Хотя ему самому случалось припоминать слова Фридриха Великаго: «журналы не должны быть стѣсняемы», но онъ вовсе не слѣдуетъ «въ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ мнѣнію, высказанному его великимъ предшественникомъ. Быть можетъ, Бисмаркъ полагаетъ, что онъ ближе къ его мысли, дѣлая противоположное тому, что говорилъ король-философъ XVIII-го вѣка, который чуть не правиломъ считалъ говорить не то, что онъ думалъ. Въ рѣчахъ князя Бисмарка нѣтъ ни одной, которая цѣликомъ была бы посвящена вопросу о свободѣ печати, но въ нѣсколькихъ рѣчахъ онъ упоминаетъ о ней, и упоминаетъ вовсе не въ лестныхъ выраженіяхъ. У него то и дѣло на языкѣ: печать только раздражаетъ! пресса невѣжественна! газеты ничего не дѣлаютъ, какъ только поддерживаютъ волненіе, вводятъ въ обманъ и т. п. Бисмаркъ нѣсколько разъ отрекается отъ всякой солидарности даже съ оффиціальною прессою, отзываясь о ней съ тономъ крайняго пренебреженія. Идеи князя Бисмарка о вредѣ свободы печати, какъ то слишкомъ хорошо извѣстно всей нѣмецкой журналистикѣ, не оставались только въ теоріи, но энергически примѣнялись, и къ стыду Германіи примѣняются и до сихъ поръ. Запрещеніе газетъ, арестъ отдѣльныхъ нумеровъ газеты, немыслимые при истинно парламентскомъ правленіи, до сихъ поръ еще опечаливаютъ нѣмецкое общество.

Очевидно, что при отрицаніи условій, столь существенно необходимыхъ при принципѣ всеобщей подачи голосовъ, либерализмъ князя Бисмарка теряетъ вдругъ девять-десятыхъ своей цѣны, и опасенія, чтобы правительство не воспользовалось этою избирательною системою для нанесенія существеннаго ущерба правамъ нѣмецкаго народа, не заключаетъ въ себѣ ничего особенно безумнаго.

Опасеніе это могло еще увеличиться, когда Бисмаркъ изложилъ свои воззрѣнія на свободу выборовъ. Всѣ партіи пользуются свободою выставлять и поддерживать своего кандидата. Изъ числа этихъ партій Бисмаркъ не исключаетъ и самого правительства, которое, по его мнѣнію, имѣетъ право всѣми возможными средствами, чрезъ посредство всевозможныхъ органовъ объявлять, что оно желало бы, чтобы такой-то кандидатъ былъ избранъ: «это существенная сторона свободы выборовъ для правительствъ, — которыя имѣютъ свои права, точно также какъ и партіи, и какъ партіи, оппозиціонныя правительствамъ». Повидимому, взглядъ, выражаемый княземъ Бисмаркомъ, взглядъ

весьма либеральный, но это только повидимому. Конечно, при существованіи идеальнаго правительства такое пониманіе свободы выборовъ, и такое практикованіе ея не могло бы имѣть вредныхъ послѣдствій, но князь Бисмаркъ вовсе не претендуетъ, чтобы то правительство, во главѣ котораго онъ стоитъ, было идеальнымъ правительствомъ. Въ противномъ случаѣ то, что поддерживаетъ нѣмецкій канцлеръ, должно быть названо не системою свободныхъ выборовъ, а системою оффиціальныхъ кандидатуръ. Онъ отлично понимаетъ, какая огромная разница существуетъ между средствами какой-нибудь партіи, желающей провести своего кандидата, партіи, лишенной свободы собраній и свободы печати, и средствами правительства, объявляющаго о своемъ желаніи, чтобы былъ избранъ тотъ или другой кандидатъ. Бисмаркъ въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣлъ большую конституціонную опытность, и потому съ большимъ искусствомъ въ самой конституціонной формѣ проводитъ самыя не-конституціонныя мѣры. Что, въ самомъ дѣлѣ, кажется законнѣе и справедливѣе какъ слова: «Я думаю, что избиратели имѣютъ право знать избраніе какого кандидата желательно правительству, точно также какъ правительство имѣетъ право объявить свое предпочтеніе въ этомъ отношеніи. Избиратели имѣютъ это право, такъ какъ многіе изъ нихъ желаютъ по принципу вотировать *за* правительство, въ то время какъ другіе *противъ* правительства». Въ это самое время Бисмаркъ признаетъ за избирателями «политическій смыслъ», который, конечно, весьма плохо вяжется съ мыслію, что избиратели настолько тупоумны, настолько невѣжественны въ общественныхъ дѣлахъ, чтобы не знать какой депутатъ пріятенъ правительству и какой нѣтъ. Еслибы это и могло случиться, то оппозиціонная партія всегда укажетъ, какой кандидатъ принадлежитъ правительству и какой оппозиціи. Бисмаркъ все это, разумѣется, отлично понимаетъ, но ему хочется облечь въ конституціонную форму, — и это уже конечно составляетъ весьма значительный успѣхъ въ его дѣятельности, — свое вовсе не-либеральное требованіе, чтобы народные представители, палата, рейхстагъ не вздумали опредѣлять отношенія правительства къ выборамъ. «Еслибы правительство наложило на себя молчаніе относительно кандидатуръ, если бы оно оставалось совершенно нѣмымъ и безучастнымъ, тогда было бы возможно, что выборы превратились бы въ чистую лотерею. Могло бы случиться, напримѣръ, — прибавляетъ Бисмаркъ, — и такой случай былъ бы для насъ крайне прискорбенъ, что избиратель вотировалъ бы по ошибкѣ въ пользу

правительства, что не могло бы случиться, еслибы правительство совершенно ясно высказалось въ пользу такого-то кандидата».

Все это конечно чрезвычайно тонко, весьма политично, но вовсе невѣрно. Бисмаркъ съ наивностью Кандида увѣряетъ рейхстагъ, что правительство, еслибы и желало прибѣгать къ какимъ-нибудь противозаконнымъ мѣрамъ для того, чтобы провести того или другого кандидата, все-таки оставалось бы безсильнымъ при существованіи тайной подачи голосовъ. Развѣ можетъ ландратъ, при самомъ твердомъ намѣреніи, спрашиваетъ онъ, принудить подать свой голосъ за того или другого? Отвѣтъ—конечно, нѣтъ. Еслибы даже допустить, что нѣмцы такъ высоко политически нравственны, что никогда не въ силахъ были бы придумать средствъ дѣйствовать на избирателей, то они слишкомъ долго были близкими сосѣдями второй имперіи, чтобы не постигнуть механизмъ извращенія принципа всеобщей подачи голосовъ. Правительство имѣетъ вліяніе на выборы, разсуждаетъ Бисмаркъ; а развѣ партіи не имѣютъ, развѣ отдѣльныя лица не прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, которыя не должны считаться дозволительными, развѣ не кроется какое-нибудь злоупотребленіе, «когда видишь, напримѣръ, что среди тысячъ рабочихъ не находится ни одного, который бы имѣлъ другое политическое убѣжденіе какъ его патронъ; и по моему мнѣнію, такое политическое единодушіе 6000 рабочихъ одной фабрики представляетъ собою фактъ гораздо болѣе удивительный и свидѣтельствующій гораздо лучше о злоупотребленіи вліянія, нежели какое-то внушеніе ландрата, о которомъ говорятъ». Вотъ когда справедливо можно было бы сказать Бисмарку: comparaison n'est pas raison, и то злоупотребленіе вліянія частнаго лица, которое все-таки представляется единичнымъ явленіемъ, не можетъ идти въ параллель съ хорошо организованнымъ злоупотребленіемъ вліянія правительства, дѣйствующаго при помощи своихъ чиновниковъ на пространствѣ всего государства.

Такимъ образомъ, принципъ всеобщей подачи голосовъ является у Бисмарка по-истинѣ ощипаннымъ. Онъ позаботился подрѣзать ему крылья, выщипать всѣ перья. Безъ настоящей свободы собраній, безъ большой свободы печати, и только съ однѣми оффиціальными кандидатурами, принципъ всеобщей подачи голосовъ лишенъ всей присущей ему силы, и въ рукахъ искуснаго правительства, каково правительство князя Бисмарка, можетъ превратиться въ орудіе злоупотребленій.

Весьма неблагодарный и крайне тяжелый трудъ задалъ бы себѣ тотъ, кто захотѣлъ бы изложить на основаніи собранія

рѣчей князя Бисмарка полную, стройную и послѣдовательную систему внутренняго управленія этого государственнаго человѣка. Задавшись такою задачею, пришлось бы поневолѣ прибѣгать къ всевозможнымъ натяжкамъ, такъ какъ такая система едва ли существуетъ не только въ рѣчахъ,—объ этомъ не можетъ быть и помину,—но даже и въ головѣ нѣмецкаго канцлера. Его система не поддается никакимъ опредѣленіямъ, это не система послѣдовательнаго консерватизма, еще менѣе послѣдовательнаго либерализма; въ его системѣ соединяются всевозможныя системы. Князь Бисмаркъ эклектикъ по преимуществу. Одного начала онъ держится непоколебимо,—это отстраненіе всего, что можетъ служить препятствіемъ осуществленію его воли. Едва ли въ теченіе всей своей дѣятельности онъ когда-нибудь задавался вопросомъ: что будетъ послѣ моей смерти, что будетъ, если мое мѣсто займетъ человѣкъ менѣе способный, менѣе талантливый? Бисмаркъ не далъ внутреннему устройству Германіи такой прочности, которая безъ ущерба для своего дальнѣйшаго развитія могла бы сносить перемѣну того или другого лица. Бисмаркъ, не опредѣлилъ себѣ самъ той системы, которую онъ долженъ положить въ основу внутренней жизни нѣмецкаго народа, не установилъ тѣхъ началъ, на основаніи которыхъ должно совершаться будущее развитіе націи. Вотъ отчего, сойди сегодня съ исторической сцены князь Бисмаркъ, во внутренней жизни Германіи можетъ весьма тяжело отозваться его удаленіе. Тотъ, кто заступитъ его мѣсто, не въ состояніи будетъ сказать: «я буду слѣдовать системѣ князя Бисмарка», потому что по совѣсти онъ не можетъ сказать, какова эта система. Человѣкъ съ либеральными тенденціями, онъ можетъ указать на весьма либеральныя начала, проводимыя нѣмецкимъ канцлеромъ; явится консерваторъ, ретроградъ, и онъ тоже не солжетъ, если объявитъ себя послѣдователемъ Бисмарка,—въ дѣятельности послѣдняго, въ положеніяхъ, которыя онъ проводилъ, не говоря о первомъ періодѣ дѣятельности, но и во второмъ, есть слишкомъ много такого, что реакціей можетъ быть истолковано въ свою пользу. Одни истинно великіе государственные люди оставляютъ послѣ себя стройную систему, которую могутъ продолжать и простые смертные; они набрасываютъ планъ зданія, по которому даже дюжиннымъ архитекторамъ не представляется особенной трудности вывести его до конца. Гдѣ этотъ планъ у Бисмарка? Его нѣтъ. Это замѣчательный мастеръ, но обладающій слишкомъ субъективнымъ талантомъ, чтобы создать школу, слѣдующую по его стопамъ. Когда у государственнаго человѣка есть цѣльная система внутренняго управленія государствомъ, вамъ

не трудно будетъ впередъ рѣшить, какъ поступитъ онъ въ томъ или другомъ вопросѣ. Попробуйте предрѣшать образъ дѣйствій Бисмарка, и вы можете быть увѣрены, что ошибетесь; развѣ благодаря случайности, чисто лотерейной, вы отгадаете. У насъ есть только одно прочное основаніе для рѣшенія вопроса: какъ поступитъ Бисмаркъ въ извѣстномъ вопросѣ? Основаніе это — все подчинять своей власти, всѣ нити государственной жизни держать въ своихъ рукахъ, и при непремѣнномъ условіи, чтобы руки эти были развязаны, и чтобы никто не могъ идти ему наперекоръ. Чтобы никто не могъ подумать, что онъ сколько-нибудь боится тяжести падающей на него отвѣтственности, онъ прибавляетъ: «Тотъ, господа, кто былъ министромъ-президентомъ совѣта, и находился въ необходимости одинъ принимать рѣшенія, кончаетъ тѣмъ, что болѣе не пугается отвѣтственности; но онъ пугается необходимости убѣждать семь человѣкъ въ томъ, что то, что онъ хочетъ, справедливо и хорошо. Это совсѣмъ иная работа, нежели управлять государствомъ... Я смотрю на устройство коллегіальнаго министерства, какъ на политическое заблужденіе и ошибку, которую каждое государство должно исправлять, какъ скоро это возможно». Такимъ образомъ, для Бисмарка, по его словамъ, несравненно легче управлять государствомъ, нежели дѣйствовать за-одно съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Его рѣчи объ отвѣтственномъ министерствѣ какъ нельзя болѣе подтверждаютъ наши слова, что на всѣ вопросы Бисмаркъ смотритъ исключительно съ личной точки зрѣнія. Какой бы вопросъ внутренняго устройства ни былъ затронутъ, онъ непремѣнно сведетъ его на свою личность. Онъ былъ бы чрезвычайно удивленъ, еслибы кто-нибудь отвѣчалъ ему на его рѣчи такимъ образомъ: мы вамъ, князю Бисмарку, вполнѣ вѣримъ; мы знаемъ, что все, что вы дѣлаете, все что вы говорите прекрасно, чудесно, и мы вполнѣ убѣждены въ вашей непогрѣшимости, но мы не увѣрены только въ томъ, чтобы вы были безсмертны; мы хотимъ устроить государственное управленіе, не думая о тѣхъ, кто будетъ стоять въ его главѣ; если вы намъ поручитесь, что вы безсмертны, тогда мы готовы отказаться отъ всякихъ плановъ, проектовъ, заботъ о будущемъ! По всей вѣроятности, князь Бисмаркъ пришелъ бы въ нѣкоторое недоумѣніе, какъ ему отвѣчать. Въ его головѣ государственное устройство Германіи и онъ, Бисмаркъ, слились въ одно нераздѣльное цѣлое. Еслибы князь Бисмаркъ имѣлъ передъ собою не только настоящую минуту, но и будущее, то, конечно, на всякое предложеніе объ улучшеніи той или другой части внутренняго устройства Германіи онъ не отвѣчалъ бы съ такою самоувѣренностью:

«правительственная машина, которою мы управляемъ, дѣйствовала въ продолженіи двухъ лѣтъ такъ хорошо ко всеобщему благу, что вамъ почти надоѣло видѣть этотъ механизмъ такъ хорошо дѣйствующимъ. Вы чувствуете потребность вскрыть часы, вынуть одно колесо, чтобы можно было видѣть, не пойдутъ ли часы еще лучше».

Основываясь на такой личной политикѣ можно было бы ожидать, что во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ Бисмаркъ обнаружитъ стремленіе все стягивать въ одни руки, все сводить къ одному лицу, къ одной власти, къ одному мѣсту, однимъ словомъ—стремленіе къ централизаціи. Всѣ государственные дѣятели, обладавшіе такою же деспотическою натурою какъ и Бисмаркъ, всѣ почти были сторонниками централизаціи. Но и тутъ, какъ и во всемъ остальномъ, нѣмецкій канцлеръ не поддается заранѣе составленнымъ опредѣленіямъ, и неожиданно является горячимъ сторонникомъ децентрализаціи. Къ сожалѣнію, этому важному вопросу внутренняго управленія ему не пришлось посвятить ни одной полной рѣчи, и онъ высказывалъ свои мысли по этому поводу только мимоходомъ, говоря о другихъ вопросахъ. Децентрализація служила и продолжаетъ служить для него однимъ изъ сильныхъ орудій умиротворенія земель и населеній, насильственнымъ образомъ присоединенныхъ къ Германіи, и только въ децентрализаціи онъ видитъ залогъ, основу хорошаго внутренняго управленія. Примѣромъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, на которые онъ любитъ ссылаться, доказываетъ онъ необходимость децентрализаціи, обезпечивающей благосостояніе страны. «Бросьте вашъ взоръ, говорилъ онъ, на государства, которыя получили, сравнительно съ ихъ матеріальными силами, большое развитіе, отъ котораго не пострадала ихъ внутренняя свобода — а я думаю, что она вамъ дорога — вы увидите, что эти государства принадлежатъ въ особенности къ исторіи германскихъ расъ, и что онѣ въ основѣ своей имѣютъ, я не скажу федерализмъ, но децентрализацію. Я назову вамъ, какъ поразительный примѣръ, Англію, гдѣ партикуляризмъ прячется въ деревняхъ и графствахъ и не оставляетъ никакого слѣда на географическихъ картахъ, но тамъ господствуетъ децентрализація, на подражаніе которой мы употребляемъ всѣ наши усилія. Посмотрите также на большіе, сильные и могущественные Американскіе Штаты. Смотрятъ-ли тамъ на централизацію, какъ на палладіумъ свободы, какъ на основаніе раціональнаго развитія. Подумайте о Швейцаріи и объ устройствѣ ея кантоновъ»...

Въ виду развитія децентрализаціи, Бисмаркъ уже три года назадъ, въ февралѣ 1870 года, настаивалъ въ прусской палатѣ

господъ на необходимости реформы мѣстнаго самоуправленія, уже три года назадъ онъ говорилъ о той реформѣ, которая только теперь окончательно прошла, вызвавъ всѣмъ извѣстное столкновеніе правительства съ реакціонною палатою господъ. «Въ интересѣ правительства, говорилъ Бисмаркъ, не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его самаго серьёзнаго намѣренія, осуществить реформу въ организаціи округовъ, реформу безусловно необходимую и требуемую вообще общественнымъ мнѣніемъ. Прежде, чѣмъ мы въ состояніи начать въ Пруссіи вводить децентрализацію въ дѣлахъ, мы должны переустроить организацію округовъ». Бисмаркъ еще въ ту эпоху говорилъ, что какихъ-бы усилій ни стоило правительству провести эту реформу, она тѣмъ не менѣе будетъ проведена.

Если въ вопросѣ централизаціи и децентрализаціи Бисмаркъ шелъ въ разрѣзъ съ единственнымъ его основнымъ принципомъ во внутренней политикѣ, принципомъ, выражающимся въ звукѣ: *я*, и въ словахъ: *моя* воля! то въ другомъ вопросѣ, весьма важномъ для хорошаго внутренняго управленія, онъ ломалъ хорошее существующее начало, такъ какъ оно мѣшало разыгрываться личному произволу. Устройство администраціи въ каждомъ государствѣ составляетъ весьма важный вопросъ въ жизни народа. Дурная администрація, невѣжественная бюрократія—это такое зло, отъ котораго не легко отдѣлаться. Разъ утвердившись, эта бюрократія сосетъ, сосетъ, сосетъ безъ конца. Пруссія всегда хвалилась своею администраціею, она была, такъ сказать, ея гордостью. Строгіе экзамены, пройти черезъ которые было необходимостью, чтобы получить мѣсто, новые экзамены для полученія высшаго мѣста почитались одною изъ гарантій хорошаго состава администраціи. Произволъ, протекція, пріятельство, играющіе часто важную роль при назначеніи на мѣста и благодаря которымъ сплошь и рядомъ на довольно видныхъ мѣстахъ являются весьма странные люди,—въ Пруссіи, вслѣдствіе установленныхъ экзаменовъ, значительно лишались своей силы. Но Бисмаркъ видѣлъ въ подобномъ устройствѣ администраціи только одно: ограниченіе власти, личной воли, и потому онъ объявилъ подобное устройство никуда негоднымъ. Бисмаркъ высказывалъ по поводу этого вопроса мысль, которая не могла быть пріятна сердцу нѣмецкихъ патріотовъ, гордившихся своею администраціею. Если до сихъ поръ смотрѣли на организацію администраціи, какъ на основаніе величія прусской монархіи, то это, по мнѣнію Бисмарка, большая ошибка. «Согласно моему личному убѣжденію, говорилъ онъ, я утверждаю, что если Пруссія могла найти свою дорогу и пройти

ее такъ, какъ она прошла на нашихъ глазахъ, то это случилось *несмотря* на организацію администраціи»... Королевская власть, утверждалъ Бисмаркъ, не должна быть стѣснена какими-то экзаменами въ назначеніи тѣхъ или другихъ лицъ. «Я не могу не возставать противъ стѣсненія, говорилъ онъ отъ имени правительства, которое тѣмъ болѣе невозможно допустить, что правительство во всякомъ случаѣ отвѣтственно за всѣхъ своихъ чиновниковъ, а между такою отвѣтственностью и подобнымъ стѣсненіемъ, особенно въ конституціонномъ государствѣ, существуетъ явная несовмѣстность». Конечно, еслибы кто-нибудь спросилъ Бисмарка, передъ кѣмъ отвѣтственна верховная власть, о которой онъ говоритъ, то едва ли онъ съумѣлъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Онъ повторялъ фразу Наполеона III объ отвѣтственности правительства и его главы. Законъ объ испытаніяхъ для полученія мѣста заключаетъ въ себѣ большую нравственную силу. Предоставить назначить на какія угодно мѣста безъ испытаній, когда захочется то правительству, значитъ не только лишить законъ всякой нравственной силы, но еще обратить его въ орудіе неравенства, протекціи и т. п. Бисмаркъ, безъ сомнѣнія, сознавалъ это, но онъ сознавалъ вмѣстѣ, что подобный законъ связываетъ ему руки, служитъ помѣхой власти, и въ силу этого онъ возстаетъ противъ него.

Такимъ образомъ во всѣхъ вопросахъ внутренней политики онъ руководится не какою-нибудь системою управленія, не какимъ-нибудь принципомъ, а исключительно однимъ: желаніемъ, чтобы ничто не мѣшало личной власти, чтобы всегда у этой власти были развязаны руки.

До сихъ поръ мы касались воззрѣній князя Бисмарка только и исключительно на такіе вопросы внутренняго управленія, которые по преимуществу могутъ быть названы вопросами политическими. Но кромѣ этихъ вопросовъ есть еще и другіе, не менѣе важные,—вопросы экономическіе, нравственные, о которыхъ мы не сказали ни слова, и къ сожалѣнію, не можемъ сказать очень много. Только весьма немногія, сравнительно, рѣчи нѣмецкаго канцлера посвящены этимъ вопросамъ, да и въ этихъ немногихъ рѣчахъ политическія цѣли до такой степени обусловливаютъ воззрѣнія на нихъ Бисмарка, что на вопросъ, какъ смотритъ замѣчательный государственный человѣкъ Германіи на экономическія стороны внутренняго управленія, какъ-то: на систему налоговъ, на рабочій вопросъ, на развитіе въ Германіи соціальной агитаціи, какъ смотритъ онъ на вопросы нравственные, къ которымъ мы отнесемъ вопросъ о свободѣ религіи, народнаго

просвѣщенія, системы наказаній и т. п.,—мы едва-ли въ состояніи дать обстоятельный отвѣтъ. Но при всемъ томъ, какъ ни бѣденъ этотъ отдѣлъ рѣчей князя Бисмарка, постараемся все-таки подвести итогъ его воззрѣніямъ.

Финансовыя воззрѣнія князя Бисмарка обрисовываются въ его рѣчахъ, посвященныхъ прусскимъ и федеральнымъ финансамъ, а также въ тѣхъ мѣстахъ его рѣчей, гдѣ онъ высказываетъ свои мысли по поводу различныхъ налоговъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей, относящихся еще къ первому періоду, Бисмаркъ припоминалъ, что «прусскій король никогда не былъ по преимуществу королемъ богатымъ». Онъ приводитъ также слова Фридриха II-го, который, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, т.-е. въ этомъ обыкновенномъ періодѣ высшаго развитія либерализма будущихъ королей, говорилъ: «Quand je serai roi, je serai un vrai roi des gueux»! и нѣмецкій канцлеръ, подтверждая какъ бы эти слова, прибавлялъ, что «этому принципу прусскіе короли всегда оставались вѣрны». Фридрихъ II, ужъ если цитировать его, говорилъ также, что обязанность правителя заключается въ томъ, чтобы какъ можно чаще думать о положеніи бѣднаго народа, и рекомендовалъ тѣмъ, которые стоятъ во главѣ управленія страною почаще «становиться въ положеніе крестьянина и фабричнаго, и спрашивать себя: еслибы я родился въ средѣ этихъ людей, для которыхъ весь капиталъ это ихъ руки, что бы я требовалъ отъ правителя? То, что здравый смыслъ въ такомъ случаѣ указалъ бы ему,—его обязанность привести въ исполненіе». Но какъ самъ Фридрихъ II не слѣдовалъ вовсе собственнымъ указаніямъ и напротивъ всячески содѣйствовалъ обогащенію дворянства въ ущербъ неимущимъ классамъ, изъ которыхъ войны высасывали послѣднюю кровь вмѣстѣ съ послѣдними крохами ихъ добра, точно также и Бисмаркъ въ той системѣ налоговъ, которую онъ рекомендуетъ, развиваетъ мысль, что самые выгодные налоги, это тѣ, которые падаютъ на массу народа, и что налоги, спеціально направленные на богатыхъ, въ сущности самые вздорные, мало приносящіе дохода, и потому эти налоги должны быть оставлены въ сторонѣ. Исходя отсюда Бисмаркъ, когда явилась необходимость установить новые налоги, настаивалъ на такихъ, которые всею тяжестью должны были падать на неимущіе классы, какъ-то налогъ на спиртные напитки, на соль и т. п. Бисмаркъ лучшими налогами считаетъ косвенные, а не прямые налоги. Прямые слишкомъ «грубо» падаютъ на облагаемыхъ, высказываетъ онъ. О томъ налогѣ, который въ настоящее время признается лучшими умами самымъ справедливымъ налогомъ, о томъ, который долженъ быть

введенъ во всѣхъ государствахъ и въ пользу котораго высказались наши земства, именно подоходномъ налогѣ Бисмаркъ весьма невысокаго мнѣнія. Это, по его мнѣнію, налогъ самый вздорный, о которомъ не должно быть и рѣчи. Свои финансовыя воззрѣнія, сводящіяся къ наибольшему обложенію неимущихъ и къ наименьшему имущихъ, Бисмаркъ впрочемъ не облекаетъ въ грубую, рѣзкую форму. Никто такъ искренно не принимаетъ къ сердцу интереса неимущихъ классовъ, онъ вполнѣ раздѣляетъ тѣ воззрѣнія, которыя высказывалъ Фридрихъ II, но онъ только, если вполнѣ довѣрять его словамъ, трезво смотритъ на вещи и терпѣть не можетъ сантиментальничать съ народомъ. Говорить о томъ, что налоги падаютъ всею тяжестью на бѣдныхъ и нисколько не обременяютъ богатыхъ, это значитъ, какъ говоритъ князь Бисмаркъ, только возбуждать одинъ классъ противъ другого. «Чтó дѣлалъ, спрашиваетъ нѣмецкій канцлеръ, какъ не возбуждалъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, тотъ депутатъ, который, критикуя налоги на спиртные напитки, «указывалъ, съ одной стороны, на ничтожную долю обложенія, которая упадаетъ на бароновъ финансовъ, какъ онъ называетъ ихъ, въ налогахъ съ желѣзныхъ дорогъ, и съ другой стороны выставилъ, какъ каждый изъ такихъ налоговъ обременяетъ, говоритъ онъ, извѣстныя категоріи рабочихъ, путешествующихъ въ четвертомъ классѣ. Неужели г. депутатъ не чувствовалъ, что говоря такимъ образомъ онъ дѣлалъ именно то, что осуждалъ самъ такъ строго и такъ справедливо? Таково было мое впечатлѣніе, продолжаетъ Бисмаркъ, и я просилъ бы васъ устранить подобнаго рода аргументы. Если есть нѣсколько лицъ дѣйствительно чрезвычайно богатыхъ, то я могу только сожалѣть, что есть немного такихъ, такъ какъ налогъ на доходъ доставилъ бы тогда дѣйствительно большія средства, и мы бы не были поставлены въ необходимость облагать источники матеріальныхъ удовлетвореній, которые мы съ такимъ удовольствіемъ предоставили бы бѣднымъ. Большія состоянія, къ несчастью, слишкомъ рѣдки, чтобы подоходный налогъ могъ доставить важные результаты». Устраняя подоходный налогъ, какъ такой, который не можетъ доставить необходимыхъ средствъ, Бисмаркъ приходитъ къ выводу о необходимости усилить тѣ косвенные налоги, которые всею тяжестью падаютъ на неимущіе классы. Свои воззрѣнія онъ облекаетъ въ самую либеральную форму, хотя и весьма рѣзко нападаетъ на тѣхъ, которые слишкомъ много толкуютъ о бѣдности народа.

«Цѣль, говоритъ онъ,—которую каждый изъ насъ имѣетъ передъ собою—это организовать налоги такимъ образомъ, чтобы они доставляли одинаковую сумму съ наименьшимъ обремененіемъ пла-

тельщиковъ. Весь вопросъ заключается въ томъ, какіе же налоги обладаютъ этою добродѣтелью. Во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ для неимущихъ классовъ, это не прямые налоги; человѣкъ, который имѣетъ сто тысячъ талеровъ годового дохода, можетъ при случаѣ заплатить 80 процентовъ; но есть другія лица, которыя не всегда имѣютъ средства заплатить подушную подать—эту последнюю ступень въ классификаціи налога. Я не причисляю прямыхъ налоговъ, которые тяготѣютъ на плательщикѣ съ извѣстною грубостью, имѣетъ ли онъ состояніе или нѣтъ—къ числу легкихъ налоговъ. Я не могу точно также считать таковыми тѣ, которые падаютъ на первыя потребности жизни, на хлѣбъ и на соль; и еслибы я сталъ рисовать передъ вами картину, какъ жестоко лишать бѣдняка его трубки и подкрѣпляющаго силы напитка, и еслибы я говорилъ такимъ образомъ, зная хорошо, что я продолжаю требовать у бѣдняка подушную подать и налогъ на хлѣбъ, я былъ бы достаточно честенъ передъ моею совѣстью, чтобы спросить себя, съ какою цѣлью я прибѣгаю къ этому лицемѣрному сантиментальничанью».

Однимъ словомъ, и въ этомъ вопросѣ, вопросѣ о налогахъ, какъ и во всякомъ другомъ, о которомъ высказывался Бисмаркъ, на первомъ планѣ стоитъ у него политическая цѣль—устройство сильнаго государства, достигнуть которой онъ рѣшился какою-бы ни было цѣною. Во всемъ, что хотя косвенно касалось этой цѣли,— а у Бисмарка все касалось ея,—онъ уже не видѣлъ ничего другого. Какой-бы вопросъ ни возникалъ передъ нимъ, онъ смотрѣлъ на него непремѣнно съ точки зрѣнія этой цѣли, осуществить которую взялся онъ, князь Бисмаркъ, а слѣдовательно онъ и вправѣ топтать все, что становится помѣхой для него, а слѣдовательно и для его цѣли. Такимъ образомъ, эту цѣль вводилъ онъ во всѣ свои рѣчи, и въ рѣчахъ, посвященныхъ финансамъ государства, новымъ налогамъ, онъ цѣлую половину посвящаетъ чистой политикѣ. Его финансовыя рѣчи пересыпаны подобными вставками: «Я говорю, что ваша дѣйствительная критика, которая заключается въ томъ, чтобы отнимать у насъ необходимыя средства для управленія, въ такомъ только случаѣ можетъ быть оправдана, если вы готовы заступить мое мѣсто и управлять сами страною съ тѣми самыми средствами, которыя вы признаете достаточными для меня. Когда вы будете на томъ мѣстѣ, на которомъ нахожусь я, господа, говорилъ Бисмаркъ, вызывая на сцену грозный призракъ внѣшняго врага, нападающаго на Германію, тогда я желалъ бы посмотрѣть на того, который будетъ имѣть смѣлость взять на себя отвѣтственность обезоруженія нашей страны въ эту минуту и

отнять у націи ту гарантію мира, которая заключается въ ея собственной силѣ. Въ другой странѣ, и съ оффиціальнаго мѣста,— припоминалъ Бисмаркъ въ 1869-мъ году слова, произнесенныя маршаломъ Ніэлемъ,—было сказано: «Миръ Европы покоится на шпагѣ Франціи». Я ссылаюсь буквально на эти слова, чтобы самому ни слова не сказать о предметѣ, о которомъ я говорю весьма неохотно; но что эти слова, примѣненныя къ каждому государству, что каждое государство, ревнивое къ своей чести и къ своей независимости, должно также имѣть сознаніе, что его миръ и его безопасность покоятся на *собственной шпагѣ*, справедливы — я думаю, господа, что въ этомъ мы всѣ согласны.» Вотъ та точка зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на финансы, на введеніе тѣхъ или другихъ налоговъ, точка зрѣнія, имѣющая весьма мало общаго съ какою-нибудь финансовою системою, проводимою государственнымъ человѣкомъ.

Тяжелъ или легокъ какой-нибудь налогъ, Бисмаркъ рѣшалъ смотря потому, въ какой мѣрѣ онъ нуждался въ средствахъ. Мы видѣли, напр., что разсуждая о налогѣ на спиртные напитки, онъ признавалъ весьма тяжелымъ налогомъ—налогъ на соль. Но проходитъ два-три года, и для Бисмарка тотъ же самый налогъ на соль въ 1872 году кажется уже не только не тяжелымъ, но легкимъ налогомъ, весьма мало обременяющимъ неимущіе классы. Въ это время онъ уже разсуждаетъ о налогѣ на соль такъ, какъ онъ разсуждалъ о налогѣ на спиртные напитки, и мы приведемъ образчикъ его разсужденій не для того, конечно, чтобы показать какъ думаетъ князь Бисмаркъ именно объ этомъ налогѣ, а для того, чтобы вообще показать его манеру относиться къ финансовымъ вопросамъ. «Налоги всѣ непріятны, всѣ тяжелы, говорилъ князь Бисмаркъ; они обладаютъ тѣмъ печальнымъ свойствомъ, что только тѣ, которые платятся большою массою бѣдными, наполняютъ въ концѣ концовъ кассу министра финансовъ, такъ какъ богатые не столь многочисленны, чтобы имѣть возможность имъ однимъ пополнить цифру доходовъ». Подобнымъ же образомъ разсуждаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ: «Всегда, говоритъ онъ, налогъ, въ которомъ имперія наиболѣе нуждается, всегда представляютъ такою тяжестью, которая особенно подавляетъ бѣдныхъ людей. Когда въ залѣ Dönhofplatz'а обсуждали налогъ на табакъ, я помню, что тогда «трубка бѣдняка» играла большую роль. Точно также, когда обсуждали налогъ на петроль, ту же роль играло освѣщеніе бѣдняка; но до тѣхъ поръ, пока мы не облагаемъ хлѣбъ и говядину, я могу сказать, что въ моихъ глазахъ такая система разсужденій принадлежитъ къ области политическаго лицемѣрія, которую на по-

литической почвѣ позволяешь при надобности употреблять самому себѣ, и которую уступаешь другимъ... Господа, вы видите, съ откровенностью прибавилъ Бисмаркъ, я не исключаю и самого себя.» Съ народомъ сантиментальничать не слѣдуетъ; говорить, что онъ платитъ слишкомъ много налоговъ, это значитъ политически лицемѣрить; платить, конечно, можетъ быть и непріятно для народа, но онъ долженъ платить, на него должна падать главная тягость налоговъ, такъ какъ обложеніе богатыхъ принесло бы слишкомъ мало доходовъ—вотъ разсужденіе князя Бисмарка.

Бисмаркъ, впрочемъ, не всегда относится къ народу, къ неимущимъ классамъ, съ такою холодностью и какъ бы безчувственностью. Когда ему нужно для какихъ-нибудь спеціальныхъ цѣлей, какъ напр., унизить въ глазахъ страны депутатовъ и возвысить себя и министерство, онъ находитъ въ себѣ самыя чувствительныя струны, самыя нѣжныя слова для выраженія своей симпатіи къ рабочимъ классамъ. «На томъ мѣстѣ, на которомъ я нахожусь,—говоритъ онъ въ одной рѣчи, посвященной положенію рабочихъ,—мы не привыкли смотрѣть какъ на игру на жалобы бѣднаго люда, мы не привыкли отталкивать ихъ съ предвзятымъ намѣреніемъ, какъ бы можетъ быть того хотѣлось богатымъ, противъ которыхъ раздаются эти жалобы». При этомъ Бисмаркъ увѣряетъ, что королевская власть, уничтожившая крѣпостное право, надѣется точно также улучшить положеніе рабочаго класса, составляющаго постоянный предметъ ея заботливости, и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что хотя жалобы рабочихъ до извѣстной степени и основательны, но все-таки въ этихъ жалобахъ сильно преувеличиваются бѣдствія рабочаго класса. «Тотъ, который проситъ помощи, всегда наклоненъ представлять свое положеніе насколько возможно въ мрачномъ видѣ и нужду свою изображать въ самыхъ яркихъ краскахъ», но когда «крикъ отчаянія и нищеты клеймится словомъ ложь», то слово это «мнѣ кажется, прибавляетъ Бисмаркъ, слишкомъ жесткимъ». Но мы уже знаемъ, что всѣ великодушныя чувства по отношенію къ народу, всякое заступничество за его бѣдственное положеніе Бисмаркъ называетъ политическимъ лицемѣріемъ, и потому мы не чувствуемъ особеннаго расположенія смотрѣть, какъ на нѣчто серьёзное, на его выраженія симпатіи къ рабочимъ классамъ.

Признавая, что «бѣдствія рабочихъ проистекаютъ изъ общаго соціальнаго положенія рабочаго сословія, взятаго въ цѣломъ», Бисмаркъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ свое полное одобреніе всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя предпринимались и предпринимаются, чтобы не допускать рабочіе классы выяснять свое положеніе и

самимъ позаботиться объ улучшеніи своего быта. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Бисмаркъ и на весь народъ, какъ и на все остальное, смотритъ съ точки зрѣнія своей цѣли, которой мѣшаетъ всякая внутренняя агитація, на какой бы законной почвѣ она ни стояла. Соціальнаго вопроса для Бисмарка не существуетъ, изъ-за своихъ политическихъ цѣлей онъ не въ состояніи разглядѣть его.

Тотъ же политическій вопросъ, та же политическая цѣль обусловливали воззрѣнія Бисмарка и на другія стороны народной жизни, стороны нравственныя. Въ сферѣ нравственной одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно занимаетъ вопросъ религіозный. Какъ же Бисмаркъ смотритъ на него? «Власть правителя не простирается на образъ мыслей гражданъ. Нужно быть совершенно безумнымъ, чтобы представить себѣ людей, которые, обратившись къ одному человѣку, сказали бы ему: мы васъ ставимъ надъ нами, потому что мы любимъ рабство, и мы предоставляемъ вамъ власть управлять по вашему усмотрѣнію нашими мыслями? Они напротивъ сказали бы: мы нуждаемся въ васъ, чтобы поддерживать законы, которымъ мы хотимъ повиноваться, чтобы вы управляли нами разумно, чтобы вы защищали насъ: во всякомъ случаѣ мы требуемъ, чтобы вы уважали нашу свободу. Вотъ какое рѣшеніе было постановлено; оно безаппелляціонно, и эта терпимость такъ выгодна обществу, гдѣ она установлена, что она составляетъ счастіе государства. Когда вѣроисповѣданіе свободно, все спокойно, въ то время, какъ преслѣдованія даютъ поводъ къ самымъ кровавымъ религіознымъ распрямъ, самымъ гибельнымъ и разрушительнымъ». Въ отношеніи этой свободы вѣроисповѣданій, свободы совѣсти, которую проповѣдуетъ другъ и ученикъ Вольтера, Бисмаркъ строго слѣдуетъ указанію Фридриха II. Онъ высказывается рѣшительно въ пользу этого единственно разумнаго принципа, говоря: «Я вполнѣ соглашаюсь съ принципомъ, что всякое исповѣданіе должно пользоваться полною свободою дѣйствій, полною свободою вѣрованія». Пусть каждый гражданинъ государства вѣритъ во что онъ хочетъ, пусть онъ молится какому хочетъ Богу, пусть онъ ни во что не вѣритъ и принадлежитъ къ такъ-называемымъ свободнымъ мыслителямъ, до тѣхъ поръ, пока онъ своимъ вѣрованіемъ или безвѣріемъ не стѣсняетъ свободу другихъ лицъ, до тѣхъ поръ государство обязано защищать его, потому что государство не можетъ и не должно имѣть власти, какъ выражался Фридрихъ II, надъ совѣстію и мыслями гражданъ. Бисмаркъ вполнѣ соглашается съ этимъ началомъ, которое, объявляетъ онъ, служитъ его исходною точкою въ религіозныхъ вопросахъ.

«Всякій догматъ, хотя бы мы и не вѣрили и не признавали его, но котораго держатся милліоны и милліоны гражданъ страны, долженъ быть священъ для ихъ согражданъ и для правительства. Но мы не можемъ допустить, съ рѣшительностью произноситъ Бисмаркъ, чтобы духовная власть присвоивала себѣ право, на которое она претендуетъ, право владѣть частью государственной власти, и насколько она обладаетъ этимъ правомъ, мы вынуждены, въ интересахъ спокойствія, ограничить ее, чтобы мы могли жить рядомъ другъ съ другомъ, чтобы мы не враждовали другъ съ другомъ, наконецъ, чтобы мы по возможности менѣе вынуждены были безпокоиться здѣсь о теологіи».

Но какъ бы сильны ни были эти рѣчи, въ нихъ слышится постоянно то же, что и во всѣхъ остальныхъ рѣчахъ князя Бисмарка. Онѣ не вызваны глубокимъ убѣжденіемъ въ справедливости и полезности этого принципа; свобода религіи, отдѣленіе церкви и государства не то, чего желаетъ достигнуть Бисмаркъ, эти вопросы являются у него не цѣлію, а средствомъ — средствомъ разбить на-голову своихъ политическихъ враговъ, нанести вѣскій ударъ образовавшейся коалиціи католико-феодально-польской. Однимъ словомъ, и тутъ воззрѣніе его на свободу религіи, на права церковной власти обусловливается не убѣжденіемъ въ правотѣ извѣстнаго принципа, а исключительно пользою, выгодою политическою, которую онъ желаетъ извлечь изъ проведенія въ политическую жизнь подобнаго принципа. Онъ встрѣтился тутъ съ Фридрихомъ II не потому, чтобы въ этомъ вопросѣ онъ былъ такимъ же послѣдователемъ и защиткомъ свободы совѣсти, какимъ былъ прусскій король-философъ, а только потому, что эта свобода подошла, такъ сказать, подъ его политическія стремленія. Въ противномъ случаѣ, Бисмаркъ разсуждалъ бы иначе, и вотъ тому доказательство: «Когда я возвратился изъ Франціи, говорилъ Бисмаркъ въ январѣ 1872 года, я былъ подъ тѣмъ впечатлѣніемъ и питалъ вѣру, что въ католической церкви правительство найдетъ себѣ помощь, быть можетъ помощь нѣсколько неудобную, и пользоваться которою нужно было бы съ осторожностою. Я тревожился вопросомъ, какъ мы примемся за дѣло, видя передъ собою друзей нѣсколько требовательныхъ, когда вопросъ идетъ объ удовлетвореніи ихъ съ политической точки зрѣнія, какъ мы поступимъ, чтобы жить съ ними въ тѣсной дружбѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ не отдѣляться отъ большинства страны. Этотъ вопросъ былъ у меня на первомъ планѣ каждый разъ, что я думалъ о внутреннихъ дѣлахъ. Я былъ въ дѣйствительности удивленъ, когда я увидѣлъ ту позицію, которую

заняла мобилизованная армія этой партіи. Но я тщательно воздерживался отъ того, чтобы что-либо сказать по этому поводу въ первомъ рейхстагѣ; вопросъ, говорилъ я себѣ, слишкомъ важенъ, подождемъ, посмотримъ, какъ станетъ эта партія развиваться, другъ она намъ или недругъ, и я молчалъ». Бисмаркъ надѣялся, что эта строгая католическая партія окажетъ ту помощь, которая «воздастъ цесарю цесарево», и что она будетъ содѣйствовать укрѣпленію въ низшихъ слояхъ чувства преданности и уваженія къ правительству. Бисмаркъ былъ пораженъ, какъ онъ сознается и самъ, что эта католическая партія, вмѣсто того, чтобы поддерживать въ народѣ любовь къ правительству, вдругъ обрушилась на него и всячески начала стараться подрывать въ глазахъ народа правительственный авторитетъ, строго критикуя каждое его дѣйствіе, каждый поступокъ, проливая свѣтъ на то, «въ чемъ можно упрекнуть наше правительство, какъ каждое правительство, въ виду того, что въ человѣческихъ дѣлахъ нѣтъ совершенства». Съ этой минуты, когда Бисмаркъ убѣдился во враждебныхъ чувствахъ этой партіи, дѣло католической церкви было рѣшено. «Я всегда считалъ хорошимъ принципъ быть другомъ друга, и если не врагомъ врага, то противникомъ противника». Этотъ принципъ примѣненъ нѣмецкимъ канцлеромъ и въ католическомъ вопросѣ, и въ умѣ его было—нанести ударъ католицизму.

Лучшимъ ударомъ католицизму могла быть реформа народнаго образованія, а именно, законъ о надзорѣ за народными школами, которому Бисмаркъ и посвятилъ нѣсколько рѣчей. Какъ въ вопросѣ свободы религіи, отдѣленія церкви и государства, онъ становится на чисто практическую почву и разсматриваетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія борьбы партіи, съ точки зрѣнія усиленія правительственной власти и пораженія клерикальной оппозиціи, точно также и на вопросъ о народномъ образованіи онъ смотритъ исключительно съ узкой точки зрѣнія побѣды надъ выжившимъ изъ ума клерикализмомъ. Въ обсужденіи этого вопроса онъ не вноситъ широкаго плодотворнаго взгляда, онъ не бьетъ своихъ противниковъ преимуществомъ принципа свѣтскаго образованія передъ принципомъ клерикальнаго; нѣтъ, всѣ свои аргументы онъ черпаетъ въ необходимости вырвать сильное оружіе анти-правительственной пропаганды изъ рукъ своихъ противниковъ. И тутъ мы должны сказать еще разъ то же, что говорили уже нѣсколько разъ: сильный государственный умъ, пролагающій новые пути, богатый идеями, поставилъ бы этотъ вопросъ, въ виду той же борьбы, на совершенно иную почву. Та-

кой же практическій государственный человѣкъ, какъ Бисмаркъ, откровенно говоритъ, какая причина заставляетъ его желать отнять у духовенства его всемогущество въ дѣлѣ первоначальнаго образованія: «Мы требуемъ практическаго оружія для защиты; принципы въ подобномъ вопросѣ скорѣе разъединяютъ, нежели соединяютъ». Итакъ, принципъ въ сторону, важно только «практическое оружіе» въ борьбѣ съ новымъ для современной Германіи врагомъ.

Въ заключеніе обзора рѣчей князя Бисмарка, касающихся внутренней политики, остановимся еще на одномъ вопросѣ изъ области нравственныхъ интересовъ государства и посмотримъ, что думаетъ о немъ знаменитый канцлеръ нѣмецкой имперіи. Мы подразумѣваемъ вопросъ о смертной казни, вызвавшій въ рейхстагѣ такія оживленныя пренія и рѣшенный имъ не въ смыслѣ прогресса, исключительно благодаря вліянію Бисмарка. На этомъ вопросѣ тѣмъ болѣе слѣдуетъ остановиться, что рѣчь нѣмецкаго канцлера принадлежитъ къ лучшимъ его рѣчамъ въ отношеніи силы и ораторскаго искусства, хотя съ воззрѣніями князя Бисмарка въ этомъ вопросѣ еще менѣе можно согласиться, чѣмъ со всѣми остальными его идеями. Бисмаркъ, мы видѣли, вообще терпѣть не можетъ обобщеній, развитія идей; онъ предпочитаетъ въ каждомъ вопросѣ замыкаться въ тѣсныя рамки, указываемыя политическою пользою или политическимъ вредомъ, проистекающимъ изъ того или другого взгляда, того или другого рѣшенія. Но въ рѣчи, посвященной смертной казни, князь Бисмаркъ нѣсколько отступаетъ отъ своей обычной манеры и вдается въ такія общія разсужденія, которыя проливаютъ свѣтъ на самыя сокровенныя философскія воззрѣнія князя Бисмарка о жизни, безсмертіи души и т. п. Его философія скудная, бѣдная, но принаровленная къ его практическимъ политическимъ воззрѣніямъ, далеко, однако, не лишена интереса.

Во время обсужденія въ рейхстагѣ сѣверо-германскаго уголовнаго кодекса, двое депутатовъ внесли предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни. Значительное большинство было расположено принять это предложеніе, противъ котораго рѣшительно возсталъ федеральный совѣтъ, хотя и тутъ были голоса, требовавшіе исключенія смертной казни изъ системы наказаній. Большинство же федеральнаго совѣта, въ которомъ Пруссія имѣетъ такое преобладающее значеніе, ни подъ какимъ условіемъ не желало допустить такой отмѣны, точно опасаясь, что уничтоженіе смертной казни подвергнетъ государство неминуемому разрушенію. Бисмаркъ явился въ рейхстагѣ представителемъ этого большинства и

пустилъ въ ходъ всю силу своего убѣжденія, всѣ свои привычные пріемы и уловки, чтобы восторжествовать надъ оппозиціоннымъ большинствомъ рейхстага. Стóитъ ли такъ много говорить, стóитъ ли подымать такой шумъ изъ-за смертной казни — вотъ первый вопросъ, которымъ задается Бисмаркъ. «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что противники смертной казни преувеличиваютъ цѣну, которую они даютъ жизни, и важность, которую они приписываютъ смерти». Бисмаркъ держится того воззрѣнія, которое такъ давно уже выражено было стихами нашего поэта:

> А жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
> Какая пустая и глупая шутка!

и которое въ болѣе серьёзной формѣ отлилось въ той нѣмецкой философіи отчаянія, которую такъ недавно проповѣдывалъ Гартманъ въ своемъ сочиненіи, получившемъ громкую извѣстность. Жизнь въ сущности вздоръ, о которомъ вовсе не стóитъ такъ много заботиться; посмотрите, сколько людей умираетъ на фабрикахъ, заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. п., и однако никто не приходитъ въ отчаяніе, никто даже не говоритъ объ этомъ, всѣ считаютъ, что это въ порядкѣ вещей. «У васъ подымаются какія-то угрызенія въ такое время, которое не обладаетъ вообще сердцемъ, слишкомъ чувствительнымъ къ человѣческой жизни. Сколько существованій ставится на карту ради удобствъ общества, ради потребностей промышленности. Сколько случаевъ смерти вслѣдствіе взрывовъ паровыхъ машинъ, сколько въ рудникахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на фабрикахъ, гдѣ ядовитые пары разрушаютъ здоровье работника, и все-таки никому не приходитъ на умъ, ради сохраненія человѣческой жизни, наложить запрещеніе на тѣ услуги, которыя оказываются этими отраслями промышленности удобству и благосостоянію общества». Тутъ, очевидно, логика нѣсколько измѣняетъ нѣмецкому министру, потому что иначе для него было бы ясно, что онъ сравниваетъ вещи совершенно неудобосравнимыя.

Изъ вѣры въ будущую жизнь Бисмаркъ дѣлаетъ аргументъ въ пользу смертной казни. Жизнь земная пустяки, онъ не ставитъ ее ни въ грошъ, но онъ цѣнитъ очень высоко жизнь на небѣ, которую нельзя отнять у человѣка. Еслибы земную жизнь онъ также чтилъ какъ небесную, то тогда, по всей вѣроятности, Бисмаркъ не былъ бы такимъ горячимъ сторонникомъ смертной казни. «Я понимаю, говоритъ онъ, что тотъ, кто не вѣритъ въ продолженіе человѣческаго существованія послѣ тѣлесной смерти, считаетъ смертную казнь болѣе строгою, нежели она является въ

глазахъ человѣка, сохраняющаго вѣру въ безсмертіе души, дарованную ему Богомъ; но ближе изслѣдуя этотъ вопросъ—даже съ первой точки зрѣнія, я съ трудомъ могу допустить различіе воззрѣній. Для того, кто лишенъ этой вѣры—что касается до меня, я храню ее въ моемъ сердцѣ—что смерть есть только переходъ изъ одной жизни въ другую, и что мы можемъ даже самому закоренѣлому преступнику, на краю могилы, дать утѣшительное обѣщаніе: mors janua vitae,—для того, говорю я, который не раздѣляетъ этого вѣрованія, радости жизни должны имѣть такую цѣну, что я почти завидую тѣмъ ощущеніямъ, которыя онѣ ему доставляютъ...» Изъ этого разсужденія, повидимому, Бисмаркъ долженъ былъ сдѣлать заключеніе, что для такого человѣка смертная казнь представляется дѣйствительно какимъ-то поруганіемъ надъ всѣмъ, что для него дорого; но такъ разсуждалъ бы простой смертный, князь же Бисмаркъ дѣлаетъ иной выводъ: для сохраненія всѣхъ благъ жизни приходится такъ много тратить заботы, труда, что имѣя «убѣжденіе, что съ тѣлесною смертью навсегда оканчивается его личное существованіе», жизнь вовсе не заслуживаетъ того, чтобы ее стоило жалѣть. Однимъ словомъ, разсужденія Бисмарка о земной и небесной жизни, по примѣненію къ смертной казни, сводятся къ слѣдующему: если существуетъ небесная жизнь, въ чемъ нельзя сомнѣваться, тогда нечего страшиться смертной казни, такъ какъ преступнику оставляется лучшая, будущая жизнь; если же существованіе человѣка оканчивается на землѣ, тогда тѣмъ нечего бояться смертной казни, такъ какъ отнять у человѣка всѣ радости жизни и оставить ему одно только жалкое существованіе въ тѣсномъ казематѣ тюрьмы—это еще болѣе жестоко, чѣмъ отнять у человѣка вовсе жизнь! Если бы тутъ шелъ вопросъ объ аргументахъ pro и contra смертной казни, а не излагалось только воззрѣніе князя Бисмарка на этотъ важный вопросъ, тогда противъ довода нѣмецкаго канцлера можно было бы привести самый простой и элементарный доводъ, заимствованный изъ опыта жизни. Ему можно было бы предложить спросить у любого приговореннаго къ смертной казни, желаетъ ли онъ, чтобы смерть замѣнена ему была пожизненнымъ заключеніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ тысячи случаевъ, девятьсотъ девяносто-девять разъ князь Бисмаркъ услышалъ бы въ отвѣтъ: да!

Но Бисмаркъ никогда особенно не цѣнилъ человѣческой жизни, а потому, защищая смертную казнь, онъ остается довольно послѣдователенъ самому себѣ. Ему мало защищать ее, онъ обвиняетъ всѣхъ, кто возстаетъ противъ нея, въ «фальшивомъ сантименталь-

ничаньи», въ «болѣзненной тенденціи» болѣе заботиться объ огражденіи противъ несправедливости «преступника, нежели его жертвы». Бисмаркъ не допускаетъ аргумента противниковъ смертной казни, утверждающихъ, что смертная казнь вовсе не устрашаетъ, и что въ то время, когда свирѣпствовала самая разнообразная смертная казнь, преступленія совершались гораздо чаще, чѣмъ потомъ, когда примѣненіе ея стало ослабѣвать. «Увѣрены ли вы въ томъ, господа, спрашиваетъ Бисмаркъ, обращая аргументъ противниковъ въ свою пользу, что уменьшеніе, которое произошло въ цифрѣ преступленій, не было послѣдствіемъ строгости, съ которою въ продолженіе вѣковъ уголовное правосудіе отправляло право наказывать?» Когда онъ произнесъ эти слова, въ залѣ раздались возгласы: фи! «Такіе вопросы, возражалъ Бисмаркъ, должны быть разъясняемы научнымъ образомъ, они будутъ разрѣшены не грубостью какого-нибудь фи!» Но вмѣсто научныхъ аргументовъ въ пользу сохраненія смертной казни, онъ приводитъ только одинъ вѣскій, такой, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на рѣшеніе вопроса о смертной казни. Аргументъ этотъ слѣдующій: если вы вычеркнете смертную казнь изъ сѣверо-германскаго кодекса, то онъ не будетъ принятъ федеральнымъ совѣтомъ, и тогда Германія лишится выгоды обладать единымъ, образцовымъ уголовнымъ кодексомъ!

Бисмаркъ въ своей борьбѣ за смертную казнь имѣлъ одно преимущество надъ своими противниками. Это преимущество заключалось въ непослѣдовательности послѣднихъ. Или признавать смертную казнь, или не признавать. Если не признавать, то не признавать рѣшительно, безъ исключеній, не допуская никакихъ особенныхъ случаевъ, которые дозволяли бы отступать отъ принципа. Противники же смертной казни въ рейхстагѣ допускали извѣстныя исключенія, и потому Бисмаркъ былъ какъ бы правъ, когда говорилъ: «Что сами противники смертной казни не подвергаютъ сомнѣнію ея дѣйствительной силы, спасительнаго впечатлѣнія, производимаго ею ради огражденія мирныхъ гражданъ, —доказательство тому, что вы сами желаете сохранить смертную казнь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ рѣшительно необходимо гарантировать безопасность, давая ей дѣйствительную и сильную охрану. Вслѣдствіе какого мотива вы хотите сохранить это наказаніе во время осаднаго положенія, и также, я не сомнѣваюсь, въ арміи и флотѣ, т.-е. тамъ, гдѣ вы считаете необходимымъ наиболѣе оградить спокойствіе, порядокъ и повиновеніе закону?» Если противники смертной казни, справедливо заключаетъ Бисмаркъ, признаютъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ, то это значитъ, что они признаютъ за нею болѣе дѣйствительной силы, чѣмъ за

какимъ-либо другимъ наказаніемъ, если же это такъ, то они обязаны также оградить этимъ, болѣе дѣйствительнымъ наказаніемъ, мирнаго гражданина противъ нападеній разбойниковъ и убійцъ. «Если вы допускаете смертную казнь въ мѣрахъ предупредительныхъ, то точно также и еще болѣе должны допустить ее въ мѣрахъ карательныхъ». Вы дозволяете, произноситъ Бисмаркъ, стрѣлять въ работниковъ, которые во время возмущенія осаждаютъ контору или лавку булочника; при этомъ кто знаетъ, будетъ ли убитъ виновный или невинный... Такимъ образомъ, для охраненія собственности булочника, для охраненія конторы, государство можетъ наложить смерть, а для того, чтобы ограждать мирнаго гражданина противъ опасности, что какой-нибудь воръ-убійца прокрадется въ его домъ, перерѣжетъ полдюжины членовъ его семьи, вы отказываете государству въ этомъ самомъ правѣ наказывать смертію. Конечно, и этотъ доводъ князя Бисмарка вовсе не представляется особенно сильнымъ; большая разница между убійствомъ во время возмущенія, гдѣ обѣ стороны находятся болѣе или менѣе въ равномъ положеніи, гдѣ, если и возможно стрѣлять по работникамъ, то вѣдь и работники имѣютъ возможность стрѣлять въ свою очередь, и убійствомъ по приговору суда, гдѣ она совершается на законномъ основаніи.

«Или вы должны, говорилъ далѣе Бисмаркъ, совершенно отнять у власти право убивать, или это право нужно оставить въ мѣрахъ карательныхъ, а не только при принятіи предупредительныхъ мѣръ; вы не должны, по крайней мѣрѣ въ теоріи, ставить огражденіе собственности выше огражденія личности.» Протестъ противъ смертной казни, раздающійся во всѣхъ концахъ цивилизованнаго міра, Бисмаркъ вовсе не признаетъ указаніемъ прогресса, смягченія нравовъ, развитія болѣе гуманныхъ чувствъ и болѣе гуманныхъ понятій; съ его точки зрѣнія этотъ протестъ есть не что иное какъ несчастная болѣзнь нашего времени,—боязнь отвѣтственности. «Эта боязнь отвѣтственности, говоритъ онъ, есть болѣзнь,—я повторяю это,—которая заразила всю нашу эпоху, болѣзнь, которая коснулась даже людей, стоящихъ на самомъ верху человѣческой іерархіи.» Одинъ только человѣкъ не знаетъ страха этой отвѣтственности, и этотъ человѣкъ — самъ князь Бисмаркъ, но за то онъ и превозноситъ это безстрашіе передъ отвѣтственностью. Онъ призываетъ на помощь Провидѣніе, чтобы оно пособило убѣдить ему людей, стоящихъ на стражѣ закона, чтобы они побѣдили въ себѣ эту «болѣзненную сантиментальность нашего времени». Но несмотря на всѣ философскія разсужденія князя Бисмарка, несмотря на всѣ его варіаціи на тему: «жизнь вовсе не самое драгоцѣн-

ное изъ благъ»,—рѣчь Бисмарка не поколебала большинства рейхстага, и уже блеснула надежда, что сѣверо-германскій союзъ сослужитъ великую службу человѣчеству, вычеркнувъ изъ системы наказаній смертную казнь. Но тамъ, гдѣ не подѣйствовали философскія разсужденія, побѣдили доводы, затрогивавшіе чувствительную струну единства нѣмецкаго народа. И въ этомъ вопросѣ Бисмаркъ остается вѣренъ себѣ, онъ сводитъ вопросъ о смертной казни на вопросъ чисто политическій: вы хотите разрушить единство, которое стоило намъ столько жертвъ, столько крови, вы хотите уничтожить трудъ, составляющій славу нашихъ юристовъ, трудъ, который имѣлъ своею цѣлію надѣлить единую Германію единымъ уголовнымъ кодексомъ! Что за бѣда, если въ Саксоніи и великомъ герцогствѣ Ольденбургскомъ смертная казнь была уже отмѣнена; введите ее снова, этимъ вы сдѣлаете шагъ впередъ, а вовсе не назадъ. «Мы всегда имѣли передъ глазами нашу національную цѣль; мы не смотрѣли ни направо, ни налѣво, мы не спрашивали, не наносимъ ли мы кому-нибудь раны въ его самыхъ дорогихъ убѣжденіяхъ. Изъ этого духа, господа, мы извлекали всю нашу силу, нашу смѣлость, наше могущество, чтобы дѣйствовать такъ, какъ мы дѣйствовали. Если этотъ духъ насъ покинетъ, если мы перестанемъ имъ вдохновляться, если мы отступимся отъ него передъ лицомъ нѣмецкаго народа и его сосѣдей, мы засвидѣтельствуемъ тѣмъ самымъ, что сила энергіи, которою мы обладали три года назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ, когда мы приступали къ дѣлу, что эта сила притупѣла въ дрязгахъ партикуляризма, партикуляризма государствъ, партикуляризма партій. Господа, этотъ источникъ, изъ котораго мы черпали право быть сильными и давить подъ нашею желѣзною ногою все, что мѣшало бы возстановленію нѣмецкой націи во всемъ ея блескѣ и могуществѣ...» Громъ рукоплесканій покрылъ слова князя Бисмарка, произнесенныя имъ за два мѣсяца до французской войны 1870 года, и этихъ словъ было довольно, чтобы народные представители поспѣшили принести на алтарь единства нѣмецкой націи еще одну жертву — смертная казнь была сохранена въ сѣверогерманскомъ уложеніи.

Если Бисмаркъ побѣдилъ оппозиціонное большинство и не допустилъ нѣмецкій рейхстагъ оставить по себѣ великую память, если онъ настоялъ, чтобы смертная казнь была сохранена въ принципѣ, то ему не трудно было уже настоять на томъ, чтобы кругъ примѣненія ея не былъ съуженъ. Значительное большинство противилось ея примѣненію къ политическимъ преступленіямъ, но новая рѣчь Бисмарка заставила смолкнуть голосъ этого боль-

шинства и волю его повернула иначе. Вѣрный своей манерѣ, князь Бисмаркъ сводитъ вопросъ о смертной казни въ политическихъ преступленіяхъ на практическую почву, и напоминая о тѣхъ покушеніяхъ, которыя дѣлались противъ жизни нѣмецкаго императора, когда онъ былъ еще только просто прусскимъ королемъ, говоритъ: «Вы должны будете, поддерживая вашу теорію, утвердительно отвѣтить на вопросъ: имѣетъ ли кто-либо, на будущее время, право стрѣлять въ прусскаго короля безъ того, чтобы за свое покушеніе онъ подвергался смертной казни?» Такимъ образомъ, и въ этомъ вопросѣ Бисмаркъ одержалъ полную побѣду.

Изучивъ по рѣчамъ Бисмарка характеръ воззрѣній его на всѣ главные вопросы внутренняго управленія, внутренней политики, мы видимъ, какъ просты, какъ несложны основныя положенія той практической государственной философіи нашихъ дней, блестящимъ представителемъ которой является канцлеръ нѣмецкой имперіи. Суровый съ врагами, снисходительный къ друзьямъ, но снисходительный подъ условіемъ, чтобы они были покорными исполнителями его воли, деспотъ по существу своей натуры, конституціонный правитель по формѣ, князь Бисмаркъ, чуждый всякихъ строгихъ принциповъ, не признаетъ иного закона, кромѣ закона своей воли. Конституція, парламентаризмъ, свобода слова, свобода совѣсти и всякія другія свободы представляются ему, если и не пустыми звуками, то, во всякомъ случаѣ, чѣмъ-то мало заслуживающимъ уваженія. Но всѣмъ нужно пользоваться, все должно служить средствомъ, будетъ ли то средство реакціонное или революціонное—все равно, лишь бы оно вело къ достиженію предначертанной цѣли, которая лично для князя Бисмарка заключается въ исполненіи завѣщаннаго Фридрихомъ II-мъ — устроить сильное, могущественное нѣмецкое государство.—Но для чего? Какой-нибудь Вашингтонъ отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ: для счастія народа! Едвали, однако, судя по рѣчамъ и дѣйствіямъ Бисмарка, объясняющимъ другъ друга, онъ былъ бы искрененъ, если бы далъ такой же отвѣтъ. На тотъ вопросъ Бисмаркъ, пожалуй, предложилъ бы въ свою очередь вопросъ: а для чего созданъ міръ, для чего созданы люди?..

А. Б.

ЧУВСТВА

И

ИХЪ ВЫРАЖЕНІЯ.

The expression of the emotions in Man and Animals. By Charles Darwin. London. 1872 (Чарльзъ Дарвинъ. О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ. Пер. подъ ред. пр. А. Ковалевскаго. С.-Петербургъ, 1872.)

Одно изъ самыхъ трудныхъ для объясненія физіологическихъ явленій, это — отраженія внѣшнихъ впечатлѣній въ движеніи мышцъ разныхъ частей тѣла. Эти отраженія въ большей части случаевъ не представляютъ никакого прямого физіологическаго смысла. Ихъ причины кроются въ явленіяхъ историческихъ, онѣ представляются намъ не болѣе какъ наслѣдствомъ прошлаго, которое осталось неизмѣннымъ, потому что не встрѣтилось для этого измѣненія ни причинъ, ни случая.

Безъ всякаго сомнѣнія, выраженія лица и выраженія, которыя передаются посредствомъ различныхъ тѣлодвиженій, произошли однимъ путемъ и повинуются одному и тому же закону. Разница, по всѣмъ вѣроятіямъ, только количественная. Тѣлодвиженія представляютъ намъ явленія болѣе простыя, грубыя, примитивныя, тогда какъ мимика лица, въ ея связи съ чувствомъ, представляетъ намъ функціи настолько болѣе высшія, осложненныя, насколько сама голова и лицо сложнѣе всѣхъ другихъ частей организма.

Движенія лица, его выраженія во всѣ времена у всѣхъ народовъ играли такую роль и въ личныхъ и въ общественныхъ

отношеніяхъ, они представляли симпатичныя или антипатичныя, притягивающія или отталкивающія стороны, что безъ всякаго сомнѣнія, эта нѣмая, но краснорѣчивая рѣчь, въ особенности выраженіе глазъ, была однимъ изъ сильныхъ средствъ родового или общественнаго развитія. Вотъ почему разгадка всѣхъ явленій въ этой темной области составляла и составляетъ одну изъ существенныхъ задачъ физіолога и психолога. Недавно вышла объ этомъ предметѣ книга Дарвина, переводъ которой познакомилъ и нашу образованную публику съ ея содержаніемъ. Даровитый біологъ выступаетъ въ этомъ новомъ своемъ твореніи съ тѣми же крупными достоинствами и незначительными недостатками, которыя встрѣчаются и въ прежнихъ его сочиненіяхъ, произведшихъ такой неожиданный переворотъ въ наукѣ. Точно также, какъ въ этихъ сочиненіяхъ, мы находимъ въ новой книгѣ Дарвина громадное множество новыхъ фактовъ, удивительно смѣлое сближеніе разнохарактерныхъ данныхъ и ясные, самые неожиданные выводы изъ нихъ. Несмотря на это книга оставляетъ впечатлѣніе не цѣльнаго трактата, а матеріала довольно богатаго, составленнаго изъ множества новыхъ данныхъ и новыхъ воззрѣній. Самъ авторъ сознается въ трудности разработать предметъ и въ томъ, что его сочиненіе не болѣе, какъ попытка на новомъ пути; но эта попытка могла бы быть иною, еслибы яснѣе и опредѣленнѣе выступили передъ Дарвиномъ самые вопросы.

Самая слабая сторона въ книгѣ Дарвина—это физіологія. Дѣло здѣсь касается почти исключительно нервной физіологіи, т.-е. той части, которая въ Англіи далеко не такъ разработана, какъ въ Германіи. Поэтому неудивительно, что у Дарвина мы встрѣчаемъ рѣчь объ *«избыткѣ нервной силы, ненаходящей должнаго направленія»*, о чемъ на материкѣ Европы давно уже не говорятъ, и не находимъ примѣненія той механической теоріи, которая почти вездѣ получила права гражданства, и у насъ была разработана съ такимъ талантомъ и умѣньемъ проф. Сѣченовымъ.

При разсматриваніи всѣхъ чувствъ первое, что бросается въ глаза—это вопросъ о роковыхъ рефлексахъ. Здѣсь онъ не только выступаетъ на первый планъ, но, кажется, сущность всѣхъ разсматриваемыхъ явленій сводится просто къ роковымъ рефлексамъ. Правда, эти рефлексы въ сознательныхъ случаяхъ, въ жестѣ и мимикѣ, могутъ являться совершенно произвольными и переработанными. Но едвали не такова участь всѣхъ движеній, которыя мы встрѣчаемъ въ организмѣ. Всѣ онѣ, въ теченіи жизни одного индивидуума или цѣлаго ряда поколѣній, когда-нибудь должны пройти первую элементарную ступень рокового рефлекса.

Явились-ли роковые рефлексы случайно или они выработались въ силу приспособленій — трудно рѣшить. Вѣроятно, ихъ появленіе было дѣломъ какого-нибудь общаго не только физіологическаго, но и физическаго закона. Это было нѣчто въ родѣ угла отраженія, въ родѣ суммированія силъ, которыя, наконецъ, выражаются въ извѣстномъ эффектѣ. Вся сущность здѣсь разумѣется въ томъ, чтобы существовалъ извѣстный путь въ нервномъ механизмѣ, при которомъ вліяніе возбудителя на нервы могло существовать въ одномъ мѣстѣ и отражаться въ извѣстной опредѣленной формѣ въ другомъ.

Всю нервную систему, за исключеніемъ центра, задерживающаго роковые рефлексы, и вообще связанныхъ съ нимъ органовъ умственной дѣятельности, мы можемъ раздѣлить на двѣ части: на часть чисто механическую и часть *чувственную*, лежащую въ нервахъ внутренностей, въ нервахъ дыхательныхъ, блуждающихъ, симпатическихъ и въ особенности въ сердцѣ. Та и другая связываются между собою, и если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ, роковой, чувственный рефлексъ составляется изъ функцій этихъ двухъ системъ. При этомъ нервное раздраженіе принимается клѣткой или тѣльцемъ какого-нибудь органа (уха, глаза и т. п.); затѣмъ иногда, какъ бы вскользь проходитъ черезъ систему, переработывающую рефлексы, входитъ въ спинной мозгъ и въ систему нервовъ внутренностей, дѣйствуетъ самымъ сильнымъ образомъ на нее, на сердце, на легкія, и затѣмъ уже снова переходитъ въ систему механическихъ движеній и отражается въ ней.

Такой путь есть, очевидно, путь сложнаго рефлекса, и онъ составляетъ характеръ почти всѣхъ такъ-называемыхъ выраженій чувствъ.

Вообще то, что мы понимаемъ подъ именемъ рефлексовъ, представляетъ цѣлую категорію довольно разнообразныхъ явленій. Простой рефлексъ, какъ извѣстно, опредѣляется простымъ рефлекторнымъ аппаратомъ. Онъ состоитъ изъ самыхъ необходимыхъ элементовъ, то-есть изъ чувствительнаго, воспринимающаго тѣльца, изъ сообщенія его съ клѣткою чувствительною, изъ сообщенія этой послѣдней съ клѣткою двигательною, изъ нервнаго волокна, соединяющаго ее съ мускульной нервной пластинкой и вслѣдствіе этого съ мышцею. Таково элементарное устройство самаго простого, первичнаго отражательнаго аппарата. Сквозь эту форму прошли, вѣроятно, всѣ самые сложные рефлекторные аппараты [1]).

---

[1]) Мнѣ удалось найти эту форму въ лучахъ морскихъ звѣздъ, въ механизмѣ Pedicellar'ій.—Ковалевскій нашелъ ее въ хвостѣ Appendicularia.

Еслибы сущность всѣхъ функцій, которыя мы называемъ ощущеніями, была намъ извѣстна, то объясненіе ихъ не составляло бы для насъ труда. Теперь же для насъ остаются почти равно загадочными, и самая область этихъ явленій, и ея конечныя выраженія. Что такое страсть? Что такое боль? Что такое пріятное или непріятное ощущеніе? Всё это вопросы чрезвычайно тёмные, на которые физіологія или совершенно молчитъ, или отвѣчаетъ неопредѣленно и уклончиво.

Мы можемъ раздѣлить всѣ эти явленія согласно этикѣ Спинозы на двѣ категоріи: на ощущенія, или чувства, пріятныя и непріятныя. Къ первымъ будутъ относиться всѣ тѣ нервныя движенія этой области, которыя покровительствуютъ жизни, развитію, вообще прогрессу организма. Ко вторымъ—всѣ противуположные двигатели. Но такое раздѣленіе съ перваго же взгляда представляется невѣрнымъ. Чувство лѣни, всякіе излишки чувственности, всѣ злоупотребленія вожделеній, не развиваютъ, а разрушаютъ организмъ. Слѣдовательно, никакой цѣлесообразности въ приспособленіи къ его выгодамъ, къ его пользамъ, мы не можемъ искать въ чувствахъ и страстяхъ. Они точно также независимо и свободно явились въ организмѣ, какъ и его органы. Но въ то же время если не всѣ, то нѣкоторыя изъ этихъ страстныхъ ощущеній явились неразрывно съ общими, самыми необходимыми потребностями организма. Такимъ образомъ, чувство любви явилось какъ спутникъ половыхъ отправленій, чувство злобы соединилось съ борьбой за существованіе и т. п.

Всякое ощущеніе, какъ извѣстно, можетъ явиться или вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, вслѣдствіе извѣстныхъ картинъ, которыя даютъ нашему представленію внѣшніе органы чувствъ: глазъ, слухъ, обоняніе и т. п., или же ощущеніе это является вслѣдствіе картинъ, вызванныхъ нашимъ собственнымъ воображеніемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ внѣшнія рефлекторныя отраженія этихъ чувствъ могутъ быть совершенно одинаковы.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ вывести слѣдующія, хотя довольно неясныя положенія по вопросу ощущеній и выраженій ихъ.

Во-первыхъ, всѣ эти ощущенія кроются въ области той центральной нервной системы, которая управляетъ внутренностями, и между прочимъ сердцемъ. Органы кровообращенія, дыханія и преимущественно сердца, на которыхъ являются первыя, и нерѣдко самыя сильныя, отраженія этихъ ощущеній, и затѣмъ уже передаются другимъ периферическимъ органамъ, выражаются въ движеніяхъ наружныхъ мышцъ, рукъ, ногъ, лица.

Во-вторыхъ, всѣ рефлексы страстныхъ ощущеній представляются намъ сложными и безсознательными. Мы можемъ вызвать ихъ нарочно, сознательно, но въ такомъ случаѣ источникъ и характеръ ихъ будутъ другіе. Они будутъ представляться не выраженіями ощущеній, а только ихъ подражаніемъ—мимикой, жестикуляціей.

Въ-третьихъ, всѣ эти сложные роковые рефлексы выработались мало по-малу, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній съ одной стороны, и приспособленій къ нимъ организма съ другой.

Если мы обратимся теперь къ тому взгляду, который вноситъ въ этотъ вопросъ Дарвинъ, то здѣсь представится намъ немало неяснаго и несвязаннаго съ физіологическими фактами. Самое раздѣленіе всѣхъ выраженій чувствъ является у Дарвина просто внѣшнимъ систематическимъ пріемомъ. Онъ сводитъ всѣ эти движенія къ тремъ принципамъ. Во-первыхъ, *къ принципу полезныхъ, ассоціированныхъ привычекъ*; во-вторыхъ, *къ принципу антитеза*; въ-третьихъ, *къ принципу движеній, зависящихъ отъ устройства нервной системы, совершенно независимыхъ отъ воли, и до извѣстной степени, независимыхъ отъ привычки.*

Подъ именемъ привычекъ или безсознательныхъ рефлекторныхъ движеній, смѣшивается обыкновенно два ряда различныхъ явленій. Въ одномъ случаѣ привычка является въ то время, когда наше сознаніе, пониманіе, или мысль не обращены на нее, и она тотчасъ же исчезаетъ по нашей волѣ, если мы обращаемъ вниманіе на наши движенія. Въ другихъ случаяхъ мы не только не можемъ устранить сразу этого движенія, напримѣръ, вздрагиванія, миганія глазами, судорожнаго подергиванія нѣкоторыми мышцами лица, пришепетыванія, заиканія, но и продолжительная борьба съ такими привычками часто оказывается безсильною.

Сознательное движеніе, какъ совершенно вѣрно заключаетъ Дарвинъ, можетъ переходить въ безсознательное и дѣлаться привычкою. Этимъ сберегается значительная доля труда въ функціяхъ вниманія, сознанія и даже мысли. Но, съ другой стороны, мы видимъ совершенно обратное явленіе, мы видимъ, какъ привычки дѣлаются движеніями сознательными или, по крайней мѣрѣ, сознанными. Самая книга Дарвина можетъ служить тому доказательствомъ. Она объясняетъ механизмъ и значеніе безсознательныхъ рефлекторныхъ движеній нашего лица, и можетъ быть самое это объясненіе послужитъ началомъ тому, что рано или поздно всѣ эти движенія сдѣлаются сознательными.

Если мы отнесемъ всѣ инстинкты въ области привычки, то такое помѣщеніе ихъ, какъ кажется, совершенно естественно, и мы можемъ ясно видѣть, какъ въ цѣломъ ряду животныхъ эти инстинкты мало-по-малу переходятъ въ тѣ болѣе опредѣленныя явленія, которыя мы называемъ sensa proргіа, привычками индивидуальными или видовыми, и эти въ свою очередь становятся сознанными и наконецъ сознательными движеніями.

Во всѣхъ этихъ явленіяхъ, очевидно, нѣтъ мѣста тѣмъ, которыя Дарвинъ ставитъ въ третью категорію, или подводитъ подъ свой третій принципъ. Эта категорія по всѣмъ вѣроятіямъ касается тѣхъ элементарныхъ нервныхъ явленій, которыя, если и существуютъ, то у животныхъ низшихъ, безпозвоночныхъ и притомъ совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ представляетъ его себѣ Дарвинъ. «При сильномъ возбужденіи, говоритъ онъ, чувствительныхъ центровъ, развиваемая въ избыткѣ нервная сила или передается въ извѣстныхъ опредѣленныхъ направленіяхъ, зависящихъ отъ связи нервныхъ клѣточекъ между собою и отчасти отъ привычки, или нервная дѣятельность можетъ быть, повидимому, прерываема». Если Дарвинъ допускаетъ возможность передачи нервной силы или, правильнѣе говоря, нервныхъ токовъ извѣстными путями въ тѣ или другія клѣтки, сообразно ихъ комбинаціи или устройству нервнаго аппарата, то никакимъ образомъ эти токи не могутъ идти иначе, быть свободными. Самая привычка показываетъ не болѣе, какъ свободу путей для нервныхъ токовъ въ томъ или другомъ направленіи, вслѣдствіе чего они идутъ иногда даже противъ нашей воли и противъ нашего желанія и сознанія. Всѣ примѣры, которые ставитъ Дарвинъ въ эту категорію, недоказательны. Животное или человѣкъ кричащій или плачущій отъ боли и дѣлающій различныя движенія принимаетъ всѣ эти отвлекающія средства произвольно. Отдѣленіе пота, или различныхъ железъ, совершается также какъ отправленіе каждаго органа, какъ выдѣленіе почекъ, пищевареніе и пр. Сѣденіе волосъ подъ вліяніемъ страха доказываетъ только, что рефлексъ отъ сердца идетъ въ волосы и вообще въ периферическіе органы. Наконецъ, біеніе сердца... впрочемъ объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить ниже.

Еще болѣе странною представляется вторая категорія или принципъ антитеза. Прежде чѣмъ укажу здѣсь на гипотезу Дарвина, приведу одинъ изъ фактовъ или примѣровъ, которые находятся въ его книгѣ. Собака въ припадкѣ ярости, во время нападенія, ощетинивается, шерсть ея поднимается дыбомъ, хвостъ прямо поднятъ кверху. Все это простой рефлексъ, который непосредственно обусловливается присутствіемъ въ кожѣ около корней

волосъ множествомъ гладкихъ мышцъ. Это явленіе или это выраженіе чувства Дарвинъ относитъ къ первому принципу, т.-е. къ полезной ассоціаціи привычекъ. Онъ увѣряетъ, что собака ощетинивается точно также, какъ и многія другія животныя (кошка, лебедь, курица) съ одной стороны вслѣдствіе страха, что ужасъ поднимаетъ ея волосы, точно также какъ на нашей головѣ, а съ другой стороны въ этомъ явленіи высказывается инстинктивное стремленіе показаться испугавшему ея предмету или непріятелю въ болѣе громадномъ, ужасающемъ видѣ.

При другихъ противуположныхъ условіяхъ являются и совершенно другія выраженія. Ласкающаяся собака прижимаетъ къ тѣлу не только всю шерсть, уши, но и всѣ члены. Она старается какъ бы уменьшить это тѣло и показаться какъ можно болѣе привлекательной и покорной тому человѣку, къ которому ласкается. Вотъ это, совершенно противуположное явленіе въ выраженіи чувствъ Дарвинъ не можетъ объяснить никакими физіологическими данными, и ставитъ для него особенный законъ или принципъ антитеза. Въ силу этого принципа если не всѣ, то очень многія выраженія ощущеній имѣютъ соотвѣтствующія имъ обратныя, или противуположныя формы. Мы впослѣдствіи увидимъ, откуда берется эта двойственность, и чѣмъ она управляется.

Вообще вся часть книги Дарвина, въ которой рѣчь идетъ о выраженіи чувствъ у животныхъ, представляется болѣе слабою, болѣе произвольною и бездоказательною въ ея толкованіяхъ, чѣмъ всѣ остальныя. Здѣсь только одно заслуживаютъ полнаго вниманія — это замѣчательный подборъ фактовъ, съ цѣлью указать на связь выраженій чувствъ у животныхъ и человѣка. Это, какъ извѣстно, самая любимая и плодотворная мысль Дарвина. Она прямо сводитъ каждое явленіе къ его первоначальной зачаточной формѣ. Къ сожалѣнію, объясненіе его источника не всегда удается Дарвину.

Точно также неудачны объясненія нѣкоторыхъ біологическихъ фактовъ, и могутъ быть съ такою же вѣроятностью, если не съ большею, замѣнены другими, въ особенности если мы прибѣгнемъ здѣсь прямо къ физіологическимъ даннымъ. Какъ-то странно представить себѣ собаку или кошку, которыя поднимаютъ шерсть дыбомъ съ намѣреніемъ испугать своихъ противниковъ; это тѣмъ болѣе странно, что такого явленія мы не замѣчаемъ при дракѣ котовъ, т.-е. въ то время, когда каждому изъ нихъ было бы весьма выгодно испугать своего противника. Путаница и недоразумѣніе здѣсь очевидно происходятъ оттого, что плохо опредѣленъ самый источникъ этихъ движеній. Гнѣвъ или страхъ

производятъ ощетиниваніе? Вѣроятно послѣдній, а еще вѣроятнѣе тотъ и другой вмѣстѣ.

Всякое представленіе, пугающее или угрожающее, заставляющее животное или бѣжать безъ оглядки или бросаться на угрожающій предметъ, смотря по мѣрѣ его храбрости, все это главнымъ образомъ, и очень быстро отражается на органахъ дыханія и на сердцѣ. Отсюда это раздраженіе непремѣнно должно вылиться въ какую-нибудь сторону, и разумѣется въ ту, до которой доступъ болѣе свободенъ, а эта сторона, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть кожа, со всѣми ея придатками, иглами, щетинами, волосами, перьями. Эта связь выражается даже въ пигментѣ, и волоса могутъ сѣдѣть отъ сильнаго горя или страха. Животное дрожитъ отъ испуга или злобы, ощетинивается, поднимаетъ уши, хвостъ, сверкаетъ глазами, щелкаетъ или скрежещетъ зубами, испускаетъ изо рта пѣну, ворчитъ, лаетъ, рычитъ. Все это роковые рефлексы, выходящіе непосредственно изъ путей дыхательныхъ и кровеносныхъ и опредѣляемые нервами, которые управляютъ этими путями. Вопросъ, поставленный на эту физіологическую почву, можетъ дать намъ средства для его физіологическаго разрѣшенія. Мы можемъ опытомъ провѣрить справедливость поставленной гипотезы, и имѣть въ рукахъ ближайшую причину явленія.

Всякая функція въ организмѣ можетъ быть сведена къ движенію, и всякое движеніе можетъ быть измѣрено. Между мышечнымъ движеніемъ и дыханіемъ существуетъ тѣсная и вполнѣ законная связь. Каждое раздраженіе, сопровождаемое болью или какимъ-нибудь непріятнымъ ощущеніемъ, непремѣнно реагируетъ и на органы дыханія, и на органы движеній. Животное или кричитъ отъ боли, или дѣлаетъ различныя движенія. При этомъ крикѣ, т.-е. движеніи легкихъ и голосового аппарата, и всѣ другія движенія тѣла находятся въ очевидной компенсаціи. Птица при крикѣ очень часто помогаетъ себѣ маханіемъ крыльевъ. Она летитъ молча или поетъ, сидя неподвижно. Прямыя измѣренія показываютъ, что въ то время, когда усиливаются движенія членами тѣла, падаетъ дыханіе, и наоборотъ. Заяцъ, выбивающійся изъ силъ при бѣгѣ, начинаетъ кричать. То же самое замѣчается у нѣкоторыхъ породъ гончихъ собакъ, которые бѣгутъ молча и начинаютъ лаять только тогда, когда заяцъ у нихъ вырывается. Однимъ словомъ, мы можемъ привести множество примѣровъ перехода движеній мышечныхъ въ голосовые и наоборотъ, и всѣ эти явленія лежатъ въ области роковыхъ рефлексовъ. Каждому вѣроятно приводилось наблюдать надъ людьми заикающимися или вообще имѣющими какіе-нибудь недостатки въ механизмѣ слова.

У такихъ людей, при ихъ говорѣ, грудная клѣтка очевидно стѣсняется. Они ищутъ дополнить недостатокъ словъ жестами. Первоначально и всего чаще эти роковые рефлексы отражаются на самомъ лицѣ, которое дѣлаетъ разныя движенія, гримасы. Брови, углы рта приподнимаются и опускаются, глаза бѣгаютъ, то расширяются, то съуживаются. Затѣмъ дѣло доходитъ до рукъ, которыя жестикулируютъ болѣе или менѣе сильно. Наконецъ, очередь доходитъ и до ногъ, которыми ораторъ непремѣнно притопываетъ, если онъ принужденъ говорить сидя.

Разсматривая чувства, Дарвинъ не держится никакой системы. Онъ начинаетъ съ плача, переходитъ къ скорби, затѣмъ разсматриваетъ смѣхъ, затѣмъ выраженіе любви, нѣжныя чувства, благоговѣнія и т. д. Очевидно, авторомъ не руководилъ здѣсь никакой принципъ, и онъ бралъ ad libitum, какое чувство попадется. Но можно ли поставить здѣсь какую-нибудь классификацію? Разумѣется, можно и даже должно. Правда, многія изъ ощущеній стоятъ на одномъ уровнѣ, но за то другіе представляютъ явную градацію. Самые основные здѣсь тѣ, которые явились первыми. Они существуютъ у большинства животныхъ. Это—*страхъ*, *гнѣвъ* и *любовь*. Остановимся на первыхъ двухъ.

Эти два чувства смежныя. Животное или человѣкъ очень часто вмѣщаетъ въ себѣ оба, не зная которое изъ нихъ сильнѣе. Гнѣвъ у человѣка выражается сдвинутыми бровями, оттопыренными губами, выставленной впередъ нижней губой, стиснутыми кулаками и сильной жестикуляціей. При болѣе сильномъ взрывѣ гнѣва эти симптомы измѣняются. Голова наполняется кровью. Вены расширяются, глаза выкатываются изъ орбитъ и блестятъ. Лицо краснѣетъ. Расширенныя ноздри дрожатъ, дыханіе затруднено. Голосъ становится хриплымъ. Ротъ замѣчательно измѣняется. Онъ оттягивается на одну сторону, причемъ оскаливается одинъ изъ зубовъ. Пѣна выходитъ изо рта. Волосы поднимаются дыбомъ.

Страхъ охраняетъ животное въ борьбѣ за существованіе. Онъ дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, на сердце, на кровообращеніе. «Сердце, говоритъ Дарвинъ, при страхѣ бьется быстро и сильно, почти ударяясь въ ребра, но сомнительно, въ самомъ ли дѣлѣ оно работаетъ больше обыкновеннаго, т.-е. посылаетъ бо́льшій притокъ крови ко всѣмъ частямъ тѣла, такъ какъ кожа часто становится блѣдною». При этомъ она покрывается холоднымъ по́томъ. Отъ разстройства дѣятельности сердца дыханіе дѣлается болѣе частымъ. Волосы становятся дыбомъ и подкожныя мышцы дрожатъ. Во рту сохнетъ. При сильномъ страхѣ Platysma myoi-

des напрягается, человѣкъ кричитъ, дѣлаетъ жесты руками и бѣжитъ, преслѣдуемый неодолимой паникой. Еще бо́льшая степень сильнаго ужаса доводитъ до столбняка. Приэтомъ брови сдвигаются, зрачки, кажется, расширяются. Затѣмъ слѣдуетъ остановка сердца и обморокъ.

Третье основное, болѣе примитивное и болѣе древнее чувство—это чувство любви. Въ этомъ чувствѣ соединяются два — любовь половая и любовь вообще къ лицамъ, предметамъ, преимущественно любовь матери къ дѣтямъ. Сущность любви есть привязанность къ любимому предмету, къ которому насъ влекутъ всѣ тѣ особенности его, которыя намъ нравятся. Эти особенности могутъ намъ нравиться или безсознательно, или разумно. Выраженія, которыми высказывается любовь, могутъ быть весьма различны, но между ними есть общія, наиболѣе распространенныя. Таковы ласка, желаніе прикоснуться къ любимому предмету, обнять его или желаніе поцѣловать его. Послѣднее, однако, не составляетъ общаго выраженія. Новозеландцы и лапландцы замѣняютъ поцѣлуй треніемъ носовъ. «Утверждали даже, говоритъ Дарвинъ, хотя этотъ фактъ и можетъ показаться прискорбнымъ, что святой поцѣлуй любви мало отличается отъ того, которымъ мужчина цѣлуетъ женщину». Новозеландскій поцѣлуй, очевидно, противорѣчитъ этому взгляду. Онъ прямо показываетъ, что поцѣлуй есть выработанное выраженіе.

Основаніе любви для насъ остается покрыто тайной, несмотря на всѣ усилія здѣсь физіологовъ и психологовъ, которые думали даже найти въ магнитныхъ явленіяхъ разгадку этого чувства. Ясно только, что мы имѣемъ здѣсь дѣло всегда съ двумя субъектами, изъ которыхъ одинъ несетъ продукты женской половой жизни, другой—мужской. Эти два элемента должны соединиться, но для того, чтобы между ними возникла любовь, необходимы извѣстныя условія, которыя кроются въ темпераментѣ, цвѣтѣ тѣла, волосъ и пр. Если встрѣчаются эти условія, любовь возникаетъ, и чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ страстнѣе, безумнѣе вспыхиваетъ это чувство. Подавленное, оно можетъ перейти въ благоговѣніе, въ религіозное чувство. Идеальная, платоническая любовь рыцарей можетъ дать тому безчисленные примѣры. Точно также не мало ихъ найдется въ религіозныхъ сектахъ, въ особенности американскихъ.

Всѣ эти чувства могутъ являться въ двухъ формахъ. Они могутъ выражаться быстро, мгновенно или скрываться въ видѣ тихаго, латентнаго состоянія. Гнѣвъ можетъ прятаться подъ видомъ злобы или ненависти. Страхъ подъ видомъ трусости, боязт-

ливости. Любовь подъ видомъ дружбы, или она можетъ измѣняться и являться подъ видомъ сострадани́я.

Со страхомъ находится въ тѣсномъ отношеніи одно чувство, которому Дарвинъ отводитъ цѣлую главу. Это чувство *краснѣнія, стыда, застѣнчивости, замѣшательства, конфузливости, скромности*,—чувство, обнаруживающееся въ краскѣ, покрывающей лицо, но могущее быть и безъ нея. На это краснѣніе Дарвинъ преимущественно и обратилъ вниманіе. Всѣмъ извѣстно, что маленькія дѣти, если неспособны краснѣть, то способны стыдиться. Чувство застѣнчивости, конфузливости заставляетъ ихъ дичиться. Извѣстно также, что многіе взрослые люди неспособны краснѣть, хотя способны впадать въ замѣшательство. Отдѣливъ, такимъ образомъ, способность краснѣнія отъ замѣшательства, я утверждаю, что это послѣднее есть измѣненное чувство страха. Правда, оно никогда не доходитъ до тѣхъ признаковъ, до которыхъ доходитъ страхъ, но тамъ и здѣсь мы видимъ одно, что̀ сближаетъ ихъ. Это то связанное состояніе, при которомъ человѣкъ не можетъ ясно и правильно мыслить и чувствовать. Это состояніе, какъ кажется, опредѣляется приливомъ крови къ мозгу, причемъ, вѣроятно, поражаются органы мысли, сознанія.

У семитическихъ племенъ краснѣютъ лицо, шея, грудь, руки, уши; въ другихъ случаяхъ краска переходитъ на все тѣло. Дарвинъ очень ловко подбираетъ случаи этого краснѣнія, чтобы доказать, что чувство стыда находится въ насъ самихъ, что стыдливость никогда не вызывается какимъ-нибудь наружнымъ, грубымъ возбудителемъ, а всегда является отраженною извнутри. Раздражающее средство дѣйствуетъ первоначально на мозгъ, а отсюда на сердце, на кожу, на ея кровеносные сосуды, которые расширяются и наполняются кровью. Это расширеніе совершается, вѣроятно, пассивно, вслѣдствіе ослабленія дѣятельности мышечной ткани стѣнокъ капилляровъ.

Чтобы объяснить, вслѣдствіе чего совершается здѣсь это ослабленіе, Дарвинъ строитъ цѣлую гипотезу. По его мнѣнію, вниманіе, которое обращено на какую-нибудь часть тѣла, задерживаетъ тонически сокращеніе капилляровъ въ этой части, вслѣдствіе чего происходитъ наполненіе ихъ кровью. Онъ доказываетъ, что краснѣніе тогда только имѣетъ мѣсто, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь внѣшнемъ, когда вниманіе обращено на одну только наружность человѣка. Въ это время дурной поступокъ или похвала, все равно, заставляютъ краснѣть. Это краснѣніе поражаетъ преимущественно голову, лицо, какъ части тѣла, на которыя преимущественно обращено наше вниманіе. Затѣмъ краска расхо-

дится по шеѣ, рукамъ. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ она спускается на грудь, на животъ или расходится по тѣлу.

Съ старой, первичной формой мы встрѣчаемся точно также въ другомъ чувствѣ—въ *отвращеніи*. «Слово «отвращеніе», говоритъ Дарвинъ, въ самомъ простѣйшемъ смыслѣ обозначаетъ всегда нѣчто противное вкусу». Дѣйствительно, источникъ этого чувства кроется въ рвотѣ. Такъ какъ первые симптомы его были связаны съ ѣдой, то первое выраженіе здѣсь является въ положеніи рта. Лицо принимаетъ вообще такъ-называемое «кислое выраженіе». Брови нахмуриваются, что всегда связывается съ недовольствомъ. Затѣмъ человѣкъ раскрываетъ ротъ и дѣлаетъ движеніе руками, какъ-бы стараясь отстранить отъ себя противный предметъ.

Чувство, которое вѣроятно вышло изъ предыдущаго — это *презрѣніе*. Это отвращеніе въ слабой степени. Человѣкъ при этомъ слегка хмурится, приподнимаетъ верхнюю губу на одну сторону, сжимаетъ ноздри и поднимаетъ носъ. Если отвращеніе можетъ переходить въ рвоту, то презрѣніе можетъ идти въ другую сторону и оканчиваться гнѣвомъ.

Всѣ эти чувства: страхъ, гнѣвъ, любовь, отвращеніе — безспорно примитивные. Далѣе идутъ болѣе поздніе и которые поэтому трудно классифицировать. Нѣтъ сомнѣнія, они возникли изъ этихъ основныхъ, но путь ихъ отдѣленія, дифиринцировка, для насъ совершенно неясны. Даже Дарвинъ ставитъ эти чувства подъ одну рубрику: *ревность, зависть, скупость, мстительность, подозрѣніе, коварство; хитрость, виновность, тщеславіе, самоувѣренность, честолюбіе, гордость, смиреніе*. Очевидно, здѣсь собраны всѣ тѣ чувства, которыхъ выраженіе авторъ не подвергалъ разбору и собралъ ихъ всѣ подъ одну категорію, отведя описанію ихъ менѣе одной страницы. Можно бы было еще подобрать къ этимъ такія же, напр.: *кичливость, униженіе, навязчивость, назойливость, покорность, вѣтреность, лукавство, трусость, обидчивость, безсердечіе, мотовство* и пр. Во всѣхъ этихъ чувствахъ мы встрѣчаемся съ тѣми разнохарактерными свойствами души, которыя возникаютъ изъ условій жизни, изъ ея потребностей, свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ.

Ревность, зависть и *скупость* составляютъ продуктъ одного и того же чувства, которое выростаетъ прямо изъ желанія обладать, захватить. Всѣ эти чувства не имѣютъ выраженій, или они настолько мелки, неуловимы, что передать ихъ чрезвычайно трудно. Физіономистъ можетъ скорѣе уловить эти черты.

Совсѣмъ другого порядка *гордость, тщеславіе* и *честолюбіе*.

Они держатся на самолюбіи. Всѣ эти чувства имѣютъ какъ будто одну физіономію. Черты лица спокойны, самоувѣренны, нижняя губа и нижняя челюсть выдаются впередъ. Всѣ эти чувства составляютъ скорѣе черты физіономіи, чѣмъ игру ея. Подобно скупости и зависти, они лежатъ въ свойствахъ, особенностяхъ характера; составляютъ его отличительный признакъ, а не мгновенное, скоропреходящее настроеніе, подобное гнѣву, замѣшательству, страху.

Впрочемъ, высказывая это мы должны имѣть въ виду, что тѣ особенности, которыя выражаютъ характеръ человѣка, могутъ сложиться изъ тѣхъ переходящихъ чувствъ, которыя у другихъ людей составляютъ не болѣе, какъ временныя явленія. У всякаго человѣка могутъ быть приступы гордости, честолюбія, но не у каждаго они являются сплошною цѣльною чертою характера. Выраженія, которыми обозначаются эти чувства, могутъ становиться изъ временныхъ постоянными. Такимъ образомъ особенности преходящія входятъ въ составъ физіономіи.

Противоположностью любви можно поставить *хитрость* и *коварство*. Небольшіе, лукавые глаза, быстро бѣгающіе, ни на чемъ неостанавливающіеся, тонкія губы, насмѣшливыя, или съ утянутыми углами—вотъ физіономія хитраго или коварнаго человѣка. И эти черты принимаетъ физіономія каждаго, если только поступокъ его отличается хитростью. Дарвинъ приводитъ наблюденіе Герберта Спенсера, что человѣкъ иногда не желаетъ дать замѣтить, что онъ фиксируетъ предметъ. При этомъ онъ скашиваетъ оба глаза въ одну сторону, тогда какъ лицо оборачиваетъ въ другую. Такимъ образомъ получается хитрое выраженіе глазъ.

Какъ выраженіе коварства, измѣненное въ его приложеніи, Дарвинъ ставитъ *виновность*. Человѣкъ провинившійся избѣгаетъ прямого взгляда. Глаза его скошены въ сторону, онъ бѣгаетъ ими, а вѣки при этомъ опущены и отчасти закрыты.

Дарвинъ также относитъ къ выраженію чувствъ тѣ знаки, которые употребляются для утвержденія или отрицанія. Къ такимъ же знакамъ должно отнести *пожиманіе плечами*, какъ выраженіе безпомощности.

Всякое непріятное чувство, усиліе, мысль вызываютъ нахмуриваніе бровей, сдвиганье ихъ. Какая связь между непріятнымъ чувствомъ или мыслью и мышцами стягивающими брови,—трудно рѣшить, но все непріятное отражается непремѣнно на этихъ мышцахъ. Иногда онѣ дѣйствуютъ не однѣ; ихъ антагонисты — волокна лобныхъ мышцъ и притомъ посреди лба, вступаютъ въ борьбу съ ними, и тогда брови принимаютъ косвенное положеніе. Ихъ внутренніе концы приподнимаются кверху, а на лбу, на

самой срединѣ, выступаютъ нѣсколько поперечныхъ складокъ. Эти мышцы Дарвинъ называетъ *мышцами печали*. При этомъ углы рта опускаются, щеки дѣлаются вялыми и лицо осунувшимся. Вотъ выраженіе, которое предшествуетъ плачу. Оно можетъ сохраняться долго, борьба между мышцами, надвигающими брови и распрямляющими ихъ, можетъ продолжаться. При этомъ грудь стѣсняется, дыханіе дѣлается затруднительно, сердце бьется медленно. По временамъ человѣкъ облегчаетъ свою грудь усиленными вдыханіями и выдыханіями, вздохами. Въ дыхательныхъ мышцахъ дѣлаются спазмы, и человѣку кажется, какъ будто что-то сдавливаетъ его горло.

Вся эта картина перемѣняется, когда человѣкъ отдается плачу. Брови сдвигаются, глаза надавлены приливомъ крови изнутри. Вѣки плотно закрываются и всѣ мышцы сосѣднія принимаютъ здѣсь участіе. На носу образуются поперечныя морщины, углы рта приподнимаются, на щекахъ выступаетъ рѣзкая складка. Если ротъ закрытъ, то на подбородкѣ являются продольныя морщинки. Если онъ открытъ, какъ у дѣтей, то принимаетъ продолговато-квадратное очертаніе. Наконецъ изъ сильно сжатыхъ, закрытыхъ глазъ текутъ въ изобиліи слезы. Весь этотъ механизмъ, какъ доказываетъ Дарвинъ, имѣетъ главною цѣлью защиту глазъ. Вслѣдствіе переполненія кровью груди, она стремится въ голову и преимущественно къ глазамъ. Они краснѣютъ, инъицируются кровью, краснѣютъ вѣки и въ то же время замѣчается намѣреніе закрыть ихъ; человѣкъ начинаетъ мигать, у него является движеніе у рта, какъ будто борьба между желаніемъ закрыть и открыть его. Затѣмъ наступаетъ моментъ неудержимаго и сильнаго сокращенія круговыхъ мышцъ и вмѣстѣ съ ними движеніе другихъ смежныхъ. Являются слезы, являются потому, что кровь въ изобиліи прилила къ слезнымъ железамъ, и раздраженіе глазъ, которое всегда вызываетъ слезы, достигаетъ крайняго предѣла. Притомъ мышцы, выдавливающія слезы, сильно сокращены. Стѣсненіе груди продолжается, являются рыданія, т.-е. частыя и скорыя выдыханія. Чѣмъ сильнѣе, сосредоточеннѣе человѣкъ плачетъ, тѣмъ ему становится легче.

Какое-нибудь животное при страданіи кричитъ или облегчаетъ свою боль, приливъ крови къ груди, — движеніями. Человѣкъ въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ плачу. У него выработанъ сложный опредѣленный механизмъ для этой цѣли.

Но тотъ же самый аппаратъ служитъ и для другой цѣли. Радость выражается также посредствомъ его, только образъ дѣйствій здѣсь другой. Также сокращаются круговыя мышцы и

сдвигаются брови; точно также сосѣднія мышцы принимаютъ участіе. Все это дѣлается съ той же цѣлью, чтобы защитить глазъ, хотя онъ меньше страдаетъ при смѣхѣ, чѣмъ при плачѣ. Затѣмъ, существенная принадлежность смѣха—сильное сокращеніе M. Zigomatici, отчего щеки оттягиваются назадъ, ротъ растягивается, раскрывается, зубы обнажаются, а подъ глазами собираются морщинки. Звуки, которые издаетъ теперь человѣкъ, противоположны тѣмъ, которые были при плачѣ. Тамъ являлась потребность въ сильныхъ продолжительныхъ вдыханіяхъ, здѣсь наоборотъ, въ частыхъ, быстро повторенныхъ выдыханіяхъ. При сильномъ смѣхѣ, точно также какъ при плачѣ, выступаютъ слезы. И чѣмъ больше смѣется человѣкъ, тѣмъ сильнѣе является потребность отдѣленія слезъ.

Смѣхъ переходитъ въ плачъ, и это обстоятельство для насъ весьма важно. Оно показываетъ тождественность происхожденія этихъ двухъ чувствъ или ихъ выраженій, и даетъ ключъ къ объясненію многаго. Смѣхъ есть выраженіе радости, будетъ ли онъ только улыбкой или дѣйствительнымъ смѣхомъ, смѣшаннымъ съ радостными слезами, все равно, онъ служитъ для выраженія этого чувства. Плачъ, наоборотъ, есть выраженіе горя. Но дѣло не въ этомъ наружномъ выраженіи. Мы видимъ, что у людей они часто мѣняются, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должны были проливаться горькія слезы, раздается неистовый, безумный хохотъ, а тамъ гдѣ долженъ быть смѣхъ, текутъ слезы радости. Дѣло въ томъ, что тамъ и здѣсь главную роль играетъ сердце.

Мы видѣли выше, что всѣ ощущенія имѣютъ своимъ источникомъ нервы внутренностей, органовъ дыханія и сердца. Первыя впечатлѣнія всегда отражаются на немъ и все обусловливается его движеніемъ, его пульсомъ. Каждое наше ощущеніе, пріятное или непріятное, дѣйствуя прямо на сердце, замедляетъ или ускоряетъ его движенія. Положимъ, что человѣкъ получилъ непріятное извѣстіе, что-нибудь сильно огорчающее: тотчасъ же происходитъ замедленіе біенія сердца, дыханіе становится затруднительнымъ, а тамъ идутъ далѣе всѣ симптомы горя и плача. При радостномъ извѣстіи является ускореніе пульса и возбужденіе дыханія. Вотъ почему по пульсу сердца мы можемъ рѣшить, пріятно или непріятно взволнованъ человѣкъ, тогда какъ внѣшнія выраженія его чувствъ могутъ быть одни и тѣ же. Отъ сильной радости точно также падаютъ въ обморокъ, какъ и отъ сильнаго горя.

Подъ вліяніемъ біенія сердца могутъ измѣняться страсти. Различный характеръ пульса имѣетъ прямое вліяніе на характеръ чувствъ. Человѣкъ послѣ сытаго обѣда, когда кровеносная си-

стема возбуждена пищевареніемъ и пульсъ возвышенъ, не отдается мрачнымъ ощущеніямъ, его мозгъ или дремлетъ, или пріятно возбужденъ. Дѣти съ ихъ болѣе быстрымъ кровообращеніемъ отличаются и быстрой перемѣной ощущеній, ихъ непостоянствомъ, скоротечностью. Сколько преступленій совершено потому только, что кровь нарушала правильную дѣятельность мозга и усиливала дѣйствіе ощущеній.

Каждое чувство согласно двойному направленію, которое даетъ пульсъ крови, принимаетъ двойственный характеръ. Скáла идетъ въ двѣ стороны, повышаясь и опускаясь. При обыкновенномъ, спокойномъ пульсѣ у насъ является хорошее расположеніе духа. Сердце бьется ровно, всѣ наши чувства идутъ спокойно, весело, мы склонны къ игривости, къ веселымъ шуткамъ. Но перемѣняется біеніе сердца, и все становится мрачнымъ, является недовольство, грусть, тоска. Такимъ образомъ, всѣ пріятныя и непріятныя ощущенія сведутся можетъ быть впослѣдствіи къ болѣе тихому или скорому пульсу. Подъ дѣйствіемъ того и другого могутъ являться различные симптомы въ нашемъ организмѣ, могутъ происходить вторичныя, отраженныя явленія. Сердце, вслѣдствіе распоряженія нерва, бившееся медленно, посылаетъ рефлексъ въ мозгъ, отсюда движеніе идетъ въ мышцы, въ ту или другую систему органовъ. Или же центръ, задерживающій роковые рефлексы, можетъ возстановить скорость біенія сердца и успокоить волненіе.

Ряды чувствъ вообще, какъ мы видѣли, не замкнуты. Одно ощущеніе можетъ переходить въ другое. Страхъ дѣлается гнѣвомъ, смѣхъ становится плачемъ. Мы видимъ, что удовлетворенная злоба можетъ приносить горе или радость, вѣроятно потому, какъ бьется сердце и какъ къ этому бою относится организмъ человѣка. Всѣ чувства являются расположенными въ два ряда, и каждое имѣетъ свой антитезъ; такимъ образомъ мы встрѣчаемъ любовь и ненависть, злобу и кротость, жестокосердіе и милосердіе, безсердечіе и сострадавіе, скупость и расточительность и пр. Не это ли начало антитеза Дарвина?

Если мы будемъ разсматривать отношенія пріятныхъ ощущеній къ непріятнымъ, то придемъ къ заключенію, что первыхъ гораздо меньше. Это прямое слѣдствіе самой жизни, она даетъ болѣе послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Притомъ существуютъ организмы, для которыхъ рѣдко встрѣчаются непріятныя ощущенія. Вѣчно довольные, вѣчно веселые, они представляютъ ту bien aisance, при которой легко живется на свѣтѣ. Въ противоположность имъ существуютъ другіе, желчные, недовольные — жертвы вѣчной

сдвигаются брови; точно также сосѣднія мышцы принимають участіе. Все это дѣлается съ той же цѣлью, чтобы защитить глазъ, хотя онъ меньше страдаетъ при смѣхѣ, чѣмъ при плачѣ. Затѣмъ, существенная принадлежность смѣха—сильное сокращеніе M. Zigomatici, отчего щеки оттягиваются назадъ, ротъ растягивается, раскрывается, зубы обнажаются, а подъ глазами собираются морщинки. Звуки, которые издаетъ теперь человѣкъ, противоположны тѣмъ, которые были при плачѣ. Тамъ являлась потребность въ сильныхъ продолжительныхъ вдыханіяхъ, здѣсь наоборотъ, въ частыхъ, быстро повторенныхъ выдыханіяхъ. При сильномъ смѣхѣ, точно также какъ при плачѣ, выступаютъ слезы. И чѣмъ больше смѣется человѣкъ, тѣмъ сильнѣе является потребность отдѣленія слезъ.

Смѣхъ переходитъ въ плачъ, и это обстоятельство для насъ весьма важно. Оно показываетъ тождественность происхожденія этихъ двухъ чувствъ или ихъ выраженій, и даетъ ключъ къ объясненію многаго. Смѣхъ есть выраженіе радости, будетъ ли онъ только улыбкой или дѣйствительнымъ смѣхомъ, смѣшаннымъ съ радостными слезами, все равно, онъ служитъ для выраженія этого чувства. Плачъ, наоборотъ, есть выраженіе горя. Но дѣло не въ этомъ наружномъ выраженіи. Мы видимъ, что у людей они часто мѣняются, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должны были проливаться горькія слезы, раздается неистовый, безумный хохотъ, а тамъ гдѣ долженъ быть смѣхъ, текутъ слезы радости. Дѣло въ томъ, что тамъ и здѣсь главную роль играетъ сердце.

Мы видѣли выше, что всѣ ощущенія имѣютъ своимъ источникомъ нервы внутренностей, органовъ дыханія и сердца. Первыя впечатлѣнія всегда отражаются на немъ и все обусловливается его движеніемъ, его пульсомъ. Каждое наше ощущеніе, пріятное или непріятное, дѣйствуя прямо на сердце, замедляетъ или ускоряетъ его движенія. Положимъ, что человѣкъ получилъ непріятное извѣстіе, что-нибудь сильно огорчающее: тотчасъ же происходитъ замедленіе біенія сердца, дыханіе становится затруднительнымъ, а тамъ идутъ далѣе всѣ симптомы горя и плача. При радостномъ извѣстіи является ускореніе пульса и возбужденіе дыханія. Вотъ почему по пульсу сердца мы можемъ рѣшить, пріятно или непріятно взволнованъ человѣкъ, тогда какъ внѣшнія выраженія его чувствъ могутъ быть одни и тѣ же. Отъ сильной радости точно также падаютъ въ обморокъ, какъ и отъ сильнаго горя.

Подъ вліяніемъ біенія сердца могутъ измѣняться страсти. Различный характеръ пульса имѣетъ прямое вліяніе на характеръ чувствъ. Человѣкъ послѣ сытаго обѣда, когда кровеносная си-

стема возбуждена пищевареніемъ и пульсъ возвышенъ, не отдается мрачнымъ ощущеніямъ, его мозгъ или дремлетъ, или пріятно возбужденъ. Дѣти съ ихъ болѣе быстрымъ кровообращеніемъ отличаются и быстрой перемѣной ощущеній, ихъ непостоянствомъ, скоротечностью. Сколько преступленій совершено потому только, что кровь нарушала правильную дѣятельность мозга и усиливала дѣйствіе ощущеній.

Каждое чувство согласно двойному направленію, которое даетъ пульсъ крови, принимаетъ двойственный характеръ. Скáла идетъ въ двѣ стороны, повышаясь и опускаясь. При обыкновенномъ, спокойномъ пульсѣ у насъ является хорошее расположеніе духа. Сердце бьется ровно, всѣ наши чувства идутъ спокойно, весело, мы склонны къ игривости, къ веселымъ шуткамъ. Но перемѣняется біеніе сердца, и все становится мрачнымъ, является недовольство, грусть, тоска. Такимъ образомъ, всѣ пріятныя и непріятныя ощущенія сведутся можетъ быть впослѣдствіи къ болѣе тихому или скорому пульсу. Подъ дѣйствіемъ того и другого могутъ являться различные симптомы въ нашемъ организмѣ, могутъ происходить вторичныя, отраженныя явленія. Сердце, вслѣдствіе распоряженія нерва, бившееся медленно, посылаетъ рефлексъ въ мозгъ, отсюда движеніе идетъ въ мышцы, въ ту или другую систему органовъ. Или же центръ, задерживающій роковые рефлексы, можетъ возстановить скорость біенія сердца и успокоить волненіе.

Ряды чувствъ вообще, какъ мы видѣли, не замкнуты. Одно ощущеніе можетъ переходить въ другое. Страхъ дѣлается гнѣвомъ, смѣхъ становится плачемъ. Мы видимъ, что удовлетворенная злоба можетъ приносить горе или радость, вѣроятно потому, какъ бьется сердце и какъ къ этому бою относится организмъ человѣка. Всѣ чувства являются расположенными въ два ряда, и каждое имѣетъ свой антитезъ; такимъ образомъ мы встрѣчаемъ любовь и ненависть, злобу и кротость, жестокосердіе и милосердіе, безсердечіе и состраданіе, скупость и расточительность и пр. Не это ли начало антитеза Дарвина?

Если мы будемъ разсматривать отношенія пріятныхъ ощущеній къ непріятнымъ, то придемъ къ заключенію, что первыхъ гораздо меньше. Это прямое слѣдствіе самой жизни, она даетъ болѣе послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Притомъ существуютъ организмы, для которыхъ рѣдко встрѣчаются непріятныя ощущенія. Вѣчно довольные, вѣчно веселые, они представляютъ ту bien aisance, при которой легко живется на свѣтѣ. Въ противоположность имъ существуютъ другіе, желчные, недовольные — жертвы вѣчной

сдвигаются брови; точно также сосѣднія мышцы принимають участіе. Все это дѣлается съ той же цѣлью, чтобы защитить глазъ, хотя онъ меньше страдаеть при смѣхѣ, чѣмъ при плачѣ. Затѣмъ, существенная принадлежность смѣха—сильное сокращеніе M. Zigomatici, отчего щеки оттягиваются назадъ, роть растягивается, раскрывается, зубы обнажаются, а подъ глазами собираются морщинки. Звуки, которые издаеть теперь человѣкъ, противоположны тѣмъ, которые были при плачѣ. Тамъ являлась потребность въ сильныхъ продолжительныхъ вдыханіяхъ, здѣсь наоборотъ, въ частыхъ, быстро повторенныхъ выдыханіяхъ. При сильномъ смѣхѣ, точно также какъ при плачѣ, выступають слезы. И чѣмъ больше смѣется человѣкъ, тѣмъ сильнѣе является потребность отдѣленія слезъ.

Смѣхъ переходить въ плачъ, и это обстоятельство для насъ весьма важно. Оно показываеть тождественность происхожденія этихъ двухъ чувствъ или ихъ выраженій, и даеть ключъ къ объясненію многаго. Смѣхъ есть выраженіе радости, будеть ли онъ только улыбкой или дѣйствительнымъ смѣхомъ, смѣшаннымъ съ радостными слезами, все равно, онъ служить для выраженія этого чувства. Плачъ, наоборотъ, есть выраженіе горя. Но дѣло не въ этомъ наружномъ выраженіи. Мы видимъ, что у людей они часто мѣняются, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должны были проливаться горькія слезы, раздается неистовый, безумный хохотъ, а тамъ гдѣ долженъ быть смѣхъ, текуть слезы радости. Дѣло въ томъ, что тамъ и здѣсь главную роль играеть сердце.

Мы видѣли выше, что всѣ ощущенія имѣють своимъ источникомъ нервы внутренностей, органовъ дыханія и сердца. Первыя внечатлѣнія всегда отражаются на немъ и все обусловливается его движеніемъ, его пульсомъ. Каждое наше ощущеніе, пріятное или непріятное, дѣйствуя прямо на сердце, замедляеть или ускоряеть его движенія. Положимъ, что человѣкъ получилъ непріятное извѣстіе, что-нибудь сильно огорчающее: тотчасъ же происходить замедленіе біенія сердца, дыханіе становится затруднительнымъ, а тамъ идуть далѣе всѣ симптомы горя и плача. При радостномъ извѣстіи является ускореніе пульса и возбужденіе дыханія. Вотъ почему по пульсу сердца мы можемъ рѣшить, пріятно или непріятно взволнованъ человѣкъ, тогда какъ внѣшнія выраженія его чувствъ могуть быть одни и тѣ же. Отъ сильной радости точно также падають въ обморокъ, какъ и оть сильнаго горя.

Подъ вліяніемъ біенія сердца могуть измѣняться страсти. Различный характеръ пульса имѣеть прямое вліяніе на характеръ чувствъ. Человѣкъ послѣ сытаго обѣда, когда кровеносная си-

стема возбуждена пищевареніемъ и пульсъ возвышенъ, не отдается мрачнымъ ощущеніямъ, его мозгъ или дремлетъ, или пріятно возбужденъ. Дѣти съ ихъ болѣе быстрымъ кровообращеніемъ отличаются и быстрой перемѣной ощущеній, ихъ непостоянствомъ, скоротечностью. Сколько преступленій совершено потому только, что кровь нарушала правильную дѣятельность мозга и усиливала дѣйствіе ощущеній.

Каждое чувство согласно двойному направленію, которое даетъ пульсъ крови, принимаетъ двойственный характеръ. Скáла идетъ въ двѣ стороны, повышаясь и опускаясь. При обыкновенномъ, спокойномъ пульсѣ у насъ является хорошее расположеніе духа. Сердце бьется ровно, всѣ наши чувства идутъ спокойно, весело, мы склонны къ игривости, къ веселымъ шуткамъ. Но перемѣняется біеніе сердца, и все становится мрачнымъ, является недовольство, грусть, тоска. Такимъ образомъ, всѣ пріятныя и непріятныя ощущенія сведутся можетъ быть впослѣдствіи къ болѣе тихому или скорому пульсу. Подъ дѣйствіемъ того и другого могутъ являться различные симптомы въ нашемъ организмѣ, могутъ происходить вторичныя, отраженныя явленія. Сердце, вслѣдствіе распоряженія нерва, бившееся медленно, посылаетъ рефлексъ въ мозгъ, отсюда движеніе идетъ въ мышцы, въ ту или другую систему органовъ. Или же центръ, задерживающій роковые рефлексы, можетъ возстановить скорость біенія сердца и успокоить волненіе.

Ряды чувствъ вообще, какъ мы видѣли, не замкнуты. Одно ощущеніе можетъ переходить въ другое. Страхъ дѣлается гнѣвомъ, смѣхъ становится плачемъ. Мы видимъ, что удовлетворенная злоба можетъ приносить горе или радость, вѣроятно потому, какъ бьется сердце и какъ къ этому бою относится организмъ человѣка. Всѣ чувства являются расположенными въ два ряда, и каждое имѣетъ свой антитезъ; такимъ образомъ мы встрѣчаемъ любовь и ненависть, злобу и кротость, жестокосердіе и милосердіе, безсердечіе и состраданіе, скупость и расточительность и пр. Не это ли начало антитеза Дарвина?

Если мы будемъ разсматривать отношенія пріятныхъ ощущеній къ непріятнымъ, то придемъ къ заключенію, что первыхъ гораздо меньше. Это прямое слѣдствіе самой жизни, она даетъ болѣе послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Притомъ существуютъ организмы, для которыхъ рѣдко встрѣчаются непріятныя ощущенія. Вѣчно довольные, вѣчно веселые, они представляютъ ту bien aisance, при которой легко живется на свѣтѣ. Въ противоположность имъ существуютъ другіе, желчные, недовольные — жертвы вѣчной

сдвигаются брови; точно также сосѣднія мышцы принимають участіе. Все это дѣлается съ той же цѣлью, чтобы защитить глазъ, хотя онъ меньше страдаетъ при смѣхѣ, чѣмъ при плачѣ. Затѣмъ, существенная принадлежность смѣха—сильное сокращеніе M. Zigomatici, отчего щеки оттягиваются назадъ, ротъ растягивается, раскрывается, зубы обнажаются, а подъ глазами собираются морщинки. Звуки, которые издаетъ теперь человѣкъ, противоположны тѣмъ, которые были при плачѣ. Тамъ являлась потребность въ сильныхъ продолжительныхъ вдыханіяхъ, здѣсь наоборотъ, въ частыхъ, быстро повторенныхъ выдыханіяхъ. При сильномъ смѣхѣ, точно также какъ при плачѣ, выступаютъ слезы. И чѣмъ больше смѣется человѣкъ, тѣмъ сильнѣе является потребность отдѣленія слезъ.

Смѣхъ переходитъ въ плачъ, и это обстоятельство для насъ весьма важно. Оно показываетъ тождественность происхожденія этихъ двухъ чувствъ или ихъ выраженій, и даетъ ключъ къ объясненію многаго. Смѣхъ есть выраженіе радости, будетъ ли онъ только улыбкой или дѣйствительнымъ смѣхомъ, смѣшаннымъ съ радостными слезами, все равно, онъ служитъ для выраженія этого чувства. Плачъ, наоборотъ, есть выраженіе горя. Но дѣло не въ этомъ наружномъ выраженіи. Мы видимъ, что у людей они часто мѣняются, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должны были проливаться горькія слезы, раздается неистовый, безумный хохотъ, а тамъ гдѣ долженъ быть смѣхъ, текутъ слезы радости. Дѣло въ томъ, что тамъ и здѣсь главную роль играетъ сердце.

Мы видѣли выше, что всѣ ощущенія имѣютъ своимъ источникомъ нервы внутренностей, органовъ дыханія и сердца. Первыя внечатлѣнія всегда отражаются на немъ и все обусловливается его движеніемъ, его пульсомъ. Каждое наше ощущеніе, пріятное или непріятное, дѣйствуя прямо на сердце, замедляетъ или ускоряетъ его движенія. Положимъ, что человѣкъ получилъ непріятное извѣстіе, что-нибудь сильно огорчающее: тотчасъ же происходитъ замедленіе біенія сердца, дыханіе становится затруднительнымъ, а тамъ идутъ далѣе всѣ симптомы горя и плача. При радостномъ извѣстіи является ускореніе пульса и возбужденіе дыханія. Вотъ почему по пульсу сердца мы можемъ рѣшить, пріятно или непріятно взволнованъ человѣкъ, тогда какъ внѣшнія выраженія его чувствъ могутъ быть одни и тѣ же. Отъ сильной радости точно также падаютъ въ обморокъ, какъ и отъ сильнаго горя.

Подъ вліяніемъ біенія сердца могутъ измѣняться страсти. Различный характеръ пульса имѣетъ прямое вліяніе на характеръ чувствъ. Человѣкъ послѣ сытаго обѣда, когда кровеносная си-

стема возбуждена пищевареніемъ и пульсъ возвышенъ, не отдается мрачнымъ ощущеніямъ, его мозгъ или дремлетъ, или пріятно возбужденъ. Дѣти съ ихъ болѣе быстрымъ кровообращеніемъ отличаются и быстрой перемѣной ощущеній, ихъ непостоянствомъ, скоротечностью. Сколько преступленій совершено потому только, что кровь нарушала правильную дѣятельность мозга и усиливала дѣйствіе ощущеній.

Каждое чувство согласно двойному направленію, которое даетъ пульсъ крови, принимаетъ двойственный характеръ. Ска́ла идетъ въ двѣ стороны, повышаясь и опускаясь. При обыкновенномъ, спокойномъ пульсѣ у насъ является хорошее расположеніе духа. Сердце бьется ровно, всѣ наши чувства идутъ спокойно, весело, мы склонны къ игривости, къ веселымъ шуткамъ. Но перемѣняется біеніе сердца, и все становится мрачнымъ, является недовольство, грусть, тоска. Такимъ образомъ, всѣ пріятныя и непріятныя ощущенія сведутся можетъ быть впослѣдствіи къ болѣе тихому или скорому пульсу. Подъ дѣйствіемъ того и другого могутъ являться различные симптомы въ нашемъ организмѣ, могутъ происходить вторичныя, отраженныя явленія. Сердце, вслѣдствіе распоряженія нерва, бившееся медленно, посылаетъ рефлексъ въ мозгъ, отсюда движеніе идетъ въ мышцы, въ ту или другую систему органовъ. Или же центръ, задерживающій роковые рефлексы, можетъ возстановить скорость біенія сердца и успокоить волненіе.

Ряды чувствъ вообще, какъ мы видѣли, не замкнуты. Одно ощущеніе можетъ переходить въ другое. Страхъ дѣлается гнѣвомъ, смѣхъ становится плачемъ. Мы видимъ, что удовлетворенная злоба можетъ приносить горе или радость, вѣроятно потому, какъ бьется сердце и какъ къ этому бою относится организмъ человѣка. Всѣ чувства являются расположенными въ два ряда, и каждое имѣетъ свой антитезъ; такимъ образомъ мы встрѣчаемъ любовь и ненависть, злобу и кротость, жестокосердіе и милосердіе, безсердечіе и состраданіе, скупость и расточительность и пр. Не это ли начало антитеза Дарвина?

Если мы будемъ разсматривать отношенія пріятныхъ ощущеній къ непріятнымъ, то придемъ къ заключенію, что первыхъ гораздо меньше. Это прямое слѣдствіе самой жизни, она даетъ болѣе послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Притомъ существуютъ организмы, для которыхъ рѣдко встрѣчаются непріятныя ощущенія. Вѣчно довольные, вѣчно веселые, они представляютъ ту bien aisance, при которой легко живется на свѣтѣ. Въ противоположность имъ существуютъ другіе, желчные, недовольные — жертвы вѣчной

хандры и сплина. Наконецъ, въ оцѣнкѣ ощущеній являются субъективныя стороны, и что можетъ быть пріятно одному, то непріятно другому.

Разсматривая, какія чувства могутъ кончаться плачемъ, мы видимъ, что къ такимъ принадлежатъ гнѣвъ и страхъ. Человѣкъ можетъ плакать съ досады или съ испугу. Точно также сконфуженная женщина можетъ заплакать; затѣмъ страданіе, жалость могутъ выражаться слезами. Такимъ образомъ мы видимъ, что какъ бы ни были различны чувства, какими бы путями онѣ ни шли, онѣ могутъ быть приведены къ одному общему выраженію и разрѣшиться въ слезахъ. Замѣтимъ кстати, что всѣ эти чувства принадлежатъ къ основнымъ или къ ихъ измѣненіямъ.

Изъ основныхъ чувствъ вышли производныя. Эта спеціализація совершалась генетически и одно чувство выростая, какъ вѣтвь, давало начало другому. Теперь нѣтъ возможности прослѣдить путь этого обособленія, но физіологическіе факты вѣроятно дадутъ для этого средства. Такое обособленіе не прекратилось и въ настоящее время. И теперь мы имѣемъ факторы для образованія чувства— привычки, условія и потребности общества. Любовь ко многимъ предметамъ (охота, лошади, книги, антикварныя вещи), аккуратность, неряшество,—вотъ кандидаты на будущія чувства.

Чувства, которыя мы назвали основными или главными, находятся у всѣхъ людей, производныя могутъ быть только у нѣкоторыхъ. У одного человѣка можетъ доходить до крайняго развитія одно чувство и отсутствовать другое. Одинъ человѣкъ можетъ быть золъ, другой скупъ, третій гордъ, четвертый ревнивъ. У многихъ эти чувства распредѣляются смотря по натурѣ. Люди съ сильно развитыми пищепріемными органами страдаютъ излишкомъ самолюбія и скорѣе другихъ становятся жертвами гордости, честолюбія, тщеславія. Люди съ слабымъ дыханіемъ, съ недостатками сердца нерѣдко страдаютъ ипохондріей, мрачнымъ расположеніемъ духа. Люди съ большой печенью подвергаются раздражительности, частымъ и весьма сильнымъ припадкамъ гнѣва. Одни рождаются съ этими чувствами, другіе пріобрѣтаютъ ихъ условіями жизни, воспитаніемъ. «Заучиваніе и подражаніе, говоритъ Дарвинъ (ст. 297), не играютъ въ самомъ дѣлѣ никакой роли при нѣкоторыхъ выразительныхъ движеніяхъ, потому что они существуютъ уже въ первые дни и остаются на всю жизнь, совершенно внѣ нашего контроля.» Но есть чувства, съ которыми, какъ съ привычками, можно бороться. Для этой борьбы необходимы два условія: первое—правильно устроенное сердце и органы дыханія, второе—сильно развитые центры, переработы-

вающіе роковые рефлексы. Если сердце ровно бьется, если волненія не смущають его и при этомъ разсудокъ работаетъ правильно и сильно, то многія ощущенія проходятъ безслѣдно.

Нѣтъ ни одного чувства, которое было бы разумно, хотя мы и говоримъ нерѣдко: разумное чувство. То, что мы называемъ здѣсь разумнымъ, принадлежитъ дѣйствительно разуму, разсудку, а не чувству. Разсматривая эти отношенія разсудка къ сердцу, мы видимъ слѣдующую картину. Сначала идутъ дѣти съ ихъ быстро подвижными мишурными слезами и смѣхомъ, съ ихъ плохо выдѣленными, недифиринцированными страстями, съ ихъ застѣнчивостью, прямымъ послѣдствіемъ страха. Далѣе слѣдуютъ женщины, болѣе нѣжныя, подвижныя, страстныя, чѣмъ мужчины. Наконецъ, эти послѣдніе представляютъ намъ различные оттѣнки страсти, смотря по развитію, возрасту, племени и различнымъ внѣшнимъ условіямъ. Возьмите человѣка-ребенка, съ мимолетными страстями и чувствами, въ которомъ все быстро мѣняется—всѣ его чувства не болѣе, какъ роковые рефлексы, котрые должны быть задержаны или переработаны центрами ими управляющими. Разсматривая цѣлый рядъ чувствъ, мы видимъ, какъ они скоро одно за другимъ становятся безсильными передъ дѣйствіемъ разсудка. Мы видимъ, что съ развитіемъ человѣка рука объ руку идетъ перевѣсъ въ разсудочныхъ явленіяхъ; центры, перерабатывающіе роковые рефлексы, берутъ верхъ, и совершается борьба между чувствами бозсознательными и сознательными, которая кончается полнымъ торжествомъ послѣднихъ. Только трезвая, серьёзная жизнь, развитіе мысли избавляютъ насъ мало-по-малу отъ того, что осталось намъ по наслѣдству отъ животныхъ или низшихъ людскихъ расъ.

Н. Вагнеръ.

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА

Ночь. Небо ясное спокойно,
Какъ встарь, за тысячи вѣковъ:
Все тѣ же звѣзды, также стройно,
Глядятъ съ невѣдомыхъ міровъ
На нашу бѣдную планету,
Гдѣ все въ движеньи, все кричитъ:
«Свободы дайте намъ и свѣту»!
Гдѣ міръ людской кишмя кишитъ,
И безпокоенъ, и тревоженъ,
Самонадѣянъ, горделивъ,
Въ своихъ стремленьяхъ невозможенъ,
Въ своихъ страданьяхъ терпѣливъ...

* * *

Вотъ, надъ моею головою,
Легка, свободна, безъ слѣда,
Скатилась длинною дугою
По небу яркая звѣзда.
А вотъ, на встрѣчу ей другая
Летитъ все выше отъ земли,
Въ пути молочномъ исчезая
Среди мерцающей пыли.
А вотъ еще! еще!.. какъ много!
Куда глаза ни поглядятъ,
Онѣ блестящею дорогой
Повсюду небо бороздятъ.

Среди небеснаго застоя,
Среди надзвѣздной тишины,
Звѣздамъ падучимъ нѣтъ покоя
Въ пучинахъ вѣчной глубины.
Имъ будто мало кругозора,
Имъ будто тѣсно, душно въ немъ,
Имъ во вселенной нѣтъ простора,
Какъ намъ на глобусѣ земномъ.
Скитальцы неба, на свободѣ
Онѣ блуждаютъ безъ препонъ
И то, что держитъ все въ природѣ,
Для нихъ какъ будто не законъ.

* * *

Во всѣхъ предѣлахъ міозданья,
И на землѣ, и средь свѣтилъ,
Есть ненасытныя желанья,
Есть много непокорныхъ силъ.
Сродни страдальцу Прометею,
Враги застоя и оковъ,
Свергая власть, смѣясь надъ нею,
Съ начала самаго вѣковъ
Они, защитники свободы,
Вражду и распрю повели
Съ поработителемъ природы,
Съ Олимпомъ неба и земли...

* * *

Ночь. Небо ясное спокойно,
Какъ встарь, за тысячи вѣковъ:
Все тѣ же звѣзды, также стройно,
Глядятъ съ невѣдомыхъ міровъ,
Глядятъ — и завистью трепещетъ
Ихъ безпокойный, злобный взглядъ,
Когда хвостомъ своимъ заблещетъ
Летя черезъ созвѣздій рядъ,
Мятежница міростроенья;
Ей путь впередъ, впередъ всегда,
Она не знаетъ тяготѣнья,
Она — падучая звѣзда!

М. В-новъ.

ПРИНЦИПЫ

СТРАХОВАНІЯ ИМУЩЕСТВА.

Когда жизнь сама выработываетъ себѣ новыя формы, новыя приспособленія, послѣдствія являются или какъ отвѣтъ на всеобщую потребность, удовлетвореніе которой стало неизбѣжнымъ, или какъ воплощеніе теоріи, создавшейся прежде чѣмъ потребность сдѣлалась сознательною для всѣхъ. Таковъ почти всегда ходъ улучшеній въ экономической жизни народовъ, если новая форма создается, а не принимается извнѣ.

Если потребность въ улучшеніи ощущается почти всѣми, то новая форма, разрѣшающая вопросъ, является какъ желанная гостья, тотчасъ получаетъ права гражданства, становится необходимостью и безъ объясненія понимается всѣми.

Если же потребность еще не сказалась ощутительно для всѣхъ, если появленіе ея только предчувствуется немногими, то для реализаціи въ жизни новой формы, стремящейся удовлетворить еще несовершенно сознанной потребности, является необходимость теоріи, задачею которой становится разъясненіе для общества удобствъ и выгодности новой формы.

Когда же форма экономической жизни, выработанная однимъ народомъ, переносится къ другому, она переходитъ какъ нѣчто готовое, чаще всего, какъ выгодное коммерческое предпріятіе, и для массы общества является чѣмъ-то чужимъ, отвѣчающимъ иногда частному интересу, но никогда, или очень долго не становится разрѣшеніемъ вопроса жизни. Въ этомъ случаѣ заимствованная форма не имѣетъ для народа общественнаго жизненнаго значенія: духъ и мысль ее создавшіе могутъ часто искажаться.

Таково теоретическое объясненіе неудачъ многихъ позаимство-

ваній: они часто приносятъ вредъ и гибнутъ сами не потому, что жизнь экономическая не созрѣла для нихъ, а потому, что, исказивши духъ и мысль учрежденія, люди заимствуютъ одну форму и искажаютъ ее среди попытокъ примѣненія къ новой мѣстности и къ новому народу.

Страхованіе, какъ результатъ уже высоко развитой экономической жизни, должно было испытать на себѣ всѣ высказанныя неудобства заимствованій, чисто формальныхъ приложеній его къ жизни другого народа, въ видѣ готовой уже формы.

Страхованіе такой важный дѣятель въ экономической жизни народа, что разъясненіе его теоретическаго значенія не лишено интереса для всѣхъ, а слѣдовательно можно думать, что статья, посвященная этому вопросу, не будетъ лишнею въ русскомъ обществѣ, для котораго страхованіе дѣло почти совсѣмъ новое.

Страхованіе могло возникнуть, когда общество сознало уже солидарность своихъ интересовъ, и для огражденія ихъ, съ цѣлью помочь тому изъ своихъ членовъ, кого постигло бѣдствіе, рѣшилось ежегодно откладывать для этого часть своихъ сбереженій; такимъ образомъ, страхованіе есть только распредѣленіе между многими лицами убытка, понесеннаго отъ несчастія однимъ лицомъ. Нѣсколько лицъ соглашаются вносить, кому бы то ни было, извѣстную плату, съ условіемъ, что при погибели имущества у кого-либо изъ плательщиковъ, вся стоимость его, или опредѣленная часть ея, будетъ возвращена пострадавшему лицу.

Въ этой очень простой мысли заключается вся теорія страхованія,—все, что внѣ ея, ложь.

Плата, гарантирующая пострадавшему возвратъ стоимости имущества при его несчастіи, и называемая страховой преміею, находится въ тѣсной, математической связи съ суммою убытка и суммою застрахованнаго имущества; простѣйшій способъ страхованія былъ бы слѣдовательно тотъ, при которомъ нѣсколько лицъ гарантировали бы взаимно другъ другу цѣлость имущества и, по истеченіи года, сосчитавши, какая общая стоимость имущества участвовала въ договорѣ, какая часть погибла, опредѣлили бы такимъ образомъ, какую премію долженъ заплатить каждый рубль участвовавшаго въ договорѣ имущества для покрытія несчастій, бывшихъ въ теченіи года. Эта форма простѣйшая, самая дешевая и лучше всякой иной достигаетъ цѣли, потому что оставляетъ контроль надъ несчастіями въ рукахъ того же общества, которое платитъ за несчастіе, потому что не требуетъ капитала, а слѣдовательно и платы за него, не требуетъ сложной администраціи и сопряженныхъ съ нею расходовъ.

Но дурное, или лучше сказать, извращенное пониманіе обществомъ своихъ интересовъ, отсутствіе въ немъ чувства солидарности, опасенія каждаго отдѣльнаго лица не получить отъ общества вознагражденія при несчастіи, т.-е. другими словами, отсутствіе полной честности въ обществѣ и отсутствіе въ каждомъ членѣ его вѣры въ честность общественную, дѣлаютъ то, что форма страхованія, указанная выше, простѣйшая, лучшая и выгоднѣйшая, вездѣ уступила мѣсто частной инициативѣ. Будущее, конечно, принадлежитъ взаимному страхованію, можетъ быть, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а настоящее состояніе общества требуетъ иной формы страхованія— при гарантіи имущества не круговою порукою, а капиталомъ, принадлежащимъ постороннему лицу, или акціонерному обществу. Какъ скоро страхованіе стало дѣломъ частной предпріимчивости, потребовалось и точное опредѣленіе впередъ той преміи, какую должны заплатить всѣ страхователи, а это, въ свою очередь, требуетъ предварительнаго существованія статистики, требуетъ приложенія къ страхованію теоріи вѣроятностей съ средними числами. Необходимость статистики для опредѣленія преміи очевидна всѣмъ, но какова должна быть эта статистика, на какіе вопросы должна она дать отвѣты, чтобы помощью ея добыть премію, справедливую для страхователей и гарантирующую цѣлость страховового капитала,— это я постараюсь опредѣлить.

Никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что страхуемыя цѣнности находятся въ разнообразныхъ и оттого различныхъ условіяхъ относительно опасности погибели, и что это разнообразіе условій чрезвычайно велико.

Дома каменные и деревянные, крытые желѣзомъ, или деревомъ и соломою, фабрики и мастерскія, работающія огнемъ, или холодныя строенія, сплошная постройка или съ промежутками, то или другое сосѣдство, нахожденіе товара въ судахъ прочной или легкой постройки, новыхъ или старыхъ, плаваніе по тихимъ или быстрымъ рѣкамъ, подъ паромъ или по вѣтру и теченію, весною или лѣтомъ и т. д.—все это условія, создающія для имущества различныя количества погибели и долженствующія вызывать и различныя преміи.

Статистика должна дать отвѣтъ, на какую сумму имущества, находящагося въ одинаковыхъ условіяхъ, сколько на какую сумму и отъ какихъ причинъ приходится ежегодной погибели имущества.

Чѣмъ дробнѣе будутъ эти разряды, тѣмъ вѣрнѣе и справедливѣе будетъ разсчетъ, и только путемъ провѣрки можно рѣшать, какое имущество не стóитъ относить къ отдѣльному разряду и можно присоединить къ другому и какому именно.

Но одна дробность раздѣленія еще не даетъ возможности окон-

чательно опредѣлить премію, для этого нужно еще существованіе статистики несчастій хотя за сколько-нибудь продолжительный промежутокъ времени, и чѣмъ длиннѣе послѣдній, тѣмъ вѣрнѣе разсчетъ. При отсутствіи этихъ свѣдѣній собирать ихъ за прошлое время не только трудно, но въ большинствѣ случаевъ добыть сколько-нибудь точныя цифры почти невозможно, а между тѣмъ всѣ мы знаемъ, что, помимо ежегодныхъ, мелкихъ такъ сказать истребленій имущества, прорываются крупныя катастрофы, истребляющія цѣлые города и заставляющія руководствоваться свѣдѣніями за длинные промежутки времени. Пожары Симбирска, Гамбурга, Чикаго и Бостона у всѣхъ на памяти. Не только съ точки зрѣнія страховыхъ учрежденій и сохраненія ихъ капиталовъ, но еще болѣе съ точки зрѣнія огражденія интересовъ самихъ страхователей, а слѣдовательно всего общества, катастрофы эти должны быть введены въ разсчетъ.

Если этого не сдѣлано, то въ моментъ крупныхъ несчастій и наибольшей необходимости въ помощи, страховыя учрежденія лопаются, неудовлетворивъ иногда и десятой части убытковъ, и страхователи остаются безъ вознагражденій.

Если учрежденіе страхованія есть плодъ человѣческой предусмотрительности, то оно обязано быть предусмотрительнымъ до возможно далекаго предѣла, если не до конца, потому что иначе оно перестаетъ быть страховымъ учрежденіемъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Когда точно и вѣрно установлена статистика несчастій, по разнымъ разрядамъ имущества, хотя за нѣсколько лѣтъ, надо ввести въ разсчетъ крупныя катастрофы, случающіяся въ длинные промежутки времени и, за недостаткомъ прямыхъ статистическихъ данныхъ для нихъ, найти выходъ изъ этого затрудненія. Иногда это даже вовсе не трудно сдѣлать: стòитъ только строго анализировать данныя, доставляемыя цифрами, и выводя разсчеты по вѣроятности, умѣть примѣнять ихъ къ данному случаю.

Для большей наглядности попытаюсь объяснить свою мысль на примѣрѣ. Положимъ, требуется опредѣлить статистику крупныхъ катастрофъ отъ огня для русскихъ городовъ, а подъ крупною катастрофою можно разумѣть истребленіе огнемъ имущества или на извѣстной площади, или извѣстнаго числа строеній, или на извѣстную сумму — выборъ зависитъ отъ насъ.

Принимая во вниманіе, что при крупныхъ катастрофахъ главную роль играетъ матеріалъ строеній, густота построекъ, устройство пожарной части, и что остальныя условія, каковы, напримѣръ, количество въ городѣ строеній, употребляющихъ постоянно огонь, и количество холодныхъ дней въ году играютъ второстепенную роль, уве-

личивая только число пожаровъ, — можно раздѣлить всѣ русскіе города, по каждому изъ этихъ трехъ признаковъ, на отдѣлы: по матеріалу— на чисто каменные и потомъ на города съ присутствіемъ 10, 20, 30 и т. д. процентовъ деревянныхъ строеній; по устройству пожарной части—принявъ за основаніе существованіе водопроводовъ и количество трубъ по числу домовъ; по пустотѣ построекъ—руководствуясь различными отношеніями площади занятой городомъ къ числу домовъ. Изъ этихъ отдѣловъ можно составить общіе классы, гдѣ города будутъ расположены по всѣмъ тремъ признакамъ вмѣстѣ. Когда это сдѣлано и получено, положимъ, 10 классовъ, остается только ввести признаки второстепенные: исключительно большое число фабрикъ и географическое положеніе городовъ.

Такимъ образомъ можетъ быть получено до 20-ти под-классовъ, въ которые войдутъ всѣ русскіе города. Принявъ цифры послѣднихъ за 600, мы имѣемъ кругомъ около 30-ти городовъ въ каждомъ под-классѣ, а предполагая, что статистика существуетъ за 10 лѣтъ, мы, значитъ, имѣемъ свѣдѣнія равносильныя свѣдѣніямъ о каждомъ изъ городовъ под-класса за 300 лѣтъ,—срокъ довольно продолжительный для выводовъ и могущій дать достаточную точность.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторые под-классы представятъ данныя за меньшее число лѣтъ, хотя въ то же время другіе дадутъ данныя еще болѣе точныя. Имѣя на основаніи этихъ послѣднихъ уже довольно вѣрныя цифры числа пожаровъ и губительности каждаго изъ нихъ, можно, изобразивъ въ цифрахъ отношеніе под-классовъ между собою, по возможному числу пожаровъ и по возможной губительности ихъ, составить для под-классовъ, давшихъ менѣе точныя свѣдѣнія статистическія, вѣроятные разсчеты, очень близкіе къ дѣйствительности.

Такъ или иначе могутъ быть добыты достаточныя свѣдѣнія и выведены достаточно точные разсчеты для всякаго рода страхованія, если хотя небольшія имѣющіяся данныя разработаны какъ слѣдуетъ.

Всякій годъ, протекшій для страхового учрежденія, прибавляетъ новыя данныя, исправляя выводы, или болѣе удостовѣряя ихъ правильность.

Если страховое учрежденіе начинаетъ свою работу безъ этихъ данныхъ, если оно не съумѣетъ въ началѣ овладѣть этимъ матеріаломъ и создать приблизительные разсчеты впередъ, то и богатый матеріалъ, собираемый имъ позже, не послужитъ ни къ чему существенному, не научитъ пользоваться этими свѣдѣніями, а скорѣе въ своемъ необработанномъ видѣ можетъ служить поддержкою того или другого фальшиваго взгляда, установившагося a priori.

Извѣстно, что изъ статистическихъ данныхъ, собираемыхъ безъ

системы, можно придти къ самымъ противуположнымъ выводамъ, смотря потому кто чего желаетъ. Но къ такимъ результатамъ несомнѣнно приводятъ только статистическія данныя дурно расположенныя и мало изученныя, оттого и необходимо умѣнье ими пользоваться, оттого и нужно впередъ твердо и ясно знать, на что нуженъ отвѣтъ. Только такой способъ дѣйствія дастъ то дорогое достояніе, которое зовется опытомъ, т.-е. дастъ большіе запасы свѣдѣній разумно собранныхъ и сгруппированныхъ и навыкъ владѣть ими, извлекая изъ нихъ возможно точные выводы, необходимые для даннаго случая.

На основаніи свѣдѣній подобнымъ образомъ добытыхъ, выведенная премія будетъ очень близка къ истинной для страхового учрежденія и справедливой для страхователей; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что она останется таковою для будущаго времени, если не измѣнилось ни одно изъ условій, вліяющихъ на число или сумму несчастій, и если страхованіе производится на томъ же пространствѣ, на какомъ собраны были эти свѣдѣнія. Къ несчастью, мы настолько мало знаемъ законы управляющіе общественнымъ организмомъ, что не въ силахъ часто указать впередъ, какія измѣненія общественныхъ условій вліяютъ на измѣненіе числа того или другого изъ проявленій общественной жизни; но вліяніе нѣкоторыхъ мы можемъ предвидѣть при внимательномъ изученіи дѣла. Мы знаемъ, напримѣръ, фактъ, что вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ въ сельскомъ сословіи появилось стремленіе къ раздѣлу семей, слѣдовательно къ увеличенію числа домовъ; знаемъ также, что въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ эти новыя постройки внѣдрялись въ средину селеній, сближая, такъ сказать, строенія между собою. Понятно, зная это, не трудно уже предвидѣть, что помимо увеличенія числа пожаровъ, зависящаго отъ увеличенія числа домовъ и неизмѣняющаго размѣра премій, вѣроятная губительность пожаровъ должна увеличиться отъ большей скученности построекъ, а слѣдовательно должна увеличиваться и страховая премія.

Статистика несчастій и разсчеты бо́льшей или меньшей вѣроятности послѣднихъ, при измѣняющихся условіяхъ, выражаютъ свои результаты средними числами, составляющими упрощенный выводъ. Среднее число не есть нѣчто реальное, дѣйствительно существующее, оно есть только математическій выводъ, тѣмъ болѣе вѣрный, чѣмъ изъ большаго числа случаевъ онъ выведенъ, и имѣющій возрастающую невѣрность, по мѣрѣ уменьшенія числа случаевъ, къ какимъ онъ прикладывается. Для того, чтобы получить среднее число приблизительно вѣрное, надо брать непремѣнно большое число случаевъ, чтобъ въ массѣ пропадало безслѣдно вліяніе частностей.

Если городъ, состоящій изъ 20,000 каменныхъ домовъ, стоющихъ 500 милліоновъ, имѣлъ въ 10 лѣтъ 1,000 пожарныхъ случаевъ, отъ которыхъ сгорѣло 5,000 домовъ, а общій убытокъ равняется $62^1/_2$ милліонамъ, то очевидно, что средняя стоимость дома 25,000; среднее годовое число пожарныхъ случаевъ 100, средній убытокъ отъ каждаго пожара 62,500, т.-е. 5 домовъ сгорѣвшихъ до половины, или $2^1/_2$ сгорѣвшихъ совсѣмъ.

Очевидно также, что если изъ 20,000 домовъ сгораетъ ежегодно 500 до потери половины стоимости, или 250 до потери всей стоимости, то это все равно, еслибъ изъ 100 домовъ совершенно сгоралъ $1^1/_4$ или одинъ домъ сгоралъ совершенно въ 80 лѣтъ.

Чтобы приложить эти выводы къ страхованію безошибочно, нужно опредѣлить чистую годовую премію равную $^1/_{80}$ стоимости, 1,25%, и принять страхованіе въ ровныхъ или пропорціональныхъ доляхъ, во всѣхъ частяхъ города, сообразуясь съ ихъ пространствомъ и числомъ домовъ; надо, чтобы число страхуемыхъ домовъ было довольно значительно, чтобы нигдѣ не принимать болѣе $2^1/_2$ домовъ, могущихъ легко подвергнуться истребленію отъ одного пожара, и не болѣе 5-ти при очень большомъ числѣ страхованій.

Изъ приведеннаго примѣра видно, что по разсчету каждый домъ сгораетъ среднимъ числомъ въ 80 лѣтъ; но это конечно не значитъ, что безусловно каждый домъ непремѣнно не горитъ 79 лѣтъ, сгорая на восьмидесятый.

Еслибы выведенныя среднія числа и премію на нихъ основанную мы попытались бы приложить къ 100 домамъ этого города, находящимся въ одной непрерывной связи, то непремѣнно въ теченіе короткаго промежутка времени имѣли бы или большой излишекъ преміи или дефицитъ, и пришли бы къ нулю или равенству сборовъ съ платежами за несчастія только въ очень длинный періодъ времени; т.-е. другими словами, если невѣрно, что каждый домъ гибнетъ 1 разъ въ 80 лѣтъ, то гораздо вѣрнѣе, что каждый гибнетъ 10 разъ въ 800 лѣтъ и почти совершенно вѣрно, что гибель каждаго дома случается 100 разъ въ 8,000 лѣтъ.

Понятно, что послѣднія цифры, дающія вѣрность только за такіе большіе періоды времени, не имѣютъ практическаго значенія для страхованія.

Выведенныя изъ взятыхъ выше данныхъ среднія числа вѣрны, какъ я старался это показать, только при существованіи всѣхъ взятыхъ условій; если измѣнено одно изъ нихъ, среднее число лишается всякаго значенія. Такъ какъ предметъ очень важенъ, особенно въ приложеніи къ земскому страхованію, то я позволю себѣ остановиться на немъ подольше.

Мы приняли, что 100 пожарныхъ случаевъ даютъ *среднимъ* числомъ 500 до половины сгорѣвшихъ домовъ, т.-е. среднее число губительности одного пожара равно 5-ти домамъ сгорѣвшимъ до половины или $2^1/_2$ домамъ, сгорѣвшимъ вовсе, или 62,500 рубл. убытка. Но очевидно, что среднее число 62,500 руб. гибели имущества при пожарномъ случаѣ можетъ быть получено изъ самыхъ различныхъ слагаемыхъ. Число домовъ, истребляемыхъ до $^1/_2$ отдѣльными пожарами, можетъ колебаться между 3 и 6, 9—10, 1—300 и т. п., сохраняя среднюю цыфру 5 на сумму всѣхъ случаевъ; а потому, если страховое учрежденіе принимаетъ болѣе 5-ти домовъ въ одной связи, то на весь этотъ излишекъ оно рискуетъ уже своимъ капиталомъ. И рискъ этотъ возможенъ только при соотвѣтствіи его съ размѣрами капитала, т.-е. если онъ составляетъ часть капитала и чѣмъ меньшую тѣмъ лучше, потому что вѣроятности потерь и выигрышей уравниваются, какъ было сказано, только въ длинные промежутки времени.

Чтобы погубить частныя страховыя учрежденія въ Россіи стóитъ только ограничить ихъ дѣятельность губерніями, обязавъ принимать сплошь всѣ строенія въ городахъ: тогда неизбѣжно одни бы разорялись въ то время, какъ другія получали бы незаслуженные барыши.

Если, какъ было сказано, страховое учрежденіе, имѣющее капиталъ, можетъ безъ серьёзныхъ опасеній рисковать только незначительною его частью, выходя за предѣлы средней цифры домовъ истребляемыхъ однимъ пожаромъ, то всѣ взаимныя страхованія, дѣйствующія безъ капитала и на небольшихъ пространствахъ, не имѣютъ ни какой возможности этого дѣлать.

Могъ ли Чикаго, или даже цѣлый штатъ, вынести пожаръ, истребившій этотъ городъ годъ тому назадъ? Между тѣмъ взаимное страхованіе, распрóстраненное на всю территорію Союза, конечно, было бы въ силахъ покрыть убытки этого пожара.

Всякое взаимное страхованіе, какъ оно организовано до настоящаго времени, есть непремѣнно мѣстное, ограниченное небольшимъ территоріальнымъ пространствомъ, устраняющее всякую мысль о возможности ограниченія рисковъ, о важности котораго мы только что говорили.

Самая ограниченность территоріальнаго распространенія требуетъ опредѣленія спеціальной преміи для этого пространства, и не допускаетъ приложенія къ малой территоріи преміи, выведенной для большого пространства.

Страховать одинъ домъ, на основаніи среднихъ чиселъ выведенныхъ для тысячи домовъ, также неосновательно, какъ страховать одинъ городъ или одну губернію, на основаніи данныхъ выведенныхъ для сотни городовъ или 50-ти губерній.

Мы говорили уже, что разные дома города имѣютъ разные шансы погибели, разные же шансы существуютъ и для гибели имущества губерній. Большія катастрофы мѣняютъ мѣста и обрушиваются на одну мѣстность, оставляя въ покоѣ десятки другихъ; съ средними числами, какъ съ выводами математическими, нельзя пускаться въ дипломатію, они грубы и бьютъ какъ обухомъ; ихъ надо уважить во всей ихъ неприкосновенности, и тогда они становятся добрыми друзьями. Рельефнѣе всего можно видѣть на земскомъ взаимномъ страхованіи неудобство территоріальныхъ ограниченій и разорительность группированія рисковъ. Если взять общую стоимость крестьянскихъ строеній всей Россіи и, раздѣливъ ее на число строеній, получить среднюю стоимость каждаго, затѣмъ самымъ тщательнымъ образомъ, хотя за 500-лѣтній періодъ времени, высчитать, сколько ежегодно гибнетъ этой стоимости отъ огня, то, конечно, можетъ быть строго опредѣлена средняя годовая страховая премія на всю Россію, для каждаго крестьянскаго строенія. Страхованіе, основанное на такомъ разсчетѣ, и дѣйствующее на всю Россію, никогда почти не можетъ имѣть убытковъ, превышающихъ сборъ, а еслибъ это и случилось, вслѣдствіе скопленія въ одно время нѣсколькихъ крупныхъ несчастій, то въ ближайшіе годы равновѣсіе возстановилось бы; число объектовъ страхованія при такомъ способѣ такъ велико, что среднее число одного года будетъ весьма близко къ среднему числу длиннаго ряда лѣтъ, въ это число вошли бы даже крупныя катастрофы. Но если раздѣлить страхованіе по губерніямъ, и приложить ту же премію къ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, то непремѣнно получится въ результатѣ, что для однѣхъ губерній сборовъ не будетъ доставать, а въ другихъ будутъ излишки.

Само собою очевидно на первый взглядъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ зима продолжительнѣе и суровѣе, гдѣ печи топятся чаще и жарче, гдѣ сушится въ овинахъ хлѣбъ, въ баняхъ грибы или лёнъ, гдѣ селенія сжаты, по недостатку мѣста, или тѣснятся къ большому водному пути, гдѣ господствуютъ промыслы кузнечные и т. п., пожары будутъ чаще и дѣйствіе ихъ губительнѣе, чѣмъ въ губерніяхъ съ теплымъ климатомъ и раскинутыми поселеніями чисто земледѣльческой полосы. На основаніи этихъ данныхъ, безъ претензіи на титулъ пророка, можно предсказать постоянный почти дефицитъ для первыхъ мѣстностей и постоянный же излишекъ въ сборахъ для послѣднихъ. Исключенія изъ такого вывода возможны только какъ случайность и не на долгое время.

Все это взятое вмѣстѣ съ гибельностью каждаго пожара въ отдѣльности, приводитъ къ убѣжденію, что для развитія земскаго страхованія необходима взаимная круговая отвѣтственность всѣхъ губер-

ній съ обязательнымъ распредѣленіемъ крупныхъ селеній между земствами, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, многихъ губерній, съ раздѣленіемъ Россіи на страховые округа для перестрахованія рисковъ, превышающихъ въ одномъ поселеніи $1/5$ или даже $1/10$ части годового сбора премій по всей губерніи.

Высказанныя здѣсь теоретическія соображенія приводятъ меня естественно къ указанію програмы дѣйствій страхового учрежденія, которое, отрѣшившись отъ исключительной цѣли наживы барышей, пожелало бы стать учрежденіемъ прочнымъ, согласнымъ съ требованіями народной экономіи. Задача эта значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что интересы страхового учрежденія, широко понимаемые, совершенно согласуются съ интересами народнаго хозяйства. Сумма преміи собранной страховымъ учрежденіемъ еще не говоритъ ничего въ пользу выгодности дѣла. Даетъ барышъ не выгодность дѣла, а разность между собранной преміей и оплаченными убытками; слѣдовательно, задача страхового учрежденія, съ точки зрѣнія соблюденія его интересовъ, становится двоякою: собрать много премій и имѣть мало убытковъ; первая половина задачи достигается неразборчивостью въ страхованіи, вторая только привлеченіемъ къ страхованію хорошихъ рисковъ [1]), т.-е. наиболѣе безопасныхъ. Отсюда ясно, что эти двѣ цѣли противорѣчатъ другъ другу и что, для достиженія конечнаго результата—большей разности между собранной преміей и количествомъ убытковъ, первенство должно остаться за второю половиною задачи: за привлеченіемъ хорошихъ рисковъ или за уменьшеніемъ убытковъ. Если общество отказалось отъ взаимнаго страхованія и допустило образованіе страховыхъ компаній, потребовавъ отъ учредителей страхового дѣла отвѣтственнаго капитала, то правильно разсчитанная премія слагается для каждаго отдѣльнаго класса имущества изъ слѣдующихъ элементовъ:

1) Преміи за ежегодныя среднія несчастія, равной процентному отношенію стоимости ежегодно среднимъ числомъ погибающаго имущества къ общей стоимости такого имущества;

2) Платы за расходы управленія;

3) Преміи за большія катастрофы, опредѣляемой по способу указанному выше, или что все равно, преміи для образованія запаснаго капитала;

4) Процентовъ на капиталъ, затраченный на предпріятіи;

---

[1]) Рискомъ называется имущество, принимаемое на страхъ и могущее погибнуть отъ одной причины; напр., если 5 домовъ находятся въ тѣсной связи, то ихъ называютъ однимъ рискомъ; суда на пристани, поставленныя безъ интерваловъ всѣ вмѣстѣ—опять составляютъ одинъ рискъ и т. д.

5) Барыша за рискъ предпріятія.

Положимъ, большія катастрофы въ теченіе 800 лѣтъ совершенно истребляютъ имущество, тогда, очевидно, премія запаснаго капитала должна быть равна 0,125%. Допустимъ, что на расходы управленія взимается 01% стоимости имущества и столько-же на проценты и дивидендъ. Далѣе, возьмемъ такого рода имущество, которое представляетъ по среднему разсчету ½% погибели, значитъ для него премія будетъ 0,5%. Страхуя на 20.000,000 такого имущества мы сберемъ:

Премій ежегодныхъ убытковъ. . . .	100,000
„ запаснаго капитала.	25,000
На расходы управленія.	20,000
„ проценты и барышъ.	20,000
	165,000 т. е. 0,825%

Изъ этой суммы 100,000 поступитъ на оплату несчастій, а 65,000 на остальныя надобности страхового учрежденія, причемъ образуется остатокъ отъ сборовъ.

Возьмемъ тепѐрь другого рода имущество, представляющее среднюю годовую гибель 25% стоимости.

Взятый нами контрастъ можетъ показаться черезъ-чуръ большимъ, между тѣмъ онъ существуетъ и, еслибъ понадобилось, мы можемъ на Волгѣ указать суда, гибнущія въ этой пропорціи отъ бурь.

Страхуя такого имущества на 20-же милліоновъ, мы должны взять:

для ежегодныхъ убытковъ	5.000,000
„ запаснаго капитала.	25,000
„ управленія.	20,000
„ % и барыша	20,000
	5.065,000 или 25,325%

Отсюда очевидно, что два сбора, изъ которыхъ одинъ почти въ 30 разъ болѣе другого, даютъ тотъ же остатокъ 65,000 руб., хотя, говоря правильно, сборъ премій въ 5 милл. обойдется расходами управленію дороже, чѣмъ сборъ 165,000 руб.

Принявъ, что опасныя и безопасныя имущества равны по общей стоимости, и назначивъ для нихъ одну сложную премію, послѣдняя была бы 13,125%, т.-е. она будетъ только около ½ дѣйствительной преміи для имущества опаснаго, и почти въ 16 разъ дороже дѣйствительной преміи для имущества безопаснаго.

Если приложить эту премію на практикѣ, неминуемо обнаружатся послѣдствія такого рода:

1) Безопасные риски, находя для себя премію слишкомъ дорогою, уклонятся отъ страхованія, т.-е. имущество хорошее, принадлежащее заботливымъ людямъ, хорошимъ хозяевамъ, лишится обезпеченія.

2) Опасные риски, напротивъ, всѣ будутъ стремиться къ страхованію.

3) Съ отстраненіемъ хорошихъ рисковъ равенство тѣхъ и другихъ въ страхованіи нарушится и премія сдѣлается недостаточною, или, другими словами, страховое учрежденіе разорится, не оплачивая даже убытковъ. Для объясненія послѣдняго приведу слѣдующій разсчетъ.

Русскія страховыя общества съ капиталами въ 500,000 р. страхуютъ товаровъ въ пути на 100 милліоновъ руб.; слѣдовательно, для страхованія 20 милліоновъ достаточно капитала въ 100,000 р. Если изъ 20 милл. общей застрахованной суммы останется на 5 милл. р. хорошихъ рисковъ, а на 15 милл. р. дурныхъ, то сборъ преміи при 13,125% будетъ 2.625,000, а убытковъ отъ 5 милл. хорошихъ рисковъ 25,000 р. и отъ 15 милл. дурныхъ рисковъ 3.750,000, а всего 3.775,000 р., т.-е. убытки поглотятъ весь сборъ, весь капиталъ 100,000 р. и не покроются еще на 1.050,000 р. или на 28% погибшаго имущества.

4) При преміи 13,125% естественно, что стремленіе заводить безопасное имущество будетъ ослабѣвать подъ вліяніемъ мотива, что дурныя суда обходятся дешевле, и отчасти по невозможности страховать хорошія суда, т.-е. результатомъ является ухудшеніе судостроенія.

Вотъ логическія послѣдствія смѣшеній страхованій, представляющихъ различныя степени опасности. Если разница будетъ не такъ ощутительна, какъ та, которую мы взяли, результаты будутъ медленнѣе, но въ сущности будутъ тѣ же.

Значитъ, страхованіе, несоблюдающее условія строгаго разграниченія рисковъ, гибнетъ само—это еще меньшее изъ предстоящихъ золъ; оно увеличиваетъ погибель народнаго имущества и развиваетъ безпечность, становясь такимъ образомъ учрежденіемъ антисоціальнымъ, между тѣмъ, какъ страхованіе, правильно организованное, является всегда другомъ человѣка и общества.

Прибѣгаю еще разъ къ примѣру, чтобы выяснить мою мысль и избѣгнуть такимъ образомъ длинныхъ разсужденій. Увеличеніе народонаселенія естественно возвышаетъ цѣну хлѣба, а это даетъ возможность новымъ мѣстностямъ болѣе отдаленнымъ, или имѣющимъ худые пути сообщенія, вводить свои продукты на всемірный рынокъ.

Допустимъ, что какая-нибудь мѣстность можетъ, считая и расходы на провозъ, доставить хлѣбъ на 40% дешевле его номинальной цѣны на главныхъ рынкахъ страны, но путь доставки такъ опасенъ, судоходство такъ плохо организовано, что среднимъ числомъ 15-я часть грузовъ гибнетъ въ пути. Торговцу, желающему доста-

вить хлѣбъ этой мѣстности, представляются два шанса: 40% барыша, если суда дойдутъ благополучно, и 100% убытка, если они потонутъ, и потому понятно, что мелкіе капиталы не могутъ принять такого выбора, но крупный капиталистъ, отправившій большое число судовъ, можетъ рѣшиться на такое дѣло. Считая, что въ большой массѣ вѣроятна погибель 1/5 части груза, а на остальныхъ 4/5 онъ наживаетъ 40%, то и при погибели 1/5 ему останется еще 12% на весь капиталъ. Значитъ, безъ вмѣшательства страхованія дѣло не дѣлается вовсе или дѣлается только въ пользу одного лица. Является страховое учрежденіе, взимающее премію равную риску, т.-е. въ 20%, и для всякаго торговца становится возможною доставка хлѣба, а конкурренція ихъ между собою понижаетъ его цѣну на рынкѣ, или возвышаетъ на мѣстахъ покупки, такъ какъ весьма вѣроятно, что торговцы, заплативъ 20% преміи удовольствуются, въ силу конкуренціи, 10% барыша, и такимъ образомъ остальные 10% поступятъ въ пользу потребителей, или производителей. Если же страховое учрежденіе назначитъ премію меньшую 20%, то убытки заставятъ его разложить недоборы на хлѣба другихъ пристаней, и этимъ путемъ создается только искусственная дешевизна въ пользу одной мѣстности и въ то же время искусственно поднимается стоимость хлѣба въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ почему страховое учрежденіе, желающее быть таковымъ, обязано строго различать имущества по степени ихъ опасности, относя ихъ въ разные классы, и назначая для нихъ разныя преміи, и почему, не дѣлая этого, оно порождаетъ только зло для общества, а себя ведетъ къ разоренію.

Но этимъ не ограничивается то вредное вліяніе, какое имѣетъ на народное хозяйство и народную жизнь нераціональное страхованіе.

Въ началѣ статьи я сказалъ, что когда новая форма экономической жизни приходитъ къ народу извнѣ, она чаще всего переносится какъ выгодное коммерческое предпріятіе, и духъ и мысль ее создавшіе часто искажаются.

Попытаемся проникнуть въ исторію возникновенія страхованія; посмотримъ, какъ могли разсуждать лица, впервые задумавшія обезпечить свое имущество круговымъ ручательствомъ другъ за друга.

Собственность, которую мы желаемъ обезпечить, представляетъ 1.000,000 р. стоимости; въ послѣднія 20 лѣтъ погибло на 200,000 р., что равняется 10,000 р. ежегоднаго убытка. Значитъ, для взаимнаго страхованія намъ надо ежегодно 10,000 р. и, положимъ, 2,000 р. на расходы управленія, и еще 5,000 р. на образованіе запаснаго капитала. Но такъ какъ теперь все общество несетъ убытки отъ несчастія каждаго хозяина, то послѣдній обязывается обходиться съ

своимъ имуществомъ осторожнѣе и все общество, какъ отвѣтчикъ за несчастіе, конечно, имѣетъ право наблюдать за тѣмъ, достаточно ли осторожно каждый членъ его оберегаетъ свое имущество. Если такое постановленіе не существовало на бумагѣ, то не существовало ли оно въ духѣ самаго учрежденія, въ пониманіи каждаго,—никто, конечно не рѣшится отвѣчать на это отрицательно.

Могла ли кому-нибудь тогда придти въ голову мысль объ умышленномъ истребленіи своего имущества ради надежды получить вознагражденіе, превышающее его стоимость? — конечно, нѣтъ: оцѣнка не могла быть выше дѣйствительной стоимости, а надзоръ былъ слишкомъ великъ и бдителенъ. Создавало ли такое страхованіе бо́льшую небрежность къ застрахованнымъ имуществамъ? Опять нѣтъ, потому что когда погибель касается интересовъ всего общества, надзоръ за порядкомъ бываетъ активный и дѣйствительный. Такое страхованіе удовлетворяло совершенно своей цѣли, не увеличивая числа несчастій, не развивая безпечности, не дразня дурные инстинкты человѣка, не соблазняя его на злоумышленныя истребленія имущества ради наживы. Если небрежность и злой умыселъ прибавятся еще какъ причины несчастій, если каждый изъ этихъ новыхъ дѣятелей создастъ по-стольку же несчастій, сколько создаютъ неотвратимыя причины, то число несчастій утроится, а слѣдовательно утроится и премія; и утроенія этого еще недостаточно, потому что коммерческіе кризисы, пониженіе цѣнъ на товары, могутъ значительно усиливать вліяніе произвольныхъ причинъ несчастій.

Мы видимъ, что идея страхованія, въ моментъ своего возникновенія, вмѣщала въ себѣ увѣренность въ совершенномъ устраненіи злого умысла со стороны страхователя, или небрежности, потому что рядомъ съ страхованіемъ устанавливается силою вещей бдительный контроль общества.

Когда страхованіе стало удѣломъ частной иниціативы, нечего было и думать о созданіи контроля, равнаго по результатамъ съ контролемъ цѣлаго общества, и слѣдовательно пришлось его вовсе уничтожить, потому что полумѣры не вели бы ни къ чему. Но съ уничтоженіемъ контроля уничтожилась существенная, такъ сказать органическая часть страхованія, и на сцену выступили небрежность и злой умыселъ, какъ новые источники несчастій. Надо было искать защиты отъ этихъ двухъ бичей страхового дѣла; раціональное изученіе теоріи страхованія, духа и смысла его заставили бы искать этой защиты въ созданіи чего-нибудь равносильнаго контролю общественному; пониманіе поверхностное довольствуется возвышенною преміею; отсюда очень естественно, что когда въ странѣ появляется впервые страхованіе въ лицѣ одного, или весьма небольшого числа

страховыхъ обществъ, когда для огражденія отъ злого умысла назначается высокая премія, когда страхователи еще не искусились въ пріемахъ злоупотребленій, когда небрежность въ обращеніи съ имуществомъ тоже не вошла еще въ нравы и обычаи, потому что какъ дурныя, такъ и хорошія наклонности и привычки развиваются не быстро, то понятно, говорю я, что страховыя учрежденія процвѣтаютъ, и всѣ, судящіе о дѣлѣ только по результатамъ, находятъ, что все обстоитъ благополучно и не оставляетъ ничего желать. Въ теченіе этого періода процвѣтанія первыхъ страховыхъ обществъ постепенно созрѣваютъ плоды, посѣянные ими въ обществѣ, нарождается небрежность, создается злой умыселъ; въ то же время число страховыхъ обществъ увеличивается, конкурренція понижаетъ премію, единственную ограду противъ злоупотребленій и небрежности, и заставляетъ увеличивать льготность условій, т.-е. продолжать дѣло уже давно начатое первыми обществами, развивая его еще дальше въ пользу небрежности и злоупотребленій, и наступаетъ время, когда положеніе дѣлается невозможнымъ. Ложный элементъ, внесенный въ жизнь, всегда и вездѣ приводитъ наконецъ къ одному результату—къ абсурду. Всякая ложь—и въ этомъ ея рѣзкое отличіе отъ истины—терпима и незамѣтна для практики, когда она практикуется въ маломъ видѣ, когда она мало развита, и становится абсурдомъ, очевидною невозможностію, неоспоримою ложью, если только приложить ее въ большомъ масштабѣ, развить до возможной полноты. Такъ какъ трудно опредѣлить и премію, могущую наконецъ гарантировать отъ развившагося злого умысла, а еще труднѣе продолжать страхованіе съ непомѣрно высокою преміею, то очевидно приходится отречься отъ прошлыхъ дѣйствій, признавъ ихъ безполезность, и поискать разрѣшенія вопроса не въ опытѣ своего прошлаго, а въ теоріи, которая не позволяетъ безнаказанно игнорировать себя.

Изъ всего сказаннаго понятно, что если страхованіе желаетъ быть добрымъ факторомъ въ народной жизни, а не развращающимъ началомъ, если страховое учрежденіе желаетъ существовать долго, а не пролетѣть метеоромъ, исчезнувъ въ дымѣ и огнѣ, то оно обязано замѣнить контроль общества вовсе невозвышенною преміею. Дѣлайте-молъ что хотите, даже злоупотребляйте, только ловче, не попадаясь, и платите за это дороже,—вотъ что такое въ сущности замѣна контроля возвышенною преміею.

Еслибы замѣна общественнаго контроля возвышенною преміею понималась такъ всѣми страховыми дѣятелями, то, вѣроятно, никогда бы и не считали ее однимъ изъ орудій противъ злого умысла.

Равносильнымъ общественному контролю, даже превосходящимъ его, какъ двигатель, можетъ быть только частный интересъ, интересъ собственника имущества, и въ немъ-то надо искать оружія противъ небрежности и злого умысла. Вызвать къ жизни въ страховомъ дѣлѣ частный интересъ становится, такимъ образомъ, не только средствомъ самозащиты для страхового учрежденія, но и задачею общественною, а потому я и считаю необходимымъ дать здѣсь подробныя объясненія по этому предмету.

Чтобы яснѣе понять, чтó должно совершить въ страхованіи вмѣшательство частнагó интереса, надо войти въ детали страхованія, не всѣмъ можетъ быть достаточно извѣстныя, и указать на теоретическій смыслъ тѣхъ или другихъ пріемовъ.

Возьмемъ для этого оба вида имущественнаго страхованія; страхованіе отъ огня недвижимаго имущества и товаровъ на мѣстѣ, и страхованіе товаровъ въ пути отъ всѣхъ опасностей.

Въ обоихъ случаяхъ страхователь въ объявленіи объясняетъ родъ своего имущества, условія, въ которыхъ оно находится, и другія подробности, требуемыя страховымъ обществомъ.

Какъ скоро невѣрность въ показаніяхъ страхователя освобождаетъ общество отъ платежа въ случаѣ несчастія, то очевидно, что провѣрка всѣхъ показаній страхователя не требуется, а нужно лишь простое удостовѣреніе въ существованіи имущества, предлагаемаго къ страхованію, и даже оно нужно очень рѣдко.

Въ томъ же объявленіи страхователь опредѣляетъ цѣнность своего имущества и сумму, въ которой онъ желаетъ его застраховать. Для того, чтобы страховое общество могло согласиться на предлагаемую цѣну, оно должно освидѣтельствовать имущество подробно и произвести ему оцѣнку.

Можетъ ли быть правильна такая оцѣнка, т.-е. можетъ ли она выражать дѣйствительную стоимость имущества? Имѣетъ ли возможность агентъ страхового общества знать цѣну, напримѣръ, каждому товару, какъ знаетъ ее тотъ, кто торгуетъ этимъ товаромъ, особенно когда товаръ страхуется по необходимости безъ осмотра въ подробностяхъ? Имѣетъ ли агентъ даже фактическую возможность всегда убѣдиться въ его количествѣ? Конечно, нѣтъ, и нѣтъ, а потому шансъ застраховать товаръ въ высшей стоимости всегда на сторонѣ страхователя, особенно при конкурренціи страховыхъ обществъ между собою.

При страхованіи домовъ повторять приходится почти то же самое относительно трудности оцѣнки; наконецъ, строенія, ежегодно ветшая, теряютъ часть своей цѣнности, а между тѣмъ, при существованіи предварительной оцѣнки, на практикѣ страховая стоимость переписывается изъ года въ годъ.

Ко всему этому надо еще прибавить, что цѣна на товары можетъ иногда быстро измѣняться, что она медленнѣе, но мѣняется и на недвижимую собственность отъ причинъ какъ торговыхъ, каковы кризисы финансовые и промышленные, такъ и отъ политическихъ.

Предварительная оцѣнка дѣлаетъ то, что при паденіи цѣнъ застрахованнаго имущества страховое общество отвѣчаетъ послѣ несчастія не только за дѣйствительный убытокъ отъ пропажи имущества, но и за тотъ убытокъ, какой долженъ былъ понести страхователь, какъ владѣлецъ товара или собственности недвижимой, отъ паденія цѣнъ.

Понятно, что какъ скоро имущество застраховано дороже его стоимости рыночной, или во время продолженія страхованія имущество подешевѣло почему-либо, соблазнъ истребленія становится очень великъ, не говоря уже о томъ, что этому могутъ еще помогать личныя обстоятельства страхователя, каковы, напримѣръ, запутанность дѣлъ, близость банкротства и т. п.

Но предварительною оцѣнкою имущества, или такъ-называемыми таксированными полисами, кромѣ злого умысла, развивается еще небрежность, идущая отъ простого нерадѣнія до умышленнаго группированія, въ предѣлахъ законности, вокругъ имущества такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ увеличивать значительно шансъ погибели, доводя его почти до несомнѣнности.

Если страхователю впередъ извѣстна цифра отвѣтственности предъ нимъ страхового общества, то какъ скоро цифра эта ему выгоднѣе, чѣмъ продажная цѣна его имущества, умышленная небрежность или злой умыселъ даютъ простѣйшую и болѣе выгодную реализацію капитала, чѣмъ продажа.

Если бы даже стоимость имущества и не мѣнялась въ цѣнѣ во время страхованія, если бы даже оцѣнка могла быть произведена совершенно правильно, во всякомъ случаѣ она стóитъ денегъ и расходовъ.

Къ чему производить 400 оцѣнокъ, подвергая тратамъ денегъ и времени 400 страхователей, когда придется платить одинъ убытокъ, т.-е. когда оцѣнка нужна будетъ одинъ разъ. Лучше произвести ее именно надъ тѣмъ имуществомъ, которое погибло. Я не стану объяснять здѣсь способовъ, какими можно произвести оцѣнку погибшаго имущества, способы эти давно выработаны въ Европѣ, они заключаются въ фактурахъ на товаръ, въ справочныхъ цѣнахъ, въ оцѣнкѣ экспертовъ, въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и, наконецъ, въ присягѣ, какъ ultima ratio, когда всѣ остальные пути, начиная съ добровольнаго соглашенія, не приводятъ къ точному опредѣленію цифры убытка.

Если предварительной оцѣнки нѣтъ, и нѣтъ, слѣдовательно, впередъ опредѣленной цифры, въ которой страховое общество отвѣчаетъ предъ страхователемъ, то что же должна означать оцѣнка имущества страхователя, опредѣляемая имъ самимъ? Она должна выражать ту цифру, съ которой онъ платитъ премію и выше которой онъ не получитъ при несчастіи ту цифру, которую, по его разсчетамъ, страховое общество должно будетъ ему заплатить при несчастіи.

Посмотримъ, какое различіе въ вознагражденіи получается по тому, будемъ ли мы держаться таксированнаго полиса, или того способа вознагражденія, какой непосредственно вытекаетъ изъ правильно-понимаемаго страхованія и резюмируется формулой, гдѣ застрахованная стоимость относится къ дѣйствительной такъ, какъ убытокъ страхового общества къ общему дѣйствительному убытку, а разность между общимъ убыткомъ и убыткомъ страхового общества есть убытокъ страхователя. Дѣйствительный убытокъ есть разность дѣйствительной стоимости товара во время и на мѣстѣ несчастія и стоимости, вырученной при спасеніи, по покрытіи расходовъ спасенія. Назовемъ застрахованную стоимость черезъ A, дѣйствительную черезъ V, убытокъ страхового общества черезъ X, общій убытокъ черезъ P, а убытокъ страхователя черезъ Y, мы получимъ двѣ формулы, отвѣчающія на всѣ случаи аварій:

$$A : V = X : P \quad \text{и} \quad P - X = Y.$$

А такъ какъ существенное основаніе страхованія заключается въ томъ, чтобъ ни страхователь, ни общество не имѣли барыша при несчастіи, то Y никогда не долженъ быть отрицательнымъ, или иначе: X не можетъ быть болѣе P, а можетъ быть равенъ, или менѣе, X не можетъ быть равнымъ нулю или отрицательной величинѣ, и въ то же время, такъ какъ общество отвѣчаетъ только въ предѣлахъ застрахованной стоимости, то очевидно, что X не можетъ быть никогда болѣе A, а можетъ быть менѣе или равенъ ему.

Въ принятой нами первой формулѣ очевидно возможны только три случая: $A < V$; $A = V$; $A > V$; а соотвѣтственно имъ: $X < P$; $X = P$; и такъ какъ X не можетъ быть болѣе P, то и въ третьемъ случаѣ $X = P$, и Y есть положительная величина въ первомъ и O въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, а это значитъ, если застрахованная стоимость равна или болѣе дѣйствительной, то страхователь получаетъ весь дѣйствительный убытокъ, но никогда не болѣе его; если же товаръ застрахованъ дешевле, или если товаръ поднялся въ цѣнѣ послѣ страхованія, то общество несетъ часть убытка, а другая, соотвѣтствующая излишку дѣйствительной цѣнности противъ застрахованной, падаетъ на долю страхователя.

При таксированномъ полисѣ общество всегда платитъ застрахованную сумму, и чтобы имѣть возможность возмѣстить потери въ случаяхъ, когда оно платитъ дороже чѣмъ слѣдовало бы, оно сохраняетъ за собою право сдѣлать одно изъ двухъ: заплатить убытки, отдавъ спасенное хозяину, или взять весь товаръ за себя, заплативъ застрахованную сумму.

Возьмемъ три примѣра застрахованной единицы товара.

$A = 10$, $V = 14$, употреблено расходовъ на 1 руб. и спасено на 4 руб.; слѣдовательно спасено всего 3 руб., а потому P убытокъ равенъ 11 руб.

По предлагаемой формулѣ:

убытокъ общества $X = \frac{11.\ 10}{14.} = 7$ руб. $85^3/_4$ коп., а $Y = 11 - 7$ руб. $85^3/_4$ коп. $= 3$ руб. $14^1/_4$ коп. или, другими словами, изъ спасенныхъ 3 руб. страховое общество считаетъ своимъ $\frac{10}{14}$ или 2 р. $14^1/_4$ к., а $85^3/_4$ к. изъ спасеннаго считается собственностью страхователя.

По таксированному полису общество, или отдавая 3 руб. спасенные страхователю, доплачиваетъ разницу до 10 руб. застрахованной суммы 7 руб., или оставляетъ весь товаръ за собою, уплачивая страхователю 10 руб., т.-е., другими словами, заставляетъ страхователя понести убытокъ непремѣнно въ 4 руб. вмѣсто 3 руб. $14^1/_4$ коп. только потому, что страхователь несъ на себѣ часть риска. Это значитъ, что оно обращаетъ въ свою пользу и ту часть, которая принадлежитъ изъ спасеннаго страхователю, потому что товаръ поднялся въ цѣнѣ. Если вмѣсто этихъ величинъ возьмемъ другія, то положеніе будетъ еще яснѣе: $A = 10$, $V = 20$ (допустивъ быстрое возвышеніе цѣнъ), $P = 3$, то это значитъ, что спасенный товаръ проданъ за 17 руб. По нашей формулѣ $X = \frac{10.\ 3}{20} = 1{,}5$ руб., а $Y = 1{,}5$; т.-е. убытокъ общества 1,5 руб., которые оно уплачиваетъ страхователю въ приплату къ 17 руб., вырученнымъ отъ продажи, а 1 р. 50 коп. несетъ самъ страхователь.

При таксированномъ полисѣ общество, пользуясь обстоятельствами не имъ созданными, платитъ страхователю 10 руб., получая само 17 руб., т.-е. наживается на несчастіи, или, во всякомъ случаѣ передавая спасенное страхователю въ 17 руб., не платитъ ничего, несмотря на то, что если погибла цѣнность 3 руб. изъ 20, то значитъ изъ 10 руб. застрахованной суммы погибла $^1/_2$ трехъ-рублей.

Третій примѣръ:

$A = 10$, $V = 10$, $P = 4$, то $X = \frac{10.\ 4}{10} = 4$, а $Y = 4 - 4 = 0$ т.-е. общество несетъ весь убытокъ. Такой же результатъ получается и при таксированномъ полисѣ; $A = 10$, $V = 8$, $P = 4$, по нашей формулѣ;

$X = \frac{10 . 4}{8} = 5$, но такъ какъ по условію убытокъ общій не можетъ превышать убытка дѣйствительнаго, слѣдовательно X принимается только равнымъ 4, а потому $Y = 4 - 4 = O$, т.-е. общество платитъ весь убытокъ дѣйствительный, не обращая вниманіе на то, отчего дѣйствительная стоимость стала 8 р., оттого-ли что товаръ былъ слишкомъ дорого застрахованъ, оттого-ли что стоимость его упала во время страхованія, такъ какъ ни то ни другое не касается страховаго дѣла, а составляетъ или особые разсчеты страхователя или неудачу, т.-е. убытокъ отъ пониженія цѣнъ.

Ликвидируя несчастье по таксированному полису и принявъ за основаніе стоимости застрахованную сумму 10 р., убытокъ будетъ 6 р., потому что, принимая P за 4, мы значитъ допустили, что вырученo отъ продажи тоже 4 р. Такимъ образомъ, страховое общество платитъ 6 р., когда убытокъ дѣйствительный 4 р., т.-е. платитъ лишнихъ 2 р. только потому, что товаръ былъ застрахованъ дороже его стоимости, или потому что товаръ упалъ въ цѣнѣ, т.-е. въ тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ страхователю выгодно погубить свой товаръ, тамъ-то страховое общество и даетъ ему льготу, обсчитывая его въ первомъ случаѣ, т.-е. когда страхователь не только терпитъ отъ несчастія, но еще и оттого, что лишается шанса получить барышъ за свой товаръ.

Отсюда видно, чего стоятъ таксированные полисы, какую логическую и математическую нелѣпость они изображаютъ, какія безобразныя начала вносятъ они въ страхованіе и какія уродливыя послѣдствія стараются создать.

Разъяснивъ зло предварительныхъ оцѣнокъ и таксированныхъ полисовъ, остается сказать о главномъ: о значеніи, какое имѣетъ для цѣлости имущества привлеченіе къ страхованію интересовъ самого страхователя. Всѣ способы достичь этого сводятся къ двумъ: возврату части преміи по благополучномъ окончаніи страхованія, и оставленіи части имущества на рискѣ самого страхователя.

Возвратъ страхователю нѣкотораго процента съ преміи, имъ заплаченной, составляетъ столь ничтожное поощреніе, что приписывать ему какое-либо вліяніе на уменьшеніе безпечности, а тѣмъ болѣе злого умысла, совершенно неосновательно. Люди, пытающіеся нажиться отъ несчастій, и страхующіе для этого дороже свое имущество, переплачиваютъ лишнюю премію и, конечно, не надежда получить 50 или 100 р. можетъ остановить ихъ отъ исполненія своихъ намѣреній.

Совершенно иное значеніе имѣетъ другой способъ охраны, т.-е. оставленіе части стоимости имущества на рискѣ страхователя, какова бы ни была эта часть, лишь-бы только не слишкомъ ничтож-

ная. Тогда каждый владѣлецъ имущества, неся непремѣнно 1/5 или 1/4 часть убытковъ, иначе относился бы къ способамъ сохраненія своего имущества и предотвращенія несчастій. Участіе самого владѣльца имущества въ рискѣ до такой степени очевидно можетъ способствовать устраненію злой воли и умышленной небрежности, что доказывать это безполезно.

Сводя все сказанное къ общимъ выводамъ, мы находимъ, что страхованіе, раціонально организованное съ точки зрѣнія правильно понятыхъ интересовъ самого страхового учрежденія, а еще болѣе съ точки зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства, народной нравственности, равно какъ и съ точки зрѣнія справедливости, должно удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ:

1) Оно должно строго различать риски по степенямъ опасности, взимая и различную премію, чтобъ не обременять безопасныхъ рисковъ для покрытія несчастій по рискамъ опаснымъ.

2) Оно должно сообразовать свою премію не только съ ежегодными убытками, но образовывать запасы для большихъ катастрофъ, чѣмъ только и можетъ выполнить свою задачу.

3) Оно должно распредѣлять свои риски на основаніи среднихъ цифръ погибели отъ одного несчастія, не превосходя этого предѣла вовсе, или превосходя на весьма незначительную часть своего капитала, чтобъ быть готовымъ въ моментъ катастрофъ.

4) Оно должно не дѣлать предварительныхъ оцѣнокъ, какъ ведущихъ къ соблазну и возвышенію страховой преміи.

5) Оно должно не вознаграждать убытковъ по способу таксированныхъ полисовъ: это несправедливо и безнравственно.

6) Оно должно, наконецъ, принимать на страхъ часть стоимости имущества, оставляя другую на страхѣ самого хозяина, потому что этимъ способомъ оно окончательно подрываетъ злой умыселъ и устраняетъ соблазнъ непроизводительнаго истребленія народныхъ сбереженій.

Страхованіе, неудовлетворяющее этимъ условіямъ, страхованіе отрицающее ихъ важность и необходимость, не есть вовсе страхованіе: оно служитъ, пока все идетъ благополучно, и гибнетъ въ первую невзгоду, а во все время своей дѣятельности способствуетъ извращенію понятій о правильномъ страхованіи, развивая только дурныя страсти и способствуетъ ухудшенію способовъ сохраненія народныхъ капиталовъ.

В. Рагозинъ.

Парижъ.—9 ноября, 1872.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1873.

Зимняя сессія петербургскаго земскаго собранія.—Дороги, врачебная часть и учительская школа.— Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ, учрежденные В. И. Герье.—Отставка московскаго городского головы и циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ.—Новый штатъ московскаго классическаго лицея.—Военно-окружная система и ея противники.—Генералъ Фадѣевъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».—Письмо изъ Москвы.

Послѣдняя сессія петербургскаго губернскаго земскаго собранія прошла какъ-то особенно тихо и незамѣтно для массы общества. Правда, Петербургъ вообще не придаетъ особеннаго значенія дѣламъ земскимъ и городскимъ. Недавно происходившіе первые выборы городского управленія на основаніи новаго положенія также не блистали ни стеченіемъ избирателей, ни особеннымъ участіемъ публики. Мы, конечно, несогласны съ воззрѣніемъ тѣхъ пессимистовъ, которые готовы утверждать, что не стóитъ особенно горячиться по вопросу о распредѣленіи какого-нибудь 100-тысячнаго бюджета земства одной губерніи, въ которомъ къ тому же до половины суммы представляется расходомъ обязательнымъ, обсужденію неподлежащимъ,—когда около того же самаго времени публикуется бюджетъ полумилліардный. Но если бы земскихъ учрежденій вовсе не существовало и земскій бюджетъ вовсе бы не обсуждался избранными обществомъ лицами, развѣ изъ этого слѣдовало бы, что каждому изъ насъ не стоило бы обсуждать и собственнаго своего личнаго бюджета? Оправдывать нерадѣніе къ дѣламъ, отъ насъ зависящимъ, отговоркою, что великія дѣла намъ недоступны, не отъ насъ зависятъ,—очевидно, нелогично, и такое нерадѣніе, невниманіе, въ сущности есть не что иное, какъ дурно скрываемый индифферентизмъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что подобный индифферентизмъ все-таки естественнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ гдѣ-либо, потому что петербургскій житель гораздо менѣе обыватель своего города или уѣзда, чѣмъ

зритель, стоящій близко къ сценѣ государственной жизни всей Россіи. Вотъ почему понятно—хотя оправданія для апатіи это и не составляетъ—что не такое собраніе, какъ избирательное земское или городское, можетъ въ сильной степени приковать къ себѣ вниманіе петербургскаго общества.

Высказанное нами представляетъ отчасти нѣкоторое признаніе и въ собственной нашей винѣ: обзоръ государственнаго бюджета лишилъ насъ возможности, въ предшествующемъ обозрѣніи, коснуться бюджета и сессіи земства, какъ это слѣдовало по времени. Такимъ образомъ, намъ приходится только къ наступленію весны говорить о зимней сессіи собранія; впрочемъ, такая съ нашей стороны отсрочка особеннаго неудобства не представляетъ, такъ какъ и общій смыслъ этой сессіи сводится къ тому, что само собраніе отсрочило всѣ главные вопросы, подлежавшіе его рѣшенію, какъ-то, объ окончательномъ устройствѣ учительской школы, о всесословной волости и др. Изъ наиболѣе крупныхъ вопросовъ, собраніе не отложило до будущаго собственно только тѣ вопросы, по которымъ теперь же оно отклонило предложенія, внесенныя управой. Итакъ, нельзя не признать, что нынѣшняя сессія собранія имѣла характеръ по преимуществу—отлагательный и отрицательный, и уже этимъ отчасти объясняется тотъ фактъ, что нынѣшняя сессія прошла какъ-то особенно незамѣтно. Остановимся въ частности на предложеніяхъ управы по дорожному, врачебному дѣлу и по народному образованію.

На попеченіи петербургскаго губернскаго земства состоятъ всего *364* версты, представляющія протяженіе губернскихъ земскихъ дорогъ. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ назначалось сперва по 10-ти, потомъ по 20-ти тысячъ рублей въ годъ на постройку новаго шоссе. На эти средства въ теченіи 4 лѣтъ и построено новаго шоссе *32* версты! Это составляетъ менѣе 10% всего протяженія дорогъ, содержимыхъ губернскимъ земствомъ. Всѣ силы, какими могло располагать губернское земство для постройки новыхъ шоссе, произвели доселѣ только такой результатъ, что шоссé, этого строилось въ годъ по 8-ми верстъ, то-есть, скажемъ примѣрно, губернскія земскія дороги Петербургской губерніи улучшались въ годъ прибавленіемъ такого участка шоссé, какъ отъ Гостиннаго двора до Лѣсного корпуса. Едва-ли кто станетъ оспаривать, что такой успѣхъ слишкомъ малъ, что при такомъ ходѣ дѣла замѣтное улучшеніе путей сообщенія земскими средствами относится къ будущности довольно отдаленной. Верста шоссé обходится земству въ средней цифрѣ по 1,800 рублей, то-есть очень дешево. Но средствъ, какія губернское земское собраніе ассигнуетъ, какія оно въ состояніи ассигновать, слишкомъ мало для сколько-нибудь значительнаго успѣха. Управа сознала не-

удобство системы шоссированія дорогъ мелкими участками именно по медленности хода дѣла. Напримѣръ, чтобы докончить шоссе отъ Петербурга только до Новой Ладоги и Гдова, надо сдѣлать еще 104 версты, то-есть издержать 190 т. р., то-есть употребить 10 лѣтъ, предполагая нынѣшній размѣръ годичнаго ассигнованія. Стало быть, только черезъ 10 лѣтъ можетъ возникнуть какая-либо надежда для другихъ трактовъ украситься земскимъ шоссе, и притомъ все въ такомъ скромномъ размѣрѣ,—по 10-ти съ небольшимъ верстъ въ годъ на всю губернію!

Естественно, что губернской управѣ пришла здравая мысль обратиться къ иному, болѣе дѣйствительному средству для того, чтобы приступить къ шоссированію большихъ, сплошныхъ участковъ. Неувеличивая ежегоднаго ассигнованія на этотъ предметъ, оставалось средство одно — заключеніе займа. Управа и предположила сдѣлать 5% земскій заемъ въ 300 тысячъ рублей, разсчитавъ, что ежегодная ассигновка въ 20 т. р. дастъ возможность и платить проценты, и употреблять 2% на погашеніе. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ предоставляетъ земству право заключать займы. Но управа полагала сдѣлать этотъ заемъ посредствомъ выпуска облигацій петербургскаго земства, съ разрѣшенія правительства, съ тѣмъ, чтобы земство ассигновало ежегодно по 20-ти т. р., то-есть нынѣшнюю издержку на постройку новаго шоссе, для уплаты на эту сумму процентовъ и погашеніе, причемъ это ежегодное ассигнованіе входило бы уже въ разрядъ расходовъ обязательныхъ.

Это предположеніе о займѣ было отклонено собраніемъ, которое признало неудобнымъ и способъ этого займа и производство одновременно значительныхъ шоссейныхъ работъ, причемъ, по мнѣнію принятому собраніемъ, работы эти могли бы вздорожать. Съ такимъ рѣшеніемъ не трудно согласиться собственно въ отношеніи неудобства займа въ облигаціяхъ. Негарантированныя облигаціи петербургскаго земства, по всей вѣроятности, доставили бы ему въ дѣйствительности только такой капиталъ, на который уплата 5% съ номинальной суммы составила бы 7 или 8%. Правда, улучшеніе дорогъ есть расходъ производительный, но въ такой ли мѣрѣ онъ можетъ быть производителенъ въ далекихъ уѣздахъ Петербургской губерніи, чтобы на него стоило занимать деньги по 7%? Совсѣмъ другое дѣло было бы, еслибы губернское земство сдѣлало заемъ, хотя и по 7%, только на гораздо меньшую сумму, скажемъ хоть на 100 т. р., для выдачи изъ него ссудъ сельскимъ обществамъ, ближайшимъ къ Петербургу, но ненаходящимся на существующихъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ и шоссе; земство ничего не теряло бы на такой заемно-ссудной операціи, и многія сельскія общества навѣрное съ удовольствіемъ

воспользовались бы ею, такъ какъ проведеніе шоссе могло бы увеличить въ полтора раза цѣнность ихъ земель. Для примѣра, мы укажемъ на токсовскую дорогу, черезъ Мурино, находящуюся въ отчаянномъ положеніи, между тѣмъ какъ лежащія на ней волости весьма легко могли бы уплачивать 7% на капиталъ, нужный для постройки узкаго шоссе. Что касается другого мотива, послужившаго къ рѣшенію собранія, именно, что постройка шоссе большими участками подниметъ цѣну работы, то онъ едва ли основателенъ; въ Петербургѣ и вокругъ Петербурга ежегодно производятся казною, городомъ и обывателями столь значительныя постройки мостовыхъ и ремонтныя работы по казеннымъ шоссе, что прибавленіе къ нимъ работъ земскихъ даже и на значительномъ участкѣ едвали произвело бы замѣтную разницу въ цѣнѣ на матеріалъ и на рабочихъ. Да и вообще это возраженіе нейдетъ къ дѣлу, такъ какъ въ силу его представлялось бы, стало быть, вполнѣ раціональнымъ не строить новаго шоссе въ губерніи болѣе чѣмъ на 10 верстъ, какъ то дѣлалось доселѣ, а съ этимъ трудно согласиться. Собраніе впрочемъ ассигновало на шоссированіе новыхъ участковъ въ текущемъ году нѣсколько болѣе прежняго, именно 24 т. р., а всего на пути сообщенія 52,400 руб., то-есть половину всего земскаго бюджета.

Относительно врачебной части, петербургское губернское земство держится того убѣжденія, что его роль въ этомъ дѣлѣ должна ограничиваться собственно оказаніемъ помощи уѣзднымъ земствамъ, въ случаѣ если какая-либо болѣзнь развилась такъ, что уѣздныя средства оказываются недостаточны и притомъ оказывается необходимость нѣкоторыхъ общихъ мѣръ, напр., оцѣпленія мѣстностей, пораженныхъ эпизоотіей. Своевременное же принятіе врачебныхъ мѣръ на мѣстахъ губернское земство считаетъ исключительно-уѣздною обязанностью. Съ этимъ, по принципу, невозможно согласиться, такъ какъ опытъ прямо указываетъ, какіе уѣзды наиболѣе и ранѣе другихъ бываютъ подвержены дѣйствію эпидемій; это именно уѣзды восточные — шлиссельбургскій и новоладожскій, которые въ то же время представляются бѣдными. Первый участвуетъ въ суммѣ обложенія губернскими земскими повинностями всего 1,8 процентомъ; второй—3-мя процентами. Ясно, что имъ необходима врачебная помощь изъ губернскаго бюджета, и именно помощь своевременная, которая одна и можетъ быть дѣйствительна противъ эпидемій, особенно при недостаточности денежныхъ средствъ, какія вообще можетъ удѣлять на это земство. Что значатъ какія-нибудь 4000 рублей, испрошенныхъ управою на пособіе уѣздамъ при появленіи *сильныхъ* повальныхъ болѣзней? Что можно сдѣлать на 4000 рублей въ нѣсколькихъ уѣздахъ, когда эпидемія уже развилась?

Если эта сумма и могла бы принести значительную пользу, то именно неиначе, какъ при усиленіи его мѣстныхъ средствъ на мѣры предупредительныя, на дезинфекцію, и никакъ не въ то время, когда эпидемія уже оказалась *сильною*, то-есть развилась. Вотъ тутъ бы усиленіе инспекціи, надзора, оказало бы не меньшую пользу, какъ и усиленіе надзора за школами.

Намъ могутъ возразить, что если губернское земство будетъ впередъ ассигновать нѣкоторую сумму уѣздамъ на предупредительныя мѣры, которыя должны быть оплачиваемы самимъ уѣздомъ, то уѣзды воспользуются этой помощью для сокращенія своихъ издержекъ на тотъ же предметъ. Это возраженіе показалось намъ неубѣдительнымъ, потому что, примѣняя его строго, слѣдовало бы пожалуй не оказывать уѣздамъ помощи ни въ какомъ случаѣ: пусть наказуются за собственную свою нераспорядительность. Но если хотятъ по возможности строго отграничить область дѣятельности земства губернскаго и дѣятельности земствъ уѣздныхъ въ врачебномъ дѣлѣ, то въ такомъ случаѣ раціональнѣе всего было бы обратить губернскія средства на устройство общаго санитарнаго надзора по губерніи и на изученіе санитарныхъ условій губерніи — изученіе настоятельно необходимое, потому что безъ него и предупредительныя мѣры не могутъ быть основательно разсчитаны, и вообще невозможно когда-либо серьёзное охраненіе самого Петербурга отъ безпрерывно посѣщающихъ его эпидемій. Сама столица въ этомъ заинтересована не менѣе уѣздовъ, такъ какъ никакая эпидемія, ни оспа, ни холера не принимали характера эпидемическаго, если возникали въ самомъ Петербургѣ; эпидеміями же въ самомъ Петербургѣ онѣ становились именно тогда, когда заносились въ него чрезъ уѣзды. Это вѣрно и по отношенію къ холерѣ. Относительно же оспы, достаточно указать на общеизвѣстный фактъ, что въ Петербургской губерніи есть уѣзды, въ которыхъ оспа держалась *всегда*. Огромная важность изученія губерніи въ санитарномъ отношеніи, а также и постояннаго общаго по губерніи санитарнаго надзора такъ очевидна, что нѣтъ нужды распространяться о ней, и вотъ то поле, на которомъ даже и тѣ малыя средства, какими располагаетъ губернское земство на врачебную часть, могли бы принесть дѣйствительно большую пользу. Четыре тысячи рублей на усиленіе *леченія* по губерніи, въ случаѣ широкаго развитія эпидемій, можно сказать, почти ничего не значатъ. Но тѣ же четыре тысячи, употребленныя на содержаніе особаго губернскаго санитарнаго медика и особаго губернскаго санитарнаго же ветеринара, которые спеціально занимались бы изученіемъ санитарныхъ условій и общимъ санитарнымъ надзоромъ, значили бы очень много для уясненія данныхъ, для обслѣдованія хода и условій эпи-

демій, такъ что современемъ, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя доселѣ, къ стыду Петербурга, остаются почти въ совершенной неизвѣстности, можно было бы предпринять въ самомъ дѣлѣ серьёзныя мѣры для отвращенія эпидемій, все чаще и чаще повторяющихся вокругъ Петербурга и въ самой столицѣ. Въ этомъ отношеніи мы должны повторить и прежде высказанное нами сожалѣніе о предстоящемъ разобщеніи столицы съ губернскимъ земствомъ, вслѣдствіе учрежденія градоначальства. Въ санитарномъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, между Петербургомъ и губерніею существуетъ полная солидарность.

Губернская управа предлагала собранію, сверхъ ассигнованія суммы на врачебныя пособія уѣздамъ, назначить еще 4.000 рублей на содержаніе губернскаго санитарнаго врача и санитарнаго ветеринара, кругъ дѣйствій которыхъ весьма точно и раціонально былъ очертанъ управою. Въ числѣ ихъ обязанностей, какъ онѣ были перечислены управою, важнѣйшею представлялась слѣдующая: „приступить къ санитарному изслѣдованію губерніи по соглашенію съ мѣстными врачами, изучая между прочимъ взаимнодѣйствіе въ гигіеническомъ (то-есть санитарномъ?) отношеніи Петербурга на уѣзды губерніи и наоборотъ (холера, оспа, сифилисъ, сибирская язва и чума рогатаго скота должны быть изслѣдованы въ ближайшее время.)“ Собраніе отклонило это предложеніе, и устройство врачебной части останется въ прежнемъ положеніи.

По дѣлу объ окончательномъ устройствѣ земскаго учительскаго училища собраніе ничего не рѣшило. Управа первоначально предполагала помѣстить училище въ Петербургѣ, но собраніе весною прошлаго года положило помѣстить эту школу за городомъ, что не только устраняетъ возможность достаточнаго выбора учителей, но и представитъ затрудненіе для учащихся приходящихъ. Такъ какъ комитетъ по устройству школы удобнаго помѣщенія за городомъ не нашелъ, то предположилъ построить для нея деревянный домъ на каменныхъ столбахъ, съ желѣзною крышей на участкѣ земли, который можно было пріобрѣсти отъ земледѣльческаго института на чиншевомъ правѣ. Членъ управы г. Кавосъ составилъ планъ такого дома на 40 пенсіонеровъ, три класса для 90 слушателей и квартиры начальства; стоимость предположена была въ 30 т. р., съ садомъ. Собраніе отклонило этотъ проектъ, но оставило неразрѣшеннымъ вопросъ объ окончательномъ помѣщеніи училища, разрѣшивъ оставить его пока въ городѣ, съ тѣмъ, чтобы управа все-таки искала для него помѣщеніе за городомъ и представила въ слѣдующую сессію соображеніе, гдѣ лучше помѣстить училище. Однимъ словомъ, собраніе просто избавило себя на этотъ разъ отъ труда рѣшить что-либо относительно будущности школы, и оставило дѣло

о ней въ совершенной неопредѣленности. Объясняется это тѣмъ, что и самый составъ школы еще не уяснился окончательно: будутъ ли приготовляться въ ней только учителя или однѣ учительницы, или учителя и учительницы вмѣстѣ, или учителя и учительницы отдѣльно—все это остается еще пока неизвѣстнымъ. Но *опытъ*, отъ котораго собраніе ожидаетъ рѣшенія нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ, едва ли можетъ подвинуть ихъ впередъ, потому что опытъ до слѣдующей сессіи будетъ слишкомъ кратковременъ. Совмѣстному обученію учителей и учительницъ противится министерство народнаго просвѣщенія. Собраніе постановило возобновить ходатайство о разрѣшеніи такого совмѣстнаго обученія. Но сомнительно, чтобы министерство перемѣнило свое мнѣніе, и едва ли стоило въ такой надеждѣ откладывать окончательное рѣшеніе. Въ майскую сессію прошлаго года въ собраніи оказалось нѣсколько неожиданно, что большинство членовъ склоняется къ предпочтенію вообще учительницъ учителямъ для народныхъ школъ. Тогда же собраніе поручило управѣ представить въ ближайшую очередную сессію предположеніе о порядкѣ приготовленія въ учительской школѣ—учительницъ. Управа, при обсужденіи этого вопроса, разумѣется, нашла, что женщины могутъ быть допущены въ школу на равныхъ основаніяхъ съ мужчинами, но не могутъ помѣщаться въ школѣ, а должны быть приходящими. Управа находила полезнымъ назначить для женщинъ 20 стипендій, по 15 р. въ мѣсяцъ. Но тутъ и представилось затрудненіе: министерство народнаго просвѣщенія не допускаетъ даже и того, чтобы женщины обучались въ однихъ классахъ съ мужчинами, а если учредить для женщинъ отдѣльное преподаваніе, то придется, во-первыхъ, расширить классное помѣщеніе, во-вторыхъ, платить за отдѣльные для нихъ уроки, однимъ словомъ, по исчисленію управы, полное годовое содержаніе школы для мужчинъ обошлось бы въ 17 т. р., а съ прибавленіемъ 20-ти стипендіатокъ потребовалось бы прибавить къ этой суммѣ при совмѣстномъ обученіи только 3,800 р., при отдѣльномъ же обученіи—9,490 р.,—разница почти въ 6,000 р.

Намъ кажется, что откладывать рѣшеніе общаго вопроса объ устройствѣ школы не слѣдовало: опытъ не дастъ никакихъ указаній въ короткое время, помѣщенія за городомъ не для чего искать, такъ какъ его уже искали и не нашли, министерство своего мнѣнія, по всей вѣроятности, не перемѣнитъ; между тѣмъ, когда школа уже устроится такъ или иначе, хотя и временно, гораздо труднѣе будетъ переводить ее изъ одного мѣста въ другое, и въ особенности— передѣлывать самый ея составъ. Предпочтеніе для народныхъ школъ учительницъ учителямъ кажется намъ совершенно основательнымъ: за равное вознагражденіе можно имѣть учительницу несравненно

болѣе образованную, чѣмъ учителя; сверхъ того, учительница будетъ относиться къ своему дѣлу серьёзнѣе, потому что для нея закрыты почти всѣ другія карьеры, а учитель почти всегда будетъ смотрѣть на должность сельскаго учителя, съ какими-нибудь 200—300 р. жалованья, какъ на pis-aller. Наконецъ, порокъ нерѣдко мѣшающій успѣху сельскихъ учителей, совсѣмъ не встрѣчается у образованныхъ женщинъ. Самая мягкость внѣшнихъ пріемовъ женщинъ есть достоинство для введенія въ наши села бо́льшей человѣчности; мало того, привыкнувъ уважать женщину въ лицѣ учительницы, сельское населеніе невольно станетъ относиться человѣчнѣе и къ той несчастной „бабѣ", которой судьба въ нашихъ деревняхъ безспорно хуже судьбы какого-либо класса человѣческихъ существъ во всей Европѣ, и можетъ быть сравниваема только съ положеніемъ невольниковъ. Предназначивъ учительскую школу просто для приготовленія учительницъ, петербургское земство могло бы на издержку въ 20,800 р. (во что исчислено совмѣстное обученіе обоихъ половъ) приготовлять до 30-ти образованныхъ учительницъ въ годъ, такъ какъ, существуя для однѣхъ женщинъ, учительская школа могла бы быть одноклассною, потому что въ нее будутъ поступать женщины, имѣющія уже достаточное приготовительное образованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Петербургѣ найдется не 30 такихъ женщинъ, которыя охотно избрали бы карьеру народныхъ учительницъ, имѣя образованіе несравненно болѣе полное, чѣмъ мужчины — воспитанники сельскихъ школъ, переводимые изъ нихъ въ школу учительскую. Въ слѣдующую сессію рѣшить дѣло въ этомъ смыслѣ будетъ уже труднѣе, но тѣмъ не менѣе можно; сто́итъ только постановить, что стипендіатовъ изъ мужчинъ въ школу болѣе принимать не будутъ, а по выбытіи нынѣшнихъ, за окончаніемъ курса, превратить училище въ школу исключительно для учительницъ. Но само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ школа должна оставаться въ Петербургѣ, такъ какъ при стипендіи въ 15 р. въ мѣсяцъ, нѣтъ никакой возможности удалять женщинъ изъ ихъ семействъ.

Здѣсь будетъ кстати, не выходя изъ того предмета, котораго мы коснулись по поводу петербургскаго земскаго собранія, а именно преподаванія для женщинъ, упомянуть о крупномъ явленіи въ этой области, происшедшемъ въ концѣ прошлаго года въ другой столицѣ, то-есть, въ Москвѣ. Мы хотимъ поговорить о высшихъ женскихъ курсахъ, учрежденныхъ въ Москвѣ профессоромъ университета, В. И. Герье. Учредитель исходатайствовалъ разрѣшеніе этихъ курсовъ и утвержденіе положенія для нихъ, въ видѣ опыта, на четыре года. Курсы были открыты въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, и при

этомъ произнесены были рѣчи профессоромъ С. М. Соловьевымъ, В. И. Герье и священникомъ Иванцовымъ-Платоновымъ. Но замѣчательно, что „Московскія Вѣдомости", которыя доселѣ близко стояли къ университету, не обратили особаго вниманія на это явленіе, весьма замѣтное какъ по существу своему, такъ и по участію въ немъ нѣкоторыхъ профессоровъ московскаго университета. Впрочемъ, древніе языки въ программу этихъ женскихъ курсовъ не входятъ, а для „Московскихъ Вѣдомостей" внѣ древнихъ языковъ и сопряженныхъ съ ними штатовъ не существуетъ не только ученія, но, такъ сказать, ничего имѣющаго самостоятельное бытіе въ мірѣ. Не довольствуясь тщательнымъ собираніемъ заграничныхъ рекламъ въ пользу усиленія у насъ классицизма, эта газета даже и такіе различные предметы, какъ вопросъ о военныхъ округахъ, система военнаго министерства, боевыя способности генерала Фадѣева, суровость „Русскаго Инвалида" и благонамѣренность „Русскаго Міра", который есть тотъ же „инвалидъ", только инвалидъ изъ другой команды — все это сводитъ къ вопросу о важности древнихъ языковъ и благодѣтельности сопряженныхъ съ ними штатовъ.

Важность солиднаго образованія для женщинъ и цѣль высшихъ женскихъ курсовъ весьма вѣрно указаны были въ рѣчахъ гг. Соловьева и Герье при открытіи курсовъ. Собственно говоря, нѣтъ ничего утѣшительнаго въ томъ обстоятельствѣ, что у насъ приходится еще „защищать" пользу высшаго образованія для женщинъ противъ какихъ-то подозрѣній и нерасположеній, которыя все еще усматриваютъ въ освобожденіи женщинъ отъ пороковъ невѣжества и праздности какое-то „подрываніе основъ",—хотя передъ глазами всѣхъ очевидный фактъ, что самыя семейныя связи крѣпче именно у тѣхъ народовъ, которые сдѣлали больше для образованія женщины. Тѣмъ не менѣе, такія тупоумныя заподозриванья у насъ все еще имѣются на лицо, и потому профессоръ Соловьевъ весьма кстати указалъ въ своей рѣчи на ту пользу солиднаго образованія для женщинъ, что только при этомъ „люди, выходящіе на ловлю чужихъ убѣжденій въ очень легкомъ вооруженіи, съ надеждою, что не встрѣтятъ отпора, должны будутъ обманываться въ такой надеждѣ, встрѣтивъ въ существѣ, которое они предполагали слабымъ — твердость убѣжденій, широкій многосторонній взглядъ и способность къ повѣркѣ чужого мнѣнія".

Цѣлью женскихъ курсовъ, какъ она опредѣлена почтеннымъ учредителемъ ихъ въ Москвѣ, есть не спеціальное образованіе и не руководство въ ученой дѣятельности, но завершеніе общаго образованія, доставленіе „дѣвушкамъ, окончившимъ курсъ въ пансіонѣ или гимназіи, возможности болѣе самостоятельно продолжать свои заня-

тія, а родителямъ, воспитавшимъ своихъ дочерей дома — возможности достойнымъ образомъ завершить ихъ образованіе". Нѣтъ сомнѣнія, что цѣль эта всего вѣрнѣе можетъ быть достигнута именно предположеннымъ двухъ-лѣтнимъ курсомъ подъ руководствомъ профессоровъ университета. Такое преподаваніе должно вмѣстѣ и расширить взглядъ учеництъ среднихъ женскихъ училищъ и умѣрить гимназическую самоувѣренность, уясняя слушательницамъ тотъ фактъ, что за предѣлами закругленнаго гимназическаго курса имѣется еще безпредѣльный міръ знанія, изслѣдованія и самостоятельной работы для усвоенія себѣ какой-либо спеціальной его отрасли.

Составленная учредителемъ программа вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенной имъ цѣли и весьма опредѣленно обозначаетъ ее. Основными предметами курсовъ положены политическая исторія, литература, исторія искусства, исторія цивилизаціи, русская исторія и литература и естествознаніе, то-есть тѣ именно предметы, которыхъ изученіе, при достаточной подготовкѣ, ведетъ наиболѣе къ развитію ума и къ завершенію, къ полному осмысленію гимназическаго курса, который по необходимости держится въ болѣе узкихъ рамкахъ. А для того, чтобы предварительная подготовка была, учредителемъ совершенно раціонально поставлено условіе предварительнаго испытанія для тѣхъ слушательницъ, которыя не имѣютъ аттестатовъ объ окончаніи курса средняго образованія. Это условіе и даетъ возможность поставить высшіе курсы не въ видѣ ряда публичныхъ лекцій для случайной аудиторіи, но какъ „нѣчто цѣльное, проникнутое одною мыслью и составленное по стройному плану". Впрочемъ, для того, чтобы не лишать эти курсы и той пользы, какую они могли бы принесть въ видѣ общедоступныхъ публичныхъ лекцій, положеніе допускаетъ и вольныхъ слушательницъ, которыя обязаны только платою, но не подвергаются ни пріемному удостовѣренію, ни обязанности слушать непремѣнно всѣ предметы, писать сочиненія на заданныя темы, отвѣчать на вопросы, предлагаемые преподавателями во время уроковъ. Слушательницы же, которыя всѣмъ этимъ требованіямъ подчиняются, получаютъ, послѣ выпускного экзамена, свидѣтельство объ окончаніи этихъ курсовъ. Плата за годичный курсъ полагается 50 р., лекціи продолжаются съ 15-го сентября по 1-е мая. Для желающихъ преподаются, сверхъ предметовъ обязательныхъ, иностранные языки, математика и гигіена. Нѣтъ сомнѣнія, что при столь раціональномъ устройствѣ и подъ руководствомъ профессоровъ университета, эти высшіе женскіе курсы дадутъ дѣвушкамъ, серьёзно относящимся къ дѣлу, возможность пріобрѣтать солидное и даже блестящее, по нашимъ условіямъ, образованіе. Мы убѣждены, что сочувствіе общества прочно обезпечено доброму на-

чинанію В. И. Герье, и намъ остается только пожелать, чтобы, по истеченіи первыхъ четырехъ лѣтъ, устройство курсовъ упрочилось окончательно и во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ.

Мы попали случайно въ Москву, но должны на этотъ разъ остаться въ ней нѣсколько долѣе и посвятить московскимъ событіямъ значительную часть нынѣшняго обозрѣнія, благодаря тому, что въ этихъ событіяхъ отразились черты, имѣющія значеніе для всего нашего общества. Москву, раскинувшуюся на холмахъ, давно сравнивали съ древнимъ Римомъ; теперь это сходство увеличилось повтореніемъ въ Москвѣ чего-то въ родѣ борьбы патриціевъ и плебеевъ съ удаленіемъ послѣднихъ на Авентинскую гору. Нашелся даже и Мененій-Агриппа на Страстномъ Бульварѣ; но насколько наша цивилизація стоитъ ниже классической, настолько ниже оказался и московскій Мененій. Древній Мененій сказалъ знаменитую аллегорію о нелѣпости ссоры членовъ человѣческаго тѣла съ желудкомъ, что̀ въ настоящій моментъ выражало бы взглядъ на ссору администраціи съ городскою автономіей; а Мененій Страстного Бульвара только и могъ глубокомысленно провозгласить: „Москва—не Харьковъ“! Фактическая сторона дѣла, возникшаго въ Москвѣ по поводу недоумѣнія различныхъ властей относительно того, что римскіе граждане называли *toga*, изложена была газетами съ достаточною подробностью, а юридическая—разрѣшена циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 7-го февраля, гдѣ объяснено, что городскіе головы и вообще избранные сословіями или обществами представители не должны выдѣлять себя изъ общаго состава чиновъ, состоящихъ на государственной службѣ, относительно обязательности для нихъ ношенія мундира „согласно общепринятымъ правиламъ“. Циркуляръ, разумѣется, не произноситъ мнѣнія министерства о томъ, въ какой степени были неправы или правы гг. Дурново и Ляминъ, какъ члены образованнаго общества, которое также съ своей стороны предписываетъ извѣстныя формы взаимнаго обращенія, но все же, рѣшая вопросъ объ обязательности мундира, министерство не даетъ однако губернаторамъ права выводить отсюда заключеніе, что за несоблюденіе формы допускается *крутое* обращеніе. Дѣйствительно, какъ ни обязательно соблюденіе формы мундира, но кромѣ того — въ наше время, по крайней мѣрѣ—не менѣе обязательно и соблюденіе нѣкоторыхъ другихъ формъ. Было вѣдь и такое время, когда генералы на смотрахъ мѣломъ отмѣчали на спинахъ офицеровъ замѣченную ими неисправность въ покроѣ мундировъ. Относительно обязательности сходнаго съ образцомъ военнаго мундира въ строю и въ настоящее время конечно нѣтъ никакого сомнѣнія, однако те-

перь отмѣтки мѣломъ на спинѣ были бы сочтены нарушеніемъ нѣкоторыхъ иныхъ, не менѣе обязательныхъ *формъ*.

Общественное мнѣніе высказалось по этому дѣлу прежде появленія циркуляра, да если бы оно и имѣло въ виду циркуляръ, то едва-ли бы высказалось иначе, такъ какъ оно не столько стало на сторону г. Лямина въ этомъ дѣлѣ, не столько на сторону фрака противъ мундира, сколько на точку зрѣнія совершенно иную, имѣющую съ г. Ляминымъ и его фракомъ весьма мало общаго. Объ этомъ случаѣ въ нашей печати, а еще болѣе въ обществѣ, говорили въ прошлый мѣсяцъ до того, что почти не замѣтили провозглашенія республики въ Испаніи,—и не безъ основанія. Извѣстно, что общественный говоръ у насъ обыкновенно идетъ въ разбродъ; но замѣчательно, что на этотъ разъ общественное мнѣніе высказалось довольно единогласно во всѣхъ сферахъ, то-есть, единогласно осудило нарушеніе формъ общежитія; въ отношеніи г. Лямина такого полнаго единодушія не проявилось, и многіе, осуждая одного, не одобрили и другого. Когда общество во всѣхъ своихъ кругахъ относится къ какому-либо явленію довольно единодушно, то можно всегда сказать, что приговоръ его въ дѣйствительности, хотя быть можетъ для многихъ и несознательно, основался на одномъ, опредѣленномъ общемъ чувствѣ или убѣжденіи. Такъ безъ сомнѣнія было и въ настоящемъ случаѣ. Между тѣмъ, если мы соберемъ и сравнимъ тѣ мотивы, какими въ настоящемъ случаѣ объяснялся въ печати этотъ единодушный приговоръ, то найдемъ въ нихъ большое разнообразіе. Это и даетъ поводъ предполагать, что истинный мотивъ былъ иной, чѣмъ тѣ, которые гласно высказывались, и что этотъ-то, невысказанный, а многими можетъ быть даже и несознанный ясно мотивъ въ дѣйствительности дѣйствовалъ на всѣхъ, былъ общъ всѣмъ, а потому и произвелъ единодушное отношеніе общества къ главной чертѣ дѣла.

Для хроники общественной жизни важнѣе всего изслѣдовать именно эту сторону дѣла, то-есть ту сторону, которая всѣмъ близка и всѣхъ дѣлаетъ солидарными; гораздо менѣе важенъ для исторіи жизни общества мелкій вопросъ о личностяхъ, вопросъ о томъ, кто выказалъ болѣе дипломатическаго такта: г. Дурново или г. Ляминъ? Итакъ, перечтемъ сперва различные мотивы, какими въ разныхъ кружкахъ объясняли единогласное неодобреніе одной стороны. Одни говорили, что губернаторъ ошибся относительно своего административнаго положенія въ Москвѣ; что хотя, вообще говоря, губернаторъ имѣетъ во „ввѣренной ему губерніи“ значеніе представителя центральной власти, но что „Москва — не Харьковъ“, и что въ Москвѣ представителемъ центральной власти является не губерна-

торъ, а генералъ-губернаторъ; гражданскій губернаторъ въ Москвѣ есть только начальникъ губернскаго правленія и своей канцеляріи. Мотивъ весьма тонкій и дѣлающій честь высокимъ административнымъ способностямъ тѣхъ, кому онъ казался убѣдительнымъ и кто изобрѣлъ для городовъ такую же табель о рангахъ, какая существуетъ для чиновниковъ: „Москва-де большой чинъ, а Харьковъ—коллежскій регистраторъ". Стало быть, если бы въ Харьковѣ гражданскій губернаторъ „распушилъ" городского голову за то, что тотъ оставилъ у него свою визитную карточку или явился во фракѣ, а не въ мундирѣ, или если бы могло случиться, что нѣчто подобное сдѣлалъ бы въ Москвѣ генералъ-губернаторъ, — то это было бы въ порядкѣ вещей и вполнѣ сообразно съ достоинствомъ представителя центральной власти?

Другіе органы объясняли и излишнюю „поспѣшность" г. Дурново и свое неодобреніе такой поспѣшности нѣкоторыми особенностями военнаго образованія и карьеры иныхъ „гражданскихъ" губернаторовъ у насъ. Но развѣ мало было у насъ въ разныя времена подобныхъ примѣровъ, явленныхъ людьми иного образованія и проходившими иную карьеру? Развѣ въ лѣтописи дѣяній нѣкоторыхъ слишкомъ бойкихъ администраторовъ у насъ не найдутся имена такихъ дѣятелей, которые съ успѣхомъ оканчивали курсъ наукъ въ тѣхъ не-военныхъ учрежденіяхъ, которыя издавна снабжали Россію цѣлыми выпусками будущихъ замѣтныхъ администраторовъ? Третьи находили, что изъ-за такихъ пустяковъ, какъ принадлежности костюма и визиты, безтактно дѣлать нѣчто въ родѣ скандала; четвертые морализировали, что чиновнику вообще, чѣмъ выше онъ стоитъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ контролировать свои пріемы по отношенію къ представителямъ общественныхъ учрежденій и т. д. Эти послѣднія соображенія безъ сомнѣнія основательны, какъ вообще основательны соображенія въ пользу начальнической умѣренности и сдержанности. Но вѣдь не всякій же случай, въ которомъ выражается отсутствіе этихъ похвальныхъ качествъ, вызываетъ единодушный приговоръ о себѣ общества. Напр., хоть бы разбиравшееся въ истекшемъ мѣсяцѣ въ здѣшнемъ военно-окружномъ судѣ дѣло о капитанѣ Квитницкомъ и полковникѣ Хлѣбниковѣ: недостатокъ сдержанности, умѣренности и такта проявился тутъ несомнѣнно, и проявился со всѣхъ сторонъ, а между тѣмъ мнѣнія въ обществѣ объ этомъ случаѣ слышались весьма различныя, и самый судъ, признавъ вину, ходатайствовалъ о помилованіи виновнаго. Но московское столкновеніе отозвалось въ обществѣ глубже, чѣмъ отозвалось бы простое несоблюденіе правилъ умѣренности со стороны одного должностного лица къ другому, еслибы только авторитетъ каждаго изъ нихъ былъ равно выше всякаго нарушенія, еслибы

каждый изъ нихъ представлялъ въ своемъ лицѣ нѣчто само по себѣ вполнѣ способное къ самозащитѣ, какова бы ни была личная сила или личная слабость нападающаго и подвергшагося нападенію.

Одна петербургская газета попробовала подойти нѣсколько ближе къ причинѣ, вызвавшей это прискорбное явленіе и рѣшилась указать ее уже нѣсколько глубже однихъ личныхъ свойствъ. Причину эту газета находитъ въ „весьма старой психической болѣзни въ извѣстной средѣ нашего общества". Какая же болѣзнь подразумѣвается? „Болѣзнь эта", говоритъ газета, „заключается въ томъ, что иные люди, прежде чѣмъ приступать къ дѣятельности, признаютъ себя обязанными свидѣтельствовать о своей личной преданности правительству, и для такого засвидѣтельствованія поставляютъ себя въ необходимость воображать тѣхъ или другихъ представителей общества врагами правительства и затѣмъ, прежде всего, начинаютъ съ этими, мнимыми врагами правительства борьбу открытую или тайную". Въ словахъ этихъ есть доля справедливости, и сказаны эти слова en connaissance de cause, такъ какъ публицистъ той газеты самъ идетъ этою же самою дорогою и до сихъ поръ признаетъ себя обязаннымъ вести съ мнимыми врагами порядка борьбу открытую или тайную. Дѣйствительно, люди подверженные этой болѣзни, люди силящіеся посредствомъ заподозриванья общественныхъ дѣятелей и общественныхъ стремленій пріобрѣтать себѣ выгодную въ извѣстныхъ отношеніяхъ репутацію благонамѣренности — у насъ бываютъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но надобно сознаться,—они бываютъ не только въ администраціи, но и въ самой печати. Если-бы рѣчь шла и теперь о томъ, что кто-либо, будь то администраторъ или публицистъ, захотѣлъ заявить свою особую благонамѣренность, доказывая неблагонадежность и мнимую опасность какихъ-либо стремленій или группъ людей въ обществѣ, напр., доказывая опасность той излишней свободы, которую присвоила себѣ печать въ мнѣніяхъ объ устройствѣ школы, или гибельность попытокъ для доставленія образованія женщинамъ или анти-государственность убѣжденій безпоповцевъ, непріемлющихъ окружнаго посланія,—то это для насъ, по долговременной привычкѣ, не представляло бы ничего удивительнаго. Мы понимали бы, что нѣкоторые люди избираютъ этотъ путь для своихъ личныхъ цѣлей, т.-е. именно одержимы болѣзнью заявлять свою преданность указаніемъ на мнимую опасность такихъ вещей, которыя были только терпимы, допускаемы, а не облечены отъ самого правительства законодательною санкціею, полнымъ, стало быть и окончательнымъ признаніемъ. И тогда вопросъ собственно о людяхъ былъ бы вопросъ мелкій; и тогда въ такихъ случаяхъ важнѣе всего было бы все-таки указывать на то, какъ было бы прискорбно и вредно, еслибы

подобные разсчеты могли удаваться, еслибы были примѣры, чтобы власть увлекалась такимъ образомъ не по своей инціативѣ къ преслѣдованіямъ опасностей мнимыхъ, призрачныхъ.

Но вѣдь въ настоящемъ случаѣ представляется не то. Вѣдь здѣсь идетъ рѣчь не о какихъ-либо только терпимыхъ согласіяхъ и случайныхъ группахъ людей и представителяхъ ихъ. Рѣчь идетъ о главѣ учрежденія, признаннаго законодательнымъ актомъ, о представителѣ московской городской думы, т.-е. такого общественнаго учрежденія, котораго право на самостоятельность признано закономъ, спеціально изданнымъ съ цѣлью обезпечить эту самостоятельность. Неужели у кого-нибудь можетъ быть такая болѣзнь, чтобы заявлять свою преданность правительству, выставляя „мнимыми врагами правительства" учрежденія, которыя самимъ правительствомъ облечены властью, и потому должны бы казаться окончательно, безповоротно имъ самимъ признанными и поставленными уже внѣ всякихъ заподозриваній и колебаній? Сомнѣваемся, чтобы такіе разсчеты могли удаваться и даже могли бы возникать съ какою-либо надеждою на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, мы должны сознаться, что весьма еще замѣтная у насъ неувѣренность въ томъ, что́ уже признано окончательно, и что̀ еще подлежитъ, пожалуй, и отмѣнѣ или неожиданному измѣненію—играла едва ли не главную роль въ единодушіи сужденія общества о главной чертѣ московскаго случая. Мы не хотимъ сказать, будто эта именно неувѣренность, что учрежденія уже признанныя законодательно, тѣмъ самымъ признаны и окончательно, а стало быть поставлены выше всякихъ заподозриваній изъ личныхъ видовъ, произвела самый поступокъ губернатора, такъ какъ мы не хотимъ думать, чтобы поступокъ его былъ основанъ на опредѣленномъ и притомъ *такомъ* разсчетѣ. Но неувѣренность, о которой мы говоримъ, по нашему мнѣнію, все-таки играла главную роль въ той чуткости, съ какою все общество отнеслось къ этой исторіи и отнеслось къ ней съ единогласнымъ неодобреніемъ. Общество инстинктивно поняло, что административное лицо, какова бы ни была пылкость его характера, не могло бы поступить такъ ни съ независимымъ отъ него членомъ администраціи, ни съ лицомъ духовнымъ, ни съ предводителемъ дворянства, однимъ словомъ, съ членомъ или представителемъ такого учрежденія, которое издавна и уже безъ всякаго сомнѣнія стоитъ внѣ какихъ-либо мнѣній о полезности для него острастки, или о потребности „посдержать" его, или намекиваній о томъ, что напрасно, молъ, оно и создано и не мѣшало бы его передѣлать на старый ладъ. Весьма вѣроятно, повторяемъ, что московскій губернаторъ вовсе и не имѣлъ въ виду отнестись такъ къ городскому головѣ потому только, что онъ городской

голова, представитель городского самоуправленія, какъ оно создано новою реформой, а не архіерей, или полковой командиръ, напримѣръ. Но общество тѣмъ не менѣе могло отнестись къ этому случаю именно съ такой точки зрѣнія, то-есть съ мыслью, что у насъ существуетъ нѣсколько учрежденій, хотя и созданныхъ законодательствомъ и имъ же облеченныхъ властью, стало быть вполнѣ признанныхъ, но въ дѣйствительности какъ бы все-таки еще непризнанныхъ окончательно и состоящихъ подъ какимъ-то необъяснимымъ, но предполагаемымъ сомнѣніемъ въ самой пользѣ, даже въ безопасности ихъ существованія. Мы можемъ только выражать надежду, что такая мысль, такая неувѣренность, иногда проявляющаяся въ обществѣ, неосновательны, но что она дѣйствительно порою проявляется въ немъ,—этого отрицать нельзя. Такъ, вскорѣ послѣ введенія земскихъ учрежденій стали возникать толки объ ограничительныхъ мѣрахъ по отношенію къ нимъ, какъ то было и послѣ освобожденія крестьянъ въ отношеніи къ самой этой, величайшей изъ нашихъ реформъ. Еще недавно послѣ мѣръ принятыхъ въ царствѣ польскомъ для поднятія крестьянскаго класса и для врученія ему самому стражи нашей солидарности съ польскимъ народомъ, стали распространяться гаданія о томъ, что будто бы уже и политика Н. А. Милютина, котораго польская эмиграція всегда считала злѣйшимъ врагомъ всякой будущности для революціи въ Польшѣ, будто и самая эта политика уже слыветъ въ настоящее время слишкомъ либеральною. Подобные слухи, иногда совсѣмъ нелѣпые, чаще всего касались другой сферы учрежденій, созданныхъ законодательствомъ, именно судебныхъ учрежденій, то предвѣщая такое или иное ихъ ограниченіе, то предсказывая, напр., что если тотъ или другой процессъ получитъ неожиданный исходъ, то самый институтъ присяжныхъ можетъ быть отмѣненъ. Не мудрено, что и относительно городского самоуправленія могла проявляться такая неувѣренность. Надо замѣтить, что задать „острастку“ представителю городского самоуправленія Москвы призналъ нужнымъ губернаторъ *новый*, только что пріѣхавшій изъ Петербурга. Могли подумать, что такому лицу извѣстны какія-либо novissima verba высшей администраціи и что, говоря съ г. Ляминымъ, оно именно и употребляло эти новые глаголы, въ ихъ настоящемъ и будущемъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности могло быть только то, что глаголъ весьма обыкновенный превратился въ другой, совсѣмъ иного смысла. Москвѣ въ настоящее время языки классическіе должны быть вразумительнѣе новѣйшихъ. Поэтому мы позволимъ себѣ латинскимъ примѣромъ указать на возможность такого смѣшенія формъ одного глагола съ формами иного глагола, имѣющаго совершенно иное значеніе: напримѣръ, есть глаголы juvo, juvare, и jubeo, jubere, оба неправильные,

и тѣмъ легче ихъ смѣшать; *juvo* значитъ помогать, пособлять, способствовать (положимъ, хоть успѣху городского самоуправленія), облегчать, даже услаждать и нравиться. Другой же глаголъ, *jubeo*, хотя въ нѣкоторыхъ формахъ рознится съ первымъ всего одной буквой, и то весьма сходной, но означаетъ уже нѣчто совсѣмъ иное, а именно, значитъ: приказывать, повелѣвать, предписывать, назначать, опредѣлять, утверждать и командовать. Немудрено смѣшать такіе глаголы.

Итакъ, самый случай бывшій въ Москвѣ мы относимъ къ разряду мелкихъ и склонны видѣть въ немъ просто промахъ; но чуткость и единодушіе, съ какими отнеслось къ этому случаю все общество, мы приписываемъ именно какой-то неувѣренности въ окончательномъ упроченіи и дальнѣйшей неприкосновенности цѣлаго ряда учрежденій, который обнимаетъ собою всѣ наиболѣе дорогіе обществу интересы, а потому и особенно ревниво оберегается общественнымъ вниманіемъ.

Мы не даромъ оговорили выше, что вразумительность древнихъ языковъ должна быть особенно очевидна для Москвы именно въ настоящее время. Москвичи могутъ, конечно, имѣть весьма различное понятіе о пользѣ преобладанія этихъ языковъ въ курсѣ для самихъ учащихся, и недавній примѣръ, бывшій въ московскомъ университетѣ при забаллотированіи бывшаго профессора Леонтьева, непризнаннаго годнымъ къ профессурѣ, показываетъ, что москвичи не видятъ и въ самомъ званіи редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ никакого особаго права на предпочтеніе въ учебномъ мірѣ, если человѣкъ самъ по себѣ, какъ преподаватель, можетъ быть съ пользою для дѣла замѣненъ инымъ. Но все-таки москвичи никакъ не могутъ отрицать у классицизма, сочетавшагося съ названною редакціей, того весьма реальнаго уже преимущества, что этой парѣ удается весьма хорошо устроить свое домашнее хозяйство. Что можетъ быть удобнѣе такого хозяйства, которое совмѣстило въ себѣ полную самостоятельность и вмѣстѣ всѣ выгоды подчиненности, всѣ удобства частной, никѣмъ нестѣсняемой дѣятельности и вмѣстѣ — всѣ преимущества оффиціальной санкціи и даже прямо—всѣ выгоды и отличія государственной службы? Классической четѣ остается обратиться другъ къ другу и воскликнуть съ Виргиліемъ:

O Meliboee, deus nobis haec otia fecit!

Въ концѣ января напечатаны нѣкоторыя дополнительныя статьи къ уставу лицея, учрежденнаго въ Москвѣ гг. Леонтьевымъ и Катковымъ. Этими дополненіями лицамъ, служащимъ въ томъ лицеѣ,

предоставляются права государственной службы. Московскій лицей, какъ извѣстно, есть не что иное какъ частная гимназія вмѣстѣ съ университетскимъ частнымъ же пансіономъ. Мы презираемъ лавочническіе пріемы въ такомъ дѣлѣ какъ воспитаніе юношества. Мы предоставляемъ руководителямъ лицея, называемаго въ обществѣ „катковскимъ", заявлять свою преданность „святому дѣлу воспитанія новыхъ поколѣній" и въ то же время подводить къ солидарности съ „интернаціоналкою" тѣхъ, кто ратуетъ за дѣло реальной школы, какъ она поставлена въ Германіи, или отрицать пользу цѣлаго разряда школъ уже существующихъ только потому, что онѣ не принадлежатъ той фирмѣ, которой гг. Леонтьевъ и Катковъ служатъ коммивояжерами. Мы презираемъ лавочническіе пріемы этихъ господъ, выражавшихся недавно такимъ образомъ: „Министерство народнаго просвѣщенія не хотѣло испортить дѣло нашей учебной реформы и отнести ее къ типу такъ-называемыхъ у насъ военныхъ гимназій, которыя неизвѣстно почему называются военными и еще менѣе извѣстно почему называются гимназіями". Взглядъ нашъ на лучшую систему средняго образованія извѣстенъ, и хотя московскій лицей не соотвѣтствуетъ ему нисколько, но онъ для насъ прежде всего училище, то-есть учрежденіе, въ которомъ не учатъ же въ самомъ дѣлѣ рѣзать или грабить людей, и даютъ юношамъ образованіе, правда, руководствуясь при этомъ системою, которая не есть по нашему мнѣнію лучшая. Вотъ потому во всякомъ поощреніи этому училищу, какъ бы поощреніе это ни было необыкновенно, мы никакъ не усмотримъ ни опасности для государства, ни потрясенія какихъ-либо основъ, ни даже „порчи учебнаго дѣла". Впрочемъ, едва ли и нужно настаивать на различіи нашего отношенія къ дѣлу съ отношеніемъ къ этому дѣлу и къ нравственнымъ принципамъ вообще господъ Леонтьева и Каткова. Все что мы хотимъ сказать по поводу новаго штата московскаго лицея, это—отмѣтить особенныя условія, въ какія онъ поставленъ по отношенію къ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, — и только.

Главному учителю лицея штатомъ положено содержаніе въ 4,000 рублей, должность его отнесена къ IV-му классу, съ мундиромъ того же класса и пенсіею. Въ соотвѣтственное этому положеніе поставлены и другіе учители; старшіе изъ нихъ получаютъ по 2,000 рублей, состоятъ въ VI-мъ классѣ и сравнены не съ учителями, а съ инспекторами казенныхъ гимназій. При всѣхъ этихъ высшихъ преимуществахъ, служащіе въ московскомъ лицеѣ поставлены въ гораздо болѣе независимое положеніе, чѣмъ служащіе въ гимназіяхъ казенныхъ. Главный учитель лицея, который по смыслу 1-й статьи дополнительныхъ правилъ можетъ быть избранъ правленіемъ лицея не

только изъ лицъ, имѣющихъ званіе дѣйствительнаго студента, но даже изъ категоріи всѣхъ тѣхъ лицъ, которые могутъ по закону быть учителями или воспитателями въ гимназіяхъ или хотя бы просто изъ лицъ, которые по мнѣнію правленія пріобрѣли особенную извѣстность педагогическою дѣятельностью — между тѣмъ сравненъ въ служебныхъ правахъ съ ординарнымъ профессоромъ университета, а по разряду должности поставленъ выше ординарнаго профессора. Правленію лицея достаточно было бы наслышаться объ особенно успѣшной дѣятельности лица въ качествѣ, положимъ, домашняго учителя латинскаго языка, чтобы избрать его на мѣсто IV-го класса, сравненное въ отношеніи пенсіи съ должностью, весьма трудно достигаемой, ординарнаго профессора университета.

Какъ ни необыкновенны такія привилегіи для частной гимназіи, соединенной съ пансіономъ, но мы въ нихъ не усматриваемъ никакого вреда. Напротивъ, по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ, мы готовы усмотрѣть въ нихъ даже полезную сторону. Лицо, занимающее нынѣ должность главнаго учителя лицея, состояло прежде, дѣйствительно, въ должности профессора московскаго университета. Сравненіемъ нынѣшней его должности въ частномъ училищѣ съ прежнею государственною должностью въ отличіяхъ служебныхъ, оно можетъ утѣшиться, а вмѣстѣ съ нимъ, безъ сомнѣнія, утѣшится и московскій университетъ, что обоюдныя отношенія получили такую окончательную, выгодную для обѣихъ сторонъ, развязку. Этому и мы радуемся, въ настоящемъ случаѣ, но радуемся не только этому.

Дѣло въ томъ, что нынѣ, когда смѣщеніе директоровъ государственныхъ гимназій есть фактъ весьма нерѣдкій и когда разнеслись даже такіе слухи, что въ самыхъ университетахъ предполагается ограничить выборное начало въ примѣненіи какъ къ ректору, такъ и къ профессорамъ, особенно отрадно видѣть, какими условіями самостоятельности обставляется положеніе главнаго учителя московскаго лицея, заведенія, относящагося къ разряду гимназій. Главный учитель, то-есть директоръ лицея избирается самимъ правленіемъ лицея, и затѣмъ какъ утвержденіе его въ должности, *такъ и увольненіе* его происходитъ неиначе какъ по ходатайству совѣта лицея, представленному министромъ на высочайшее утвержденіе. Законы пишутся вѣдь не для лицъ, но для учрежденій. Стало быть, послѣ нынѣшняго директора московскаго лицея во главѣ его можетъ быть поставлено, по избранію правленія и согласно ходатайству совѣта, лицо не имѣющее иного диплома какъ свидѣтельство на званіе домашняго учителя. И такое лицо не только будетъ утверждено, но и не можетъ быть смѣняемо высшею властью иначе, какъ по ходатайству совѣта лицея. Вотъ лучшее и весьма краснорѣчивое доказательство того, какъ до-

рожить само министерство народнаго просвѣщенія принципомъ личной независимости въ педагогической дѣятельности. Въ виду такого примѣра позволено предполагать, что и директоры государственныхъ гимназій не будутъ подвергаться, по крайней мѣрѣ, слишкомъ частой перетасовкѣ. Сверхъ того, если выборное начало относительно назначенія и увольненія столь безусловно проведено министерствомъ въ пользу директора московскаго лицея, который можетъ современемъ быть даже изъ домашнихъ наставниковъ, то министерство, очевидно, не можетъ даже и возбудить мысли объ ограниченіи выборнаго начала по отношенію къ ректорамъ и профессорамъ нашихъ университетовъ. Да и по отношенію къ самому г. Леонтьеву нелѣпо думать, что выборное право, которое сказалось неблагопріятнымъ для него результатомъ въ московскомъ университетѣ, могло бы быть какъ-бы конфисковано у университетовъ и подарено въ исключительную собственность гг. Леонтьева или Каткова въ ихъ лицеѣ. По нашему мнѣнію, министерство народнаго просвѣщенія не могло дать лучшаго опроверженія всѣмъ слухамъ объ ограниченіи имъ выборнаго начала въ нашихъ университетахъ.

Переходя отъ московскаго лицея къ другому предмету, мы къ сожалѣнію никакъ не можемъ устранить изъ дальнѣйшей нашей бесѣды издателей „Московскихъ Вѣдомостей“, такъ какъ они заняли весьма характеристическое положеніе въ нападкахъ, которымъ подверглась въ послѣднее время система военнаго управленія, а мы хотимъ сказать нѣсколько словъ именно объ этомъ предметѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ газетѣ „Русскій Міръ“ не разъ появлялись спеціальныя статьи о военномъ управленіи, очевидно написанныя военнымъ человѣкомъ, въ которыхъ проводилась въ сущности та мысль, что вопросъ о преобразованіи арміи, о которомъ теперь идетъ рѣчь, не можетъ быть разрѣшенъ вполнѣ раціонально безъ отмѣны военно-окружной системы, или, какъ выражался авторъ статей, „системы 1862 года“, то-есть нынѣшней системы управленія военнаго министерства, потому что система эта будто бы несовмѣстна съ раціональнымъ рѣшеніемъ дѣла, и будучи несовмѣстною съ такимъ рѣшеніемъ, сама, будто бы, и не допускаетъ его, выгораживая себя. Въ январѣ, въ „Русскомъ Мірѣ“ появилась весьма энергическая статья въ томъ же смыслѣ, то-есть противъ системы военныхъ округовъ. Въ отвѣтъ была помѣщена въ оффиціальномъ „Русскомъ Инвалидѣ“, замѣтка, которая, отказываясь отъ полемики по существу вопроса, рѣзко порицала статьи другого, неоффиціальнаго „инвалида“, и даже усмотрѣла въ нихъ намѣреніе „поколебать общественное довѣріе къ силѣ и могуществу Россіи у насъ и за-границею“. Въ возраженіе на эту

замѣтку генералъ Фадѣевъ прислалъ письмо въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, исполненное такихъ прелестей, для вливанія которыхъ спеціально существуетъ эта газета. Сама же редакція ея, напечатавъ прелестное письмо г. Фадѣева, дополнила его собственной передовой статьею, въ которой къ дѣлу о военныхъ округахъ, какъ уже выше сказано, приплетена и учебная реформа, и „увеселительныя заведенія“ въ родѣ высшихъ реальныхъ, которыми гордится Пруссія, и „Голосъ“ и „Вѣстникъ Европы“.

Разбирать самый споръ о преимуществахъ системы военныхъ округовъ или же системы постоянныхъ главныхъ штабовъ съ подъчиненными имъ корпусами, мы теперь не будемъ. Вопросъ этотъ съ одной стороны слишкомъ важенъ, чтобы о немъ говорить мимоходомъ, а во-вторыхъ, это вопросъ въ значительной степени личный. Какъ ни странно такое опредѣленіе государственнаго вопроса, однако несомнѣнно, что въ борьбѣ противъ военно-окружной системы, борьбѣ, которая только недавно ведется путемъ печати, и уже нѣсколько лѣтъ велась путемъ записокъ, переписанныхъ красивыми писарскими почерками на такъ-называемой „царской“ бумагѣ,—что въ этой борьбѣ личная сторона есть. Какъ бы то ни было, вопросъ этотъ въ настоящее время вступаетъ въ новый фазисъ и будетъ разсматриваемъ въ особой коммисіи, съ участіемъ военнаго министра, не во всемъ своемъ объемѣ впрочемъ, а только по отношенію къ двумъ военнымъ округамъ.

Но оставимъ пока вопросъ спеціальный, военно-административный, и бросимъ взглядъ только на свойства, заявляемыя борцами этого спора въ печати. Генералъ Фадѣевъ, усмотрѣвъ въ отзывѣ „Русскаго Инвалида“ обвиненіе въ измѣнѣ, весьма ясно опредѣлилъ *личный* характеръ спора слѣдующими словами: „если въ статьяхъ „Русскаго Міра“ есть измѣна, то никакъ ужъ не измѣна Россіи, а развѣ только „Русскому Инвалиду“, которому кажется еще никто не присягалъ, стало быть никто не можетъ измѣнить“. Почему же измѣна именно „Русскому Инвалиду“? Развѣ авторы статей помѣщенныхъ въ „Русскомъ Мірѣ“ писали прежде въ „Инвалидѣ“? Очевидно, „Инвалидъ“ здѣсь ни причемъ, и подъ „Русскимъ Инвалидомъ“ подразумѣвается кто-либо иной. Совершенно справедливо, что никто не присягалъ „Русскому Инвалиду“, какъ никто не присягалъ и „Русскому Міру“, который воленъ сдѣлать выборъ между ними и не совершая никакой измѣны, причисляться къ лагерю офиціальнаго „Инвалида“ или къ лагерю „Инвалида“ оппозиціонаго. Оговоримся здѣсь, дабы „Русскій Міръ“ не обвинялъ насъ въ неправильномъ названіи его „оппозиціонной“ газетой: мы этого вовсе не хотѣли сказать, мы не говорили, что „Русскій Міръ“ есть оппозиціонный органъ, мы гово-

рили, что онъ есть собственно только оппозиціонный „Инвалидъ", вполнѣ „благонамѣренный Инвалидъ", но только „Инвалидъ" прошлаго или будущаго, какъ угодно. Генералъ Фадѣевъ совершенно правъ, порицая замѣтку „Русскаго Инвалида"; употребленный въ ней пріемъ „заподозриванья" не можетъ быть оправданъ. Но что же дѣлаетъ самъ генералъ Фадѣевъ, когда говоритъ слѣдующее: „военные органы на диво всему свѣту (?) либеральничали у насъ всегда и во всемъ (?), либеральничали же для либеральничанья, еще съ тѣхъ поръ, *когда они состояли подъ одною* (?) *редакціей съ покойнымъ Современникомъ*". Генералъ Фадѣевъ вѣроятно потому ограничился здѣсь намёкомъ, что считалъ его вполнѣ достаточнымъ для тѣхъ, кому этотъ намёкъ надобенъ, но между тѣмъ не желалъ высказаться слишкомъ гласно, передъ всей публикой, въ ролѣ довольно неблаговидной; однимъ словомъ, хотѣлъ привести къ дѣлу полицейскую справку, не разрушая всенародно своей репутаціи безупречнаго идеалиста по части разныхъ хорошихъ вещей, каковы, напр., освобожденіе турецкихъ и австрійскихъ славянъ и т. п. Но мы должны нарушить такой его разсчетъ и устранить возможность соединенія такихъ разнородныхъ ролей. Съ этой цѣлью мы замѣтимъ, что напрасно онъ не говоритъ напрямки того, что онъ хотѣлъ исполнить; напрасно прямо не коритъ военное министерство тѣмъ, что въ редакціи „Военнаго Сборника" участвовалъ когда-то г. Чернышевскій. Переведя намёкъ г. Фадѣева на языкъ общедоступный, спросимъ генерала, для чего онъ говоритъ намёкомъ и что онъ хочетъ этимъ сказать по отношенію къ „системѣ 1862 года", которое есть настоящій предметъ его статьи? Хочетъ ли онъ сказать такую нелѣпость, что военно-окружная система обязана своимъ происхожденіемъ сотрудничеству г. Чернышевскаго, потому только, что г. Чернышевскій могъ писать кое-что въ „Военный Сборникъ"? Если онъ хочетъ сказать это, то, во-первыхъ, онъ говоритъ вещь смѣшную для него самого; во-вторыхъ, онъ самъ употребляетъ пріемъ еще худшій, чѣмъ тотъ, какой, по его мнѣнію, употребленъ былъ „Русскимъ Инвалидомъ" противъ „Русскаго Міра". Если же генералъ Фадѣевъ сказать этого не хотѣлъ, въ такомъ случаѣ его ссылка на мнимую связь запрещеннаго журнала съ оффиціальными органами военнаго министерства не имѣетъ никакого смысла кромѣ полицейскаго, и г. Фадѣевъ самъ не знаетъ что̀ говоритъ.

Издателей „Московскихъ Вѣдомостей" безполезно ставить въ такую альтернативу. Съ одной стороны, они очень хорошо знаютъ что̀ говорятъ, даже тогда, когда говорятъ вздоръ. Съ другой стороны, къ какимъ бы нравственно невысокимъ пріемамъ они ни прибѣгали, они нисколько не стыдятся ихъ; они открыто заявляютъ, что ихъ нельзя „смутить" обличеніемъ ихъ въ „доносѣ, сикофанствѣ" и что

противъ нихъ это лишь „грубая уловка". Что вы будете дѣлать съ противникомъ подобнаго сорта? Быть можетъ, онъ призналъ бы тонкою уловкою съ вашей стороны, если бы вы отвѣчали ему тѣмъ же, въ чемъ сами его уличаете; но къ тонкости этого свойства не всякій имѣетъ призваніе. Издатели „Московскихъ Вѣдомостей" называютъ замѣтку „Русскаго Инвалида" клеветою, на томъ собственно основаніи, что она „голословно обвиняетъ *намѣренія* противниковъ (курсивъ подлинника); они провозглашаютъ такую изумительную въ ихъ устахъ истину, что „должно соблюдать величайшую осторожность въ сужденіи о намѣреніяхъ людей", что „какъ бы ни были предосудительны дѣйствія, мы (гг. Леонтьевъ и Катковъ) должны оставлять возможность объяснять ихъ ненамѣренностью, пока нѣтъ достаточныхъ доказательствъ противнаго". Это говорятъ люди, которые десять лѣтъ спеціально занимаются заподозриваніемъ именно намѣреній, обвиненіями въ измѣнѣ за всякое нелюбезное имъ мнѣніе, безъ малѣйшаго доказательства, безъ возможности существованія не только доказательствъ, но хотя чего-либо похожаго на отдаленнѣйшій признакъ здраваго смысла! Развѣ издатели „Московскихъ Вѣдомостей" имѣли доказательства на то, что въ 1870 году въ Петербургѣ засѣдалъ „ржондъ", и что писатели, защищавшіе въ печати систему реальнаго образованія, поставили цѣлью поколебать нравственныя основы учащагося юношества и дѣйствовали въ связи съ назначеніями въ „интернаціоналкѣ" особаго отдѣленія для пропаганды ея идей въ средѣ русской молодежи? Что̀ было преобладающею чертою дѣятельности гг. Каткова и Леонтьева, какъ не именно и спеціально толкованіе чужихъ *намѣреній* въ преступномъ смыслѣ, безъ малѣйшихъ доказательствъ, и даже въ противность здравому смыслу? Приходитъ ли имъ когда-либо на мысль, что̀ скажетъ современемъ о ихъ дѣятельности исторія нашей литературной жизни, и если имъ такая мысль порою приходитъ, то могутъ ли они сомнѣваться, что эта исторія, совершенно уже объективная, вынуждена будетъ отнестись къ нимъ именно съ такимъ приговоромъ, въ которомъ они видятъ „грубую уловку", сказать о нихъ, что они внесли въ русскую печать ту деморализацію, тотъ глубокій развратъ, который состоитъ въ заподозриваньи, въ призывѣ силы для каранія убѣжденій; что противникамъ своимъ они подкладывали преступныя намѣренія, какъ нѣкіе ревнители времени московскаго государства подкладывали зелья и корешки въ жилища людей, которыхъ хотѣли обвинить въ колдовствѣ; и если козни нашихъ Катковыхъ рѣдко удавались, то только потому, что мы живемъ не въ такое время. Пусть эти господа не удивляются, если имъ пришлось встрѣтить плоды того, что они такъ усердно сѣяли сами.

Чтобы не кончить господиномъ Катковымъ нашего обозрѣнія, которое вышло нынѣшній разъ московскимъ, помѣстимъ въ заключеніе отрывокъ изъ письма къ намъ изъ Москвы о тамошней музыкальной жизни:

„Московская музыкальная жизнь — пишутъ намъ — представила недавно два факта, обращающіе на себя вниманіе: прощальный бенефисъ русской пѣвицы, г-жи Оноре, и исполненіе новой, второй симфоніи П. Чайковскаго. Русская опера въ Москвѣ находится въ незавидномъ положеніи, и хотя пользуется очевиднымъ сочувствіемъ публики, но продолжаетъ довольно быстро клониться къ своему паденію. О сочувствіи публики можно судить по сборамъ русскихъ оперныхъ представленій: за прошлый годъ оказалось, что каждое представленіе дало сбору среднимъ числомъ до 1,500 руб. Цифра весьма почтенная, если принять въ соображеніе однообразіе персонала и репертуара и неудовлетворительное состояніе хора и оркестра вмѣстѣ съ другими неблагопріятными обстоятельствами. Но, повидимому, мало думаютъ объ освѣженіи персонала и о разнообразіи репертуара. Русскія оперы вообще давались весьма рѣдко, и то въ невыгодные дни. Госпожа Оноре въ послѣдній разъ выступила въ „Рогнѣдѣ“ Сѣрова, встрѣтивъ, по обыкновенію, самый искренній, теплый пріемъ со стороны многочисленной публики. Съ выходомъ ея, русская опера лишается замѣчательной артистки, которою, вмѣстѣ съ г-жею Александровой, держался весь репертуаръ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ

„Другое явленіе болѣе отраднаго свойства,—это вторая симфонія Чайковскаго, которая была исполнена съ большимъ успѣхомъ въ концертѣ нашего русскаго музыкальнаго общества. Симфоніи этой придется занять видное мѣсто между русскими музыкальными произведеніями. Это первая, довольно удачная тематическая разработка русскихъ народныхъ напѣвовъ, разукрашенныхъ гармоническими и инструментальными сочетаніями лучшихъ современныхъ западно-европейскихъ композиторовъ“...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1873.

Испанскія партіи и республика.

„Державные кортесы провозгласили въ Испаніи республику"! Если бы Испанія обратилась въ республику $4^1/_2$ года тому назадъ, то-есть тогда, когда изгнана была Изабелла, то едва-ли кто-либо серьёзно удивился тому. Правда, Испанія была бы тогда единственною, за исключеніемъ Швейцаріи, республикою въ Европѣ. Теперь республика является въ Испаніи послѣ того, какъ Европа уже освоилась съ республикою во Франціи. И однакожъ, превращеніе Испаніи въ республику теперь вызвало всеобщее удивленіе въ Европѣ, бо́льшее удивленіе несомнѣнно, чѣмъ было бы въ 1868 году. Тогда фактъ истекалъ бы логично изъ революціи: изгнавъ женскую линію Бурбоновъ, мнимую представительницу конституціонализма, и не желая призывать мужскую линію Бурбоновъ, представительницу легитимнаго абсолютизма, Испаніи было совершенно естественно провозгласить республику. Провозглашеніе республики въ Испаніи въ то время имѣло бы весьма большое значеніе, въ особенности по отношенію къ Франціи. Относительно самой Испаніи, каждый безпристрастный человѣкъ въ то время сказалъ бы, что испанцы поступили благоразумно: послѣдній легитимный король Испаніи, Фердинандъ VII, умеръ въ сентябрѣ 1833 года; съ тѣхъ поръ до сентября 1868 года, тоесть до революціи, прошло ровно 35 лѣтъ, употребленныхъ на опытъ „либеральной" монархіи; что за неудачею такого опыта послѣдовалъ единственно-возможный исходъ, именно установленіе республики, это, повторяемъ, было бы совершенно естественно, и вся Европа признала бы, что въ Испаніи происходитъ не кукольная комедія, но серьёзный историческій процессъ, и что республика можетъ упрочиться въ Испаніи, такъ какъ вытекла изъ событій путемъ логической необходимости.

Зачѣмъ, скажутъ намъ, разсуждать о томъ, что было бы, еслибы въ 1868 году произошло то, что все-таки произошло теперь, и почему же объ установленіи республики въ Испаніи нельзя судить въ 1873 году такъ, какъ слѣдовало бы судить о томъ же фактѣ въ 1868 году? Потому, отвѣтимъ, что тѣ причины, которыя помѣшали провозглашенію республики въ 1868 году, продолжаютъ существовать и устраняютъ всякую увѣренность въ упроченіи республики нынѣ провозглашенной; потому, что исходъ событій 1868 года, нарушивъ естественное теченіе дѣлъ, тѣмъ самымъ обнаружилъ ненормальность организма Испаніи въ политическомъ отношеніи; потому, наконецъ, что хотя, за устраненіемъ природныхъ королей, пріискиваніе на ихъ мѣсто чужеземныхъ кандидатовъ и было дѣломъ личныхъ интригъ, но фактъ, что испанскій народъ допустилъ такую сдѣлку, пошелъ на этотъ новый опытъ, тѣмъ не менѣе доказывалъ, что въ Испаніи сильна еще привязанность къ самой идеѣ монархіи, независимо отъ традицій преданности династіи. Если утративъ природныхъ королей, испанцы соглашались видѣть у себя на престолѣ чужеземцевъ, то стало быть имъ казалось необходимымъ, чтобы самый престолъ былъ занятъ, кто бы ни сидѣлъ на немъ, а затѣмъ, можно ли вѣрить въ прочность республики, провозглашенной въ 24 часа потому только, что человѣкъ, сидѣвшій на престолѣ, внезапно самъ сошелъ съ него? Вѣдь на престолъ не долго посадить и иного человѣка, особенно если искать кандидатовъ по всему свѣту.

Мало того. Въ 1868 году республика являлась бы изъ доказанной опытомъ внутренней неспособности монархіи въ Испаніи уживаться съ уваженіемъ къ народу, со свободою, съ правильной конституціонной жизнью. Если бы тотъ новый монархъ, котораго испанцы взяли къ себѣ, какъ-бы на испытаніе, послѣ революціи 1868 года, тоже оказался бы неспособнымъ къ такому правильному, добросовѣстному участію въ свободномъ развитіи народа, тогда еще можно было бы сказать, что, замѣнивъ его нынѣ республикой, испанцы сдѣлали теперь только то, что должны были сдѣлать въ 1868 году; что новый опытъ только укрѣпилъ ихъ убѣжденіе въ несовмѣстности монархіи со свободнымъ развитіемъ и правильной конституціонной жизнью въ Испаніи. Но—какъ нарочно—этотъ послѣдній, импровизованный опытъ представилъ нѣчто совсѣмъ противоположное. Испаніи случайно попался король, можно сказать, идеальный по своей честности, безкорыстности, дѣятельности и вмѣстѣ безусловной преданности и принципамъ народнаго самоуправленія, свободы, и конституціонной законности; такой король, который не на словахъ только, но и на дѣлѣ показалъ, что въ принятіи короны онъ видѣлъ актъ самоотверженія; когда же убѣдился, что всѣ старанія его безус-

нѣшины, онъ добровольно отрекся отъ престола за себя и своихъ наслѣдниковъ, то-есть, явилъ примѣръ еще небывавшій въ современной исторіи. Бывали отреченія въ пользу сына или родственника, и то почти всегда вынужденныя. Но донъ-Амедей отрекся отъ престола совершенно такъ, какъ подаетъ въ отставку парламентскій министръ, когда сознаетъ себя несоотвѣтственнымъ положенію дѣлъ. Многія газеты, быть можетъ несознательно, даже не примѣняли къ дѣйствію короля Амедея слова „отреченіе", но употребляли именно слово — „отставка" (la démission du roi Amédée, такъ выражались по большей части французскія газеты). Этотъ, новѣйшій опытъ съ монархіею, импровизованный въ Испаніи послѣ 1868 года, повторяемъ, какъ нарочно показалъ испанцамъ, что свобода возможна при монархѣ, при такомъ монархѣ, которому „державные кортесы" и теперь, по отреченіи его, торжественно обѣщаютъ въ своемъ посланіи титулъ „гражданина свободной и независимой націи". Итакъ, когда республика не явившись въ Испаніи въ 1868 году, послѣ дурной монархіи, внезапно является теперь на смѣну монархіи безупречной, то мудрено ли, что Европа встрѣчаетъ такое событіе съ удивленіемъ, съ недовѣрчивостью, безъ особеннаго уваженія, и недоумѣваетъ, что будетъ въ Испаніи далѣе?

Обратимся къ отдѣльнымъ фактамъ, которые непосредственно привели къ кризису и затѣмъ къ перемѣнѣ правленія. Прежде всего замѣтимъ, что люди, знакомые съ истиннымъ положеніемъ Испаніи, еще съ 1870 года, т-е. съ самаго начала савойской монархіи въ Испаніи, когда еще король Амедей не успѣлъ обнаружить себя на дѣлѣ и былъ извѣстенъ только какъ сынъ сосѣдняго монарха, безусловно преданнаго конституціонной законности,—говоривали: если республика, провозглашенная во Франціи, продержится нѣкоторое время, то испанская монархія едва-ли устоитъ въ виду такого примѣра, такъ какъ корней у нея нѣтъ, а между тѣмъ въ большихъ городахъ Испаніи республиканская партія весьма многочисленна. Послѣднія событія показали, что мнѣніе это было практически вѣрно. Но изъ того, что оно оправдалось на дѣлѣ, еще не слѣдуетъ, что замѣна короля Амедея республикою дѣйствительно выгодна для Испаніи. Представимъ себѣ, что во Франціи республика существуетъ уже не третій, а тридцатый годъ, и притомъ откровенная республика, а не такая, которая досел̀ѣ боится собственнаго своего имени, а офицерамъ свой арміи ставитъ въ обязанность бывать каждое воскресенье у обѣдни (недавнее распоряженіе французскаго военнаго министра). Все это, однако, само по себѣ еще не ручалась бы за необходимость и выгодность республики для Испаніи. Фактъ, что республиканская партія многочисленна въ Испаніи, достовѣренъ. Прибавимъ, что партія эта имѣетъ весьма

большое вліяніе именно на общественное мнѣніе, такъ какъ центрами и органами общественнаго мнѣнія служатъ большіе города, а въ большихъ городахъ республиканская партія и есть преобладающая. Въ виду примѣра сосѣдней Франціи этой партіи было легко провозгласить республику безъ всякаго препятствія, когда король внезапно „подалъ въ отставку". Даже бывшій регентъ маршалъ Серрано, глава нынѣшнихъ консерваторовъ, и интригантъ Сагаста, нежелавшій слѣдовать за радикалами монархическими только потому, что они—радикалы, объявили республиканскому правительству, что „имъ удалось убѣдить друзей своихъ, искренно присоединиться къ нынѣшнему порядку". Искренно или нѣтъ—вопросъ другой, но подобныя заявленія бываютъ вынуждены обстоятельствами именно въ такое время, когда верхъ одержала идея въ самомъ дѣлѣ сочувственная общественному мнѣнію въ минуту ея торжества. Другой бывшій регентъ старикъ Эспартеро написалъ: „да совершается воля народа"... и онъ по крайней мѣрѣ искренно присоединился къ республикѣ. Нельзя не признать, что провозгласивъ республику, „державные кортесы" сдѣлали дѣло въ настоящее время дѣйствительно популярное, и что поспѣшность, съ какою они совершили это дѣло, имѣла во всякомъ случаѣ ту выгодную сторону, что устранила междоусобіе, которое непремѣнно произошло бы иначе, потому что вслѣдъ за отреченіемъ Амедея въ главныхъ городахъ Испаніи произошли бы непремѣнно попытки провозгласить республику силою. Мы никакъ и не порицаемъ того, что сдѣлали „державные кортесы, провозгласивъ въ Испаніи республику", и еслибы мы писали въ Испаніи, то разумѣется просто хвалили бы кортесы за ихъ находчивость и выразили бы надежду на упроченіе республики. Но мы бесѣдуемъ съ русскимъ читателемъ, выражать порицаніе и хвалу въ этомъ случаѣ не наше дѣло; мы должны не порицать или хвалить, но объяснять событія. А исполняя такую обязанность, мы должны сказать, что „державные" кортесы не имѣли никакого права признавать и объявлять себя державными; что хотя республикѣ сочувствуетъ общественное мнѣніе въ Испаніи, но общественное мнѣніе сочувствуетъ ей потому собственно что увлекается примѣромъ Франціи, иначе общественное мнѣніе повело бы къ республикѣ уже въ 1868-мъ году, между тѣмъ, какъ республиканцы въ то время оказались безсильны противъ Прима и Серрано; что республика въ Испаніи пока находится въ рукахъ добросовѣстныхъ и почтенныхъ людей, но что за будущее ея, даже самое ближайшее, ручаться невозможно, и что будущее Испаніи представлялось болѣе обезпеченнымъ, еслибы въ ней сперва упрочилась савойская монархія, хоть на одно поколѣніе, и

уже затѣмъ, совершивъ свое призваніе, т.-е. *одолѣвъ армію*, уступила свое мѣсто республикѣ.

Это приводитъ насъ къ указанію на органическій порокъ, отъ котораго страждетъ испанская раса и въ метрополіи, и въ колоніяхъ, причемъ мы будемъ имѣть случай объяснить высказанную сейчасъ мысль относительно сравнительной перспективы, какую могло обѣщать Испаніи правленіе короля Амедея, и какую можетъ обѣщать ей республика, провозглашенная при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ.

Мы видимъ, что въ Испаніи, а также и въ бывшихъ ея колоніяхъ въ Америкѣ Сѣверной и Южной, уже почти полвѣка продолжается политическое неустройство, такъ сказать хроническая революція, въ смыслѣ безпрерывнаго нарушенія и полнаго безсилія законности. Когда говорятъ объ этомъ замѣчательномъ явленіи, то обыкновенно упоминаютъ о національной политической несостоятельности испанцевъ, но такъ какъ чувствуютъ, что это объясненіе вовсе не есть объясненіе, что нелѣпо предполагать въ какой-либо націи неспособность предпочитать миръ вѣчной смутѣ, и что отрицать всякую политическую способность той націи, которая нѣкогда составляла могущественную державу въ мірѣ, не совсѣмъ согласно съ историческимъ знаніемъ,—то обыкновенно сводятъ эту неспособность и хаотическое состояніе испанскихъ государствъ на католицизмъ и его прямую враждебность всякой свободѣ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе распространенный взглядъ *внѣ Испаніи*. Взглядъ этотъ не лишенъ основательности въ томъ смыслѣ, что католицизмъ дѣйствительно враждебенъ всякой свободѣ и, сверхъ того, предполагаетъ невѣжество массы и поддерживаетъ невѣжество ея, стало быть мѣшаетъ массѣ народа усвоить себѣ то, что необходимо для успѣшнаго самоуправленія, именно—знаніе. Католицизмъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ въ томъ, что Испанія отстала отъ всѣхъ почти странъ Европы въ образованности и въ промышленномъ развитіи. Но католицизмъ главнымъ образомъ виноватъ въ прошломъ, а не въ настоящемъ. Его политическая сила въ Испаніи сломана. Злоупотребленія его были слишкомъ велики въ Испаніи, народъ слишкомъ близко въ продолженіи долгихъ вѣковъ присмотрѣлся къ нимъ. Что какой-нибудь монахъ или какая-нибудь монахиня могли имѣть огромное вліяніе на королеву Изабеллу, это вовсе не значитъ, что духовенство до сихъ поръ господствуетъ надъ умами испанскаго народа. Напротивъ, отецъ Кларетъ и сестра Патросинія можно сказать „добили" политическое вліяніе духовенства въ Испаніи, а на королеву Изабеллу имѣли вліяніе поочередно десятки людей совершенно разнаго сорта, въ томъ числѣ О'Доннель, энергическій врагъ клерикализма, и Серрано, впослѣдствіи свергнувшій королеву Изабеллу своей побѣдою

при Алколеѣ, и Примъ, посадившій на испанскій престолъ принца отверженной церковью савойской династіи. Политическое вліяніе духовенства нынѣ сильно только въ сѣверныхъ, ближайшихъ къ Пиренеямъ мѣстностяхъ, самыхъ невѣжественныхъ въ Испаніи; но и въ этой карлистской пропагандѣ на сѣверѣ отличаются не епископы, а низшее духовенство, выросшее на мѣстной почвѣ. Испанскій епископатъ не былъ уличенъ въ связяхъ съ бискайскими карлистами, да и вообще объ испанскомъ епископатѣ ничего не слышно среди нынѣшней борьбы партій въ Испаніи. Онъ далеко не играетъ столь опредѣленной роли, какъ епископатъ французскій, и далеко не столь живо и непосредственно принимаетъ участіе въ политической борьбѣ. Католицизмъ, какъ вѣра, и особенно какъ традиція, запечатлѣвшая собою обычаи, въ Испаніи безъ сомнѣнія сильнѣе, чѣмъ во Франціи; но церковь — совсѣмъ иное дѣло, и вліяніе церкви на политическія дѣла во Франціи едва-ли не гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Испаніи; по крайней мѣрѣ оно во Франціи гораздо примѣтнѣе. Политическая сила католицизма, если можно такъ выразиться, была уже слишкомъ „изношена" въ Испаніи, также какъ и въ Италіи, особенно въ Римѣ, въ близости къ самой знаменитой „скалѣ". Въ наше время католицизмъ, какъ политическая сила, гораздо живѣе въ странахъ болѣе удаленныхъ отъ центровъ его вѣкового безусловнаго господства: въ Бельгіи, Тиролѣ, Польшѣ, Ирландіи, даже въ Англіи и въ южныхъ штатахъ Сѣверо-американскаго союза (Грантъ обязанъ долею своего успѣха на послѣднихъ выборахъ опасеніямъ, какія внушило сѣверу образованіе католической *партіи* на югѣ), чѣмъ въ Испаніи или въ Италіи.

Нельзя сомнѣваться, конечно, что епископатъ въ Испаніи, хотя роль его въ политикѣ мало замѣтна, все-таки одушевленъ духомъ подчиненія государства церкви. Но допустимъ даже, что этотъ духъ особенно силенъ въ епископатѣ испанскомъ; допустимъ, что испанскіе епископы сплошь—фанатики ультрамонтанства. Все-таки одни епископы не могутъ успѣшно участвовать въ политической борьбѣ; для этого духовенству нужна такая свѣтская партія, которая состояла бы въ его распоряженіи, нужна свѣтская клерикальная партія, какую мы видимъ въ Бельгіи и во Франціи. Такую партію представляютъ въ Испаніи одни карлисты. Но исторія послѣднихъ сорока лѣтъ доказала, что карлисты имѣютъ силы ровно настолько, чтобы порою производить мятежи на сѣверѣ, все въ тѣхъ же мѣстностяхъ, зараженныхъ преданіями карлизма, во всей же остальной Испаніи не имѣютъ силы, ничего создать не могутъ, и какъ политическая партія, не могли помѣшать ни одной изъ самыхъ внезапныхъ перемѣнъ, какія происходили въ этой странѣ. При революціяхъ, получив-

нихъ характеръ обще-національный, т.-е. революціи 1854-го и 1868-го годовъ, карлисты оставались совершенно въ тѣни, нисколько не противодѣйствовали имъ. Карлистовъ нельзя даже считать правильною партіей, принимающею постоянное участіе въ борьбѣ за политическіе принципы; карлисты просто мятежники, которые образовали бы мрачную, безусловно консервативную и клерикальную партію, еслибы имъ удалось воцарить донъ-Карлоса въ Испаніи. Но этого не будетъ, потому что они безсильны въ цѣлой странѣ, а сильны только въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ.

Что касается партій національныхъ, парламентскихъ, представляющихъ борьбу принциповъ въ странѣ, то эти партіи всѣ называютъ себя либеральными. Нарваэсъ, разстрѣливавшій людей безъ счету, не считалъ себя ни абсолютистомъ, ни клерикаломъ: онъ всегда провозглашалъ себя (не только въ палатахъ, но и въ своемъ кружкѣ) либераломъ. Всѣ они либералы въ Испаніи. Консервативнѣйшая изъ испанскихъ партій называетъ себя „умѣренными“ (Moderados), то-есть умѣренными либералами. За нею слѣдуютъ остатки „уніи либеральной“ (къ нимъ принадлежатъ вліятельнѣйшіе генералы); затѣмъ слѣдуютъ уже „прогрессисты чистые“ (Сагаста) и „прогрессисты-радикалы“ (Сорилльи), которые отождествляются съ „демократами“ (Мартосъ), и „демократы“ подавали уже руку „республиканцамъ-унитаріямъ“ (Кастеларъ) и „республиканцамъ-федералистамъ“ (Фигэросъ, нынѣшній министръ-президентъ), отъ которыхъ далеко отстоятъ, но все-таки являются послѣдней рамификаціей либерализма—„республиканцы-соціалисты“.

Вотъ какъ безусловно преобладаетъ на политической аренѣ, то-есть въ кортесахъ, муниципалитетахъ, сходкахъ и тертулліяхъ (клубахъ) въ Испаніи — либерализмъ. Полагаемъ, что для нѣкоторыхъ читателей это будетъ ново и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто-бы напомнитъ имъ нѣчто знакомое: адмиралъ Топете, который совѣтовалъ королю Амедею государственный переворотъ—либералъ; онъ „сочувствуетъ реформамъ“, онъ только указывалъ „мѣру необходимости“, а не отреченіе отъ принциповъ. Руисъ Сорилльи — либералъ несомнѣнный, но своимъ личнымъ деспотизмомъ онъ непосредственно погубилъ монархію Амедея. Либералы и тѣ испанцы, когда наконецъ провозглашена республика, ходятъ по улицамъ Мадрида и Барселоны со знаменемъ, на которомъ изображенъ фригійскій колпакъ и кричатъ: viva la republica social!

Но мало этого повальнаго либерализма. Надо еще сказать, что Испанія—одна изъ *демократическихъ* странъ въ мірѣ. Довольно странно говорить это объ отечествѣ благородныхъ кастилльянцевъ и аррагонцевъ, „потомства готовъ“ (hidalgos), о завѣтной странѣ cabaleros,

„троекратныхъ“ грандовъ (Trois fois grand d'Espagne), обладателей нѣкогда права короткой юстиціи „ножа и веревки“, о родинѣ Сида, странѣ, въ которой разбойничій атаманъ Хернани, когда король прощаетъ мятежную толпу, а мятежныхъ грандовъ отсылаетъ на казнь, вспоминаетъ, что онъ грандъ Испаніи, и требуетъ себѣ казни, надѣвъ шляпу и напоминая, что король можетъ отрубить ему голову, но не имѣетъ права снять съ этой головы шляпу;—короче—странно сказать это о классической странѣ „неподражаемаго кавалера дон-Кихота де-ла-Манча“. Но тѣмъ не менѣе, это вѣрно. Хотя по преданію въ жилахъ испанскаго дворянства течетъ кровь голубая, но въ дѣйствительности нигдѣ въ нравахъ, понятіяхъ, обыденной жизни и въ самыхъ законахъ, нѣтъ менѣе различія между классами, чѣмъ въ Испаніи. Англія въ этомъ отношеніи на цѣлый вѣкъ отстала отъ Испаніи. Аристократическихъ привилегій въ Испаніи нѣтъ, нѣтъ и аристократической партіи. Съ другой стороны, каждый испанецъ болѣе или менѣе cabalero, всякій мѣщанинъ называется дон-Педро или дон-Хосе, и самое мѣстоименіе „вы“, по-испански замѣняется сокращеніемъ слова „ваша блистательная милость“. Аристократизмъ здѣсь сдѣлался достояніемъ всего народа и утонулъ въ немъ, подобно тому, какъ католицизмъ обратился въ обычай и почти пересталъ существовать какъ живая, самостоятельная сила.

Теперь спрашивается, какой смыслъ имѣетъ спеціально-„демократическая“ партія въ такой странѣ, гдѣ никакого господства аристократіи и аристократической партіи нѣтъ, гдѣ демократія осуществлена въ законахъ и нравахъ? Какой смыслъ имѣетъ «умѣренная» либеральная партія, за которой цѣлая исторія разстрѣливаній? Или партія «либеральнаго союза», партія старыхъ генераловъ, которую гораздо вѣрнѣе называть партіею «военныхъ раздоровъ»? Что вызывало существованіе партіи республиканской въ то время, когда монархіею управляли радикалы, когда министръ-президентъ былъ радикалъ Сорилльи? Наконецъ, чѣмъ вызывается, на чемъ основывается партія соціалистская въ такой странѣ, гдѣ промышленность развита еще слабо, гдѣ эксплуатируемыхъ классовъ нѣтъ, гдѣ нѣтъ пауперизма, потому что нѣтъ избытка населенія, и человѣкъ за часъ работы въ день сытъ, и отъ холода избавленъ самой природой, наконецъ, гдѣ вовсе не существуетъ пьянства?

Присмотрѣвшись къ такому разладу названій и притязаній испанскихъ партій съ собственными ихъ дѣйствіями, во-первыхъ, и съ общественными условіями быта Испаніи, во-вторыхъ, мы должны придти къ такому выводу, что всѣ эти партіи суть партіи отвлеченныя, а не реальныя, что названія ихъ придуманы такъ, какъ придумывались

геральдическіе знаки въ средніе вѣка, произвольно, изъ такой природы, которая не похожа на природу реальную: львы съ крыльями, держащіе мечи или ключи, леопарды въ коронахъ, утки безъ ногъ, серебряныя лиліи, и т. п. диковинки. Партіи эти дѣйствительно имѣютъ каждая свою личность и свое знамя; но знамя ихъ представляетъ не тѣ или другіе дѣйствительные интересы страны, а то или другое умозрѣніе, усвоенное себѣ нѣсколькими замѣтными по положенію или по таланту людьми. Отсюда истекаетъ плачевный фактъ, что партіи въ Испаніи реальны не національными интересами, которые бы онѣ представляли, а личностями своихъ вождей. Это партіи—*словъ*, а не *дѣлъ*, людей, а не націи.

Само собою разумѣется, что такое странное явленіе многочисленности, бойкости и вмѣстѣ призрачности партій явилось не случайно и не можетъ быть объяснено одной „особенностью національнаго характера" испанцевъ. Причина этого явленія кроется въ исторіи Испаніи, которой мы не имѣемъ возможности напоминать здѣсь. Но вся исторія этой страны, начиная съ соединенія Кастильи съ Аррагономъ, то-есть вся новая исторія вела къ этому результату. Централизація выразилась въ страшномъ абсолютизмѣ свѣтской и духовной властей, шедшихъ вмѣстѣ, абсолютизмѣ, который нуждался въ громадной арміи слугъ, такой арміи, какая едва ли видана была до Наполеона и его системы во Франціи гдѣ-либо, кромѣ Испаніи, потому именно, что испанскій абсолютизмъ повелѣвалъ не только Иберіею, но въ разныя времена и Нидерландами, и южною Италіей, и Америкой. Королевскому слугѣ, при ловкости, предстояла необозримая карьера вслѣдствіе обширности владѣній короля и безконечной его власти. Прочтите „Хиль Бласа" Лесажа, который хорошо зналъ Испанію, и вы убѣдитесь, что въ Испаніи человѣку бойкому не стоило воздѣлывать землю или приниматься за промышленность. Золото текло рѣкой изъ колоній, „усердному" слугѣ было безконечное поприще въ той королевской вотчинѣ, гдѣ „солнце никогда не заходило", и ничто не мѣшало ему сдѣлаться Лермою или Оливаресомъ; милость короля не знала предѣловъ, и служба ему не встрѣчала преградъ. За одно подозрѣніе рубили голову или отравляли; за антикоролевскія мнѣнія жгли живьемъ. Какое раздолье для королевскихъ слугъ! Мудрено ли, что ихъ создалось цѣлое племя, что въ племени этомъ наслѣдственно удерживалось презрѣніе къ труду и убѣжденіе въ своемъ правѣ жить даромъ насчетъ государства, быть совершенно обезпеченнымъ однимъ ношеніемъ ливреи. Такимъ образомъ, „во всѣхъ Испаніяхъ", то-есть, какъ въ Европѣ, такъ и въ колоніяхъ, создался и продолжалъ создаваться вѣками многочисленный классъ такихъ кавалеровъ, которые смотрѣли на государственную службу, какъ на

свою собственность, и сами ничѣмъ инымъ не хотѣли заниматься, какъ дѣланіемъ административной карьеры. Въ этотъ классъ втягивалось мало-по-малу и торговое сословіе. Абсолютизмъ лишилъ и городá значенія замкнутыхъ въ себѣ центровъ самостоятельной жизни, а всеобщій духъ „кавалерства" притягивалъ къ благородному ничего-недѣланію или къ службѣ сыновей торговца. Какъ скоро въ извѣстной странѣ становится аксіомой, что „слѣдуетъ быть дворяниномъ", что стыдно быть „не-благороднымъ", то въ этой странѣ, можно сказать навѣрное, независимый городской средній классъ не возникнетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство умножится до безконечности и потеряетъ значеніе, и въ результатѣ, весь средній классъ обратится въ слугъ казны и богатыхъ людей, самостоятельнаго же, образованнаго средняго сословія *не будетъ.* Такимъ образомъ, вслѣдствіе слишкомъ долговременнаго и безусловнаго преобладанія деспотизма, образуется дѣйствительно общество демократическое, но самаго худшаго характера: это будетъ демократія искателей милости, демократія цѣлой арміи кліентовъ государства и частныхъ лицъ, демократія солдатъ, чиновниковъ, управляющихъ и духовныхъ.

Такова демократическая Испанія. Пока эта страна имѣла огромныя владѣнія, можно было удовлетворить и занять массу тунеядцевъ, размѣстить прирожденныхъ чиновниковъ на должности, занять профессіональную армію войною или усмиреніями въ колоніяхъ. Но когда Испанія утратила свои колоніи, когда королевская власть въ Испаніи утратила безграничную власть, когда, вдобавокъ, духовная карьера стала менѣе доходна и привлекательна, этотъ обширный классъ искателей мѣстъ, приключеній и отличій, и эта армія, ранѣе всѣхъ европейскихъ армій проникшаяся профессіональнымъ духомъ, духомъ касты и карьеры, стала истинною язвою Испаніи. Вся сфера публичной дѣятельности представлялась собственностью такого особаго сословія; остальная масса народа оставалась внѣ этой сферы, оставалась совершенно равнодушною къ тому, чтó въ этой сферѣ происходило. Когда въ Испаніи было введено представительное правленіе, — это положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось. Представительное правленіе открываетъ поле полному самоуправленію общества и развитію его благосостоянія посредствомъ правильной борьбы различныхъ его интересовъ. Землевладѣніе и земледѣліе, торговля, промышленность и трудъ возвысятъ свой голосъ и станутъ рѣшать дѣла по взаимному соглашенію. Предполагается, что представителями страны явятся люди, которые и по избранію общества, и по личному положенію представляютъ производительныя силы страны: капиталъ, трудъ, науку. Но въ Испаніи случилось не такъ. Область публичной дѣятельности была достояніемъ особаго многочисленнаго сословія,

которое смотрѣло на нее, какъ на профессію, разумѣя подъ ней службу. Когда къ „службѣ" прибавилась „политика", то сущность положенія не измѣнилась. „Политика" стала достояніемъ того же профессіональнаго сословія, которому принадлежала служба: чиновникамъ, военнымъ, баккалаврамъ, адвокатамъ безъ дѣлъ — словомъ, тѣмъ же кавалерамъ государственной карьеры. „Политика" попала въ руки не общества, не народа, а сословія „политикановъ". Эти люди смотрѣли на „политику" совершенно такъ, какъ они смотрѣли на службу, и понятія эти стали для нихъ совершенно равносильны. Купецъ не шелъ въ палату, потому что вѣковая привычка строго отграничивала дѣло, работу, отъ публичной дѣятельности; заняться этой дѣятельностью, значило поступить подъ команду профессіональнаго кружка, отказаться отъ своихъ дѣлъ и искать себѣ карьеры.

Такимъ образомъ произошло то удивительное, напримѣръ, для англичанина явленіе, что кортесы, хотя бы самаго либеральнаго свойства, состояли всегда на три-четверти изъ чиновниковъ, военныхъ, искателей мѣстъ и повышеній. „Политика" этихъ людей разнилась отъ службы только тѣмъ, что представляла двоякій путь для сдѣланія карьеры: служить правительству и получать мѣста, или враждовать съ правительствомъ и потомъ продавать себя за мѣсто, или, наконецъ, стараться ниспровергнуть данное правительство и замѣнить его инымъ, которое уже обязано будетъ дать своимъ друзьямъ желаемую награду. При такомъ ходѣ дѣлъ политика не была политикой, интересы страны и принципы были просто призрачныя имена, геральдическіе знаки тѣхъ различныхъ знаменъ, которыя вели людей къ общей цѣли — къ *карьерѣ*. Это была та же служба. А между тѣмъ сама служба въ прямомъ значеніи слова, служба административная и военная, „подмытая" политикой, возможностью оппозиціи, возможностью побѣдить начальство и стать выше его въ карьерѣ, окончательно утратила всякій нравственный принципъ и всякую дисциплину. Люди, сидѣвшіе въ кортесахъ, были въ умахъ своихъ чиновники; чиновники же въ умахъ своихъ были политики, то-есть судьи и господа своихъ начальниковъ; депутаты думали объ окладахъ, чиновники занимались оппозиціею министерству, а военные думали о возможности ниспровергнуть правительство посредствомъ pronunciamientos.

Вмѣсто перечня безчисленныхъ перемѣнъ министерствъ, программъ революціонныхъ движеній и конституцій, изъ которыхъ слагается новѣйшая исторія Испаніи, мы постарались представить сущность того положенія Испаніи, изъ котораго истекли всѣ эти призрачныя перемѣны. Теперь понятно, почему всѣ въ Испаніи могутъ называться благозвучнымъ именемъ либераловъ, а самъ либерализмъ оста-

ваться призракомъ; почему испанская политика есть не арена реальной жизни народа, а театръ, на которомъ играютъ профессіональные актеры, одѣвающіеся и раздѣвающіеся за кулисами; на которомъ всѣ декораціи украшены надписями либерализма, модерантизма, уніонизма, прогрессизма и соціализма, несмотря на свое наружное различіе и даже противоположность, а въ сущности это одно и то же, именно — декораціи.

Теперь будетъ понятно, безъ подробныхъ объясненій, почему на короля Амедея можно было возлагать надежду на поправленіе дѣлъ Испаніи, почему Руисъ Сорриллья былъ единственный министръ, способный помочь ему въ томъ, и почему, когда король и Сорриллья разошлись, королю, какъ честному человѣку неоставалось болѣе ничего, какъ удалиться. Пріѣхавъ въ Испанію зимою 1870—71 года, донъ-Амедей не засталъ въ живыхъ того человѣка, который предложилъ его кандидатуру. Примъ былъ убитъ. Но это было скорѣе полезно, чѣмъ вредно, такъ какъ при Примѣ царствовали бы Примъ и его партія, а не король. Чужеземное происхожденіе короля, говорятъ теперь, было причиною его слабости; но оно само по себѣ обѣщало много пользы Испаніи. Дѣло въ томъ, что новый король являлся въ страну безъ готовой арміи слугъ и съ твердымъ желаніемъ знаться съ народомъ, а не съ лагерями искусственныхъ политическихъ слоевъ. Тѣмъ не менѣе, король началъ съ назначенія министерства Серрано, то-есть изъ уніонистовъ. Это было благоразумно. Серрано былъ бывшій регентъ, первый человѣкъ въ странѣ по положенію; король-новичекъ не могъ имѣть претензіи тотчасъ разметать все существующее. Когда насталъ неизбѣжный періодъ министерскаго кризиса, король назначилъ министерство Сорилльи, то-есть, изъ прогрессистовъ. Но Сорилльа, человѣкъ весьма деспотическаго нрава, оттолкнулъ отъ себя часть партіи прогрессистовъ, не давъ имъ мѣстъ; эти прогрессисты подъ начальствомъ Сагасты, который завидовалъ Сориллье и добивался перваго положенія для себя, сблизились съ уніонистами. Сорилльа же сблизилъ своихъ приверженцовъ съ „демократами", раздавъ мѣста, сверхъ чистыхъ прогрессистовъ—демократамъ. Такимъ образомъ произошла партія монархическихъ „радикаловъ".

Когда сагастинцы въ соединеніи съ уніонистами одержали верхъ въ палатѣ, образовался кабинетъ Малькампо, изъ котораго составилось потомъ министерство Сагасты; затѣмъ вслѣдствіе результата новыхъ выборовъ, опять возстановился кабинетъ Сорилльи. Король поступалъ всегда вполнѣ правильно, обращаясь при наступленіи кризиса къ вождямъ большинства, какое оказывалось въ парламентѣ. Палата, впрочемъ, состояла изъ „политикановъ" по профессіи, выборы были

неискренни, парламентское большинство не представляло собою общества. Поэтому, для насъ не важенъ тотъ фактъ, что король Амедей во второй разъ пришелъ къ министерству Сорилльи, и что, стало быть, этотъ кабинетъ какъ-бы навязывался силою обстоятельствъ. Не въ этомъ было истинное достоинство Сорилльи, какъ и истинное достоинство самого короля Амедея было не въ томъ, что онъ будто бы былъ избранникъ націи. Политическая жизнь Испаніи запечатлѣна ложью, и всѣ такія особенности призрачны. Достоинство новаго короля, какъ уже сказано, было въ томъ, что онъ являлся свободнымъ отъ готовой арміи слугъ и желалъ сближенія съ народомъ. Достоинство Руиса Сорилльи заключалось въ томъ, что онъ былъ первый въ Испаніи министръ, который возъимѣлъ мысль побороть чиновничество и армію и опереться на *буржуазію*, то-есть, на весь тотъ средній классъ, который оставался доселѣ чуждымъ участію въ политической карьерѣ. Почему Сорилльи избралъ опорою не сословіе землевладѣльцовъ, не сословіе рабочихъ, а именно буржуазію, понятно,—но оставимъ это въ сторонѣ. Пусть бы онъ избралъ себѣ опорою помѣщиковъ, или рабочихъ, или буржуазію,—это было бы не все равно, конечно, но все-таки хорошо при такомъ или иномъ его выборѣ для себя поддержки въ обществѣ. Лишь бы искалъ онъ себѣ этой поддержки именно въ средѣ *общества*, то-есть, въ народѣ или части народа, занятой дѣломъ, а не карьерой, и пусть бы, опираясь на эту поддержку и на независимость короля отъ личныхъ связей съ партіями, онъ избавилъ Испанію отъ разъѣдающей ея язвы: распустилъ бы профессіональную армію, замѣнивъ ее вооруженнымъ народомъ, и если не изгналъ бы вовсе изъ парламентскаго міра карьеристовъ, чиновниковъ, то по крайней мѣрѣ привлекъ бы истинныхъ представителей народа въ этотъ міръ, устранивъ господство этихъ посредниковъ, эксплуатирующихъ Испанію. Сорилльи предпринялъ это трудное, но благотворное, великое дѣло, эту самонужнѣйшую реформу, безъ которой всякій крайній либерализмъ въ странѣ будетъ всегда деспотизмомъ и всякій деспотизмъ будетъ въ то же время анархіею.

Онъ предпринялъ — неслыханное дѣло! — сокращеніе бюджета, уменьшеніе числа мѣстъ; онъ сблизился съ городскими сословіями, когда для усмиренія возстанія карлистовъ онъ разсчитывалъ болѣе на народъ, чѣмъ на армію. Армія въ Испаніи даже „къ усмиренію" не годится; она всегда „усмиряетъ" настолько, чтобы получить награды, но не настолько, чтобы отнять охоту къ мятежу; въ побѣждаемой ею партіи она видитъ необходимыхъ себѣ пособниковъ для будущихъ отличій, а иногда и прямо—будущую власть, раздавательницу чиновъ и окладовъ. Армію Сорилльи предпринялъ преобразо-

вать, благо по всей Европѣ распространилось убѣжденіе въ превосходствѣ прусской системы, преобразовать ее такъ, чтобы она утратила свой профессіональный характеръ. Общество почуяло въ Сорилльѣ полезнаго человѣка; министерство его привѣтствовалось какъ министерство „бережливости"; города гордились первымъ буржуазнымъ министромъ Испаніи; капиталъ такъ сочувствовалъ Сорилльѣ, что несмотря на плохое положеніе финансовъ, доставлялъ ему блестящій успѣхъ новаго займа. Когда казнѣ нужны были деньги, тогда никто не могъ замѣнить Сориллью.

Если бы это великое дѣло удалось, если бы король, свободный отъ тиранніи слугъ и въ высшей степени добросовѣстный, идя рука объ руку съ министромъ умнымъ, твердымъ, опирающимся на наиболѣе образованную часть общества, успѣлъ снять съ Испаніи кору поѣдающихъ ее паразитовъ — тогда будущность страны была бы обезпечена именно потому, что судьбы ея находились бы въ рукахъ самого народа, а никакой народъ самъ себѣ не врагъ, никакой народъ не имѣетъ такой „національной особенности" или „черты характера", чтобы предпочитать междоусобіе миру, невѣжество, темноту—свѣту; поддерживаются же такія бѣдствія всегда не народнымъ пристрастіемъ къ нимъ, но эксплуататорами народа. Вотъ великое дѣло, которое предстояло совершить въ Испаніи королю Амедею и министру Руису Сорилльѣ въ союзѣ съ обществомъ. Послѣ совершенія его, Испанія могла бы быть счастлива и при монархіи, и при республикѣ. *Тогда* и только тогда можно было бы разсуждать о томъ, какая форма правленія приличнѣе для Испаніи по ея общественнымъ условіямъ, и можно было бы сказать многое въ пользу предпочтенія ею республики. Но это дѣло, о которомъ сейчасъ упомянуто, могло быть совершено Амедеемъ легче, чѣмъ всякимъ инымъ королемъ, и легче, чѣмъ республикою; потому легче, что для совершенія такого шага обществу, разслабленному инерціею, полезно было бы опереться на болѣе прочную власть, опереться на скипетръ въ видѣ посоха, чтобы встать на ноги и выдти на вѣрную дорогу. Вотъ почему паденіе монархіи Амедея представляется намъ событіемъ, которое лишаетъ Испанію весьма важной гарантіи будущаго. Странѣ этой дали республику; но какая отъ того польза, если республикою будетъ управлять не народъ, а толпа карьеристовъ и армія тѣхъ вреднѣйшихъ паразитовъ, которые для полученія майорскаго чина вмѣсто капитанскаго и такъ далѣе, для каждаго производства, готовы подвергать страну революціи?

Король и его министръ отступили отъ непріятеля на томъ самомъ полѣ битвы, которое было ими избрано. Можно себѣ представить, какъ много враговъ было у Сорилльи, желавшаго сократить

касту професcіональныхъ политиковъ, вооружить народъ и распустить армію искателей приключеній. Мы уже говорили въ свое время о курьёзномъ возстаніи въ Ферролѣ, возстаніи, которое провозглашало республику, но было произведено просто тремя капитанами изъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ, прошедшихъ сквозь ряды всѣхъ партій поочередно; одинъ изъ нихъ былъ даже карлистъ, продавшій за деньги свою собственную роту королевскимъ войскамъ. Армія вообще крайне неблаговолила къ Сориллѣ. Случай для прямого заявленія вражды ему скоро представился. Правительство назначило генерала Хидальго генералъ-капитаномъ въ Бискаію. Этотъ генералъ былъ таковъ, каковы почти всѣ генералы въ Испаніи, ни лучше ни хуже. О немъ разсказывали, будто во время военнаго возстанія Прима, въ 1866 г., онъ дозволилъ возставшимъ артиллерійскимъ солдатамъ разстрѣлять нѣсколькихъ офицеровъ, которые удерживали ихъ отъ бунта. Генералъ Хидальго увѣряетъ, что онъ такого разрѣшенія не давалъ и при казни офицеровъ не присутствовалъ. Но это въ сущности не важно— въ Испаніи. Карьера такихъ людей, какъ самъ Эспартеро и затѣмъ: Нарваэсъ, О'Доннелль, Конча, Примъ, Серрано, Топете, Малькампо, то-есть, всѣхъ вліятельныхъ генераловъ въ Испаніи, была испещрена возстаніями и нарушеніями дисциплины. Овладѣвъ властью, они или сами разстрѣливали людей (какъ О'Доннелль въ Лохѣ, Конча на Кубѣ, а Нарваэсъ — *вездѣ)*, или были не въ силахъ предупредить разстрѣливанье, вошедшее въ духъ арміи. Хидальго былъ не хуже другихъ, и испанской арміи не было причинъ предавать его спеціально отверженію. Но Хидальго былъ назначенъ министерствомъ, которое предприняло „раскассировать" армію, поэтому назначеніе Хидальго было хорошимъ предлогомъ для борьбы съ Сорилльею. Артиллерійскіе офицеры бискайскаго округа отказались представиться генералу Хидальго. Военный министръ прислалъ предписаніе; они всѣ подали въ отставку. Сорилльа былъ непрочь отъ борьбы, но по желанію короля, который хотѣлъ устранить затрудненіе, перевелъ генерала Хидальго генералъ-капитаномъ въ Таррагону. Тогда *тамъ* всѣ артиллерійскіе офицеры подали въ отставку; мало того, артиллерійскіе офицеры по всей странѣ стали выходить въ отставку; въ самомъ Мадридѣ артиллеристы начали дѣлать тоже самое, и представился невиданный нигдѣ примѣръ: страна довольна правительствомъ, *но артиллерія недовольна* имъ и потому выходитъ въ отставку. Вопросъ между паразитами эксплуатирующими страну и министромъ, предпринявшимъ избавить ее отъ нихъ, сталъ передъ королемъ лицомъ къ лицу. Король выказалъ слабость; ему, какъ принцу савойскаго дома, династіи военной, было противно упорство самого Хидальго, который не хотѣлъ уступить мѣста; понятія о

„чести мундира“, о „товариществѣ по оружію“, объ „общей артиллерійской семьѣ“ были доступны герцогу Аостскому, хотя, разумѣется, не могли казаться ему выше вещей въ самомъ дѣлѣ серьёзныхъ, то-есть, принципа конституціонной законности, необходимости поддержать министра, имѣющаго большинство въ парламентѣ. Королю не хотѣлось только поступать слишкомъ круто по поводу Хидальго, Но Сорилья не такой человѣкъ, чтобы выказать слабость; онъ видѣлъ необходимость во что бы то ни стало сломить нелѣпую оппозицію праздныхъ карьеристовъ, которые, не будь этого случая, вскорѣ нашли бы другой, чтобы заняться единственнымъ дѣломъ, къ которому они способны, то-есть, подставлять другъ другу ногу изъ-за мундирныхъ принадлежностей, и смущать порядочныхъ людей своимъ ненасытнымъ честолюбіемъ. Сорилья предложилъ королю принять всѣ просьбы объ отставкѣ, и по мѣрѣ выбытія артиллерійскихъ офицеровъ производить на ихъ вакансіи младшихъ, хотя бы пришлось набирать ихъ изъ унтеръ-офицеровъ. Это называлось „преобразованіемъ артиллеріи“. Выражаясь англійскими терминами,—артиллерія сдѣлала „strike“, на который Сорилья хотѣлъ отвѣчать чрезъ „lock out“.

Королю это не понравилось; онъ колебался, но въ концѣ концовъ непремѣнно согласился бы, еслибы Сорилья подалъ въ отставку. Король былъ, очевидно, только слабъ, но еще не былъ неправъ передъ своимъ министромъ, еще ничѣмъ не выказалъ ему своего недовѣрія. Сорилья былъ совершенно правъ доселѣ; но вотъ гдѣ онъ, вслѣдствіе своего крутого характера, сталъ самъ неправъ по отношенію къ королю. „Демократы“, соединившіеся съ чистыми прогрессистами, не прерывали своихъ связей съ республиканцами. Въ свою очередь республиканцы не разъ заявляли, что они не намѣрены ниспровергать радикальнаго, хотя и монархическаго правительства. Видя колебаніе короля и опасаясь, чтобы обстоятельствомъ этимъ не воспользовались уніонисты для составленія новаго кабинета, Сорилья, чрезъ своихъ друзей-демократовъ, внушилъ республиканцамъ сдѣлать запросъ министерству въ собраніи кортесовъ о положеніи дѣла Хидальго и выхода въ отставку массы артиллерійскихъ офицеровъ. Когда этотъ запросъ былъ сдѣланъ, то министерство тотчасъ дало такой отвѣтъ, что законное назначеніе генерала Хидальго будетъ поддержано, что просившіе увольненія офицеры будутъ уволены и замѣщены другими, однимъ словомъ, связало короля, не получивъ еще отъ него согласія, необходимостью подписать декретъ „о преобразованіи артиллеріи“. А для того, чтобы устранить всякую возможность иного выхода, Сорилья, вслѣдъ за этими объ-

ясненіями, предложилъ палатѣ переходъ къ очередному порядку съ оговоркою о довѣріи къ дѣйствіямъ министерства.

Заручившись такимъ выраженіемъ довѣрія палаты, такимъ прямымъ одобреніемъ ея мѣрѣ, направленной противъ артиллерійской демонстраціи, Сорилья явился къ королю съ декретомъ о преобразованіи артиллеріи. Но король, видя что министръ хочетъ насиловать его согласіе, просилъ у него день на размышленіе. Размышлять донъ-Амедей отправился на охоту. О чемъ размышлялъ онъ — угадать не трудно. Онъ долженъ былъ размышлять о томъ, какъ невообразимо трудно было дѣло, за которое онъ взялся, принявъ испанскую корону, и какъ безнадежно стало это дѣло теперь, когда единственный человѣкъ, который былъ въ состояніи помогать ему, единственный, которому онъ могъ довѣрять и довѣрялъ, самъ выказалъ къ нему, королю, полнѣйшее, самое оскорбительное недовѣріе. Сорилья хотѣлъ насиловать его волю, и чтобы покорить себѣ короля, королевскій министръ вступилъ въ соглашеніе съ республиканцами. Большинство *всѣхъ* противъ шести, одобрившее волю Сорильи, состоялось благодаря республиканцамъ. Чтó оставалось дѣлать королю, когда единственный министръ, котораго онъ считалъ возможнымъ и которому довѣрялъ—выказалъ болѣе довѣрія къ республиканцамъ, чѣмъ къ своему государю? Отказаться отъ задачи, ставшей невозможною, безнадежною. Отставить Сорилью, когда онъ только-что заручился выраженіемъ довѣрія палаты, было невозможно. Правда, на тѣхъ дняхъ являлись къ королю повѣренные отъ Топете и Серрано и предлагали ему единственный вѣрный, по ихъ словамъ, исходъ—нарушить конституцію распущеніемъ палаты только-что избранной (по закону, палата не можетъ быть распускаема ранѣе четырехмѣсячнаго срока послѣ выборовъ); но этого предложенія не могъ принять честный человѣкъ. Сверхъ того, донъ-Амедей не могъ не думать о той холодности, съ какою относился доселѣ народъ къ чужеземцу; не могъ не имѣть передъ глазами пустоты своего дворца, въ который упорно отказывались пріѣзжать альфонсистскіе и карлистскіе гранды.

Домой донъ-Амедей возвратился уже, вѣроятно, съ готовымъ рѣшеніемъ, потому что когда его разбудили поздно вечеромъ извѣстіемъ, что явилась депутація поздравить его съ рожденіемъ сына, и что по испанскому обычаю ребенка слѣдуетъ вынесть къ депутаціи, отказался встать. „Вѣроятно“, говоритъ одна англійская газета, „королю, уже принявшему рѣшеніе, было тягостно исполнять такой обрядъ, и отказъ его достоинъ сочувствія при такихъ обстоятельствахъ; это — честная грубость, свойственная савойскому дому“. Грубость эта не имѣла разумѣется никакого значенія при томъ по-

ложеніи дѣлъ, какое уже было, но въ Мадридѣ она все-таки оскорбила тѣхъ самыхъ „патріотовъ", тѣхъ самыхъ обожателей „эспаньолизма", которые никогда не кланялись королю-чужеземцу при встрѣчахъ.

Рѣшеніе донъ-Амедея извѣстно; онъ объявилъ его Сориллѣ съ прибавленіемъ, что оно неизмѣнно, и что никакіе уговоры не будутъ имъ приняты. Затѣмъ, король написалъ свое посланіе къ кортесамъ. Въ этомъ посланіи король напоминалъ, что цѣлью его, когда онъ рѣшился принять корону, было „соображаться единственно съ интересами страны и стать выше всѣхъ партій"; что свою неопытность онъ надѣялся искупить добросовѣстностью, въ надеждѣ на помощь со стороны всѣхъ испанцевъ, любящихъ свою страну". Затѣмъ король дѣлалъ слѣдующія признанія: „Я обманулся въ ожиданіяхъ, внушенныхъ мнѣ моими намѣреніями. Два долгихъ года я ношу испанскую корону, а Испанія не выходитъ изъ состоянія борьбы, а желанная эра міра и благоденствія все отдаляется. Если бы враги блага Испаніи были иностранцы, я первый выступилъ бы противъ нихъ въ поле, во главѣ ея мужественныхъ и терпѣливыхъ солдатъ. Но всѣ тѣ, кто оружіемъ, перомъ, словомъ увеличиваютъ и упрочиваютъ бѣдствія Испаніи, сами—испанцы, всѣ призываютъ любезное имя отечества, всѣ борятся другъ съ другомъ и волнуются въ виду его блага, и среди шума борьбы, среди смѣшанныхъ противоположныхъ криковъ партій, въ сильныхъ и вмѣстѣ разнорѣчивыхъ демонстраціяхъ общественнаго мнѣнія, невозможно различить истинное мнѣніе народа, еще невозможнѣе открыть средство противъ такихъ золъ. Средства этого я съ жадностью искалъ въ законѣ, и—не нашелъ. Отыскивать же средство внѣ закона непозволительно тому, кто присягалъ законности... Нынѣ я наконецъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что всѣ мои усилія будутъ безплодны и что предпріятіе мое неосуществимо".

Въ тотъ же день, 11 февраля, кортесы соединились съ сенатомъ, провозгласили себя національнымъ собраніемъ и отвѣчали королю Амедею адресомъ, въ которомъ встрѣчается слѣдующая „аттестація": „кортесы единогласно объявляютъ, что ваше величество съ вѣрностью, съ полной вѣрностью исполнили вашу присягу, и видятъ въ этомъ высокое достоинство въ такую эпоху, когда честолюбіе, диктатура, государственные перевороты привлекаютъ къ себѣ мысль даже людей стоящихъ на скромной ступени, а не на высотѣ престола... Народъ испанскій и теперь окажетъ вашему величеству всякіе знаки уваженія, преданности, почета, которыхъ вполнѣ заслуживаете вы, ваша августѣйшая супруга и невинныя ваши малютки. Но когда минуютъ опасности и переходное время, народъ, не имѣя

возможности поднесть вамъ корону, предложить вамъ иное достоинство,—достоинство гражданина въ средѣ независимой и свободной націи".

На пути короля и его семейства въ Португалію онъ, дѣйствительно, былъ сопровождаемъ знаками всеобщаго уваженія. Такъ погибла попытка честной монархіи, попытка совершить нужнѣйшую Испаніи реформу. Дѣло было бы трудно и при полномъ согласіи, довѣріи между королемъ и Сорилльею; при разладѣ между ними, оно, дѣйствительно, становилось безнадежнымъ. Донъ-Амедея можно упрекнуть въ минутномъ колебаніи, нерѣшительности; но онъ *ничего не сдѣлалъ*, въ чемъ бы его можно было обвинять. Сориллья же своей запальчивостью и деспотизмомъ прямо виновенъ въ неудачѣ предпріятія. Необходимо было выждать, а не насиловать согласіе короля; наконецъ, лучше было даже, въ крайнемъ случаѣ, уступить въ дѣлѣ Хидальго и все-таки преобразовать армію. Первоначальное министерство республики составилось изъ нѣсколькихъ республиканцевъ и нѣсколькихъ радикаловъ. Фигэрасъ, получившій наибольшее число голосовъ, объявленъ былъ президентомъ; слѣдовавшій за нимъ по числу избирательныхъ голосовъ Кастеларъ—министромъ иностранныхъ дѣлъ, Пи-и-Марголль—внутреннихъ дѣлъ; но въ составъ первоначальнаго министерства вошли и нѣкоторые радикалы; генералъ Кордова остался военнымъ министромъ.

Циркуляръ, которымъ министръ иностранныхъ дѣлъ испанской республики сообщилъ иностраннымъ кабинетамъ провозглашеніе въ Испаніи этой формы правленія, циркуляръ Эмиліо Кастелара, 12 февраля, гораздо менѣе удаченъ, чѣмъ тѣ блестящія рѣчи, которыми Кастеларъ пріобрѣлъ себѣ всемірную славу великаго оратора. „Актъ этотъ" (т. е. провозглашеніе республики), пишетъ Кастеларъ, „вышелъ не изъ революціи и не есть результатъ замѣшательства и неожиданности: онъ вышелъ изъ спокойнаго сознанія и державной воли обѣихъ палатъ, которыя, бывъ недавно избраны всенароднымъ голосованіемъ, по желанію законной власти и среди полнаго мира, имѣли возможность убѣдиться, что такова именно была, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, давно предвидѣнныхъ, воля націи. Отдавая полную и совершенную справедливость честности, добрымъ намѣреніямъ и конституціонному духу монарха, мы должны, по справедливости, признать, что ему не удалось преодолѣть врожденнаго нерасположенія, какое эта достойная и гордая нація чувствовала ко всему, что ей могло казаться, основательно или неосновательно, помрачающимъ ея независимость". Воздавъ затѣмъ хвалу благородной рѣшимости короля Амедея, министръ продолжаетъ, что затѣмъ „во всѣхъ партіяхъ тотчасъ выказалось одно сознаніе, и именно сознаніе не-

одолимой, неоспоримой и верховной необходимости замѣнить монархію республиканскимъ образомъ правленія. Кортесы и народъ Испаніи, съ высокимъ патріотизмомъ, съ замѣчательнымъ политическимъ смысломъ, которому имѣется въ исторіи мало равныхъ примѣровъ, съ возвышенностью мысли, свойственною нашей расѣ, съумѣли овладѣть обстоятельствами, формулируя желаніе народа въ установленіи того образа правленія, который свойственъ демократіи, и именно образа—республиканскаго". Далѣе министръ старается успокоить кабинеты насчетъ характера и стремленій испанской республики, ссылается на „уваженіе къ законности, свойственное испанскому народу, и доказанное имъ блестящимъ образомъ въ послѣдніе четыре года существованія правленія въ демократическомъ духѣ"; увѣряетъ, что Испанія „имѣетъ тѣ добродѣтели, которыя необходимы для зрѣлости народа къ управленію своими дѣлами", и въ заключеніе старается разсѣять всякія подозрѣнія насчетъ благонадежности арміи.

Циркуляръ вышелъ неудаченъ конечно не по винѣ Кастелара, а по винѣ обстоятельствъ; въ дѣйствительности, посланіе это заключаетъ въ себѣ все, что можно сказать *противъ* установленія республики, какъ оно нынѣ совершилось въ Испаніи. Публицистамъ враждебнаго лагеря не для чего придумывать аргументовъ для критики этого событія; всѣ они, или почти всѣ, заключаются въ депешѣ перваго республиканскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Испаніи: что превращеніе Испаніи въ республику безъ малѣйшей нужды было весьма неожиданно; что дѣйствіе кортесовъ въ сущности было дѣйствіе революціонное; что нынѣшніе кортесы не имѣли времени обдумать этого шага, и не были полноправны для совершенія его; что прочность республики въ Испаніи сомнительна, и по недостатку уваженія къ законности въ странѣ безпрерывныхъ pronunciamientos, и по отсутствію образованія, стало быть и зрѣлости въ ея народѣ къ управленію своими дѣлами, и наконецъ—именно по неблагонадежности испанской арміи. Всѣ эти мотивы изложены въ самомъ циркулярѣ; Кастеларъ, какъ опытный публицистъ, совершенно вѣрно предугадалъ все, что̀ скажутъ скептики внѣ Испаніи по поводу этого событія, и нарочно вышелъ съ своими опроверженіями на встрѣчу такимъ сомнѣніямъ. Что сомнѣнія эти приведены имъ вѣрно, это—заслуга Кастелара; что возраженія, опроверженія его противъ нихъ слабы или просто голословны — это не его вина: въ поручительство за своевременность и прочность республики въ Испаніи и нельзя привесть ничего, кромѣ добрыхъ намѣреній республиканской партіи.

Партія эта или партіи, такъ какъ ихъ доселѣ было двѣ, во всякомъ случаѣ, по качествамъ своихъ вождей и по образованности

своихъ членовъ, заслуживаютъ болѣе уваженія, чѣмъ всѣ другія партіи въ Испаніи, и это не требуетъ доказательствъ: республиканскимъ образомъ мыслей нельзя было дѣлать себѣ карьеру при монархіяхъ, по крайней мѣрѣ карьеру административную. Нынѣшній президентъ правительства Эстанислао Фигэрасъ—адвокатъ, приверженецъ идей республики федеральной, и какъ онъ, такъ и его значительнѣйшіе товарищи: Эмиліо Кастеларъ и Франциско Пи-и-Марголль принадлежатъ къ рѣдкимъ въ Испаніи людямъ, которые никогда не перемѣняли знамени. Всѣ трое пользуются уваженіемъ; первый и послѣдній извѣстны еще весьма твердымъ характеромъ, который у Фигэраса скрывается за весьма мягкими внѣшними пріемами; всѣ трое—люди умѣренные. Фигэрасъ самый умѣренный изъ нихъ и наиболѣе практическій; всѣ трое—доктринеры, какъ, впрочемъ, и бо́льшая часть безупречныхъ республиканцевъ въ Испаніи. Замѣчательно, что маркизъ Оренсе д'Альбандо, четвертый изъ наиболѣе извѣстныхъ республиканцевъ, не принимаетъ доселѣ участія въ правительствѣ.

Въ средѣ этого правительства уже успѣлъ произойти кризисъ, кризисъ вполнѣ естественный, но тѣмъ не менѣе создающій новое затрудненіе; тѣ изъ членовъ правительства, которые не принадлежали къ партіи республиканской: генералъ Кордова, Франсиско Сальмеронъ (другой, Николасъ Сальмеронъ,—министръ юстиціи), Эчегаре, Бесерра и Беранхеръ, однимъ словомъ, радикалы, вышли изъ кабинета. Взамѣнъ ихъ назначены республиканцы; военное министерство получилъ генералъ Акоста. Между тѣмъ въ кортесахъ, избранныхъ при Сориллѣ, большинство составляютъ радикалы, а не республиканцы. Меньшинство, состоявшее изъ уніонистовъ и сагастинцевъ, уже тотчасъ по открытіи сессіи удалилось изъ собранія.

Итакъ, республиканскому правительству, состоящему изъ хорошихъ людей, достается управлять Испаніею при враждебности арміи, при неполномъ собраніи, избранномъ на основаніи той конституціи 1869 года, которая теперь уже не существуетъ, и вдобавокъ, съ такимъ большинствомъ въ этомъ собраніи, которое принадлежитъ не къ правительственной партіи и котораго члены удалились изъ кабинета. Генерала, командующаго войсками противъ карлистовъ, новое правительство смѣнило уже два раза: сперва утвердило Моріонеса, который призналъ республику, потомъ назначило вмѣсто него генерала Павію, теперь генерала Нувиласа, вмѣсто Павіи, который призванъ въ Мадридъ. Почти всѣ генералъ-капитаны перемѣнены. Между тѣмъ, карлисты, разумѣется, пользуются нынѣшнимъ кризисомъ, и самъ донъ-Карлосъ вступилъ въ Испанію. Изъ иностранныхъ правительствъ пока признали испанскую республику республики: Сое-

диненныхъ Штатовъ и Швейцаріи. Французская республика колеблется, хотя и говорятъ, что посланникъ ея въ Мадридѣ, маркизъ де-Буллье, выразилъ самыя дружественныя чувства Тьера. Есть иронія судьбы въ самомъ томъ фактѣ, что французскую республику представляетъ въ сосѣдней республикѣ же членъ той фамиліи, о которой такъ отзывается „Марсельеза":

> ....mais les complices de Bouillé,
> Tous ces tigres, qui sans pitié
> Dévorent le sein de leur mère...

Толки о возможности новаго возникновенія гогенцоллернской диктатуры теряютъ всякій смыслъ послѣ категорическаго заявленія „Сѣверо-германской газеты", что „неудача короля Амедея полнѣйшимъ образомъ доказала невозможность установленія иностранной династіи въ Испаніи". Фигэрасъ и его товарищи если хотятъ дѣлать дѣло, а не довольствоваться словами, должны продолжать неудавшееся предпріятіе монархіи Амедея и его послѣдняго министерства—вооружить народъ, преобразовать армію, сократить бюджетъ, призвать самый народъ къ управленію дѣлами и охраненію порядка безъ посредства профессіональныхъ политиковъ и ремесленныхъ мятежныхъ стражей спокойствія. Удастся ли тремъ почтеннымъ доктринерамъ совершить это дѣло—сказать нельзя; но позволительно думать, что совершеніе его было бы легче для короля Амедея и Руиса Сорилльи, которые нынѣ оба оставили Испанію первый съ титуломъ герцога Аостскаго, второй въ качествѣ частнаго человѣка,—и тѣмъ не менѣе оно и имъ не удалось.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

12/24 февраля, 1873.

Франція по смерти Наполеона III.

Я довольно часто говорилъ объ императорѣ Наполеонѣ, и быть можетъ даже утомилъ своими соображеніями о той важной роли, которую онъ игралъ въ нашихъ заботахъ и тревогахъ, даже послѣ своего паденія и столь заслуженнаго изгнанія. Я былъ убѣжденъ, что нисколько не преувеличиваю, но разнообразное впечатлѣніе, произведенное его смертью, показало мнѣ, что дѣйствительность даже превысила всѣ мои разсчеты. Объясняйте себѣ это какъ знаете, а

я и самъ не умѣю отдать себѣ яснаго отчета, почему эти Бонапарты, созданные какъ будто на пагубу нашей странѣ, пустили въ ней такіе корни, которые не скоро еще заглохнутъ. Конечно, катастрофа, постигшая Наполеона III, была такъ же безславна для него, какъ и пагубна для насъ. Онъ палъ безъ всякаго обаянія, и ничто не могло ни скрасить, ни смягчить его паденія: онъ низвергнулъ въ бездну страну, которую имѣлъ претензію спасти. Онъ стоилъ намъ, даже и послѣ паденія, двухъ провинцій и пяти милліардовъ и, вопреки нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, отнюдь нельзя вѣрить оптимистамъ, что мы вполнѣ оправились отъ нанесенныхъ ради его намъ ударовъ. И что же? Все это для многихъ людей, для значительной части общественнаго мнѣнія какъ будто бы не существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ будто бы покойный императоръ ни мало въ этомъ не отвѣтственъ. Наглые извороты бонапартистской прессы, щедро оплачиваемой, такъ удались, а публика такъ пристрастна къ этому роковому отродью и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ легко поддается на обманъ, что о причинахъ послѣдней войны и даже о седанской капитуляціи сложилась легенда, вполнѣ сходная съ тою, какая прославила Наполеона I и островъ св. Елены. Оппозиція, видите ли, вынудила императора къ войнѣ, а злополучное правительство 4 сентября помѣшало Европѣ придти къ намъ на помощь и лишило насъ приличнаго мира. Наконецъ, если болѣзнь императора сдѣлалась смертельной, то потому, что этотъ государь-герой, не взирая на свои страданія съ нечеловѣческимъ стоицизмомъ не слѣзалъ съ коня въ теченіи пяти часовъ передъ Седаномъ, ободряя своимъ примѣромъ войска и ища смерти, которой не могъ найти, конечно потому, что онъ не очень ея искалъ.

Вотъ что печаталось въ послѣднее время, непрерывно, пока наконецъ не нашло отголоска въ публикѣ, и вотъ какимъ образомъ Чизльгёрстъ сдѣлался эквивалентомъ св. Елены. Я менѣе, чѣмъ когда-либо, сомнѣваюсь, что если бы ex-императоръ захотѣлъ явиться въ Парижъ, то могъ бы безъ труда завладѣть престоломъ. Если онъ этого не сдѣлалъ, то вѣроятно потому только, что болѣзнь помѣшала ему, или же, какъ я всегда это думалъ, онъ желалъ дождаться, чтобы нѣмцы удалились окончательно изъ предѣловъ Франціи, и ему не надо было бы парламентировать съ ними. Онъ не дождался, но самое дѣйствіе, произведенное его смертью, даетъ мѣру той популярности, которую онъ сохранилъ или вернулъ. Не менѣе знаменательно было, въ виду огорченія имперіалистовъ, явное облегченіе, которое испытали всѣ остальныя партіи, и то дѣйствіе, которое произвело въ ихъ средѣ исчезновеніе этого грознаго конкуррента. Республиканцы пріободрились; роялисты съ своей стороны возобновили,

съ новымъ рвеніемъ, хотя и безуспѣшно, попытки къ слiянiю, точно смерть императора развязывала имъ руки. Я еще возвращусь къ этому, но пока поговорю о Наполеонѣ III и объ его партiи.

Любопытенъ фактъ, который французскiя газеты почему-то пропустили безъ вниманiя, что если кто-нибудь виноватъ въ смерти императора, такъ это императрица Евгенiя. Вотъ какимъ образомъ.

Императоръ страдалъ каменной болѣзнью нѣсколько лѣтъ, и теперь ясно доказано, что доктора, предписывая ему воды Виши, лечили его, не зная болѣзни, и только ускорили ходъ ея, потому что эти воды содѣйствуютъ каменной болѣзни и могутъ даже развить, если она существуетъ въ зародышѣ. Въ 1870 г. страданiя сдѣлались настолько сильны и характеристичны, что побудили придворныхъ докторовъ созвать на консультацiю всѣ медицинскiя знаменитости Парижа. Консультацiя состоялась; призванные медики составили письменное заявленiе своего мнѣнiя, опредѣлили характеръ болѣзни и заключили о необходимости операцiи. Консультацiя происходила 3 iюля 1870 г., то-есть, всего за три дня до знаменитой декларацiи герцога Грамона, которая сдѣлала войну неизбѣжной. Каждый допуститъ, что если бы императоръ сознавалъ свое состоянiе въ ту минуту, то былъ бы осмотрительнѣе и хорошенько размыслилъ бы, прежде чѣмъ довести дѣло до послѣдней крайности.

Но такова обыкновенная судьба деспотовъ: ограничивая все, они кончаютъ тѣмъ, что ограничиваютъ и самихъ себя. Наполеонъ III такъ и не узналъ о существованiи этого документа, который былъ конфискованъ на пол-пути. Этотъ документъ обнародовали лишь послѣ смерти Наполеона III, по случаю полемики, завязавшейся между лондонскими и парижскими докторами. Первые упрекнули послѣднихъ въ томъ, что они не разглядѣли во̀-время болѣзни. Парижскiе врачи не захотѣли подвергаться подобнымъ упрекамъ и обнародовали свою консультацiю, изъ которой вытекаетъ, что императоръ долженъ былъ подвергнуться операцiи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и присовокупили, что если императору остался неизвѣстнымъ этотъ документъ, то лишь потому, что его спецiальный врачъ, докторъ Коннó, нашелъ нужнымъ скрыть его отъ императора. Но нельзя допустить, чтобы такое подчиненное лицо, какъ этотъ придворный медикъ, рѣшился взять на себя такую громадную отвѣтственность. Онъ долженъ былъ необходимо получить на то приказанiе, а единственная особа, которая могла дать ему такое приказанiе—это императрица. Но, спросите вы, зачѣмъ понадобилось императрицѣ помѣшать тому, чтобы надъ императоромъ произведена была операцiя въ iюлѣ 1870 г.? Я отвѣчу: потому именно, что она страстно желала войны, войны—безотлагательной и во что бы то ни стало. Устрашенная, не взи-

рая на благопріятный исходъ плебисцита, успѣхами внутренней оппозиціи, стремясь прежде всего обезпечить передачу короны своему сыну, убѣжденная, что для этого необходимъ великій воинскій тріумфъ, увѣренная, какъ и всѣ остальные, въ томъ, что Франція готова къ войнѣ,—императрица не захотѣла упустить удобнаго случая, даже рискуя подвергнуть опасности жизнь императора. Война, думалось ей, продлится не долго, и операцію всегда успѣютъ сдѣлать императору, а въ настоящую минуту всего важнѣе завладѣть рейнскими берегами. Вотъ почему императоръ выступилъ въ походъ, не подозрѣвая о своемъ состояніи. Какъ случилось, что операція была отсрочена на такое долгое время, послѣ заключенія мира,—этого я не могу объяснить, но фактъ конфискаціи документа, заключавшаго въ себѣ мнѣніе консультаціи, составленной и подписанной парижскими врачами, остается несомнѣннымъ. Ясно, что при всемъ своемъ самовластіи Наполеонъ III былъ, въ 1870 г., игрушкой въ чужихъ рукахъ. Онъ всегда отличался скорѣе упорствомъ въ отвлеченныхъ идеяхъ и даже въ химерахъ, чѣмъ энергіей сознательной воли, а въ послѣдніе годы его царствованія характеръ его значительно сталъ слабѣе. Онъ окончательно подпалъ пагубному вліянію императрицы Евгеніи. Между тѣмъ необходимость войны съ Пруссіей стала для нея просто *idée fixe*, и она-то главнымъ образомъ увлекла императора. „Эта война—моя война“, говаривала она въ припадкахъ высокомѣрнаго тщеславія. Она должна была горько раскаяться съ тѣхъ поръ, но говорятъ, что въ Чизльгорстѣ отношенія между двумя супругами были весьма нѣжны.

Бонапартистскія газеты заявляли о своемъ траурѣ и совершали тризну по императору съ свойственнымъ этой партіи шумнымъ и непристойнымъ шарлатанствомъ, которое возмущаетъ порядочныхъ людей, но имѣетъ то преимущество, что дѣйствуетъ на толпу. Наша либеральная пресса пыталась отнестись безпристрастно къ памяти Наполеона III. Не легко было безпристрастно судить о государѣ, царствованіе котораго было такъ пагубно; однако многія газеты старались различить поступки отъ намѣреній. Наполеонъ III, говорили, не былъ злой человѣкъ, у него было доброе сердце и щедрая, черезъ-чуръ даже щедрая рука, относительно всѣхъ, кто только хотѣлъ изъ нея черпать. Хвалили его вѣжливость, привѣтливость и въ особенности его неизмѣнную ласковость со всѣми своими подчиненными. Онъ, конечно, самъ никогда не дѣлалъ зла ради зла, но онъ допускалъ творить много зла, по небрежности и вялости; впрочемъ, когда дѣло идетъ о монархѣ, то въ такомъ случаѣ исторія права́, выражаясь, что́ онъ дѣлалъ зло. Наполеонъ III, въ сущности, не отличалъ добра отъ зла, то-есть, другими словами, былъ вполнѣ безнравственнымъ

человѣкомъ, и вѣрилъ только въ свою звѣзду. Онъ бывалъ во всѣ времена окруженъ очень дурными людьми, которые его эксплуатировали, и не вѣрилъ въ добродѣтель людскую. Когда его предупреждали о мошенничествахъ, совершавшихся вокругъ него, онъ отвѣчалъ: «я это знаю, но это неизбѣжно». Если онъ сталкивался съ человѣкомъ, который его не обкрадывалъ, то онъ удивлялся и былъ даже какъ будто недоволенъ: онъ подозрѣвалъ, что такое лице не можетъ быть ему преданно.

Какъ государственный человѣкъ, и даже въ эпоху своей высшей славы, онъ всегда казался мнѣ ниже своей репутаціи. Если перебрать поочереди всѣ его предпріятія по части иностранной политики,—я говорю про такія, которыя на видъ какъ будто увѣнчались успѣхомъ, оставляя въ сторонѣ мексиканскую экпедицію или войну съ Германіей, которыя ниже всякой критики—то придешь къ заключенію, что онѣ отнюдь не безукоризненны ни по тому способу, какимъ были ведены, ни по своимъ результатамъ.

Я полагаю, что могу высказать, не рискуя оскорбить вашей національной гордости, что крымской кампаніи слѣдовало или совсѣмъ не предпринимать, или уже вести ее упорнѣе, чтобы добиться прочныхъ результатовъ. Но императоръ мало заботился о результатахъ; онъ желалъ главнымъ образомъ пустить пыль въ глаза, потому что наполеоновская династія не можетъ обойтись безъ шарлатанства. Онъ находилъ особенно ловкимъ и блестящимъ для себя заигрывать съ Россіей тотчасъ послѣ того, какъ воевалъ съ ней. Впослѣдствіи онъ снова обратился противъ нея, въ эпоху польскаго возстанія и долженъ былъ, за-одно съ Англіей, вынести достопамятный дипломатическій щелчокъ 1863 г., который уже предвѣщалъ пересмотръ трактатовъ 1856 г. Онъ пытался замаскировать этотъ щелчокъ химерическимъ предложеніемъ европейскаго конгресса, на которое Европа отвѣтила только пожатіемъ плечъ. Его итальянская политика, ознаменованная побѣдами, болѣе блестящими, чѣмъ заслуженными, представляетъ много слабыхъ сторонъ, во-первыхъ, благодаря противорѣчивому стремленію создать единую Италію и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать свѣтскую власть папы; во-вторыхъ, по своему результату, который проявился тѣмъ, что у Германіи явилась новая союзница. Что касается нѣмецкихъ дѣлъ, то Наполеонъ III не имѣлъ въ нихъ удачи во все продолженіе своего царствованія: ни въ вопросѣ о герцогствахъ, ни тогда, когда онъ наивно признавалъ, какъ въ 1866 г., за Пруссіей право округлять свои владѣнія, разумѣется, съ задней мыслью самому попользоваться при этомъ удобномъ случаѣ; ни позднѣе, наконецъ, въ Люксембургскомъ вопросѣ. Мнѣ кажется, что всѣ эти эпизоды, вмѣстѣ взятые, не доказываютъ при-

сутствія въ немъ высокаго политическаго генія. Въ итогѣ, Наполеонъ III предпринималъ многое, но мало что довелъ до успѣшнаго конца, и если, несмотря на это, долгое время тяготѣлъ надъ Европою, то потому только, что въ сущности не трудно фигурировать съ честью, когда располагаешь, въ качествѣ безусловнаго властелина, такой страной, какъ Франція. Молчаливость его придавала ему видъ глубокомыслія. Его нельзя оправдать по обвиненію въ лукавствѣ; но лукавство не считаютъ преступленіемъ: въ политикѣ оно и не было бы поставлено ему въ вину, если бы чаще всего онъ самъ не запутывался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ.

Точно также я снисходительнѣе отнесся бы къ государственному перевороту 2-го декабря,—хотя его и нельзя оправдывать съ нравственной точки зрѣнія, какъ клятвопреступленіе,—еслибы этотъ переворотъ въ концѣ концовъ послужилъ бы на благо Франціи. Но государь, который захватываетъ абсолютную власть затѣмъ, чтобы окончить Седаномъ, не можетъ быть оправданъ ни съ какой точки зрѣнія. Если можно похвалить за что-нибудь императора, такъ это за его торговую политику, которую онъ, конечно, не изобрѣлъ, но которую онъ съумѣлъ водворить и провести съ стойкостью и успѣхомъ, и которая чрезвычайно какъ обогатила страну, обогатила настолько, что уплата пяти милліардовъ контрибуціи оказалась для нея легче, чѣмъ можно было воображать.

Но таковъ, какимъ мы его знали, таковъ, какимъ онъ былъ въ изгнаніи, и безъ всякаго, повидимому, наружнаго обаянія, императоръ, повторяю, игралъ важную роль во французской политикѣ, и его смерть произвела сильную перемѣну. Идея наполеоновская или, вѣрнѣе, идея цезаризма, конечно, переживетъ его, и намъ придется еще не разъ съ ней посчитаться. Но непосредственные шансы бонапартистской партіи рушились. Императорскій принцъ слишкомъ молодъ; его мать и ближайшій родственникъ, принцъ Наполеонъ Жеромъ, оба непопулярны и къ тому же неспособны составить между собой союзъ. Принцъ Наполеонъ особенно непопуляренъ. Онъ пытается въ настоящую минуту надѣлать шуму, потому что правительство не захотѣло разрѣшить ему пребываніе во Франціи. Дѣйствительно, эта мѣра беззаконна, потому что никакой законъ не воспрещаетъ Бонапартамъ доступъ во французскую республику, но здравый смыслъ говоритъ, что ихъ нельзя допустить свободно въ ней проживать, какъ всякимъ другимъ гражданамъ. Къ тому же личность принца Наполеона такъ мало интересна, что его жалобы, отвергаемыя французскими трибуналами, никого не интересуютъ. Протестъ, представленный имъ національному собранію, быть можетъ, имѣлъ бы нѣкоторый успѣхъ, еслибы большинство оставалось враждебно

Тверу; но значительная часть правой только что примирилась съ этимъ послѣднимъ, о чемъ я буду говорить дальше. Ужъ разумѣется война не возобновится ради того, чтобы доставить удовольствіе принцу Наполеону.

По смерти императора пресловутое и невозможное сліяніе между графомъ Шамборомъ и принцами орлеанскими немедленно выступило на первый планъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла.

Можно подумать, что фузіонисты дожидались, чтобы монархическая арена опустѣла, чтобы занять ее въ свою очередь. Я никогда не кончилъ бы, еслибы вздумалъ въ подробности излагать всѣ фазисы этого вопроса, всѣ переговоры и толки, которые онъ вызвалъ въ послѣдніе два мѣсяца. Неоднократно хитрецы правой воображали, что успѣхъ близокъ, въ особенности послѣ того, какъ орлеанскіе принцы публично присутствовали на покаянной обѣднѣ 21 января, въ день смерти Людовика XVI. Эти принцы готовы были бы на примиреніе, но воспоминаніе объ отцѣ и прирожденный либерализмъ, котораго нельзя въ нихъ отрицать, не дозволятъ имъ преклониться передъ божественнымъ правомъ и заявить о безусловномъ подчиненіи, котораго отъ нихъ требуютъ. Графъ Шамборъ сдѣлалъ невозможнымъ всякое сліяніе безумнымъ провозглашеніемъ бѣлаго знамени, настолько торжественнымъ, что ему отнынѣ нельзя будетъ отъ него отказаться.

Въ настоящую минуту у меня передъ глазами одна переписка, касающаяся старинныхъ попытокъ къ сліянію. Эта переписка имѣла мѣсто въ началѣ 1857 г. Въ эту эпоху герцогъ Немурскій, который тогда, какъ и теперь, всѣхъ болѣе былъ расположенъ къ сближенію, говорилъ слѣдующее въ письмѣ къ одному другу, которое было обнародовано: „Клермонъ, 25 января, 1857 г.: Когда, въ видахъ соглашенія, я посѣтилъ графа Шамбора, то сдѣлалъ это единственно лишь на основаніи торжественнаго заявленія, что это попытка не повлечетъ за собой никакого обязательства. Далѣе, выражая ему искреннее желаніе, чтобы Франція призвала его современемъ на престолъ и нашу готовность посвятить, въ случаѣ надобности, всѣ наши силы на достиженіе этого результата, я отнюдь не предлагалъ ему слѣпого и неопредѣленнаго содѣйствія. Предварительное соглашеніе необходимо должно было опредѣлить его условія. Эти условія съ нашей стороны резюмировались бы тремя главными пунктами, отказаться отъ которыхъ не дозволяютъ намъ наши убѣжденія, равно какъ и уваженіе къ прошлому нашей фамиліи.

„Первое. Удержаніе трехцвѣтнаго знамени, которое въ настоящее время, въ глазахъ Франціи, является символомъ новаго положенія

дѣлъ въ обществѣ и результатомъ принциповъ, освященныхъ съ 1789 года.

„Второе. Возстановленіе конституціоннаго правленія.

„Третье. Участіе народной воли въ этомъ возстановленіи, равно какъ и въ призваніи династіи.

„Изъ этихъ трехъ пунктовъ только о первомъ было говорено съ графомъ Шамборомъ, и результатъ этой бесѣды былъ таковъ, что мы сочли себя обязанными увѣдомить его, что пока этотъ пунктъ останется нерѣшеннымъ, всякое соглашеніе между нимъ и нами невозможно. Съ тѣхъ поръ, къ нашему великому сожалѣнію, это положеніе дѣлъ не измѣнилось, и такъ какъ всякая мысль о предварительномъ соглашеніи отвергается графомъ Шамборомъ, то для насъ обязательно положить конецъ всякимъ попыткамъ къ соглашенію, отнынѣ безполезнымъ".

Вотъ въ какомъ положеніи стояли орлеанскіе принцы въ 1857 г.; они предлагаютъ свое содѣйствіе графу Шамбору, но съ извѣстными условіями, изъ которыхъ первымъ является удержаніе трехцвѣтнаго знамени.

Графъ Шамборъ, съ своей стороны, не желалъ въ 1857 г. заставить думать Францію, что онъ окончательно отвергаетъ трехцвѣтное знамя. Онъ отвѣчалъ поэтому герцогу Немурскому письмомъ, которое было также обнародовано („Times", отъ 25 марта 1857 г.) и изъ котораго я извлекаю слѣдующее:

„Никто не можетъ сомнѣваться въ моей привязанности къ Франціи, въ моемъ почтеніи къ ея славѣ, въ моемъ желаніи ей славы и свободы. Моя симпатія и моя благодарность принадлежатъ тѣмъ, которые во всѣ времена совершали что-либо для нея доброе, полезное, великое. Я никогда не переставалъ думать, я всегда говорилъ, я всегда считалъ и до сихъ поръ считаю, что необходимо регулировать, раньше того момента, когда Провидѣнію угодно будетъ возложить на насъ эту обязанность, тѣ вопросы, которые будутъ рѣшены желаніями и интересами нашей страны. Не тогда, когда мы находимся вдали отъ Франціи и не безъ участія самой Франціи можемъ мы ею располагать".

Вы видите, что въ 1857 г. графъ Шамборъ далекъ отъ того, чтобы отожествлять себя съ бѣлымъ знаменемъ. Посмотримъ же, насколько измѣнилось положеніе дѣлъ въ настоящую минуту. Принцы орлеанскіе отказались отъ мысли ставить какія бы то ни было условія. Они не дѣлаютъ больше изъ вопроса о трехцвѣтномъ знамени министерскаго вопроса. Они разсуждаютъ въ 1873 г. такъ, какъ графъ Шамборъ разсуждалъ въ 1857 г., и еслибы этотъ послѣдній не измѣнилъ своихъ мнѣній, то сближеніе между ними ока-

залось бы возможнымъ. Но въ томъ-то и дѣло, что графъ Шамборъ оказывается въ настоящее время болѣе ярымъ и болѣе абсолютнымъ легитимистомъ, чѣмъ онъ былъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, хотя нельзя открыть никакой внѣшней причины, которая обусловила бы такую перемѣну, и хотя благоразуміе, напротивъ того, должно было бы внушить ему мысль объ уступкахъ, которыя сдѣлали бы его возможнымъ. Дѣло въ томъ, что идея легитимности все сильнѣе и сильнѣе завладѣвала его умомъ и превратила его въ настоящаго мономана.

Новая и окончательная неудача попытокъ къ сліянію, быть можетъ, окажетъ довольно важное вліяніе на нашу внутреннюю политику, подобно тому какъ различные фазисы этихъ попытокъ уже сильно вліяли на коммиссію тридцати. Что это за коммиссія? Мнѣ кажется, что я уже говорилъ вамъ о ней въ моемъ послѣднемъ письмѣ, но на тотъ случай, еслибы я упустилъ это, изложу факты въ двухъ словахъ. Тьеръ, въ своемъ послѣднемъ посланіи, заявилъ о необходимости, не то чтобы провозглашать республику—это представляется ему совершенно лишнимъ, но организовать ее. Вслѣдствіе этого правая вознегодовала и добилась назначенія коммиссіи, которая бы изыскала средство отвѣчать на посланіе Тьера, показавшееся ей нарушеніемъ бордоскаго договора. Эта первая коммиссія изобличала Тьера въ союзѣ съ лѣвой и предлагала организовать вопросъ объ отвѣтственности министровъ, какъ единственное средство обуздать узурпаціи президента республики. Итакъ, правительство очутилось, благодаря посланію, въ открытой враждѣ съ правой и правымъ центромъ. Совсѣмъ тѣмъ оно одержало побѣду въ преніяхъ, возбудившихся на счетъ выводовъ коммиссіи, благодаря поддержкѣ радикаловъ и вынудило собраніе опредѣлить, что вопросъ не въ одной только отвѣтственности министровъ, какъ того желала бы правая, но и въ организаціи правительства вообще, какъ на то указывало посланіе.

Новая коммиссія, составленная изъ тридцати членовъ, должна была выработать предложенія, которыя необходимо было представить собранію съ этою цѣлью. Къ несчастію, большинство, обезпечившее побѣду за Тьеромъ, было численно слабо и состояло изъ сомнительныхъ элементовъ, такъ что правая, болѣе сплоченная, вернула всѣ свои преимущества, когда дѣло зашло о томъ, чтобы назначить членовъ коммиссіи и такимъ образомъ противники правительства оказались въ значительномъ большинствѣ въ этой новой коммиссіи, учрежденной по предложенію правительства. Вотъ та знаменитая коммиссія тридцати, которая заставила такъ много говорить о себѣ и которая такъ раздражала и волновала общественное мнѣніе въ послѣд-

ніе два мѣсяца. Но понять ея поведеніе можетъ только тотъ, кто знаетъ, что она преслѣдовала явную цѣль въ то самое время, какъ лелѣяла тайную мечту. Явная цѣль заключалась въ томъ, чтобы ограничить, насколько возможно, полномочія и власть Тьера и обезпечить за правой управленіе будущими всеобщими выборами, посредствомъ энергическаго министерства, набраннаго изъ членовъ правой. Тайной же мечтой было покончить немедленно и окончательно съ президентомъ и республикой и провозгласить монархію, не взирая ни на какія послѣдствія. Въ этой интригѣ участвовали епископъ орлеанскій, самъ папа и даже представитель одной изъ великихъ иностранныхъ державъ, которая, однако, и не Россія, не Германія, и не Англія. Когда, пуская въ ходъ всѣ эти пружины, они считали себя близкими къ цѣли,—тогда они заявляли совсѣмъ невозможныя претензіи въ коммиссіи, для того, чтобы раздражить Тьера и вынудить его опять заговорить о своей отставкѣ, которая на этотъ разъ была бы принята ими. Напротивъ того, они замѣтно смягчались и высказывали нѣкоторое стремленіе къ соглашенію, когда дѣла сліянія шли не такъ хорошо. Отсюда въ публикѣ всякаго рода волненія, тревоги, переходы отъ опасенія къ надеждѣ, которые, наконецъ, совсѣмъ возстановили общественное мнѣніе противъ коммиссіи тридцати и противъ правой вообще. Но когда сліяніе оказалось рѣшительно невозможнымъ, тогда внезапно порвалась связь между легитимистами и орлеанистами, и роялистское большинство коммиссіи распалось.

Вотъ великое событіе послѣднихъ дней. Легитимисты, въ силу категорическихъ приказаній графа Шамбора, не могли высказать уступчивости по отношенію къ правительству; но орлеанисты, болѣе свободные въ своихъ дѣйствіяхъ, раздраженные противъ своихъ вчерашнихъ союзниковъ, платившихъ имъ тѣмъ же самымъ, сознавая непопулярность, навлеченную ими на себя, и желая, насколько возможно, загладить ее, чтобы обезпечить свое вторичное избраніе, рѣзко повернули на сторону Тьера и очутились внезапно союзниками лѣвой и лѣваго центра въ коммиссіи. Изъ этого *coup de théâtre* произошелъ компромиссъ, который въ сущности очень выгоденъ для Тьера и для республики. Вѣроятно, этотъ компромиссъ будетъ ратификованъ собраніемъ, за исключеніемъ легитимистовъ и нѣсколькихъ радикаловъ, и обезпечитъ, быть можетъ, намъ нѣсколько мѣсяцевъ спокойствія. А это много при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся.

Тьеръ высказалъ, въ продолженіе всего этого кризиса, терпѣніе и ловкость, которыми нельзя не восхищаться. Онъ удивительно маневрировалъ, поддерживая довѣріе лѣвой, безъ которой не могъ обой-

тись, и между тѣмъ относясь къ правой настолько уступчиво, чтобы оставить за собою всю заслугу умѣренности и миролюбія, а главное, предоставляя своимъ противникамъ истощать свои силы въ ожесточенной борьбѣ. Я продолжаю думать, что онъ могъ бы достичь своихъ цѣлей быстрѣе и проще, предъявивъ собранію законопроекты, которые считаетъ необходимыми для организаціи республики, остерегаясь, однако, включить въ число этихъ проектовъ избирательную реформу, ограничивающую всеобщую подачу голосовъ, которая, къ несчастію, принадлежитъ къ числу его *idées fixes*. Но необходимо принимать людей такими, каковы они есть. Тьеръ не любитъ открытой борьбы; онъ любитъ хитрить и мудрить, и я долженъ сознаться, что успѣхъ оправдалъ его, въ особенности если онъ имѣлъ въ виду—въ чемъ я не сомнѣваюсь—что монархисты окончательно дискредитируютъ себя въ этомъ *imbroglio*. Компромиссъ, посредствомъ котораго ему удалось примириться съ правымъ центромъ, не поссорясь съ лѣвой, нѣсколько ограничиваетъ его личныя дѣйствія, но болѣе по формѣ. Онъ долженъ будетъ, когда пожелаетъ принять участіе въ парламентскихъ преніяхъ, предупредить объ этомъ собраніе особымъ посланіемъ. Это сдѣлаетъ его вмѣшательство болѣе рѣдкимъ и торжественнымъ, но никакой регламентъ не можетъ помѣшать ему пригрозить своей отставкой,—что было до сихъ поръ его крайнимъ средствомъ и остается до тѣхъ поръ, пока собранію некѣмъ будетъ его замѣнить. Кромѣ того, онъ выгадываетъ право запретительнаго *veto*, правда весьма ограниченнаго, но которое тѣмъ не менѣе усилитъ его вліяніе. Наконецъ, онъ категорически приглашенъ представить законы, признанные необходимыми для организаціи, хотя бы предварительной, нашихъ политическихъ учрежденій, то-есть, законъ, регулирующій передачу законодательной и исполнительной власти, законъ, учреждающій вторую палату и избирательный законъ. Президентъ, слѣдовательно, вышелъ побѣдителемъ изъ столкновенія, при которомъ правая поставила-было себѣ задачей или низвергнуть его или совсѣмъ обезличить. Быть можетъ даже онъ находитъ свою побѣду слишкомъ полною. Я полагаю въ самомъ дѣлѣ, что онъ охотно обошелся бы безъ прерогативы лично представить законопроекты, о которыхъ идетъ рѣчь, и ему пріятнѣе было бы, еслибы ихъ предложила та или другая парламентская партія. Въ самомъ дѣлѣ, ему трудно будетъ выступить на почвѣ конституціоннаго законодательства, не поссорившись съ той или другой партіей и въ особенности не рискуя скомпрометтировать свой союзъ съ лѣвой. Вотъ почему я сказалъ выше, что настоящій компромиссъ обезпечиваетъ намъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ спокойствія. Кризисъ возобновится, и съ новой силой, когда законопроекты будутъ представлены. Первый,

касающійся передачи общественной власти послѣ распущенія собранія, и согласно всеобщему мнѣнію, предполагаетъ продленіе полномочія президента, врядъ ли возбудитъ какія-либо затрудненія. Легитимисты, конечно, будутъ противъ, но всѣ остальные члены собранія окажутся за него. Самые ярые радикалы окажутъ эту любезность Тьеру, подразумѣвая конечно при этомъ, что они будутъ распоряжаться по-своему въ будущемъ собраніи, гдѣ они мечтаютъ имѣть большинство на своей сторонѣ. Но система второй палаты, которую президентъ считаетъ необходимой, съ трудомъ будетъ допущена лѣвой. Что же касается избирательной реформы, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаетъ Тьеръ, то ни лѣвая, ни лѣвый центръ не захотятъ и слышать о ней. И нельзя сказать, чтобы они были неправы. Наша система всеобщей подачи голосовъ, конечно, имѣетъ свои худыя и даже опасныя стороны, но какъ бы ни была желательна ея реформа, все же неудобство и опасности, связанныя съ ней, превышаютъ ея выгоды. Сама правая, которая на этомъ пунктѣ раздѣляетъ мнѣнія Тьера, понимаетъ, что подобное предпріятіе весьма рискованно, и конечно рада предоставить президенту республики иниціативу въ такомъ непопулярномъ дѣлѣ. Слѣдовательно, насъ ждутъ еще жаркіе дни, когда приступятъ къ обсужденію этихъ болѣе или менѣе конституціонныхъ законовъ. Тьеру придется опираться попеременно то на ту, то на другую сторону, и весьма возможно, что при окончаніи борьбы онъ предстанетъ совсѣмъ одинокимъ. Правда и то, что въ этотъ моментъ собраніе будетъ наканунѣ своего распущенія и не особенно вліятельно.

Никто, дѣйствительно, не допускаетъ, чтобы оно могло пережить освобожденіе территоріи, и самъ президентъ поспѣшитъ вызвать распущеніе немедленно по уходѣ нѣмцевъ, дабы имѣть возможность произвести выборы подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ этого великаго и счастливаго событія. Между тѣмъ, минута освобожденія близка, и тѣмъ желательнѣе правительству скорѣе выработать законы, которые оно должно внести въ собраніе. Взносы по трехмильярдному займу дѣлаются все съ той же удивительной точностью и готовностью. Нѣмцы начинаютъ готовиться къ выступленію, и повидимому расположены дать всевозможныя льготы для послѣднихъ уплатъ, при томъ условіи, конечно, чтобы не рискнуть ни одной изъ своихъ гарантій. Въ настоящее время надѣются, что не позже будущей осени наступитъ конецъ оккупаціи; нѣкоторые указываютъ уже на болѣе близкій срокъ, но я полагаю, что они ошибаются.

Я всегда говорилъ вамъ, что Бисмаркъ и самъ императоръ Вильгельмъ чувствуютъ маленькую слабость къ Тьеру, и даже быть мо-

жетъ къ самой французской республикѣ. Угадать причину этой слабости, какъ мнѣ кажется, вовсе нетрудно, даже независимо отъ той личной симпатіи, которая внушается въ Пруссіи нашимъ президентомъ. Съ одной стороны, нѣмецкое правительство, хотя ему и приходится считаться съ революціонными элементами, полагаетъ, что ему нѣчего опасаться заразы республиканскихъ идей. Съ другой стороны, оно убѣждено, и не безъ основанія, что республикѣ долго еще придется улаживать свои внутреннія дѣла, и что, поэтому, она не станетъ затѣвать внѣшней войны. Люди отсталые, пропитанные воспоминаніями о священномъ союзѣ, выражали опасеніе, какъ-бы провозглашеніе республики въ Испаніи не отразилось неблагопріятно на нашихъ дѣлахъ вслѣдствіе того, что въ Европѣ, а главное въ Германіи пожалуй проснутся монархическія опасенія. Говорятъ даже, будто самъ Тьеръ ощутилъ нѣкоторую тревогу на счетъ нашихъ отношеній съ Берлиномъ, когда пришло первое извѣстіе о провозглашеніи республики въ Испаніи. Но говорятъ также, что въ настоящую минуту онъ вполнѣ успокоился на этотъ счетъ. Въ настоящее время Европа, какъ мнѣ кажется, отнюдь не расположена пугаться республики, какъ какого-нибудь зловѣщаго призрака, тѣмъ болѣе, что никто почти не вѣритъ въ прочность республиканскаго порядка даже во Франціи, не говоря уже объ Испаніи. Итакъ, мы можемъ успокоиться. Нашему внутреннему переустройству не помѣшаетъ никакое чужеземное вмѣшательство. Но когда я подумаю, какъ мало сдѣлано въ послѣдніе два года, когда я погляжу, какъ упорно соритъ рутина, и какой вялостью, какимъ отсутствіемъ энергіи страдаютъ наши реформы, то невольно прихожу въ отчаяніе. Въ дѣлѣ реформъ національное собраніе, то собраніе, конецъ котораго приближается, почти ничего не съумѣло сдѣлать. Оно потратило бо́льшую часть своего времени на безплодныя пререканія. Ничего нельзя представить себѣ плачевнѣе этихъ продолжительныхъ слѣдствій и яростныхъ дебатовъ о революціи 4-го сентября и о томъ, какъ Гамбетта съ друзьями велъ войну противъ нѣмцевъ. Все это, чему мы имѣли недавно печальный образчикъ въ слѣдствіи, произведенномъ надъ ліонской администраціей, ни къ чему ровно не ведетъ и только сильнѣе возстановляетъ одну партію противъ другой. Во время бурныхъ преній по поводу администраціи Шаллемель-Лакура въ Ліонѣ, дѣло доходило чуть не до драки. По поводу этихъ несчастныхъ сценъ замѣчается одно любопытное явленіе. Публика оплакиваетъ ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ ихъ. Всѣ признаютъ, что собраніе дискредитируетъ себя этими рѣзкостями, порицаютъ его за то, что оно такъ часто увлекается ими, но въ то же самое время и интересуются этого рода преніями, какъ какимъ-нибудь любопытнымъ зрѣлищемъ, я чуть-

было не сказалъ, боемъ быковъ. Когда предвидится какое-нибудь особенно бурное, особенно скандалёзное засѣданіе, тогда-то именно публика и ломится въ двери и зачастую словами и жестами участвуетъ въ расходившейся бурѣ. Когда же дѣло коснется какихъ-нибудь даже интересныхъ преній, но такихъ, гдѣ нельзя ожидать, чтобы правая сцѣпилась съ лѣвой, тогда трибуны на-половину пусты, и публика вялая и сонная. Даже самыя разумныя газеты зачастую констатируютъ въ подобныхъ случаяхъ, какъ-бы съ сожалѣніемъ, что „засѣданіе національнаго собранія не представляло ничего особеннаго“.

Собраніе въ началѣ выказывало благія и обширныя реформаторскія стремленія. Всѣ приводили примѣръ Пруссіи послѣ Іены. Всѣ обѣщались поступить точно также, и имена знаменитыхъ прусскихъ реформаторовъ, какъ Штейнъ, Гумбольдтъ, Шарнгорстъ произносились съ почтеніемъ, не взирая на національную вражду къ пруссакамъ. Но словно злой геній какой-то разрушилъ всѣ эти прекрасныя стремленія. Законъ объ обязательномъ обученіи будетъ вѣроятно схороненъ до будущаго собранія. Принципъ всеобщей обязательной воинской повинности, уже въ значительной степени ослабленный собраніемъ, рискуетъ стать совсѣмъ посмѣшищемъ, благодаря тому, какъ Тьеръ его примѣняетъ. Этого впрочемъ и слѣдовало ожидать, потому что онъ никогда не скрывалъ, что принимая принципъ всеобщей обязательной воинской повинности уступаетъ несчастному предразсудку. Для него французская армія, въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала при Луи-Филиппѣ, все еще является „первой арміей въ мірѣ“, равно какъ экономическіе и торговые порядки, существовавшіе во время іюльской монархіи, представляются верхомъ совершенства. Однако на этомъ послѣднемъ пунктѣ онъ вынесъ довольно жестокій урокъ, такъ какъ финансовая система, навязанная имъ собранію, обманула его во многихъ отношеніяхъ.

Въ военномъ вопросѣ главная отвѣтственность падаетъ на правительство, потому что собраніе было хорошо настроено. Но по другимъ вопросамъ само собраніе страдаетъ какимъ-то хроническимъ безплодіемъ и пагубной небрежностью. Такъ, напримѣръ, оно поставило принципомъ, что необходимо произвести существенныя реформы въ административномъ порядкѣ, дать больше простора частной иниціативѣ, сократить число чиновниковъ, назначить имъ болѣе крупное содержаніе и требовать отъ нихъ болѣе упорнаго труда. Съ этой цѣлью назначена была особая коммиссія, но до сихъ поръ результаты, къ которымъ она пришла, совсѣмъ ничтожны.

Но если политическое состояніе во Франціи далеко неудовлетворительно, то состояніе литературы еще неудовлетворительнѣе, и

послѣдняя ничего не дала замѣчательнаго за послѣднее время. А если мы обратимся къ театру, то очутимся лицомъ къ лицу съ чудовищнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, произведеніемъ Александра Дюма-сына: „*La femme de Claude*". Послѣднія произведенія этого писателя уже показывали, что онъ выступилъ на весьма скользскую дорогу. Въ настоящую минуту онъ совсѣмъ упалъ и врядъ-ли когда возстанетъ, потому что въ немъ нѣтъ никакихъ элементовъ для обновленія. У него можно похвалить только одни намѣренія, которыя превосходны. Дюма-сынъ забралъ себѣ въ голову обновить, путемъ сцены, семейство и общество, пріободрить и закалить отечество. Онъ желаетъ сдѣлать изъ театра трибуну нравственности и патріотизма. Это намѣреніе, въ томъ видѣ какъ онъ его понимаетъ, уже само по себѣ является заблужденіемъ, потому что общественное вліяніе театра зависитъ не отъ сюжетовъ, которые для него избираются, не отъ нравственныхъ правилъ, которыя на немъ проповѣдуются; это вліяніе обусловливается ощущеніями болѣе или менѣе здоровыми, которыя онъ вызываетъ. Одинъ и тотъ же сюжетъ можетъ возвысить или унизить душу, подкрѣпить или ослабить ее, смотря по тому, какъ онъ трактуется и, главное, смотря по тому духу, который вкладываетъ въ него писатель. Нѣтъ ничего возвышеннѣе и нравственнѣе греческаго театра, не взирая на всѣ ужасы, которые онъ изображаетъ. Но Дюма желаетъ привить нравственность публикѣ посредствомъ прямого поученія, а такъ какъ онъ самъ въ дѣлѣ нравственности знаетъ лишь то, чему научился въ полу-свѣтѣ, а затѣмъ въ средѣ спиритовъ-шарлатановъ, въ общество которыхъ онъ попалъ,—то понятно, что онъ приходитъ къ весьма дикимъ выводамъ. Въ то же самое время онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ умовъ, которыхъ слишкомъ много развелось теперь и которые совсѣмъ помутились отъ общественныхъ бѣдствій и ударясь въ вѣру въ чудесное, принялись мечтать о разныхъ чрезвычайныхъ открытіяхъ, которыя дадутъ Франціи возможность отмстить за себя безъ всякихъ усилій и безъ всякаго риску. Отсюда явилась мысль о необыкновенной и невозможной пушкѣ, которая должна сокрушать цѣлыя арміи, и которая, по правдѣ сказать, и является настоящимъ героемъ новой пьесы, вокругъ котораго вращаются всѣ остальныя дѣйствующія лица. Мнѣ кажется, что возмездіе, которое достигается путемъ такихъ волшебствъ, не требуетъ особенныхъ добродѣтелей и даже не принесетъ особой славы.

Какъ бы то ни было, а изобрѣтателемъ такой пушки является одинъ молодой инженеръ, мужъ потерянной, виновной, преступной во всѣхъ отношеніяхъ женщины, съ которой онъ давно бы разстался, еслибы отличался тѣмъ чувствомъ собственнаго достоинства,

которое обыкновенно характеризуетъ порядочныхъ людей. Но Клодъ не можетъ назваться порядочнымъ человѣкомъ въ обыкновенномъ смыслѣ, у него особый взглядъ на вещи; поэтому онъ не прогоняетъ своей жены и, замѣтьте, не въ силу христіанскаго милосердія, не въ надеждѣ, что она раскается и возродится; нѣтъ, онъ считаетъ ее неисправимой, но паритъ на такой высотѣ, носится въ такихъ возвышенныхъ сферахъ, что ненавистное сообщество жены сдѣлалось для него индифферентнымъ. Мало того; онъ не только не прогоняетъ своей жены, но допускаетъ, чтобы его ученикъ, котораго онъ нѣжно любитъ и который тоже изобрѣлъ какое-то чудесное ружье, подвергался обольщеніямъ этой Мессалины. Онъ воображаетъ, что достаточно оградилъ юношу, когда прочиталъ ему нѣсколько нотацій, пропитанныхъ трансцендентальной нравственностью. Вотъ какого невозможнаго и отвратительнаго господина предлагаетъ г. Дюма́ своимъ современникамъ за образецъ. Правда, еслибы Клодъ послѣдовалъ естественному и честному движенію и разстался съ своей женой, то пьесы бы не существовало, потому что именно жена Клода подвергаетъ опасности драгоцѣнную пушку. Вы понимаете, что изобрѣтеніе такого удивительнаго орудія не могло укрыться отъ пруссаковъ, которые спѣшатъ отрядить шпіона къ Клоду съ порученіемъ завладѣть его секретомъ во что бы то ни стало. Но театральная цензура потребовала, чтобы этотъ шпіонъ, національность котораго, впрочемъ, не обозначена, говорилъ съ провансальскимъ акцентомъ, дабы обойти всякіе намёки и не дать повода нѣмцамъ обидѣться. Итакъ, провансальскій нотаріусъ является сначала къ Клоду, и подъ видомъ патріотизма выказываетъ чрезвычайный интересъ къ его изобрѣтенію. Но Клодъ не желаетъ разставаться съ своимъ секретомъ, хотя уже сообщилъ его своему ученику, зная, что этому послѣднему разставляетъ сѣти его жена. Тогда нотаріусъ обращается къ женѣ, сосредоточиваетъ на ней всѣ ухищренія прусскаго шпіонства и пустивъ въ ходъ всевозможныя угрозы и обѣщанія, вырываетъ у нея согласіе предать тайну мужа. Но какъ достигнетъ она этого? Черезъ влюбленнаго ученика, котораго она очаровываетъ, сводитъ съ ума и у котораго частію обольщеніемъ, частію хитростью выманиваетъ бумаги, содержащія описаніе чудеснаго орудія. Но въ ту самую минуту, какъ она бросаетъ эти бумаги провансальскому нотаріусу, приходитъ мужъ, беретъ ружье, прицѣливается, убиваетъ ее и флегматически говоритъ своему ученику: „идемъ работать“. На этомъ занавѣсъ опускается.

Я не говорилъ объ одной еврейской четѣ, братѣ и сестрѣ, которая проходитъ черезъ все дѣйствіе, не принимая въ немъ никакого участія и которая выставлена лишь затѣмъ, чтобы изобра-

жать собою элементъ нравственный, спиритуалистическій и ангельскій въ противоположность адской натурѣ жены Клода. Братъ задался идеей собрать гдѣ-нибудь въ пустынѣ двѣнадцать колѣнъ израильскихъ и возсоздать изъ нихъ націю. По всей вѣроятности, это нѣчто въ родѣ притчи, но чрезвычайно странной и изысканной, предназначенной для поученія Франціи, примѣръ національной живучести, которому слѣдуетъ подражать. Совсѣмъ тѣмъ, я говорю это лишь въ видѣ предположенія, публика вообще ничего въ ней не поняла. Сестра любитъ Клода и говоритъ ему объ этомъ, но она любитъ его метафизической и трансцендентальной любовью и обѣщаетъ принадлежать ему на томъ свѣтѣ, когда они будутъ въ раю, а м-мъ Клодъ въ аду.

Вотъ драматическая сказка, придуманная Дюмà для нашего назиданія и нашего обновленія. Она за-одно и вздорна и ничтожна, даже возмутительна, благодаря деталямъ, надъ которыми у меня нѣтъ ни времени, ни охоты останавливаться. Хотя главная и почти невозможная роль преступной жены была съиграна съ большимъ талантомъ и даже съ избыткомъ реализма m-lle Деклé, но пьеса не могла продержаться на афишѣ театра Gymnase. Она едва-едва выдержала какихъ-нибудь двадцать представленій, что совсѣмъ мало для Парижа, послѣ чего театру пришлось отъ нея отказаться. На этотъ разъ публика выказала здравый смыслъ и вкусъ. Она открыто свергла иго Дюмà, и это по всей вѣроятности не стоило ей особенныхъ усилій, потому что пьеса, которою ее угостили, по-истинѣ нестерпима. Съ самаго перваго представленія, и хотя на подобнаго рода торжествахъ друзья автора бываютъ сильны своей численностью, можно было видѣть, что на этотъ разъ дѣло Дюмà проиграно. Нѣсколько ультра-патріотическихъ тирадъ были покрыты рукоплесканіями, но онѣ не могли спасти цѣлаго, ни обезпечить дальнѣйшаго существованія пьесы.

Я отмѣчаю это паденіе, какъ счастливый симптомъ, но былъ бы гораздо довольнѣе, еслибы могъ упомянуть о какомъ-нибудь заслуженномъ успѣхѣ. Но ничего не усматриваю на горизонтѣ. Наша цензура, вѣжливая относительно всѣхъ иностранныхъ державъ, задерживаетъ комедію Сарду, которая должна представлять сатиру на американскіе нравы. Но вообще театры продолжаютъ пробавляться различными пошлостями и старыми вещами, которыя возобновляются время отъ времени. Французскій театръ возобновилъ одну ихъ первыхъ драмъ Виктора Гюгó, *Marion Delorme*, которая поставлена очень тщательно и великолѣпно. По литературнымъ достоинствамъ, эта пьеса выше всего, что пишется въ настоящее время. Но публика, отдавая полную справедливость великимъ поэтическимъ красотамъ этого произведенія, не выказала особеннаго восторга. Драматическое

дѣйствіе показалось слишкомъ слабымъ, а историческія нелѣпости слишкомъ очевидными. Труппа французскаго театра, превосходная, не выказывала ни малѣйшаго энтузіазма.

Н.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Пьеръ-Жозефъ Прудонъ, по его письмамъ.

P. J. Proudhon—Sa vie et sa correspondance 1838—1848. Par C. A. *Sainte-Beuve*, de l'Académie française. Paris, Michel Lévy frère, 1872. (Прудонъ, его жизнь и переписка въ 1838—1848. Соч. *Сентъ-Бёва*, члена французской Академіи).

Книга Сентъ-Бёва — сочиненіе неоконченное, но это нисколько не мѣшаетъ ей дать читателю весьма полное понятіе о Прудонѣ, какъ о человѣкѣ, писателѣ и политическомъ дѣятелѣ своего времени. Она изобилуетъ самыми интимными и крайне интересными фактами изъ разныхъ періодовъ жизни этого человѣка, замѣчательнаго своимъ умомъ и талантами, имя котораго было одно время пугаломъ для всѣхъ партій во Франціи и продолжаетъ еще пугать наивныхъ публицистовъ въ другихъ странахъ. И нельзя не согласиться какъ съ этими трусливыми публицистами, такъ и съ эгоистическими опасеніями всѣхъ тогдашнихъ партій во Франціи. Прудонъ былъ очень страшный человѣкъ... своею откровенною и энергическою фразою, но никакъ не сущностью своихъ политическихъ стремленій и требованій.

Въ сочиненіи Сентъ-Бёва Прудонъ является передъ нами лишь въ своей перепискѣ съ равными людьми, съ которыми онъ находился въ дружбѣ или какихъ-нибудь иныхъ сношеніяхъ. Тѣ же идеи и проекты, о которыхъ онъ бесѣдовалъ съ публикою въ своихъ многочисленныхъ брошюрахъ, разбираются и излагаются и здѣсь, въ его перепискѣ, но такъ какъ въ частной перепискѣ Прудонъ былъ занятъ главнымъ образомъ изложеніемъ и разъясненіемъ своего предмета лицамъ, ему сочувствующимъ, то тонъ изложенія въ нихъ совсѣмъ не тотъ, который преобладаетъ въ его печатныхъ сочиненіяхъ: въ его письмахъ нѣтъ ни желчи, ни личнаго раздраженія противъ той или другой партіи, нѣтъ нападенія на личности, нѣтъ стремленія бросить въ публику какую-нибудь рѣзкую фразу, какое-нибудь „красное словцо", которое отдѣльно отъ остальнаго текста можетъ быть истолковано на разные лады. Здѣсь, въ письмахъ, вы имѣете передъ

собою настоящаго Прудона — такого, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ,—передъ вами человѣкъ, который самъ увѣренъ, что въ немъ живетъ и развивается идея, долженствующая рѣшить навсегда всѣ затрудненія нынѣшнихъ общественныхъ отношеній между бѣдными и богатыми классами, и который старается объяснить вамъ эту идею, имъ самимъ недоговоренную или недостаточно ясно изложенную въ его сочиненіяхъ; въ этихъ письмахъ, наконецъ, онъ откровенно сознаетъ недоконченность своего идеала, недостатки своей полемики, несовершенство своихъ знаній и свѣдѣній о разныхъ предметахъ,—однимъ словомъ, Прудонъ весь передъ вами, со всѣми его погрѣшностями и слабостями. Его печатныя сочиненія недостаточно характеризуютъ авторскую личность, и только при помощи его переписки можно получить довольно ясное понятіе о томъ, какими побужденіями руководился Прудонъ въ своей общественной дѣятельности. Вотъ почему нельзя не согласиться съ Сентъ-Бёвомъ въ томъ, что „въ будущемъ переписка Прудона станетъ его капитальнымъ трудомъ, а бóльшая часть его сочиненій будутъ лишь пособіями и добавленіями къ перепискѣ". Въ самомъ дѣлѣ, съ научной точки зрѣнія сочиненія Прудона малозначительны; они важны лишь для изученія самого Прудона и его эпохи, но эта важность становится очевидною только при свѣтѣ Прудоновой переписки: „въ его письмахъ—говоритъ Сентъ-Бёвъ—исторія его духа: въ нихъ слѣдуетъ искать ее".

Въ письмахъ иныхъ знаменитостей можно замѣтить желаніе писавшаго блеснуть чѣмъ-нибудь не передъ тѣмъ лицомъ только, къ кому знаменитость пишетъ, но передъ всѣми, съ кѣмъ это лицо имѣетъ связи или сношенія, и даже передъ потомствомъ. Прудонъ дѣйствуетъ совсѣмъ иначе. Когда онъ пишетъ, онъ думаетъ только о томъ, о чемъ онъ пишетъ, и о лицѣ, къ которому онъ обращается. Какъ человѣку, старавшемуся пропагандировать свои убѣжденія, писать ему не надоѣдало, чужіе вопросы не наскучали ему. Разъ увѣрившись въ томъ, что вы спрашиваете его не изъ празднаго любопытства, но изъ любви къ истинѣ, Прудонъ тотчасъ отвѣчаетъ вамъ и разбираетъ всѣ ваши возраженія. „Кто бы ни былъ вопрошающій, Прудонъ всегда готовъ отвѣчать ему; онъ бросаетъ страницу сочиняемой имъ книги и тѣмъ же самымъ перомъ пишетъ вамъ письмо, и это нисколько не возмущаетъ его, не разсѣеваетъ: это человѣкъ общественный, преданный пропагандѣ своей идеи во всякой формѣ, и лучшею формою для него является всегда настоящая, послѣдняя. Самый почеркъ его полный, ровный, четкій, даже въ томительныхъ мѣстахъ не обнаруживаетъ никакой торопливости, никакого желанія поскорѣе кончить. Каждая строка выходитъ у него точною: ничто не предоставлено на авось; знаки препинанія, весьма вѣрно, съ нѣ-

которою твердостью и четко поставленные, указываютъ въ точности и съ оттѣнками всѣ звенья его мышленія". Пока онъ пишетъ, онъ весь вашъ, весь за своимъ и вашимъ дѣломъ. Всѣ его письма, которыя были въ рукахъ Сентъ-Бёва, серьёзны; ни въ одномъ не было ничего пошлаго. „Но въ то же самое время онъ не кокетничаетъ и не поддѣлывается въ своихъ письмахъ; онъ не *дѣлаетъ* ихъ, не ретушируетъ, онъ даже не даетъ себѣ времени перечитывать ихъ; передъ нами первый набросъ отличный и точный, прямо изъ источника, и не изъ чего другого. Новые доводы, которые онъ находитъ по дорогѣ въ пользу своихъ идей, и вызываемые возраженіями, пріятно изумляютъ васъ и бросаютъ такой свѣтъ, котораго вы напрасно стали бы искать въ его сочиненіяхъ: его переписка тѣмъ именно отличается отъ его книгъ, что она не возбуждаетъ въ васъ тревожныхъ недоразумѣній, но приближаетъ васъ къ сердцу человѣка, объясняетъ вамъ его и оставляетъ васъ подъ впечатлѣніемъ нравственнаго уваженія и даже умственной безопасности. Въ нихъ чувствуется правда" (стр. 274—278).

Таковы именно тѣ письма Прудона, которыя послужили Сентъ-Бёву главнымъ матеріаломъ для его біографіи. Все это сочиненіе, въ 350 страницъ, наполнено письмами Прудона, изъ которыхъ читатель легко можетъ убѣдиться въ справедливости оцѣнки Сентъ-Бёва. Работа Сентъ-Бёва, тоже литератора и критика весьма талантливаго, состояла главнымъ образомъ въ распредѣленіи ихъ и нѣкоторыхъ мелкихъ поясненіяхъ; кромѣ того, Сентъ-Бёвъ кое-гдѣ позволялъ себѣ спорить съ Прудономъ и входить въ нѣкоторыя соображенія, нелишенныя интереса. Изложеніе Сентъ-Бёва, конечно, мастерское. Къ сожалѣнію, оно доводитъ біографію Прудона лишь до 1848-го года; затѣмъ помѣщено еще одно письмо, которое объясняетъ дѣятельность Прудона во время революціи 1848-го года, письмо это помѣчено 1854-мъ годомъ, и затѣмъ еще нѣсколько отрывковъ изъ переписки съ нѣкоторыми пріятелями, которые объясняютъ очень мало, да нѣсколько весьма важныхъ писемъ къ принцу Наполеону; письмо 1854-го года подверглось уже обработкѣ Сентъ-Бёва, а переписка съ пріятелями и принцемъ Наполеономъ приложены къ сочиненію, какъ матеріалъ, въ сыромъ видѣ. Но такъ какъ сама жизнь и дѣятельность Прудона во времена второй имперіи были посвящены исключительно литературѣ и имѣли относительно слабое вліяніе на французское общество, да и къ славѣ Прудона прибавили очень мало, то едва-ли вторая часть біографіи Сентъ-Бёва могла пролить какой-нибудь иной свѣтъ на личность Прудона, а не тотъ же самый, который мы находимъ въ этой книгѣ. О послѣ-революціонной дѣятельности Прудона сказать можно очень немногое, если не вда-

ваться въ критику его сочиненій, чего не дѣлаетъ Сентъ-Вёвъ. И дѣйствительно, друзья покойнаго біографа увѣряютъ, что Сентъ-Бёвъ считалъ уже свою біографію оконченною, и намѣревался въ другой книгѣ пуститься лишь въ литературную критику Прудоновыхъ сочиненій. Конечно, мы получили бы такимъ образомъ еще одинъ интересный томъ о Прудонѣ, но къ характеристикѣ личности этого замѣчательнаго писателя новый томъ прибавилъ бы мало.

Между тѣмъ, въ Прудонѣ самый главный интересъ представляетъ именно его личность, такъ какъ въ его литературной дѣятельности есть много такого, что заслуживаетъ серьёзнаго вниманія всѣхъ писателей вообще, для которыхъ, въ ихъ литературной и общественной дѣятельности, дорого нравственное достоинство собственной личности,—и весьма мало того, чѣмъ бы дорожила современная наука.

Прудонъ, хотя постоянно напиралъ на научное и философское достоинство своихъ сочиненій, не былъ ни философомъ, ни ученымъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ;—это былъ боецъ-литераторъ, вѣрный и безкорыстно преданный своимъ убѣжденіямъ даннаго періода своего умственнаго развитія. Онъ вліялъ на общество не научною силою своихъ сочиненій, а бойкою логикою своихъ оригинальныхъ измышленій, зрѣвшихъ подъ тревогами и импульсами окружавшей его жизни;—мѣнялись формы этой жизни, мѣнялись и предметы Прудоновыхъ нападеній. Когда, въ 1863 году, одинъ изъ его корреспондентовъ замѣтилъ ему, что его новая книга „О войнѣ и мирѣ“ говоритъ о войнѣ совсѣмъ не то, что говорили его другія сочиненія, Прудонъ прямо отвѣчаетъ, что человѣкъ не можетъ постоянно твердить одно и то же самое: „я—говоритъ онъ—презираю такого автора, который претендовалъ бы, на разстояніи 25 лѣтъ, оставаться тождественнымъ самому себѣ и однороднымъ съ своею собственною мыслью. Эта манера позировать передъ читателемъ мнѣ ненавистна, и въ ней выражается только ложь и надменность. Мы всѣ способны ошибаться, и намъ пора смиренно признаться въ этомъ. Истина одна, но она дается намъ отрывочно, подъ многоразличными углами; нашъ долгъ—выражать ее такою, какою она намъ представляется, все равно если бы мы при этомъ дѣйствительно или только повидимому противорѣчили самимъ себѣ... *Истина*—результатъ долгихъ работъ, у нея много сторонъ, часто она какъ будто себѣ противорѣчитъ;—вотъ почему, когда мы желаемъ постоянно быть съ нею въ ладу, мы скорѣе извращаемъ ее, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда мы просто (bonnement) говоримъ каждый день и о каждой вещи то, что мы думаемъ, и то, что мы видимъ. Вотъ почему я не питаю ни малѣйшей ненависти къ автору, склонному себѣ противорѣчить, если только онъ противорѣчитъ искренно, а не изъ упрямства, и вотъ

почему также я такъ мало безпокоюсь о противорѣчіяхъ, кажущихся только или дѣйствительныхъ, которыя могутъ попадаться въ моихъ разныхъ сочиненіяхъ. Человѣческое общество, нравственный міръ—это безконечный калейдоскопъ. Какъ же можно требовать отъ меня, чтобы я всегда оставался логичнымъ, послѣдовательнымъ, однороднымъ съ самимъ собою? Это невозможно" (стр. 277).

Весь этотъ отрывокъ изъ Прудонова письма ясно говоритъ, что авторъ его не отличался серьёзнымъ пониманіемъ науки и составлялъ свои убѣжденія или принципы дѣятельности не на основаніи научныхъ идей и принциповъ, такъ какъ принципы и идеи, вырабатываемыя наукою, не могутъ вести человѣка къ противорѣчіямъ въ собственной мысли. Кто придерживается науки въ опредѣленіи своего міросозерцанія, тотъ не можетъ говорить объ одномъ и томъ же предметѣ сегодня одно, а завтра совсѣмъ противоположное. Прудонъ беретъ разстояніе въ 25 лѣтъ, и мы согласны съ нимъ, что въ 25 лѣтъ человѣкъ можетъ значительно измѣнить свои мнѣнія о разныхъ предметахъ: онъ либералъ, онъ можетъ превратиться въ консерватора, или наоборотъ, но въ такомъ случаѣ мѣняется весь строй понятій, и притомъ постепенно, согласно съ тою житейскою или научною опытностью, которая пріобрѣтается человѣкомъ въ жизни. Въ Прудонѣ этого незамѣтно: какъ онъ былъ прежде человѣкомъ, защищавшимъ интересы рабочихъ классовъ, такимъ онъ остался до конца своей жизни. Онъ противорѣчилъ въ своихъ сочиненіяхъ не своими стремленіями или цѣлями, онъ не служилъ разнымъ господамъ, но онъ мѣнялъ свои мнѣнія объ очень важныхъ предметахъ, несмотря на то, что придавалъ этимъ брошеннымъ мнѣніямъ столь высокое значеніе для своихъ общественныхъ цѣлей, что осмѣливался самымъ жестокимъ образомъ порицать всѣхъ, кто не принималъ ихъ. А такія противорѣчія доказываютъ, что его образъ мыслей не имѣлъ подъ собою научной подкладки, но основывался лишь на защитѣ, во что бы то ни стало, тѣхъ или другихъ *интересовъ.* И дѣйствительно, Прудонъ самъ понималъ такимъ образомъ свою дѣятельность и свой образъ мысли въ той соціальной борьбѣ, которую онъ велъ со всѣми политическими партіями разомъ. „По-моему—пишетъ онъ къ одному изъ своихъ друзей въ 1846 г.—въ дѣлахъ политическихъ, въ практической нравственности, въ соціальной наукѣ (?), во всемъ, что касается дѣйствительной жизни и настоящаго общественнаго строя,—теоріи, не идеи только, не отвлеченія ума, но также интересы, вліянія, соглашенія, интриги, личности" (стр. 229). Какая же научная теорія можетъ подходить подъ подобное опредѣленіе! Наука только потому и драгоцѣнна своими теоріями, что онѣ составляются внѣ всякихъ интригъ, соглашеній, вліяній,

интересовъ или личностей; наука отыскиваетъ истину, а истина есть интересъ всѣхъ, и научною теоріей можетъ быть признана только такая, которая служитъ не тѣмъ или другимъ интересамъ или личностямъ, но истинѣ, то-есть, пользамъ всѣхъ людей вообще, къ какимъ бы классамъ или партіямъ они ни принадлежали.

Но у Прудона былъ свой особый интересъ, которому онъ служилъ въ продолженіи всей своей жизни и въ пользу котораго онъ жертвовалъ всѣмъ, и своимъ личнымъ благосостояніемъ, и наукою, и даже нѣкоторыми изъ убѣжденій. Этотъ интересъ является въ самомъ началѣ его дѣятельности, волнуетъ и одушевляетъ его до самой смерти. Уже въ 1838 году, когда онъ еще не начиналъ своей публицистической дѣятельности, а только пріобрѣлъ нѣкоторую поддержку въ Безансонской академіи, онъ, откровенный и наивный (несмотря на свои 29 лѣтъ), уже собирался объявить этотъ интересъ въ своемъ благодарственномъ письмѣ къ этой академіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Рожденный и воспитанный среди рабочаго класса, и преданный ему еще теперь и навсегда, своимъ сердцемъ, геніемъ, привычками, и особенно общностью интересовъ и стремленій, вашъ кандидатъ, господа, если вы подадите за него свой голосъ, сочтетъ величайшею радостью то именно обстоятельство, что ему, въ своемъ лицѣ, удалось привлечь вашу справедливую благосклонность (sollicitude) къ этой интересной части общества, столь хорошо украшенной именемъ *рабочій*, стать достойнымъ въ вашихъ глазахъ служить передъ вами первымъ ея представителемъ, и пріобрѣсть возможность трудиться съ этихъ поръ безустанно, въ философіи и наукѣ, со всею энергіей воли и всѣми способностями ума, *для полнаго освобожденія его братьевъ и сотоварищей*“ (стр. 31). Добрые люди посовѣтовали кандидату выбросить это слишкомъ откровенное заявленіе, которое могло бы лишить Прудона академической пенсіи, въ коей онъ видѣлъ единственную „возможность“ своего образованія на пользу рабочихъ классовъ. Еще сильнѣе выражается его, такъ-сказать, клятва въ пользу интересовъ рабочаго класса въ моментъ перваго успѣха передъ академіей. Въ этомъ отношеніи весьма интересно его письмо отъ 16-го сентября 1838-го года, къ его другу Аккерману:

„Дорогой Аккерманъ, ваши письма освѣжаютъ мою кровь и оживотворяютъ меня правдою и республиканскою вѣрою. Изъ всѣхъ, кого я зналъ до сихъ поръ, васъ однихъ вижу я страстно преданнымъ справедливости и добродѣтели, вы одни пылаете рвеніемъ гуманности... Есть еще, говорите вы, духъ и просвѣщеніе въ этой столицѣ (Парижѣ); а я, я все жилъ среди стада барановъ. Мнѣ заявляли тамъ свои комплименты болѣе двухсотъ лицъ; и чему больше всего радовались они, какъ вы полагаете? Тому, что я теперь

почти навѣрное, если захочу, могу обогатиться, могу получить хорошее мѣсто и доходное назначеніе,—что я могу достигнуть почестей, блестящаго поста,—могу сравняться и быть можетъ *превзойти* Жуффруа, Пулье и т. п. Но никто не сказалъ мнѣ: „Прудонъ, ты долженъ прежде всего служить дѣлу бѣдныхъ, освобожденію малыхъ, образованію народа; — быть можетъ, ты станешь проклятіемъ богатыхъ и знатныхъ, и возненавидятъ тебя всѣ, кто держитъ ключи науки и Плутуса, но несмотря на всѣ гоненія, на клевету, страданія и самую смерть, продолжай слѣдовать по своему пути реформатора. Вѣрь въ судьбы, которыя тебѣ предназначены, но не мѣняй славнаго мученичества апостола на наслажденія и золотыя цѣпи рабовъ. Неужели ты падешь подъ лестью, подъ обольщеніями удовольствія и богатства? Неужели ты, сынъ народа, *filius fabri*, какъ говорили когда-то о Іисусѣ Христѣ, неужели ты откажешься отъ своей совѣсти, и отступишь отъ своей вѣры изъ-за того только, чтобы быть счастливымъ на манеръ тѣхъ или этихъ? Твои братья зорко наблюдаютъ за тобою, они тревожно ожидаютъ, придется-ли имъ оплакать вскорѣ паденіе и измѣну того, который столько разъ клялся быть ихъ защитникомъ; въ признательность тебѣ они могутъ прислать лишь одни свои благословенія, но эти благословенія стоютъ дороже наличныхъ экю властей. Страдай же и умри, если нужно, но говори правду и прими сторону сиротъ.

„Меня гнетутъ всѣ эти постыдныя увѣщанія моихъ окружающихъ,—какая страсть къ матеріальному благосостоянію! Какой презрѣнный эпикуреизмъ вижу я повсюду! Я не осмѣливаюсь болѣе проронить ни одного слова о моихъ думахъ, я пріобрѣлъ увѣренность, что мои принципы возбудятъ въ окружающихъ мысль о томъ, что я человѣкъ погибшій или по крайней мѣрѣ экзальтированный. Всѣ смѣются надо мною, и никто не поддается моимъ убѣжденіямъ. Матеріализмъ укоренился въ душахъ, матеріализмъ практическій, разумѣю я, такъ какъ до другого они еще не доросли...

„Воля и вѣра провозглашались во всѣ времена величайшими силами природы и человѣчества; въ насъ живетъ вѣра въ справедливость нашего дѣла, въ правду нашихъ принциповъ, въ вѣчность нашихъ догматовъ,—намъ ли не достаетъ воли? Неужели мы не представимъ въ одинъ прекрасный день новое зрѣлище людей убѣжденныхъ и непреодолимыхъ въ ихъ вѣрованіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныхъ и постоянныхъ въ своемъ предпріятіи. Докажемъ, что мы искренни, что наша вѣра горяча, и нашъ примѣръ измѣнитъ лицо земли. Вѣра заразительна; теперь ждутъ только символа, да человѣка, который бы его проповѣдывалъ и въ него вѣрилъ" (стр. 35—37).

Въ этомъ письмѣ заключается вся сущность направленія обще-

ственной дѣятельности Прудона. Толчкомъ ея было глубокое сочувствіе къ обиженной долѣ трудящихся классовъ, и Прудонъ никогда не забывалъ той клятвы, которая съ такимъ краснорѣчіемъ высказана имъ въ этомъ письмѣ; онъ самъ сталъ какъ-бы воплощеніемъ интересовъ пролетарія, но жаль, что въ него воплотились даже тѣ стремленія пролетарія, которыя исходятъ не изъ дѣйствительныхъ нуждъ его, а изъ накопившейся въ продолженіи вѣковъ желчи горькой судьбы его. Прудонъ былъ не только защитникомъ пролетаріата, но мстителемъ его. Онъ волновался не только страстнымъ желаніемъ дать пролетарію такъ-называемое „право на трудъ", но еще насмѣяться, наругаться надъ его противниками. Это былъ скорѣе Спартакъ въ литературѣ, но никакъ не соціальный философъ.

По справедливому мнѣнію Сентъ-Бёва, соціальный философъ, для полнаго своего развитія, долженъ постепенно отрѣшиться „отъ всѣхъ вещей плоти и крови, отъ всѣхъ данныхъ рокового и случайнаго"; его умъ не долженъ быть связанъ „ни съ сектою, ни съ страною, ни съ семьей, ни съ положеніемъ, ни съ партіей, ни съ общиною, ни съ землею". Ему необходимо много разъ мѣнять горизонтъ своихъ взглядовъ во всѣхъ направленіяхъ, сравнивать учрежденія и нравы разныхъ странъ и народовъ, продумать и провѣрить не разъ чужія воззрѣнія, не возмущаясь ими въ силу какой-либо предвзятой идеи, и безпристрастно изслѣдовать всѣ предметы, которые стали идолами однихъ и проклятіемъ другихъ; — надъ всѣми изслѣдованіями этого идеальнаго соціальнаго философа должно господствовать, по Сентъ-Бёву, сочувственное отношеніе ко всему. Положимъ, что всѣ эти качества встрѣчаются въ ученыхъ весьма рѣдко, и самъ Сентъ-Бёвъ не можетъ указать ни одного человѣка, который бы обладалъ ими всѣми за-разъ, — но у Прудона ихъ совсѣмъ не было. У Прудона былъ очень логическій мозгъ, но его логика была постоянно разстроена, возбуждена, раздражена „воплями его внутренностей", какъ выражается Сентъ-Бёвъ: „онъ былъ слишкомъ связанъ съ своими отцами и родоначальнымъ древомъ посредствомъ соковъ, желчи и крови; онъ былъ слишкомъ близокъ къ своей кормилицѣ-землѣ, слишкомъ близокъ къ слѣпымъ элементамъ природы, проникшимъ въ его могучій темпераментъ и въ самое тѣлосложеніе... удары отцовскаго молота (отецъ былъ бочаръ) раздавались слишкомъ близко надъ его ухомъ". Такимъ образомъ, Прудонъ является философомъ, который безпрестанно прерывается въ своемъ мышленіи шумомъ извнѣ и изнутри; это логикъ, суровый и неумолимый, всегда вооруженный страстью и гнѣвомъ, и съ значительнымъ запасомъ науки; — это великій трибунъ, „великій революціонеръ", пожалуй, какъ называлъ себя Прудонъ, но не ученый, не соціальный философъ.

Разсматривая Прудона съ этой точки зрѣнія, вы получаете ключъ ко всѣмъ его противорѣчіямъ, къ его ожесточенію въ нападкахъ на партіи и личности, которыя сами вѣрно и съ самоотверженіемъ служили интересамъ французскаго народа, ко всѣмъ его исканіямъ у правительственныхъ дѣятелей, которыя возбуждали къ нему недовѣріе не только во врагахъ, но и въ друзьяхъ народнаго блага. Увлекаемый своею преданностью интересамъ рабочихъ классовъ, Прудонъ ревниво слѣдилъ за всѣми, кто являлся поборникомъ тѣхъ же интересовъ, и чуть ему казалось, что эти поборники идутъ въ другую сторону, онъ уже билъ противъ нихъ въ набатъ и бросалъ въ нихъ самыми жестокими обвиненіями, то доказывая полную несостоятельность ихъ плановъ общественнаго переворота, доводя ихъ теорію до абсурда своею блистательною логикою, то возбуждая недовѣріе къ ихъ искренности посредствомъ самыхъ откровенныхъ разоблаченій. Прудонъ любилъ называть себя республиканцемъ и революціонеромъ, но, несмотря на то, нападалъ съ ожесточеніемъ на всѣхъ революціонеровъ и республиканцевъ своего времени. Нужно прибавить къ этому, что онъ этими нападками надѣялся услуживать правительству, какъ это онъ постоянно говоритъ въ своихъ письмахъ. Печатая свои первыя брошюры о собственности, гдѣ онъ бросаетъ такими фразами, какъ „собственность — кража“ и т. п., онъ въ то же время или состоитъ пенсіонеромъ академіи, или ищетъ какого-нибудь правительственнаго мѣста въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, или пишетъ объяснительныя письма къ тогдашнимъ министрамъ, а впослѣдствіи, при второй имперіи, къ принцу Наполеону. Такъ, въ одномъ изъ его писемъ 1842 года, онъ прямо говоритъ, что въ длинномъ письмѣ, которое онъ послалъ къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Дюшателю, вмѣстѣ съ его брошюрами, онъ старался показать министру, какъ можно „воспользоваться (tourner) выгодно для правительства теоріями самыми радикальными“. Въ другой разъ онъ собирается лично повидаться съ Дюшателемъ и еще съ Росси, извѣстнымъ политико-экономомъ, занимавшемъ въ то время постъ министра финансовъ, и поговорить съ ними объ его теоріяхъ, показать имъ полезность распространенія этихъ теорій съ правительственной точки зрѣнія. Сентъ-Бёвъ не сомнѣвается, что ни тотъ ни другой министръ не отказали бы юному писателю въ аудіенціи, и онъ сожалѣетъ лишь о томъ, что Прудонъ *только* намѣревался познакомиться съ ними. Еще въ декабрѣ 1842 года, когда онъ обнародовалъ уже всѣ три брошюры о собственности и держалъ корректуру своей книги: „О созданіи порядка въ человѣчествѣ“, онъ увѣрялъ своего друга, что „правительство должно его принять“, и если это случится, если онъ получитъ мѣ-

сто, то его „карьера будетъ блистательная". Тогда — прибавляетъ онъ — я буду въ одно время и самымъ передовымъ, быть можетъ, реформистомъ своей эпохи и протежè правительства" (стр. 161).

Но во всѣхъ исканіяхъ у правительства Луи-Филиппа можно видѣть только удивительную наивность Прудона, такъ какъ онъ былъ тогда еще молодымъ въ политической жизни, недостаточно искусился въ ней. Совсѣмъ другимъ является его переписка съ принцемъ Наполеономъ, и особенно письмо, помѣченное 7-го января 1853 г., въ которомъ онъ признаетъ дѣло второй имперіи продолженіемъ революціи 1789 года. „Извините, принцъ (пишетъ онъ), что я осмѣливаюсь занять васъ предметомъ столь ужаснаго свойства (онъ предсказываетъ возстановленіе Бурбоновъ). Но такъ какъ теперь (это спустя какой-нибудь годъ послѣ декабрьскаго *coup d'état!*) *судьба имперіи стала солидарною съ революціей*, такъ какъ дѣло идетъ столько же о славѣ вашего имени, сколько объ интересѣ демократическомъ и соціальномъ, то наступила пора сбросить подъ ноги весь пуританизмъ и выдти изъ границъ самолюбія. Когда иностранцы вторгались во Францію, твердый республиканецъ Карнó предложилъ себя императору для охраненія его городовъ. Теперь, когда на насъ давитъ и снутри и съизвнѣ контръ-революція,—теперь пора республиканцамъ и имперіялистамъ войти въ объясненія". Въ другомъ мѣстѣ онъ еще сильнѣе отожествляетъ имперію съ интересами, которые онъ самъ защищалъ: "Да! (восклицаетъ онъ) республика, революція, прогрессъ, свобода, и чтобы сказать все, имперія и императоръ,—все это стало добычею *нашихъ вѣчныхъ* враговъ". Можно сказать, что и въ этомъ письмѣ имъ руководитъ наивность, но въ дѣйствительности этотъ шагъ онъ дѣлаетъ совершенно обдуманно, подъ вліяніемъ своего задушевнаго стремленія, своихъ заботъ объ участи рабочихъ классовъ. Онъ видѣлъ, что имперія даетъ слишкомъ большой просторъ клерикальной партіи, и такъ какъ эта партія казалась ему антифранцузскою и вредною не только для развитія рабочихъ классовъ, но и самой имперіи, въ которой онъ видѣлъ, ошибочно, конечно, послѣдователя принциповъ революціи, то онъ и обращается къ принцу, чтобы во-время остановить развитіе клерикализма во Франціи. Разумѣется, съ точки зрѣнія политическаго прогресса въ странѣ, подобное поведеніе политическаго дѣятеля нельзя не признать предосудительнымъ, но Прудонъ, по сущности своихъ теорій, не былъ никогда политическимъ дѣятелемъ. Его главный интересъ былъ интересъ рабочихъ классовъ, и кто бы ни способствовалъ развитію и торжеству этихъ интересовъ надъ всѣми другими, ему было все равно: въ немъ онъ уже видѣлъ своего союзника, которому онъ всегда готовъ былъ помогать своими совѣтами.

Прудонъ не принадлежалъ ни къ одной изъ политическихъ партій, онъ не хотѣлъ связывать своей свободы въ общественной дѣятельности ни съ какою программою, и смотрѣлъ на всѣхъ политиковъ съ крайнимъ подозрѣніемъ. Такимъ онъ былъ съ самаго начала своей дѣятельности, такимъ остался до конца. Онъ всего ждалъ отъ самихъ рабочихъ и не вѣрилъ въ возможность соціальнаго переворота посредствомъ политической диктатуры. Этимъ фактомъ и объясняется его ожесточенная полемика противъ соціалистовъ, и особенно коммунистовъ. Въ 1842 году ему нравилось, когда о немъ относились въ такихъ выраженіяхъ: „Этотъ человѣкъ, собственно говоря, ни коммунистъ, ни республиканецъ: онъ требуетъ отмѣны собственности, но онъ говоритъ объ этой отмѣнѣ, какъ объ *органическомъ преобразованіи,* которое происходитъ не иначе, какъ путемъ развитія. Всякое *разрушеніе, замѣнъ* или *революція,* по его мнѣнію, дурно; *перерывъ въ общественной жизни — это смерть.* Отсюда онъ заключаетъ въ пользу сохраненія имуществъ въ рукахъ обладателей и требуетъ только развитія нѣкоторыхъ принциповъ, уже признанныхъ, и которые должны, по его теоріи, уравновѣсить собственность и сдѣлать ее всеобщею. Итакъ, онъ желаетъ сохраненія іюльскаго правительства, но только съ назначеніемъ министерства, наиболѣе способнаго совершить это преобразованіе и это развитіе". Цитируя въ этихъ выраженіяхъ такія мнѣнія о немъ самомъ, Прудонъ прибавляетъ: „И все это совершенно справедливо. Я критикую собственность не какъ переходную форму, но какъ форму окончательную; я нападаю на членовъ министерствъ не какъ на приверженцевъ іюльскаго правительства, но какъ на людей, желающихъ извратить іюльскія послѣдствія. Что касается до личностей, на которыя я нападаю, это не что иное какъ репрессаліи,—но личности, впрочемъ, неподсудны ассизному суду, какъ неподсудны ему эвфемизъ и риторика".

Еще яснѣе и въ полной подробности, излагаетъ свои теоріи Прудонъ къ одному изъ своихъ школьныхъ сотоварищей, Готье, въ 1841 году, 2-го мая: „Ты у меня спрашиваешь объясненій относительно способа общественнаго переустройства. Я разскажу его въ нѣсколькихъ словахъ и постараюсь дать о немъ вѣрныя идеи.

„Такъ какъ ты читалъ уже мою книгу *(О собственности),* то долженъ понять, что теперь идетъ дѣло не о *воображеніи,* или составленіи въ нашемъ мозгу системы, которую я сейчасъ представлю: не такъ преобразовывается міръ. Общество можетъ исправиться лишь само собою; нужно изучать, слѣдовательно, человѣческую природу во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ законахъ, религіяхъ, обычаяхъ, политической экономіи, извлечь изъ этой громадной массы, путемъ метафизическихъ операцій, все, что есть въ ней истиннаго, удалить все

вредное, ложное или несовершенное, и изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ элементовъ создать общіе принципы, которые могли бы служить *правилами*. Этотъ трудъ потребуетъ вѣковъ для своего окончанія.

„Тебя это приводитъ въ отчаяніе, но нѣтъ, утѣшься. Во всякой реформѣ есть двѣ вещи совершенно различныя, но которыя очень часто принимаются одна за другую: *переходъ* и *совершенствованіе* или *окончаніе*. *Нынѣшнее* общество призвано совершить только одно первое,—но этотъ переходъ, силою какихъ принциповъ должны мы осуществить его?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ ты найдешь въ моемъ второмъ мемуарѣ, соединяя вмѣстѣ сказанное на разныхъ страницахъ... Ты понимаешь, что система прогрессивнаго уничтоженія того, что я называю *aubaine*, то-есть, рентъ, аренды, заработной платы, конкурренціи и т. п. сдѣлаетъ почти ничтожнымъ вліяніе собственности, такъ какъ если она вредна чѣмъ-нибудь, то именно процентомъ".

„Но это прогрессивное уничтоженіе будетъ лишь однимъ *отрицаніемъ зла*, но никакъ не *положительною организаціей*. И для *этой* цѣли, мой дорогой другъ, я могу указать принципы и общіе законы, но, одинъ, я не могу удовлетворять во всѣхъ подробностяхъ. Это такой трудъ, который поглотитъ пятьдесятъ Монтескьё. Съ меня довольно, если я дамъ аксіомы, доставлю примѣры и методъ, тогда дѣло пойдетъ *въ ходъ*, пусть всѣ, кто хочетъ, сдѣлаютъ остальное.

„Повѣрь мнѣ, никто въ мірѣ не въ состояніи дать полную и всестороннюю систему, какъ это приписывали Сенъ-Симону и Фурье. Это самая безобразная ложь, какую только когда-либо говорили людямъ, и вотъ поэтому-то я столь сильно возстаю противъ фурьеризма. Соціальная наука безконечна: никто не обладаетъ ею, но мы можемъ открыть *принципы*, потомъ *элементы*, еще далѣе *цѣлую часть* ея, и все болѣе и болѣе. То, что я дѣлаю теперь, это опредѣленіе *элементовъ* политической и законодательной науки"... (стр. 174—176).

Эти объясненія Прудона совершенно ясно показываютъ, что онъ съ самаго начала своей дѣятельности не мечталъ о какихъ-либо насильственныхъ переворотахъ, и что ему и въ голову не приходило, что можно пересоздать міръ въ одинъ прекрасный день, посредствомъ какихъ-нибудь декретовъ и насильственныхъ организацій. Онъ не былъ вовсе политическимъ революціонеромъ, всѣ его мечты о переворотахъ вращались въ соціальной сферѣ, и здѣсь онъ искалъ средствъ, при помощи которыхъ общество само могло бы перемѣнить свой дурной строй на лучшій посредствомъ своихъ собственныхъ усилій. Въ политическихъ переворотахъ онъ видѣлъ только помѣху общественному развитію, и потому такъ горячо возставалъ противъ республиканской пропаганды и главнаго органа его „National", хотя самъ себя, въ то же время, считалъ приверженцемъ республики.

Но и этой республики онъ ожидалъ во-время, какъ видно изъ одной его замѣчательной статьи, напечатанной имъ въ его журналѣ *le Peuple,* 19-го февраля 1849 года. Эта статья прекрасно объясняетъ его настроеніе наканунѣ революціи и его отношеніе къ политическимъ партіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ полное понятіе объ его талантѣ и воодушевленіи. Сентъ-Бёвъ справедливо находитъ, что эти страницы „поистинѣ заслуживаютъ исторіи".

Прудонъ разсказываетъ про послѣдніе мѣсяцы 1847 года, когда онъ работалъ въ Ліонѣ въ торговомъ домѣ того самаго Готье, къ которому онъ писалъ вышеприведенное письмо объ его теоріяхъ. Несмотря на то, что онъ былъ сильно заваленъ этою коммерческою работою, онъ слѣдилъ за политическимъ движеніемъ страны, за „слѣпою и страстною" борьбою *оппозиціи,* главными представителями которой являлись Одилонъ Барро и Тьеръ, противъ консервативной партіи, руководимой Луи-Филиппомъ и Гизо. Республиканская партія была тогда лишь слабымъ меньшинствомъ, служившимъ, при случаѣ, поддержкою противниковъ кабинета.

„Я видѣлъ (разсказываетъ Прудонъ), что борьба ожесточалась все болѣе и болѣе среди равныхъ оттѣнковъ большой конституціонно-монархической партіи, и что подъ театральными подмостками этихъ жалкихъ преній, въ нѣдрахъ общества разверзалась бездна, которую рыли демократическія и соціальныя проповѣди. Банкетъ въ Шато-Ружѣ, на которомъ оппозиція присутствовала въ полномъ составѣ, имѣя въ своей главѣ Одилона Барро, былъ для меня предвѣстникомъ катастрофы

„Находясь почти у самаго низа соціальнаго зданія, въ массѣ рабочаго класса, самъ одинъ изъ первыхъ копачей, подрывавшихъ фундаментъ, я видѣлъ лучше государственныхъ людей, споривших между собою на верху, приближеніе опасности и всѣ послѣдствія разрушенія. Еще нѣсколько дней, и при малѣйшей парламентской бурѣ, монархія рухнула и старое общество вмѣстѣ съ нею.

„Буря начала давать себя чувствовать на банкетахъ реформистовъ. Событія въ Римѣ, Сициліи, Ломбардіи прибавили партіямъ рвенія, гражданская война въ Швейцаріи удалась, и эта удача, взволновавъ общественное мнѣніе, доводила раздраженіе умовъ противъ министерства до высшей степени. Страшные скандалы, чудовищные процессы безпрестанно усиливали общественное негодованіе. Палаты еще не собрались на сессію 1847—1848-го гг., какъ я уже считалъ все потеряннымъ; я тотчасъ отправился въ Парижъ.

„Два мѣсяца, которые прошли до взрыва, между открытіемъ палатъ и паденіемъ престола, были временемъ самымъ печальнымъ, самымъ безотраднымъ въ моей жизни. Смерть моей матери, которая случилась въ этотъ періодъ, не могла вызвать меня изъ того душевнаго

томленія, которое угнетало меня; — эта смерть произвела на меня тогда лишь слабое впечатлѣніе. Тогда я почувствовалъ впервые, насколько отечество для гражданина выше семьи: Регулъ и Брутъ стали мнѣ понятны.

„Республиканецъ кануна и до-кануна, республиканецъ въ школѣ, въ мастерской, въ кабинетѣ, я содрогался отъ ужаса передъ приближеніемъ республики! Я трепеталъ, говорю я, оттого, что никто ни выше, ни вокругъ меня не вѣрилъ въ наступленіе республики, по крайней мѣрѣ въ наступленіе столь близкое. Событія шли, и судьбы совершались, соціальная революція уже обнаруживалась, но никто, ни вверху ни внизу, казалось, не понималъ этого. Но что же дѣлать съ революціей, какъ быть съ нею, когда у васъ нѣтъ разгадки ея тайнъ, ея идей?... Республиканцы, но ихъ было очень мало, вѣрили въ республику, но они не обладали наукою. Соціалисты, почти неизвѣстные, имена которыхъ еще не гремѣли на сценѣ, тоже вѣрили въ соціальную революцію, но у нихъ не было ни ключа къ ней, ни науки.

„Древнее общество подвергалось многочисленнымъ критикамъ, по бо́льшей части общимъ, съ отпечаткомъ сантиментальности и мистицизма, только немногія статьи носили болѣе философскій и разумный характеръ; но сквозь весь хаосъ этихъ декламаторскихъ разсужденій никто не могъ пробиться къ свѣту: ежедневная пресса вовсе не занималась существеннымъ вопросомъ, громадное большинство читателей оставалось такимъ образомъ внѣ его. А между тѣмъ революція, республика, соціализмъ, опираясь другъ на друга, приближались громадными шагами! Я ихъ видѣлъ, я прикасался къ нимъ, я бѣжалъ передъ демократическимъ и соціальнымъ чудовищемъ, загадку котораго я не умѣлъ объяснить, — и невыразимый ужасъ леденилъ мою душу, добираясь до самаго мышленія. Я проклиналъ консерваторовъ, которые смѣялись надъ гнѣвомъ оппозиціи; я проклиналъ еще сильнѣе самоё оппозицію, которая на моихъ глазахъ расшатывала съ непонятною яростью основы общества; я заклиналъ тѣхъ изъ моихъ друзей, которые увлеклись въ движеніе, не вмѣшиваться въ этотъ споръ изъ-за прерогативы, нелѣпый для республиканцевъ, и изъ котораго вдругъ вышла республика. Мнѣ не вѣрили, меня никто не понималъ.

„Я плакалъ надъ бѣднымъ работникомъ, котораго я считалъ напередъ лишеннымъ работы и преданнымъ нищетѣ на многіе годы, — надъ судьбою работника, защитѣ котораго я былъ преданъ, но помочь которому я не могъ. Я плакалъ надъ буржуазіей, которая казалась мнѣ уже разоренною, доведенною до банкротства, раздраженною противъ пролетаріата и противъ которой роковое стеченіе об-

стоятельствъ и антагонизмъ идей побуждали меня враждовать какъ разъ въ то самое время, когда я былъ расположенъ сожалѣть ее.

„До рожденія республики, я носилъ уже трауръ и искупленіе по республикѣ. Да и кто же, скажу еще разъ, съ тѣми самыми догадками не предавался такимъ же опасеніямъ?

„Эта революція, возникшая въ политическомъ порядкѣ вещей, стала началомъ революціи соціальной, слово которой никому не было извѣстно. Противно всѣмъ прежнимъ опытамъ, противно порядку, которому неизмѣнно слѣдовало до сихъ поръ историческое развитіе, фактъ былъ поставленъ прежде идеи, какъ будто Провидѣнію угодно было на этотъ разъ ударить безъ предупрежденія!

„Такъ, все мнѣ казалось страшнымъ, небывалымъ, парадоксальнымъ въ этомъ созерцаніи будущаго, которое съ каждою минутою выростало въ моемъ умѣ до уровня реальности. Въ этой лютой тревогѣ я возмущался противъ хода событій, я осмѣливался проклинать судьбу. Я порицалъ сициліянъ за ихъ возстаніе противъ ненавистнаго владыки; я гнѣвался на либерализмъ этого папы.... который въ изгнаніи раскаявается теперь въ своихъ желаньицахъ реформы; я не одобрялъ возстанія въ Миланѣ; я высказывался внутренно за Зондербундъ, я, наконецъ, соціалистъ, ученикъ Вольтера и Гегеля, я рукоплескалъ словамъ де-Монталамбера, когда онъ защищалъ передъ аристократическою палатою дѣло фрибурскихъ іезуитовъ. Мнѣ хотѣлось тогда имѣть свой журналъ, чтобы съ яростью напасть на „le National“, на „la Réforme“, на всѣ óрганы реформистскаго и республиканскаго мнѣнія, я посылалъ къ адскимъ богамъ главнаго редактора „la Presse“...

„Моя душа была въ агоніи, я напередъ страдалъ за республику и несъ бремя клеветъ, которыя пали на соціализмъ.

„21-го февраля, вечеромъ, я еще увѣщевалъ моихъ друзей не вступать въ бой. 22-го я дышалъ свободнѣе, когда узналъ объ отступленіи оппозиціи; я полагалъ, что мое мученичество пришло къ концу. Но 23-е разрушило мои иллюзіи. Жребій былъ брошенъ въ этотъ разъ, *jacta erat alea*, какъ сказалъ Ламартинъ. Ружейная пальба на Капуцинскомъ бульварѣ перемѣнила мое расположеніе въ одно мгновеніе“. (стр. 294—298).

Эта статья ясно показываетъ, что Прудонъ не хотѣлъ ни революціи, ни республики, и только „ружейная пальба“ могла перемѣнить его расположеніе, бросить его самого въ самую тревожную, опасную и горячую политическую жизнь второй республики. Онъ былъ правъ въ томъ, что ни у республиканцевъ, ни у соціалистовъ не было ключа къ опредѣленію тайнаго смысла стремленій и желаній Франціи, разбивавшей тронъ Луи-Филиппа. И республиканцы, и

соціалисты оказались несостоятельными овладѣть движеніемъ, котораго никто изъ нихъ не понималъ, и обѣ эти партіи только скомпрометтировали свое дѣло: республика погибла сама собою, и соціалисты были жестоко побѣждены въ страшные іюньскіе дни. Можно ли порицать Прудона за то, что онъ порицалъ и республиканцевъ, и соціалистовъ за ихъ стремленіе къ революціи, съ которою они сами не знали потомъ, что дѣлать? Можно ли удивляться тому, что въ продолженіе всей своей дѣятельности во времена правленія Луи-Филиппа Прудонъ стоялъ за іюльскую монархію, которая, если бы захотѣла, могла предотвратить революцію, и враждовалъ съ республиканскою и соціалистскою прессою, которая сама не знала, къ чему ведетъ ея соціалистическая оппозиція противъ правительства. Была ли въ этой дѣятельности Прудона измѣна свободѣ или только одноблагоразуміе?...

Неблагоразумно и непослѣдовательно поступилъ Прудонъ лишь тогда, когда бросился въ политическую жизнь во время республики и явился въ національномъ собраніи представителемъ народа. Если онъ не вѣрилъ въ успѣхъ республики, къ чему же было своею ярою полемикою въ его журналахъ и своими невозможными предложеніями въ собраніи только еще сильнѣе ожесточить борьбу партій, и возбуждать среди нихъ самое злое взаимное недовѣріе, когда онъ зналъ впередъ, что его полемика и его странныя предложенія ни къ чему полезному привести не могутъ! Но *ружейная пальба* на бульварѣ помѣшала...

Прудонъ, какъ видно, самъ недоволенъ своею дѣятельностью во время республики. Въ одномъ письмѣ 1854 года онъ даже благодаритъ судей за то, что они засадили его въ тюрьму на три года: „поступивъ со мною съ такою жестокостью (пишетъ онъ), судьи спасли мнѣ жизнь". Изъ того же письма мы узнаемъ, что онъ не съ особенною охотою бросился въ политику. Два мѣсяца, мартъ и апрѣль, онъ прожилъ въ уединеніи, „слѣдя за ходомъ событій и страдая въ душѣ за страшное положеніе", въ которомъ онъ видѣлъ свою страну. Но нѣсколько демократовъ выискали его и предложили ему кандидатуру; въ то же время газеты не переставали нападать на него, и эти нападенія были до того вызывательнаго свойства, что Прудонъ сдался демократамъ и бросился въ политику. Но „однажды въ собраніи—прибавляетъ Прудонъ—легкомысленная ненависть консервативной партіи принудила меня прервать молчаніе, и въ концѣ концовъ остервенѣніе, которое обнаруживали противъ моей личности, довело меня до бѣшенства (m'exaltant jusqu'à la frénésie) и сдѣлало изъ меня то, что всѣ потомъ видѣли" (стр. 300). Въ томъ же самомъ письмѣ къ своему другу Бергману, Прудонъ опять отрицается отъ всякихъ политическихъ стремленій и радъ, что опять достигъ спокойствія. „Вообще говоря—пишетъ онъ — моя жизнь идетъ спо-

койно, я не испытываю никакихъ тревогъ. Полиція знаетъ наконецъ, чтó я за человѣкъ: въ душѣ моей я питаю къ якобинской партіи такое же презрѣніе, какое къ легитимистской; я равнодушенъ къ политической формѣ, скептиченъ ко всякой власти и интересуюсь гораздо болѣе дѣлами предержащихъ властей, чѣмъ ихъ титулами. Такимъ образомъ, этотъ скептицизмъ, силу которaго я не разъ проявилъ публично, смертельный всѣмъ партіямъ и сектамъ, даетъ мнѣ теперь одновременно и защиту противъ правительства, и непримиримую ненависть его соперниковъ" (стр. 303).

Но онъ ошибался немного насчетъ правительства: и оно продолжало его недолюбливать. Въ 1858 году, когда онъ издалъ свою книгу „de la Justice", императорскіе судьи хотѣли-было снова заточить Прудона въ тюрьму на три года, но Прудону удалось спастись бѣгствомъ въ Бельгію; потомъ императоръ объявилъ амнистію. Относительно либераловъ и республиканцевъ Прудонъ продолжалъ держаться по прежнему до конца своей жизни, въ 1865 году, и они, разумѣется, продолжали питать къ нему „непримиримую ненависть". Одинъ изъ его близкихъ друзей Шодэ, который издалъ послѣ смерти Прудона его сочиненіе о политическихъ способностяхъ рабочихъ, былъ даже разстрѣлянъ по приказу прокурора коммуны 1871 года, Рауля Риго, за то именно, что усердно держалъ сторону версальскаго правительства.

Прудонъ умеръ въ бѣдности, и всю свою жизнь провелъ въ ней. Въ 1840 году онъ пишетъ: „я истощенъ, обезкураженъ, убитъ. Я былъ бѣденъ въ прошломъ году, я нищій въ нынѣшнемъ. Приведя мой бюджетъ въ порядокъ, у меня останется, считая съ будущаго перваго апрѣля, двѣсти франковъ на полугодовое существованіе въ Парижѣ, и затѣмъ я уже попаду въ положеніе аркадскаго пастуха... Не имѣя вовсе враговъ, я смотрю иногда на Сену мрачными глазами и говорю себѣ: „перейдемъ еще сегодня". Избытокъ горя лишаетъ бодрости мою голову и парализуетъ мои способности. Я не могу работать, и несмотря на то, я работаю чтобы не умереть со скуки". Отъ бѣдности въ Парижѣ онъ бѣжитъ на службу къ Готье въ 1844 г., и тамъ живетъ до 1847 г. Во время республики его средства находятся тоже не въ завидномъ положеніи, какъ видно изъ слѣдующаго описанія въ письмѣ 1854 г.: „Позволь мнѣ тебѣ напомнить, что я твой должникъ, и я постоянно льстилъ себя надеждою уплатить долгъ посредствомъ переводнаго векселя (Бергманъ жилъ въ Страсбургѣ). Представитель народа за двадцать пять франковъ въ день, главный редакторъ журнала, расходившагося въ восьмидесяти тысячахъ экземплярахъ, я постоянно думалъ уплатить мой долгъ, не только чести,— долгъ благодарности". Но вышло не такъ: „25 франковъ жалованья

поглощались потребностями положенія, пособіями бѣднымъ гражданамъ, подписками и т. п., и я долженъ тебѣ сказать при этомъ, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ негодяевъ, которые нашли въ депутатскомъ жалованьи средства къ матеріальнымъ наслажденіямъ, вся лѣвая республиканская партія вела себя съ достоинствомъ и изъ этого скуднаго источника дѣлала благородное употребленіе. Тѣ, которые явились бѣдняками, ушли оттуда еще бѣднѣе, испытавъ настоящую адскую жизнь. Что касается до журналистики, ты догадаешься, что она принесла мнѣ еще меньше. Подъ моимъ руководствомъ убито четыре журнала; съ февраля мѣсяца я разорялся четыре раза, я потерялъ въ ней три тысячи франковъ, которыя выручилъ при изданіи другихъ моихъ сочиненій; 1850 годъ еще не былъ на исходѣ, а я уже оставался, какъ наканунѣ февраля, *ни съ чѣмъ*". Затѣмъ его бросили въ тюрьму, гдѣ онъ и женился на дочери одного рабочаго. При возстановленіи имперіи, Прудонъ составилъ планъ одной желѣзной дороги, о концессіи которой просилъ хлопотать принца Наполеона, но ходатайство принца неудалось, а планами Прудона воспользовался извѣстный банкиръ Перейра. Принцъ потребовалъ съ Перейры вознагражденія, и тотъ предложилъ 40,000 франковъ, но Прудонъ отказался отъ нихъ, такъ какъ онъ сочинялъ свой планъ ради того только, что надѣялся осуществить при эксплуатаціи этой дороги нѣкоторые свои демократическіе планы. Между тѣмъ, въ литературѣ того времени онъ участвовать не могъ, и потому пробивался съ семействомъ кое-какими частными занятіями у чиновниковъ имперіи. Въ 1858 году онъ издалъ большое сочиненіе, которое было захвачено полиціей, и самъ Прудонъ долженъ былъ бѣжать. Въ 1865-мъ году его уже не стало!

Таковъ былъ этотъ „страшный" человѣкъ, про котораго не мало клеветали при жизни, и честности котораго еще очень долго не отдадутъ полной справедливости. Въ Англіи онъ былъ бы Брайтомъ или Ричардомъ Кобденомъ и пользовался бы глубокимъ уваженіемъ всѣхъ слоевъ общества, и самый тонъ его полемики былъ бы совсѣмъ иного свойства; тамъ бы его выслушали до конца, и онъ нашелъ бы себѣ и приверженцевъ, и спокойныхъ, разумныхъ слушателей. Но во Франціи, гдѣ не любятъ самостоятельныхъ, свободныхъ людей, умѣющихъ говорить правду и врагамъ и друзьямъ, Прудонъ не могъ найти поддержки ни въ литературѣ, ни въ правительствѣ, и благодаря несправедливымъ толкованіямъ его стремленій и ученій, сталъ пугаломъ общества не только во Франціи, но и въ цѣлой Европѣ, которая много читала о Прудонѣ, но съ самимъ Прудономъ непосредственно не имѣла ни охоты, ни надобности знакомиться.

Histoire du Second Empire, par *Taxile Delord,* membre de l'Assemblée Nationale. Tome troisième. Paris 1873. *(Исторія Второй Имперіи, соч. Таксиля Делора, томъ третій).*

Первые два тома этой «Исторіи» были напечатаны въ либеральныя времена второй имперіи: въ 1869 и 1870 годахъ. Въ первомъ томѣ даровитый авторъ разсказывалъ происхожденіе второй имперіи и ея создателя Луи-Наполеона, и первые годы царствованія до крымской войны включительно; во второмъ томѣ была представлена картина партій въ первыя времена имперіи и затѣмъ разсказывались событія 1859—1860 годовъ.

Нынѣшній томъ начинается изложеніемъ экспедицій въ Китай и Сирію и заканчивается дипломатическими ошибками Наполеона въ польскомъ и датскомъ вопросахъ. Двѣ отдѣльныя главы посвящены мексиканской кампаніи, но самую интересную часть третьяго тома составляетъ описаніе выборовъ въ законодательный корпусъ въ 1863 году. Въ прежнихъ томахъ авторъ касался административнаго давленія на выборахъ лишь слегка, немногими фактами: онъ, очевидно, боялся слишкомъ сильно разведедить эту гнойную язву монархіи Наполеона III-го. Теперь второй имперіи нѣтъ, и потому удобно разоблачить всѣ ея интриги, въ которыя пускалась она для того, чтобы имѣть искусственное «большинство» членовъ въ законодательномъ корпусѣ. Дай имперія французскому народу хоть разъ свободно высказать свое мнѣніе объ образѣ правленія, и Франція давно уже дала бы тотъ отвѣтъ, который даетъ она теперь Тьеру. Тотъ самый крестьянинъ, котораго такъ сильно бранили, надъ невѣжествомъ котораго такъ жестоко глумились, говоритъ въ наше время, при свободѣ выборовъ, совсѣмъ не то, что говорилъ онъ при Наполеонѣ III-мъ, подъ бременемъ цѣлой массы давленій со стороны всемогущей администраціи. Но нашъ авторъ не можетъ отдѣлаться отъ предразсудка противъ крестьянскаго сословія, и поэтому рисуетъ его слишкомъ мрачными красками. „Французская революція — говоритъ Делоръ—освободивъ крестьянина посредствомъ собственности, нисколько не измѣнила его нравственныхъ привычекъ; его образованіе и воспитаніе остались почти тѣ же, чѣмъ были они въ 1789. Революція представляется крестьянину фактомъ темнымъ и отдаленнымъ, причины и послѣдствія котораго онъ понимаетъ слишкомъ смутно. Кусокъ земли, который онъ обработываетъ теперь, былъ купленъ его дѣдомъ у націи, которая отняла его у дворянъ и поповъ; эти послѣдніе стремились вернуть его въ свои руки, но человѣкъ, именуемый *Наполеонъ*, защитилъ это крестьянское наслѣдство,—вотъ все, что знаетъ крестьянинъ о революціи“. Всѣ эти разсужденія о крестьянинѣ прекрасно характеризуютъ республиканскія чувства автора, но ничего не говорятъ

въ защиту пренебреженія къ крестьянамъ. О значеніи революціи 1789 года имѣютъ смутныя понятія не одни крестьяне только, но и городскіе рабочіе, да и сами зажиточные классы во Франціи—и тѣмъ не менѣе городскіе рабочіе и зажиточные люди оказывали оппозицію второй имперіи, и если они дѣлали оппозицію, то вовсе не потому, что здраво понимали принципы великой революціи, а главнымъ образомъ потому, что на нихъ нельзя было оказывать столь сильнаго административнаго давленія, какъ на крестьянъ. Самъ Делоръ даетъ нынѣ столь яркую картину этого давленія, что непонятно, съ какой стати онъ находитъ нужнымъ увѣрять еще своихъ читателей въ томъ, что будто бы нынѣшній французскій крестьянинъ, по своему образованію и воспитанію, почти ничѣмъ не отличается отъ крестьянъ 1789 года. Это неправда, и притомъ самая очевидная: ее опровергаютъ и статистическія цифры, и тотъ промышленный прогрессъ, который совершила Франція въ продолженіи XIX вѣка, такъ какъ всѣ факты этого прогресса (напримѣръ: желѣзныя дороги) не могли остаться безъ всякаго цивилизаціоннаго вліянія на умы крестьянъ.

Однако крестьянинъ подавалъ свой голосъ за имперію... но только не по невѣжеству исключительно, а главнымъ образомъ потому, что съ подачею голоса, подъ вліяніемъ административныхъ давленій, ему нельзя было не связывать вопроса о своемъ личномъ существованіи, объ участи его семьи. „Крестьянинъ — разсказываетъ самъ Делоръ — вообще робкій, дрожитъ, когда чувствуетъ на себѣ ближайшій надзоръ: мэры, мировые судьи, священники, полевые сторожа, жандармы — всѣ устремляютъ на него свои очи до выборовъ, во время ихъ, и послѣ. Эти надзиратели сами, въ свою очередь, находятся подъ надзоромъ кантональнаго коммиссара полиціи, которому поручено возбуждать рвеніе въ оффиціальномъ мірѣ деревни. Коммиссаръ не ограничивается вторженіемъ въ домъ крестьянина, онъ проникаетъ даже въ залу общинныхъ собраній, гдѣ онъ безцеремонно журитъ своихъ подчиненныхъ, если замѣтитъ въ нихъ ослабленіе рвенія. Полицейскій коммиссаръ дѣйствуетъ на населеніе посредствомъ устрашенія. Двое жандармовъ вели одного избирателя оппозиціи черезъ деревню въ департаментѣ Жиронды; полицейскій коммиссаръ, указывая на арестованнаго избирателя, кричалъ толпѣ: „Вотъ приверженецъ мосье Деказа, посмотрите, какъ съ нимъ обращаются...“ Не слѣдуетъ забывать, что ничего крестьянинъ такъ сильно не побаивается, какъ суда, къ которому его безпрестанно притягиваютъ. Недовѣріе къ правосудію укоренилось *(и не безъ причинъ)* въ немъ съ давнихъ поръ; онъ довѣряетъ только протекціи, и онъ готовъ преклониться передъ самыми ничтожными

агентами того, отъ кого шли всѣ милости, то-есть, префекта" (стр. 404—405).

Это все тяжело, конечно, но что же было дѣлать крестьянину при подобныхъ обстоятельствахъ? Онъ желалъ прежде всего вовсе не участвовать въ выборахъ, но его гнали туда угрозами. Помогать ему никто не хотѣлъ, оставалось только покориться требованіямъ своего безвыходнаго положенія и подавать голосъ за оффиціальныхъ кандидатовъ. Такъ онъ и дѣлалъ, и нѣтъ сомнѣнія, этотъ поступокъ налагалъ на всю жизнь крестьянина извѣстный оттѣнокъ деморализаціи. Но такая же деморализація проникала, во времена второй имперіи, все французское общество, всѣ слои его, и потому приписывать существованіе Наполеоновской диктатуры преимущественно крестьянскому сословію, и въ особенности его невѣжеству, несправедливо. Но это приписываютъ ему почти всѣ представители французскаго республиканизма, отчего же Делору не повторить подобной ошибки? Историческая точка Делора именно республиканская, и на все онъ смотритъ, поэтому, въ очки особаго рода, въ очки той партіи, которой онъ состоитъ представителемъ въ версальскомъ національномъ собраніи. Но тѣмъ не менѣе, онъ талантливый повѣствователь, и его книга исполнена весьма интересныхъ фактовъ.

Посмотримъ теперь по Делору, какъ поступала императорская администрація съ кандидатами въ члены законодательнаго корпуса. У нея были такъ-называемые „оффиціальные кандидаты", которыхъ имперія поддерживала всѣми способами и силами, находившимися въ ея власти, а на „оппозиціонныхъ", будь онъ легитимистъ, орлеанистъ, республиканецъ, клерикалъ или просто приверженецъ конституціонныхъ порядковъ, имперія смотрѣла какъ на злѣйшихъ своихъ враговъ, противъ которыхъ дозволительно принимать всякія средства. Конечно, въ большихъ городахъ и Парижѣ администрація вела себя съ ними болѣе или менѣе прилично, но за то въ мелкихъ городахъ и вообще въ провинціальныхъ избирательныхъ округахъ страсти усердствовавшихъ мѣстныхъ администраторовъ разнуздывались во время выборовъ до-нельзя. Самое появленіе „независимаго" кандидата въ провинціи сопровождалось разными затрудненіями и непріятностями. Какъ только узнавали объ его пріѣздѣ, сейчасъ же пускались въ ходъ всѣ административные фокусы, чтобы отравить ему самое пребываніе въ избранномъ имъ округѣ: за нимъ учреждали тайный надзоръ, который проникалъ съ своими сплетнями и клеветами до самыхъ интимныхъ, семейныхъ отношеній кандидата, а мѣстныя оффиціальныя газеты занимались печатаніемъ всѣхъ этихъ свѣдѣній. Оппозиціонный кандидатъ желалъ, разумѣется, опровергать оффиціозную газету, но для этого нуженъ типографщикъ—и

вотъ являлось первое затрудненіе крупнаго свойства. Если въ маленькихъ городахъ есть два типографщика, то одинъ почти всегда зависитъ отъ префекта, а другой отъ епископа. Типографщикъ же, независимый отъ префекта и епископа, все-таки находится въ зависимости отъ законодательства по дѣламъ печати—этой страшной западни, въ которую его могли поймать при всякомъ случаѣ. Но, положимъ, кандидатъ преодолѣлъ эти затрудненія, и его циркуляръ, только-что отпечатанный, еще мокрый, лежитъ передъ нимъ. Какимъ путемъ доставить его избирателямъ? Есть три пути: наклеиваніе на улицахъ, почта и разносъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ требованій; но нужно найти наклейщиковъ и разносчиковъ. Наклейщикъ, въ маленькомъ городѣ, обыкновенно лицо оффиціальное, которое не пожелаетъ лишиться своего мѣста ради удовольствія оказать услугу дѣлу свободы. Вольный же наклейщикъ долженъ обладать значительнымъ гражданскимъ мужествомъ, чтобы наклеить свою прокламацію подлѣ прокламаціи императора. Противъ наклейщиковъ вѣдомство публичныхъ работъ настроило множество засадъ: у этого вѣдомства, какъ у типографскаго, есть свои регламенты, и одному Богу извѣстно, оставляютъ ли эти регламенты открытою хотя бы одну гражданскую лазейку. Не имѣя наклейщика, кандидатъ принужденъ бываетъ иногда самъ вооружиться мазилкою и горшкомъ съ клейстеромъ. Въ деревняхъ оппозиціонный наклейщикъ и его сообщники дѣлали свое дѣло по ночамъ, пользуясь темнотою, но ихъ прокламаціи срывала на другой же день сердитая рука мера или полевого сторожа, или, если на послѣднихъ находила минута шутливаго веселья, заклеивала ее прокламаціей оффиціальнаго кандидата. Срываніе оппозиціонныхъ прокламацій не составляло въ глазахъ мѣстныхъ судовъ никакого нарушенія закона. Въ самомъ выгодномъ случаѣ, жаловавшійся на подобный проступокъ кандидатъ получалъ въ удовлетвореніе административный выговоръ виновному чиновнику.

„Оставалась почта; но можно ли положиться на нее? Во время выборовъ отовсюду слышались жалобы на то, что избирательныя бюллетени опаздываютъ, циркуляры теряются; были примѣры, что избирательные листки просто бросали въ помойную яму. Случалось, что посылки достигали мѣста своего назначенія, но по какому-то странному чуду, подъ каждый циркуляръ независимаго кандидата залегъ циркуляръ оффиціальнаго, а подъ каждымъ свободнымъ бюллетенемъ очутился бюллетень штемпелеванный.

„Свободный разносчикъ долженъ былъ обладать душою героя и мужествомъ мученика, чтобы устоять противъ увѣщаній, угрозъ, а иногда и ударовъ, которыми преслѣдовали его и коммиссары и

мэры, и жандармы, и полевые сторожа, и шоссейные служители; но герои и мученики рѣдки въ деревняхъ. Такимъ рѣдкимъ человѣкомъ явился въ Гёре молодой солдатъ въ отпуску, а въ Ланіонѣ въ разносчики пошелъ какой-то свинопасъ. Первый тотчасъ же получилъ приказъ вернуться въ полкъ, а второго бросили въ тюрьму за распространеніе ложныхъ извѣстій, но потомъ освободили" (Стр. 406, 407, 408).

Совсѣмъ иное было положеніе оффиціальнаго кандидата въ провинціи. Онъ почти ничего не дѣлалъ, всю избирательную агитацію вели за него мѣстныя власти. Полевые сторожа разносили и наклеивали его прокламаціи повсюду: на домахъ, на стволахъ деревъ, на всѣхъ видныхъ мѣстахъ. Почта не теряла его посылокъ, электричество не разсѣивалось отъ дурной погоды; все двигалось быстро и аккуратно. Правительство, кромѣ своей обыкновенной арміи мѣстныхъ чиновниковъ, предоставляло ему и свой *ландверъ*. Инспекторъ училищъ Кот-д'Орскаго округа требовалъ у своихъ подчиненныхъ, чтобы они ему сообщили имена и адрессы всѣхъ „старыхъ солдатъ, живущихъ въ общинѣ и пользующихся избирательнымъ правомъ; всѣхъ, имѣющихъ медали св. Елены, кавалеровъ Почетнаго Легіона, всѣхъ отставныхъ разныхъ вѣдомствъ, торговцевъ табакомъ, кабатчиковъ, лицъ, занимающихъ какую-либо общественную должность въ силу какой-нибудь оффиціальной привилегіи: каменьщиковъ, архитекторовъ, отцовъ сыновей, которые должны были вынимать въ будущемъ году рекрутскій жребій, отцовъ сыновей, которые уже служили или находились въ резервѣ". Другой инспекторъ училищъ спрашивалъ имена отцовъ всѣхъ чиновниковъ, всѣхъ молодыхъ людей, служившихъ на желѣзныхъ дорогахъ и въ горномъ вѣдомствѣ. Это все пособники оффиціальной кандидатуры. Народные учителя тоже должны входить въ этотъ ландверъ. Тотъ же Кот-д'Орскій инспекторъ пишетъ къ нимъ въ своемъ циркулярѣ:—„Бороться противъ административныхъ кандидатуръ, значитъ бороться противъ самого императора. Принять и покровительствовать другимъ, тоже значитъ служить и ополчаться противъ него... Не бороться противъ нихъ, т.-е. административныхъ кандидатуръ, и въ то же время не поддерживать ихъ, значитъ покинуть ихъ, то-есть оставаться „съ ружьемъ къ ногѣ" во время битвы. Ваше равнодушіе вызоветъ во мнѣ изумленіе и сожалѣніе, а ваша враждебность станетъ въ моихъ глазахъ преступною и непростительною низостью".

Судебное вѣдомство тоже работало, во время выборовъ, по желаніямъ префекта и оффиціальнаго кандидата. Въ Ламаншѣ, кандидатъ, сообщая о своемъ скоромъ пріѣздѣ мировымъ судьямъ, предупреждалъ ихъ о томъ, что они должны познакомить его съ мэрами

каждаго кантона. Мэры дѣйствовали почти всегда такъ, какъ желалъ префектъ, иначе ихъ изгоняли съ мѣста; въ департаментѣ Лозеры префектъ смѣстилъ 28 меровъ и ихъ помощниковъ за то, что независимый кандидатъ успѣлъ одержать верхъ надъ оффиціальнымъ. Делоръ сообщаетъ множество заявленій разныхъ мэровъ во время выборовъ,— заявленій, крайне тенденціозныхъ. Но кромѣ увѣщанія своихъ согражданъ, мэры пользовались еще прямымъ вмѣшательствомъ въ дѣло выборовъ, во время подачи голосовъ. Въ день голосованія, каждый мэръ долженъ былъ наблюдать за своими подчиненными, ревностно ли они служатъ оффиціальной кандидатурѣ. Тайное голосованіе нисколько не гарантировало избирателя, стоило только оффиціальному кандидату надписать свое имя на избирательномъ листкѣ изъ прозрачной бумаги. Деревенскіе избиратели, чтобы дойти до залы, гдѣ отдаются бюллетени, проходятъ по узкому корридору, гдѣ секретарь мэріи, офицеры пожарной команды, начальники жандармовъ, городскіе квартирмейстеры, полевые и шоссейные сторожа, видя въ рукахъ избирателя непрозрачный листокъ, тотчасъ же пристаютъ къ нему, чтобы онъ замѣнилъ его бюллетенемъ оффиціальнаго кандидата, который тутъ же и предлагается. Многіе мэры дѣйствовали еще проще: просто рвали и бросали оппозиціонные бюллетени. Во многихъ общинахъ не было въ заводѣ даже избирательнаго ящика, и бюллетени собирались тамъ въ шляпы, салатники, суповыя чашки, а въ иныхъ мѣстахъ еще откровеннѣе—въ карманы самого мера! Понятно, что при такомъ способѣ голосованія объ избирательной тайнѣ никто и не думалъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ административныхъ давленій, вторая имперія и ея кандидаты пускали въ дѣло и подкупъ, иногда крайне комическаго свойства. Такъ, хозяйки въ Мостежу, собравшись въ день выборовъ передъ лавкою мясника, посматривали съ завистью на отличнаго теленка, на которомъ красовалась надпись: „Теленокъ г. Кальве“. Надпись эта означала, что завтра избиратели съѣдятъ этого теленка за торжественнымъ обѣдомъ своего кандидата...

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ легко составить себѣ правильное понятіе о томъ, чье мнѣніе выражалъ собою законодательный корпусъ при второй имперіи: страны ли, или самой администраціи? Отвѣтственность за катастрофу второй имперіи лежитъ потому всецѣло на Наполеонѣ III, а не на „деревенскомъ большинствѣ“, которое сдѣлали козломъ отпущенія за грѣхи, въ которыхъ оно неповинно.

L'Instruction du peuple. Par *Emile de Laveleye*, membre des Académies de Belgique et de Lisbonne, correspondant de l'Institut de France etc., etc. Paris, Hachette et C°, 1872. (Образованіе народа, соч. *Емиля Лавеля*).

Сочиненіе Эмиля де-Лавелэ о народномъ образованіи заслуживаетъ всеобщаго вниманія какъ по обилію матеріала, собраннаго и разработаннаго авторомъ въ видахъ уясненія всѣхъ сторонъ народнаго образованія, такъ и по здравой логикѣ и благороднымъ стремленіямъ этого опытнаго писателя. Лавелэ—бельгіецъ, но почти всѣ его труды принадлежатъ общей французской литературѣ, и всѣ они издавались во Франціи. Въ послѣдніе годы изъ-подъ его пера вышло нѣсколько дѣльныхъ статей для англійской печати. Во французской печати главнымъ и чуть-ли не единственнымъ мѣстомъ его дѣятельности служитъ извѣстный журналъ: *Revue des deux Mondes*. До нынѣшней книги, почти всѣ другія отдѣльныя изданія Лавелэ печатались предварительно въ этомъ *Revue*. Такимъ образомъ, новое сочиненіе о народномъ образованіи является передъ публикою въ первый разъ.

Статья о Россіи у Лавелэ написана дѣльно и даетъ всѣ данныя, необходимыя для правильнаго сужденія о положеніи народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ,—есть, правда, и промахи: законъ 1864 года о народныхъ училищахъ приписывается князю Павлу Гагарину, а не дѣйствительному его составителю; но съ русскими фамиліями иностранные писатели какъ-то всегда путаются и попадаютъ въ просакъ. Свои статистическія данныя о Россіи Лавелэ беретъ изъ Клёдона, изъ отчетовъ нашего министерства народнаго просвѣщенія, и изъ „Archives de Statistique militaire", подъ которымъ, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть „Военно-Статистическій Сборникъ."

Разсуждая о настоящемъ положеніи народнаго образованія въ въ Россіи по оффиціальному отчету 1871 года, Лавелэ находитъ это положеніе „дѣйствительно прискорбнымъ" — *réellement affligeant*, а между тѣмъ распространеніе народнаго образованія онъ считаетъ „первою потребностью Россіи". Россія—говоритъ авторъ—„владѣетъ, подобно Соединеннымъ Штатамъ, громадною и плодоносною территоріею, отчего же она остается страною бѣдною, тогда какъ развитіе американской республики—развитіе небывалое, чудесное? А оттого (продолжаетъ Лавелэ), что здѣсь невѣжество почти общее, между тѣмъ какъ Соединенные Штаты — страна, которая сдѣлала больше всѣхъ другихъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія". Отыскивая причину отсталости Россіи въ дѣлѣ народнаго образованія, Лавелэ останавливается сперва на „доброй волѣ русскихъ государей" и удивляется, какъ это такъ случилось, что въ Пруссіи, по приказу короля и его министра Альтенштейна, повсюду учредились народныя школы и всѣ жители пріобрѣли первоначальное образованіе,

между тѣмъ какъ въ Россіи, хотя каждый государь, въ продолженіи послѣднихъ 150 лѣтъ, дѣлалъ усилія въ пользу народнаго образованія, народная школа все пребывала на одномъ мѣстѣ? Далѣе, его смущаетъ фактъ рѣдкости населенія; но примѣръ Норвегіи разъясняетъ его смущеніе: тамъ на каждую квадратную миль приходится по 257 жителей, между тѣмъ какъ въ Россіи ихъ 694, и несмотря на то, въ Норвегіи почти всѣ жители умѣютъ читать и писать. Убѣдившись, такимъ образомъ, въ отсутствіи государственныхъ и географическихъ препятствій, нашъ авторъ ищетъ ихъ въ общественныхъ силахъ, и находитъ въ православномъ духовенствѣ, которое онъ считаетъ еще болѣе безпечнымъ въ дѣлѣ народнаго образованія, чѣмъ духовенство римско-католическое. Однако, намъ кажется, что авторъ забылъ самую важную причину отсталости Россіи, именно: крѣпостное право. Въ этомъ вліяніи автора могъ бы убѣдить аналогичный фактъ въ южныхъ штатахъ американской республики: какъ тамошніе плантаторы, такъ и наши помѣщики находили ненужнымъ и даже вреднымъ образованіе своихъ рабовъ или крѣпостныхъ людей. Только въ настоящее время, только отъ нынѣшней, свободной отъ крѣпостного права Россіи, можно требовать серьёзныхъ мѣръ для распространенія образованія въ нашей народной массѣ, и Лавелэ совершенно правъ въ своемъ жесткомъ словѣ о законѣ 1864 года, который „ограничивается только ободреніемъ". „Посвятить какіе-нибудь 100,000 рублей на гигантское дѣло, требующее сотни милліоновъ, да вѣдь это—восклицаетъ нашъ авторъ—значитъ пожелать оросить и оплодотворить Сахару одною каплею воды! Въ Соединенныхъ Штатахъ (продолжаетъ онъ), въ 1869 г., два гражданина дали каждый по 5-ти милліоновъ для устройства школъ, и штаты, въ которыхъ не болѣе одного милліона жителей, назначаютъ ежегодно по 4—5-ти милліоновъ на одну только постройку училищъ. И Россіи необходимо сдѣлать гигантское усиліе, похожее на то, которое проявилось въ проведеніи желѣзныхъ дорогъ. Государство должно ежегодно посвящать по крайней мѣрѣ 50 милліоновъ на созданіе учительскихъ семинарій и на выдачу субсидій, на англійскій манеръ, пропорціонально числу учениковъ, которые, при экзаменѣ инспектора училищъ, окажутся умѣющими читать, писать и считать. Недостаточно „ободрять". Во всѣхъ государствахъ и даже въ штатахъ американскаго Союза, гдѣ необходимость образованія понята столь хорошо, законъ налагаетъ на общины извѣстныя издержки на школу. Тѣ же предписанія необходимы и въ Россіи". Такъ думаютъ иностранцы, знакомые съ нашею народною необразованностью только по слухамъ.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Годовое собраніе 2-го февраля 1873 г.

По открытіи собранія, состоявшаго изъ 39 членовъ, секретарь и казначей прочли слѣдующіе отчеты о дѣйствіяхъ комитета за 1872 г.

А) Мм. гг. Къ 1-му января 1872 года числилось въ обществѣ 383 члена. Въ теченіи 1872 года избрано вновь 41. Внесены въ списокъ за уплатой недоимокъ за прежніе годы 2. Исключены изъ списка умершіе 8 *). Признаются сложившими съ себя званіе членовъ, по случаю неплатежа денегъ въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, 8. Отказался отъ званія члена 1. Затѣмъ, къ 1-му января 1873 года числится въ спискѣ членовъ общества 400, въ томъ числѣ 28 дамъ.

Общество имѣло, по уставу, четыре обыкновенныхъ собранія, одно годовое (2-го февраля) и одно чрезвычайное. Комитетъ имѣлъ 26 *обыкновенныхъ* засѣданій, *одно чрезвычайное.*

Въ общихъ собраніяхъ присутствовало: 2-го января—20; 2-го февраля—39; 23-го апрѣля—15; 22-го октября—15, и 31-го декабря—29 членовъ.

Въ теченіи 1872 г. комитетомъ были произведены слѣдующія денежныя пособія:

1) *Пенсіи* продолжались:

Одному лицу „Дружининская" въ 300 р.; 5-ти по 300 р.; 1-му въ 240 р.; 1-му въ 210 р.; 2-мъ по 200 р.; 2-мъ по 180 р.; 4-мъ по 120 р.; 1-му въ 100 рублей.

Въ теченіи 1872 года въ составѣ пенсіонеровъ общества произошли слѣдующія перемѣны: Двѣ пенсіонерки скончались, и вслѣдствіе ходатайства сестры ихъ о предоставленіи ей части ихъ пенсіи собираются необходимыя для разрѣшенія этого ходатайства свѣдѣнія. За смертію пенсіонера, производившаяся ему пенсія назначена вдовѣ его.

Вновь назначены пенсіи: вдовамъ извѣстныхъ писателей: одной по 240 р. съ 1-го ноября 1872 года, и другой съ 1-го января 1873 г. по 300 р.

Всего, по прежнимъ и новымъ назначеніямъ, въ 1872 г. выдано 18 пенсій на сумму 3,830 р.

2) *На воспитаніе и ученіе* по прежнимъ и новымъ назначеніямъ ассигновано въ 1872 году 1,469 руб. 69 коп., и въ то число выдано 1,252 руб. 19 коп.

---

*) Б. И. Утинъ, А. Ѳ. Жоховъ, Ѳ. Ѳ. Кейзеръ, С. Н. Палаузовъ, П. П. Пекарскій, М. Ѳ. Ростовская, И. Б. Штейнманъ и Д. И. Каченовскій.

3) *Единовременныя пособія* назначены 84 лицамъ или семействамъ на сумму 6,685 руб., въ томъ числѣ семи лицамъ назначалось пособіе въ теченіи года по два раза.

4) *Ссуды* выданы двумъ лицамъ на 600 руб.

5) *Продолжительное пособіе* назначено вдовѣ писателя по 100 руб. на два года (1872 и 1873 г.).

Такимъ образомъ, въ теченіи 1872 года всего пособій назначено 121 лицу на сумму 12,684 р. 69 к., и въ то число выдано 12,377 руб. 19 копѣекъ.

Сверхъ выдачи денежныхъ пособій Комитетъ входилъ въ сношенія съ редакціями нѣкоторыхъ повременныхъ изданій по случаю ходатайства писателей о содѣйствіи имъ къ исполненію редакціями ихъ обѣщаній или условій. Съ такими просьбами обращались къ Комитету три лица. На всѣ отношенія Комитета отвѣтовъ отъ редакцій не получено. По просьбѣ одного изъ указанныхъ лицъ, г. Уткина, о дѣлѣ его съ редакціей „Петербургской Газеты" упомянуто въ извлеченіяхъ изъ журнала Комитета, съ означеніемъ именъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, на точномъ основаніи утвержденныхъ общимъ собраніемъ 2 февраля 1872 года правилъ.

Кромѣ того, по просьбѣ одного лица собирались свѣдѣнія о времени высылки ему 150 рублей однимъ книгопродавцемъ; по ходатайству другого лица вытребована его рукопись изъ редакціи одного журнала, и наконецъ по просьбѣ одной переводчицы сообщено редакціи требованіе просительницы объ удовлетвореніи ея за сдѣланный ею переводъ. По ходатайству предсѣдателя общества А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, одному писателю доставлено мѣсто. Комитетъ входилъ также въ министерство юстиціи съ представленіемъ объ увеличеніи размѣра пенсіи вдовѣ писателя за службу ея мужа, но представленіе это не удовлетворено, и потому Комитетъ ходатайствовалъ о назначеніи той же вдовѣ пенсіи изъ Комитета заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, о назначеніи спектакля въ пользу ея семейства и объ опредѣленіи сына ея въ военное училище. При содѣйствіи генералъ-лейтенанта Н. В. Корсакова, сынъ просительницы уже опредѣленъ въ училище; ходатайство же о назначеніи спектакля въ пользу этого семейства, какъ несогласное съ Высочайше утвержденными правилами о поспектальной платѣ, отклонено. По ходатайству Комитета, управляющимъ морскимъ министерствомъ назначено ежегодное пособіе въ 150 руб. дочери извѣстнаго мореплавателя. Комитетъ принималъ мѣры, но безуспѣшно, къ помѣщенію дочери покойнаго преподавателя исторіи въ больницу умалишенныхъ. Малолѣтный сынъ покойнаго археолога, при содѣйствіи члена общества И. Д. Делянова, опредѣленъ въ гимназію пансіонеромъ. Комитетъ, по желанію вдовы писателя, обратился къ наказному атаману войска донского съ просьбой о предоставленіи ей мѣста повивальной бабки, но отвѣта по этому предмету еще не получено. Комитетъ входилъ въ сношенія о высылкѣ изъ московскаго университета учительскаго диплома одному писателю. По просьбѣ сына покойнаго преподавателя исторіи, комитетъ поручалъ К. Д. Кавелину собрать свѣдѣнія о ходѣ печатанія перевода покойнаго. По просьбѣ вдовы одного романиста, Комитетъ принялъ на себя ходатайство о помѣ-

щеніи просительницы въ контрольное отдѣленіе канцеляріи совѣта главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

Отклонено 70 просьбъ 53 просителей. Разрѣшеніе одной просьбы отложено впредь до представленія просительницей болѣе подробныхъ свѣдѣній о правахъ ея на помощь со стороны общества.

Семь прошеній не были разрѣшены къ концу года по неполученію нужныхъ свѣдѣній.

За смертію казначея общества Б. И. Утина должность казначея, по предложенію Комитета, принялъ на себя членъ комитета Н. Н. Тютчевъ. Во время же отсутствія Б. И. Утина высылка и выдача пенсій и продолжительныхъ пособій были возложены на В. П. Гаевскаго.

26 февраля 1864 года, въ память покойнаго члена общества Дружинина, положено было назвать „Дружининскою" старшую изъ производимыхъ обществомъ пенсій; но такъ какъ, съ теченіемъ времени, постановленіе это было забыто, то комитетъ и призналъ нужнымъ поручить секретарю и казначею называть въ отчетахъ означенную пенсію—«Дружининскою».

По заявленію К. Д. Кавелина о необходимости наблюденія за питомцами общества, было поручено казначею: при выдачѣ денегъ на воспитаніе питомцевъ, отбирать отъ ихъ попечителей точныя свѣдѣнія о мѣстѣ ихъ жительства и воспитанія.

По предположенію К. Д. Кавелина объ устройствѣ концерта въ пользу общества, назначена была особая коммиссія, изъ К. Д. Кавелина, П. В. Анненкова, В. П. Гаевскаго, М. Е. Салтыкова и Н. Н. Тютчева, для обсужденія этого предположенія. Принятыя затѣмъ В. П. Гаевскимъ мѣры къ устройству концерта были одобрены комитетомъ, и 29 марта состоялся концертъ, который и далъ чистой выручки 2,353 р.

Вслѣдствіе помѣщенной въ № 245 газеты «Русскій Міръ» замѣтки о дѣйствіяхъ комитета по дѣлу о назначеніи пособія одному лицу, редакціи означенной газеты была сообщена справка изъ дѣла, съ просьбою о напечатаніи этой справки въ одномъ изъ нумеровъ газеты. Просьба эта была исполнена.

Б) Изъ отчета, прочтеннаго казначеемъ, видно, что состояніе кассы литературнаго фонда въ теченіи 1872 года, было слѣдующее:

I. Къ 1-му января 1872 г. состояло въ кассѣ . . . . . 54,347 р. 39 к.

Въ томъ числѣ:

1) Процентными бумагами . . . . 53,140 р. — к.

2) На текущемъ счету . . . . . . 1,207 » 39 »

Итого . . 54,347 р. 39 к.

II. Въ теченіи года записано на приходъ . . . . 17,033 р. 30 к.

Всего съ наличностію кассы въ началѣ года . . . 71,380 р. 69 к.

III. Въ теченіи года выписано въ расходъ . . . . . . 13,444 р. 19 к.

IV. Къ 1 января 1873 г. состоитъ на лицо . . . . 57,936 р. 50 к.

Въ томъ числѣ:

1) Процентными бумагами . . . . 55,600 р. — к.

2) На текущемъ счету . . . . . . 1,500 » — »

3) Деньгами . . . . 836 » 50 »

Итого . . 57,936 р. 50 к.

Сумма эта 57,936 р. 50 к. превышаетъ состоявшую къ началу года наличность кассы 54,347 р. 39 к. на 3,589 р. 11 к.

Между тѣмъ, въ теченіи года отпущено:

1) Пособій на воспитаніе 17 лицъ	1,252 р. 19 к.
2) Пенсій 18 семействамъ	3.740 » — »
3) Пособій одновременныхъ и постоянныхъ 84 лицамъ	6,785 » — »
4) Ссуды 2 лицамъ	600 » — »
Вообще разныхъ пособій на	12,377 р. 19 к.

Въ общей сложности воспользовались разными пособіями 121 лицо и семейство.

По стипендіи учрежденной въ память бывшаго предсѣдателя общества, Е. П. Ковалевскаго:

I. Къ 1-му января 1872 г. состояло въ кассѣ	7,606 р. 20 к.
II. Въ теченіи года записано на приходъ	973 р. 32 к.
Всего въ приходѣ	8,579 р. 52 к.
III. Въ теченіи года выписано въ расходъ	639 р. 55 к.
IV. Затѣмъ состоитъ на лицо къ 1-му января 1873 г.	7,939 р. 97 к.

При настоящемъ устройствѣ капитала получено съ него процентовъ въ 1872 г. 421 р. 32 к.

Въ пользу общества было пожертвовано:

А. Деньгами:

Отъ Государя Императора	1,000 р. — к.
„ Государыни Императрицы	300 „ — „
„ Великаго Князя Владиміра Александровича	200 „ — „
„ Великаго Князя Алексѣя Александровича	100 „ — „
„ Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Іосифовны	100 „ — „
„ Великой Княгини Елены Павловны	200 „ — „
„ Министерства Народнаго Просвѣщенія	1,000 „ — „
„ А. А. Карасева	10 „ — „
„ Типографіи А. И. Мамонтова и К°	100 „ — „
„ Д. Н. Свербѣева	78 „ — „
„ О—ной	50 „ — „
„ Г-жи Арсеньевой	5 „ — „
„ 3-хъ неизвѣстныхъ	33 „ — „
Процентныя деньги отъ редакцій:	
С.-Петербургскихъ Вѣдомостей	100 „ — „
Отечественныхъ Записокъ	58 „ 47 „
Вѣстника Европы	80 „ 3 „
По духовнымъ завѣщаніямъ:	
а) Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ф. Г. Тимоѳеева	1.200 „ — „
б) Статскаго совѣтника Н. М. Василевскаго	300 „ — „
Итого	4,914 р. 50 к.

Б) Неденежныя пожертвованія:

М. М. Андреяновъ читалъ публичныя лекціи въ пользу общества.

Гг. Лавровская, Эсипова, Раабъ, Ауеръ и Лешетицкій приняли безвозмездное участіе въ концертѣ, данномъ 29 марта въ пользу общества. Магазины Іогансена, Бютнера и Базунова продавали безвозмездно билеты на этотъ концертъ.

Типографія В. П. Безобразова и К°, какъ и въ прежніе годы, безвозмездно печатала избирательные бланки и за уменьшенную цѣну отчетъ общества за 1871 годъ.

Вышеприведенные отчеты секретаря и казначея были доставлены комитетомъ общества ревизіонной коммиссіи, которая, провѣривъ ихъ по денежнымъ книгамъ и документамъ, по журналамъ и дѣламъ комитета, донесла собранію, что счеты и дѣла находятся въ совершенной исправности, и объяснила при этомъ слѣдующее:

Оказавъ помощь многимъ нуждающимся, именно пенсіями 18-ти лицамъ или семействамъ, единовременными пособіями 83-мъ лицамъ, ссудой двумъ лицамъ и въ видѣ пособій на воспитаніе 17-ти лицамъ или семействамъ, комитетъ своими распоряженіями сберегъ еще отъ доходовъ 1872 года значительную сумму, и сбереженіе это было произведено не въ ущербъ прибѣгавшихъ къ нему за помощью. Хотя 53 просителя и получили отказы въ пособіи, но эти отказы, какъ обнаруживается изъ внимательнаго разсмотрѣнія дѣлъ комитета, сдѣланы были съ величайшею осмотрительностью и имѣли весьма уважительныя основанія. Вообще коммиссія долгомъ считаетъ свидѣтельствовать, что она замѣтила въ дѣйствіяхъ комитета строгую разборчивость при назначеніи пособій, и если встрѣтила уклоненіе отъ этого характера его дѣятельности, то не болѣе, какъ въ одномъ случаѣ, гдѣ, по ея мнѣнію, комитетъ принялъ въ основаніе, при назначеніи пособія, мотивъ не вполнѣ правильный (жур. № 31 ст. 3).

Въ статьѣ отчета секретаря о занятіяхъ членовъ общества, коммиссія остановилась на малочисленности лицъ, посѣщающихъ общія собранія.

Для опредѣленія отношеній членовъ общества къ дѣятельности комитета, ревизіонная коммиссія имѣла двоякаго рода данныя: членскіе взносы и посѣщеніе членами общихъ собраній. Въ 1872 году доставили взносы 265 чл., и кромѣ того, въ разное время уплатили постепенные взносы 89 членовъ. Такимъ образомъ, только 12% не доставили свои взносы; а присутствовало въ общихъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ членами комитета, maximum 39 чл., т.-е. 90% не присутствовали. Если первая цифра доказываетъ, что комитетъ продолжаетъ, попрежнему, привлекать къ себѣ все вниманіе членовъ общества, которые въ значительномъ большинствѣ спѣшатъ доставить ему денежныя средства къ дальнѣйшей дѣятельности, то съ другой стороны ничтожное меньшинство членовъ, являющихся въ общія собранія, говоритъ какъ будто бы о совершенно противоположномъ. Ревизіонная коммиссія, обративъ вниманіе на этотъ фактъ, пришла къ убѣжденію, что такое, повидимому, противорѣчіе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что общія собранія такого общества, гдѣ членами являются или сами литературные дѣятели, или лица, принимающія участіе въ судьбѣ отечественной литературы и тѣхъ силъ, которыя посвящаются ей не только въ минуты досуга, но и всецѣло, — что такія общія собранія не представляютъ достаточнаго интереса, даже лишены того интереса, какой могутъ возбуждать въ своихъ членахъ собранія всякихъ другихъ, не-литературныхъ обществъ, и именно по исключительному положенію членовъ нашего комитета, сравнительно съ комитетами и правленіями другихъ обществъ: нашъ комитетъ едва-ли не единственный, гдѣ члены несутъ безвозмездную службу; это во-первыхъ; а во-вторыхъ, по уставу нашего общества весьма справедливо воспрещено въ общихъ собра-

ніяхъ упоминать лица, которыя обращаются къ комитету съ просьбами или пользуются помощью кассы нашего общества.

Такое невыгодное положеніе комитета и общихъ собраній, по всей справедливости, должно быть уравновѣшено другою обстановкой какъ комитета, такъ и общихъ собраній, которая бы соотвѣтствовала и характеру самаго общества и тому интересу, который оно возбуждаетъ, находя себѣ богатую поддержку въ теченіи тринадцати лѣтъ существованія какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ общественномъ кругу: пожертвованія Августѣйшей фамиліи однѣ равняются болѣе трети всѣхъ членскихъ взносовъ; министерство народнаго просвѣщенія ежегодно доставляетъ сумму, равняющуюся $^1/_5$ всѣхъ членскихъ взносовъ; въ послѣднее время начали являться, какъ то видно изъ послѣдняго отчета комитета, завѣщанія значительныхъ суммъ въ пользу общества. При такомъ покровительствѣ со стороны высшаго правительства и при постоянномъ общественномъ вниманіи къ нашему обществу, нѣтъ сомнѣнія, что всякія мѣры со стороны комитета для возбужденія интереса къ своей дѣятельности будутъ приняты повсюду съ полнымъ сочувствіемъ. Что же касается до самыхъ мѣръ, то онѣ указываются прежде всего наличными средствами состава самого общества, въ средѣ котораго находится много литературныхъ силъ, и общимъ характеромъ этого состава, вообще заинтересованнаго судьбой отечественной литературы. На основаніи этого, ревизіонная коммиссія предложила комитету разработать подробный планъ организаціи чтеній въ общихъ собраніяхъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и представить его на обсужденіе общаго собранія для дальнѣйшаго потомъ ходатайства предъ правительствомъ объ утвержденіи одобренной обществомъ программы чтеній, съ цѣлью придать общимъ собраніямъ научный и литературный интересъ.

Наконецъ, ревизіонная коммиссія обратила вниманіе на появившіяся въ №№ 321 и 328 газеты „Новости" прошлаго года двѣ статьи, заключающія въ себѣ нареканія на дѣйствія комитета и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его членовъ. Какъ бы ни были голословны и неприличны подобныя журнальныя выходки, и въ какомъ бы періодическомъ изданіи онѣ напечатаны ни были, онѣ могутъ поселять въ публикѣ невыгодное мнѣніе объ обществѣ и вредить его чести и кредиту. Вслѣдствіе этого, коммиссія просила комитетъ сообщить ей данныя и факты, которые могли бы послужить основаніемъ къ разъясненію означенныхъ нареканій, и внимательно разсмотрѣвъ подлинные, доставленные комитетомъ документы, можетъ теперь свидѣтельствовать, что названныя статьи наполнены совершенно невѣрными свѣдѣніями.

Такъ, во-1-хъ, въ № 321 газеты „Новости" сказано, что Общество „ничего не сдѣлало" для покойныхъ Андреева и Хмырова. Между тѣмъ изъ дѣлъ Комитета видно, что этимъ лицамъ и ихъ семействамъ были оказаны слѣдующія пособія: въ мартѣ 1870 г. Андрееву было выдано 150 р. и въ ноябрѣ того же года 21 р.; затѣмъ, 18-го января 1871 года женѣ его выдано 20 р.; а 31-го января хотя ходатайство ея о пособіи изъ суммъ фонда и отклонено, но по частной подпискѣ въ ея пользу собрано 37 р. Наконецъ, 2-го января 1873 г. ей выдано 100 р.

Въ маѣ 1871 г. Хмырову выдано 50 р. и сдѣлано сношеніе съ его домовладѣльцемъ о снисхожденіи во взысканіи денегъ за квартиру. 22-го октября 1872 г. выдано ему 250 р., а 4-го декабря отпущено его семейству 50 р. и назначена вдовѣ его ежегодная пенсія въ 300 руб.

Во-2-хъ, въ № 328-мъ той же газеты приведенъ случай отказа, будто бы, Комитетомъ въ пособіи одному ботанику, жившему на Петербургской сторонѣ, по Большой Дворянской улицѣ, въ домѣ Медвѣдева, и свѣдѣнія о положеніи котораго собиралъ секретарь Общества Рѣпинскій, на томъ основаніи, что, по показанію дворника, этотъ ученый аккуратно платилъ за квартиру. Изъ журналовъ же Комитета оказывается, что названному ботанику, по докладамъ секретаря Общества о его положеніи, было выдано: 10-го марта 1869 г. 30 р. и 13-го апрѣля 1870 г. (т.-е. въ то время, когда, какъ значится въ докладѣ секретаря, ботаникъ, по словамъ дворника, былъ долженъ за квартиру 27 р.) 50 р. Независимо отъ того, ему же были оказаны слѣдующія пособія: 3-го іюля 1863 г. выдано 30 р., въ декабрѣ того же года 30 р., 24-го марта 1869 г. 50 р. и 9-го октября 1872 г. сдѣлано, по его просьбѣ, сношеніе съ Московскимъ университетомъ о высылкѣ его диплома.

Въ-3-хъ, просившему предсѣдателя Общества, Я. К. Грота, о пособіи въ 10 руб. (№ 328-й газеты „Новости", пунктъ 3-й) было выдано: въ апрѣлѣ 1867 г. 25 р., въ ноябрѣ 1868 г. 40 р., въ февралѣ 1869 г. 25 р., въ апрѣлѣ 1869 г. 25 р., въ мартѣ 1870 г. 15 р. и въ апрѣлѣ 1872 г. 35 р. 23-го же ноября 1870 г. было утверждено совершенно правильное распоряженіе предсѣдателя объ отказѣ просителю въ пособіи.

Въ-4-хъ, священнику Рождественской церкви на Пескахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателю Рождественскаго братства деньги были выданы не П. В. Анненковымъ, какъ сказано въ 5-мъ пунктѣ приведенной статьи газеты, а П. М. Ковалевскимъ, которому, по журналу Комитета 8-го мая 1872 г. (ст. 9), было поручено: „навѣстить семейство одного просителя и выдавъ, изъ отпущенныхъ 50 р., нужную на первое время сумму, остальныя деньги передать въ братство Рождественской церкви, для выдачи изъ нихъ, по мѣрѣ надобности, пособій названному семейству, устраняя отъ этихъ пособій самого просителя". Уплативъ 35 р. домовладѣлицѣ за квартиру, занимаемую просителемъ, остальные 15 р. П. М. Ковалевскій передалъ упомянутому выше священнику, который и выдалъ ихъ женѣ просителя, какъ это видно изъ ея росписокъ, въ три срока: 16-го, 17-го и 29-го мая 1872 г.

До 1872 г. тотъ же проситель получалъ слѣдующія пособія отъ Общества: 16-го октября 1867 г. 100 р., 16-го сентября 1868 г. 100 р., 26-го января 1869 г. 25 р., 10-го марта 1869 г. 115 р., и 29-го марта 1871 г. 50 р. Онъ же приходилъ съ просьбой о пособіи къ помощнику предсѣдателя Общества К. Д. Кавелину (№ 328-й газеты „Новости", п. 2-й).

Въ-5-хъ, просителю, котораго навѣщалъ В. Ѳ. Коршъ на постояломъ дворѣ, находящемся на Васильевскомъ островѣ, на углу 7-й линіи и Средняго проспекта (№ 328-й газеты „Новости", п. 6-й),

4-го декабря 1872 г. было выдано 25 р. В. Ѳ. Коршъ письменно заявлялъ Комитету (приложенія къ журналу 4-го декабря 1872 г., № 279-й), что онъ полагалъ бы выдать просителю еще 25 р., но Комитетъ не нашелъ возможнымъ согласиться на это предложеніе, потому что удовлетворить ходатайство просителя, объ увеличеніи размѣра пособія, въ виду ежегодной выдачи ему пособія, и именно въ 1868 г. 40 р., въ 1869 г. 35 р. и въ 1871 г. 35 р., не представляется никакого основанія (журналъ 4-го декабря 1872 г., ст. 1).

Въ-6-хъ, кого навѣщалъ П. В. Анненковъ въ домѣ № 15-й, по Бассейной (№ 328-й газеты „Новости", пунк. 4)—Ревизіонная Коммисія не могла опредѣлить, какъ потому, что г. Анненковъ въ настоящее время находится за границей, такъ и потому, что въ статьѣ газеты „Новости" не указано даже время этого посѣщенія. Быть можетъ также, что и тутъ перемѣшаны фамиліи членовъ Комитета. Во всякомъ случаѣ, въ виду вышеизложеннаго, Коммисія не можетъ дать никакой вѣры и этому разсказу.

Разговоръ М. Е. Салтыкова съ какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ (№ 328-й газеты „Новости," пунк. 7), какъ частный, до дѣйствій Комитета не относится и потому обсужденію Коммисіи не подлежалъ.

Представляя Общему Собранію все вышеизложенное, Ревизіонная Коммиссія предложила Собранію выразить совершенную признательность всѣмъ вообще членамъ Комитета, и въ особенности гг. секретарю и казначею, за вполнѣ добросовѣстное и безвозмездное исполненіе возложенныхъ на нихъ довѣріемъ Общества обязанностей.

Въ заключеніе, было прочтено объясненіе Комитета, въ отвѣтъ на одно изъ замѣчаній Ревизіонной Коммиссіи.

Мм. гг. Выслушавъ съ сочувствіемъ предположеніе Ревизіонной Коммиссіи объ устройствѣ чтеній въ дни общихъ собраній общества, Комитетъ не преминетъ представить вамъ, мм. гг., свои соображенія по этому предмету. Въ настоящее время онъ считаетъ своимъ долгомъ высказать нѣсколько словъ по поводу замѣчанія Ревизіонной Коммиссіи, что въ одномъ случаѣ, при назначеніи пособія, Комитетъ принялъ въ основаніе не вполнѣ правильный мотивъ (Ж. К. № 31, ст. 3).

Дѣло, на которое указываетъ Ревизіонная Коммисія, заключалось въ слѣдующемъ: въ концѣ ноября прошлаго года одна писательница, имѣющая по своимъ литературнымъ трудамъ несомнѣнныя права на пособіе изъ суммъ литературнаго фонда, обратилась въ Комитетъ Общества съ просьбой о выдачѣ ей 200 р.

Изъ собранныхъ по этой просьбѣ членомъ Комитета П. М. Ковалевскимъ свѣдѣній оказалось, что просительница живетъ болѣе, чѣмъ скромно, во дворѣ, въ 5-мъ этажѣ, въ тѣсной, но опрятной квартирѣ; что у нея пять малолѣтныхъ дѣтей и что накопившіеся, по разнымъ причинамъ, долги, которыхъ уплатить рѣшительно нечѣмъ, вынудили ее обратиться къ Обществу за помощью.

Съ другой стороны было дознано, что мужъ просительницы, состоя на службѣ, получаетъ ежегодно 1,400 руб.

При обсужденіи этихъ свѣдѣній въ засѣданіи 4 декабря 1872 г. въ Комитетѣ произошло разногласіе: нѣкоторые члены, находя, что такъ какъ мужъ просительницы получаетъ ежегодно 1,400 руб., то матеріальное положеніе ея вовсе не такого рода, чтобы вызывать помощь со стороны Общества, полагали ходатайство ея отклонить; но большинство членовъ, принявъ во вниманіе свѣдѣнія, изложенныя въ отзывѣ П. М. Ковалевскаго о положеніи просительницы, признало, что полученіе мужемъ ея 1,400 руб. въ годъ не можетъ и не должно лишать ее права на помощь Общества, потому что въ настоящемъ дѣлѣ идетъ рѣчь о пособіи ей самой, а не ея мужу, и вслѣдствіе того опредѣлено выдать просительницѣ 100 руб.

Постановленіе это, по мнѣнію большинства членовъ Комитета, вполнѣ согласно съ правилами нашего Устава, въ § 5 котораго (п. 6) выражено, что право на пособіе имѣетъ, между прочимъ, тотъ писатель, который стеченіемъ какихъ-нибудь обстоятельствъ приведенъ въ стѣсненное положеніе. Просительница, о которой идетъ рѣчь, находилась совершенно въ подобномъ положеніи: хотя мужъ ея и получаетъ ежемѣсячно болѣе 100 руб., но сумма эта, при дороговизнѣ петербургской жизни, вовсе не такъ значительна, чтобы семейство, состоящее изъ 7 душъ, могло всегда сводить концы съ концами и не дѣлать иногда, по необходимости, нѣкоторые долги. Коль скоро же у человѣка, и тѣмъ болѣе у матери семейства, есть долги, то положеніе его никакъ не можетъ назваться лишеннымъ затрудненій, нестѣсненнымъ. Нельзя также не обратить вниманія и на то, что уставъ общества разрѣшаетъ выдачу пособій даже такимъ лицамъ, которыя сами пользуются пенсіонами отъ правительства (примѣчаніе къ § 10 устава) и, слѣдовательно, если право на пособіе имѣетъ писатель, получащій содержаніе отъ правительства или изъ иного источника, то тѣмъ большее право должно принадлежать писателю, лишенному непосредственно такого содержанія. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что назначеніе рода и размѣра пособія общества должно быть, по примѣчанію къ § 10 устава, въ прямой зависимости отъ средствъ просителя къ жизни; но отъ правила этотъ комитетъ не отступилъ и въ указанномъ выше случаѣ: полученіе мужемъ просительницы 1,400 р. въ годъ было поводомъ къ назначенію ей, вмѣсто просимыхъ ею 200 р., лишь 100 р.

Новый составъ комитета на 1873-й годъ слѣдующій:

Предсѣдатель общества, **Андрей Пареенович Заблоцкій-Десятовскій** (Васил. Остр., 8 линія, № 39).

Помощникъ предсѣдателя, **Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ** (Галерная, № 20).

Секретарь, **Григорій Косьмичъ Рѣпинскій** (Эртелевъ переул., № 1).

Казначей, **Владиміръ Ивановичъ Вешняковъ** (Максимиліановскій переул., д. Воронина.

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ (Сергіевская, № 81).

Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ (Знаменская, № 38).

Григорій Григорьевичъ Даниловичъ (Петербургская часть, 2-я военная гимназія).

Валентинъ Өедоровичъ Корпгъ (Васил. Остр., 8 линія, № 37).

Орестъ Өедоровичъ Миллеръ (Эртелевъ переул., № 2).

Александръ Николаевичъ Пыпинъ (Васильев. Остр. Большой проспектъ, д. Лоренцена).

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Фурштатская, № 33).

Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ (Васил. Остр., 15 линія, № 8)..

Замѣтка для членовъ Общества жертвователей и просителей. — Всѣ прошенія, дѣла и бумаги должны быть адресуемы на имя предсѣдателя, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, или же на имя Общества, но съ точнымъ прописаніемъ слѣдующаго адреса: Въ *Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ С.-Петербургѣ.* Неточный адресъ неоднажды былъ причиною крайне медленнаго доставленія пакетовъ.

Выдача пенсій и всякаго рода денежныхъ пособій—продолжительныхъ, единовременныхъ и ссудъ — производится, по опредѣленіямъ комитета, казначеемъ общества, В. И. Вешняковымъ, со взятіемъ росписокъ въ ихъ полученіи. Онъ же принимаетъ годовые взносы членовъ и единовременныя приношенія обществу и выдаетъ въ полученіи ихъ квитанціи; на имя казначея должны быть, равнымъ образомъ, адресуемы и росписки въ полученіи посылаемыхъ по почтѣ иногороднымъ пенсій, пособій и ссудъ.

Независимо отъ того, годовые платежи членовъ общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы, по желанію: въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, по Невскому проспекту, близъ Казанскаго моста, а въ Москвѣ—въ Чертковской библіотекѣ, члену общества, Петру Ивановичу Бартеневу. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, комитетъ покорнѣйше проситъ членовъ общества и жертвователей записывать вносимыя ими деньги въ особую, заведенную для того въ магазинѣ А. Ѳ. Базунова и въ Чертковской библіотекѣ книжку.

Имена членовъ, внесшихъ свои годовые платежи и жертвователей, будутъ, по прежнему, публикуемы въ газетахъ въ извлеченіяхъ изъ журналовъ комитета.

II. Общее собраніе членовъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, 24-го декабря 1872 года.

По открытіи засѣданія прочитанъ былъ секретаремъ общества Л. О. Гордономъ краткій отчетъ о дѣятельности комитета за время съ послѣдняго общаго собранія, съ 1-го іюня по 3-е декабря.

А. *По предмету подачи пособія учащимся:* 1) Выдано постоянными пособіями и стипендіями студентамъ С.-Петербургскаго, Харьковскаго и Кіевскаго Университетовъ, Медико-Хирургической Академіи и воспитанникамъ раввинскихъ училищъ 1215 р. изъ средствъ общества; 2) разсмотрѣно 128 прошеній о выдачѣ единовременнаго пособія, изъ коихъ, по тщательномъ освѣдомленіи о степени нужды и заслуги просителей, 39 отказано, о 25 рѣшеніе еще не состоялось, а 64 просителямъ выдано изъ суммъ общества 749, изъ средствъ предсѣдателя 135, члена казначея 155 и члена комитета М. И. Нелькена 82 р. 50 к.; всего 1121 р. 50 коп.; 3) утверждено вновь 3 стипендіи: двѣ изъ средствъ общества и одна на счетъ гг. предсѣдателя и члена казначея; и 4) сверхъ выдачи пособія студентамъ въ натурѣ, принята мѣра для доставленія имъ занятія и заработковъ, вслѣдствіе чего на первое время удалось доставить занятія пяти студентамъ разныхъ заведеній.

Б. *По предмету оказанія пособія училищамъ и библіотекамъ:* 1) Выслано въ тридцать шесть разныхъ мѣстъ 601 томъ различнаго названія книгъ: 304 изъ запасной библіотеки общества, а 297 купленныхъ на сумму 141 р. 89 к. 2) Введенъ порядокъ, чтобы книги, высылаемыя изъ комитета, облагаемы были штемпелемъ общества, а отъ получателей таковыхъ требовались въ исходѣ года

списки лицъ, кои въ теченіи года пользовались книгами. Мѣры эти оказались нужными въ виду предохраненія отъ злоупотребленій пожертвованіями общества, о чемъ слухи доходили до комитета, и 3) Положено основаніе фундаментальной библіотеки при комитетѣ, коей составляется систематическій каталогъ.

В. *По предмету поощренія литературныхъ трудовъ:* 1) Было представлено въ комитетъ для соисканія пособія 17 сочиненій на русскомъ и на еврейскомъ языкахъ: 13 печатныхъ и 4 рукописныя. Изъ нихъ одно осталось нерасмотрѣннымъ, одно—рукописное возвращено для исправленія, двумъ въ поддержкѣ отказано, три находятся въ разсмотрѣніи, авторамъ же остальныхъ 10 сочиненій оказано пособіе путемъ пріобрѣтенія у нихъ ихъ сочиненій, изъ кассы общества на 233 р., изъ средствъ г. предсѣдателя на 377 р. 50 к. и изъ средствъ члена казначея на 307 р. 50 к., всего на сумму 918 р. сер. 2) Оказано пособіе редакторамъ двухъ журналовъ на еврейскомъ языкѣ и выдано въ фондъ обществу для изданія древнихъ рукописей (Мекице Нирдамимъ) изъ средствъ г. предсѣдателя 145, и члена казначея 220, всего 365 руб. 3) Заключено условіе съ типографщикомъ г. И. Гольдманомъ въ Варшавѣ объ изданіи книги „Исторія Россіи“ на древнееврейскомъ языкѣ, составленной по заказу комитета г. С. Мандelькерномъ.

Г. *Сверхъ того комитетъ имѣлъ еще слѣдующія занятія:* 1) Ведены были переговоры съ предсѣдателемъ Одесскаго отдѣленія общества, присутствовавшимъ въ С.-Петербургѣ, о дальнѣйшей дѣятельности отдѣленія. Результатъ этихъ переговоровъ былъ тотъ, что отдѣленіе намѣревалось продолжать свои занятія, перенося ихъ на другую почву дѣятельности и измѣняя свою прежнюю программу, оказавшуюся нынѣ неудобовыполнимою. 2) По случаю минованія въ нынѣшнемъ году 25-ти лѣтъ существованія виленскаго раввинскаго училища, рѣшено назначить премію въ 100 р. за лучшее сочиненіе на русскомъ языкѣ о 25-лѣтней дѣятельности училища. О программѣ для этого сочиненія ведется переписка съ виленскимъ раввинскимъ училищемъ. 3) Было предпринято ходатайство объ утвержденіи устава общества поощренія трудолюбія между евреямъ въ Бѣлостокѣ, по слѣдующему случаю: образованный классъ евреевъ гор. Бѣлостока задумалъ учредить упомянутое общество съ цѣлію отдавать бѣдныхъ сиротъ къ мастерамъ для наученія ихъ полезнымъ ремесламъ. Учрежденіе это, кромѣ спеціальной цѣли уменьшить пролетаріатъ среди евреевъ, могшее имѣть общее значеніе для промышленнаго города, какъ Бѣлостокъ, встрѣтило себѣ сочувствіе у мѣстныхъ властей, изъ которыхъ самъ начальникъ губерніи вписался членомъ со взносомъ 50 р. въ годъ. Двукратное представленіе начальника края объ утвержденіи общества вызвало двукратный отказъ на томъ основаніи, что дѣятельность подобнаго рода учрежденія можетъ клониться къ усиленію обособленія и замкнутости евреевъ, и учредителямъ данъ совѣтъ, жертвуемыя деньги предоставить въ распоряженіе мѣстной ремесленной управы для употребленія по желанію жертвователей. Одинъ изъ учредителей, состоящій вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ нашего общества, обратился въ комитетъ съ просьбой принять на себя личное ходатайство по сему дѣлу. Комитетъ, взвѣсивъ

всю важность для евреевъ учрежденій подобныхъ бѣлостокскому, обратился отъ себя съ запискою, въ которой, доказывая, что учрежденіе такого рода, неимѣющее закрытаго характера заведенія, не можетъ повести къ отчужденію евреевъ отъ остального населенія, а должно имѣть одни только благія послѣдствія, просилъ объ утвержденіи устава бѣлостокскаго общества. Но ходатайство это отклонено на томъ основаніи, что вообще ходатайства подобнаго рода вовсе не входятъ въ кругъ дѣйствій комитета. 4) Состоялось намѣреніе учредить кассу для ссуды и вспоможенія еврейскимъ учителямъ, состарѣвшимся и потерявшимъ здоровье на службѣ, такъ какъ по существующимъ постановленіямъ они правомъ на полученіе пенсіи по выходѣ въ отставку не пользуются, хотя вычетъ въ пенсіонный капиталъ дѣлается съ нихъ въ продолженіе службы наравнѣ съ другими, и 5) Въ началѣ отчетнаго періода времени комитетъ обратился къ евреямъ съ воззваніемъ на русскомъ и еврейскомъ языкахъ; вслѣдствіе чего почувствовалось между евреями болѣе оживленное противъ прежняго стремленіе къ содѣйствію цѣлямъ общества. Оживленіе это обнаружилось въ томъ, что въ двухъ городахъ открываются частныя училища, одно мужское и одно женское; что въ четырехъ мѣстахъ учредились библіотеки или кружки для чтенія русскихъ книгъ, кои, конечно, поддерживаются комитетомъ по мѣрѣ возможности; и что изъ двухъ заграничныхъ раввинскихъ семинарій обратились въ комитетъ за учебниками русскаго языка.

Изъ членовъ комитета выступили бывшіе на очереди по минованіи трехлѣтія раввинъ д-ръ А. Нейманъ и д-ръ А. Я. Гаркави, которые тутъ же были вновь избраны большинствомъ голосовъ 13 противъ 2.

Наконецъ, былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ бюджетъ прихода и расхода общества на 1873 годъ.

М. Стасюлевичъ.